

Великая Отечественная: Неизвестная война

Марк Солонин



25 ИЮНЯ

Глупость или агрессия?



Предисловие

В конце 30-х годов 20-го столетия Советский Союз жил в ожидании войны — войны неизбежной и скорой.

24 февраля 1939 года, к очередной годовщине создания Красной Армии, главная правительственная газета «Известия» опубликовала большую статью под примечательным названием «Войны справедливые и несправедливые». Вывод, к которому подводили читателя, был предельно прост: любая война, которую поведет страна победившего пролетариата, будет справедливой. И вот почему: *«Защищая свою Родину и уничтожая неприятельские войска на той территории, откуда они пришли, Красная Армия помогает поработенным классам свергнуть власть буржуазии, освободиться от капиталистического рабства. Такая война вдвойне и втройне справедлива.»* Заканчивалась же статья такими словами: *«Советский народ знает, что предстоящая война будет весьма напряженной, ожесточенной. (никаких сомнений в том, что война будет, у авторов нет. — М.С.) И он сделает все необходимое, чтобы в союзе со всеми народами, в кратчайший срок и малой кровью положить конец фашистскому варварству, покончить с ним, покончить с тем строем, который порождает несправедливые войны»* [1].

Двумя месяцами позднее, выступая с речью на первомайском параде (День международной солидарности трудящихся отмечался в Советском Союзе военным парадом на Красной площади Москвы) нарком обороны К.Е. Ворошилов заявил дословно следующее: *«Советский народ не только умеет, но и любит воевать!»*

[2]. После таких слов не приходилось сомневаться в том, что партия Ленина–Сталина в самом ближайшем будущем предоставит советскому народу возможность доказать свою любовь и преданность на поле боя «весьма напряженной, ожесточенной войны». Вопрос был только в одном — с кого начать? Где, в каких краях Красной Армии предстоит «помочь поработенным классам»?

10 марта 1939 г. в Москве открылся 18-й съезд ВКП(б) Выступая с Отчетным докладом ЦК, Сталин заявил о том, что *«новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара, идет уже второй год»* [3]. В своей характерной манере Сталин четко и однозначно назвал три «агрессивные» и три «неагрессивные» государства. В первую тройку вошли Германия, Италия, Япония, во вторую — Англия, Франция, США. Делегаты съезда единодушно признали оценки и выводы товарища Сталина единственно верными и даже гениальными. Правда, уже 31 октября все того же злосчастного 1939 года глава советского правительства товарищ Молотов сообщил депутатам Верховного Совета СССР о том, что гениальные выводы радикально изменились: *«За последние несколько месяцев такие понятия, как „агрессия“, „агрессор“, получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл... Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция стоят за продолжение войны и против заключения мира»* [4].

Переходя непосредственно к теме данного исследования, отметим главное, а именно: Финляндия ни

разу не была упомянута — ни в списке агрессоров, ни в перечне коварных «неагрессивных государств». О ней, как о возможном военном противнике, уже давно забыли. 29 ноября 1938 г. на заседании Военного совета при НКО СССР товарищ Ворошилов в присутствии товарища Сталина говорил о том, что *«Польша, Румыния и всякие там Прибалтики, они уже у нас со счетов давным-давно сняты, этих господ мы в любое время при всех обстоятельствах сотрем в порошок»*. Стенограмма заседания констатирует, что эти слова наркома обороны СССР были встречены дружными аплодисментами [5].

Советская пресса также уделяла Финляндии крайне мало внимания. Перелистывая пожелтевшие страницы центральных газет 1939 г., мы обнаруживаем постоянные упоминания обоях в Испании и Китае, о военных приготовлениях Германии, Англии и США. о политических кризисах в Мексике, Румынии и Венгрии. На газетной полосе нашлось место для обсуждения экономического положения в Аргентине и в Чили, а также для заметки о «фашистских происках в Кении и Танганьике»! Какие-либо упоминания о Финляндии появлялись очень редко, причем (что весьма примечательно!) упоминания эти были по большей части совершенно позитивными: в финском кинотеатре состоялся просмотр советских фильмов, каковые всем собравшимся очень понравились; финская газета, комментируя очередную речь советского лидера, нашла ее мудрой и прозорливой и тому подобное. В целом позицию советской пропаганды по отношению к Финляндии можно было охарактеризовать словами «позитивное безразличие».

Да, разумеется, в 1935–1937 гг. в общих рамках искоренения «буржуазного национализма» в Советском

Союзе (главным образом в Карелии и Ленинградской области) была развернута кампания борьбы с «финским национализмом». Как и во всех подобных случаях, комфортно расположившихся в СССР руководителей компартии Финляндии арестовали и расстреляли как «агентов белофинской разведки», но такова уж тогда была общая практика «работы» органов НКВД со всеми эмигрантскими секциями Коминтерна. В любом случае антифинская кампания отнюдь не вышла на уровень общесоюзного мероприятия. Примечательно, что в ходе наиболее крупных процессов «большой чистки» 1937–1938 гг. обреченным предъявлялись обвинения в связях с германскими, японскими, польскими, французскими, латвийскими спецслужбами — но вовсе не с финляндскими!

Беда, как водится, пришла неожиданно. 3 ноября 1939 г. в «Правде» появилась статья, странная по форме и еще более удивительная по содержанию. Пространно и туманно говорилось о том, что Финляндия не желает укреплять дружбу со своим великим восточным соседом, упрямо отвергает миролюбивые предложения Советского Союза, идет на поводу у каких-то не названных, но всем известных «поджигателей войны». Заканчивалась же статья совершенно истерическим выкриком: *«Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой несмотря ни на что. Мы обеспечим безопасность СССР, не глядя ни на что, ломая все и всяческие препятствия на пути к цели»*. Нетрудно представить себе то крайнее удивление, которое могли вызвать подобные слова у рядовых советских граждан, большинство которых смутно представляли себе — где вообще находится эта самая Финляндия? Какая «игра»? Что за «картежники»? Куда теперь надо идти, не глядя

по сторонам и «ломая все на пути к цели»? И в чем эта «цель»?

Еще через три недели со страниц газет, из черной тарелки репродуктора выплеснулся поток дикой, погромной антифинляндской пропаганды. Иначе как «шутами гороховыми», «политическими шулерами» и «картежниками» руководителей Финляндии уже не называли. В последние предвоенные дни грубая газетная брань, нарастая от форте к фортиссимо, перешла в сплошной истерический рев: *«Проучить зарвавшихся вояк! Горе тем, кто станет на нашем пути! Пора обуздать ничтожную блоху, которая прыгает и кривляется у наших границ! Смести с лица земли финских авантюристов! Наступила пора уничтожить гнусную козявку, которая осмеливается угрожать Советскому Союзу!»* Лучшие советские поэты в экстренном порядке сочиняли стихи, например, такие: *«Коль бешеных собак идет стрелять боец, Ему народ вокруг охотно помогает, Шуты безумные найдут себе конец, Сгоревши на костре, который поджигают»* [40].

Вторжение в Финляндию было обставлено с небывалой крикливой театральностью — войска переходили границу в походных колоннах, с портретами Сталина и развернутыми знаменами. Восторженное самообольщение дошло до того, что уже 1 декабря 1939 года, на второй день войны, «Правда» без тени сомнения писала: *«Красная Армия сумеет нанести сокрушительный удар не только финляндской козявке, но и тем, за чьей спиной эта козявка прячется!»* В той же газете сообщалось, что «браковщица тов. Кукушкина», выступая на заводском митинге, выразила твердую уверенность в

том, что «белогвардейскому аду», в котором двадцать лет мучились финские рабочие, пришел конец...

Вот так, в стиле грубого площадного фарса, под визг и улюлюканье продажных писак, под аплодисменты обманутых и запуганных обывателей, начиналась страшная трагедия двух народов.

Запланированная Сталиным «маленькая победоносная война» превратилась в тяжелую, многолетнюю, кровавую бойню. Воевые действия между советской и финской армиями продолжались — с длительными перерывами — с 30 ноября 1939 г. по 5 сентября 1944 г. Без малого пять лет. Подписанный 19 сентября 1944 г. в Москве документ был лишь Соглашением о перемирии, что же касается мирного договора, формально-юридически завершившего войну между Финляндией и союзными державами (СССР, Великобританией и другими), то он был подписан 10 февраля 1947 г., а ратифицирован Верховным Советом СССР только 29 августа 1947 года.

Наиболее активные боевые действия продолжались в общей сложности не менее восьми месяцев: «зимняя война» (с 30 ноября 1939 до 13 марта 1940 г.), летняя кампания 1941 г. (с начала июля до конца октября), летняя кампания 1944 г. (с 10 июня до середины августа). Масштабы потерь Красной Армии в советско-финляндской войне ужасают. Точные цифры неизвестны по сей день (да и вряд ли смогут быть установлены в дальнейшем). Анализ сведений, приведенных в наиболее авторитетном и «консервативном» (в хорошем смысле этого слова) источнике [9], позволяет утверждать, что безвозвратные

потери советских войск — убитые, умершие от ран в госпиталях, погибшие в плену, пропавшие без вести — **составили более 200 тысяч человек.**

Все познается в сравнении. В многолетней войне с Японией (бои у озера Хасан в 1938 г., бои на Халхин-Голе в 1939 г., Маньчжурская наступательная операция 1945 г.) Красная Армия безвозвратно потеряла 21 тыс. человек [9], Сухопутные войска наших союзников (Англии, Канады, США) в боях за освобождение Западной Европы — от высадки в Нормандии до выхода на Эльбу — потеряли убитыми 156 тыс. человек [11]. С другой стороны, германский вермахт в ходе наступления на Западном фронте (май — июнь 1940 г.), закончившегося разгромом армий Франции, Бельгии и Голландии, потерял безвозвратно 49 тысяч человек [12]. Оккупация Норвегии (апрель — май 1940 г.), в ходе которой немецкие войска разгромили не только малочисленную норвежскую армию, но и экспедиционный корпус союзников, обошлась Германии в 3,7 тысячи погибших и пропавших без вести [65].

К несчастью, людские потери Советского Союза в войне с Финляндией отнюдь не исчерпываются потерями действующей армии. Блокада Ленинграда, унесшая жизни более миллиона человек мирного населения, стала возможна только вследствие поражения Красной Армии в летней кампании 1941 г., когда выход финских войск к Сортавала и Кексгольму (Приозерску) прервал железнодорожное сообщение Ленинграда с Вольшой землей в обход северного побережья Ладожского озера. Наконец, кроме поддающихся количественному учету прямых людских и материальных потерь, бессмысленная и беспощадная война с Финляндией нанесла Советскому Союзу косвенный, но от этого отнюдь не менее значимый

военно-политический урон. В декабре 1939 г. именно агрессия против Финляндии стала причиной исключения СССР из Лиги Наций, а бомбардировки финских городов советской авиацией привели президента США Рузвельта к принятию решения о распространении на Советский Союз режима так называемого морального эмбарго (запрет на передачу авиационных вооружений и технологий). Все это еще более усилило международную изоляцию СССР, а также создало дополнительные проблемы в советском авиапроме (в особенности — в производстве авиационных моторов, традиционно базировавшемся на использовании американских технологий), причем происходило это накануне большой войны, накануне тяжелейших испытаний, ожидавших Советский Союз...

Трудно, если не сказать невозможно, представить себе американца или канадца, который ничего не знает о том, что армия его страны в годы Второй мировой войны воевала в Западной Европе. Трудно и невозможно представить себе француза или англичанина, не знающего о том, что в 1940 г. Франция была оккупирована вермахтом, а летом 1944 г. освобождена войсками союзников, высадившихся в Нормандии. По числу человеческих жертв советско-финляндская война (как было показано выше) вполне сопоставима с военными кампаниями в Западной Европе, и тем не менее даже среди выпускников исторических факультетов советских университетов трудно найти человека, который сможет назвать хотя бы примерные даты начала и конца этой войны, назвать ее основные этапы и результаты. Что же касается рядовых граждан, не связанных по роду своей деятельности с изучением

военной истории, то среди них найти таких знатоков практически невозможно. И такая ситуация отнюдь не случайна.

В тоталитарном государстве право изучать и толковать события прошлого является исключительной привилегией правящей верхушки и ее пропагандистской прислуги. Именно поэтому история тоталитарного общества всегда непредсказуема. Для сталинско-брежневского руководства СССР финская война была тем эпизодом, который им меньше всего хотелось бы вспоминать. Ни в преступных замыслах кремлевских властителей, ни в позорных поражениях Красной Армии нельзя было найти достойный материал для «воспитания трудящихся в духе беззаветной преданности и любви к родной Коммунистической партии». Поэтому приказано было — забыть. Все и забыли.

На протяжении многих десятилетий война с Финляндией была для советского общества «затерянной», «неизвестной» (как сказал Твардовский — «незнаменитой») войной. За пол века не было снято ни одного художественного или документального кино- или телефильма, не учреждено ни одной медали для участников финской войны. В тех редчайших случаях, когда в художественной или документальной повести появлялось упоминание о боях на финском фронте к 1941—1944 годам, солдат противника без лишнего стеснения называли просто — «немецко-фашистские захватчики».

С другой стороны, тоталитарный режим требовал, чтобы в общих рамках «передовой социалистической науки и глубоко партийной культуры» существовала и

историческая наука. И хотя конечный вывод всякого исторического исследования был известен заранее — «Советский Союз был прав, потому что он прав всегда», — толстые, часто многотомные, книжки по военной истории писались и издавались. Применительно к освещению событий советско-финляндской войны была выработана, «высочайше» санкционирована и неуклонно соблюдалась **комбинация из следующих трех пунктов.**

Во-первых, говорить об этой войне как можно меньше. Если можно — вообще не упоминать о ней. В доступной широкому кругу читателей литературе возможно краткое обсуждение темы «зимней войны», но никогда не войны 1941–1944 годов.

Во-вторых, применительно к «зимней войне» называть и трактовать ее как сугубо локальный (по месту и задачам) «вооруженный конфликт на Карельском перешейке». В доступной широкому кругу читателей литературе (в частности, во всех школьных и вузовских учебниках) не допускать даже малейших упоминаний о секретном протоколе к «пакту Молотова–Риббентропа», о так называемом Народном правительстве Демократической Финляндии и прочих событиях и фактах, раскрывающих реальные намерения сталинского руководства путем сокрытия всех значимых документов (следует отметить, что даже нейтральные газеты 1939—1940 гг. были изъяты из открытого доступа во всех публичных библиотеках СССР) изобразить широкомасштабную агрессию в виде локальной оборонительной акции.

В-третьих, твердо, категорически, не допуская никакой критики, отвергать всякую связь между первым

(«зимняя война» 1939–1940 гг.) и последующими этапами войны. Общепринятый в западной историографии термин «война-продолжение» объявить зловещим измышлением антисоветских фальсификаторов истории. Боевые действия 1941–1944 гг. называть и трактовать исключительно и только как «участие финской армии в немецко-фашистской агрессии против СССР».

Глубокие общественно-политические перемены, произошедшие в Советском Союзе на рубеже 1980–1990 годов, создали качественно новую ситуацию для ученых-историков. Появился доступ к таким источникам документальной информации, о которых раньше не приходилось даже мечтать. Появилась возможность делать собственные, непредвзятые выводы и без оглядки на цензуру делиться этими выводами с научной общественностью. Вспоминая сегодня атмосферу конца 80-х годов, можно сказать, что общество замерло в ожидании глотка долгожданной исторической правды. Оправдались ли эти надежды? На этот вопрос очень трудно дать взвешенный и однозначный ответ.

Если судить по количеству публикаций на военно-исторические темы, то их «бумажный вал» превзошел самые смелые ожидания. Прилавки книжных магазинов сегодня завалены горами исторических исследований, мемуаров, фотоальбомов, сборников документов — и тем не менее каждый месяц российские издательства выбрасывают на рынок по несколько десятков (а то и сотен) новых наименований военно-исторической литературы. Увы, ситуация с качеством и научной добросовестностью тиражируемых книг отнюдь не радужная. Свобода слова и печати, так неожиданно обрушившаяся на Россию, порою

выражается в том, что совершенно некомпетентные люди при наличии денег или богатых спонсоров могут наполнять рынок своими графоманскими поделками. Дело дошло до появления такого невероятного жанра, как документальная фальшивка: печатаются «фотокопии» примитивно и грубо сфабрикованных «документов», издаются «дневники» никогда не существовавших «тайных советников Сталина», откуда-то появляются никому (включая ближайших родственников) не известные «мемуары» давно усопших людей... Говоря инженерным языком, «соотношение сигнал — шум» в современной российской историографии и исторической публицистике крайне неблагоприятное.

Оставляя за рамками данного обзора псевдоисторические сочинения, не создающие ничего, кроме «информационного шума», сосредоточим внимание на содержании «полезного сигнала». Не приходится отрицать значительные достижения в деле развития научной историографии советско-финляндской войны. Наиболее подробно разработаны вопросы, связанные с «зимней войной» 1939—1940 гг. Рассекречивание значительного массива архивных фондов позволило ввести в научный оборот документы, подробно описывающие как военно-политическую подготовку войны, так и ход боевых действий. Особый интерес представляют оценки и выводы, сделанные «по горячим следам» событий «зимней войны» высшим военно-политическим руководством СССР [20, 21]. На рубеже XX и XXI веков были изданы объемные сборники первичных документов [16, 17, 18]. Исключительно ценный материал, позволяющий точнее оценить цели и задачи сталинской политики в отношении Финляндии, содержится в многотомной серии документов внешней

политики Советского Союза, издаваемой Министерством иностранных дел РФ [19]. В эти же годы были переведены на русский язык и изданы мемуары видных политических деятелей Финляндии, работы известных финских историков [22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 32].

Радикальное расширение доступной историкам источниковой базы позволило создать ряд крупных монографических исследований [14, 29, 30, 31, 33, 34, 35]. Изучая эти работы, нельзя не отметить определенную парадоксальность мышления некоторых российских историков. Например, признавая тот факт, что финская армия мирного времени по численности личного состава была в 60 раз, по количеству боевых самолетов — в 100 раз и по количеству танков — в 350 раз меньше Красной Армии, они тем не менее заявляют, что *«военные приготовления Финляндии вызывали естественное беспокойство у правительства СССР»*. Другой автор объясняет это «беспокойство» следующим образом. *«В Москве к военной угрозе со стороны Финляндии относились весьма серьезно — в военном отношении это государство значительно превосходило Эстонию и Латвию»*. Что ж, этот список можно было бы и продолжить, добавив к нему Люксембург, Монако и княжество Лихтенштейн...

Начало «зимней войны» описывается такими словами: *«30 ноября 1939 г. войска Ленинградского ВО получили приказ отбросить финские войска от Ленинграда»*. Фраза построена так, как будто «финские войска» перешли границу, вторглись на советскую территорию и вышли к пригородам Ленинграда — после чего их и пришлось «отбрасывать»! Еще один характерный пример — абсолютно законное право руководства суверенной страны не подписывать договор,

условия которого, по единодушному мнению правительства и парламента, противоречат государственным интересам Финляндии, современный российский историк комментирует следующим образом: *«Демонстративная неуступчивость Финляндии и развернутая в мировой прессе кампания поддержки ее позиции не оставляли Москве иного выбора, кроме войны»*. Логика потрясающая: своей «неуступчивостью» жертва не оставила насильнику «иного выбора»?

Одним словом, точку в изучении истории «зимней войны» ставить еще рано. Многие вопросы (прежде всего — вопрос о подлинных мотивах, побудивших Сталина сначала начать войну, а затем прекратить ее, не достигнув ни одной из заваленных ранее целей) все еще остаются дискуссионными. И тем не менее огромное — в сравнении с советской историографией — продвижение вперед представляется очевидным и бесспорным.

Гораздо менее изученным остается тот этап советско-финляндской войны, который начался 25 июня 1941 г. и получил в финской историографии название «война-продолжение». Традиция тотального замалчивания имеет в этом случае давнюю историю. Начало было положено 65 лет назад Советским Информбюро, которое не сообщило советским людям ни о начале, ни (что совсем уже странно) о завершении этой войны! 26 июня 1941 г. в сводке Совинформбюро появилась одна-единственная фраза: *«На советско-финляндской границе боевых столкновений наземных войск 26 июня не было»* [36]. Даже глубокое знание советского пропагандистского «новояза» не позволит сделать из этой фразы вывод о том, что именно в этот день президент Финляндии Ристо Рюти официально заявил, что его страна вступила в войну с

СССР. В сентябре 1944 г. Совинформбюро не проронило ни слова о прекращении огня, достигнутом 4–5 сентября, и заключении Соглашения о перемирии 19 сентября.

Возвращаясь в лето 1941 г., мы обнаруживаем ровно ТРИ сводки Совинформбюро, в которых хотя бы появляется слово «финский» в каком-нибудь падеже:

- вечернее сообщение 29 июня: *«финско-немецкие войска перешли в наступление по всему фронту от Баренцева моря до Финского залива (применительно к событиям 29 июня это было явным преувеличением. — М.С.), стремясь прорвать наши укрепления по линии госграницы. Неоднократные атаки финско-немецких войск были отбиты нашими войсками»;*

- утреннее сообщение от 28 июля: *«Наша авиация бомбардировала также финский броненосец береговой обороны. Наблюдались прямые попадания 500 кг бомб и сильные взрывы»;*

- вечернее сообщение от 21 сентября: *«Финский броненосец береговой обороны „Ильмаринен“, атакованный нашими кораблями в Финском заливе, напоролся аминаы и затонул».*

И это — все. Никаких других сообщений за три месяца (июль, август, сентябрь 1941 г.) войны, в ходе которой Красная Армия потеряла 190 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, не было. Правда, в сводках Совинформбюро изредка появлялись предельно короткие упоминания о боях на «ухтинском, кексгольмском, петрозаводском направлениях», но на этих «направлениях» Красная Армия вела бои или с безымянным «противником» или с «германскими войсками».

По сей день в России не вышло ни одной серьезной монографии (подобной указанным выше крупным исследованиям «зимней войны»), в которой бы история войны 1941–1944 гг. стала предметом комплексного, непредвзятого исследования. Более того, **приоритет пропаганды над научным исследованием в последние годы даже усиливается**. Вероятно, это связано с общим изменением настроений в российском обществе, в котором «комплекс неполноценности», вызванный прогрессирующим отставанием страны — теперь уже не только от Западной Европы, но и от бурно развивающихся государств Азии и Латинской Америки, — причудливо переплетается с великодержавными, имперскими амбициями. В такой отравленной атмосфере критика сталинской внешней политики начинает восприниматься как «проявление русофобии», а знакомые еще с советских времен нетерпимость и агрессивное невежество дополняются несвойственной ранее даже коммунистической пропаганде словесной разнузданностью.

Приведем один, но достаточно характерный пример. В последние годы на страницах российских СМИ замелькало имя некоего «финского социолога» Йохана Бэкмана. Молодого (1972 г.р.) человека представляют читателям как *«признанного специалиста по России, который с 1993 года часто бывает в Санкт-Петербурге, где живет месяцами, занимаясь научной работой»*. В наиновейшем (вышел в свет в 2006 г. под редакцией В.Н. Барышникова) сборнике, посвященном истории советско-финляндских отношений, можно ознакомиться и с плодами этой «научной работы».

В своей статье Й. Бэкман требует, чтобы в основу изучения истории советско-финляндской войны было

положено *«признание того, что финны были фашистскими оккупантами, что Финляндия вела в Советской Карелии жестокую расовую войну, что оккупационному правительству чуждо было что-либо человеческое, а чудовищной целью являлось совместно с нацистской Германией стереть русских с лица земли»* [35]. Да, подобная риторика была бы вполне уместна во фронтовой дивизионной «многотиражке». На войне, как на войне — военная пропаганда во все времена строится на утверждении, что противнику «чуждо что-либо человеческое». Странно, однако, смотрятся подобные высказывания в научной публикации 2006 года. Примечательно и то, что «месяцами живущий в Санкт-Петербурге финский социолог» основал в Хельсинки «Институт Йохана Бекмана», под эгидой которого, в частности, вышла книга Н.И. Барышникова [39], содержащая пусть и не столь одиозные, но весьма далекие от научной объективности оценки и выводы.

Казалось бы, тесное сотрудничество российских и финских историков из двух соседних городов следует только приветствовать, если бы оно не развивалось по образцу старого анекдота, хорошо известного каждому, кто родился в СССР:

Встретились русский с американцем и начали спорить — у кого в стране свободы больше?

Вот я, говорит американец, могу выйти на лужайку перед Белым домом и орать во все горло: «Президент Америки дурак!» И мне за это ничего не будет.

Нашел, чем удивить, отвечает ему русский, я тоже могу выйти на Красную площадь в Москве и оратор: «Президент Америки дурак...»

Примеров такую «анекдота» в изучении истории финской войны немало. Хельге Сеппяля, профессиональный военный и военный историк, 18-летним юношей в качестве солдата финской армии оказался в оккупированном Петрозаводске, где он нес службу в 1942–1944 годах. Драматические переживания тех лет побудили господина Сеппяля к написанию книги под названием «Финляндия как оккупант» [27]. Появление книги Сеппяля (точнее говоря, крайне предвзятый и односторонний подход автора к исследуемой проблеме) стало в Финляндии причиной подлинного общественного скандала. В ходе презентации книги даже сотрудники полиции не смогли уберечь историка от разгневанных финских бабушек, ветеранов женской добровольческой организации «Лотта Свьярд» [35].

Казалось бы, именно российские историки могли во многом дополнить и уточнить исследование Х.Сеппяля. Прежде всего, принимая во внимание тот факт, что оккупированная финскими войсками территория была насильственно отторгнута от Финляндии в результате «зимней войны», следовало бы написать книгу под названием «Советский Союз как оккупант». Заслуживает внимания и вопрос о том, откуда вообще взялось «местное население», которое финские захватчики сгоняли с «родных мест» в 1941 году — если в лютую стужу зимы 1940 г. порядка 400 тыс. человек ушло с отступающей финской армией, а на «освобожденных территориях» осталось не более 2 тыс. местных жителей?

[41] Рассказы Сеппяля о тяжелых условиях жизни и мизерных продовольственных пайках следовало бы дополнить информацией об условиях жизни и величине пайков по другую линию фронта, в советской Карелии. Например, докладной запиской начальника УНКВД Карело-Финской Республики от 11 июня 1942 года:

«В течение мая с.г. населению Пудожского района выдавалось с большими перебоями по 200–300 г хлеба на человека. Других продуктов не выдавалось. Систематическое недоедание в течение двух месяцев создало массовое истощение значительной части населения, а на почве этого и рост смертности. В апреле с.г. по району умерло 238 человек, из них детей до одного года — 67 человек. В связи с такими явлениями в районе заметно снизилась трудовая дисциплина...» [49].

Наконец, объективное обсуждение финского оккупационного режима совершенно немислимо без учета того главного фактора, который и вызвал такие противоправные и негуманные действия финских военных властей, как насильственное переселение населения и создание лагерей для перемещенных лиц. Речь идет, разумеется, о так называемых карельских партизанах, т.е. о диверсионных отрядах НКВД, терроризировавших мирное население Финляндии и Карелии. Одним словом, фронт работ для российских историков огромный. Увы, пока же все ограничилось переводом на русский язык и публикацией книги Х. Сеппяля, каковая активно используется как сборник тенденциозных цитат.

Гораздо большая известность выпала на долю другой книги. Финский историк, научный сотрудник Финской академии, профессор Мауно Йокипии написал в

1987 году объемное, 700-страничное исследование, посвященное предыстории «войны-продолжения» [26]. Своей целью историк поставил выявить *«собственный вклад Финляндии в развязывание войны»*, о чем, по его мнению, *«финскому народу ни тогда, ни позднее не сообщалось»*. С огромным старанием и скрупулезностью профессор Йокипии собрал все факты и фактики, связанные с германо-финляндским военным сотрудничеством 1940–1941 гг. Выводы, к которым пришел автор монографии, сводятся к тому, что «в напряженной ситуации после начала „Барбароссы“ у Советского Союза в конце концов не выдержали нервы, и он первым нанес удар». Короче говоря, Финляндия в очередной раз «не оставила Советскому Союзу иного выбора»...

Можно спорить о том, соответствуют ли выводы Йокипии тем фактам, которые он же сам и собрал в своем исследовании. В частности, уже высказывалось мнение, что *«взгляд автора монографии на причины возникновения советско-финской войны 1941–1945 гг. полностью опровергается документарно-историческим материалом, подробно и добросовестно изложенным в его работе»* [42]. Следует отметить и очевидную противоречивость позиции историка. Явно осуждая действия финского руководства, он в то же время констатирует, что *«на германский путь встали не без колебаний — ему не было альтернативы»*. А если «альтернативы не было», то что же в таком случае является предметом дискуссии и, тем более, политической критики? Наконец, уже в 1993 г. все тот же М. Йокипии, полемизируя на страницах финской газеты «Keskisuomalainen» с советским историком Н.И. Барышниковым, заявил, что *«если бы не было в*

1939–1940 гг. „зимней войны“, то, по всей вероятности, в ходе немецкого наступления осенью 1941 г. на Ленинград в тылу его находилась бы нейтральная Финляндия и мирная граница по реке Сестра» [43].

Следует обратить внимание и на год издания книги (1987 г.), и неизбежно связанное с этим отсутствие у профессора Йокиппи доступа к той информации о планах и действиях советского военно-политического руководства, которая была рассекречена и введена в научный оборот в середине 90-х годов. Казалось бы, именно современным российским историкам следовало дополнить картину событий последних мирных месяцев 1941 года теми фактами, которые «советскому народу ни тогда, ни позднее не сообщались». Более того, как раз приглашением к такому сотрудничеству профессор Йокиппи и закончил свою книгу: *«Обсуждение того сложного времени, конечно же, на этом не заканчивается... Третий масштабный этап, базирующийся на открывающихся архивах России, еще впереди... Лишь неподкупная память может помочь народам, строящим свое будущее на фундаменте прошлого. Это, конечно же, в равной мере относится ко всем сторонам прежнего конфликта» [26].*

«Неподкупная память...» Остается только удивляться простодушной наивности западных историков, которые никак не могут (не хотят?) понять простой факт: их нынешние российские «коллеги», к которым они обращаются со словами «господин профессор», никакие не «господа», а самые настоящие «товарищи», испытанные бойцы «идеологического фронта партии», ставшие «профессорами» на кафедрах марксизма-ленинизма и истории КПСС.

Призыв профессора М. Йокипии был ими «услышан» следующим образом. В год выхода книги на нее никто в СССР особого внимания не обратил. Советская историография не нуждалась тогда в «сборнике компромата» на внешнюю политику Финляндии — и без того «все знали», что Финляндия виновата во всем. Ситуация изменилась через 10 лет, когда в постперестроечной России стала возможной публичная дискуссия о роли сталинской империи в развязывании Второй мировой войны. В 1999 году монографию М. Йокипии вспомнили, перевели и издали нерусском языке. Предвзятость проявилась уже на обложке, в том, как было переведено название книги. «Jaikosodan synty» дословно означает «рождение (возникновение, создание) войны-продолжения». Но поскольку в советской историографии и использовании термина «война-продолжение» приравнивалось к акту «идеологической диверсии», название книги Йокипии перевели как «Финляндия на пути к войне». В конечном итоге монументальный труд М. Йокипии разодрали на «цитаты», предвзятое использование которых «украшает» ныне едва ли не каждую публикацию, посвященную теме 25 июня 1941 г.

Дальше — больше. В 2003 г. профессор В.Н. Барышников (сын вышеупомянутого Н.И. Барышникова) издал книгу под названием «Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941» [44]. По общей направленности книга представляет собой развернутое на 326 страниц «обвинительное заключение по делу Финляндии», в котором обильно цитируемые фрагменты из работ Йокипии и Сеппяля гармонично дополняются воспоминаниями бывшего резидента сталинской разведки Е. Синицина. Например, приводится

подслушанный в здании финляндского представительства в Москве разговор, участники которого *«высказывались довольно определенно, что в случае нападения Германии на Советский Союз Финляндия не будет на русской стороне»*. Очень интересно. Начальники тех, кто устанавливал «жучки», рассчитывали на что-то другое? Они надеялись на то, что ограбленная и изнасилованная Финляндия бросится спасать насильника? Но что самое удивительное — три года спустя все тот же В.Н. Барышников написал, что *«финляндского руководства не оставалось других вариантов политического развития, кроме как пойти по пути военно-политического сотрудничества с Германией»*. [35].

В целом же ситуацию, сложившуюся в современной российской историографии «войны-продолжения», можно обрисовать таким образным сравнением. Представим себе телевизионный репортаж о поединке двух боксеров, из которого методами компьютерной графики (техника сегодняшнего дня это вполне позволяет) убрали одного из участников. Что же мы увидим на экране? Здоровенный детина с перекошенным от необъяснимой злобы лицом прыгает в нелепой позе по рингу и при этом машет кулаками в уродливых перчатках... Именно так изображаются действия финских руководителей в последние предвоенные месяцы: они все время мечутся, едут то в Берлин, то в Зальцбург, то в Киль, ведут тайные переговоры с немецкими генералами, начинают скрытую мобилизацию... Что же при этом делает ВТОРАЯ СТОРОНА будущего конфликта? Она занята исключительно «мирным созидательным трудом»?

Задача данного исследования состоит в том, чтобы «вернуть на ринг второго боксера». При этом

автор ни в малейшей мере не претендует на роль арбитра, и уж тем более — на роль «прокурора», решающего, были ли действия руководства Финляндии адекватными реальной угрозе, или оно (руководство) вышло за рамки необходимой самообороны. Более того, «финская составляющая» вопроса будет рассмотрена лишь в самой малой степени. И не только потому, что российскому историку естественнее и проще заниматься изучением документов истории своей страны, составленных на русском языке. Просто в паре СССР — Финляндия роль ведущего неизбежно принадлежала огромной 200-миллионной мировой державе, в то время как Финляндия могла лишь более-менее успешно реагировать на действия своего могучего соседа. В той же пропорции, вероятно, должны распределяться и усилия российских исследователей. В противном случае мы оказываемся в ситуации, о которой две тысячи лет назад было сказано: «Лицемер! Что ты ищешь соринку в глазу брата своего, а бревно в своем глазу не замечаешь?»

Из всего огромного многообразия вопросов, связанных с историей советско-финляндского противостояния в 1940–1941 гг., в данной работе будет рассмотрена лишь малая их часть, а именно: стратегическое планирование, оперативное развертывание и боевые действия Красной Армии в первые недели войны (июнь–июль 1941 г.). Особое внимание будет уделено событиям 25 июня 1941 г., т.е. тому массированному удару советской авиации по объектам Финляндии, который и послужил поводом к объявлению войны. Не пытаюсь объять необъятное, автор, тем не менее, счел необходимым дополнить основной материал кратким, конспективным изложением

истории советско-финляндских отношений 1918–1939 гг. и столь же кратким обзором хода боевых действий «зимней войны» и летней кампании 1944 г. Все это позволит включить драматические события лета 1941 г. в общий исторический контекст.

Выбор именно такого, «военного» угла зрения, имеет две причины. Первая связана с характером использованных автором источников — это, главным образом, документы военных архивов: Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО, г. Подольск) и Российского Государственного военного архива (РГВА, г. Москва).

Вторая причина заслуживает более подробного пояснения. Дело в том, что советско-финская война, начавшаяся 25 июня 1941 г., происходила в рамках другой, большой войны, являясь ее неотъемлемой составной частью. Красная Армия, которая в июле 1941 г. вела боевые действия в Карелии, — это та же самая армия, с тем же вооружением, тем же командным составом, той же системой боевой подготовки, что и разгромленные летом того же 1941 года армии Прибалтийского, Западного и Киевского военных округов. Причины их разгрома по сей день остаются в центре ожесточенной научной и общественной дискуссии. Как известно, чаще других называются следующие причины:

- внезапное нападение противника;
- неотмобилизованность частей и соединений войск западных округов;
- техническое превосходство вооружений немецкой армии и авиации;

- первый и внезапный удар по аэродромам базирования советской авиации, позволивший германским ВВС сразу же захватить господство в воздухе;

- двухлетний опыт ведения современной войны, накопленный вермахтом и люфтваффе к моменту вторжения в СССР.

Не будем сейчас отвлекаться на обсуждение достоверности этих тезисов. Ряд современных российских историков (в том числе и автор данной книги) подробно и аргументированно показали ошибочный, если не преднамеренно лживый, характер этих утверждений [47, 48]. Для целей данного исследования гораздо важнее другое. Если мы посмотрим на весь вышеперечисленный перечень «причин» катастрофического разгрома Красной Армии, то мы обнаружим, что ни один из этих факторов не может быть применен к описанию хода боевых действий (т.е. поражения Красной Армии) на «финском фронте». Ни один.

Боевые действия начала советская сторона, причем начала как раз внезапным авиаударом по финским аэродромам. Активная фаза боевых действий наземных войск началась в первых числах июля, т.е. через 10 дней после объявления в СССР открытой мобилизации (не говоря уже о скрытой мобилизации и развертывании войск Ленинградского ВО. о чем пойдет речь далее). Не приходится даже говорить о каком-либо «техническом превосходстве» нищей финской армии. Что же касается «опыта ведения современной войны», то обе противостоящие стороны приобретали его в одно и то же время и в одном месте — на заснеженных полях сражений «зимней войны» 1939–1940 гг.

Таким образом, **изучение хода боевых действий на финском фронте дает нам уникальную возможность взглянуть на Красную Армию образца 1941 года в благоприятнейших для нее условиях:** заранее отмобилизованные войска начинают боевые действия в выбранный ими момент, по планам собственного командования, против противника, значительно уступающего в технической оснащённости. Можно сказать, что анализ реальных событий финской войны может послужить в качестве «машины времени», позволяющей ответить на сакраментальный вопрос советской истории: «А что было бы, если бы внезапного нападения немцев утром 22 июня 1941 г. не было?»

Прежде чем перейти, наконец, к изложению основного материала, остается только определиться с терминами.

Во избежание обвинений в предвзятости автор предлагает использовать в дальнейшем для обозначения событий июня-ноября 1941 г. абсолютно нейтральное, безоценочное определение: «2-я советско-финская война». Соответственно, боевые действия лета 1944 года будут называться «3-я советско-финская война». Таким образом, настоящее исследование посвящено истории начала 2-й советско-финской войны.

Принятый и устоявшийся в отечественной исторической литературе термин «финская» (финская армия, финская война, финская авиация) будет использован и в этой книге. Но при этом не следует забывать о том, что политически корректным и исторически правдивым был бы термин «финляндский» (Финляндия — страна двуязычная, и в ее армии, кроме

финнов, воевали граждане многих национальностей, а в дни «зимней войны» — и многочисленные иностранные добровольцы).

Определенные сложности создают и метаморфозы топонимики театра военных действий. На момент начала 2-й советско-финской войны большая часть территории Карельского перешейка входила в состав Карело-Финской ССР. На всей территории К-ФСР были сохранены прежние (финские) географические названия, поэтому, читая документы командования Ленинградского военного округа, мы видим россыпь труднопроизносимых финских топонимов. После окончания 3-й советско-финской войны весь Карельский перешеек был передан в состав Ленинградской области, и его топонимика и 1949 году была радикально «русифицирована». Кексгольм превратился в Приозерск, Койвисто — в Приморск, Энсо — в Светогорск, Антреа — в Каменногорск и т.д. Примечательно, что на Онежско-Ладожском перешейке (т.е. в административных границах нынешней Карельской АССР) Вуонтеленмяки, Питкяранта, Найстенъярви и прочие места остались при своих исконных названиях.

В настоящей книге принята следующая система: географические названия будут всегда приводиться в том виде, как они были указаны в оригинальных документах, с указанием современных названий в скобках. Под словами «Приладожская Карелия» будет пониматься территория северо-восточного побережья Ладожского озера (Сортавала, Питкяранта, Олонец) и Онежско-Ладожского перешейка (Лоймола, Суоярви, Петрозаводск). Территория к северу от Онежского озера (Медвежьегорск, Реболы, Кемь, Кестеньга) будет называться Беломорская Карелия. Треугольник суши

между Финским заливом и западным берегом Ладожского озера (Выборг, Кексгольм, Ленинград) будем называть так, как он и назывался в документах советского командования: Карельский перешеек или сокращенно — Карперешеек.

Своим приятным долгом автор считает выразить искреннюю благодарность за разностороннюю помощь в работе друзьям и коллегам: Е. Балашову, А. Завальному, Л. Лурье, М. Мельтюхову, Л. Наумову, М. Поваляеву, А. Степанову, С. Тиркельтаубу, А. Хенинену (A. Heninen), М. Шаули.

Важную роль в создании книги оказали творческая дискуссия и документальные материалы, предоставленные К.Ф. Геустом (C.F. Geust), которому автор выражает глубочайшую признательность.

В книге использованы документы и материалы, собранные в результате многолетнего труда ведущими и составителями интернет-сайтов: «Военная литература» (militera.lib.ru), «Мехкорпуса РККА» (mechcorps.rkka.ru), «Уголок неба» (airwar.ru), «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» (rkka.ru), «Солдат» (soldat.ru), «Вторая мировая война» (weltkrieg.ru), www.ilpilot.narod.ru, www.eismeerfront.com, www.battlefield.ru, www.depvladimir.narod.ru.

Часть 1

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Глава 1.1

ФИНЛЯНДИЯ, КАРЕЛИЯ, РОССИЯ

Взаимное и по большей части мирное сосуществование восточнославянских и финно-угорских народов имеет долгую историю. Многие уже забыто, затеряно во мгле веков. Мало кто сегодня вспомнит о том, что глухие муромские леса, в которых посвистывал лихой Соловей-разбойник из старинных русских былин, получили свое название от финского племени мурома. А Чудское озеро, на берегах которого русский князь Александр Невский совершал свои ратные подвиги, названо по имени финского племени чудь. Да и топоним «Москва», по мнению большинства специалистов, имеет финское происхождение. Что же касается межгосударственных отношений России и суверенной независимой Финляндии, то они, на удивление, молоды — им нет еще и 100 лет. До 1917 года территория традиционного расселения народа *суомалайсет* (народ Суоми), который сформировался в начале 2-го тысячелетия новой эры на основе слияния племенных групп сумь, емь, корела, входила в состав шведского королевства, а позднее — Российской империи. Древнейшая из достоверно известных границ была установлена Орешковецким мирным договором 1323 года, заключенным между Великим Новгородом и

Швецией. Согласно этому договору южная и восточная части Карельского перешейка (с городом Корела, он же Кексгольм, он же Кякисалми, он же нынешний Приозерск) признавались новгородскими землями.

Первый шаг на долгом пути завоевания Финляндии сделал Петр Первый: длившаяся 21 год на огромных пространствах от Балтики до Полтавы война между Россией и Швецией (так называемая Северная война) закончилась в 1721 году подписанием Ништадтского мирного договора, по которому Карельский перешеек (в примерных границах современной Ленинградской области) отошел к России. Многолетняя опустошительная война в равной мере разорила и русские, и финские земли: четверть крестьянских хозяйств Финляндии оказались заброшенными, да и России «славная эпоха царя-реформатора» стоила сокращения населения на одну треть... Новая череда русско-шведских войн, которые вели полунемцы и немки, сменявшие друг друга на русском престоле, закончилась в 1809 году включением всей территории современной Финляндии в состав Российской империи. Правда, условия и порядок этого включения был весьма нетрадиционным. Финские земли вошли в состав империи как единое целое, получившее звучное название «Великое княжество Финляндское». И хотя титул Великого князя Финляндского достался императору российскому, сама Финляндия получила права широкой автономии.

На первом заседании Собрания представителей 4 сословий (сейма Финляндии) в городе Порвоо был зачитан специальный манифест, в котором Александр I торжественно провозгласил особые милости: Финляндия сохраняла свое лютеранское вероисповедание, свои прежние (т.е. шведские) законы, судебную систему и

местное самоуправление. Вводить новые законы или изменять прежние царь обещал только с согласия сейма. Административная автономия дополнялась экономической: Финляндия имела отдельную таможенную, отдельные от общероссийского бюджет и налоговую систему, а с 1878 г. и свою отдельную денежную систему. Конкретное наполнение всех этих автономных прав реальным содержанием непрерывно менялось в соответствии с изменениями внутренней и внешней политической конъюнктуры. С 1820 по 1863 г. сейм не собирался ни разу, в 1850 г. был введен запрет на издание книг на финском языке (кроме сельскохозяйственной и религиозной литературы). Эпоха либеральных реформ 60-х годов значительно изменила ситуацию в Финляндии: школьная реформа (1866 г.) ликвидировала церковный контроль над начальным образованием и ввела обучение на финском языке; новый Устав сейма (1869 г.) установил периодичность обязательных созывов сейма (один раз в 5 лет, а с 1882 г. — раз в 3 года); городская реформа (1873 г.) установила выборность органов местного самоуправления.

Политическая реакция эпохи царствования Александра III также не замедлила сказаться на Финляндии. В феврале 1899 г. специальным манифестом российский император присвоил себе право издавать обязательные для Финляндии законы без согласия сейма. Активную политику, направленную на практически полную ликвидацию автономных прав и насильственную русификацию Финляндии, проводил генерал-губернатор Бобриков, оставивший по себе долгую и недобрую память. Сорок лет спустя в припеве знаменитой финской песни военных лет рефреном повторялась фраза: «*Нет,*

Молотов, нет, Молотов! Ты врешь даже больше, чем Бобриков...» Революция 1905 года радикально изменила ситуацию как в России, так и в Финляндии. 22 октября Николай II вынужден был подписать манифест об отмене всех законов царского правительства, принятых после февраля 1899 г. без согласия сейма. 20 июня 1906 г. был принят новый Устав сейма Финляндии, предусматривавший ликвидацию системы сословного представительства и создание однопалатного парламента, избираемого на основе всеобщего прямого равного избирательного права всеми гражданами с 24-летнего возраста. Стоит отметить, что уже на парламентских выборах 1907 года финские социал-демократы получили 80 мест из 200, а на выборах в 1916 г. больше половины — 103 места из 200. Народ, национальный характер которого стал синонимом спокойствия и хладнокровной рассудительности, сделал выбор в пользу социального прогресса в рамках законности и порядка, в то время как по другую сторону границы стремительно росли экстремистские настроения (как известно, на первых и единственных выборах в Учредительное собрание России оглушительную победу получили левые радикалы — эсеры и большевики, — собравшие вместе более четырех пятых голосов избирателей).

Не оставалась неизменной в XIX веке и линия административной границы Великого княжества Финляндского.

В 1811 году Выборгская губерния (т.е. Карельский перешеек) была передана в состав Финляндии. В 1864 году император Александр II решил еще раз подкорректировать границу и передал городок Сестрорецк (в 30 км от Санкт-Петербурга) на территорию

России, причем в полном соответствии с позднейшей советской формулой «в ответ на многочисленные пожелания трудящихся» (*«мастеровые и прочие жители принадлежащего казне Российской Сестрорецкого Оружейного завода суть российские подданные и незнакомы с языком и законоположениями Финляндии»*). Тогда же городок Печенга (Петсамо) с его укрытыми под вечной мерзлотой кладовыми никеля был включен в состав Финляндии. Вся эта история не может не вызвать ассоциации с деяниями Никиты Хрущева, который одним росчерком пера передал полуостров Крым из одной части советской империи (РСФСР) в другую (УССР), ни на минуту не задумавшись о том, что все империи не вечны...

Российская империя рухнула в конце 1917 г., не выдержав напряжения кровопролитной мировой войны и внутренней смуты. В условиях нарастающего хаоса в России финский парламент 6 декабря 1917 принял декларацию об объявлении Финляндии независимым государством. 31 декабря (здесь и далее все даты приведены по новому календарю) 1917 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР признал независимость Финляндии, 4 января 1918 постановление СНК было утверждено ВЦИК. Легкость и быстрота, с которой правительство Ленина решило многовековой вопрос создания суверенного финляндского государства, не были случайными. Они полностью соответствовали тому курсу на возможно более полное разрушение всех государственных структур Российской империи, который захватившие власть большевики проводили по всем направлениям. И в этом смысле лозунг «право наций на самоопределение вплоть до отделения» ничуть не уступал по эффективности совершенно уже гениальному

«грабь награбленное» Ленин отчетливо понимал, что наступило «время разбрасывать камни», и чем больше и дальше их разбросают, тем легче будет ему удержать власть на остающемся под его контролем центральном плацдарме. *«Вопрос о том, как определить государственную границу теперь, на время — ибо мы стремимся к полному уничтожению государственных границ — есть вопрос не основной, не важный, второстепенный. С этим вопросом можно подождать и должно подождать»* (В.И. Ленин, ПСС, т. 40, стр. 43). *«Для интернационалиста вопрос о границах государств есть вопрос второстепенный, если не десятистепенный... Важны другие вопросы, важны основные интересы пролетарской диктатуры»* (В.И. Ленин, ПСС, т. 40, стр. 19).

Эта хитрая «диалектика» представляла собой ключ (правильнее сказать, воровскую отмычку) при помощи которого позднее было успешно произведено обратное «собираение камней». Обеспечение «основных интересов пролетарской диктатуры» требовало, само собой, расширения территории и приумножения народонаселения, находящегося под властью «диктатуры пролетариата», каковая диктатура находила свое наиболее адекватное и полное выражение в диктатуре единственной истинно пролетарской партии, т.е. партии самого Ленина (вскоре эта партия стала вполне официально именоваться «партией Ленина — Сталина»). А постольку, поскольку «вопрос о границах государств есть вопрос десятистепенный», то и расширять территорию «первого в мире государства рабочих и крестьян» можно и должно было, не обращая никакого внимания на устаревшие, «временные» границы других государств. Во всей этой безупречной схеме был

один-единственный изъян: другие страны и народы еще не прониклись революционной пролетарской сознательностью и поэтому не были готовы игнорировать свои границы и свои государственные интересы. Для преодоления этой «несознательности» и была создана Рабоче-крестьянская Красная Армия, в которую уже к 15 июня 1920 г. было принудительно мобилизовано 6,7 млн. человек (9. стр. 44). Опираясь на такую подавляющую военную мощь. Советская Россия к концу 1921 г. помогла установить подлинную «пролетарскую диктатуру» — т.е. оккупировала территорию и ликвидировала национальные органы власти — в Украине, Грузии, Армении и во всех прочих больших и малых «республиках», независимость которых Ленин с легкостью необыкновенной признавал в 1917–1919 гг.

По всей логике событий, такая же судьба ждала и независимую Финляндию. Более того, если Армению, Бухару или какую-нибудь «Семиреченскую республику» от Центральной России отделяли многие тысячи километров, то Финляндия была совсем рядом с главным центром большевистской диктатуры, революционным Петроградом, а в Гельсингфорсе (Хельсинки) бесчинствовали толпы матросов Балтийского флота, пьяных от спирта, кокаина и вседозволенности. Всего на территории Финляндии в связи со все еще продолжающейся мировой войной находилось не менее 40 тыс. российских солдат и матросов. Анархия, в пучину которой к концу 1917 г. окончательно погрузилась русская армия, несомненно, снижала значимость русских войск в Финляндии как боевой единицы — зато это был прекрасный источник «бесхозного» вооружения и «активистов» для формирующейся Красной гвардии, численность которой к концу января составляла уже 30

тыс. человек [22]. Руководство финской социал-демократической партии находилось в полной растерянности, повторяя таким образом трагический опыт русских «меньшевиков». В ночь на 28 января 1918 г. в Хельсинки началась революция. В первые часы события развивались в полном соответствии с петроградским Октябрьским образцом: отряды Красной гвардии начали с захвата банков, мостов и вокзалов, правительственных учреждений. За несколько дней мятежники поставили под свой контроль столицу и основные центры южной промышленно развитой части страны: Турку, Тампере, Выборг. Законное правительство, сформированное парламентом 26 ноября 1917 г., вынуждено было бежать на север, в крестьянские районы Финляндии.

Такое развитие событий нашло горячую поддержку в советской России. В помощь Красной гвардии Финляндии шли эшелоны с оружием и моряками-балтийцами. Для наступления на Карельском перешейке, с рубежа реки Вуокси. в Петрограде были сформированы отряды Красной гвардии численностью 10 тыс. человек. Номинальным командующим «всеми вооруженными силами Финляндии» числился бывший прапорщик Ээро Хаапалайнен, но фактически финской Красной гвардией командовал полковник русской армии Свечников. Разнообразная военная помощь была дополнена помощью политико-дипломатической: 1 марта 1918 г. в Петрограде с руководителями вооруженного мятежа был подписан «Договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой». В числе «уполномоченных представителей», подписавших этот договор, был и И. Джугашвили-Сталин. Именно так была записана фамилия

будущего владыки советской империи. Еще одна интересная деталь — в п. 18 Договора право разрешения всех возникающих между советской Россией и «социалистической Финляндией» разногласий передавалось такому авторитетному третейскому суду, *«председатель коего назначается прошением шведской левой социал-демократической партии»* [37]. Все, казалось, шло к тому, чтобы в положенный час «социалистическая рабочая Финляндия» вошла в «братскую семью советских республик». Но этого не произошло. Почему? Едва ли история позволяет найти точные и однозначные ответы на подобные вопросы. Но одну из многих причин мы можем назвать по имени. Имя это будет непривычно длинным для русского слуха: Карл Густав Эмиль барон Маннергейм.

Об этом человеке, оставившем столь яркий след на многих событиях бурного и безумного XX века, написаны тысячи книг и статей. Многие из них переведены на русский язык, например [68, 69]. Самый яркий литературный памятник Маннергейм воздвиг себе сам, написав свои знаменитые «Мемуары» [22]. Не пытаюсь объять необъятное, отметим лишь несколько важных для нашего исследования моментов из феерической истории жизни К.Г. Маннергейма.

Он родился 4 июня 1867 г в родовом имении шведских баронов Маннергеймов на юго-западе Финляндии, недалеко от Турку. Прадед будущего маршала, Карл Эрик Маннергейм в 1807 г. возглавлял делегацию, которая успешно провела в Санкт-Петербурге непростые переговоры об условиях перехода Финляндии от Швеции к Российской империи. Отец будущего маршала, барон Карл Роберт Маннергейм женился на Элен фон Юлин — дочери шведского промышленника

(вероятно, немецкого происхождения). В их семье родилось семеро детей. Родным языком Карла и Элен был шведский, но, желая дать детям блестящее европейское образование, они постоянно разговаривали с ними на английском и французском языках. На родной и привычный шведский разрешалось перейти лишь по воскресеньям! Финский язык будущий маршал и президент Финляндии выучил уже в зрелом возрасте как иностранный и говорил на нем с заметным акцентом до конца своих дней (его мемуары были написаны на шведском и переведены на финский). Дворянское звание и родовое поместье отнюдь не обеспечили юному Карлу Густаву безбедного существования: его отец, разорившись в пух и прах на неудачных коммерческих операциях, в 1880 году уехал с любовницей в Париж, бросив семью без средств к существованию. Не выдержав такого потрясения, в следующем году умерла мать, и 14-летний мальчик остался фактически сиротой. Родственники пристроили Карла Густава в кадетское училище скорее всего потому, что обучение и содержание там было бесплатным.

Из кадетского училища в Хамине будущего маршала выгнали за безобразное поведение и самовольные ночные походы в город. В 1887 году, выучив за один год русский язык, Карл Густав поступил в престижную Николаевскую кавалерийскую школу в Петербурге. В столице империи высокий, красивый, разнообразно одаренный отпрыск шведского баронского рода сделал головокружительную карьеру. Через два года после окончания военной учебы в 1891 г. он был зачислен в элитный лейб-гвардии кавалерийский полк, и на церемонии коронации Николая II в 1896 г. Маннергейм гарцевал верхом во главе торжественной процессии. Как

и положено блестящему аристократу, Маннергейм был большим знатоком и ценителем породистых лошадей. Эта страсть, а также и широкие связи в высшем свете позволили Густаву Карловичу (именно так его имя писалось в России) в возрасте 30 лет получить высокую должность в управлении царских конюшен. Он лично закупал скаковых лошадей для царской семьи и даже удостоился в связи с выполнением этих поручений аудиенции у германского императора Вильгельма. Когда началась Русско-японская война, Маннергейм добился отправки в действующую армию. С японского фронта лейб-гвардии ротмистр вернулся в чине полковника. В 1906 г. Генеральный штаб поручил барону Маннергейму возглавить секретную экспедицию, которая должна была под видом этнографических исследований изучить китайско-тибетский театр военных действий. Экспедиция продолжалась два года, а после ее успешного завершения Маннергейм был удостоен аудиенции у российского императора, которая вместо установленных 20 минут продолжалась более полутора часов. Начало Первой мировой войны Маннергейм встретил в звании генерал-майора и должности командира лейб-гвардии Его Величества Варшавской кавалерийской бригады, в 1916 году, уже в звании генерал-лейтенанта, он командует конным корпусом в армии Брусилова.

В общей сложности 30 лет шведский барон прослужил верой и правдой в русской армии. Вероятно, его можно назвать русским генералом на тех же основаниях, по которым в многонациональной Российской империи русскими считались полководец Багратион, мореплаватель Крузенштерн, писатель фон Визин, языковед Даль, художник Левитан, министр Витте. В любом случае, генерал Маннергейм был ничуть не

менее «русским», нежели член ЦК партии большевиков И. Джугашвили (Сталин). Глубокая, искренняя и непреходящая ненависть Маннергейма к большевикам не имела ничего общего ни с финским шовинизмом, ни, тем более, с какой-либо формой русофобии. Да и о какой русофобии можно было говорить, принимая во внимание национальный состав большевистского руководства, составленного по большей части из евреев, грузин, поляков, латышей, венгров...

Портрет Маннергейма стал бы гораздо более привлекательным по меркам XXI века, если бы мы могли сказать, что только глубокие демократические убеждения генерала отвратили его от тоталитарной идеологии и практики коммунизма. Но это будет неправдой. Глубокая неприязнь, которую Маннергейм испытывал к российским большевикам, а затем к германским фашистам, была не чем иным, как естественным со стороны блестящего аристократа неприятием незаконной власти разнузданной черни. По своим политическим взглядам барон Маннергейм был скорее сторонником «просвещенной» конституционной монархии, нежели парламентской демократии, а «свобода», о которой он часто говорит в своих мемуарах, понималась им (на наш взгляд) как свободно взятая на себя обязанность аристократической элиты заботиться о благе общества. Так, как она (элита) это благо понимает. Но вот именно готовности к активному и, если потребуется, жертвенному исполнению аристократией своего долга перед Родиной и не увидел Маннергейм в охваченной революционным безумием России. Его попытки организовать русских офицеров для отпора волне солдатской анархии наткнулись на стену равнодушия и трусости. В декабре 1917 г. Маннергейм уезжает (как

оказалось, навсегда) из России. В Финляндию он приехал, «освободившись» от всего движимого и недвижимого имущества, с русским ординарцем и портретом Николая II, каковой портрет неизменно стоял на его рабочем столе. Ознакомившись с положением дел в стране, Маннергейм пришел к обнадежившему его выводу: *«наша страна обладала более широкими возможностями для спасения культуры и общественного строя, чем Россия. Там я наблюдал только отсутствие веры и пассивность, на Родине же я ощутил неизбывное стремление людей сражаться за свободу»* [22].

Правительство Свинхувуда поручило русскому генералу Маннергейму создать (практически на пустом месте) регулярную армию, которая могла бы противостоять финской и российским отрядам Красной гвардии, и шведский барон взялся за это дело, вложив в него весь свой огромный военный опыт и страстность недюжинного характера. Один из приказов Маннергейма (отданный по иронии судьбы 23 февраля 1918 г., в день, который в Советском Союзе будет назван «Днем Советской армии») звучал так: *«... Ленинское правительство, которое одной рукой обещало Финляндии независимость, другой послало свои войска и своих молодчиков завоевывать, как они сами объявили, Финляндию обратно и кровью подавлять с помощью нашей Красной гвардии молодую свободу Финляндии... Нам не нужно принимать, как милостыню, землю, принадлежащую нами связанную с нами кровными узами, и я клянусь именем финской крестьянской армии, главнокомандующим которой я имею честь быть, что я не вложу меча в ножны, прежде чем законный порядок не воцарится в стране, прежде чем все укрепления не будут в наших руках, прежде чем последний ленинский солдат*

и бандит не будет изгнан как из Финляндии, так и из Беломорской Карелии...» [37].

Еще один важный для нас момент — это старательно тиражируемый советской (да и постсоветской) историографией тезис о германофильстве Маннергейма и якобы решающей роли немцев в подавлении «пролетарской революции» в Финляндии. Происхождение этого мифа более чем понятно — таким образом перекидывался «мостик» из 1918-го в 1941 год, и вынужденный союз социал-демократической Финляндии с гитлеровской Германией (о причинах, содержании и последствиях которого пойдет речь в части 2) представлялся как естественное продолжение «антисоветского курса ставленника финской буржуазии на союз с германским фашизмом». Фактически же первым и единственным условием, которое Маннергейм, принимая на себя в январе 1918 г. командование белой армией Финляндии, поставил перед главой финляндского правительства Свинхувудом, заключалось в том, что правительство ни в коем случае не будет обращаться к Германии за военной помощью в подавлении красного мятежа. Когда же выяснилось, что правительство Свинхувуда не выполнило своего обещания и за спиной главнокомандующего обратилось к немцам, Маннергейм добился по меньшей мере того, чтобы немецкие войска были переданы под его командование. Вот как он описывает эти события в своих «Мемуарах»: *«Первой моей мыслью было подать в отставку. Если Сенат обманул меня, то он не мог требовать, чтобы я и дальше продолжал исполнять свои обязанности... Постепенно у меня созрело новое решение... Взвесив все „за” и „против”, я решил остаться на своем посту и постараться в будущем придерживаться лояльного сотрудничества с*

Сенатом... 5 марта я отправил генерал-квартирмейстеру Германии Эриху фон Людендорфу телеграмму... В первую очередь немецким частям сразу же после высадки на территорию Финляндии следовало подчиниться финскому верховному командованию... В случае принятия этих условий, говорилось в конце телеграммы, я могу заявить от армии Финляндии, что мы приветствуем в нашей стране храбрые немецкие батальоны и готовы выразить им благодарность от лица всего народа...» [22].

Маннергейм писал свои воспоминания в середине XX века, когда многие из участников и очевидцев этих событий были еще живы, тем не менее никто из них не подверг сомнению достоверность всей этой истории. В любом случае, не вызывает никакого сомнения тот факт, что ровно через две недели после «парада победы» белой армии в Хельсинки, 30 мая 1918 г. Маннергейм отказался от всех руководящих постов и уехал из страны в знак протеста против намерения правительства Свинхувуда передать реорганизацию финской армии в руки немецких генералов. Мотивы своего решения он сообщил членам Сената в весьма энергичных выражениях: *«Пусть никто даже не думает, что я, создавший армию и приведший практически необученные, плохо вооруженные войска к победе только благодаря боевому настрою финских солдат и преданности офицеров, теперь покорюсь и буду подписывать те приказы, которые сочтет необходимыми немецкая военная администрация».*

Причины антигерманской ориентации Маннергейма также вполне понятны. Дело тут не только в привитом с детства англофильстве, не только в естественной для русского генерала времен Первой мировой войны неприязни к немцам. В отличие от политических

руководителей очень еще молодого финляндского государства с их, увы, провинциальным образованием и кругозором, Маннергейм уже только в силу своих огромного жизненного опыта и личных связей с ведущими европейскими политиками понимал, что Германия стоит на пороге поражения в войне и гибели. Во внешней политике Финляндии следовало ориентироваться на союз со странами англо-франко-американского блока, к каковому союзу Маннергейм усиленно (и в конечном итоге — вполне успешно) стремился. 12 декабря 1918 г. Свинхувуд вынужден был уйти в отставку, и парламент назначил Маннергейма регентом (Финляндия тогда еще формально считалась конституционной монархией). Назначение состоялось заочно, так как сам регент находился с полуофициальным визитом в Западной Европе, где он смог, мобилизовав свои старые знакомства, провести важные переговоры с руководителями внешнеполитических ведомств стран Антанты и добиться от них предоставления Финляндии экстренной продовольственной помощи.

Что же касается влияния немецкой «интервенции» на ход и исход гражданской войны в Финляндии, то факты таковы. Немецкие войска состояли из одной недоукомплектованной дивизии генерала Гольца численностью в 7 тыс. человек, которая высадилась 3 апреля в Ханко, и еще более недоукомплектованной пехотной бригады полковника Бранденштайна численностью в 2 тыс. человек, которая высадилась в Ловисе (поселок на берегу Финского залива примерно в 100 км восточнее Хельсинки) 7 апреля [22]. Итого 9 тыс. штыков. Самая крупная группировка Красной гвардии, так называемая северная армия численностью порядка

25 тыс. человек, была к этому времени уже разгромлена белой армией в ходе ожесточенных двухнедельных боев близ города Тампере. Но и после этого, на момент прибытия немцев в начале апреля 1918 года, силы Красной гвардии состояли, по оценке Маннергейма, из 70 тыс. человек, включая 30 тыс. в слабо подготовленных к боевым действиям местных отрядах [22]. Даже со всеми оговорками о том, что дивизия регулярной германской армии в бою во многом превосходила наспех вооруженные красногвардейские отряды, говорить о каком-то «решающем» вкладе немецких войск в победу белой армии не приходится.

Наконец, обсуждая причины появления немецких войск на берегах Финского залива, нельзя не отметить, что правительство Ленина-Троцкого-Сталина несет за это ответственность несравненно большую, нежели финское правительство Свинхувуда. Гражданская война в Финляндии развертывалась в условиях большой общеевропейской войны. Поворотным моментом в этой войне стал сепаратный Брестский мир, заключенный между Германией и советской Россией. В соответствии с условиями сепаратного соглашения немецкие войска получили право оккупировать Украину, большую часть Белоруссии, Литву. Латвию, Эстонию. И Финляндию. *«Революционные матросы российского Балтийского флота, — пишет Маннергейм, — в соответствии с соглашением между Россией и Германией, подписанным 5 апреля, покинули Хельсинки».* Фактически Маннергейм и его белая армия значительно уменьшили масштаб германского вмешательства и **предотвратили оккупацию всей Финляндии**, каковая оккупация могла бы стать вполне логичным завершением

загадочной истории «взаимодействия» большевиков и кайзера Вильгельма...

Вернемся, однако, от бурных перипетий удивительной судьбы барона Маннергейма к короткой истории «социалистической рабочей Финляндии». Для этого нам придется процитировать еще один фрагмент из «Мемуаров» маршала: *«Вечером 25 апреля 1918 г. члены мятежного правительства и диктатор Маннер приняли решение, не делающее им чести: они бежали и оставили свои войска на произвол судьбы. Это произошло в ночь на 26-е: высшие руководители мятежного движения взошли на борт трех кораблей и отправились (из Выборга. — М.С.) в сторону Петрограда. Для того чтобы бегство прошло без осложнений, диктатор в своем последнем приказе потребовал охранять береговую линию любой ценой».*

В советской России «красных финнов» ждало множество дел. Прежде всего продолжение борьбы за «основные интересы пролетарской диктатуры» требовало создания истинно революционной партии. Не такой, какой оказалась финская социал-демократия, которая в решительный момент так и не смогла стать на сторону антиконституционного мятежа. 25-29 августа 1918 г. в Москве была учреждена «коммунистическая партия Финляндии». В числе руководителей партии оказались и вышеупомянутый К. Маннер, и товарищ О. Куусинен, которому еще предстоит быть многократно упомянутым на страницах этой книги. То, что политическая партия, намеренная взять всю полноту власти в Финляндии, формировалась в Москве, никого в то безумное время уже не удивляло (*«вопрос о границах государств есть вопрос второстепенный, если не десятистепенный...»*)

Истины ради надо уточнить, что не все «высшие руководители» сбежали с тонущего корабля революции на отплывающий в Петроград пароход. Один из двух уполномоченных революционного правительства, подписавших 1 марта 1918 г. «договор об укреплении дружбы и братства», Э. Гюлдинг оставался в Выборге до последней минуты, а затем, чудом избежав ареста, долгим кружным путем через Стокгольм приехал в советскую Россию. Еще более запутанным оказался жизненный путь второго «подписанта», О. Токоя. Здесь мы опять возвращаемся к событиям, связанным с Брестским миром и его парадоксальными внешнеполитическими последствиями.

После того, как немецкие войска пришли в Финляндию на помощь белому правительству Свинхувуда, а на южном берегу Финского залива заняли всю Эстонию и дошли до Нарвы, западные союзники (Англия, Франция и США) были всерьез обеспокоены возможностью появления германских войск на севере России, в частности в портах Мурманск и Архангельск, где находились огромные запасы военного снаряжения, которое Антанта ранее отправила своей союзнице, которая теперь стала союзницей Германии. 6 марта 1918 г. английские «интервенты» высадились — по согласованию с эсеровским Советом рабочих депутатов — в Мурманске. Этот факт (согласие Совета) явно портил стройную схему советской историографии. Выход нашли в том, что ответственность за приглашение англичан свалили на злейшего врага народа Троцкого, от которого — как всем известно можно было ждать любой пакости. В любом случае, с Троцким или без него, численность войск интервентов составляла 130 (сто тридцать) морских пехотинцев. Лишь в середине июня в Мурманск

приплыли подкрепления: 600 английских солдат и батальон сербской пехоты.

С новыми силами английский командующий генерал майор Мейнард 27 июня 1918 г. решил организовать экспедицию на юг — правда, не для того, чтобы «потопить в крови власть рабочих и крестьян», а чтобы отбросить от линии Мурманской железной дороги «белофиннов», которых англичане не без основания считали союзниками Германии. Данные разведки оказались ошибочными, и никаких финских войск на участке Кандалакша–Кемь не оказалось. Вместо них англичане наткнулись на эшелон русских красногвардейцев, состояние которых показалось Мейнарду угрожающим для порядка и спокойствия в крае. От греха подальше красногвардейцев разоружили и тем же поездом отправили назад в Петроград [45].

Несмотря на столь удачное начало «интервенции», наличных сил союзников было совершенно недостаточно для того, чтобы контролировать огромную территорию Кольского полуострова и северной Карелии. С другой стороны, кайзеровская Германия была весьма обеспокоена появлением войск Антанты в незамерзающих портах севера Европы.

В ходе проходивших с 3 по 27 августа 1918 г. в Верлине переговоров было заключено дополнительное соглашение к Брестскому миру, в соответствии со ст. 5 которого советская Россия обязалась *«принять немедленно все меры для удаления боевых сил Антанты с Севера России»* [67]. Таким образом, **от сепаратного мира с Германией правительство Ленина переходило уже к военному сотрудничеству с бывшим противником России.** В такой ситуации стало

реальностью невероятное на первый взгляд укрепление сотрудничества Антанты с «красными финнами».

Еще 4 мая 1918 г., за несколько дней до окончательного краха, руководство «красных финнов» (Совет народных уполномоченных) отправило двух своих представителей в Мурманск для переговоров с командованием союзников.

28 мая было достигнуто соглашение о том, что финская Красная гвардия на севере Карелии начинает совместные боевые действия с союзниками, а те берут на себя обязанности по обучению, вооружению и снабжению финнов. Созданная таким образом воинская часть получила название «Финский легион». Численность «легиона» первоначально составляла полтысячи, а к весне 1919 г. увеличилась до 1200 человек — бывших бойцов финской Красной гвардии, которых теперь можно было уже называть «красно-белыми» финнами. Летом 1918 г. в Финский легион вступил и О. Токой с группой товарищей. После того, как уговорить его порвать с Антантой и вернуться в Москву не удалось, ЦК финской компартии в конце сентября приговорил О. Токою к смертной казни (решение, которое обычно не входит в компетенцию ЦК политической партии), причем приведение приговора в исполнение было объявлено *«обязанностью каждого революционного рабочего»* [45].

Но и «Финский легион» не был первым по счету финским вооруженным отрядом, принявшим участие в разгорающейся на безбрежных пространствах Карелии братоубийственной войне. Еще до начала всех революций порядка тысячи финских рабочих, в основном плотников и лесорубов, было занято на работах вдоль Мурманской железной дороги. В первых числах февраля

1918 г. численность финнов начала быстро расти за счет беженцев, которые устремились через русскую границу из занятых «белыми» северных областей Финляндии. 3 февраля на собрании финских рабочих в Кандалакше было принято решение создать вооруженный отряд, получивший позднее название «северная экспедиция». Возглавил отряд бывший унтер-офицер царской армии, талантливый (как показали дальнейшие события) организатор и командир И. Ахаво, карел из поселка Ухта (ныне Калевала). Поезд с винтовками и патронами, выделенными советским правительством (!), прибыл в Кандалакшу 18 марта. Вооруженная этим оружием «северная экспедиция» разгромила одну из двух групп финских «белых» добровольцев, которые в марте 1918 года, по согласованию со штабом Маннергейма, вторглись на территорию Беломорской Карелии (один отряд, численностью 1000 штыков, безуспешно пытался прорваться к Кандалакше, второй, численностью 350 человек, наступал от Суомуссалми на Ухту).

Постепенно в междоусобицу втягивалось и местное карельское население. Еще в июле 1917 г. в Ухте состоялся некий самочинный «съезд», на котором был выработан проект государственного устройства автономной карельской области, оформленный в виде ходатайства населения Карелии к будущему Учредительному собранию России. Эта идея умерла еще до того, как в январе 1918 г. большевики разогнали Учредительное собрание. Дальше — больше. 17-18 марта 1918 г все в той же Ухте состоялся съезд представителей нескольких волостей, на котором было принято решение о выходе Беломорской Карелии из состава России. Съезд предложил некую сложную формулу политического присоединения к Финляндии, при котором в

экономическом отношении Карелия должна была, однако, оставаться совершенно отдельным регионом, ее природные богатства должны находиться исключительно в собственности карельского народа, в ее граждане не должны принимать участие в гражданской войне в Финляндии.

Подобные «съезды», на которых создавались и распускались самозванные «республики», не был и диковинкой для той обстановки правового вакуума, который создали на территории бывшей Российской империи большевистский переворот и разгон всенародно избранного Учредительного собрания. Реальную власть в 1918 году создавал не «съезд с резолюцией», а отряд вооруженных людей численностью несколько сот человек. Несколько тысяч, да еще и с дюжиной пулеметов «максим», становились верховной властью. Такой властью в Беломорской Карелии к концу 1918 г. стал Карельский полк.

Карельский полк был создан при поддержке все того же неутомимого английского генерала Мейнарда в июле 1918 г. Население русских и карельских деревень охотно поддержало англичан, в которых тогда видели защиту от тех волн анархии и насилия, которые катились из охваченной пожаром гражданской войны Финляндии и России. Вошли в состав полка и многие бойцы из состава «северной экспедиции» вместе с И. Ахаво. Во второй половине августа 1918 г. в составе Карельского полка было 1200 человек, а в конце года — уже 3600. Командиром полка был назначен подполковник Вудс, ирландец по национальности и горячий поборник национальной независимости малых народов. Ирландец Вудс придумал и национальный флаг Карелии: листок клевера на оранжевом поле (такая эмблема была нашита

на мундиры бойцов полка). В сентябре 1918 г. Карельский полк совместно с Финским легионом разгромили и вытеснили за границу остатки финских «белых» добровольцев. В руках «белых» финнов осталось только пограничное село Реболы с рядом деревень одноименной волости, население которых еще в начале года проголосовало за присоединение к Финляндии. Таким образом, начавшаяся в марте 1918 г. финская «интервенция против молодой республики Советов» была окончательно ликвидирована **объединенными силами «красно-белых» финнов и карельских крестьянских ополченцев, вооруженных империалистами Антанты** [45, 67].

1919 год в Карелии прошел под знаком все более и более усиливающихся разногласий (перешедших затем в вооруженное противоборство) между различными антибольшевистскими силами. Белогвардейское правительство генерала Миллера (так называемое Северное временное правительство), созданное осенью 1918 г. при поддержке союзников в Архангельске, категорически отстаивало тезис «единой и неделимой России». На этой почве отношения между Миллером и карельскими автономистами обострялись с каждым днем. Чиновников «северного правительства» из карельских деревень просто выгоняли, попытки организовать добровольный призыв в армию Миллера дали минимальный результат (в октябре 1918 г. набралось всего 359 человек). Принудительная мобилизация наткнулась весной 1919 г. на вооруженное сопротивление со стороны Карельского полка. Тогда белогвардейское «северное правительство» решило надавить на Карелию «костлявой рукой голода». И безуспешно. Своего хлеба в Беломорской Карелии

выращивалось очень мало — край из века в век жил за счет торгового обмена с центральными районами России.

А поскольку все важнейшие центры продовольственного снабжения (порты Мурманска и Архангельска, линия железной дороги Мурманск–Кандалакша–Кемь) контролировались англичанами и Архангельским «правительством», организовать «голодомор» в карельских деревнях было несложно. Резко обострилась и обстановка вокруг Финского легиона, который в глазах русских белогвардейцев был слишком «красным».

16–18 февраля 1919 г в Кеми прошел очередной, но на этот раз гораздо более представительный (присутствовали делегаты от 12 волостей) съезд. Формально созывом и проведением съезда руководил И. Ахаво, но за кулисами (фактически — в соседней кладовке) ситуацию на съезде контролировал бывший руководитель «социалистической рабочей Финляндии», приговоренный к смерти Финской компартией «красно-белый» легионер О. Токай [45]. Съезд одобрил составленную О. Токаем и зачитанную И. Ахаво резолюцию, провозглашающую Карелию независимым государством.

Вопрос о возможном в будущем присоединении на основах федерации к Финляндии или России оставлялся на дальнейшее рассмотрение карельского народа. Был избран Карельский национальный комитет из 5 человек, председателем которого стал Ю. Лесонен. Комитет был уполномочен начать переговоры с Россией и Финляндией, а также отправить двух представителей на Парижскую мирную конференцию, которая в это время «судила и рядила» Европу.

Англичане и белогвардейцы встали на позицию жесткой конфронтации (чем они просто выручили большевиков, у которых весной 1919 г. не было ни сил, ни времени для борьбы с «буржуазным национализмом» в Карелии). На съезд прибыл командир гарнизона в Кеми генерал Прайс, который заявил о том, что руководство союзников не поддерживает никаких действий по отделению Карелии от России. Генерал Мейнард приказал командиру Карельского полка Вудсу прекратить всякую политическую деятельность в полку. В конце марта 1919 г. Карельский полк предпринял попытку договориться с личным составом Финского легиона о совместном восстании против союзников. Планы мятежников были раскрыты, и в начале апреля начались широкомасштабные аресты. И. Ахаво был арестован и убит солдатами сербского батальона союзных войск. В оставшемся без руководителей Карельском полку началось повальное дезертирство. 20 мая 1919 г. полк был окончательно расформирован. После этого союзники надавили на правительство Финляндии, потребовав от него скорейшим образом решить вопрос о репатриации личного состава Финского легиона. В сентябре 1919 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым большая часть «красно-белых» финнов была амнистирована и получила право вернуться домой. Те, кому в Финляндии угрожало уголовное преследование, остались под защитой англичан. Впоследствии они (в том числе и О. Токай) получили разрешение переселиться в Канаду [45].

Оставшийся без вооруженной опоры «Карельский национальный комитет» продолжал тщетно взывать о помощи.

Командование союзников подтвердило передачу всех продовольственных складов Архангельска и Мурманска в распоряжение белогвардейского «северного правительства» Миллера и отклонило просьбу об открытии границы с Финляндией для завоза продовольствия в Карелию. Правительство Миллера, со своей стороны, объявило, что карельские деревни несут коллективную ответственность за успешный ход мобилизации в белую армию уклоняющихся лишали подвоза продовольствия, попытки сопротивления подавлял сербский батальон. Что же касается правительства Финляндии, то оно **фактически заняло позицию стороннего наблюдателя**. Отказав «Карельскому комитету» в какой-либо политической или военной помощи, оно согласилось лишь предоставить ему кредит в 2 млн. марок для закупки продовольствия. Да еще в ноябре 1919 г. министр иностранных дел Финляндии Холсти заявил представителям белогвардейского правительства в Хельсинки «решительный протест» против насильственной мобилизации карелов и связанных с этим массовых расстрелов. В эти же самые месяцы осени 1919 т. правительство Финляндии, в полном единодушии с англичанами, категорически отклонило настойчивые призывы Маннергейма направить регулярную финскую армию (а она в тот момент насчитывала более 35 тыс. человек) на помощь Юденичу, безуспешно штурмующему Петроград.

Понять логику русских белогвардейцев нетрудно: осенью 1919 г. победа в Гражданской войне казалась им возможной и близкой, и они высокомерно отказались от поддержки сепаратистских движений, за какую поддержку им пришлось бы в дальнейшем

расплачиваться территорией «единой и неделимой». Можно понять и позицию руководства Финляндии — народ, только что переживший кошмар братоубийственной войны, хотел спокойствия и мира.

В стране была принята новая, республиканская конституция, и на первых президентских выборах 25 июля 1919 г. умеренный центрист Стольберг победил «белого генерала» Маннергейма с огромным перевесом голосов выборщиков (143 против 50). Свинхувуд и другие руководители «белых финнов» эпохи Гражданской войны были отстранены от руководства. Была объявлена амнистия для тех «красных финнов», кто смог пережить террор первых месяцев после подавления революции. Начала восстанавливать утраченные позиции и социал-демократическая партия Финляндии, получившая на выборах в парламент 80 мест из 200 [68]. В такой обстановке власти Финляндии просто не захотели обременять себя проблемами Карелии и России. А вот чем руководствовались в своих действиях лидеры Антанты, спасшие осенью 1919 г. Ленина, Троцкого и К^о от неизбежного поражения, так и осталось неразрешимой загадкой истории...

В конце зимы 1920 г, разгромив основные силы армий Колчака, Деникина и Юденича, Красная Армия смогла, наконец, обратить «карающий меч революции» на север. Гениальный замысел Ленина — дать противникам большевистской власти измотать и обескровить друг друга в междоусобных конфликтах на далеких окраинах империи — полностью оправдался. Части Красной Армии стремительно продвигались к Архангельску. 19 февраля 1920 г. генерал Миллер бежал в Мурманск. 21 февраля большевистское восстание началось в самом Мурманске. В течение нескольких дней

«северное правительство» и его армия просто исчезли. Уцелевшие при разгроме белогвардейцы сдавались в плен, пытались (по большей части безуспешно) прорваться в Финляндию или бежали в занятые финнами Реболы и Пораярви (Поросозеро).

С тем же результатом закончилась и гражданская война в южной, Приладожской Карелии, хотя ход событий там значительно отличался от того, как развивалась борьба в северной, Беломорской Карелии. Первым отличием был уже совершенно иной состав действующих лиц: в Олонце и Петрозаводске не было англичан и сербов, зато была советская власть и Красная гвардия, правда, не везде, не всегда и не сразу.

Известие о большевистском перевороте в Петрограде было встречено в столице Олонецкой губернии городе Петрозаводске с большой настороженностью. Петрозаводский Совет собрался 8 ноября 1917 г на совместное совещание с Советом служащих Мурманской железной дороги. Комитетом воинских частей гарнизона Петрозаводска и другими революционными органами. Была принята резолюция, в которой Совету народных комиссаров (правительству Ленина) была обещана поддержка лишь при условии, что СНК гарантирует своевременный созыв Учредительного собрания.

Разгон Учредительного собрания вызвал бурную дискуссию в Петрозаводском Совете, которая поздним вечером 18 января 1918 г. закончилась насильственным изгнанием противников большевиков из зала заседания.

Первым постановлением нового президиума стал запрет всех демонстраций в Петрозаводске. Затем была

создана подчиняющаяся только большевикам Красная гвардия и ревтрибунал. *«Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилем пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами. Эта простая истина, истина, ясная как божий день для всякого сознательного рабочего (представителя массы, а не верхушечного слоя подкупленной капиталистами мещанской сволочи...»* (В.И. Ленин). Эту простую истину большевики еще раз продемонстрировали в июне–июле 1918 г. Левые эсеры получили тогда большинство не только в сельских районах (там большевики и раньше не имели никакой поддержки), но и в исполкоме Олонецкого губернского Совета. Ничуть не смутившись этим волеизъявлением «несознательной мещанской сволочи», большевики разогнали Совет и передали всю полноту власти в руки созданного ими «военно-революционного комитета». Впрочем, власть ревкома фактически не распространялась за пределы двух городов: Петрозаводска и Олонца. Для того чтобы контролировать разбросанные по лесному бездорожью села и деревни, у большевиков тогда просто не хватало военной силы.

Хрупкое равновесие, сложившееся в Приладожской Карелии, было нарушено весной 1919 г. вмешательством извне. В начале апреля группа финнов-добровольцев обратилась к Маннергейму (который тогда исполнял обязанности регента, т.е. временного главы государства) с предложением организовать военную экспедицию с целью освобождения Олонецкой Карелии от масти большевиков. 4 апреля 1919 г. Маннергейм ответил, что одобряет идею похода на Олонец, так как *«Финляндия не может равнодушно смотреть на страдания родственных народов, оказавшихся под гнетом большевиков»*. Эту

фразу охотно цитируют современные российские историки, почему-то забывая довести ее до завершения. А именно: Маннергейм заявил добровольцам, что они могут рассчитывать на поддержку официальных властей Финляндии лишь в том случае, **если правительство получит одобрение этого плана со стороны Антанты**. Согласие союзников так никогда и не было получено, и поход «Олонецкой Освободительной армии» был подготовлен полулегальным порядком. В «армию» собралось порядка 1 тыс. добровольцев, в основном участников гражданской войны в Финляндии [27, 45]. Одним из четырех «батальонов» (по реальной численности — стрелковой ротой) командовал майор П. Талвела, в будущем — известный финский полководец.

В ночь с 20 на 21 апреля 1919 г. финские добровольцы перешли границу и тремя группами начали продвижение вдоль берега Ладожского озера и на Петрозаводск. Через три дня, 24 апреля «освободительная армия» заняла Олонец и Пряжу, т.е. прошла не менее 70-80 км на юго-восток от границы (речь идет о границе 1919 г., современная российско-финляндская граница проходит значительно западнее). Такой темп наступления лучше любых свидетельств очевидцев свидетельствует о том, что финские добровольцы в карельских деревнях, по меньшей мере, не встречали сопротивления. К моменту выхода на подступы к Петрозаводску «Олонецкая армия» выросла за счет местных ополченцев до 3000 человек. Теперь эта «армия» по своей численности уже соответствовала стрелковому полку. Петрозаводские большевики еще не успели как следует испугаться, как английский генерал Мейнард и русский белогвардеец Миллер потребовали от Хельсинки объяснений.

Результатом организованного Антантой и ее ставленниками давления стали телеграммы финского правительства, отправленные в начале мая (т.е. всего через две недели после начала «Олонецкого похода») в Лондон и Париж (участникам Парижской мирной конференции). Правительство Финляндии заверяло, что «Олонецкий поход» предпринят исключительно с целью борьбы против большевиков и что без одобрения великих держав никто не дерзает менять границы Карелии [45].

Тем временем в Олонце было организовано «временное Олонецкое правительство». В состав «правительства» вошли только местные карельские активисты, хотя в сложившейся военно-политической ситуации влияние финнов было, конечно же, решающим. В освобожденных от власти большевиков (или оккупированных «Олонецкой армией» — читатель вправе выбрать любое определение) восьми волостях Приладожской Карелии прошли собрания жителей и выбраны уполномоченные делегаты на съезд, который состоялся 5–7 июня 1919 г. Было принято решение о присоединении к Финляндии по образцу Ребольского уезда (с сохранением экономической самостоятельности и освобождением жителей от призыва в финскую армию на 30 лет с момента объединения). Мощное наступление Красной Армии (в нем наряду с местными красногвардейскими отрядами и участвовали регулярная стрелковая дивизия, части «красных финнов», бежавших из Финляндии весной 1918 г., и корабли Онежской флотилии, с которых в тылу противника был высажен десант) отбросило «Олонецкую освободительную армию» от Петрозаводска. Вначале августа добровольцы вынуждены были отступить за финскую границу.

«Олонецкий поход» закончился поражением, если не считать перехода под финляндское управление села Пораярви (Поросозеро) и одноименной волости, жители которой в июле проголосовали за присоединение к Финляндии (после чего финские войска заняли Пораярви в сентябре 1919 г.) [45].

В начале 1920 года антибольшевистские силы в Карелии были окончательно разгромлены, еще ранее Мурманск и Архангельск покинули вооруженные силы Антанты. Продвижение Красной Армии к бывшей административной границе Великого княжества Финляндского привело в последние дни февраля 1920 г. к первым столкновениям с частями регулярной финской армии. В районе Пораярви (Поросозеро) завязались бои местного значения, продолжавшиеся две недели и закончившиеся отходом финнов из двух небольших деревень (Янкярви и Соугярви). Становилось очевидным, что для недопущения дальнейшей эскалации конфликта советская Россия и Финляндия должны, наконец, определиться с двумя основными вопросами: государственная граница и карельская автономия.

Первый обмен нотами между министром Холсти и наркомом Чичериным показал наличие существенных расхождений в принципиальных подходах сторон. Финны апеллировали к «ленинскому принципу» права наций на самоопределение, каковой принцип должен быть распространен и на карелов. Большевики честно отвечали, что главным «принципом» для них является борьба за диктатуру пролетариата в мировом масштабе и в буржуазную Финляндию они карельских трудящихся не отдадут. Не следует забывать и о том, что весной 1920 г.

в кремлевских кабинетах распространилась опасная болезнь, позднее названная товарищем Сталиным «головокружение от успехов». Троцкий и Тухачевский готовили Красную Армию к походу на Варшаву и Берлин, и в такой обстановке церемониться с какой-то Финляндией никто не собирался.

Тяжёлое поражение Красной Армии под Варшавой и последующее беспорядочное отступление под ударами польской армии на восток от «линии Керзона» отрезвили излишне горячие головы. 28 июля в эстонском городе Тарту (Юрьев) возобновились переговоры финляндской и советской делегаций по вопросу заключения мирного договора. Отчетливо понимая, что в то время, когда по всей Европе на развалинах рухнувших империй (германской, австро-венгерской, российской и турецкой) возникали десятки новых независимых государств, уклониться от обсуждения вопроса о праве карельского народа на автономию на переговорах с финской делегацией не удастся, большевистское руководство сделало ловкий — по его мнению — ход.

8 июня 1920 года ВЦИК принял следующее Постановление: *«В целях борьбы за социальное освобождение трудящихся Карелии... образовать в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний в порядке ст. II Конституции РСФСР областное объединение — Карельскую Трудовую Коммуну. Поручить Карельскому Комитету приступить немедленно к подготовке созыва съезда Советов Карельской Трудовой Коммуны, который определит организацию органов власти в Карельской Трудовой Коммуне»* [37].

Дело оставалось за малым — найти в Карелии подходящих для «трудовой коммуны» трудящихся. Эта задача была проста только на первый взгляд. Промышленность в дореволюционной Карелии была развита слабо, Александровский завод боеприпасов в Петрозаводске был едва ли не единственным крупным предприятием региона, так что фабричные рабочие были в абсолютном меньшинстве. Столь ценимое большевиками «беднейшее крестьянство» (т.е. спившиеся деревенские люмпены) в Карелии были ликвидированы как класс за сотни лет до рождения Ленина (если они там вообще когда-нибудь существовали). Причина этого феномена предельно проста: в суровых природных условиях Беломорья мог выжить только человек с трезвой головой и мозолистыми руками. Впрочем, в одиночку там нельзя было выжить и с мозолями, вот почему вплоть до начала 20-го века и карелы, и русские поморы жили трех-четырёхпоколенной семьей, по 30-40 человек в одном большом домохозяйстве.

Такая социальная структура (кстати говоря, в полном соответствии с учением Маркса и Ленина) категорически препятствовала имущественному расслоению и появлению нищих пролетариев. В довершение своей полной контрреволюционности, значительная часть русских и карел Беломорья были старообрядцами, а в таких семьях хмельное не пили даже по большим праздникам. Крепостного права в Олонецкой и Архангельской губерниях отродясь не было, что сказалось вполне определенным образом и на характере его жителей. *«Наиболее характерной особенностью финских племен, населяющих Карелию, можно считать трудолюбие, честность, но, с другой стороны, им*

присуще и другое качество: это упрямство и замкнутость. Почти все жители отличные охотники и меткие стрелки» (это запись из отчета работника Главного штаба РККА К. Соколова-Страхова об изучении опыта гражданской войны). Ну, как же было делать «пролетарскую революцию» с таким народом? Не пьют, не воруют, работают, но при этом упрямятуют и хорошо стреляют! Кулачье, чистой воды кулачье! А кулаки, как учил товарищ Ленин, суть *«самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры... Кулак бешено ненавидит советскую власть и готов передушить, перерезать сотни тысяч рабочих...»*.

Можно ли было доверить таким диким зверям *«организацию органов власти в Карельской Трудовой Коммуне»*? Так никто им и не доверил. 4 августа 1920 г. за подписями Калинина и Ленина вышло совместное Постановление ВЦИК и СНК, в соответствии с которым *«Временным (разумеется, „временным“, на короткий период до полной победы мировой революции) высшим органом власти на территории Карельской Трудовой Коммуны»* был объявлен *«Ревком Карельской Трудовой Коммуны»* [37]. Фактически же власть в этом странном полугосударственном новообразовании была передана в руки бывших «красных финнов» во главе с Э. Гюллингом, прибывших в Карелию в обозе наступающей Красной Армии.

Разумеется, представители Финляндии на переговорах в Тарту отказались признать предъявленную им «Карельскую Трудовую Коммуну» (КТК) за политическую структуру реальной автономии карельского народа. Но сделали это как-то очень невнятно. В результате в тексте мирного договора, подписанного 14 октября 1920 г., появилась статья 10, в которой

упоминалась некая «Восточно-Карельская автономная область» (что это?), якобы образованная карельским населением Архангельской и Олонецкой губерний и «имеющая право национального самоопределения». Таким образом, эта несуществующая «автономная область» вроде бы признавалась УЖЕ созданной. С другой стороны, к договору было приложено специальное Заявление советской делегации «О самоуправлении Восточной Карелии», в котором за карельским населением Архангельской и Олонецкой губерний признавалось право *«образовать в своих внутренних делах область, входящую в состав Российского государства на началах федерации»* [67]. Эту фразу можно было толковать так, что структура карельского самоуправления на момент заключения договора ЕЩЕ НЕ существует и ее предстоит создать в будущем. В любом случае, КТК и ее славный «Ревком» не упоминались в мирном договоре ни разу.

Трудно сказать с уверенностью, была ли такая размытость формулировок результатом обдуманной интриги или элементарной юридической безграмотности. Обращает на себя внимание в высшей степени странный состав советской делегации, подписавшей в Тарту мирный договор. Если в договоре «социалистической рабочей Финляндией» или Постановление о создании КТК подписывали первые лица государства (Ленин, Троцкий, Калинин, Сталин), то в Тарту были отправлены второразрядные чиновники: руководитель РОСТА (российское телеграфное агентство) Керженцев, бывший генерал царской армии Самойло, бывший капитан 1-го ранга Беренс (военные эксперты) и сотрудник НКВД Тихменев. Единственной заметной фигурой был глава

делегации Ян Берзин, будущий руководитель советской военной разведки.

Как бы то ни было, «мина замедленного действия», заложенная в виде двусмысленных формулировок мирного договора, сработала меньше чем через год после его подписания. В августе 1921 г. правительство Финляндии, апеллируя к обязательствам советской России по Тартускому договору, стаю требовать создания Карельской автономии. Советское правительство, с выражением оскорбленной невинности, отвечало, что таковая уже давно создана в форме КТК. Когда же Финляндия предложила рассмотреть спорный вопрос о толковании условий мирного договора в Лиге Наций. Москва ответила в том же духе, в каком через 18 лет, в первые дни «зимней войны», будет изъясняться газета «Правда» а именно: «Не дадим империалистическим свиньям совать свое грязное рыло в наш советский огород».

Пока в дипломатических кабинетах шла словесная перебранка, карельские и русские крестьяне практически знакомились с той властью, которую им принесла на своих штыках «Рабоче-крестьянская Красная Армия». Результат был совершенно стандартный, в нем не было ничего специфически местного, карело-финского. Отнюдь не только в Карелии, но и в Поволжье, на Тамбовщине, на Урале, в Западной Сибири крестьяне поднимали массовые восстания против грабежа и произвола «комиссародержавия». Разница была лишь в том, что от Тамбова до Лондона и Парижа слишком далеко, и свалить вину за организацию «антоновщины» на империалистов Антанты сегодня не рискнет ни один вменяемый российский историк. Карелия же непосредственно граничила с Финляндией, участие

финских добровольцев в антибольшевистской борьбе есть бесспорный факт, и этот факт позволяет недобросовестным авторам даже на рубеже XXI века писать такие перлы: *«Карельская авантюра: белофинская интервенция 1921–1922 гг. с целью отторжения от РСФСР территории Восточной Карелии от Белого моря до Балтики и создания Великой Финляндии»* [67].

Во всей этой фразе есть лишь одно слово правды: «авантюра». Без серьезной поддержки со стороны демократических стран Западной Европы — а этой поддержки не было крестьянское восстание в Карелии (равно как и все прочие) было обреченной на поражение авантюрой. Иди актом «мужества отчаяния» - читатель опять же вправе выбрать любое определение.

Восстание началось в октябре 1921 г. и вскоре охватило огромную территорию Северной Карелии от Поросозера до Кестеньги. Впрочем, ни о каком «сплошном фронте» в заснеженной таежной глуши говорить не приходится. Были отдельные очаги, отдельные деревни и села, занятые повстанцами, между которыми лежали десятки и сотни верст лесного бездорожья. Центром восстания был сначала поселок Тунгуда, затем — Ухта. Крестьяне («кулацкие бандиты» в терминах советских и некоторых российских историков) создали очередной «Временный Карельский комитет» и очередную (на этот раз — уже последнюю) «Карельскую освободительную армию» численностью порядка 3 тыс. человек. Участие Финляндии в этих событиях свелось к моральной **поддержке восставших и неявном согласии властей на сбор добровольцев**. В конечном итоге под командованием всё того же П. Талвела собралось 500 человек, карелов и финнов, которые в

ноябре 1921 г. двумя группами перешли почти не охраняемую советско-финскую границу в районе Поросозера и Реболы (по условиям Тартуского мирного договора эти два уезда были возвращены России, жителям, поддержавшим присоединение к Финляндии, была объявлена амнистия, но части регулярной Красной Армии в Поросозеро и Реболы не вводились) и соединились с восставшими.

Командование Красной Армии отнеслось к восстанию вполне серьезно. На территории Карельской Трудовой Коммуны и Мурманской области было введено военное положение. Была сформирована Оперативная группа войск Карелии численностью в 8,5 тыс. штыков, по данным советских историков, или 13 тыс. — по оценкам финских историков [27]. Активное участие в подавлении восстания приняли воинские формирования «красных финнов»: лыжный батальон под командованием Т. Антикайнена и батальон Петроградской интернациональной военной школы под командованием А. Инно. Значительный перевес в численности и подавляющий перевес в вооружении (Оперативная группа войск Карелии получила 166 пулеметов и 22 орудия) позволял достаточно быстро подавить мятеж. В начале января 1922 г. части Красной Армии заняли Поросозеро и Реболы, 25 января вошли в Кестеньгу и в начале февраля 1922 г. заняли Ухту — главный центр восстания. Более 8 тыс. человек — уцелевшие участники восстания, их семьи и соседи — ушли на территорию Финляндии. Остался в живых и П. Талвела, впереди у которого был еще один поход в Карелию...

11 февраля 1922 г. председатель Реввоенсовета Л. Троцкий подписал приказ № 141: «*Советская Карелия*

очищена красными полками от белых банд, организованных финляндским офицерством на средства финляндской и иной буржуазии. В тягчайших условиях севера, в пустынных холодных пространствах солдаты революции снова выполнили свой долг до конца. Преступление правящих классов Финляндии и ее покровителей дало трудовым массам России новые лишения и жертвы и внесло в историю Красной Армии новые подвиги героизма» [37].

Отдадим должное товарищу Троцкому — он (в отличие от позднейших советских историков) не стал рассказывать про то, как 500 добровольцев Талвела вознамерились создать «Великую Финляндию от моря и до моря». Финляндское «офицерство» в Карельском восстании действительно участвовало: среди добровольцев было 27 бывших егерей (бойцов элитной части белой армии Маннергейма, прошедших военное обучение в Германии), и они, скорее всего, стали командирами подразделений в крестьянской «освободительной армии» [27]. Условия для ведения боевых действий были и вправду «тягчайшими», противник был вооружен и упрям, многие красноармейцы, несомненно, совершили «подвиги героизма». Что делать — в огне гражданской войны у каждой стороны была своя правда...

В боях при подавлении Карельского восстания войска «Оперативной группы» потеряли убитыми 352 человека.

Сравнение этой печальной цифры с цифрами безвозвратных потерь Красной Армии в других операциях 1921–1922 гг. позволяет оценить реальное место

«карельской авантюры» в история первых лет советской власти:

- подавление мятежа в Кронштадте — 1912 человек;
- подавление Западно-Сибирского мятежа — 3744 человека;
- подавление мятежа Сапожникова на Урале и Нижней Волге — 4164 человека;
- подавление мятежа Антонова на Тамбовщине — 6096 человек;
- оккупация Армении и Грузии — 9388 человек;
- боевые действия в Белоруссии против белогвардейских отрядов Булак-Булаховича и других — 14602 человека [9].

Как видно, **никаких причин называть бои в Карелии «войной», да еще и «советско-финской войной», нет.** «Карельская авантюра» была всего лишь одним из — причем не самым заметным и значимым — эпизодов Гражданской войны в России. Ни одно подразделение регулярной армии Финляндии в боевых действиях не участвовало. Позиция официальных властей Хельсинки по отношению к добровольцам, на свой страх и риск записавшимся в отряд Талвела, была отнюдь не самой доброжелательной (пограничная охрана препятствовала как переходу добровольцев в Карелию, так и проникновению карельских беженцев в Финляндию; дело дошло до многочисленных вооруженных столкновений и убийства министра внутренних дел Финляндии одним из карельских повстанцев). Да и количество «красных финнов», принявших участие в подавлении восстания, было ничуть

не меньшим, чем число «белых финнов» в отряде Талвела...

Казалось бы, после подписания мирного договора с Финляндией и фактической стабилизации военно-политической обстановки на севере России «Карельскую Трудовую Коммуну» можно было распустить: «мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Но этого не произошло! КТК просуществовала два года, после чего, в соответствии с совместным Постановлением ВЦИК и СНК от 25 июля 1923 г., была преобразована в *«Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику, как федеративную часть РСФСР»*. Председателем Совета Народных Комиссаров АКССР стал всё тот же Э. Гюллинг. Продолжилась и даже усилилась политика последовательной «финнизации» автономной республики. Финскому языку был придан статус государственного, на него переводили обучение в карельских школах, на финском языке издавались газеты и книги. И это, заметим, при том, что финны составляли ничтожно малую долю населения республики (встречаются цифры от 5 до 0,9%). Как и ранее в КТК, все ключевые посты в руководстве АКССР занимали «красные финны». Первым секретарем Карельского обкома РКП(б) был назначен И. Ярвисало, а после его смерти в мае 1929 г. — Г. Ровио.

В октябре 1925 года был проведен первый призыв в «Отдельный Карельский егерский батальон». Первым его командиром стал «красный финн» (по национальности — швед) Э. Маттсон. В 1927 году его сменил Урхо Антикайнен (младший брат одного из главных руководителей Красной гвардии Финляндии Тойво

Антикайнена). В 1931 году на базе Карельского батальона была развернута «Отдельная Карельская егерская бригада». Командиром бригады был назначен все тот же Э. Маттсон. Наименование «егерская» было для Красной Армии совершенно уникальным. Оно было предложено руководством АКССР по аналогии с составлявшими элиту финской армии егерскими частями. Командный состав «Карельской егерской бригады» целенаправленно подбирался из военнослужащих финской национальности.

Что это было? Точного ответа на этот вопрос не существует. Одну из гипотез можно построить, внимательно ознакомившись с тем, что писал в 1928 г. товарищ Э. Гюллинг в одной из своих статей. Описывая ход переговоров с правительством Ленина в Москве (тех самых, которые завершились подписанием 1 марта 1918 г. «Договора об укреплении дружбы и братства»), он вспоминал, что: *«Согласно революционным принципам национальной политики были использованы новые решения, которые принимали во внимание тот факт, что к востоку от границы Финляндии живет население, родственное финнам, отделенное от Финляндии в царское время по различным надуманным причинам. Было бы естественным, если бы **после завоевания пролетариатом власти как в Финляндии, так и в Карельской Республике, пограничная черта между двумя братскими народами исчезла*** (подчеркнуто мной. — М.С.)... Кровавой иронией судьбы выглядят попытки пришедших к власти в Финляндии националистов и капиталистов прикрыться названием финской народной партии... Задушив революцию в своей стране, они оказали тем самым родственным Финляндии народам медвежью услугу. т.е. воспрепятствовали

продвижению их вперед, так, как это было задумано изначально...» [45].

Можно предположить (ни доказать, ни опровергнуть эту версию документально едва ли удастся), что в 20-е годы в Москве еще надеялись на то, что «завоевание пролетариатом власти в Финляндии» может произойти в самом ближайшем будущем, и в расчете на такое развитие ситуации держали наготове «запасную Финляндию», к которой можно будет присоединить реально существующую Финляндию после победы в ней революции по большевистскому образцу. Это — гипотеза. Безусловным фактом является лишь полное истребление во второй половине 30-х годов всего руководящего состава «красных финнов», укрывшихся в 1918 году в советской России.

Первые аресты начались весной 1930 года. Тогда ОГПУ арестовало группу командиров отдельного Карельского егерского батальона. Вторая волна арестов среди командного состава Карельской егерской бригады началась осенью 1932 года и закончилась расстрелом двух десятков арестованных командиров. В 1933 году ОГПУ «раскрыл» очередной «заговор финского генштаба», что повлекло за собой новые репрессии и окончательное расформирование Карельской егерской бригады в 1935 году. Но это были лишь первые удары поминального колокола.

В марте 1935 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о расформировании всех финских территориальных частей, а также отделений в военно-учебных заведениях, где готовились национальные кадры финских офицеров. Из 257 офицеров и курсантов только 30 человек не подверглись

аресту. 90% арестованных было расстреляно или погибло в лагерях (38, стр. 17). С августа 1935 г. в Советском Союзе развернулась полномасштабная кампания борьбы с «финским буржуазным национализмом». В октябре 1935 г. на 5-м Пленуме Карельского обкома ВКП(б) сообщалось, что начиная с 1933 г. доблестные чекисты «изъяли 1350 всякого рода шпионов». Осенью того же 1935 г. Г. Ровно был снят с поста Первого секретаря обкома. Уже к концу 1935 года в Карелии из партии было исключено 835 человек. 219 из них — арестованы. (71, стр. 156–158). Всего в результате проведенной органами НКВД «спецоперации» только в Карелии было арестовано 4688 чел. финской национальности, что составило порядка 40% всех проживавших в Карелии финнов (38, стр. 16–17). В 15 октября 1935 г. Петрозаводский и другие карельские комитеты Компартии Финляндии были закрыты. Одновременно ликвидируются организации КПФ в Ленинграде, расформировывается финское отделение Университета национальных меньшинств в Ленинграде. В конце 1935 года был арестован организатор и лидер КПФ, бывший руководитель «красной Финляндии» К. Маннер. 28 мая 1936 г. арестован первый командир Карельской егерской бригады Маттсон (ему несказанно повезло — он дожил до реабилитации в 1957 году). В следующем, 1937 году были арестованы и затем расстреляны Э. Полинг и Г. Ровно. Первым секретарем Карельского обкома был назначен Г.Н. Куприянов, русский, многие годы проработавший в партийном аппарате Ленинграда (в Петрозаводск его перевели с должности секретаря райкома партии). Про финский язык в Карелии боялись и вспоминать, публичное высказывание на тему о том, что карелы и финны

находятся в некотором родстве, стало равносильным самоубийству. Практически полностью была свернута деятельность находящейся в СССР эмигрантской части КПФ. Из 200 человек партийного актива уцелело не более десяти [25]. Оставленные в живых писали в ЦК ВКП(б) письма, в которых горячо благодарили органы НКВД за проявленную революционную бдительность и горько раскисались в собственной «беспечности»...

В соответствии с недоброй памяти приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. (с него, как принято считать, и начался Большой Террор 1937–1938 гг.) на Карельскую автономную республику была выделена относительно небольшая «разрядка»: 300 человек следовало изъять по «1-й категории» (расстрел) и 700 по «2-й категории» (арест и лагерь). Фактически уже к 15 апреля 1938 г. было арестовано 8744 человека [71]. Были «ликвидированы» практически все руководители партийных и советских органов, в том числе и главные организаторы «первой волны» репрессий (1-й секретарь обкома П. Ирклис, 2-й секретарь обкома, член «тройки» Никольский, нарком юстиции КАССР Полин, нарком НКВД КАССР Тенисон). Об общем масштабе репрессий в Карелии можно судить по тому, что в 1954–1961 гг. было реабилитировано более 10 тыс. человек [71]. По оценкам современных финских историков, в годы террора погибло не менее 20 тыс. финнов, проживавших в СССР [25].

Газеты публиковали торжественные рапорты об успехах НКВД. Если на минуту забыть о том, что за всем этим горячечным бредом скрывается гибель тысяч людей, то нижеследующий текст читается как образец черного юмора: *«НКВД Карельской АССР вскрыта и ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация. Эта организация возникла в 1920 году с*

приездом в Карелию группы буржуазных националистов (Гюллинга, Мяки, Форстена), которые возглавили работу Карельского ревкома. Путем дальнейшего расширения контрреволюционной деятельности и включения в нее бывших членов финской социал-демократической партии (Ровио, Матсон, Вильми, Усениус, Саксман, Ярвимиаки и другие) контрреволюционной организацией были захвачены командные высоты в партийном и советском аппарате Карелии... Овладев в самом начале командными высотами в республике, националистическая организация проводила подготовку вооруженного восстания путем создания стрелковой егерской бригады, укомплектованной национальным комсоставом и политработниками, которые проводили контрреволюционную обработку личного состава...» [37].

Так трагически закончилась первая глава истории «социалистической рабочей Финляндии». Но товарищи Сталин и Молотов начинали уже писать новую главу.

Глава 1.2

«КРУПНЫЕ ПОГРАНИЧНЫЕ ИНЦИДЕНТЫ В ДЕРЕВНЕ МАЙНИЛА...»

В начале 30-х годов со всей очевидностью сбылось гениальное предвидение К. Маркса («предложите капиталисту 300% прибыли — и нет такого преступления, на которое он не пойдет даже под страхом виселицы»). В обстановке глубокою экономического кризиса (Великая депрессия) крупная буржуазия промышленно развитых стран мира (США, Англии,

Франции, Германии) наперегонки бросилась продавать Сталину военную технику, технологию, станки, лаборатории, целые заводы в полной комплектации. Безрассудная, безнравственная и самоубийственная политика Запада позволила Сталину превратить гигантские финансовые ресурсы (как насильственно изъятые у прежних владельцев, так и вновь созданные трудом многомиллионной армии колхозных и гуглаговских рабов) в горы оружия и военной техники.

Уже в 1937 году на вооружении советских ВВС числилось 8139 боевых самолетов — примерно столько же было два года спустя на вооружении Германии (4093), Англии (1992) и США (2473), вместе взятых [92].

К 1 октября 1939 г. самолетный парк советских ВВС вырос в полтора раза (до 12677 самолетов) и теперь уже превосходил общую численность авиации всех участников начавшейся мировой войны [34]. По числу танков (14544, не считая устаревшие Т-27 и легкие плавающие Т-37/38). Красная Армия летом 1939 г. ровно в два раза превосходила армии Германии (3419), Франции (3286) и Англии (547), вместе взятые (34, стр. 83, 601). На момент начала Второй мировой войны Советский Союз был вооружен и очень опасен. И он начал действовать в первые же недели войны.

17 сентября 1939 г. Советский Союз в одностороннем порядке разорвал Договор о ненападении, заключенный 25 июля 1932 г. между СССР и Польшей, и огромными силами (21 стрелковая и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и 2 моторизованные бригады, всего 618 тыс. человек и 4733 танка) [34] нанес удар в спину польской армии, сражавшейся в это время против германского вермахта. Для лучшего понимания

слов и дел Сталина стоит отметить, что предлог для оправдания этого вероломного нападения **менялся три раза на протяжении одной недели.**

10 сентября 1939 г. Молотов в беседе с послом фашистской Германии в СССР графом Шуленбургом сказал, что *«советское правительство намеревалось заявить о том, что Польша разваливается на куски, и вследствие этого Советский Союз должен **прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия**»* (подчеркнуто мной. — М.С.) (10, стр. 87). Это предложение вызвало взрыв негодования в Берлине. 15 сентября министр иностранных дел Риббентроп шлет Шуленбургу срочную телеграмму: *«Указание мотива такого рода есть действие невозможное. Он прямо противоположен реальным германским устремлениям, которые ограничены исключительно хорошо известными зонами германского влияния. Он также противоречит соглашениям, достигнутым в Москве (имеется в виду Пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. и секретный дополнительный протокол о разделе „сфер влияния“ в Восточной Европе. — М.С.) и, наконец, представит всему миру оба государства (Германию и СССР. — М.С.) как врагов»* [10].

Молотов тотчас же дал «задний ход». 16 сентября 1939 г. Шуленбург сообщает в Берлин: *«Молотов согласился с тем, что планируемый советским правительством предлог содержал в себе ноту, обидную для чувств немцев, но просил, принимая во внимание сложную для советского правительства ситуацию, не позволять подобным пустякам вставать на нашем пути»* (10, стр. 94). После этого был молниеносно изготовлен предлог № 2. Оказывается, *«рабочие и крестьяне*

Белоруссии, Украины и Польши восстали на борьбу со своими вековыми врагами — помещиками и капиталистами».

Далее, в процитированном выше приказе № 01 Военного совета Белорусского фронта от 15 сентября 1939 г. перед войсками фронта ставилась боевая задача: *«содействовать **восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши** (подчеркнуто мной. — М.С.) в свержении ига помещиков и капиталистов»* [34]. Итак, новый предлог № 2 был на самом деле самым старым, он возвращал бойцов и командиров в славную эпоху Гражданской войны и мечтаний о мировой революции. Эта красивая схема прожила ровно один день. К концу дня «те, кому положено» поняли, что борьба польских рабочих и крестьян, да еще и поддержанных несокрушимой Красной Армией, должна была бы закончиться победой. Но эта победа не планировалась. Планировалось нечто совсем иное — с конца сентября 1939 г. и вплоть до 22 июня 1941 г. Польша (даже в совершенно секретных, для публики не предназначенных документах) называлась исключительно и только «бывшей Польшей» или даже совсем уже на гитлеровский манер «генерал-губернаторством».

Затем появился предлог № 3, каковой мы и встречаем в приказе Военного совета Белорусского фронта за номером 005 от 16 сентября 1939 года: *«**Польские** (подчеркнуто мной. — М.С.) помещики и капиталисты поработили трудовой народ Западной Белоруссии и Западной Украины... бросили наших **белорусских и украинских** братьев (польских „братьев“, как видим, уже нет. — М.С.) в мясорубку второй империалистической войны...»* [34]. Еще более четким был текст обращения В.М. Молотова к

«гражданам и гражданкам нашей великой страны», переданный по радио 17 сентября и опубликованный в газетах 18 сентября 1939 г. В обращении Молотова уже не было ни «трудящихся», ни «панско-буржуазных поработителей». Была только «кровь» — чужая польская и родная украинско-белорусская: *«События, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства... От советского правительства нельзя требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше, и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям украинцам и братьям белорусам, населяющим Польшу...»*

Эта замечательная аргументация пережила своих авторов и пользуется спросом по сей день. На нее не повлияли ни тот факт, что в 1945 году значительную часть так называемой «Западной Белоруссии» (бывшее Белостокское воеводство) пришлось вернуть назад в Польшу, ни то, что «братья украинцы» уже 15 лет назад вышли из состава советской империи и благодарить Россию за «руку помощи» явно не собираются...

Покончив за две недели с Польшей, Сталин, не теряя ни дня на передышку и отдых, продолжил реализацию своих «прав», зафиксированных в секретном дополнительном Протоколе. 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан «Договор о взаимопомощи» (примечательно, что слово «дружба» не было использовано!) между СССР и Эстонией. 5 октября 1939 г. аналогичный по названию и содержанию договор был

подписан с Латвией, а 10 октября 1939 г. — с Литвой. Во всех трех случаях «взаимопомощь» предполагала размещение на территории прибалтийских государств советских воинских контингентов, примерно равных по численности армиям этих государств. Так, в Эстонию были введены части 65-го стрелкового корпуса (65-й СК) общей численностью 21 тыс. человек, в Латвию — части 2-го СК общей численностью 22 тыс. человек, в Литву — 16-го СК общей численностью 19 тыс. человек. При этом численность армии мирного времени трех этих государств составляла соответственно 20, 25 и 28 тыс. человек [34].

Следует особо отметить тот факт, что дислоцированные в Эстонии, Латвии и Литве части Красной Армии представляли собой лишь малую часть той группировки, которая была развернута на границах этих государств в конце сентября начале октября 1939 г. Тогда, для того чтобы «подкрепить» дипломатическое предложение о «взаимопомощи» в полосе от южного берега Финского залива до левого берега Западной Двины (Даугавы), были сосредоточены три армии (8-я, 7-я, 3-я) и отдельный стрелковый корпус в составе 20 стрелковых и 4 кавалерийских дивизий, 10 танковых бригад общей численностью 437 тыс. человек (34, стр. 180). Причем, как стало сейчас известно, задача этих войск отнюдь не сводилась к одной только «демонстрации флага».

Документы, рассекреченные в 90-е годы, однозначно свидетельствуют о том, что командованием Красной Армии была подготовлена операция по разгрому вооруженных сил прибалтийских государств и насильственной оккупации их территории. Директива наркома обороны СССР № 043/оп от 26 сентября 1939 г.

требовала *«немедленно приступить к сосредоточению сил на эстоно-латвийской границе и закончить таковое 29 сентября»*. Войскам была поставлена задача *«нанести мощный и решительный удар по эстонским войскам... разбить войска противника и наступать на Юрьев и в дальнейшем — на Таллин и Пярну... быстрым и решительным ударом по обеим берегам реки Двина наступать в общем направлении на Ригу... 28 сентября 1939 г. командование Краснознаменного Балтфлота получило приказ привести флот в полную боевую готовность к утру 29 сентября. Перед флотом была поставлена задача „захватить флот Эстонии, не допустив его ухода в нейтральные воды, поддержать артогнем сухопутные войска на побережье Финского залива, быть готовым к высадке десанта... ”»* [34]. Добровольное согласие правительств Эстонии и Латвии на заключение договора с СССР сделало запланированную военную акцию излишней, и документы о ее подготовке на многие десятилетия скрылись в недрах военных архивов.

Финляндия была самой «многолюдной» среди четырех балтийских стран, отданных в советскую «сферу влияния» (численность ее населения составляла в 1939 году 3,65 млн. человек, в то время как в Литве — 2,9 млн., Латвии — 2 млн. и в Эстонии 1,1 млн.). Что же касается территории Финляндии, то она почти в два раза превышала по площади территорию трех прибалтийских стран, вместе взятых. Да и расположена Финляндия была «очень неудобно» для потенциального агрессора: большая часть огромной, 1300-километровой советско-финской границы проходила по безлюдной, бездорожной лесисто-болотистой местности, переходящей на севере в заполярную лесотундру. Не

было секретом для советского командования и наличие на Карельском перешейке полосы долговременных укреплений, прикрывающих кратчайший путь из Петербурга в Гельсингфорс через Виипури (Выборг). Последнее по счету, но первое по значимости — в Москве знали, что руководство Финляндии занимает твердую позицию в деле отстаивания суверенитета своей страны, к сомнительным предложениям Советского Союза относится с большим недоверием, и поэтому простым запугиванием решить вопрос едва ли удастся.

Отчетливо понимая, что Финляндия окажется «крепким орешком», военно-политическое руководство Советского Союза начало планирование военной операции задолго до того, как 5 октября 1939 г. глава правительства СССР и народный комиссар иностранных дел Молотов позвонил финскому послу в Москве и сообщил ему, что Советский Союз желает обсудить с правительством Финляндии «некоторые политические вопросы». Уточнить, какие именно «политические вопросы» будут обсуждаться. Молотов отказался, но потребовал приезда финской делегации в Москву в кратчайшие сроки. В. Таннер (участник этих переговоров, а с начала «зимней войны» — министр иностранных дел Финляндии) в своих мемуарах пишет: *«7 октября Молотов стал настаивать на ответе. На следующий день Дервянский, советский посол в Хельсинки, позвонил Эркко (тогдашнему министру иностранных дел, — М.С.), чтобы сказать, что Москва буквально „кипит от негодования“, поскольку ответ до сих пор не получен; что отношение Финляндии к приглашению разительно отличается от реакции на него стран Балтии — это может отрицательно повлиять на двухсторонние отношения. Эркко ответив, что он не знает, как вели себя страны*

Балтии, но финское правительство ведет себя в соответствии с ситуацией...» [23].

На беду или к счастью — финляндское правительство не знало тогда всей «ситуации». Мы тоже не знаем всего, но некоторые фрагменты картины подготовки Советского Союза к войне с Финляндией в настоящий момент уже известны. Так, уже 30 декабря 1938 г заместитель начальника Генштаба РККА комдив Смородинов направил Военному совету Ленинградского округа директиву на проведение «окружной оперативной игры, с привлечением к ней Военного совета и руководящего состава штаба Уральского округа». Условия обстановки этой «игры» формулировались следующим образом: *«Восточная сторона. 1-я и 2-я армии Северного фронта с целью наиболее прочно обеспечить Ленинград, во взаимодействии с КБФ и Ладожской флотилией, развивают наступательную операцию с основным направлением на Виипури (Выборг), Сан-Михель (Миккели)»*. Разработанный материал по игре приказано было представить в Генштаб к 1 апреля 1939 г. [233].

Готовились к «наиболее прочному обеспечению Ленинграда» и в штабах Краснознаменного Балтийского флота. Уже 17 марта 1939 г. в штабе КБФ (по указанию Главного морского штаба) было разработано задание на проведение *«двухсторонней оперативной игры»*. Игра должна была состояться 26–28 марта 1939 на Главной базе КБФ в Кронштадте. Примечательно, что в задании на «игру» были указаны вполне конкретные даты начала наступления:

«...2. Приморские группы Красной армии на Карперешейке и на южном побережье Финского залива

на рассвете 27.07.39 переходят в наступление на Виипури (Выборг) и Раквере (город на территории Эстонии).

3. Флоту Красных одновременной высадкой десанта захватить острова восточной части Финского залива...»

Однако самое интересное в задании на эту игру заключается в описании обстановки, предшествующей началу боевых действий: *«На Карперешейке 22-23.07.39 в районе деревни Майнила имели место ряд крупных пограничных инцидентов с Синими... В 10.00 24.07 в районе маяка Кальбодигрунд неизвестная ПЛ (подводная лодка) утопила ТР (транспорт) красных...»* [234].

Ясновидение составителей задания не может не потрясти воображение. За восемь месяцев до «наглой провокации белофинской военщины» (каковая провокация состоялась, как известно, 26 ноября 1939 г.) была уже известна и **географическая точка (деревня Майнила), и, по сути дела, точная дата (за четыре дня до начала «освободительного похода»)**. «Неизвестная подводная лодка» также не осталась без дела. 27 сентября 1939 г., в момент начала переговоров с эстонской делегацией в Москве, советское радио (а затем и центральные газеты) сообщили о потоплении у берегов Эстонии советского грузового судна «Металлист». Но Эстония (как было уже сказано выше) уступила сталинскому диктату без боя, война на южном берегу Финского залива так и не началась, и про «Металлист» приказано было забыть...

Об этих удивительных «играх» стало известно только в начале XXI века. Но еще в самые что ни на есть «застойные годы» прошли все виды цензуры и были опубликованы воспоминания маршала К.А. Мерецкова, в

которых тот рассказывает, как в конце июня 1939 г. его (в то время — командующего войсками Ленинградского военного округа) вызвали в Москву, к Сталину.

«У него в кабинете я застал видного работника Коминтерна, известного деятеля (что верно, то верно, „деятель“ известный. — М.С.) ВКП(б) и мирового коммунистического движения О. Куусинена... Меня детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникли у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства...» В этой связи Мерецкову было приказано разработать план *«контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны... Форсировать подготовку войск в условиях, приближенных к боевым. Все приготовления держать в тайне...»* [93].

Примечательно, что пресловутые «опасения» возникли в Москве именно тогда, когда Советский Союз создал и вооружил огромную, самую большую в Европе, армию. Ранее, на рубеже 20-30-х гг., когда в СССР еще только начинала реализовываться грандиозная программа модернизации и милитаризации экономики, на границе с Финляндией было сосредоточено всего четыре стрелковые дивизии [35]. И это было вполне понятно и обоснованно: Финляндия была отделена ото всех потенциальных противников Советского Союза морскими пространствами, а переброска значительных воинских контингентов морским путем требовала времени, ресурсов, исключала возможность нанесения внезапного удара, да и была весьма небезопасна для потенциального агрессора, учитывая, что подходы к портам Финляндии (Финский и Ботнический заливы) находились в зоне досягаемости Краснознаменного

Балтфлота и советской авиации. После того, как Германия согласилась на переход Прибалтики в советскую «сферу влияния», а у англо-французского блока в связи с началом большой европейской войны появилось слишком много других забот, оснований для «опасений» должно было стать еще меньше. Тем не менее, именно осенью 1939 г. подготовка вторжения в Финляндию перешла в плоскость практических дел.

16 сентября 1939 г. в соответствии с приказом НКО № 0052 на базе управления 33-го стрелкового корпуса была сформирована Мурманская армейская группа (в дальнейшем 14-я армия), получившая задачу развернуть свои силы на границе с Финляндией к 1 октября 1939 г. 14 сентября 1939 г. в соответствии с директивой НКО №16664 создаются две армии: 8-я на базе Новгородской армейской группы (создана 13 августа на основании приказа НКО №0129) и 7-я на базе войск Калининского военного округа. В последних числах сентября 1939 г. эти две армии развертываются на границах Эстонии и Латвии, но уже к 26 октября 1939 г. штаб 8-й Армии перемещается в Петрозаводск [59].

В соответствии с приказом НКО №0145 от 24 октября три стрелковые дивизии 7-й армии (49-я, 75-я и 123-я сд) выдвигались к границе с Финляндией на Карельском перешейке. Значительно раньше началась передислокация соединений Красной Армии в Приладожской и Северной Карелии, где из-за крайне слабого развития дорожной сети для этого требовалось значительно больше времени, нежели в Ленинградской области. Так, уже 17 сентября начала марш из Петрозаводска к границе с Финляндией 18-я стрелковая дивизия, на следующий день в район Реболы начала выдвижение 54-я горно-стрелковая дивизия [14]. В конце

октября пришли в движение еще три дивизии (139-я сд, 155-я сд и 163-я сд) [95]. Позднее, в период с 6 по 23 ноября, 75-я сд была перевезена кораблями Ладожской военной флотилии из Шлиссельбурга на восточный берег Ладожского озера, где она была включена в состав войск 8-й армии.

Одновременное начавшейся переброской войск к финской границе шла отработка плана того, что Мерецков в своих мемуарах деликатно назвал *«планом контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны»*. Одним из документально известных ныне вариантов плана был подписанный самим Мерецковым Доклад командующего войсками ЛВО № 4587 от 29 октября 1939 г. [97]. Доклад был адресован наркому обороны Ворошилову и начинался такими словами: *«Представляю план операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии...»* Пункт 5 этого основополагающего документа гласил: *«План операции намечается следующий. По получении приказа о наступлении наши войска одновременно вторгаются на территорию Финляндии на всех направлениях, с целью растащить группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией нанести решительное поражение финской армии.*

Главные силы наших войск ударом с видлицкого (Видлица — поселок на восточном берегу Ладожского озера в 10 км к северу от г. Олонец) направления и с Карельского перешейка громят главную группировку финской армии в районе Сортавала, Виипури, Кякисалми (Кексгольм).

На севере (мурманское направление), с разрешением перехода границы, наши войска

овладевают Петсамо (Печенга), предварительно нанося удар авиацией по находящимся там войскам противника. На кемском (Кемь — город в Беломорской Карелии) направлении задача наших войск действовать в направлении Оулу (Улеаборг), разбить финские противостоящие части и не допустить возможности подхода войск противника с севера, имея конечной целью овладение Оулу» (крупный город на побережье Ботнического залива, выход к Оулу означал, что территория Финляндии будет полностью «перерезана» в ее наиболее узком участке. — М.С.)

Стоит отметить, что выход на линию Выборг–Иматра–Сортавала понимался разработчиками «плана контрудара» лишь как первая оперативная задача войск. В пункте 6-6 читаем: *«По выполнении этой задачи быть готовым к дальнейшим действиям вглубь страны по обстановке»*. Для решительного и быстрого выполнения поставленной задачи разгрома финской армии — планировалось создать подавляющее превосходство в силах и средствах: 2,5 к 1 — по числу пехотных батальонов; 5,5 к 1 — в артиллерии (в т.ч. 12 к 1 — по числу орудий крупного калибра); 12 к 1 — в авиации и 74 к 1 в танках. Как известно, эти расчеты были объявлены позднее «излишне оптимистичными» или даже «авантюристическими», а фактическая численность советских войск к концу «зимней войны» в три раза превысила изначально запланированную Мерецковым.

Во второй половине ноября 1939 г. подготовка к вторжению в Финляндию была практически завершена. Не считая соединения 14-й (Мурманской) армии, только на Карельском перешейке, в Приладожской и Северной Карелии было сосредоточено 17 стрелковых дивизий, 6

танковых и моторизованных бригад. 17 ноября (т.е. за 10 дней до пресловутого «обстрела в Майниле») нарком обороны отдал приказ № 0205/оп, в котором была поставлена задача *«закончить сосредоточение и быть готовым к решительному наступлению с целью в кратчайший срок разгромить противника»*.

На основании этой директивы Военный совет ЛВО своим приказом № 4715 от 21 ноября поставил конкретные боевые задачи армиям и флотам, при этом было указано, что срок начала операции будет указан дополнительно [34].

Далее командующие армиями и корпусами отдали боевые приказы своим подчиненным. Например, командир 19-го СК (7-я армия, Карельский перешеек) 23 ноября 1939 г. (т.е. ровно за неделю до начала боевых действий) издал Боевой приказ №2, в котором было сказано:

«п. 3. 19-й стрелковый корпус ударом в направлении кирки Кивенаппа (ныне — поселок Первомайское на Выборгском шоссе, примерно в 30 км от границы 1939 г.) уничтожает противостоящие части финнов, не допуская их отхода на основной укрепленный район... п. 7. День перехода в наступление будет указан особо» [95].

Даже в заполярном Мурманске готовились «отбросить финские войска от Ленинграда». Причем очень далеко. 28 ноября Военный совет 14-й Армии приказал. *«При выходе к шведской и норвежской границе границу ни в коем случае не нарушать... военнослужащих шведской и норвежской армий при встрече на границе приветствовать отданием чести, не вступая в переговоры...»* [99]. Аналогичные по

содержанию приказы (с требованием «границу со Швецией не пересекать») были найдены и в штабных документах двух дивизий 9-й армии, разгромленных в начале января 1940 г. в сражении при Суомуссалми (центральная Финляндия) [22].

Поздней осенью 1939 г. планирование операций Балтфлота и Ладожской флотилии также перешло от стадии «двусторонних штабных игр» к разработке боевых приказов. 23 ноября 1939 г. Военный совет КБФ издал директиву №5/оп: *«Прервать морские коммуникации Финляндии, не допуская подвоза извне войск и боевого снаряжения, уничтожить броненосцы береговой обороны и подводные лодки противника в море и заливе, не допуская их уход в территориальные воды Швеции»* [100].

В составленном уже после окончания «зимней войны» докладе командующего Ладожской флотилией капитана 2-го ранга Смирнова отмечено, что *«первой задачей, которая по приказанию Военного совета КБФ была разработана штабом флотилии **в октябре 1939 г.** (подчеркнуто мной. — М.С.). была высадка десанта в составе усиленного полка в заливе Сортанлакс»* [37]. 23 ноября Военный совет КВФ в своей директиве №7/оп поставил перед командованием Ладожской флотилии более масштабные задачи:

- «- уничтожить финские корабли в Ладожском озере;*
- не допустить высадки диверсионных десантов на Ладожском озере...*
- поддержать огнем артиллерии фланги 7-й и 8-й армий;*

- быть готовой к высадке диверсионных групп на фронте Сортавала — Кякисалми (Кексгольм);

...Начало боевых действий по сигналу „Факел“ (оружие применять, война началась)» [37].

Наряду с главной, военной составляющей, «план контрудара» включал в себя и политико-пропагандистскую часть.

Надо было организовать ту самую «военную провокацию со стороны вооруженных сил Финляндии», в ответ на которую будет нанесен контрудар с «выходом к шведской и норвежской границе». И, что гораздо более значимо, нужно было заранее создать те псевдосамостоятельные государственные структуры, которым будет формально передана власть в Хельсинки после того, как советские войска «уничтожат противостоящие части финнов, не допуская их отхода». Если с методикой и техникой организации вооруженной провокации особых сложностей не наблюдалось (ОГПУ-НКВД накопило к тому времени огромный опыт), то с «народным правительством» и «революционной армией» были большие проблемы. Кадры, как учил товарищ Сталин, решают все, но кадров-то как раз и не было. Кадры, как нам уже известно, были поголовно ликвидированы в ходе многолетней борьбы с «финским буржуазным национализмом». В Карелии и Ленинграде уцелевших почти не осталось, поэтому руководителей для будущей советской Финляндии пришлось искать в более безопасных местах. Одним из таких безопасных (по сравнению с Советским Союзом образца 1937 г.) мест была охваченная огнем гражданской войны Испания. Там, в качестве военного советника интербригад воевал «красный финн», выпускник Военной академии им.

Фрунзе, товарищ А. Анттила. Его и назначили командиром 106-й стрелковой дивизии Ленинградского ВО.

Дивизия эта, несмотря на стандартное обозначение, была совсем необычной — личный состав набирался исключительно из лиц, владеющих финским или карельским языком. Приказ о ее формировании был подписан наркомом Ворошиловым 11 ноября 1939 г., (т.е. **за 20 дней до того, как изумленному миру было предъявлено «народное правительство демократической Финляндии»**). Впрочем, российский историк П. Аптекарь, многие годы работавший с документами РГВА, утверждает, что приказ от 11 ноября лишь формально завершил процесс формирования «карело-финской дивизии», начавшийся еще в середине октября [95]. Как бы то ни было, дивизия была сформирована, командир назначен, и уже 23 ноября 1939 г. на базе 106-й дивизии начал формироваться «1-й горно-стрелковый корпус народной армии Финляндии». Предполагалось развернуть корпус в составе четырех дивизий, но людей, увы, не хватало. За январь-февраль 1940 г. было подано всего 1441 заявление о добровольном вступлении в «народную армию» [41]. Этого могло хватить для комплектования двух стрелковых батальонов, но никак не четырех дивизий.

Разумеется, некомплект личного состава дивизий «народной армии» не имел ни малейшего военного значения.

Все, что от них требовалось, — это пройти парадным маршем перед президентским дворцом в Хельсинки. Для парада и полутора тысяч человек было вполне достаточно. А вот отказ товарища Туоминена

возглавить «народное правительство» чуть было не поставил всю пропагандистскую часть операции под угрозу срыва. Эрво Туоминен относился к поколению молодых финских коммунистов (в 1918 г. ему было всего 24 года). В 20–30-е гг. он работал (т. е. призывал финских рабочих не работать, а свергать правительство) в Финляндии, где стал одним из известных лидеров (в дальнейшем — секретарем ПК) ФКП и в этом качестве был приглашен на работу в Коминтерн в Москву. В Москве Туоминену сказочно повезло — его не расстреляли. Более того, в начале 1938 г. он обратился с просьбой к О. Куусинену отправить его для продолжения революционной борьбы в Стокгольм, и эта просьба была удовлетворена. В результате осенью 1939 г. Э.Туоминен мог считаться идеальным кандидатом на роль руководителя «демократической Финляндии»; он был живой, он почти всю свою жизнь провел вне пределов СССР, и его знали в Финляндии (с хорошей или плохой стороны, но знали).

13 ноября 1939 г. Туоминен получил письмо за подписями Куусинена и Димитрова с требованием немедленно вернуться в Москву. В следующем письме было указано, что ему предстоит выполнить важную и ответственную миссию в деле налаживания новых взаимоотношений между Финляндией и СССР. Э.Туоминен все понял и 17 ноября написал письмо, в котором отказался от такой «чести». 21 ноября из Москвы в Стокгольм прибыл курьер, который привез еще более строгий приказ Туоминену прибыть в СССР на следующий день московским самолетом. Туоминен и на этот раз отказался [23]. В дальнейшем он открыто порвал со Сталиным и большевизмом. Примечательно, что в открытом письме, адресованном руководителю

Коминтерна Г. Димитрову, Туоминен объяснял свое решение так: *«Вы и некоторые другие из секретарей Коминтерна по крайней мере уже 13 ноября знали, что на Финляндию будут наступать и решено о создании „народного правительства“»* [104].

В скобках заметим, что далеко не все финские коммунисты, обосновавшиеся в уютном и спокойном Стокгольме, пошли по пути, который указал товарищ Туоминен. Отнюдь. В архиве Коминтерна лежат пожелтевшие листки бумаги: *«Совершенно секретно. О работе КПФ в последние месяцы»*. Документ составлен 12 июля 1940 г., подписал товарищ И. Странд. Читаем: *«Работа партийного аппарата в Швеции сконцентрировалась в начале войны вокруг создания саперных групп, которые при приближении Красной Армии перешли бы границу и затруднили отступление врага»* [105].

Враг, которого собирались взрывать при попытке отступления финские коммунисты, — это финская армия...

Неповиновение (можно сказать, попытка к бегству), проявленное бывшим товарищем Туоминеном, вызвано взрыв негодования в Кремле. А гнев, как известно, — плохой советчик в делах. Только излишними эмоциями можно объяснить невероятное решение назначить «главой правительства освобожденной Финляндии» О. Куусинена — известного во всем мире секретаря Исполкома Коминтерна, безвылазно живущего с 1918 г. в Москве, а ко всему этому еще и члена ЦК ВКП(б). Назначение Куусинена превращало весь спектакль с «восставшими» в дачном поселке Териоки «рабочими» и провозглашением «демократической Финляндии» в

глупый и грубый фарс. Маннергейм описывает в своих воспоминаниях первые дни войны так: *«по радио передали обращение (было целых два „обращения“: от имени ЦК КПФ и от имени „народного правительства“ Куусинена. — М.С), адресованное финскому народу, которое обнажило не только лицо противника, но и его цели... листовки, которые вместе с бомбами разбрасывались над столицей и обещали „испытывающему голод народу Финляндии хлеб“, не могли вызвать ничего иного, кроме смеха. По сути, эта пропаганда только укрепляла наш внутренний фронт»* [22].

Но что интересно — по другую сторону границы нашлись люди, которые всерьез поверили в то, что товарищ Сталин готов отдать «правительству Куусинена» какие-то территории. В результате в советской Карелии, в районах, которые одним росчерком пера перешли в несуществующую «демократическую Финляндию», началась легкая паника. Не только русские, но и коренные карелы, давно и прочно подкованные на лекциях в «красном уголке», не захотели оказаться «в мире нищеты, бесправия и зверской капиталистической эксплуатации». Дело дошло до того, что в середине декабря 1939 г. в Петрозаводске собрали республиканский партхозактив, на котором первый секретарь Карельского обкома ВКП(б) товарищ Куприянов (вероятно, и сам ничего не понимающий в этой шутовской клоунаде) разъяснял собравшимся текущий момент следующим образом: *«Стремление удрать из районов, отходящих к Финляндии, не может расцениваться иначе, как позорное дезертирство. Это пренебрежение интересами партии и Родины»* [41].

Да, много всякого бывало в истории КПСС и СССР, бывали времена, когда к самовольному выезду из Страны Советов в официальных документах применялся термин «побег» — как будто речь шла о тюрьме или концлагере, а не о родине трудящихся всего мира. Но вот чтобы желание остаться в СССР приравнялось к дезертирству — это уже что-то запредельное...

Строго говоря, на этом краткий обзор событий, предшествовавших началу «зимней войны», можно было бы завершить. Но — некоторые наши читатели будут удивлены (если не сказать — возмущены) тем, что автор обошел молчанием такую важную тему, как советско-финляндские переговоры, состоявшиеся в Москве в октябре–ноябре 1939 г. Рассмотрим и этот вопрос. Все советские (да и многие современные российские) историки хором уверяют нас в том, что Сталин не хотел войны с Финляндией и только упрямое и высокомерное нежелание финского руководства удовлетворить очень скромные требования Советского Союза (четыре крохотных островка в Финском заливе, небольшая «передвижка» границы на Карельском перешейке) вынудило Сталина начать войну. На наш взгляд, это комплексное утверждение необходимо разделить на две части. Тогда станет предельно просто оценить каждую из них по отдельности.

Сталин действительно не хотел войны с Финляндией. Сталин хотел включить Финляндию в состав своей строящейся империи. Все, что мы сегодня знаем о Сталине, о его политике, о его тактике, о его характере, приводит нас к предположению о том, что Сталин не хотел войны, не любил войну (да и с

красноармейцами в окопах ни разу не беседовал) и все, что можно было забрать без войны — обманом, хитростью или угрозами, — забирал мирным путем. В этом смысле наш главный герой не был похож ни на Петра I, ни на Наполеона. С вероятностью, близкой к 100%, можно предположить, что Сталин согласился бы осуществить аннексию Финляндии в тех же мирных формах, в каких были аннексированы и включены в состав СССР Эстония, Латвия и Литва.

Что же касается упрямого нежелания правительства Финляндии удовлетворять кого бы то ни было, то считать это законным поводом к войне можно только в рамках диких понятий «закона джунглей». Финляндия не обязана была отдавать ни одного квадратного сантиметра своей территории. Волею того, она даже не обязана была участвовать в таких «переговорах», предметом которых является принудительный «обмен территорий» или какая-то странная «аренда», согласиться на которую принуждают угрозой войны и т.п. Все это так же бесспорно, как и то, что **нежелание жертвы изнасилования добровольно удовлетворять «минимальные запросы» насильника ни в одном суде мира не будет расцениваться как обстоятельство, смягчающее вину преступника**. Единственное, что Финляндия (равно как и СССР!) была обязана выполнять, так это Договор о мире, подписанный в 1920 г. в Тарту, и Договор о ненападении, заключенный между Финляндией и СССР в 1932 году. Договора должны выполняться. Но именно от обсуждения этой составляющей советско-финляндских отношений Москва уклонялась. *«Мы постоянно ссылались на мирный договор, заключенный в Тарту, а также на Пакт о*

ненападении. заключенный в 1932 году по инициативе СССР и подтвержденный в 1936 году. Эти ссылки были бесполезными; их буквально пропускали мимо ушей», — пишет в своих мемуарах В. Таннер [23].

Едва ли во всех этих очевиднейших вопросах есть предмет для дискуссии. И совершенно не случайно 26 ноября 1939 г. была организована инсценировка обстрела позиций Красной Армии в Майниле — даже Сталин с Молотовым понимали, что одного только нежелания финнов «меняться территориями» мало для того, чтобы придать развязанной ими войне хотя бы легкую видимость законности. Именно поэтому за четыре дня до войны и произошел запланированный еще в марте 1939 г. «инцидент в Майниле», а на второй день войны появилось «правительство Куусинена», по просьбе которого Красная Армия и пошла громить «белофинские маннергеймовские банды».

Значит ли это, что московские переговоры были пустой формальностью или что они были организованы лишь в качестве прикрытия для трудоемкой и неизбежно длительной передислокации армейских соединений в лесную глухомань Карелии? Большая доля здравого смысла в версии о «маскировочной» задаче переговоров (такую максималистскую точку зрения высказал профессор Ю. Килин), безусловно, присутствует [14]. Дорожная сеть в Приладожской Карелии обладала весьма низкой пропускной способностью, в ряде мест дорог как таковых не было вовсе, и войска выдвигались к границе пешим маршем, условно говоря «со скоростью черепахи». И тем не менее, одним только прикрытием сосредоточения войск задача, которую Сталин и Молотов хотели решить на переговорах с финской делегацией, не исчерпывалась. Советская сторона реально стремилась к

достижению договоренностей на тех условиях, которые она выдвигала на переговорах. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно перечитать меморандум советского правительства, который был вечером 14 октября вручен главе финской делегации. Приведем резюмирующую часть этого документа практически полностью.

«...Действуя на основании вышеизложенных предложений, необходимо урегулировать следующие вопросы по взаимному согласию и к обоюдной выгоде:

1. Предоставление в аренду советскому правительству на 30 лет порта Ханко и прилегающей территории в радиусе от пяти до шести морских миль к югу и востоку, вооружение ее береговой артиллерией, способной своим огнем совместно с огнем базы в Палдиски на южном берегу перекрыть доступ в Финский залив. Для обороны морской базы Финляндия позволит Советскому Союзу разместить в порту Ханко следующий персонал...

2. Предоставление Советским ВМФ права использовать залив Лаппохья (рядом с полуостровом Ханко. — М.С.) в качестве якорной стоянки.

3. Уступка Советскому Союзу следующих районов с соответствующей территориальной компенсацией:

- островов Суурсаари, Лавенсари, Большой Тютерс и Малый Тютерс (Готланд, Мощный, Малый, Сескар) и Койвисто (Березовый);

- части Карельского перешейка от поселка Липола (Котово) до южной окраины города Койвисто (Приморск);

- западной части полуострова Рыбачий общей площадью 2761 квадратный километр в соответствии с прилагаемой картой.

4. В возмещение районов, упомянутых в пункте 3, Советский Союз уступит Финляндской Республике советскую территорию около Ребола и Пориярви (Поросозеро) общей площадью 5529 квадратных километров в соответствии с прилагаемой картой.

5. Усиление пакта о ненападении, действующего в настоящее время между Советским Союзом и Финляндией, дополнение его условием, по которому страны-участницы обязуются воздерживаться от участия в таких группировках или союзах стран, которые могут прямо или косвенно представлять собой угрозу для другой страны-участницы.

6. Разрушение обеими сторонами укрепленных районов вдоль финско-советской границы на Карельском перешейке, оставляя вдоль линии границы обычную пограничную стражу» [23].

Как известно, выступая по всесоюзному радио 29 ноября 1939 г., за несколько часов до начала войны. Молотов заявил: *«Единственной целью наших мероприятий является обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда»*. Если под этим углом зрения посмотреть на советский меморандум, то мы можем обнаружить в нем единственный пункт, который, действительно, можно считать предложением, направленным на укрепление безопасности СССР. Это подпункт первый п. 3 — передача Советскому Союзу цепочки островов, которая тянется вдоль основного судоходного фарватера в Финском заливе. Не создавая особых дополнительных проблем для Финляндии,

Советский Союз укреплял таким образом позиции своего флота в заливе. **И на это предложение финны согласились!** Уже 16 октября, при первом же обсуждении советского меморандума в Государственном совете было принято решение согласиться на уступку островов в Финском заливе. Затем это решение было подтверждено правительством и президентом Финляндии и включено в те инструкции, с которыми финская делегация 21 октября отправилась в Москву, на второй раунд переговоров [23]. Так что традиционное для советской историографии утверждение о том, что «финны высокомерно отвергли ВСЕ предложения советского правительства», является заведомой ложью.

Связать же с обеспечением «безопасности города Ленина» вопрос о западной части полуострова Рыбачий, расположенного на расстоянии 1400 км от Ленинграда, можно только в порядке неуместной шутки. На переговорах в Тарту в 1920 г. было решено разделить полуостров и предоставить равные условия для рыболовства обеим странам — две бухты на западном берегу отдали Финляндии, две бухты на восточном — Советскому Союзу. Поскольку никакой связи с «обороной Ленинграда» в данном случае нельзя было даже придумать, в преамбуле советского меморандума от 14 октября появилась такая чудная аргументация: *«Отдельно следует решить вопрос о полуострове Рыбачьем, где граница определена искусственно, поэтому должна быть пересмотрена в соответствии с прилагаемой картой»* [23].

И тем не менее вопрос о западной части полуострова Рыбачий был поставлен не случайно, и отнюдь не в целях улучшения снабжения советских трудящихся норвежской селедкой. Западная часть

Рыбачьего — это вход в бухту порта Петсамо (Печенга). Это северные морские ворота Финляндии, а в условиях войны — единственная точка, через которую будет возможна связь Финляндии с внешним миром (проще говоря — с английским флотом), т.к. морское сообщение через Финский залив планировалось парализовать действиями Краснознаменного Балтфлота, а сухопутная связь с портами Норвегии зависела от доброй воли двух правительств: норвежского и шведского.

Если появление Красной Армии и флота на западном берегу полуострова Рыбачий могло блокировать связь Финляндии с вероятными союзниками физически, то пункт 5 меморандума блокировал эту связь политически. Коварная (хотя и легко разгадываемая) формулировка («в таких группировках или союзах стран, которые могут прямо или косвенно представлять собой угрозу для другой страны») позволяла Москве предъявить Финляндии обвинение в нарушении условий договора в случае практически любой попытки Финляндии обратиться за международной помощью и поддержкой.

Пункт 6 совершенно явно и прямо призывал к снижению (вместо декларируемого повышения) безопасности обеих договаривающихся сторон. Разумеется, для Финляндии разрушение полосы укреплений было смерти подобно, в то время как для Советского Союза, с его огромной армией и авиацией. эффект снижения оборонных возможностей был меньшим. И тем не менее — если бы Сталин действительно считал возможным появление на территории Финляндии крупной вражеской армии (германской или англо-французской), то он ни в коем случае не стал бы даже обсуждать вопрос о

разрушении укреплений на советской стороне границы, да еще и в непосредственной близости от Ленинграда — крупнейшего промышленного, научного и транспортного центра страны. Смысл и цель пункта 6 советского меморандума не вызывает ни малейших сомнений — это фактически открытое требование распахнуть ворота перед Красной Армией, наступающей на Выборг и далее *«вглубь страны по обстановке»*.

Сходные последствия могло иметь и выполнение советских требований о передвижке границы на Карельском перешейке до города Койвисто и передаче Советскому Союзу одноименного острова (ныне город Приморск и остров Березовый). От Койвисто до центра Ленинграда более 100 км. Артиллерии с такой дальностью стрельбы просто не существует, так что «держать город Ленина под угрозой обстрела» из Койвисто невозможно в принципе. Зато передача этих территорий разрывала «линию Маннергейма» на самом главном, выборгском оперативном направлении и лишала финские войска огневой поддержки двух артиллерийских фортов (Сааренпя с шестью орудиями калибра 10 дюймов и Хюмалийоки с шестью орудиями калибра 6 дюймов). Для Красной Армии, в которой счет орудий полевой артиллерии шел на десятки тысяч, а орудий крупного калибра — на тысячи, вопрос о судьбе 12 пушек едва ли заслуживал внимания. Но для нишей финской армии береговые батареи острова Койвисто составляла четвертую часть всей крупнокалиберной артиллерии! К тому же орудия эти находились внутри железобетонных казематов, т.е. были относительно надежно укрыты от ударов советской авиации, превосходство которой (количественное и качественное) было подавляющим. Оперативное значение этих батарей еще более

возрастало с учетом того, что в зоне их огня находились две основные дороги Карельского перешейка — автомобильная и железная. И хотя форты острова Койвисто с их максимальной дальностью стрельбы, соответственно 23 и 18 км, не создавали никакой угрозы ни Ленинграду, ни Кронштадту (до которого было более 70 км), **Сталин упорно настаивал на передаче этого острова вплоть до самого конца переговоров** [23].

Пунктом первым в перечне «минимальных требований» Сталина стоял полуостров Ханко. И этот вопрос действительно заслуживал первого места. Если «мирный захват» Койвисто и разрушение долговременных укреплений на Карельском перешейке выводили Красную Армию всего лишь на подступы к Выборгу — а от него до Хельсинки еще 240 км, — то советская военная база на Ханко представляла собой не что иное, как «револьвер, приставленный к виску» Финляндии. Порт Ханко не замерзает почти всю зиму, имеет 1500 м оборудованных причалов и, что самое главное, автомобильную и железнодорожную ветку, соединяющую Ханко со столицей. От Ханко до центра Хельсинки 110 км по шоссе. Имея такой готовый плацдарм для высадки войск, как порт Ханко, Красная Армия могла нанести удар по Хельсинки с двух сторон одновременно: с запада от Ханко и с востока от Выборга. Намерения Сталина были слишком очевидными, поэтому их пришлось маскировать. Сделано это было, как всегда, грубо и безграмотно.

И преамбула, и пункт 1 советского меморандума обосновывали претензии на Ханко желанием *«перекрыть доступ в Финский залив огнем береговой артиллерии*

совместно с огнем базы в Палдиски на южном (эстонском) берегу залива».

Действительно, на географической карте крупного масштаба синенькая полоска морской поверхности у входа в Финский залив кажется очень тоненькой, и «перекрыть» ее огнем большущих пушек кажется возможным. Вся беда в том, что карта — плоская, а Земля — круглая. Кривизна земной (морской) поверхности приводит к тому, что дистанция прямой видимости составляет порядка 10 морских миль (18–20 км). Все. Дальше — горизонт, и за ним ничего не видно. Поэтому прицельная стрельба в морском бою на дистанциях более 10–12 миль невозможна в принципе — какими бы огромными орудиями ни был оснащен корабль. Практически же на море бывает туман, каждый день наступает ночь, поэтому без радиолокаторов и сложных систем управления огнем прицельная стрельба и на дальность в 10 миль остается лишь мечтой. Да и с локаторами, дальнобойными орудиями и опытнейшими канонирами не всегда удается «перекрыть» проход вражеских судов. В чем практически убедились англичане 12 февраля 1942 г., когда три немецких корабля (линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау» и тяжелый крейсер «Принц Евгений») прошли сквозь невидимые лучи радиолокаторов и под дулами крупнокалиберных береговых батарей через Ла-Манш. И это при том, что англичане ждали этого события и готовились к нему несколько лет. Ширина Ла-Манша в самом узком месте, в районе Дувра, составляет всего 34 км, а от Ханко до Палдиски — 76 км. И никаких радиолокаторов. Что же тут можно было «перекрыть артиллерийским огнем»?

С другой стороны, перекрыть вход вражеского флота в Финский залив возможно. Уже после Первой мировой войны морские офицеры точно знали, как это делается. А в июне 1941 года все смогли убедиться в эффективности такого метода. Минные заграждения, установленные немцами и финнами в считанные дни, намертво перекрыли выход Краснознаменного Балтфлота в большую Валтику [106]. И в дальнейшем, во время злосчастного «таллинского перехода», основные потери КВФ понес именно от мин. В 1939-1940 гг., имея в своем распоряжении огромный флот и две крупные военно-морские базы (Кронштадт и Таллин), КБФ имел все возможности для того, чтобы покрыть воды Финского залива сплошными минными полями. Смешить военных специалистов предложениями «перекрыть вход в залив артиллерийским огнем» не было никакой нужды.

Таким образом, нетрудно убедиться в том, что советские предложения на московских «мирных» переговорах не были случайными, да и переговоры не были простой «говорильней», устроенной лишь с целью потянуть время. Перед финнами не стоял выбор: мир или война. **Фактически им было предложено два варианта войны: война немедленно (в случае отказа от договоренности с Москвой) или война с небольшой отсрочкой.** В первом случае Финляндия могла вступить в войну, имея оборудованные оборонительные позиции и некоторую надежду на получение помощи извне. Во втором случае — после удовлетворения «минимальных требований» Сталина — Финляндии пришлось бы вступить в войну в совершенно безнадежном положении, не имея ни союзников, ни полосы укреплений на Карельском перешейке, ни возможности воспрепятствовать высадке крупного

советского десанта в 100 км от столицы. Дальнейшие события показали, что в этой тяжелейшей, трагической ситуации Финляндия сделала правильный выбор.

Глава 1.3

МНОГОГРАННОЕ ЧУДО «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ»

Первая советско-финская война (30 ноября 1939 г. 13 марта 1940 г.) достаточно подробно описана в современной российской историографии. Скрупулезно, едва ли не по дням и часам разобран ход боевых действий, опубликован ряд крупных монографических исследований [16, 18, 20, 21, 30, 31]. Особо стоит отметить фундаментальный труд [33], построенный на использовании огромного массива первичных документов из советских и финских архивов. Стараясь не повторять без нужды уже сказанное, отметим лишь несколько моментов, имеющих непосредственное отношение к двум главным, «сквозным» темам нашего исследования: реальные внешнеполитические цели и устремления сталинского руководства, реальное состояние и боеспособность советских Вооруженных сил.

Военные результаты финской кампании повергли в шок как друзей, так и врагов Советского Союза. Огромная мировая держава бросила в бой 900-тысячную армию, оснащенную тысячами танков и самолетов, но при этом так и не смогла — выражаясь языком газеты «Правда» ноября 1939 года *«обуздать ничтожную блоху, которая прыгает и кривляется у наших границ»*. В своих

мемуарах К. Маннергейм предельно кратко и четко сформулировал общее мнение: *«Первое, что бросалось в глаза, — это диспропорция между огромным вкладом и ничтожным результатом»*. Столь же определенно высказался и генерал вермахта, он же — автор классического труда по истории Второй мировой войны К. Типпельскирх: *«Русские в течение всей войны проявили такую тактическую неповоротливость и такое плохое командование, что во всем мире сложилось неблагоприятное мнение относительно боеспособности Красной Армии»* [51]. Такая оценка долгие годы считалась общепринятой и бесспорной. Волею того, к подобной оценке стала склоняться даже «позднесоветская» историография. Характерный пример: составители сборника [9], повторив в краткой вступительной статье, посвященной событиям «зимней войны», все лживые штампы советской пропаганды, тем не менее признали, что *«война с Финляндией славы победителю не принесла»*.

В этом вопросе, как и во многих других, «нарушителем спокойствия» выступил историк и публицист В. Суворов.

Как всегда ярко и страстно, В. Суворов рассказал читателям про то, как он моделировал «зимнюю войну» 1939–1940 гг. на английском суперкомпьютере, а также ставил эксперимент на себе, забравшись (без зимнего обмундирования, с одной только бутылкой водки) в лютый мороз на елку. Якобы и вычислительная машина, и личные ощущения замерзшего до бесчувствия историка пришли к одному и тому же выводу: прорвать «линию Маннергейма» без атомной бомбы нельзя. Никак нельзя. Соответственно *«Красная Армия, проломав „линию Маннергейма“, опровергла и опрокинула представления*

мировой военной науки... Красная Армия совершила чудо. Ненужное, бестолковое, но чудо... С тонки зрения чисто военной, это была блистательная победа, равной которой во всей предшествующей и во всей последующей истории нет...» [58].

Как ни странно, но версия яростного антикоммуниста В. Суворова удивительно точно «улеглась» в матрицу сознания, подготовленного многолетней коммунистической пропагандой. Пропаганда эта неизменно старалась свести все события «зимней войны» исключительно и только к боям на пресловутой «линии Маннергейма». Такой подход позволял решить сразу **три задачи**. Во-первых, подкрепить ключевой для всей советской историографии тезис о том, что единственной целью войны была «защита северных подступов к Ленинграду», каковую «защиту» и пытались достигнуть путем небольшой передвижки границы на Карельском перешейке. Линия финских укреплений мешала этой «передвижке» — вот ее и пришлось смести с лица земли. Во-вторых, постоянное напоминание про «железобетонные ДОТы, извергавшие смертоносный огонь» воспринималось далекими от теории военного дела читателями как вполне «уважительная», «объективная» причина огромных потерь личного состава частей Красной Армии. В-третьих, состоявшийся к исходу третьего месяца войны прорыв «линии Маннергейма» можно было преподнести и как крупный успех, и как разумное объяснение того, почему война неожиданно прекратилась. Увы, с реальными историческими событиями все это имеет очень мало общего.

Начнем с самого простого. С арифметики и географии. Протяженность советско-финляндской

границы составляла порядка 1350 км. На строительство «великой финляндской стены» такой протяженности не хватило бы ресурсов не только Финляндии, но даже и огромного Советского Союза. В реальности линия долговременных финских укреплений на Карперешейке прикрывала участок границы протяженностью порядка 100 км. Менее одной десятой общей протяженности границы. Другим и словами — девять десятых финской границы не было прикрыто ни одним «извергающим смертоносный огонь ДОТом». Соответственно, с «линией Маннергейма» можно было поступить точно так, как вермахт в мае–июне 1940 г. поступил с несравненно более мощной французской «линией Мажино», т.е. обойти ее, отнюдь не пытаясь пробить укрепрайон «в лоб». Слухи об абсолютной якобы «непроходимости местности» к северо-востоку от Карельского перешейка сильно преувеличены. Южная Финляндия — это вполне обжитой и обустроенный регион, в полосе Сортавала–Лаппеенранта–Котка существовала достаточно густая дорожная сеть. Местность становится еще более проходимой именно в условиях зимней войны, когда мороз сковывает поверхность озер и болот крепким льдом.

Это — теория. Теперь обратимся к практике. Идея глубокого флангового обхода финских укреплений вокруг северного побережья Ладожского озера неизменно присутствовала и в довоенных планах советского командования, и в действиях войск в ходе самой «зимней войны». Обратимся еще раз к «Плану операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии» от 29 октября 1939 г. [97]. *«По получении приказа о наступлении наши войска одновременно вторгаются на территорию Финляндии **на всех направлениях с***

целью растащить группировку сил противника(подчеркнуто мной. — М.С.) и во взаимодействии с авиацией нанести решительное поражение финской армии. Главные силы наших войск ударом с видлицкого направления и с Карельского перешейка громят главную группировку финской армии в районе Сортавала, Виипури (Выборг), Какисалми (Кексгольм). а) Видлицкое направление — семь сд (стрелковых дивизий), три корпусных артполка, один артполк РГК, один танковый и химический батальоны... Задача войск этого направления — разбить финские части в районе Суоярви, Сортавала, Салми, овладеть их укрепленной полосой между оз. Янис-Ярви и Ладожским озером, **наступать в юго-западном направлении, в тыл группировки противника, действующей на Карельском перешейке** (подчеркнуто мной — М.С.), содействовать 7-й армии в разгроме этой группировки... б) Карельский перешеек — восемь стр. дивизии, пять корпусных артполков, пять артполков РГК, два отдельных артдивизиона БМ (большой мощности), три танковых бригады... Задача — разбить части прикрытия, овладеть укрепленным финским районом на Карперешейке и, развивая наступление в северо-западном и северном направлениях, во взаимодействии с войсками видлицкого направления, разгромить главную группировку войск противника в районе Сортавала, Виипури, Какисалми...»

Как видим, идея обхода «линии Маннергейма» и удара во фланг и тыл финских войск, развернутых на Карельском перешейке, прописана в плане вполне конкретно. Стоит обратить внимание и на то, что группировка советских войск на «видлицком направлении» (т.е. 8-я армия в Приладожской Карелии) отнесена разработчиками плана к «главным силам наших

войск», а по числу стрелковых дивизий эта группировка лишь немногим уступает 7-й армии на Карперешейке (семь восемь дивизий соответственно).

Кроме этих двух, главных группировок, предусматривалось еще и создание двух вспомогательных группировок (в реальности они были организационно сведены в одну 9-ю армию), которые, наступая по сходящимся направлениям — с севера от Кандалакши через Рованиemi, с юга от Реболы через Кухмо и Каяаани, должны были, *«овладев районом Кеми, Оулу (Улеаборг), отрезать сообщение Финляндии со Швецией через сухопутную границу»*.

Даже не принимая во внимание наличие еще одного операционного направления (Мурманского) и численность развернутой на этом направлении 14-й армии, нетрудно убедиться в том, что по числу стрелковых дивизий 9-я армия (122-я, 163-я, 54-я дивизии) и 8-я армия (155-я, 139-я, 56-я, 18-я и 168-я дивизии) в первые дни войны даже превосходили наступающую на «линию Маннергейма» 7-ю армию (шесть дивизий) [33]. В дальнейшем шло непрерывное наращивание сил Красной Армии на всех операционных направлениях (в частности, в Приладожскую и Северную Карелию было дополнительно переброшено не менее 13 дивизий), но при этом в прорыве «линии Маннергейма» на любом этапе войны было задействовано **не более половины** личного состава частей и соединений действующей армии.

Конкретно в цифрах ситуация была такова: при среднемесячной численности всей группировки войск в размере 849 тыс. человек, среднемесячная численность войск Северо-Западного фронта (7-я армия и

сформированная в конце декабря 1939 г. 13-я армия) составляла 423 тыс. человек. 9-я армия (Северная Карелия) имела среднемесячную численность в 94 тыс. человек, 8-я и 15-я армии (Приладожская Карелия) — 271 тыс. человек [9].

Таким образом, на расстоянии в сотни километров от ближайшего дота «линии Маннергейма» действовала огромная группировка советских войск общей численностью **более 350 тыс. человек**. Какое же «чудо» совершила там Красная Армия? Какие «блистательные победы, равных которым нет в истории», одержала?

Первым «чудом» было само планирование операции, в рамках которого войскам 9-й армии был задан темп наступления 22 км в день. Зимой, через заваленную снегом лесную глухомань центральной Финляндии. И это при том, что на своей собственной территории выдвижение стрелковых дивизий к границе шло с темпом 12-16 км в день, да и при этих темпах тылы и артиллерия постоянно отставали [33]. Другим «чудом» можно считать сосредоточение столь крупных сил на местности, почти лишенной автомобильных и железных дорог. Примечательно, что по предвоенным расчетам Маннергейма *«в Карелию близ Ладоги в связи с трудностями транспортировки русские могли забросить максимум три дивизии»*. Фактически же к концу войны в Приладожской Карелии было сосредоточено (или выдвигалось к фронту) порядка 15 дивизий.

Поскольку советское военно-политическое руководство вплоть до самого начала боевых действий так и не определилось с главным вопросом — готовится ли оно к войне или к «триумфальному маршу» — запасы

горючего и боеприпасов, накопленные в Карелии, были минимальными. Так, по вышеупомянутому плану Мерецкого войскам «видлицкого направления» требовалось *«боеприпасов 3,5 боекомплекта и горючего для транспортных машин 6–7 заправок»*. После того, как война приобрела затяжной характер, а войска понесли огромные потери в живой силе и технике, советское командование «неожиданно» для себя выяснило, что доставлять подкрепления и боеприпасы практически нечем. Войска 14-й, 9-й, 8-й и 15-й армии завязли в безлюдной, лишенной местных ресурсов местности, а все снабжение держалось на одной нитке Мурманской (Кировской, как она называлась тогда) железной дороги, скорость продвижения воинских эшелонов по которой из-за снежных заносов и огромной перегрузки линии снизилась до 5—6 км в час. Только отсутствие у финнов мощной бомбардировочной авиации, способной разрушить два железнодорожных моста через Свирь, спасало советские войска в Карелии от полной катастрофы [14]. Впрочем, и без того результаты боевых действий оказались крайне неутешительными.

В первые дни войны войска 8-й и 9-й армий успешно и относительно быстро продвигались вглубь финской территории. Как пишет Маннергейм, *«наши слабые подразделения вынуждены были отойти под нажимом превосходящих сил. Противник, поддерживаемый танками, продвигался неожиданно быстро; внезапное появление машин, одетых в броню, парализующее действовало на наши войска, из которых лишь редкие подразделения успели получить оружие для борьбы с танками»*. Наибольшего успеха добились части 8-й армии, которые на направлении Суоярви–Толвоярви прошли 100–120 км от госграницы вглубь Финляндии. Но

уже в середине декабря финны произвели частичную перегруппировку своих хилых сил и начали активные контратаки. Искусно маневрирующие лыжные батальоны «разрезали», окружали и уничтожали по частям огромные и неповоротливые колонны советских стрелковых дивизий. К 24 декабря 1939 г. 75 и 139-я стрелковые дивизии 8-й армии были отброшены на восток от Толвоярви более чем на 50 километров. О состоянии этих соединений можно судить потому, что 139-я дивизия оставила на поле боя 2247 винтовок, 165 станковых и 240 ручных пулеметов, а к началу января в ее стрелковых ротах оставалось по 30–50 человек, то есть не более 30% штатной численности [33]. Немногим лучше было и положение в 75-й дивизии.

В начале января 1940 г. финны перешли в крупное (по их меркам) наступление и силами семи пехотных батальонов окружили у северо-восточного побережья Ладожского озера, в районе города Питкяранта. 18-ю стрелковую дивизию и 34-ю танковую бригаду из состава 8-й армии. Несмотря на наличие у окруженных большого числа танков, боеприпасов и горючего (даже к концу февраля в частях 18-й дивизии и 34-й танковой бригады оставалось до 12 тыс. снарядов и две заправки горючего для танков [33]), их командование выбрало тактику пассивного ожидания помощи извне. Уже после окончания войны, 17 апреля 1940 г., корпусной комиссар Вашугин на совещании высшего состава РККА описал эти события следующим образом:

«Финны окружали наши дивизии небольшими частями. Мне представлялось, что для того, чтобы дивизию окружить, нужно иметь три дивизии. А как там

получилась? Это окружение создавало психоз у окруженных...

Я очень подробно выяснил окружение 97-го стрелкового полка 18-й дивизии. Что из себя представляло окружение 97-го строкowego полка? Командир полка заявил, что с запада было около роты противника, с востока было меньше усиленного взвода, с севера были регулярные войска — около батальона, который занимал укрепленные позиции в лагере, но в последнее время наши ходили в разведку в этот лагерь и не находили там вовсе противника. Они нигде противника не видели. С юга же противника никогда не было. И считали себя в окружении... Мы его выводили очень просто. Пришла пара разведчиков, которые сказали, что полку приказано выйти из окружения. Гарнизон поднялся и ушел» [20].

Не везде, однако, все закончилось так просто и благополучно. Входе длительных боев финны расчленили на отдельные группы и к концу февраля практически полностью уничтожили окруженную группировку. Неоднократные попытки деблокировать окруженных крупными силами (в общей сложности было задействовано четыре дивизии: 60-я сд, 11-я сд, 72-я сд и 25-я кд) оказались безрезультатными. В качестве трофеев финнам досталось 128 танков, 91 орудие, 120 автомашин и тракторов, и даже Боевое знамя 18-й стрелковой дивизии [22, 33]. Лишь прекращение Воевых действий 13 марта 1940 г. избавило от такого же разгрома еще одну, 168-ю стрелковую дивизию. Командир 18-й дивизии комбриг Г.Ф. Кондрашев был ранен, 4 марта арестован и впоследствии расстрелян. Командир 34-й танковой бригады комбриг С.И. Кондратьев, начальник штаба бригады Н.И. Смирнов и

начальник Особого отдела бригады капитан Доронин застрелились. Покончили жизнь самоубийством также начальники политотделов дивизии и бригады И.А. Гапанюк и И.Е. Израецкий. 8 марта застрелится командир 56-го стрелкового корпуса (в состав которого входили 18 и 168-я дивизии) комдив И.Н. Черепанов [33].

«Надо сказать прямо, что на петрозаводском направлении финны взяли в середине декабря инициативу в свои руки и держали ее почти до конца войны», — вынужден был признать начальник Генерального штаба РККА Шапошников, выступая на уже упомянутом совещании высшего комсостава 16 апреля 1940 г. [20]. Серьезное заявление — принимая во внимание планы, соотношение сил и состав вооружения сторон.

Сходным образом развивались события и среди глухих лесов центральной Финляндии, в полосе наступления 9-й армии. С 30 ноября по 7 декабря (в этот день 163-я стрелковая дивизия заняла важный дорожный узел в поселке Суомуссалми) соединения 9-й армии, отбросив от границы два батальона финских резервистов, наступали, что называется, «малой кровью». Так, общие потери 163-й дивизии составили 243 человека [33]. Ситуация резко изменилась после прибытия в район боев 27-го пехотного полка и назначения командующим всеми частями финской армии в районе Суомуссалми полковника Сииласвуо (в дальнейшем генерала, одного из наиболее знаменитых и удачливых финских военачальников). 15 декабря финны отбили Суомуссалми, а к 21 декабря лыжными группами окружили большую часть сил 163-й стрелковой дивизии.

На помощь 163-й дивизии советское командование выдвинуло 44-ю стрелковую дивизию. Эта дивизия, входившая в состав войск Киевского военного округа, прибывала из недавно «освобожденного» польского Тарнополя в обычном осеннем обмундировании: шинелях и кирзовых сапогах. Тем временем необычайный мороз в районе боев опустился до 40 градусов. Сииласвуо пишет в своих послевоенных воспоминаниях: *«Мне было непонятно и странно, почему русские не имели лыж и поэтому не могли оторваться от дорог»*. К. Маннергейм прослужил в русской армии 30 лет. Поэтому, не высказывая никакого удивления, он просто констатирует: *«Сопrotивление группы 163-й дивизии было сломлено 30 декабря. На месте осталось убитыми более 5 тысяч солдат противника, около 500 человек были взяты в плен. Трофеи были весьма значительными: 27 орудий, 11 танков, 150 грузовых автомобилей, огромное количество оружия пехоты и боеприпасов»* [22].

По документам советских штабов потери 163-й дивизии за все время боев составили 3043 человека убитыми и пропавшими без вести, 8558 ранеными и обмороженными, т.е. примерно 70% штатного состава. В качестве «стрелочника» Особый отдел 9-й армии выбрал командира и комиссара 662-го полка 163-й дивизии полковника Шарова и батальонного комиссара Подхомутова. Они были преданы суду военного трибунала и расстреляны.

В первых числах января была окончательно окружена и разгромлена 44-я дивизия. Сииласвуо пишет: *«Паника окруженных все росла, у противника больше не было совместных и организованных действий... Лес был полон бегущими людьми... В полдень 7 января противник начал сдаваться. Голодные и замерзшие люди*

выходит из землянок... Мы захватили немыслимо большое количество военных материалов, о которых наши части не могли мечтать даже во сне. Досталось нам все вполне исправное, пушки были новые, еще блестели... Трофеи составили 40 полевых и 29 противотанковых пушек, 27 танков, 6 бронеавтомобилей, 20 тракторов, 160 грузовых автомобилей, 600 лошадей...» [33].

В этой цитате важно отметить слова: «люди выходили из землянок». В полной противоположности с общепринятым мифом (финны сидят в теплом доте, красноармейцы идут в атаку на лютom морозе по пояс в снегу) финские части непрерывно маневрировали на 40-градусном морозе, в то время как окруженные советские дивизии имели возможность наладить хотя бы минимальные условия для обогрева личного состава. Стоит отметить и то, что, поданным штаба 9-й армии, потери вооружения и техники 44-й дивизии были даже большими, чем смог насчитать Сииласвуо: 4340 винтовок, 350 пулеметов, 87 орудий разных калибров, 14 минометов и 37 танков [33].

Военный трибунал признал командира 44-й стрелковой дивизии комбрига Виноградова, начальника штаба полковника Волкова и начальника политотдела Пахоменко виновными в том, что они *«преступно игнорировали приказы высшего командования... разбросали части дивизии на отдельные отряды и группы... спасая свою шкуру позорно бежали с небольшой группой людей в тыл»*. Приговор был приведен в исполнение 11 января 1940 года перед строем остатков личного состава дивизии.

Сокрушительный и позорный разгром главных сил 9-й армии не остудил, однако, «наступательный порыв» советского командования. Идея «перерезать» Финляндию и захватить Оулу продолжала витать в высоких кабинетах. Так, в плане (практически не реализованном) операции Балтфлота по захвату Аландских островов, составленном 21 января 1940 г., важность установления полного контроля над судоходством и Ботническим заливом аргументировалась следующим образом. *«С перехода и нашей армии в наступление и перерезанием сухопутной коммуникации в районе Улеборга, морская коммуникация остается единственной возможной Финляндии»* [235].

В реальности же вместо всех этих «маниловских прожектов» усилия командования 9-й армии, многочисленные подкрепления, которые она непрерывно получала, и напряженная боевая работа авиации были направлены главным образом на спасение от полного разгрома еще одной дивизии, окруженной в районе Кухмо (примерно 100 км южнее Суомуссалми) — 54-й горно-стрелковой. Так же, как и на других участках бескрайнего Карельского фронта, финны разорвали растянувшуюся на 25 км колонну 54-й дивизии на восемь отдельных групп и с 1 февраля приступили к их методичному окружению и истреблению. Несмотря на то, что эта дивизия — в отличие от многих других, брошенных в ледяное пекло финской войны — была «старой», кадровой дивизией, специально подготовленной к действиям на северном театре военных действий, ее командование и личный состав оказались неспособны к решению каких-либо боевых задач.

Командующий ВВС 9-й армии (в дальнейшем — командующий ВВС всей Красной Армии) П. Рычагов

докладывал 16 апреля 1940 г. на Совещании высшего комсостава: *«Гусевский (командир дивизии) каждый день, а иногда по несколько раз в день, слал паникерские телеграммы... Под влиянием этих телеграмм угробили почти все резервы 9-й армии, какие там были и подходили, туда бросали множество людей и не могли организовать никакого наступления по освобождению... Авиация обязана была бомбить, стрелять, охранять его в течение 45 дней. Дивизия кормилась 80-м авиаполком в течение 45 дней, и этот полк фактически спас ее, бездействующую дивизию, от голода и гибели, не давая финнам покоя день и ночь. Ежедневно при малейшей активности финнов там поднималась паника, туда давали все постепенно прибывавшие эскадроны и батальоны лыжников... На самого Гусевского повлиять никак не могли, а порядка в осажденном гарнизоне не было»* [20]. *«Заключение мира, — пишет Маннергейм, — спасло сильно потрепанную 54-ю дивизию, потерявшую почти половину своего состава и вооружения»* [22]. Судя по данным советских архивов, оценка финского маршала была весьма точной — потери дивизии исчислялись в 2691 человек убитыми и пропавшими без вести, 3732 ранеными и обмороженными, что составляло 60% от штатного расписания советской горно-стрелковой дивизии [33].

Таким образом, ни одна из поставленных перед войсками 8-й и 9-й армий задач не была выполнена. Ни о «выходе к шведской границе», ни об ударе во фланг и тыл финских войск, оборонявших «линию Маннергейма», не приходится даже говорить. На момент окончания боевых действий войска 8-й армии продвинулись вперед на расстояние всего 20–30 км от линии границы 1939 года на направлении Лоймола–Суоярви. 60–70 км на

правом фланге армии, в направлении Иломантси. Войска 9-й армии были практически повсеместно отброшены назад, на исходные позиции.

За такие, весьма скромные, результаты была заплачена огромная цена. Потери Красной Армии за три месяца боев в Карелии составили 141 тыс. человек. Безвозвратные потери 9-14 армии составили 13,5 тыс. человек, общие потери 46 тысяч. 8-я и 15-я армии потеряли 31 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести, общие потери двух этих армий составили 95 тыс. человек [9]. Для сравнения отметим, что действовавшие в Приладожской Карелии 12-я и 13-я пехотные дивизии финской армии (вместе с приданными им отдельными батальонами) потеряли в общей сложности 4 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести. 9,5 тыс. человек ранеными [33]. То, что потери атакующей (причем успешно атакующей) финской армии оказались в **7–8 раз меньше потерь** Красной Армии по праву может быть названо «чудом, которое опровергло и опрокинуло представления мировой военной науки...».

Необходимо отметить и тот факт, что приведенная выше ужасающая цифра потерь войск 8-й, 9-й и 15-й армий скорее всего занижена. Дело в том, что в результате проведенной в 1949–1951 гг. Главным управлением кадров Министерства обороны СССР работы по составлению поименных списков военнослужащих, погибших и пропавших без вести в ходе советско-финской войны, было выявлено расхождение с данными, представленными в свое время штабами частей и соединений. **31527 человек пропали неизвестно куда** [9]. Они не вошли ни в число погибших, ни в число пропавших без вести, которые были учтены в донесениях войск до конца марта 1940 г. Разумеется, установить

сегодня судьбу этих 31527 человек нет никакой возможности, но с очень большой долей вероятности можно предположить, что большая их часть погибла именно в хаосе отступления и окружений в Карелии, а не на Карельском перешейке, где происходили относительно организованные и упорядоченные бои на «линии Маннергейма». Если это предположение верно, то тогда приходится констатировать, что потери Красной Армии в Карелии, «в стороне от линии Маннергейма», составили **почти половину** (47%) от общих потерь «зимней войны».

Нельзя забывать и о том, что «зимняя война» велась не только на суше, но и в воздухе. Даже не открывая ни одного справочника, можно уверенно утверждать, что никакой «летающей линии Маннергейма» не было и в помине. Тем не менее, действия советских ВВС в ходе «зимней войны» можно считать ярчайшим примером того, что сам маршал Финляндии назвал «огромным вкладом и ничтожным результатом».

В фондах Российского Государственного военного архива (РГВА) сохранился примечательный документ: перевод статьи «Советская воздушная война против Финляндии» некоего господина Боргмана из г. Хельсинки, опубликованной в трех номерах (28 июня, 5 и 12 июля 1940 г.) немецкого военного журнала «Дойче Вер» [96]. На первой странице машинописного текста — резолюция начальника Оперативного отдела штаба ВВС Красной Армии генерал-майора Теплинского: *«Сверить цифры с нашими данными. Сделать сводку основных цифр»*. Поданным подчиненных генерала Теплинского.

«СССР к началу военных действий имел 1800 самолетов на фронте, к концу войны 3353 самолёта, из них 60% — бомбардировщики». Но надо иметь в виду, что в штабе ВВС РККА не учли весьма многочисленную авиацию Балтийского и Северного флотов. По современным данным, группировка советской авиации на финляндском ТВД на момент окончания боевых действий насчитывала **3885 самолетов** (из них 508 самолетов в составе ВВС флотов), в том числе 1732 бомбардировщика. За все время войны этой группировкой было выполнено более **101 тысячи** боевых самолетовылетов [52].

Все познается в сравнении. Для того, чтобы по достоинству оценить эту цифру — 101 тысяча боевых вылетов, — следует сравнить ее с количественными показателями применения авиации в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны: Курская битва — 118 тысяч вылетов с 5 июля по 23 август 1943 г. Сталинградская битва — 114 тысяч вылетов за семь месяцев (с июля 42 г. по февраль 43 г.). Не менее показательным является и сравнение численности группировки советской авиации и интенсивности ее применения на финском фронте с цифрами, характеризующими действия люфтваффе. Как известно, максимальная по численности группировка немецкой авиации была создана перед началом наступления на Западном фронте (вторжение во Францию. Бельгию и Голландию) 10 мая 1940 г. — 3641 боевой самолет (без учета транспортной, санитарной, связной и разведывательной авиации). К началу наиболее ожесточенных боев «битвы за Британию» (по состоянию на 13 августа 1940 г.) численность группировки люфтваффе была заметно ниже — 3067 самолетов, в том числе 1847 бомбардировщиков. Значительно меньшие

силы немецкой авиации были сосредоточены у западных границ СССР утром 22 июня 1941 г. — 2344 самолёта, в том числе 1236 бомбардировщиков [48].

Как видим, группировка советской бомбардировочной авиации на фронте войны с «финляндской козьявкой» ничуть не уступала по численности силам бомбардировочной авиации люфтваффе, которым предстояло «выбомбить Британию из войны». По интенсивности использования — значительно превышала. Советские бомбардировщики за все время «зимней войны» (три месяца и 12 дней) выполнили 44962 вылета, а немецкая бомбардировочная авиация за три месяца и шесть дней (с 1 июля по 6 октября) выполнила всего лишь 16850 боевых вылетов [52, 53]. Правда, последнее сравнение не вполне корректно, так как советская бомбардировочная авиация на финском ТВД действовала главным образом по войскам и укрепрайонам на поле боя, в то время как люфтваффе бомбило крупные площадные цели (проще говоря — города) в глубине английской территории.

Уместнее будет сравнить действия люфтваффе в ходе «битвы за Британию» с результативностью налетов советской бомбардировочной авиации по тыловым объектам (железнодорожные станции и перегоны, порты, промышленные предприятия, административные центры) Финляндии. В вышеупомянутой статье «Советская воздушная война против Финляндии» г. Боргман приводит такие количественные параметры: совершено 2075 налетов на 516 объектов, в ходе которых было выполнено 14640 самолето-вылетов, сброшено 100 тысяч бомб всех типов. Современные историки приводят несколько меньшие (и, вероятно, более реалистичные) цифры: 55 тысяч фугасных и 41 тысяча зажигательных

(т.е. гораздо более легких) бомб [52]. Эти цифры — 14,6 тыс. вылетов и 55 тыс. фугасных бомб — вполне сопоставимы с показателями боевого применения бомбардировщиков люфтваффе (16,9 тыс. вылетов за три месяца, 30 тыс. фугасных авиабомб, сброшенных на Лондон также за три месяца, с сентября по ноябрь 1940 г.). Абсолютно несопоставимыми оказались только результаты.

Немецкие бомбардировки вызвали колоссальные разрушения и привели к многочисленным жертвам. Уже в ходе первого налета на Лондон 300 человек было убито и более 1300 тяжело ранено. За первый месяц массированных бомбардировок, в сентябре (1940 г. в Лондоне погибло более 7 тысяч человек. Всего в ходе «битвы за Британию» с августа 1940 г по май 1941 г в английской столице было уничтожено 84000 зданий, 250 тыс. жителей осталось без крова. Вот как описывает в своих мемуарах У. Черчилль один из налетов, состоявшийся 10 мая 1941 г.:

«В городе вспыхнуло свыше двух тысяч пожаров, причем мы не могли тушить их, так как бомбардировками было разрушено около 150 водопроводных магистралей. Были повреждены 5 доков и более 70 важнейших объектов, половину из которых составляли заводы. Все крупнейшие железнодорожные станции за исключением одной, были выведены из строя на несколько недель, а сквозные пути полностью открылись для движения только в начале июня. Было убито и ранено свыше 3 тысяч человек» [55].

В Манчестере самые страшные налеты случились 23 и 24 декабря 1940 года. За два дня (точнее говоря — за две ночи) погибло 2500 человек и 100 тысяч остались без

крова. В ночь на 14 ноября 1940 года 449 бомбардировщиков люфтваффе разрушили дотла город Ковентри. Огромный ущерб был причинен Бирмингему, Белфасту, Ливерпулю, Шеффилду, Бристолу, Саутгемптону... В общей сложности по всей стране было разрушено порядка одного миллиона зданий. По сведениям, приводимым У. Черчиллем, общее число потерь населения составило 43 тыс. убитых и 51 тыс. тяжелораненых.

Результат боевых действий советской авиации по тыловым объектам Финляндии (действий, за которые Советский Союз «заплатил» не только огромными материальными затратами, связанными с обеспечением 14 тысяч боевых вылетов, но и потерей последних остатков международной репутации и позорным исключением из Лиги Наций) оказался фактически мизерным. Вот что пишет в своих мемуарах Маннергейм: *«Несмотря на огромную численность (примерно 2500 самолетов (эта цифра занижена. — М.С.), советские ВВС не оказали решающего воздействия на ход войны. Удары, наносимые по войскам с воздуха, особенно в начале войны, были робкими, и бомбардировки не смогли сломить волю нации к обороне... Стратегическую задачу — разорвать наши внешние коммуникации и добиться развала движения транспорта — русским выполнить совсем не удалось. Наше судоходство, сконцентрированное в Турку, не было парализовано, хотя город и бомбили более 60 раз... Единственным путем, связывающим Финляндию с границей, была железная дорога Кемь–Торнио. По ней шла самая большая часть экспорта и завоз военного оборудования. Этот путь остался целым и невредимым да самого конца войны. Правда, некоторые железнодорожные перевозки*

приходилось совершать в ночное время, но в основном железные дороги с честью справились со своими задачами. Небольшие повреждения, наносимые им вражеской авиацией, быстро ликвидировали. Производство военного снаряжения также шло без больших срывов» [22].

Всего в городах и поселках Финляндии было полностью разрушено 256 каменных и 1764 деревянных строений [52]. Другими словами, для разрушения одной деревянной избышки в среднем расходовалось 7 самолетовылетов, сбрасывалось 27 фугасных и 20 зажигательных бомб. Боргман оценивает потери гражданского населения Финляндии в 646 убитых и 538 тяжелораненых, Маннергейм пишет, что *«более семисот гражданских лиц было убито, а ранено вдвое больше»* [22]. Современные историки называют цифру в 960 погибших при бомбежках мирных жителей [52].

В любом случае, эти цифры совершенно несопоставимы с числом жертв гражданского населения Англии.

Разумеется, читатель, мало знакомый с историей Сталина и его империи, может предположить, что столь малые жертвы мирного населения были связаны с тем, что советская авиация наносила исключительно точные, снайперские удары по сугубо военным объектам. Не говоря уже о том, что при наличии желания у Сталина была возможность уменьшить число жертв среди финских трудящихся до нуля (достаточно было просто не начинать войну), факты и документы отнюдь не подтверждают гипотезу о «точечных» бомбардировках. Первые авианалеты на Хельсинки и Ханко вследствие крайне низкой точности бомбометания привели к

многочисленным разрушениям и жертвам в жилых районах. Две бомбы разорвались даже рядом со зданием советского полпредства, легко ранив нескольких сотрудников. Учитывая крайне нежелательные на том этапе войны (Советский Союз готовился посадить в Хельсинки «народное правительство» Куусинена) политические последствия, а также понимая невозможность немедленного и радикального повышения качества летной и тактической подготовки экипажей бомбардировочной авиации, Ворошилов издал приказ о «категорическом и безусловном» запрете бомбардировок «городов и мирного населения». Однако все эти «игры и демократию» быстро закончились, когда стало ясно, что вместо триумфального марша Красная Армия втянулась в жестокую, затяжную, кровопролитную войну.

21 декабря 1939 г. начальник Главного автобронетанкового управления РККА комкор Павлов пишет докладную записку наркому обороны Ворошилову: *«Надо потрясти беспощадно всю Финляндию, чтобы другим неповадно было (через полтора года именно так Сталин и расправится с Павловым: беспощадно, чтоб другим неповадно было. — М.С.). Я уверен, что как кончим с Финляндией (независимо от применения средств и способов), так про нее забудут и англичане и французы. Исходя из этого считаю, что можно и должно подвергнуть полному разрушению все ж/д узлы, гавани и административные центры управления страной. Разрушить военные заводы, посеять смертельный страх на дорогах днем и ночью»* [72]. Советы Павлова (вероятно, и не его одного) были приняты и одобрены. 3 января 1940 г. советские ВВС получили подписанный Ворошиловым, Сталиным и Шапошниковым приказ, который требовал *«в ближайшие десять дней наносить*

систематические и мощные удары по глубоким тыловым объектам, административным и военно-промышленным пунктам» [52]. Разумеется, потрясти за 10 дней Финляндию не удалось, и все нарастающие по мощи удары сыпались на финские города и поселки вплоть до самого конца войны.

Резидент советской разведки в Финляндии Е. Синицын в своих мемуарах описывает свой первый после окончания «зимней войны» визит в Хельсинки так: *«Город показался мне мертвым, грязным и запущенным. Были видны разрушения и обгорелые остовы зданий. Редкие прохожие торопливо протискивались среди мешков с песком у каждого подъезда...» [156].*

Примечательно, что работники оперативного отдела штаба ВВС оставили на полях статьи Воргмана комментарий, из которого следует, что *«не считая УРы, мосты, ж/д перегоны» бомбардировке подверглись «около 100 населенных пунктов».* Отметим господин Воргман и массовое применение боеприпаса неизвестного ему нового типа. Судя по описанию, речь идет о РРАБ (ротационно-разбрасывающая авиабомба), прозванной в Финляндии «хлебная корзина Молотова». Это простое и эффективное устройство позволяло засыпать стеклянными шариками с зажигательной смесью КС площадь до одного гектара. Понятно, что РРАБы сбрасывались отнюдь не для разрушения «УРов, мостов и ж/д перегонов», а для создания массовых пожаров в населенных пунктах с деревянными постройками.

Красным карандашом начальник оперативного отдела штаба ВВС Красной Армии подчеркнул следующие фразы в статье Воргмана. *«Советской авиации не*

удалось ни сковать транспорт, ни помешать работе военной промышленности, ни нарушить производство и распределение, ни сломить волю населения к сопротивлению... Совершенно не была подвергнута бомбардировке железнодорожная линия Кемь–Торнио...».

На последнем замечании стоит остановиться подробнее. Так же, как и в России, территория Финляндии заселена и освоена крайне неравномерно. Соответственно, густая сеть железных дорог на юге страны становится все более разреженной в центре, пока не превращается в одно-единственную «нитку», которая вдоль северного берега Ботнического залива, через города Оулу (Улеаборг)–Кемь–Торнио уходит на запад, в Швецию и Норвегию, связывая финские железные дороги с незамерзающими норвежскими портами. Огромное стратегическое значение линии Оулу–Кемь должно было бы быть очевидным. Столь же очевидным и бесспорным являлось наличие авиационно-технических возможностей для систематических бомбардировок этой магистрали (от Кеми до советско-финляндской границы не более 250 км по прямой). И что самое удивительное, забыв про железную дорогу, советское командование организовало систематические бомбардировки крупного (в масштабах северной Финляндии) губернского центра Рованиеми, расположенного всего в 97 км по шоссе от Кеми.

По данным финского историка авиации К. Геуста, на Рованиеми было совершено 19 авианалетов, в ходе которых было сброшено 700 фугасных бомб. Особенно крупными были налеты 1 февраля (ДБ-3–8; и СБ-26) и 21 февраля (ДБ-3–13; СБ–26). Перед самым концом войны, 10 марта 1940 г. для авиаудара по Рованиеми было даже задействовано 6 четырехмоторных гигантов ТБ-3. Последний налет на этот злосчастный город был

совершен в 11 часов утра 13 марта, всего за один час до окончания боевых действий «зимней войны» [52]. В результате всех усилий в городе, не имевшем сколь-нибудь заметного военного значения, было убито 25 мирных жителей, но расположенная всего в сотне километров к юго-западу стратегическая железная дорога «совершенно не была подвергнута бомбардировке...»

Обсуждение эффективности использования бомбардировочной авиации невозможно в отрыве от учета степени противодействия противника. Летом–осенью 1940 г. немецким бомбардировщикам противостояла хотя и относительно малочисленная (относительно численности группировки люфтваффе), но хорошо подготовленная, оснащенная радарам раннего обнаружения и вполне современными самолетами английская истребительная авиация. Оговорка об «относительной» малочисленности истребителей Королевских ВВС сделана не случайно. Даже в самые критические моменты августа 1940 г. численность боеготовых «харрикейнов» и «спитфайров» сохранялась на уровне 700–750 машин [48]. Численность и возможности финских истребителей были совершенно иными.

Поданным современных историков, к началу войны ВВС Финляндии имели 145 самолетов всех типов, из них 119 в боевых эскадрильях, в том числе порядка 50 самолетов, которые с большей или меньшей натяжкой можно было отнести к разряду «истребителей» [52]. Самыми современными среди них были **36 голландских «фоккеров» Д-21**, по своим тактико-техническим характеристикам соответствовавших советским И-16 ранних модификаций (до «ишаков» образца 1939 г.

«фоккеры» недотягивали по всем параметрам). Ко дню прекращения боевых действий (13 марта 1940 г.) из-за границы в Финляндию поступило и было введено в строй 130 боевых самолетов, в то время как безвозвратные потери финской авиации за все время войны составили 71 самолет (в т.ч. 36 сбито советскими истребителями и стрелками бомбардировщиков, 6 — сбиты зенитным огнем, 29 разбились в авариях) [52]. Такое соотношение потерь и поставок позволило не только поддерживать на примерно постоянном уровне численность самолетов в боевых частях финских ВВС, но и даже увеличить ее. Так, к 1 марта 1940 г. количество относительно современных истребителей в составе боевых эскадрилий составляло уже **77 самолетов** (24 «фоккера», 25 французских «моранов», 17 английских «гладиаторов», 11 итальянских «фиатов») [52].

Такими силами финская авиация выполнила 5693 самолетовылета и нанесла противнику огромные потери.

Уже 14 февраля 1940 г. начальник Главного управления ВВС Смушкевич в письме № 487821 на имя наркома обороны Ворошилова предлагал выделить «на восполнение убыли самолетов для фронта» 800 боевых самолетов (ДБ-3 — 180; СБ — 320; И-16 — 100; И-153 — 200) [66]. Безвозвратные потери советской авиации (причем потери, посчитанные не по докладам финских летчиков и зенитчиков, а по рассекреченным документам советских архивов!) составили порядка 600–650 самолетов, из которых не менее половины сбито противником, а остальные потеряны в результате аварий [52, 64]. Безнадёжно устаревшие (вернем советским «историкам» это их любимое выражение) «фоккеры» сбили (по финским данным) 120 самолетов советских ВВС, потеряв в воздушных боях только 10 своих

истребителей [52]. В целом же, при финальном соотношении численности авиационных группировок 26 к 1, соотношение боевых потерь составило 8 к 1 в пользу крохотной финской авиации!

Самолет-истребитель не является единственным противником бомбардировщика. Есть еще и зенитная артиллерия. Правда, попасть неуправляемым снарядом в самолет, летящий на большой высоте и с огромной скоростью, почти невозможно. Ничтожную вероятность попадания приходится компенсировать большим числом зенитных орудий и колоссальным расходом боеприпасов. Например, по состоянию на 22 июня 1941 г. в советских Вооруженных силах числилось 7200 (семь тысяч двести) зенитных орудий среднего калибра (76 мм и 85 мм) и 1400 зениток малого калибра (37-мм и 40-мм) [9]. В частности, на вооружении войск Московской зоны ПВО было 779 зенитных орудий среднего и 248 малого калибра, на вооружении войск Ленинградской зоны ПВО было 864 орудия среднего и 16 пушек малого калибра [54, 56]. К началу войны были накоплено 5,03 млн. зенитных выстрелов калибра 76 мм и 0,495 млн. зенитных выстрелов калибра 85 мм [74]. План производства боеприпасов на 1941 год, утвержденный на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 14 февраля 1941 г., предусматривал изготовление 5 млн. зенитных выстрелов калибра 85 мм и 76 мм [75]. Все советские и многие современные российские историки оценивают эти количества как совершенно недостаточные. Так, авторы авторитетнейшего статсборника пишут: *«Красной Армии в начале войны явно не хватало зенитных средств. В результате наши войска оказывались беззащитными при ударах противника с воздуха...»* [9].

«Беззащитными при ударах противника с воздуха...» Финляндия встретила войну с Советским Союзом, имея на вооружении **38 (тридцать восемь) зенитных орудий среднего калибра** (76-мм «Бофорс» М/29) с боезапасом 188 выстрелов на одно орудие и 53 (пятьдесят три) малокалиберных 40-мм «Бофорс» М/38. К концу войны, благодаря срочным закупкам за рубежом, численность финской зенитной артиллерии указанных калибров возросла до 81 и 100 орудий соответственно. Для сравнения отметим, что на одной только военно-морской базе Краснознаменного Балтфлота в Кронштадте было 48 зенитных орудий калибра 76 мм и 8 зениток калибра 85 мм, и все это — лишь в дополнение к мощнейшей корабельной артиллерии [106].

Учитывая, что досягаемость по высоте малокалиберной зенитной артиллерии тех лет не превышала 2–3 км, ее использование имело смысл только для защиты боевых порядков войск от вражеских штурмовиков и низколетящих бомбардировщиков. Для обороны же городов Финляндия фактически имела лишь полсотни 76-мм зенитных орудий. Проще и точнее говоря — большая часть тыловых объектов Финляндии вообще не имела никакого зенитного прикрытия, и советские бомбардировщики могли действовать над ними, как на учебном полигоне. В таких-то условиях *«советской авиации не удалось ни сковать транспорт, ни помешать работе военной промышленности»*. Более того, финские зенитчики заявили об уничтожении 314 советских самолетов. Даже с учетом того, что эта цифра завышена примерно вдвое, эффективность финской зенитной артиллерии следует оценить как невероятно высокую. Так, расход боеприпасов составил всего 168 снарядов 76 мм на один сбитый (сбитый по финским данным) самолет

[52]. Это феноменальный показатель. Прделав простейший расчет, читатель сможет убедиться в том, что если бы хотя бы **одна десятая от 5,5 млн. советских зенитных снарядов была израсходована с такой же** результативностью, то вся группировка люфтваффе на Восточном фронте была бы уничтожена до последнего самолета, одной только зенитной артиллерией, без помощи истребителей...

В холодных водах Балтики также не было обнаружено никакой «плавучей линии Маннергейма». Тем не менее, результативность действий Краснознаменного Балтийского флота (КВФ) оказалась изумительно низкой. К слову сказать, сам Маннергейм, выразив удивление тем, что *«русские для борьбы с нашим судоходством не сосредоточили легкие силы флота в портах Балтики»*, объясняет это в мемуарах тем, что *«они с самого начала рассчитывали на „молниеносную войну“*». В данном случае маршал ошибся. Планы и намерения советского военно-политического руководства были самые серьезные и далекоидущие. Уже 26 октября 1939 г. (это не опечатка, именно октября!), в то время, когда в Москве с финской делегацией еще велись «мирные переговоры» по вопросу передачи Советскому Союзу нескольких островков в Балтийском море и небольшой «передвижке» границы на Карельском перешейке. Военный совет КВФ издал директиву № 1 оп/575сс. В ней 2-й бригаде подводных лодок приказывалось выйти на позиции на случай *«ведения неограниченной подводной войны против Финляндии»*, а также для разведки «за

развертыванием и действиями шведского (и это тоже не опечатка) флота» [57].

12 ноября, за день до того, как советско-финляндские переговоры окончательно зашли в тупик, Военный совет КБФ в директиве № 1 оп/606сс поставил подводным силам флота уже вполне конкретные задачи:

«- уничтожить финские броненосцы береговой обороны;

- вести разведку развертывания и деятельности шведского флота;

- прекратить подвоз снабжения в Финляндию через Балтийское море и из портов Швеции через Ботнический залив».

23 ноября 1939 г. приказ командующего КБФ №5/оп еще раз, в самых категорических выражениях, сформулировал задачи флота: *«Прервать морские коммуникации Финляндии, не допуская подвоза извне войск и боевого снаряжения, уничтожить броненосцы береговой обороны и подводные лодки противника в море и заливе, не допуская их уход в территориальные воды Швеции» [57].*

Через неделю началась война. Первым делом выяснилось, что из 49 подводных лодок, входивших в боевой состав КБФ, к участию в военных действиях способны только 27 (55% от общего числа). Потопив по ошибке эстонский пароход «Кассари» (в нейтральных водах, вне объявленной зоны морской блокады), подводные силы КБФ не смогли, однако, выполнить ни одну из поставленных перед ними задач. 26 декабря 1939 г. нарком ВМФ СССР Н.Г. Кузнецов в своей

директиве № 4747 констатировал, что действия подводных лодок по блокаде Финляндии являются пассивными, и потребовал от командиров *«действовать более решительно, с должным риском»*. В тот же день командующий КБФ В.Ф. Трибуц отправил командирам дивизионов подводных лодок радиogramму следующего содержания: *«т. Сталин требует решительной, смелой, дерзкой борьбы с противником на коммуникациях, подходах к портам и в самих портах...»* [57].

В первых числах февраля 1940 г., вследствие небывалых холодов, большая часть Балтики покрылась льдом, что сделало невозможным продолжение боевых действий флота. Наступило время подведения итогов. Они оказались обескураживающими. Игнорируя объявленную «морскую блокаду», в порты Финляндии с начала ноября 1939 г. до середины января 1940 г. благополучно прошло 349 (триста сорок девять) транспортных судов. Из 27 подводных лодок КВФ хотя бы один раз атаковали противника только восемь. 19 подводных лодок Краснознаменного Балтфлота так и не смогли за два месяца хотя бы один раз обнаружить и атаковать транспорт противника. И это не в безбрежных просторах Атлантики, а в узкой «горловине» Финского залива (максимальное расстояние от финского до советского берега не более 80—100 км). Восемь подводных лодок атаковали в общей сложности 11 судов, из которых 10 не имели охранения и какого-либо вооружения. Из 11 атакованных судов потоплено всего 5 (пять), включая злополучный эстонский «Кассари». Два транспорта были потоплены торпедами, при этом было израсходовано 11 торпед. Три безоружных парохода были потоплены артиллерийским огнем (более чем странное применение подводных лодок!), при этом было

израсходовано 6 снарядов калибра 100 мм и 602 снаряда калибра 45 мм [57].

Таким образом, **почти не встречая вооруженного** противодействия ни в море, ни в небе над Балтикой, подводные силы КБФ **смогли потопить лишь 1,1% от общего числа прошедших в порты Финляндии транспортов**. Такая вот получилась «морская блокада». Что же касается задачи «уничтожить финские броненосцы береговой обороны», то эти корабли (а их и было ровно два: «Ильмаринен» и «Вяйнямейнен») остались целы и невредимы, несмотря на все усилия Краснознаменного Балтфлота и его бомбардировочной авиации. Остается предположить, что имена героев древних сказаний «Калевалы», тайные финским броненосцам, спасали их от гибели...

Теперь мы можем вернуться к легенде о супермощной и почти непреодолимой «линии Маннергейма». Вот как выглядит характерный фрагмент этой «ненаучной фантастики» в блестящем исполнении талантливого публициста В. Суворова:

«„Линия Маннергейма" строилась как абсолютный рубеж со стопроцентной гарантией непреодолимости... В ее строительстве участвовали лучшие инженеры-фортификаторы мира... За бескрайними минными полями, за противотанковыми рвами и гранитными надолбами, за железобетонными тетраэдрами и проволочными заграждениями в десять, двадцать, тридцать, сорок семь рядов густой колючей проволоки на металлических кольях, так вот, за этими заграждениями — железобетонные казематы: три, четыре, пять этажей под землю, перекрытия —

полтора-два метра фортификационного железобетона, напольные (это значит „обращенные к полю боя“. — М.С.) стенки прикрыты броневыми плитами, все это завалено многотонными гранитными валунами и засыпано грунтом... Внутри у них, в каждом каземате склад боеприпасов и топлива, внутри — теплые спальные помещения, комната отдыха, и кухня, и столовая, и туалет, и водопровод, и электростанция, узлы связи, госпитали — все под землей, все под бетоном... Финские солдаты знают, что в случае ранения их ждет операционная палата глубоко под землей, там чисто, сухо и опять же — тепло...» [58].

Многое в этом тексте вполне соответствует действительности. В частности — проволока, рвы и надолбы. Остается только разобраться в том, что все это означает на практике.

Есть такое мудрое высказывание: «Генералы готовятся к прошлой войне». Это правило как нельзя лучше подходит к оценке линии долговременных финских укреплений на Карельском перешейке. «Сорок семь рядов густой колючей проволоки на металлических кольях», про которые с таким восхищением пишет В. Суворов, равно как и эшелонированные на глубину в 90 км ряды пулеметных дотов, представляли собой поистине непреодолимую преграду для пехоты и конницы эпохи Первой мировой и Гражданской войн. Впрочем, большая (две трети) часть оборонительных сооружений была построена в 1921–1924 годах, когда ничего более опасного, нежели кавалерийская лава конницы Вуденного, на южных рубежах Финляндии и не ожидалось. К слову говоря, с 1919 по 1931 год сам Карл Густав Маннергейм никаких официальных должностей в военном ведомстве Финляндии не занимал, так что его

«авторство» на эти сооружения является еще одним мифом. Но главное, разумеется, в другом — к зиме 1939 года пресловутая «линия Маннергейма», так и не успев сделать ни одного выстрела по неприятелю, уже безнадежно устарела. Причин этому было ровно две. **Одна из них называется «танк», другая — «самолет».**

Самый массовый легкий советский танк Т-26 был действительно «легким» — но только по сравнению с другими танками, средними и тяжелыми. Весил же он 9750 кг (были и более увесистые модификации), и эта стальная махина на гусеничном ходу могла порвать семь, сорок семь или сто сорок семь рядов «густой колючей проволоки» с той же легкостью, с какой Гулливер порвал тоненькие ниточки, которые в понятиях «связавших» его лилипутов были толстенными канатами. Расчистив местность от «густой проволоки» и попутно выворотив из земли злополучные «металлические колья» легкий танк Т-26 мог подойти к доту вплотную — так как пулеметные пули ружейного калибра способны были лишь высекать искорки на его 15-миллиметровой броне. Дальше было два возможных варианта действий, в зависимости от того, какой это был танк и как были расположены амбразуры в доте. Обычный («линейный») Т-26 мог несколькими выстрелами бронебойным 45-мм снарядом разбить бронезаслонку на амбразуре дота, вывести из строя пулемет и стрелков. Огнетный («химический») вариант танка Т-26 (ОТ-130) мог вылить на амбразуру, смотровые щели и воздухозаборники дота 360 литров огнесмеси КС. Всего лучше было бы действовать поочередно: сначала линейный танк разбивает бронезаслонку, затем огнетный танк выжигает внутренности бетонной коробки. Был еще и третий,

самый гуманный способ нейтрализации пулеметного дота: танк подъезжает к амбразуре и просто закрывает ее своим бронированным корпусом.

Вот поэтому с появлением на поле боя массы танков **укреп район, лишенный мощного противотанкового вооружения, потерял свою былую ценность.** Другими словами, пулеметные доты необходимо было дополнить (именно дополнить, а не заменить — для борьбы с пехотой и конницей противника скорострельный пулемет достаточно эффективен) дотами с артиллерийским вооружением. Что прекрасно понимали советские командиры и инженеры-фортификаторы. Так, уже в составе 13 укрепрайонов 1-й очереди (постройки 1928—1937 гг.) уже были артиллерийские огневые сооружения. Правда, было их очень мало (в среднем не более 9% от общего числа дотов, да и вооружены они были устаревшими «трехдюймовками» начала XX века).

Например, в составе Могилев-Ямпольского УРа было 279 пулеметных дотов, и 18 орудийных полу капониров. [60] В Минском УРе на фронте в 160 км стояло 242 пулеметных дота (одно-, двух- и трехамбразурных), 9 дотов противотанковой обороны с вращающимися башнями танка Т-26, 16 орудийных полукапониров на два 76,2-мм орудия и один 4-орудийный капонир. Летичевский УР (Украина) на фронте в 122 км имел 354 дота, в том числе 11 артиллерийских. Примечательно, что летом 1941 г. командующий 12-й армией генерал-майор Понеделин оценил эти 343 пулеметных дота (без малого три на один километр фронта!) словами: *«УР невероятно слаб»* [50].

Во второй очереди укрепрайонов (постройки 1938—1940 гг.) доля артиллерийских сооружений

поднялась до 22–22%. Наконец, укрепрайоны на «новой» (образца 1939–1940 гг.) советской границе (так называемая «линия Молотова») на 40–45% состояли из дотов с артиллерийским вооружением. Причем в качестве этого вооружения использовались уже не старые, списанные пушки, а новейшие полуавтоматические артсистемы с великолепной перископической оптикой.

Разумеется, молодая Финляндская республика с ее тощим военным бюджетом (и отсутствием многомиллионной армии бесплатной рабсилы из заключенных ГУЛАГа) не могла позволить себе и малой толики такой роскоши. В 1921–1924 годах было построено 168 бетонных сооружений всех назначений, в т. ч. 114 простейших одноэтажных, одноамбразурных пулеметных дотов и только 7 дотов — артиллерийских. От крайней бедности доты строились из бетона марки 350–450 (советские стандарты требовали использования в фортификационных сооружениях бетона марки 750 и выше) и с «гибким армированием» (т.е. вместо прочной стержневой арматуры использовалась обыкновенная проволока). В ходе боев по прорыву «линии Маннергейма» некоторые доты были разбиты 40-кг снарядами 152-мм гаубиц, хотя «лучшие инженеры-фортификаторы мира» проектировали их с расчетом на сопротивляемость прямому попаданию 100-кг снаряда 203-мм гаубицы. Пучки проволоки, торчащие из обломков бетонных глыб, отлично видны на современных фотографиях развалин дотов [62].

Большая часть дотов располагались на поверхности, и лишь некоторые из них были частично врезаны в склоны холмов и складки местности. Никаких «трех, четырех, пяти этажей под землей» не было и в помине. Причина этого очень простая: на Карельском перешейке

грунт либо скальный. либо, напротив, очень близки к поверхности грунтовые воды, либо дот вообще приходилось строить на болоте.

В 1930 г. началось строительство второй очереди сооружений «линии Маннергейма». Это были уже вполне добротные сделанные, но по-прежнему пулеметные (двух- или трехамбразурные) доты. Всего же в тот период было построено или реконструировано (в частности, путем установки тех самых бронеплит на напольных стенах, о которых пишет В.Суворов) 48 дотов. Наконец, в 1937–1939 гг. было построено несколько (в разных источниках называются разные цифры: от 5 до 8) крупных многоамбразурных фортов (так называемые доты-«миллионники»), в каждом из которых размещалось несколько пулеметов и 1-2 орудия калибра 75 мм или 155 мм. Общее количество дотов на всех оборонительных рубежах протяженностью по фронту в 135 км не превышало 170–200 [61, 62, 63].

Точную цифру назвать трудно, так как разные авторы по-разному учитывают огневые и вспомогательные сооружения, включают или не включают в общий перечень укрепления Выборга и береговых батарей Тайпвле (восемь 120-мм и 155-мм орудий) и Койвисто (двенадцать 155-мм и 254-мм орудий). Стоит отметить, что только этим батареям сам Маннергейм дал высокую оценку: *«Единственными укрепленными сооружениями, о которых стоит упомянуть, были форты береговой артиллерии, прикрывавшие фланги главной оборонительной линии на берегу Финского залива и Ладожского озера»*. Впрочем, даже тяжелое морское орудие способно вести прицельный огонь по танкам лишь в пределах прямой видимости, т.е. на удалении не более 1,5-2 км, в то время

как 100 км пространства между этими фортами почти повсеместно не было прикрыто огнем укрытых в бетонные казематы противотанковых пушек.

Полутораметровый слой снега, каковой, по рассказу В. Суворова, изумил электронные мозги английского суперкомпьютера и лег непреодолимым препятствием на пути советских танков, появился отнюдь не в первый день, и даже не в первый месяц войны. Обратимся еще раз к мемуарам Маннергейма: *«У противника было техническое преимущество, предоставленное ему погодой. Земля замерзла, а снега почти не было. Озера и реки замерзли, и вскоре лед стал выдерживать любую технику... К сожалению, снежный покров продолжал оставаться слишком тонким, чтобы затруднять маневрирование противнику»*. На вооружении финских пехотных дивизий противотанковые пушки были, но в мизерных количествах (*«в последний момент мы получили на вооружение 37-мм противотанковые орудия „Бофорс“. Их сейчас в распоряжении армии насчитывалось примерно с сотню»*) [22].

Фактически главным средством противотанковой обороны «линии Маннергейма» были пассивные заграждения: рвы, контрэскарпы, гранитные глыбы и надолбы. Это, конечно, лучше, чем ничего. И это вполне соответствовало представлениям военной науки 20-х годов. Но при массированном применении танков и артиллерии разрушение таких заграждений является лишь вопросом времени. Причем весьма непродолжительного времени, что летом 1941 года наглядно продемонстрировали танковые части вермахта, стремительно преодолевшие бесконечные ряды противотанковых рвов на советской территории. И это

несмотря на наличие на вооружении Красной Армии 14900 противотанковых пушек [9].

Только грустную улыбку могли вызвать у финских ветеранов «зимней войны» восторженные рассказы В.Суворова про «тёплые спальные помещения, комнаты отдыха, столовые, электростанции, узлы связи, госпитали под землей, в тепле и чистоте». Доты первой очереди постройки (а это две трети от общего количества!) представляли собой бетонную коробку безо всякого внутреннего оборудования. В них не было ни электричества, ни водопровода, ни отхожего места, ни склада топлива для печки. На амбразурах не было бронезаслонок (так что «разбивать» бронебойным снарядом было нечего, можно было с ходу заливать внутренности дота огнесмесью...), входные двери были деревянные, в лучшем случае обитые листовым железом (такую дверь можно было выбить не только близким разрывом гаубичного снаряда, но даже связкой гранат). Телефонная связь с соседями и то была не в каждом доте, перископов наружного наблюдения не было вовсе. Самое существенное — в дотах не было принудительной вентиляции, и в безветренный день помещение за считанные минуты стрельбы заполнялось удушливой пороховой гарью. Только в крайне малочисленных «миллионниках» было кое-что из того, о чем пишет В.Суворов. Например, такое «чудо техники», как вентиляционная установка с ручным (!) приводом [31, 33, 61, 62, 63].

Примитивное оборудование и вооружение, слабость противотанковой обороны были характерной особенностью именно финской линии долговременной фортификации. Но и гораздо более совершенные «линия Мажино» и «линия Сталина», «Атлантический вал» и

«Западный вал» не оправдали возлагавшихся на них надежд. И это не случайно, так же как не случайно и то, что после Второй мировой войны дорогостоящее строительство «китайских стен» было навсегда прекращено. Чтобы понять причины этого, надо вернуться в исходную точку, в начало 20-го столетия, и разобраться в том, откуда вообще взялась в тот период идея стационарной обороны.

Самое массовое «трехдюймовое» орудие полевой артиллерии (например, советская дивизионная пушка ЗИС-3) весит 1,2 тонны и выбрасывает осколочно-фугасный снаряд весом в 6,2 кг. Снаряд «шестидюймовой» (152 мм) гаубицы весит уже 40-45 кг. Но и вес самой гаубицы составляет порядка 4 тонн. Для транспортировки такого орудия по пересеченной местности нужен трактор (гусеничный тягач) или, по меньшей мере, шестерка крепких «артиллерийских» лошадей; 203-мм снаряд советской гаубицы образца 1931 г. весил 100 кг, при этом вес самого орудия составлял 17,5 тонны. Такой калибр и вес можно считать практически предельными для орудий полевой артиллерии. Да, с точки зрения технологии производства возможно изготовление орудий гораздо большего калибра (вплоть до 14-15-дюймовых) весом в сотни тонн. Но такие орудия устанавливались только на тяжелых крейсерах и линкорах. Использовать их на суше мешала как ограниченная грузоподъемность мостов, так и закон синуса, в соответствии с которым уже при подъеме в горку с углом подъема всего в 30 градусов требуется тяговое усилие равное половине веса. Наглядной иллюстрацией ко всему сказанному могут служить цифры, характеризующие выпуск артиллерийских орудий в СССР. За четыре года Великой Отечественной войны

Красная Армия получила 68,8 тыс. орудий калибра 76,2 мм, 5 тыс. пушек и гаубиц калибра 152 мм и всего 100 (сто) гаубиц калибра 203 мм [9]. Артсистемы большего калибра были сняты с производства еще до начала войны.

Наличие объективного предела для наращивания веса снарядов полевой артиллерии открывало — как показалось многим военным специалистам — возможность для создания практически неуязвимых долговременных огневых точек (дотов). Оставалось только рассчитать потребную толщину и марку железобетонного перекрытия, которое могло бы выдержать многократные попадания снарядов весом в 50–100 кг. Увлечшись этими расчетами, военные инженеры поначалу не обратили внимания на легкое жужжание, доносившееся с неба. По небу летел самолет-бомбардировщик, который даже в своих первых, фанерно-брезентовых образцах без труда поднимал 100-кг бомбу. В конце 30-х годов легкие двухмоторные бомбардировщики (советский СБ, английский «Бленхейм») поднимали бомбы единичным весом до 500 кг. Средний двухмоторный бомбардировщик ДБ-3 брал бомбу ФАБ-1000, его ровесники, английский «Веллингтон» и немецкий «Хейнкель-111», поднимали бомбы единичного веса в 1814 и 1800 кг соответственно. Тяжелый четырехмоторный ТБ-7 в перегрузочном варианте способен был взять 5-тонную бомбу, а в огромный бомбоотсек английского стратегического «Ланкастера» поместили даже специально разработанную сверхтяжелую 10-тонную бомбу [76].

С появлением боеприпасов такой мощности извечное соревнование «меча и щита» было окончательно и бесповоротно решено в пользу «меча».

Строго говоря, потратив невообразимое количество бетона и стальной арматуры, можно построить дот, способный выдержать прямое попадание 5-тонной бомбы, но никакая страна не может позволить себе транжирить ресурсы на строительство «рукотворных горных хребтов»...

Так вы глядит теория долговременной инженерной фортификации в самом кратчайшем изложении. Обратимся теперь к практике.

Летом 1941 года вдоль западной границы Советского Союза, от Балтики до Черного моря, протянулись следующие укрепрайоны: Тельшяйский, Шяуляйский, Каунасский, Алитусский, Гродненский. Осовецкий, Замбровский, Брестский, Ковельский, Владимир-Волынский, Рава-Русский, Струмиловский, Перемышльский, Верхне-Прутский и Нижне-Прутский. На глубине в 200-250 км от них, за линией «старой» границы 1939 года располагались укрепрайоны «линии Сталина»: Кингисеппский, Псковский, Островский, Себежский, Полоцкий, Минский, Слуцкий, Мозырский, Коростеньский, Новоград-Волынский, Шепетовский, Изяславский, Староконстантиновский, Остропольский, Летичевский, Каменец-Подольский, Могилев-Ямпольский, Рыбницкий, Тираспольский. Количество дотов в составе одного УРа было различным и находилось в диапазоне от 206 до 439.

По количеству и составу вооружения, по качеству железобетона, по оснащенности специальным оборудованием (фильтро-вентиляционные установки, проводная и радиосвязь, электрооборудование, оптические приборы) **любой из этих дотов по меньшей мере не уступал** оборонительным

сооружениям «линии Маннергейма». Примерно половина советских укрепрайонов были построены на берегах полноводных рек (Неман, Западная Двина, Буг, Днестр, Прут), что создавало дополнительную преграду для наступающего противника.

Результат известен. Через некоторые из вышеперечисленных УРов немцы прошли, даже не обратив внимания на опустевшие коробки брошенных при паническом бегстве дотов. Через другие — прорывались с боями. Как правило, сражения эти продолжались не более двух-трех дней. Особенно ожесточенные бои разгорелись в первые дни войны на линии новой границы: гарнизоны некоторых дотов Гродненского, Рава-Русского, Перемышльского укрепрайонов отчаянно сопротивлялись вплоть до 26-27 июня 1941 г. 3-я рота 17-го артпульбата Брестского УРа удерживала четыре дота на берегу Буга, у местечка Семятыче, до 30 июня. За редкими исключениями, немецкие танки обходили огневые сооружения укрепрайонов, не втягиваясь в затяжные и чреватые большими потерями бои.

Авиация люфтваффе (численность которой на тысячекилометровом фронте от Риги до Одессы была меньшей, чем число самолетов советских ВВС над Карельским перешейком в феврале 1940 г.) прокладывала огнем дорогу наступающим танковым дивизиям вермахта и к борьбе с дотами привлекалась лишь эпизодически. Огневые сооружения «линий Молотова и Сталина» быстро и уверенно разрушались совместными действиями артиллерии и специальных штурмовых групп немецкой пехоты. Артиллерия (включая зенитную и противотанковую) вела прицельный огонь по амбразурам дотов, подавляя их огонь. Тем временем

штурмовые группы приближались к дотам вплотную и проламывали стены и перекрытия мощными фугасными зарядами. Как верно заметил А. Исаев: *«Механизм армии 20-го столетия без задержек перемолол бетонные коробки с пулеметами»* [50].

Зимой 1939/1940 г. командование Красной Армии сосредоточило на Карельском перешейке колоссальные силы.

Уже в первые десять дней войны в бой было введено девять стрелковых дивизий и шесть танковых бригад, 200 тыс. человек, 1,5 тыс. орудий и минометов, более 1000 танков и бронемашин. К началу «второго генерального наступления» (6 февраля 1940 г.) в составе войск Северо-Западного фронта, развернутого на Карперешейке, были включены двадцать одна стрелковая дивизия (7, 24, 42, 43, 51, 70, 80, 90, 100, 113, 123 и 138-я в 7-й армии; 4, 8, 17, 49, 50, 62, 136, 142 и 150-я в 13-й армии). Помимо многочисленной дивизионной и корпусной артиллерии в составе фронта было 13 полков и 4 дивизиона артиллерии БМ (большой мощности). Всего 5,8 тыс. орудий и минометов (включая 767 пушек и гаубиц калибра 152 мм, 96 гаубиц калибра 203 мм и 28 сверхтяжелых 280-мм мортир, бросающих снаряд весом в 286 кг). В течение января-февраля 1940 г. в Ленинградский военный округ и на аэродромы Эстонии было перебазировано дополнительно 29 авиаполков, в т.ч. 3 тяжёлобомбардировочных и 5 дальнебомбардировочных [77].

Но и это еще не было пределом возможностей великой державы, армия которой должна была спасти от позорного конфуза самого великого Сталина. В марте 1940 г. на фронте войны с «ничтожной блохой» было

развернуто 58 дивизий [20]. В частности, на Карельском перешейке было сосредоточено более полумиллиона человек, 114 тыс. лошадей, 40 тыс. автомобилей, 7,1 тыс. орудий и минометов. Количество танков превысило 3 тысячи [9, 33]. Даже если вычесть из этого числа 492 легкие плавающие танкетки Т-37/Т38, получается, что на один дот «линии Маннергейма» в среднем наступало более 10 советских танков.

Сосредоточив такую подавляющую мощь, советское командование могло использовать — и использовало в реальности — все мыслимые способы прорыва укрепрайона. Авиация в ходе 19,5 тыс. самолетовылетов сбросила на доты «линии Маннергейма» **10,5 килотонны бомб** (цифра, как видим, вполне эквивалентная мощности тактических ядерных боеприпасов, с той только разницей, что 10-килотонная атомная бомба создает сверхвысокое давление в одной-единственной точке, а тысячи фугасных бомб «накрывали» полосу укрепрайона гораздо шире и эффективнее).

«Не каждая бомба может точно попасть в цель, — докладывал на Совещании высшего состава командующий ВВС Северо-Западного фронта Е.С. Птухин, — но если бомба в 500 кг упадет рядом с дотом — это тоже действует морально и материально. Мы знаем случаи, когда бомба попадала рядом с дотом, а из дота вытаскивали людей, у которых из носа и ушей кровь шла, а часть совершенно погибала... У нас летало днем по 2,5 тыс. самолетов и ночью 300-400 самолетов... Посмотрите на Выборг — от него ничего не осталось. Город полностью разрушен» [20].

Советская артиллерия сутки напролет долбила бетонные коробки снарядами тяжелых гаубиц, **в отдельные дни на финские укрепления обрушивалось до 230 тыс. снарядов.** Неуязвимые для пулеметного огня танки подвозили на бронированных санях к стенам дотов саперов и фугасные заряды. Если бы при таком неравенстве в силах и средствах «линия Маннергейма» продержалась хотя бы одну неделю, это уже следовало бы назвать величайшим достижением. На большее перед войной не рассчитывал и сам маршал Маннергейм. В. Таннер в своих мемуарах так передает его мнение, высказанное в октябре 1939 г., накануне начала московских переговоров: *«Финляндия даже теоретически не могла вести войну: вооружение армии было недостаточным и устаревшим, боеприпасов хватило бы самое большее на две недели военных действий»* [23]. Финны же сдерживали натиск бронированной орды целых три месяца! Вот к этому чуду вполне применимы слова В. Суворова про *«блистательную победу, равной которой во всей предшествующей и во всей последующей истории нет...»*.

И все же главное чудо произошло поздним вечером 12 марта 1940 г. К этому моменту общие потери финской армии (убитые и раненые) превысили 68 тыс. человек, т.е. составляли примерно 40% от первоначальной численности действующей армии [22]. Оставшиеся в строю были предельно утомлены безостановочными боями без возможности смены и отдыха. Отступление финской армии к Выборгу (от вершины «треугольника» Карельского перешейка к его основанию) означало многократное увеличение протяженности фронта, который приходилось удерживать тающими на глазах силами. Соотношение сил сторон на Карельском

перешейке в начале марта было таким: **6,5 к 1 в личном составе, 14 к 1 в артиллерии. 20 к 1 в авиации** [33]. Но даже и эти потрясающие воображение цифры не отражают всю безнадежность ситуации, в которой находилась Финляндия: в резерве у командования Красной Армии были сотни тысяч солдат, многие тысячи танков и самолетов, и оно могло непрерывно наращивать численность своей группировки вплоть до любого потребного уровня, в то время как у Маннергейма оставалось 14 последних батальонов плохо обученных резервистов [22]. Именно такой была обстановка на фронте в то время, когда 8 марта 1940 г. в Москве начались переговоры, завершившиеся в ночь с 12 на 13 марта подписанием мирного договора, в соответствии с которым боевые действия прекращались 13 марта в 12 часов дня.

Напоследок сталинское руководство успело совершить еще одно преступление против советского и финского народов. По условиям мирного договора город Виипури (Выборг) отходил к Советскому Союзу. Тем не менее, поздним вечером 12 марта части 7-й и 95-й стрелковых дивизий 7-й армии получили приказ взять город штурмом. Никто из красных командиров, прошедших жуткую «школу 37-го года», не решился воспрепятствовать этому безумию. Массовое и лишённое всякого военного (да и любого иного) смысла убийство советских и финских солдат, мирных жителей Выборга продолжалось вплоть до последних минут установленного договором срока прекращения огня. Полностью «овладеть» городом, который формально-юридически уже стал советским, так и не удалось. В 12 часов дня по финскому радио выступил министр иностранных дел В. Таннер и сообщил

гражданам о подписании мирного договора. В 15 часов 30 минут финские войска спустили государственные флаги с крепости и вокзала Выборга и организованно покинули город. Война закончилась.

Глава 1.4

ПОЧЕМУ СТАЛИН ПОМИЛОВАЛ ФИНЛЯндиЮ

Война закончилась. Измученные, смертельно уставшие люди, еще не до конца поверившие в то, что именно им посчастливилось выжить, выходили из лесов, блиндажей и землянок. Бдительные «органы» вынуждены были фиксировать случаи стихийного братания. А затем по обе стороны бывшего фронта начался непростой процесс осмысления итогов жестокого противостояния.

14 марта 1940 г 72-летний маршал Маннергейм подписал свой последний приказ «зимней войны»:

«Солдаты славной армии Финляндии!

Между нашей страной и Советской Россией заключен суровый мир, передавший Советскому Союзу почти каждое поле боя, на котором вы проливали свою кровь во имя всего того, что для нас дорого и свято. Вы не хотели войны, вы любили мир, работу и прогресс, но вас вынудили сражаться, и вы выполнили огромный труд, который золотыми буквами будет вписан в летопись истории...

Солдаты! Я сражался на многих полях, но не видел еще воинов, которые могли бы сравниться с вами. Я горжусь вами так, как если бы вы были моими детьми. Я

одинаково горжусь жертвами, которые принесли на алтарь Отечества простой парень из крестьянской избы, заводской рабочий и богатый человек...» [22].

С нескрываемой гордостью Маннергейм в своих мемуарах пишет, что этот приказ *«передали по радио и вывесили на стенах всех церквей страны».*

Маршал Ворошилов не сказал своим бойцам и командирам ничего подобного. И это не только потому, что малограмотный сталинский «выдвиженец» был лишен литературного таланта... Тем не менее, пропагандистская машина продолжала работать и с натужным скрипом штамповала новые «правды». Про «народное правительство господина Куусинена», про «границу со Швецией не переходить», про «красное знамя над президентским дворцом в Хельсинки» временно забыли. Оказывается, война велась из-за того, что *«белофинны, надеясь на свои укрепления, хотели забрать Советский Союз до Урала, но Красная Армия все их укрепления разбила, и они, видя свою гибель, пришли к СССР с просьбой заключить мир».* Эти слова в качестве характерного примера «здоровых высказываний основной массы красноармейцев» приводил в своем докладе от 18 марта 1940 г. начальник Особого отдела ГУГВ НКВД по Ленинградскому военному округу майор госбезопасности Сиднев [78].

Следом за обозами Красной Армии двигались тучные стада «инженеров человеческих душ», т.е. прикормленных партийных журналистов и писателей, спешивших восславить новые успехи советской власти: *«...Знаменитый центр мракобесия, Валаамский монастырь прекратил свое существование... Документы монастырского архива убедительно показывают, что*

деятельность монастыря за последние два десятилетия превратилось в одно из важных звеньев в комплексе мероприятий, предпринимавшихся империалистами разных стран для создания плацдарма для нападения на СССР... Представители Красной Армии вывесили на колокольне Преображенского собора кумачовое полотнище флага. В аудитории, где сотни лет раздавались лишь гнусавые проповеди черноризцев, полным голосом зазвучала человеческая речь — бригадный комиссар Кадишев прочел перед красноармейцами доклад о международном положении...

...Мы заходим в большое трехэтажное здание, на крыше которого сверкают буквы „Кино“. Здесь в свое время белогвардейцы демонстрировали антисоветские фильмы, а в фойе митинговали, призывая к крестовым походам на Ленинград и Урал... На улице, примыкавшей к центральному проспекту, помещалась русская библиотека. Здесь собирался так называемый „кружок чтения“, где догнивающая белогвардейщина поднимала свой дух антисоветскими беседами и чтением замусоленных книг...» [112].

Увы, дух «догнивающей белогвардейщины» никак не выветривался до конца. Упомянутый выше майор ГБ Сиднев вынужден был отметить в своем докладе «имевшие место со стороны отдельных бойцов и командиров вылазки провокационного и пораженческого характера». Из приведенных т. Сидневым примеров следует, что, несмотря на жесточайший террор и непрерывную агитационную трескотню, далеко не все советские люди потеряли способность к адекватному восприятию пережитого и увиденного:

«- сколько людей погибло, а нам дадут только болота. Ведь все страны будут над нами смеяться, потому что мы даже маленькое государство и то не смогли победить...»

- хорошо, что заключили мирный договор с Финляндией, а то бы белофинны угробили половину Красной Армии...

- наши генералы, несмотря на то, что с утра 13 марта было известно, что мир заключен, все же начали артподготовку и атаку... Штурм Выборга — это демонстрация желания наших генералов принести лишние жертвы...

- вся война с Финляндией свелась к тому, что СССР присоединил кусок земли и понес сотни тысяч жертв...»

И что совсем уже не понравилось т. Сидневу — в огне боя и в слепящей пелене снежной вьюги красноармейцы успели все же разглядеть кусочек другой жизни: *«Белофинны живут лучше нашего, у них у всех хорошие дома, а у наших колхозников нет ни у кого таких домов, даже баня у финнов много культурнее и лучше, чем дом колхозника»* [78].

Одним словом, командующий 13-й армией комкор Грендаль имел все основания сокрушаться о том, что *«политическое воспитание нашего бойца заставляло желать много лучшего. Приходилось читать сводки особых органов, и выявлялась масса сволочи, отдельные моменты контрреволюционного характера... Над нашим бойцом нужно еще как следует поработать. 22 года существования Советской власти еще не вправили некоторым мозги»* [20].

Неотложные задачи и планы «вправления мозгов» обсуждались на совещании по вопросам идеологической работы в Красной Армии, состоявшемся 13 мая 1940 г. Там начальник Главпура (и заместитель наркома обороны по должности) т. Мехлис произнес совершенно восхитительную фразу: *«Столкновение с действительностью размагничивает нашего бойца и командира, привыкшего рассматривать население зарубежных стран с общей, поверхностной точки зрения»* [80]. Не вполне, правда, понятно: где и когда «бойцы и командиры» (в основной своей массе — беспаспортные колхозники, не имеющие ни права, ни возможности переехать в соседний город) приучились рассматривать «население зарубежных стран»? И почему заведомо ложные измышления ведомства Мехлиса насчет «беспросветной нищеты и зверской эксплуатации» должны считаться всего лишь «поверхностной» точкой зрения?

29 марта 1940 г. официальную оценку «текущего момента» дал, выступая на сессии Верховного Совета СССР, глава правительства и нарком иностранных дел В.М. Молотов: *«Известно, что выраженное еще в конце прошлого года стремление Германии к миру было отклонено правительствами Англии и Франции... Под предлогом выполнения своих обязательств перед Польшей они объявили войну Германии. Теперь особенно ясно видно, как далеки действительные цели правительств этих держав от интересов распавшейся Польши или Чехословакии. Это видно уже из того, что правительства Англии и Франции провозгласили своими целями разгром и расчленение Германии... Поскольку Советский Союз не захотел стать пособником Англии и Франции в проведении этой империалистической*

политики против Германии, враждебность их позиций в отношении Советского Союза еще более усилилась, наглядно свидетельствуя, насколько глубоки классовые корни враждебной Политики империалистов против социалистического государства» [73].

Корни, действительно, были очень глубоки. Настолько глубоки, что во всех послевоенных советских учебниках прямо противоположные обвинения в адрес западных держав — обвинения в том, что они недостаточно активно противодействовали «стремлению Германии к миру», бросили Польшу на произвол судьбы и вели пассивную «странную войну», — также обосновывались ссылками на классовую враждебность мировой буржуазии к «первому государству рабочих и крестьян».

Отчитав своих будущих союзников по антигитлеровской коалиции, а также доложив собравшимся чабанам и дояркам о крепнущей с каждым новым актом агрессии дружбе с Гитлером («*новые, хорошие советско-германские отношения были проверены на опыте в связи с событиями в бывшей Польше и достаточно показали свою прочность*»), Молотов перешел, наконец, к подведению итогов финской войны: «*Народное правительство Финляндии высказалось за то, что в целях предотвращения кровопролития и облегчения положения финского народа следовало бы пойти навстречу предложению об окончании войны. Тогда нами были приняты (так в тексте, лучше было бы использовать слова „выработаны“, „сформулированы“)* условия, которые вскоре были приняты финляндским правительством... Вскоре состоялось соглашение между СССР и Финляндией. В связи с этим встал вопрос о самороспуске Народного

Правительства, что им к было осуществлено... Таким образом, цель, поставленная нами, была достигнута и мы можем выразить полное удовлетворение договором с Финляндией» [73].

Судя по газетному отчету, последние слова Молотова были встречены бурными аплодисментами собравшихся.

И в самом деле — чего же лучше? Все произошло исключительно в соответствии с пожеланиями широких народных масс. Сначала восставшие из ада капиталистической эксплуатации трудящиеся Финляндии захотели свергнуть правительство «кровавых шутов» и «белофинских маннергеймовских бандитов». Пожалуйста — братский Советский Союз послал им на помощь миллионную армию и высыпал на финские города 55 тысяч фугасных авиабомб. Затем «народное правительство» решило наступить на горло собственной песне и самоликвидировалось. Отлично, поскольку никаких других целей, кроме как помогать во всем «господину» Куусинену, у советского руководства никогда и не было, оно с готовностью пошло навстречу новым пожеланиям трудящихся и прекратило войну.

Смех смехом, но никаких разумных объяснений прекращения войны официально не было названо вплоть до самороспуска самого Советского Союза в декабре 1991 года. Надеюсь, читатель извинит нас за то, что мы не будем относить «укрепление безопасности Ленинграда» (какое «укрепление» якобы было достигнуто после разрушения полосы укреплений, отделявших Финляндию от СССР) к разряду причин неожиданного прекращения войны...

Главные итоги войны подводили, разумеется, не в Верховном Совете, а совсем в других кабинетах. С 14 по 17 апреля 1940 г. в ЦК ВКП(б) прошло Совецание начальствующего состава Красной Армии, посвященное анализу боевых действий финской войны. В Совецании приняло участие практически все высшее военно-политическое руководство страны (Сталин, Молотов, нарком обороны Ворошилов, заместители наркома Кулик и Мехлис, начальник Генштаба Шапошников, начальник Главного разведывательного управления Проскуров) и несколько десятков командиров в званиях от майора до командарма 2-го ранга (генерал-полковник).

Стенограммы выступлений участников Совецания были рассекречены и опубликованы в конце 90-х годов [20]. Изучение этих документов заставляет пересмотреть многие устоявшиеся стереотипы. Вопреки широко распространенному заблуждению, **Сталин вовсе не был удручен, потрясен или хотя бы просто огорчен уровнем боеспособности своей армии.** По крайней мере, именно такую линию поведения, такой характер обсуждения он задал высокому собранию. Несмотря на то, что многие участники Совецания говорили о фактах неприглядных и даже трагических, привели массу примеров вопиющего разгильдяйства, неорганизованности, слабого и безграмотного управления на всех уровнях, товарищ Сталин был настроен вполне благодушно. Он отечески журил провинившихся, хвалил Красную Армию в целом, не забывая мягко указать на отдельные недостатки, охотно и много шутил. Обстановка была сугубо семейная — встреча строгого отца с любимыми и любящими сыновьями. Общий настрой трудно передать короткими

словами, поэтому мы вынуждены предложить читателю пространные цитаты.

Курдюмов. Я здесь докладываю с полной ответственностью о том, что воевать при 40-градусном морозе в ботинках, даже не в рваных, и в хороших сапогах, нельзя, потому, что через несколько дней будет 50% обмороженных... Тут есть закон физиологии, на 5-й день получается такое охлаждение, что независимо от употребления водки, сала сопротивление организма будет понижаться.

Сталин. У товарища Курдюмова.

Сталин. У вас есть один агент в Англии, как его фамилия, Черний, кто он такой?

Проскуров. Он уже здесь, это не агент, а военно-воздушный атташе, комбриг Черний.

Сталин. Он писал, что через несколько дней будет большой налет авиации на нефтепромыслы Баку. Через несколько дней он писал, сообщит подробности. Прошло шесть дней, прошли две-три недели, а дополнений никаких нет.

Проскуров. Он приехал и ничего не мог доложить.

Сталин. И это Черний, человек, которому вы верите... Вы спорите, что он честный человек. Я говорю, что честный человек, но дурак. (Смех).

Оборин. Теперь насчет разведки. Я некоторую претензию предъявляю к разведке. Надо сказать, что у нас агентурная разведка отсутствовала.

Сталин. Ее нет. Есть ли она? Существует ли она? Должна ли она существовать?

Оборин. По-моему, должна. А у нас? Финляндия под рукой, а что она делает, мы не знали. А я уверен, что на это отпускаются деньги? Верно?

Сталин. Три-четыре туриста послать, и все сделают.

Оборин. Хотя я разведчик плохой, но если бы мне дали командировку туда, я бы все высмотрел (смех).

Чуйков. Пробраться к Гусевскому (командир 54-й дивизии 9-й армии) не было никакой возможности, чтобы его проверить, а он врал... Гусевский своими паническими телеграммами вводил нас в заблуждение...

Сталин. Каждый, попавший в окружение, считается героем.

Чуйков. Пробраться не удалось.

Сталин. Пробиваться не хотели... Вокруг окруженных круг суживается, и каждая точка пристреливается, и каждый финн, татарин, китаец пристреляется, если долго сидеть... Значит Гусевский в героях у вас не ходит?

Чуйков. Нет.

Сталин. Слава Богу.

Чуйков. 9-я финская дивизия, которая окружала 54-ю, понесла большие потери. В ней, кроме стариков от 40 лет и выше и женщин, никого не осталось.

Сталин. Но все же окружены были вы, а не старики...

Запорожец. Много было самострелов и дезертирства.

Сталин. Были дезертиры?

Запорожец. Много. (По сводкам Особых отделов НКВД с 25 января 1940 г. по конец войны задержано 3644 дезертира. — М.С.)

Сталин. К себе в деревню уходили или в тылу сидели?

Запорожец. Было две категории. Одна — бежала в деревню, потом оттуда письма писали... Я считаю, что здесь местные органы плохо боролись. Вторая — бежали не дальше обоза, землянок, до кухни. Таких несколько человек расстреляли... Когда появился заградительный отряд НКВД, он нам очень помог... Вот был такой случай в 143-м полку. В течение дня полк вел бой, а к вечеру в этом полку оказалось 105 самострелов. В одном полку 105 человек самострелов.

Сталин. В левую руку стреляют?

Запорожец. Стреляют или в левую руку, или в палец, или в мякоть ноги, и ни один себя не изувечит.

Сталин. Дураков нет. (Смех).

Штерн. Нечего греха таить, товарищи, начинали мы с вами в этой войне не блестяще. И то, что мы добились относительно быстрой, в труднейших условиях, исторической победы над финнами, этим мы обязаны, прежде всего тому, что тов. Сталин сам непосредственно взялся за дело руководства войной, поставил все в стране на службу победе. И «штатский человек», как часто называет себя тов. Сталин, стал нас учить и порядку, прежде всего, и ведению операций, и использованию пехоты, артиллерии, авиации, и работе тыла, и организации войск.

Сталин. Прямо чудесный, счастливый человек! Как это мог бы сделать один я? И авиация, и артиллерия...

Штерн. Тов. Сталин, только Вы, при Вашем авторитете в стране, могли так необыкновенно быстро поставить все на службу победе и поставили, и нас подтянули всех и послали лучшие силы, чтобы скорее одержать эту победу...

Особое оживление, массу вопросов и критических замечаний с мест вызвало выступление начальника управления снабжения РККА товарища Хрулева. Сталин добродушно подбодрил его: «Вы не горячитесь, они вас запутают, нападать на вас будут, держитесь крепче» — затем начал задавать вопросы сам.

Сталин. Как сушеная рыба?

Хрулев. Я сейчас доложу.

Сталин. Как копченая колбаса?

Хрулев. Я доложу. Разрешите доложить о количествах, которых мы добились по мощности...

Сталин. О водке ничего не сказали.

Хрулев. О водке они знают лучше меня, потому что они пили, а я не пил.

Самые резкие оценки пришлось выслушать командующему 15-й армией Ковалеву. Едва ли именно он был самым виноватым (на фронт финской войны командарм 2-го ранга Ковалев прибыл 3 января, в командование 15-й армии вступил 12 февраля, когда окружение 18-й сд и 168-й сд, 34-й тбр стало уже свершившимся фактом), но так уж получилось — разговаривал с ним Сталин очень жестко. Конечный же

вывод этого, самого жесткого за все время совещания, разговора свелся к необходимости перестройки.

Сталин. *Тов. Ковалев, вы человек замечательный, один из редких командиров гражданской войны, но вы не перестроились по-современному. По-моему, первый вывод и братский совет — перестроиться. Вы больше всех опоздали в этой перестройке. Все наши командиры, которые имели опыт по гражданской войне, перестроились. Фролов хорошо перестроился, а Вы и Чуйков никак не можете перестроиться. Это первый вывод. Вы способный человек, храбрый, дело знаете, но воюете по-старому, когда артиллерии не было, авиации не было, танков не было, тогда людей пускали, и они брали. Это старый метод. Вы человек способный, но у вас какое-то скрытое самолюбие, которое мешает вам перестроиться. Признайте свои недостатки и перестройтесь, тогда дело пойдет.*

Ковалев. *Есть, тов. Сталин.*

О соотношении сил сторон на суше, в воздухе и на море участники Совещания старались не говорить. Начальник Генерального штаба, который не мог об этом не говорить, дал такую оценку: *«Я считаю, что то превосходство сил, которое нами было сосредоточено на фронте, являлось совершенно правильным в стратегическом и тактическом отношениях»*. Практически единственным, кто вспомнил об огромных потерях Красной Армии, был заместитель наркома обороны, начальник Главного артиллерийского управления, будущий маршал Кулик. Правда, при этом он занижил число погибших почти втрое: *«Тот опыт, та кровь, пролитая нашими 50 тыс. товарищей, лучших бывших*

бойцов, должны использовать и не хвастать, а здесь было форма хвастовства. Не так гладко было, товарищи, на самом деле, как вы здесь рисовали...» На последнем заседании, вечером 17 апреля, с заключительным словом выступил сам Хозяин. И вот он-то нарисовал такую «гладкую картину», до которой ни один из ранее выступавших товарищей в своем хвастовстве не посмел прийти.

Начал Сталин с того, что в своей излюбленной манере вопросов и ответов, с многократными повторами, объяснил высокому собранию, что «правительство» — т.е. он сам — ни в чем ни разу не ошиблось: *«Первый вопрос о войне с Финляндией. Правильно ли поступило правительство и партия, что объявили войну Финляндии? Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества... Второй вопрос, а не поторопилось ли наше правительство, наша партия, что объявили войну именно в конце ноября, в начале декабря, нельзя ли было отложить этот вопрос, подождать месяца два-три-четыре, подготовиться и потом ударить? Нет. Партия и правительство поступили совершенно правильно, не откладывая этого дела... Там, на Западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда у них руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка **для того, чтобы их в этот момент ударить** (здесь и далее подчеркнуто мной. — М.С.)... Отсрочить это дело месяца на два означало бы*

отсрочить это дело лет на 20, потому что ведь всего не предусмотреть в политике. Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. **Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено.** Стало быть, благоприятная обстановка для того, чтобы поставить вопрос об обороне Ленинграда и обеспечении государства была бы упущена...

Третий вопрос. Ну, война объявлена, начались военные действия. Правильно ли разместили наши военные руководящие органы наши войска на фронте. Как известно, войска были размещены на фронте в виде пяти основных колонн... Правильно ли было такое размещение войск на фронте? Я думаю, что правильно.

Наибольшая колонна наших войск была на Карельском перешейке для того, чтобы исключить возможность для возникновения всяких случайностей против Ленинграда со стороны финнов... Во-вторых, разведать штыком состояние Финляндии на Карельском перешейке, ее положение сил, ее оборону. В-третьих, создать плацдарм для прыжка вперед и продвижения дальше... (После этого Сталин перечислил остальные оперативные группировки, странным образом именуемые „колоннами“, по каждой из которых с подавляющей монотонностью были повторены две задачи: „разведка штыком“ и захват плацдармов „для войск, которые потом подвезут“.)

Почему нельзя было ударить со всех пяти сторон и зажать Финляндию? Мы **не ставили такой серьезной задачи**, потому что война в Финляндии очень трудная... Мы знали, что Петр I воевал 21 год, чтобы отбить у Швеции всю Финляндию... Мы знали, что после Петра I войну за расширение влияния России в Финляндии вела

его дочь Елизавета Петровна два года. Кое-чего она добилась, расширила, но Гельсингфорс оставался в руках Финляндии. Мы знали, что Екатерина II два года вела войну и ничего особенного не добилась... Всю эту штуку мы знали и считали, **что возможно война с Финляндией продлится до августа или сентября 1940 г...** Война кончилась через 3 месяца и 12 дней только потому, что наша армия хорошо поработала...»

Наконец, финальные аккорды выступления Сталина загремели подлинным триумфальным маршем:

«...Наша армия стала крепкими обеими ногами на рельсы новой, настоящей советской современной армии...

Спрашивается, кого мы победили? Говорят, финнов. Ну, конечно, финнов победили. Но не это самое главное в этой войне. Финнов победить — не бог вещь какая задача. Конечно, мы должны были финнов победить. Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей — немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы. Не только технику передовых государств Европы, мы победили их тактику, их стратегию... Мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являлись учителями финнов. В этом основная наша победа! (Бурные аплодисменты, все встают, крики „Ура!“). Возгласы: „Ура тов. Сталину!“ Участники совещания устраивают в честь тов. Сталина бурную овацию.)

КУЛИК. Я думаю, товарищи, что каждый из нас в душе, в крови, в сознании большевистском будет носить те слова нашего великого вождя, товарища Сталина,

которые он произнес с этой трибуны. Каждый из нас должен выполнить указания товарища Сталина. Ура, товарищи!» (Возгласы «Ура!».)

Понять воодушевление собравшихся нетрудно, ибо они (участники Совещания) поняли самое главное: Хозяин доволен. Отец простил своих набедокуривших сыновей, наказывать — на этот раз — он никого не будет. А мог и наказать. Это знали все, и не более чем через полтора года, в конце своего короткого жизненного пути, в этом смогли убедиться многие участники исторического Совещания. В июне-июле 1941 г. будут арестованы и затем расстреляны Клич, Оборин, Павлов, Проскуров, Птухин, Рычагов, Штерн. Кулика арестуют и расстреляют позднее, 24 августа 1950 г. (причем не за реальные прегрешения — провал всех порученных ему операций, мародерство в зоне боевых действий и «бытовое разложение», а за то, что в пьяных разговорах товарищ Кулик позволял себе совсем иные, нежели на апрельском Совещании, высказывания о великом вожде тов. Сталине) [47, 48].

Но все это будет потом. Тогда же, весной 1940 года, на Красную Армию, и прежде всего на ее командный состав, обрушился водопад наград, новых званий и новых назначений. Именно после окончания финской войны, 4 июня 1940 г. были введены генеральские звания. Центральные газеты несколько недель подряд печатали длиннющие списки на 949 новоиспеченных генералов. Высшей награды страны — звания Героя Советского Союза — было удостоено 412 человек (в четыре раза больше, чем будет награждено за мужество, проявленное в битве за Москву). Ордена и медали были вручены 50 тыс. бойцов и командиров; 70 частей и соединений были

награждены орденами Ленина и Красного Знамени [66, 81].

Почти все участники апрельского Совещания поднялись по служебной лестнице. Комдив Гореленко в «зимнюю войну» командовал 50-м стрелковым корпусом. Великую Отечественную встретил в должности командира 7-й армии. Командир 100-й стрелковой дивизии комбриг Ермаков стал командующим 50-й армией. Командир 1-го стрелкового корпуса комдив Козлов стал командующим войсками Закавказского военного округа. Командир 39-й танковой бригады комбриг Лелюшенко стал командиром 21-го мехкорпуса. 2-й мехкорпус возглавил бывший командир 8-й стрелковой дивизии комбриг Новосельский. Командир 142-й стрелковой дивизии комбриг Пшенников стал командующим 23-й армией. Начальник артиллерией 7-й армии комкор Парсегов стал командующим артиллерией самого крупного в стране Киевского Особого военного округа (КОВО). Командующий ВВС 9-й армии комкор Рычагов в 29 лет стал начальником Управления ВВС Красной Армии и заместителем наркома обороны.

Самый же головокружительный взлет пришлось пережить командиру 70-й стрелковой дивизии. В июне 1940 г. бывший комдив Кирпонос командует войсками всего Ленинградского военного округа, а с февраля 1941 г., уже в звании генерал-полковника, становится командующим КОВО. Под началом бывшего командира дивизии (до этого — начальника пехотного училища в провинциальной Казани) оказалась группировка войск, значительно превышающая по численности сухопутную армию Великобритании или США... Даже командующий 15-й армией Ковалев, хотя ему на Совещании пришлось выслушать от Сталина немало крепких слов, был

отправлен в почетную и достаточно комфортную ссылку — на должность командующего Забайкальским фронтом.

Первым, главным и фактически единственным аргументом в пользу версии о том, что Сталин якобы был очень недоволен действиями Красной Армии, является факт смены руководства Наркомата обороны (май 1940 г.), а затем и Генерального штаба (август 1940 г.). При этом странным образом игнорируется другой факт — на освободившиеся после отставки Ворошилова и Шапошникова места были назначены самые главные «герои» финской войны. Наркомом обороны стал С.К. Тимошенко, занимавший с 7 января по 26 марта 1940 г. должность командующего войсками Северо-Западного фронта. Начальником Генерального штаба стал бывший командующий войсками ЛенВО и 7-й армией К.А. Мерецков, т.е. именно тот военачальник, который с самого начала руководил оперативным планированием войны и подготовкой театра военных действий к наступлению.

Столь же странным образом из поля зрения историков выпал другой факт — куда именно Сталин «выгнал в шею» Ворошилова. А ведь достаточно открыть любой, совершенно несекретный биографический справочник, чтобы узнать о том, что после освобождения от обязанностей наркома обороны товарищ Ворошилов в тот же день, все в том же высшем воинском звании маршала Советского Союза, стал председателем Комитета обороны при правительстве СССР. 30 июня 1941 г. Ворошилов вошел в состав Государственного Комитета Обороны, т.е. в число тех пяти человек (Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков, Берия), в руках которых формально-юридически была сосредоточена вся власть в стране. Кроме этой, высшей государственной

должности, маршал Ворошилов получил и очень высокий пост в военном руководстве: 10 июля 1941 г. он был назначен Главкомандующим войсками северо-западного стратегического направления.

Формально-декоративной, рассчитанной прежде всего на западных военных аналитиков, была и отставка Шапошникова. Освободив его от обязанностей начальника Генерального штаба, Сталин назначил Шапошникова (к которому он, по словам всех мемуаристов, испытывал неизменное уважение) на почетную «синекуру» заместителя наркома обороны СССР и наградил присвоением звания маршала Советского Союза. Через один месяц и одну неделю после начала Великой Отечественной войны маршал Шапошников снова стал начальником Генерального штаба. Он умер 26 марта 1945 г. и по специальному приказу Сталина был удостоен уникальных почестей: в его память в Москве был произведен салют в 24 залпа из 124 орудий. Едва ли все это может быть названо «опалой» и «изгнанием»...

Так почему же Сталин не довел вторжение в Финляндию до логического и всеми ожидаемого завершения?

В поисках ответа на этот, ключевой для понимания всех последующих событий, вопрос обратимся снова к речи Сталина на Совещании высшего состава 17 апреля 1940 г. Это, без преувеличения, удивительный и загадочный текст. Дешифровать его тайный смысл немногим легче, чем однозначно интерпретировать пророчества Нострадамуса. Прежде всего, бросается в глаза откровенное, неприкрытое, явное вранье (чего

ранее за товарищем Сталиным не наблюдалось). Кого Сталин хотел обмануть, рассказывая своим будущим генералам про то, что «зажать Финляндию» он и не планировал. целью операции якобы были всего лишь «разведка штыком» и захват плацдармов, на которые еще предстояло подвезти некие «главные силы», что воевать собирались до сентября 1940 года? Добро бы он выступал на полевом стане перед колхозниками (правда, в колхозы, равно как и на заводы с фабриками, Сталин как раз никогда и не ездил...), но ведь участники Совещания не просто знали про реальный план финской кампании. Они его разрабатывали. Именно они и рисовали красные стрелки на картах, промеряли с циркулем километры маршрутов, просчитывали потребное количество «сутодач продфуража для личного и конного состава». В планах, которые они разработали и которые затем вернулись к ним в виде обязательных для исполнения приказов и директив, **были совершенно конкретно указаны цель операции, ее сроки и рубежи.**

Цель: «нанести решительное поражение финской армии... разгромить главную группировку войск противника... захватить флот Финляндии и не допустить его ухода в нейтральные воды... уничтожить авиацию и аэродромные сооружения противника...»

Рубежи: «овладеть районом Хиитола, Иматра, Виипури (Выборг). По выполнении этой задачи быть готовым к дальнейшим действиям вглубь страны по обстановке... Разбить финские чисты в районе Суоярви, Сортавала, овладеть их укрепленной полосой между оз. Янис-Ярви и Ладожским озером... Овладев районом Кеми,

Оулу (Улеаборг), отрезать сообщение Финляндии со Швецией через сухопутную границу...»

Сроки: «проведение операции на видлицком направлении в течение 15 дней, на Карперешейке 8–10 дней при среднем продвижении войск 10–12 км в сутки» [97].

Все это можно свести к одному короткому слову: разгром. Планировался полный разгром вооруженных сил Финляндии, причем в весьма короткие сроки. Ни о какой «разведке боем», ни о каком «отбрасывании белофиннов от стен города Ленина» речь не шла. Да и странно было бы развертывать 58 дивизий только для того, чтобы разведать «положение сил и оборону» финской армии, которая в мирное время состояла из трех дивизий и одной бригады... Что же касается «дальнейших действий вглубь страны», то смысл, цель и содержание этих будущих действий были доведены до сведения не только высшего командного состава РККА, но и всех рабочих и колхозниц Страны Советов. *«Советское правительство не признает так называемое „финляндское правительство“, уже покинувшее г. Хельсинки и направившееся в неизвестном направлении (это заведомое вранье не было новинкой — тов. Молотов просто продублировал те формулировки, которые были им использованы 17 сентября 1939 г. для обоснования вторжения и последующей оккупации Восточной Польши). Советское правительство признает только Народное правительство Финляндской демократической республики, с которым заключило Договор о взаимопомощи и дружбе».*

Этот замечательно ясный ответ тов. Молотова на запрос шведского посланника г. Винтера был опубликован 5 декабря 1939 г. на первой полосе

«Правды» и теоретически должен был быть изучен в каждом трудовом коллективе. И если на страницах газеты «Правда» так называемое «народное правительство» больше не появлялось, то в секретных документах оно еще долго продолжало жить своей призрачной жизнью. Вот, например, 23 февраля 1940 г. член ЦК ВКП(б) тов. Куусинен шлет из Москвы в Москву, в ЦК ВКП(б) приветствие от имени «народного правительства Демократической Финляндии». В нем он выражает свою твердую уверенность в том, что *«с помощью славной Красной Армии и Военно-морского флота СССР наш народ скоро добьется своего полного освобождения от варварского ига плутократической шайки Маннергейма–Рюти–Таннера, преступных провокаторов войны, подкупленных иностранными империалистами»* [79]. Самое главное в этом документе — дата. За две недели до того, как «варварский главарь плутократической шайки», т.е. премьер-министр Финляндии Ристо Рюти, прибыл в Москву для подписания мирного договора, тов. Куусинен все еще надеялся на «скорое и полное освобождение».

Общепринятый, устоявшийся в исторической литературе ответ на все эти вопросительные знаки, равно как и на главный вопрос, вынесенный в заглавие данной главы, известен. Сталин в действительности был крайне обеспокоен, если не сказать «напуган» — но не огромными потерями и мизерными успехами своей армии, а планами и действиями англо-французского блока. **Именно это — боязнь оказаться втянутым в войну с объединенной коалицией «передовых государств Европы» — и привело Сталина к решению не искушать судьбу и остановить поход**

на Хельсинки на полпути (в прямом и переносном смысле этого слова).

«Решение Москвы прекратить войну объяснялось прежде всего опасениями перед вмешательством в конфликт Великобритании и Франции» [14]. «В условиях резко возросшей угрозы вмешательства в войну Англии и Франции советское руководство было вынуждено пойти на переговоры и заключение мира с законными финскими властями» [34]. «Может быть, признаки поддержки финнов Англией и Францией явились главным фактором, побудившим Советский Союз изменить свою позицию» [51]. «Продолжение боевых действий до полной военной победы над Финляндией вело к неминуемому вооруженному вмешательству в войну западных держав. В результате 6 марта советское руководство сообщая о своей готовности начать в Москве мирные переговоры с Финляндией» [52].

«Чтобы избежать угрожавших осложнений с западными державами, советскому руководству пришлось отодвинуть в сторону свои цели в отношении Финляндии и довольствоваться пока аннексией крупных территорий в Карелии» [65]. О том же самом — правда, на совершенно феерическом языке большевистской пропаганды — было сказано и в секретном директивном письме Исполкома Коминтерна от 18 марта 1940 г.: «Новая победа миролюбивой политики Советского Союза перечеркнула англо-французские военные планы, позволила удержать Скандинавию от вступления в войну...» [82]. Примечательно, что даже в подцензурных воспоминаниях К.А. Мерецкого (издание 1984 г.) приводятся такие слова Сталина, сказанные им в телефонном разговоре с Мерецковым 10 марта 1940 г.: «Затяжка войны позволит французам и шведам прислать

подкрепления, и вместо войны с одним государством мы ввяжемся в войну с коалицией» [93].

Строго говоря, прямых документальных подтверждений этой версии не существует. Скорее всего, их никогда и не удастся обнаружить: Сталин не доверял свои сокровенные мысли ни бумаге, ни даже ушам ближайших соратников. Выше мы уже подробно рассмотрели то, как он разговаривал с высшим командным составом своей армии. В полном неведении о многих реальных планах Сталина находились и высшие партийные чиновники. *«Какие конкретно территориальные претензии были выдвинуты, какие политические требования, какие взаимоотношения должны были сложиться, я сейчас не помню, но видимо какие-то условия были выдвинуты с тем, чтобы Финляндия стала дружеской страной. Эта цель преследовалась, но как это выражалось, как формулировалось, я этого не знаю. Я даже эти документы и не читал и не видел».* Это не мемуары председателя колхоза из российской глубинки. Это фрагмент из знаменитых «Воспоминаний» Н.С. Хрущева, на тот момент члена Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря ЦК самой крупной в СССР украинской республиканской компартии. Тем не менее, множество косвенных доказательств позволяют с большой долей вероятности предположить, что неожиданное (а именно так оно и было воспринято во всем мире) прекращение войны может быть объяснено только реакцией Сталина на изменившуюся внешнеполитическую обстановку.

В известном смысле такими «косвенными уликами» можно считать и те заклинания, которыми Сталин завершил свою речь 17 апреля 1940 г. (*«...немецкую оборонительную технику победили, английскую*

оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы. Не только технику передовых государств Европы, мы победили их тактику, их стратегию...»). Прекрасно зная, что никого он не победил, более того, даже побоялся вступить в прямой конфликт с Западом, Сталин, вероятно, пытался таким образом утешить себя и своих зачарованных слушателей. Не менее показательна и красноречивая оговорка, которую допустил в своей речи Сталин (*«когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда у них руки занятый нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить»*). Разумеется, Сталин хотел сказать всего лишь про благоприятную возможность для удара по Финляндии, возникшую в тот момент, когда «у них» (т.е. у англо-французского блока) «руки были заняты» войной против Германии. Но обида и скрытая ненависть «к ним» (т.е. к своим будущим союзникам, у которых осенью 1941 г. он будет выпрашивать не только оружие, но и солдат для защиты своей разваливающейся империи) выплеснулись из подсознания наружу в этом маленьком слове «их».

Несравненно более значимой является история с Петсамо (Печенгой). Этот заполярный город и незамерзающий порт на Баренцевом море, на стыке границ Норвегии, Финляндии и СССР, имел огромное экономическое (крупнейшие в Европе никелевые рудники) и военно-стратегическое (северные «морские ворота» Финляндии) значение. Петсамо был занят войсками 14-й армии в первые же дни войны. Затем наступление 14-й армии вглубь Финляндии успешно продолжалось, несмотря на тяжелейшие природные

условия: полярная ночь, пурга и жуткие морозы, доходившие в отдельные дни до 50 градусов. К концу войны 52-я стрелковая дивизия дошла до 150-го километра на шоссе Петсамо–Рованиemi. Все эти достижения были сведены к нулю, когда по условиям мирного договора от 12 марта 1940 г. Петсамо был возвращен Финляндии. Ситуация становится еще более удивительной, если сравнить ее с тем, как был решен территориальный вопрос в Приладожской Карелии и на Карельском перешейке: **на всех участках линия границы прошла значительно (иногда на многие десятки километров) севернее и северо-западнее той линии фронта, которая сложилась по состоянию на 12 марта 1940 г.** В частности, Кексгольм, Антреа, Хиитола, Сортавала, Лоймола, Суоярви (эти названия будут еще много раз встречаться на страницах нашей книги) перешли к Советскому Союзу именно по условиям Московского договора, а вовсе не были захвачены в бою.

Единственным разумным объяснением того единственного случая, когда в одном-единственном пункте СССР не взял дополнительно, а, напротив, отдал часть захваченного, является то, что концессия на никелевые рудники Петсамо принадлежала британской (точнее говоря, канадской) фирме. Таким образом, аннексия Петсамо означала бы прямой вооруженный захват собственности Британской империи, на что Сталин пойти не решился. Следует отметить и тот факт, что с самого начала войны одна из трех дивизий 14-й армии (14-я стрелковая) в боевых действиях против «белофиннов» не участвовала, а была (за исключением 95-го стрелкового полка) развернута на побережье

Кольского полуострова. имея задачу отразить возможную высадку морского десанта западных союзников [33].

Яркой иллюстрацией той тревоги и неуверенности, в которых в начале весны 1940 г. пребывал Сталин, может служить и нижеследующий отчет посла гитлеровской Германии в СССР графа Шуленбурга, отправленный из Москвы в Берлин 11 апреля 1940 года: *«В течение некоторого времени нами наблюдалась явно неблагоприятная по отношению к нам перемена со стороны советского правительства. Мы неожиданно столкнулись с трудностями, которые во многих случаях были совершенно необоснованны, во всех сферах... Советское правительство вдруг взяло назад уже данные им обещания относительно „базы Норд“, в которой заинтересован наш военно-морской флот, и т.д. Эти препятствия достигли своей высшей точки во временном прекращении поставок нам нефти и зерна. 5-го числа сего месяца у меня состоялся продолжительный разговор с господином Микояном, во время которого позиция Народного комиссара была крайне недоброжелательна...*

Мы тщетно спрашивали себя, какова возможная причина неожиданной перемены позиции советских властей. Я подозревал, что невероятный шум, поднятый нашими противниками (в данном случае, несомненно, имелись в виду Англия и Франция. — М.С.), их резкие нападки на нейтралов, особенно на Советский Союз, и на нейтралитет вообще не оказались безрезультатными. поскольку советское правительства боится быть вовлеченным Антантой в большую войну (к которой оно не готово) и по этой причине хочет избежать всего, что может послужить для англичан и французов поводом для обвинения СССР в противоречащем нейтралитету поведении или в горячей поддержке Германии. Мне

казалось, что **неожиданное завершение финской войны** (подчеркнуто мной. — М.С.) произошло по тем же соображениям... Ситуация стала настолько нетерпимой, что я решил обратиться к господину Молотову для того, чтобы обсудить с ним эти вопросы... Фактически, визит к господину Молотову так и не состоялся до утра 9-го апреля, т.е. имел место уже после наших скандинавских операций (имеется в виду начало операции „Везерюбунг“, в ходе которой были оккупированы Дания и Норвегия. — М.С.).

Во время этого разговора стало очевидным, что советское правительство снова сделало полный поворот кругом. Неожиданная приостановка поставок нефти и зерна была названа „излишним усердием подчиненных инстанций“, которое будет немедленно отменено... Господин Молотов был сама любезность. он с готовностью выслушал все наши жалобы и обещал исправить ситуацию. По собственному почину он затронул ряд интересующих нас вопросов и объявил об их решении в положительном смысле. Я должен признаться, что был абсолютно поражен такой переменной.

С моей точки зрения есть только одно объяснение такому повороту событий: наши скандинавские операции должны были принести советскому правительству большое облегчение, снять, так сказать, огромное бремя тревоги... Если англичане и французы намеревались занять Норвегию и Швецию, то можно с определённой предположить, что советское правительство знало об этих планах и, очевидно, было напугано ими. Советскому правительству мерещилось появление англичан и французов на побережье Балтийского моря, ему виделось, что будет вновь открыт

финский вопрос. Наконец, их больше всего пугала опасность вовлечения в войну с двумя великими державами. Очевидно, эта боязнь была нами ослаблена. Только этим можно объяснить полное изменение позиции господина Молотова. Сегодняшняя большая и бросающаяся в глаза статья в „Известиях“ о нашей скандинавской кампании кажется одним глубоким вздохом облегчения» [70].

Эта фраза о «глубоком вздохе облегчения» дает ключ к пониманию того удивительного на первый взгляд благодушия, в котором тов. Сталин провел совещание со своими военачальниками. Совещание началось 14 апреля 1940 г. — через пять дней после начала боевых действий в Норвегии и именно в тот день, когда западные союзники добились крупного успеха в Нарвике и Тронхейме. Война на суше и на море становилась все более и более ожесточенной, и в этой обстановке можно было уже не сомневаться в том, что Запад начисто забыл о прежних планах «спасения Финляндии» (точнее говоря, спасения собственной репутации, изрядно подмоченной трусливым трехмесячным бездействием). Не надо быть экстрасенсом, чтобы понять — какая мысль овладела в тот момент сознанием товарища Сталина. «Пронесло» — именно это радостное ощущение стало лейтмотивом его выступления на совещании. Сам того не желая, Гитлер не только избавил Сталина от тревожного ожидания высадки англо-французского экспедиционного корпуса на севере Финляндии, но и спас сталинских генералов от гнева хозяина.

Глава 1.5

ИТОГИ И ОБСУЖДЕНИЕ

Финляндия как таковая не занимала много места ни в мыслях Сталина, ни в оперативных планах Генерального штаба Красной Армии. (Шапошников: *«Финляндский театр военных действий в общем нашем оперативном плане занимал при известной политической обстановке второстепенное положение, совершенно не то, которое он получил во время протекавших боевых действий»*). Отчет комиссии Главного штаба ВМФ СССР: *«Основная линия боевой подготовки флота была направлена в сторону подготовки к войне с противником, имеющим крупный флот, к войне же с Финляндией конкретно не готовились»*. Ворошилов: *«Польша, Румыния и всякие там Прибалтики, они уже у нас со счетов давным-давно сняты, этих господ мы в любое время при всех обстоятельствах сотрем в порошок»*.) Большая Игра, которую Сталин начал летом 1939 г., должна была привести к установлению советской гегемонии не в малолюдной Финляндии, а на большей части Европейского континента.

В начале Игры Сталин сделал блестящий ход. Трудно будет найти в его долгой политической жизни пример другого, столь же масштабного, быстрого и ошеломляющего успеха, каким был союз с Гитлером, установленный в августе–сентябре 1939 г. Одним коротким ударом Сталин перемешал все фигуры на общеевропейском (да и на общемировом) поле и оставил англо-французский блок (руководители которого уже успели дать Польше официальные гарантии военной помощи!) один на один с берлинским параноиком,

который после заключения пакта Молотова-Риббентропа впал в то состояние, которое соответствует русской поговорке «пьяному море по колено». Европейская война стала неизбежной, и она началась ровно через неделю после подписания пакта.

Всего лишь в обмен на невмешательство Сталина в войну (и весьма ограниченную, скорее ритуальную, нежели фактическую военную помощь) Гитлер отдал ему 50,4% территории Польши (за разгром которой немецкий вермахт заплатил жизнями 16 тыс. солдат), предоставил Сталину полную свободу рук в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии и Финляндии, разрешил свободный доступ сталинских «инженеров» на важнейшие военно-промышленные предприятия Германии, в обмен на сырую руду и очёсы льна продал новейшие образцы боевых самолетов, танков, орудий, кораблей, радиостанций... В эйфории от своих первых успехов Гитлер не успел заметить того, что Сталин — в полном соответствии с заветами своего великого учителя — поддерживает его, как «веревка поддерживает повешенного» (В.И. Ленин, ПСС, т. 41, стр. 73). Лишь к лету 1940 г. до Гитлера дошло, наконец, понимание того простого факта, что он отдал в руки Сталина не один даже, а целых три «рубильника», способных «выключить» экономику Германии.

Один из них находился на нефтяных полях Румынии, которые после выхода Красной Армии на рубеж реки Прут оказались в радиусе досягаемости даже самых легких одномоторных бомбардировщиков. Вторым были шведская железная руда и финский никель, поставка которых после установления советского контроля над Финляндией оказалась бы всецело в зависимости от доброй воли Сталина. Третьим «рубильником» была

бескрайняя стальная лента Транссиба, по которой в Германию шел транзитный поток каучука, вольфрама, соевых бобов из стран Юго-Восточной Азии. Без этих важнейших источников сырья немецкая военная машина могла бы продержаться полгода, самое большее — год.

Увы, грандиозный и очень «дешевый», бескровный успех вскружил голову товарищу Сталину. (Хрущев: *«Он буквально ходил гоголем, задравши нос, и буквально говорил: „Надул Гитлера! Надул Гитлера!“»*) Планируя аннексию Прибалтики, Сталин просто не подумал о том, что одна из отданных в его распоряжение стран поведет себя не как объект, а как полноправный, одушевленный субъект мировой политики. Упрямое нежелание прогнуться, проявленное руководством Финляндии, вызвало у него одновременно и удивление, и крайнее раздражение. Все вопросы — по мнению Сталина — были уже решены. Большие боссы обо всем уже договорились. Кому интересно слушать мнение финского правительства? Кто разрешил ему иметь какое-то «мнение» о том, что уже решили между собой Гитлер и Сталин? Да и вообще что это за правительство? Политические картежники. Шуты гороховые. Финляндская козявка. Ничтожная блоха...

Отдавшись во власть негативных эмоций, Сталин начал совершать одну ошибку за другой. Зачем было устраивать весь этот глупейший спектакль с «правительством Куусинена»? Зачем было публично называть вооруженного противника «блохой» и «козявкой»? Зачем было кричать про «красное знамя над президентским дворцом в Хельсинки». ДО ТОГО как Красная Армия вошла в Хельсинки? Зачем было загонять себя в ситуацию, из которой нельзя было выйти без потери престижа? Почему 230 тыс. снарядов в день стали

сыпаться на финские укрепления в последние, а не в первые дни войны? Почему Красная Армия начала боевые действия всего лишь одной третью тех сил, которые были сосредоточены на финском ТВД в конце войны?

К сожалению, на все эти вопросы есть конкретный ответ. К сожалению, потому что та же самая ошибка была повторена Сталиным — только с неизмеримо более тяжелыми, катастрофическими последствиями — летом 1941 года. **Сталин не принимал во внимание то, что в его эпоху называлось «сознательностью», а сегодня — «человеческим фактором».** Оценивая соотношение сил противоборствующих сторон, Сталин считал дивизии, пушки, танки, самолеты. Всего этого у него было много, очень много, в десятки раз больше, чем в упрямой Финляндии. Какие же могли быть сомнения в неизбежной и скорой победе? И никто из толпы тупиц и лизоблюдов, которыми он себя окружил, не набрался смелости сказать Хозяину, что один полк финских резервистов, готовых умереть ради того, чтобы не жить под властью Сталина, в бою будет стоять больше двух кадровых дивизий Красной Армии. набранных из подневольных колхозных рабов. Более того — Сталина хором уверяли в том, что его подданные *«как один человек с радостью готовы отдать жизнь за великое дело Ленина–Сталина, и во имя этой идеологии бойцы, командиры и политработники готовы всегда отдать свою жизнь»* (Ворошилов, речь на 18-м съезде ВКП(б)). Впрочем, чего мы хотим от Ворошилова, если и сегодня, без малого через семьдесят лет, обсуждая причины неудачного дебюта Красной Армии в финской войне, многие российские историки продолжают жевать старую мочалку про «лютый мороз», «растянутость

коммуникаций», «несокрушимые доты линии Маннергейма»...

Свои ошибки товарищ Сталин никогда не признавал публично, но почти всегда быстро осознавал и с несокрушимой настойчивостью исправлял. Неудачу декабрьского наступления он оценил вполне адекватно, т.е. соответственно реальности. Без утешительного самообмана, но и без паники. Да и с чего бы ему было паниковать? 18 тысяч убитых и пропавших без вести? Не велика беда — летом 1938 года, в разгар большого террора за один день расстреливали по 5 тысяч человек. И ничего. Бабы новых нарожали. Двух дивизий против одного финского полка маю? И это решаемо — пришлем 12 дивизий. И у нас еще останется. Снаряды были, пушки были, дивизии были, значит, и окончательный разгром финской армии был всего лишь вопросом времени.

Но вот времени-то Сталину и не хватило.

К опасности военного вмешательства англо-французского блока Сталин отнесся очень серьезно — и это также было вполне адекватно реальности. Угроза была слишком велика, чтобы ее можно было просто игнорировать. Нет, разумеется, никакого «150-тысячного экспедиционного корпуса», которым советские историки-пропагандисты десятки лет пугали доверчивых людей, не было и в помине. После всех бесконечных совещаний, заседаний, обсуждений и заявлений союзники (Англия и Франция) твердо и конкретно пообещали Маннергейму, что к концу марта (!!!) в Финляндию прибудет «первый эшелон» в составе трех бригад и нескольких отдельных батальонов общей численностью 15,5 тыс. человек. В порядке утешения добавили, что *«это будут отборные войска»*, а следом за

первым эшелоном в Финляндию (если она к тому времени еще будет существовать) прибудет и второй эшелон, состоящий — страшно сказать — из трех британских дивизий. Разумеется, это совсем не те силы, которыми можно было радикально изменить соотношение сил на финском ТВД или по крайней мере смутить Сталина. **Его опасения были связаны с тем, что союзники воспользуются ситуацией для того, чтобы вывернуться из войны с Германией.** (*«Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено».*)

Такое развитие событий было вполне вероятным, и **оно грозило развалить весь стратегический план Сталина по использованию европейской войны в своих целях.** До этого он, подобно мудрой обезьяне из китайской притчи, «сидел на горе, наблюдая за схваткой двух тигров». В этой комфортной позиции советские руководители хотели бы сидеть и дальше. (*«Если уж у этих господ имеется такое неудержимое желание воевать, пусть воюют сами, без помощи Советского Союза. (Смех. Аплодисменты.) Мы бы посмотрели, что это за вояки».* Молотов, речь на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г.) Теперь, в условиях затянувшейся войны с Финляндией, мало того что все увидели, какие «вояки» сидят в Кремле, но и господа Даладье и Чемберлен (у которых, как известно, никогда не было «неудержимого желания» воевать против Гитлера) получили прекрасный повод для того, чтобы повернуть пушки в другую сторону.

В создавшейся к началу 1940 г. ситуации сделать это им было бы одновременно и легко, и выгодно. Легко, потому что Лига Наций уже приняла соответствующие

резолуции, в которых действия Советского Союза были названы «агрессией», а всех участников Лиги Наций призвали оказать помощь жертве агрессии. Таким образом, неоспоримая правовая база для вооруженного вмешательства в войну на стороне Финляндии была создана. Кроме того, «не по разуму усердный» товарищ Молотов своими совершенно разнузданными речами публично обнажил (и даже более — значительно преувеличил) роль СССР как фактического союзника гитлеровской Германии. А это позволяло представить всему миру любые антисоветские действия (в том числе и планировавшиеся авиационные удары по нефтепромыслам Баку) как удар по «базе тылового снабжения» фашистского рейха. Исключительная выгода положения заключалась в том, что после высадки на севере Норвегии англо-французский экспедиционный корпус просто не мог пройти в Финляндию иначе, чем через район шведских железных рудников Елливаре–Кируна. Рассекреченные после войны документы командования союзников однозначно свидетельствуют о том, что установление контроля над шведскими рудниками и незамерзающими портами Норвегии интересовало их гораздо больше, нежели благородная миссия «спасения Финляндии» [65].

Как бы повела себя Германия, если бы вооруженный конфликт между СССР и англо-французским блоком стал реальностью? Об этом можно только гадать. Но не приходится ни на минуту усомниться в том, как оценивал возможное развитие ситуации сам Сталин. *«Надо запомнить самое важное — философию Ленина. Она не превзойдена и хорошо было бы, чтобы наши большевики усвоили эту философию»*. А в соответствии с этой «непревзойденной философией» международная

буржуазия в любой момент должна была отбросить все свои внутренние разногласия и объединиться для борьбы с первым в мире «пролетарским государством». Навязчивая идея о том, что «они вдруг возьмут и помирятся» как ночной кошмар преследовала Сталина на протяжении всей мировой войны. Даже после того, как Черчилль и Рузвельт — в полном противоречии со всей «философией Ленина» — бросились спасать его из той западни, в которую он сам себя загнал, маниакальная подозрительность Сталина не стала меньше. Тогда же, зимой 1940 года Сталин оценивал ситуацию в самых мрачных тонах: *«Мы знали, что финнов поддерживают Франция. Англия, исподтишка поддерживают немцы, шведы, норвежцы, поддерживает Америка, поддерживает Канада. Знаем хорошо. Надо в войне предусмотреть всякие возможности, особенно не упускать из виду наиболее худших возможностей»*. Самая худшая возможность состояла в том, что из-за «ничтожной блохи» мудрой обезьяне придется спуститься с горы и вступить в схватку с одним из тигров, а может быть — и с двумя тиграми одновременно...

Отдадим должное товарищу Сталину, — выбирая между интересами дела и личным престижем, он в тот раз выбрал интересы дела. Первое предложение о готовности советского руководства выбросить за ненадобностью «правительство Куусинена» и заключить мирный договор с законными властями Финляндии поступило в Хельсинки 30 января 1940 г. Территориальные требования Советского Союза были при этом сформулированы весьма расплывчато (*«Необходимо также учитывать, что требования Советского Союза не ограничатся теми, какие были выдвинуты во время переговоров с господами Паасикиви*

и Таннером в Москве, поскольку после этих переговоров с обеих сторон была пролита кровь...») [22, 23]. В любом случае, этот дипломатический демарш свидетельствовал о готовности Сталина прекратить войну даже до достижения хотя бы минимальных военных успехов, которые могли бы позволить великой державе «сохранить лицо».

Увы, опасная болезнь, которую товарищ Сталин называл «головокружением от успехов», была распространена не только в Москве, но и в Хельсинки. В ответе, который финское правительство дало 2 февраля 1940 г., было больше обиды и гордости (по-человечески вполне понятных), чем здравого смысла. (*«Правительство Финляндии не начинало и не желало войны... Финляндия была удовлетворена своей прежней позицией, в основании которой лежали свободно заключенные договоры, и Финляндия не требовала для себя ничего... Правительство Финляндии считает, что передача территорий может быть осуществлена только путем обмена».*) [22, 23]. По сути дела, Сталину предложили признать свое полное военное поражение и вернуться в исходную точку ни с чем. Разве что с согласием Финляндии на обмен некоторых территорий. И не более того.

Даже такие заявления «финляндской козявки» Сталин обдумывал целых девять дней (!), прежде чем 11 февраля затянувшееся затишье на фронте было взорвано грохотом артиллерийской канонады, известившей о начале генерального наступления Красной Армии на Карельском перешейке. Вероятно, на решение Сталина предпринять вторую попытку быстрого военного решения вопроса повлияла и поступающая по дипломатическим и разведывательным каналам информация,

свидетельствующая о том, что дальше пустых разговоров и писания очередных «планов» англо-французское командование идти пока не собирается. Еще через месяц, в начале марта 1940 г., в Москве отчетливо поняли два взаимосвязанных факта: разгром финской армии неизбежен, но достичь его быстро не удастся. Несмотря на концентрацию огромных сил, стремительный марш-бросок по маршруту Выборг–Хельсинки так и не состоялся. Красная Армия наступала, но с огромными потерями, метр за метром мучительно «прогрызая» финскую оборону. Приближавшаяся весенняя распутица грозила еще более снизить темпы наступления, так как среди растаявших болот и озер (ледяной панцирь которых использовался в качестве взлетной полосы оперативных аэродромов) Красная Армия лишалась своего ключевого преимущества в танках и тяжелой артиллерии.

С другой стороны, угроза вмешательства в конфликт западных держав приняла уже абсолютно конкретные очертания: 13 марта немцы обнаружили английские подводные лодки у балтийских проливов [65], несколько тихоходных транспортов с войсками союзников уже вышли в море [95]. *«Наиболее худшая возможность»* начинала реализовываться, и мирный договор в Москве был заключен буквально за несколько дней до возможной высадки англо-французского экспедиционного корпуса в Скандинавии.

Подводя в своих мемуарах итоги «зимней войны», маршал Маннергейм пишет: *«Причины того, что Советский Союз — хотя бы временно — решил отказаться от своих первоначальных планов, носили прежде всего военный характер... Молниеносного успеха не получилось... В дополнение возникла целая серия*

политических осложнений. Наиболее важным из них стала угроза вмешательства западных стран, что могло разрушить отношения СССР с Францией и Англией.

*Кремлю было невыгодно и то, что у него на севере руки **оказались связанными именно в тот момент, когда перед ним встали новые задачи** (подчеркнуто мной. — М.С.), предусмотренные советско-германским пактом: оккупация Бессарабии и большевизация прибалтийских стран...» [22].*

Последнее замечание — о планах оккупации Бессарабии, каковые планы могли быть сорваны затянувшейся сверх всякой меры финской войной — заслуживают того, чтобы остановиться на этом вопросе чуть более подробно.

На уровне «народной молвы» войну против Румынии ждали, причем ждали именно весной 1940 г. Эти ожидания совершенно четко фиксируются в донесениях Особых отделов Ленинградского военного округа как характерные примеры «нездоровых настроений», имеющих место у части военнослужащих. В частности, именно необходимостью переброски войск на «румынский фронт» молва связывала и внезапное прекращение финской войны. На эту «солдатскую правду» можно было бы и не обращать большого внимания — всякая война порождает свои устойчивые мифы, — если бы о том же самом не проговаривались и самые высокопоставленные командиры.

Вот, например, начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии генерал Павлов делится своими размышлениями с участниками апрельского (1940 г.) совещания: *«Чтобы поправить ошибки прошлого, я сел за изучение*

военно-географического описания южного театра, если мы пойдем, а, может быть, нам и придется пойти в Румынию...»

А вот мнение, высказанное на том же совещании самим начальником Генерального штаба РККА: *«Тов. Сталин правильно сказал, что во всех государствах столкнетесь с такой стеной, которую строили так долго финны и которую нам пришлось брать... Это первое, с чем мы столкнемся в той или иной мере на границе. Наверное, и румыны что-нибудь городят, и турки, насчет Афганистана не знаю, но Иран старается закупать цемент...»*

И уж совсем удивительный (удивительный тем, что его не уничтожили, а рассекретили) документ сохранился в недрах Российского государственного военного архива. 5 марта 1940 г. заместитель начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР майор госбезопасности Осетров пишет докладную записку наркому обороны Ворошилову: *«31 января командующий войсками Сибирского военного округа командарм 2-го ранга Калинин сделал в окружном Доме Красной Армии доклад о международном положении... Калинин заявил о неизбежности большой войны весной 1940 года, в которой с одной стороны будет стоять СССР в блоке с Германией, Японией и Италией (милая компания. — М.С.) против англо-французского блока. Застрельщиком этой большой войны будет Румыния... но Румыния в самом начале конфликта получит удар с трех направлений, т.е. со стороны СССР, Германии и Болгарии (эту фразу Ворошилов подчеркнул красным карандашом. — М.С.), после чего в войну вступит Турция, Иран, Англия, Франция. Италия и, возможно, США. Война с Румынией*

закончится очень быстро, но военные действия с Англией. Францией и их союзниками будут носить затяжной характер...» [83].

Интересно, что взволновало Ворошилова в подчеркнутой им фразе? Красивая оперативная идея, которую можно будет при случае доложить хозяину, или недопустимая утечка важнейшей информации, которую и командарму 2-го ранга Калинину знать-то не следовало...

Самое же интересное, как и положено, обнаруживается в последних строках докладной записки, там, где заместитель «главного особиста» Красной Армии делает свои выводы: *«Многие командиры считают выступление тов. Калинина путанным и освещение в таком виде международной обстановки политически вредным»*. Откуда такая расплывчатость и осторожность в оценке? С каких это пор особисты стали прятаться за «мнение многих командиров»? И это после того, как НКВД успешно пересажал и перестрелял многие тысячи командиров Красной Армии... Скорее всего, 5 марта 1940 г. тов. Осетров и сам еще не знал, как надо теперь «освещать международную обстановку», с кем и против кого будет воевать Советский Союз, но на всякий случай он решил проинформировать Ворошилова о докладе Калинина с тем, чтобы снять с себя всякую ответственность. Судя по последствиям — 4 июня 1940 г. С.А. Калинин получает звание генерал-лейтенанта и продолжает благополучно командовать своим округом, — доклад с заявлениями о скорой войне против Румынии, да еще и в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией, не был оценен как «злая клевета на неизменно миролюбивую внешнюю политику СССР» (арестовали С.А. Калинина гораздо позже, 24 июня 1944 г., за то, что он *«высказывал сомнение в*

правильности ведения войны, обвиняя Верховное Главнокомандование в том, что оно допускает в отдельных операциях большие потери». Освобождён из-под стражи вскоре после смерти Сталина, 13 июля 1953 г.) [84].

Южное направление возможных боевых действий отнюдь не сводилось к одному только румынскому. Стоит отметить, что в апреле 1940 г. (т.е. сразу после завершения финской войны) в Закавказский военный округ было дополнительно переброшено **6 авиационных полков**. Версию про усиление ПВО района Баку перед лицом агрессивных происков английского империализма придется немедленно отбросить, так как среди этих шести полков не было **ни одного истребительного**. Все шесть были бомбардировочными (три ДБАПа, два СБАПа и один ЛБАП) [85]. Еще более масштабная передислокация авиачастей произошла в мае — июне 1940 г. В Одесский военный округ (т.е. к границам Румынии) было перебазировано **14 авиаполков**, в том числе **10 бомбардировочных**, в том числе три ДБАПа и два ТБАПа [85].

Зачем к юго-западным рубежам Советского Союза весной 1940 года было перебазировано два десятка авиаполков (более одной тысячи самолетов)? Возможно, часть ответа на этот вопрос содержится в директивах №№ 468200, 468214, которые 9 и 11 апреля 1940 г. начальник Главного управления ВВС К.А. Смушкевич направил командующим ВВС Закавказского и Одесского военных округов. В этих документах ставилась задача *«приступить к изучению Ближневосточного ТВД, обратив особое внимание на следующие объекты...»* Далее следовал перечень из 22 географических пунктов,

включая Александрию, Бейрут, Хайфу, Никосию, Стамбул, Анкару, Суэцкий канал, проливы Босфор и Дарданеллы [147]. В обстановке строжайшей секретности предписывалось провести тренировочные полеты с учебным бомбометанием над территорией СССР с дальностью и навигационными условиями, соответствующими условиям Ближневосточного ТВД. Через советского военного атташе в Берлине предполагалось запросить у немцев разведданные по английской военно-воздушной базе в Мосуле...

Не отставало от сухопутных авиаторов и командование ВВС Черноморского флота. В «Записке командующего ВВС ЧФ по плану операций ВВС ЧФ» (не ранее 27 марта 1940 г.) читаем:

«Вероятный противник: Англия, Франция, Румыния, Турция...»

Задачи ВВС: нанести удары по кораблям в водах Мраморного моря, проливе Босфор, постановка минных заграждений в Босфоре...» [139].

Доклад командующего ВВС ЧФ Главному морскому штабу о плане развития авиации Черноморского флота на 1940-1941 гг. предполагал следующие действия:

«... Задачи авиации по театрам военных действий:

1. Черное море. Нанесение мощных бомбовых ударов по базам: Констанца, Измаил, Варна...

2. Эгейское море: Салоники, Смирна...

3. Средиземное море: Александрия, Хайфа, Суэцкий канал, о. Мальта, Бриндизи... Систематическими ударами по Суэцкому каналу лишить Англию и

Средиземноморские государства возможности нормальной эксплуатации этой коммуникации...» [140].

Примечательно, что тогда же Разведывательное управление Генерального штаба РККА передает главному штабу ВВС Красной Армии для ознакомления перечень секретной литературы, изданной Разведупром в конце 1939 — начале 1940 гг. В этом списке среди всего прочего обнаруживаются:

- девять сводок по Ближнему, Среднему и Дальнему Востоку;
- справочник по ВВС Турции, Ирана и Афганистана;
- описание объектов нефтепереработки в Ираке;
- перечень военно-промышленных объектов Румынии;
- справочник по ВВС Румынии [86].

Да и само Главное управление ВВС РККА тоже не сидело без дела и подготовило документ на 19 страницах под названием: *«Описание маршрутов по Индии №1 (перевалы Барочиль, Читраль) и №4 (перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор)»* [87]. На 34 страницах был составлен перечень военно-промышленных объектов Турции, Ирана, Ирака, Афганистана, Сирии, Палестины, Египта и Индии [89].

Не надо думать, что дойти (долететь) до Ганга или, по крайней мере, до Палестины собирались одни только авиационные командиры. 11 мая 1940 г. дивизионный комиссар Шабалин пишет докладную записку начальнику Главного политуправления Красной Армии Мехлису, в которой с большой тревогой пишет о *«необходимости тщательно просмотреть организацию частей и*

соединений Красной Армии под углом зрения готовности их вести войну на Ближневосточном театре» [90]. Отметим также, что ровно через 20 дней, 31 мая 1940 г., сам товарищ Мехлис подписал приказ № 0027, в котором поставил задачу «в месячный срок оборудовать в секретной типографии Воениздата цех с необходимыми иностранными шрифтами для выпуска литературы» (вероятно, имелись в виду листовки для солдат противника и краткие разговорники. — М.С.). Далее в приказе идет длинный перечень, в котором наряду с 11 европейскими языками названы также «турецкий, иранский, афганский, индейский (так в тексте. — М.С.), китайский, монгольский, корейский, японский» [91].

Как видим, не один только Маяковский любил «громადье планов...». Возвращаясь, однако, от проблем «индейского» языкознания к главной теме данной главы, мы можем еще раз констатировать тот факт, что **советизация Финляндии не была ни единственной, ни главной задачей, которая весной 1940 года стояла перед Красной Армией.** И когда излишнее упорство в решении частной задачи **поставило под угрозу срыва реализацию всего большого плана,** Сталин, как осторожный и дальновидный политик, приказал дать «задний ход».

Часть 2

МИР — ЭТО ВОЙНА

Глава 2.1

ДОГОВОР О МИРЕ ИЛИ «МИРНАЯ ПЕРЕДЫШКА»?

29 марта 1940 г., выступая на сессии Верховного Совета СССР, глава правительства СССР и нарком иностранных дел В.М. Молотов завершил свой отчет перед «высшим органом законодательной власти» в части, касающейся войны с Финляндией, следующими словами: *«Заключение мирного договора с Финляндией завершает выполнение задачи, поставленной в прошлом году, по обеспечению безопасности Советского Союза со стороны Балтийского моря. Этот договор является необходимым дополнением к трем договорам о взаимопомощи, заключенным с Эстонией, Латвией и Литвой...»* [101].

Кто бы и как бы ни относился сегодня к товарищу Молотову лично, нельзя не признать, что задача обеспечения безопасности является первейшим делом любого правительства любой страны. Для Советского Союза проблема обеспечения безопасности «со стороны Балтийского моря» была более чем актуальной. На берегу этого моря, на самом краю российской земли находился Ленинград: красивейший город, центр военной промышленности, крупный железнодорожный узел и морской порт; город-символ могущества страны,

ее героической истории и многовековой культуры. *«Безопасность Ленинграда есть безопасность нашего Отечества, — говорил Сталин своим генералам и тут же объяснил почему: — Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30–35 оборонной промышленности нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны. Прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское — это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти» [20].*

К каким же результатам в деле обеспечения безопасности Ленинграда, да и всего Советского Союза в целом, привела 1-я советско-финская война? Самый короткий и точный ответ на этот вопрос можно найти в известном изречении о том, что нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Лучше и не пробовать.

Сталин тяжело ранил Финляндию — но не добил ее до конца. Это очень опасная ситуация, опасная при охоте на всякого крупного зверя и в тысячу раз более опасная в политике. Тем более что эта политика осуществлялась во время большой общеевропейской войны. До начала «зимней войны» Советский Союз имел в качестве своего северного соседа малое по населению, но при этом огромное по площади государство. Государство это не имело ни военных сил, необходимых для нападения на СССР, ни каких-либо существенных стимулов к таким безрассудным действиям. Трудолюбивый и рассудительный характер финского народа вкупе с утвердившимся в Финляндии демократическим строем давал достаточно большую гарантию стабильности такого положения дел. Огромные и труднопроходимые

пространства финских лесов и озер являлись не чем иным, как бесплатной, созданной самой природой «полосой препятствий» на пути любого агрессора, который попытался бы атаковать Советский Союз через территорию Финляндии. Наконец, то очертание границ, которое существовало по состоянию на 30 ноября 1939 г. — узкая «горловина» Карельского перешейка, ограниченная с западного и восточного флангов водными пространствами Финского залива и Ладожского озера — было одинаково выгодно для обороны как Финляндии, так и Советского Союза. Карельский укрепрайон, бетонные сооружения которого начали строиться еще в 1928 году, поддержанный мощным артиллерийским огнем фортов Кронштадта и кораблей Балтийского флота, мог бы стать такой же труднопреодолимой преградой на пути англо-французских или германских войск (если бы им в какой-то гипотетической ситуации все же удалось — войной или уговором — пройти через территории Финляндии), какой в реальной истории стала «линия Маннергейма».

Теперь, весной 1940 г., ситуация радикально изменилась. Да, линия границы была отодвинута на 100–120 км к северу от Ленинграда. Но за этой границей лежала страна, народ которой чувствовал себя оскорбленным, униженным, ограбленным и жаждал отмщения и реванша. Этот народ сохранил свою государственность, что в данном контексте означало сохранение (если и не юридическое, то фактическое) возможности для поиска помощников и союзников в деле отмщения и реванша. Финляндское государство сохранило свою армию, потери которой (порядка 27 тысяч человек убитыми и пропавшими без вести, 55 тысяч ранеными и заболевшими) хотя и были трагически

велики для страны с населением менее 4 млн. человек, но в целом восполнимы за счет новых призывных контингентов. Что же касается боевой техники и вооружений, то парадоксальным итогом «зимней войны» стало значительное (по ряду позиций многократное) увеличение технической оснащенности финской армии. Это было связано с тем, что вооружение, закупленное за рубежом (или полученное в рамках безвозмездной помощи жертве советской агрессии), в большей своей части прибыло в порты Финляндии уже после того, как в марте 1940 г. боевые действия были завершены.

Ничуть не более благоприятными были и сугубо военные, оперативно-тактические результаты «зимней войны». Вместо 65-километровой полосы укреплений Карельского УРа, фланги которого прочно опирались на водные рубежи, теперь предстояло оборонять пока еще ничем не оборудованную линию новой границы, которая начиналась на северном берегу Финского залива и уходила в таежную «бесконечность». Если же говорить не о «бесконечности», а о конкретной протяженности полосы обороны 23-й армии, непосредственно прикрывавшей «выборгское и кексгольмское направления», то она составляла 180 км (от Виролахти до Ристалаhti). Тысячу и один раз советские историки горестно сокрушались по поводу того, что летом 1941 года четыре дивизии 23-й армии не могли удержать полосу обороны в 200 км. И это совершеннейшая правда. По советским предвоенным уставам стрелковая дивизия могла оборонять полосу в 8–10–12, но никак не 45 км. Остается только вспомнить, кто и зачем загубил 127 тыс. красноармейцев ради того, чтобы передвинуть линию границы с укрепрайона в безбрежную лесную глушь. Эта, абстрактная на первый взгляд теория была однозначно

подтверждена на практике. В августе 1941 г. тонкая «нитка» обороны 23-й армии была прорвана за несколько дней, и только после отхода разрозненных остатков этой армии на линию «старой границы» (т.е. линию бетонных укреплений Карельского УРа) удалось, наконец, остановить финское наступление и стабилизировать фронт.

Еще раз отдадим должное товарищу Сталину: он легко и свободно обманывал других, но никогда не занимался глупым и трусливым делом самообмана. Что бы ни кричала сталинская пропаганда, сам Сталин не мог не понимать, что обороноспособность Ленинграда опасно ослаблена. И в этом смысле твердое намерение Сталина не останавливаться на полпути, а довести начатое дело до логического завершения выглядит вполне разумным. Адекватным сложившейся (в значительной степени сложившейся вопреки планам и намерениям самого Сталина) ситуации. В горах Кавказа, там, где родился Иосиф Джугашвили, наездники говорят: «Перепрыгнул ограду передними ногами — перепрыгивай задними...»

Завершить начатую борьбу за «укрепление безопасности Ленинграда» (предположим на мгновение, что в ноябре 1939 г. Сталин развязал войну с Финляндией именно в оборонительных целях) можно было двумя, принципиально различными, способами. Великая держава могла предложить оскорбленному ею соседу забыть старые обиды и начать жить «с чистого листа». Великая держава могла убедить Финляндию — и не словами, разумеется, а практическими делами, — что мирное сосуществование и тесное экономическое сотрудничество с СССР принесет ей больше пользы,

нежели бесплодные мечтания о военном реванше. Короче говоря — можно было начать выстраивать такую линию взаимоотношений, которая в 50–60-х годах 20-го столетия реально превратила советско-финскую границу в «границу мира и дружбы». Гораздо более спокойную, заметим, нежели граница с «братским социалистическим Китаем».

Но был и другой путь, путь подготовки к новой войне, к новому — и на этот раз уже окончательному — решению «финляндского вопроса». Какой путь выбрал Сталин? Первые ответы на этот, вероятно, самый главный для целей нашего исследования вопрос можно получить уже из анализа условий Московского мирного договора марта 1940 года. Главным из этих условий было определение новой линии границы между СССР и Финляндией. Эту линию можно было провести, руководствуясь по меньшей мере тремя разными соображениями (и обосновывая это решение тремя типами аргументов).

Можно было вспомнить всенародно любимую песню, которая в те годы гремела из всех репродукторов: «Земли чужой мы не хотим ни пяди». Под этим лозунгом победоносная Красная Армия с развернутыми знаменами, под гром оркестров могла вернуться на ту линию границы, которая существовала 30 ноября 1939 г. «Белофинская военщина получила достойный урок, весь мир убедился в том, что для Красной Армии нет непреодолимых преград, а чужого добра нам не надо. Мы ведь не ради финских болот с клюквой войну начинали, а для защиты города Ленина» — так можно было бы объяснить это своему народу и международному сообществу. Впрочем, такого благородства от Сталина и

К° едва ли кто-нибудь ожидал, так что сразу же перейдем к варианту №2.

Новую границу можно было провести строго по той линии, которая была предложена финнам в ходе московских переговоров в октябре–ноябре 1939 г. И такое решение вполне позволяло Сталину выйти из войны, как говорится, сохранив лицо. Все было бы очень красиво: «Воля могучего Советского Союза — закон для всех. То, что нам надо, мы возьмем всегда. Не хотели отдавать по-хорошему, через обмен территориями — вам же хуже, теперь придется передать Советскому Союзу кусок территории Карельского перешейка по-плохому, послевоенного поражения и безо всяких обменов».

Наконец, возможен был и самый жесткий (да и самый распространенный в международной практике) вариант № 3. Новая линия границы могла быть проведена по той линии фронта, которая сложилась на начало марта 1940 года. На основании простого и древнего «права завоевания». Скорее всего, именно на такое решение территориального вопроса — как на худший, но, увы, неизбежный, вариант — рассчитывала в марте 1940 г. и финская делегация.

Но ни один из трех перечисленных вариантов Сталина не устроил. В ультимативной форме финнам было предложено согласиться на откровенно наглый разбой, при котором Советский Союз присваивал себе не только все фактически занятые Красной Армией территории, но и те земли, к которым и близко не смог подойти солдат советской армии. По условиям Московского договора от 12 марта 1940 г. к Советскому Союзу отходил весь Карельский и весь Онежско-Ладожский перешеек, а также полоса вдоль

северо-западного берега Ладожского озера, включая железнодорожную ветку Выборг–Сортавала.

Новая граница перерезала Сайменский канал, соединяющий порт Выборга с Сайменской озерной системой (до войны по этой волной магистрали шел основной сплав финского леса). Линия новой границы была проведена так «ловко», что перекресток железных дорог у Элисенваара оказался на советской территории (см. карту № 2). При этом оказалась полностью разорванной вся система железных дорог юго-восточной Финляндии. Например, для того чтобы проехать из Иматра в Савонлинна (70 км по прямой), теперь надо было сделать 350-километровый «крюк» по маршруту Коувола, Миккели, Пиексямяки. Сегодня нам остается только строить догадки: было ли такое начертание границы сделано из одной только злобности, или же уже тогда ставилась задача максимально затруднить маневр сил финской армии в полосе будущего главного удара Красной Армии.

Не забыли авторы «мирного договора» и свои несбывшиеся мечты о том, как *«при выходе к шведской границе»* они будут *«военнослужащих шведской армии приветствовать отданием чести, не вступая в переговоры»*. Несмотря на то, что на «кемском направлении» войска 9-й армии не имели ни малейших успехов, по условиям Московского договора Советский Союз аннексировал изрядный кусок территории (площадью порядка 5 тыс. кв. км) на севере Карелии, в районе Алакуртти–Салла (см. карту № 3). Не ограничившись одним только «мирным прорывом» в глубь финской территории на 60–65 км, сталинское руководство потребовало от Финляндии (ст.7 Московского договора) построить, *«по возможности в*

течение 1940 года», железную дорогу, соединяющую г. Кемиярви со ставшим теперь пограничным г. Салла. Обосновывалось это требование желанием Советского Союза осуществлять *«транзит товаров между СССР и Швецией по кратчайшему железнодорожному пути»* (для чего на «своей», т.е. аннексированной, территории СССР намеревался построить ветку Алакуртти–Салла).

Действительно, соединив железной дорогой Кемиярви и Алакуртти, можно было получить прямое сообщение от Кандалакши до Кеми–Торнио «по кратчайшему пути». На первый взгляд все достаточно логично. На второй и более внимательный взгляд становится очевидно, что заполярная Кандалакша может быть только промежуточным пунктом на пути транспортировки грузов из Швеции в обжитые и промышленно развитые районы СССР. К Москве или Ленинграду самый короткий маршрут движения проходит через южную и центральную часть Финляндии (т.е. через Оулу, Куопио, Элисенваара, Кексгольм). Никакого сокращения пути транспортировка по Мурманской (Кировской) дороге (т.е. через Кандалакшу, Петрозаводск, Лодейное Поле) не дает. Не имея никакого экономического смысла, дорога на Кемиярви–Рованиеми–Кеми имела зато совершенно очевидное, не вызывающее ни малейших сомнений военное значение, как линия снабжения наступающих от Салла к побережью Ботнического залива советских войск.

В целях «обеспечения безопасности Ленинграда» СССР аннексировал также западную часть полуостровов Рыбачий и Средний, находящихся на расстоянии 1400 км от Ленинграда, а также присвоил себе право создания военно-морской и авиационной базы на полуострове

Ханко, расположенном на северной (финляндской) стороне Финского залива, на расстоянии в 400 км от Ленинграда. В целом добыча составила порядка 37 тыс. кв. км финской земли (не считая водных пространств) в 13 раз больше того, что Сталин требовал на переговорах в октябре 1939 г., и примерно в 5 раз больше того, что было захвачено силой оружия в ходе «зимней войны».

Что же касается аннексированных территорий Карельского перешейка и Приладожья, то это были одни из наиболее развитых в экономическом отношении районы Финляндии. Расположенные там целлюлозно-бумажные комбинаты производили примерно столько же целлюлозы, сколько и на всей остальной территории СССР, причем значительно лучшего качества. 19 крупных и средних электростанций полностью обеспечивали энергией всю промышленность региона. Более того, к 29 октября 1940 г. была построена высоковольтная линия электропередачи от ГЭС Роухиала на реке Вуокси до Ленинграда, по которой в энергосистему города на Неве вливалось 1 млн. кВт/час электроэнергии. До войны, летом 1939 г. на этой территории проживало 12% населения Финляндии и производилось 30% зерна. По площади освоенных пахотных земель (178 тыс. га) «новоприобретенные» районы в 2,7 раза превосходили соответствующий показатель всей Советской Карелии [14, 112].

Заслуживают внимания и весьма примечательные юридические аспекты истории заключения Московского договора. Кто, с кем и на каком основании заключил 12 марта 1940 г. договор в Москве? Это отнюдь не простые вопросы. Формально-юридически Советский Союз не объявлял войну Финляндии и не находился в состоянии войны с ней. Формально-юридически взаимоотношения

СССР и Финляндии основывались на Договоре о взаимопомощи и дружбе, заключенном 2 декабря 1939 г. с Народным правительством Финляндской Демократической республики. Никакой войны между двумя государствами не было. Об этом глава правительства СССР тов. Молотов публично заявил «городу и миру» 4 декабря 1939 года: *«Советское правительство не признает так называемое „финляндское правительство“, уже покинувшее г. Хельсинки и направившееся в неизвестном направлении, и потому ни о каких переговорах с этим „правительством“ не может теперь стоять вопрос. Советское правительство признает только Народное правительство Финляндской Демократической республики, заключило с ним Договор о взаимопомощи и дружбе, и это является надежной основой развития мирных и благоприятных отношений между СССР и Финляндией»* [100].

Эта же безукоризненная логика была использована и в Лиге Наций, Генеральному секретарю которой было заявлено, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финляндскому народу. Советский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря сего года заключен Договор о взаимопомощи и дружбе». Войны не было. Отношения были мирными. Красная Армия, Краснознаменный Балтийский флот и славные «сталинские соколы» бескорыстно помогали «народному правительству» в его героической борьбе против мятежных «маннергеймовских банд»...

Смех смехом, но даже на секретных топографических картах района военных действий, выпущенных картографическим Управлением Генштаба

РККА в начале 1940 г., вместо «нормальной» линии государственной границы СССР была изображена линия границы с «Финляндией Куусинена», каковая граница на участке северной Карелии проходила почти рядом с Кировской железной дорогой...

Разумеется, все эти абсурдные заявления не создавали абсолютно непреодолимых преград в деле заключения полноценного, юридически значимого мирного договора. Всего-то требовалось составить, подписать и вручить финской делегации три документа. Грамотный чиновник МИДа мог бы составить их за пару часов. Первый документ — заявление «правительства Куусинена» о самороспуске. Второй — совместное заявление правительства СССР и «народного правительства Финляндской Демократической республики» о том, что в связи с самороспуском «народного правительства» заключенный 2 декабря 1939 г. Договор о взаимопомощи и дружбе признается утратившим юридическую силу. Третий документ был бы самого щекотливого свойства — следовало в той или иной форме дезавуировать скандальные заявления Молотова. Как один из возможных вариантов — соответствующую бумагу мог подписать Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Калинин (тов. Сталин, как один из многих рядовых депутатов ВС СССР, дезавуировать заявления главы правительства СССР, конечно же, не мог).

Но, может быть, глава советского правительства (а по совместительству и нарком иностранных дел) товарищ Молотов в силу пробелов своего образования не знал и не понимал эту простейшую юридическую технику? Ничего подобного. Наличие правовой коллизии, связанной с существованием «народного правительства

демократической Финляндии», он отлично осознавал, о чем и сообщил депутатам трудящихся на сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся 29 марта 1940 года: *«...мы обратились к Народному Правительству Финляндии, чтобы узнать его мнение по вопросу об окончании войны. Народное Правительство высказалось за то, что в целях прекращения кровопролития и облегчения положения финского народа следовало бы пойти навстречу предложению об окончании войны... Соглашение между СССР и Финляндией вскоре состоялось... В связи с этим встал вопрос о самороспуске Народного Правительства, что им и было осуществлено»* [101].

Правда, товарищ Молотов и на этот раз слукавил, поставив в своем выступлении телегу впереди лошади.

Не заключение мирного договора делало необходимым самороспуск «правительства Куусинена», а как раз наоборот: ликвидации марионеточного псевдоправительства несуществующей страны была необходимым условием ведения переговоров и заключения договора с законным правительством Финляндии. Впрочем, гораздо более важной, нежели использованные Молотовым обороты речи, является дата. Доклад Молотова прозвучал 29 марта, а Московский договор был подписан 12 марта. Никаких других официальных документов (если только речь на сессии ВС можно считать «документом», имеющим международно-правовое значение) о самороспуске «правительства Куусинена», равно как и о признании Советским Союзом законного правительства и президента Финляндии, сделано не было.

Таким образом, поздним вечером 12 марта 1940 г. в Москве был подписан договор с представителями «белофинских банд», поднявших вооруженный мятеж против правительства «демократической Финляндии», с которой СССР на тот момент был связан узами Договора о взаимопомощи и дружбе. Случай в истории дипломатии цивилизованных стран уникальный. Но едва ли случайный — скорее всего Сталин вполне осознанно не спешил с «самороспуском» Куусинена, придерживая его, как карточный шулер придерживает в рукаве фальшивого туза. Только после того, как «игра» была завершена, договор с Финляндией подписан, а угроза вмешательства англо-французского блока временно отступила. Сталин разрешил распустить «народное правительство».

Если наличие лишнего правительства и «двух Финляндии» создавало скорее фарсовую ситуацию, то заключение «договора о мире» в обстановке продолжающейся агрессии позволяет поставить вопрос о юридической несостоятельности этого документа в целом. Поясним суть проблемы одним конкретным примером, причем имеющим самое прямое отношение к советско-финляндским войнам. Третья и последняя из этих войн была завершена следующим образом:

- 4 сентября 1944 г. вступило в силу соглашение о прекращении огня;

- 19 сентября 1944 г. было подписано соглашение о перемирии;

- 10 февраля 1947 г. был подписан мирный договор.

Можно предположить, что реализация такого порядка выхода из войны было вызвано тем, что на этот раз в качестве одной из сторон соглашения о перемирии

и Мирного договора выступал не Советский Союз, а целая группа стран антигитлеровской коалиции, включая Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. В такой ситуации возможности сталинского «беспредела» были существенно ограничены. В марте же 1940 года финскую делегацию вызвали в Москву и предложили подписать некий документ под «дулом орудий» — в прямом и переносном смысле этого выражения. Ни соглашение о длительном перемирии, ни по меньшей мере временная договоренность о прекращении огня на период ведения переговоров не были достигнуты (правильнее сказать, были категорически отвергнуты советской стороной), и Московский договор был подписан непосредственно в ходе войны. Что же касается характера этой войны, то Лига Наций охарактеризовала ее как агрессию Советского Союза против нейтральной, миролюбивой страны, и даже кремлевские составители текста Московского договора не набрались наглости обвинить в чем-либо Финляндию, уклончиво охарактеризовав войну как *«возникшие между обеими странами военные действия»*. И не более того. Ни о каких «провокационных обстрелах советской территории», ни о какой «угрозе Ленинграду» в преамбуле Московского договора не было сказано ни слова.

В таком случае вполне уместно будет задать вопрос: был ли Московский мирный договор от 12 марта 1940 г. добровольным соглашением сторон или ещё одним этапом в реализации развязанной Сталиным агрессии? И если международное сообщество признало за Финляндией право на вооруженное сопротивление агрессии, то было ли это право утрачено в связи с подписанием Московского договора? Проще говоря —

чем «мирный договор», заключенный в условиях продолжающегося вооружённого насилия, отличается от долговой расписки, полученной вымогателями с помощью утюга и паяльника? Накладывает ли такая «расписка» на жертву вымогателей какие-либо обязательства — кроме моральной обязанности законопослушного гражданина обратиться в правоохранительные органы и помочь им в поимке преступников?

Правительство СССР немедленно дало простой ответ на весь этот «пакет» сложных международно-правовых вопросов. Терпения советского руководства хватило ровно на одну неделю. 20 марта 1940 г. оно открыто продемонстрировало свое отношение к подписанному в Москве Мирному договору. В этот день части Красной Армии безо всякого согласования с финской стороной перешли линию новой границы и заняли поселок Энсо.

Поселок этот был не простой, а, можно сказать, «золотой». Рядом с маленьким поселком находился огромный, один из крупнейших в мире, целлюлозно-бумажный комбинат (сульфитный завод, сульфатный завод, картонажная фабрика, бумажная фабрика и химический завод, производящий хлор для отбеливания целлюлозы). Полный, технологически законченный комплекс предприятий, способных выпускать целлюлозу в объеме 50% от выработки во всем СССР.

По досадной оплошности исполнителей (да и в силу большой спешки) на переговорах в Москве про комбинат забыли, и линия новой границы, проведенная через железнодорожную станцию Энсо на географической карте большого масштаба, оставила комбинат на

финской стороне. В скобках отметим, что в аналогичной ситуации с металлургическим заводом в Вяртсиля (Приладожская Карелия) линия на карте была предусмотрительно выгнута на северо-запад, и завод оказался на аннексированной территории.

Оплошность с Энсо (которая в известных условиях той эпохи могла быть с легкостью переквалифицирована во «вредительство») была немедленно исправлена прямым вооруженным захватом. Ни в какие переговоры с «белофиннами» советские представители просто не сочли нужным входить. Позднее, уже после окончания 3-й советско-финской войны, поселок Энсо получил новое, советское, жизнеутверждающее название Светогорск. Если вы, уважаемый читатель, посмотрите на упаковку туалетной бумаги, хранящуюся в вашем санузле, то, возможно, найдете на ней надпись «Светогорский ЦБК».

Вооруженный захват комбината в Энсо немедленно поставил перед советским руководством следующую задачу — теперь надо было обеспечить надежную защиту столь ценной добычи, а для этого... Да, разумеется, для этого надо было еще раз передвинуть границу. 9 мая 1940 г. заместитель начальника Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР майор госбезопасности Г.М. Орлов пишет на имя заместителя председателя СНК СССР товарища Вулганина докладную записку [102]. Отметив огромное экономическое значение комбината в Энсо, товарищ Орлов переходит к конструктивным предложениям:

*«Поэтому надо сделать **все возможное** (подчеркнуто тов. Орловым) к максимальному отдалению финской границы от этого комбината, т.к. намечающаяся*

в настоящее время граница не может быть ни в коем случае допустима».

Забавно. Это самое мягкое, что мог бы сказать об этой докладной человек, не посвященный в тайны кремлевского двора. В самом деле: всего лишь заместитель главного вертухая, в более чем скромном для решения таких вопросов звании майора ГБ, наставляет заместителя главы правительства по проблеме, не имеющей никакого отношения к служебным полномочиям майора Орлова, да еще и называет *«ни в коем случае не допустимой»* ту линию границы, которая установлена межгосударственным договором, подписанным главой правительства СССР, верным соратником великого Сталина, товарищем Молотовым. Это откуда же такая смелость, такая прыть? А еще говорят, что «при Сталине все боялись слово сказать супротив воли начальства...».

Ларчик и на этот раз открывается очень просто. Товарищ Орлов, заместитель начальника ГУЛАГа, исполнял в тот момент обязанность... председателя советской делегации в совместной советско-финляндской комиссии по демаркации границы! Наверное, это и есть тот случай, про который говорят: «Правда удивительней всякой выдумки». Главный лагерный надсмотрщик чертит линию новой финской границы — более яркой метафоры несбывшихся надежд Сталина нельзя было и придумать. Да, именно «несбывшихся». В тот раз «отдалить финскую границу» от Энсо не удалось. Даже на минимальное «отдаление» до приграничного г. Иматра (которому предстоит еще много раз быть упомянутым в этой книге). Вероятно, потому, что весной 1940 г. Сталин еще не был готов идти на **все возможное...**

Глава 2.2

«ФИНСКИЙ НАРОД СТАЛ БЫ СЧАСТЛИВЫМ...»

Если надежды и мечты товарища Сталина в марте 1940 г. были еще очень далеки от полного воплощения в жизнь, то товарищ Куусинен имел все основания праздновать победу. Под его личным руководством Финляндия влилась-таки в братскую семью советских республик в качестве «12-й сестры». Правда, это была какая-то новая, «карело-финская», «запасная» Финляндия. Но обо всем по порядку.

В кровавом круговороте трагических событий начала «зимней войны», возможно, не все обратили внимание на удивительнейшую фразу, дважды повторенную в тексте Договора о взаимопомощи и дружбе, заключенного 2 декабря 1939 г. с так называемым «народным правительством» Куусинена. А сказано там было ни много ни мало следующее: *«Наступило время для осуществления вековых чаяний финского народа о воссоединении карельского народа с родственным ему финским народом в едином финляндском государстве».*

Двадцать лет до этого (и еще полвека после) самым мягким из выражений, в которых советская пропаганда могла бы охарактеризовать намерение карельского народа воссоединиться с *«родственным ему финским народом»*, да еще и *«в едином **финляндском (!!!) государстве»***, было что-нибудь вроде: «наглое вмешательство белофинской военщины во внутренние дела Советской Карелии» или «кулацкий

белогвардейский бандитизм, поддержанный из-за рубежа реакционными кругами финской буржуазии». А могли (и посе́й день могут) просто и без затей назвать события 1918–1921 гг. «белофинской агрессией против Советской России». Во второй половине 30-х годов, на пике «борьбы с финским буржуазным национализмом», любое упоминание о том, что карелы и финны находятся в близком родстве, рассматривалось как подстрекательство к мятежу. И вот теперь, в один день декабря 1939 года, все вдруг перевернулось с ног на голову (или, наоборот, с головы на ноги — в мире советского абсурда не было ни верха, ни низа, а была одна только «генеральная линия»).

Казалось бы, после «самороспуска народного правительства» в марте 1940 г. (еще раз подчеркнем, что точная дата и официальное заявление о «самороспуске» никогда не были опубликованы) с «вековыми чаяниями» будет покончено — на этот раз окончательно и бесповоротно. Однако жизнь (точнее говоря — планы сталинского руководства) оказалась сложнее примитивных схем. Месяц март не успел еще закончиться, как 6-я сессия Верховного Совета СССР, *«идя навстречу пожеланиям трудящихся Карельской АССР и руководствуясь принципом свободного развития национальностей»* (что можно возразить против таких благих намерений?), приняла Закон «О преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику». В соответствии со статьей 1 этого Закона новая Союзная республика получила *«территорию, отошедшую от Финляндии к СССР на основании мирного договора между СССР и Финляндией, за исключением небольшой полосы,*

примыкающей непосредственно к Ленинграду, в том числе города: Выборг, Антреа (Каменногорск), Кексгольм (Приозерск), Сортавала, Суоярви, Кушаярви».

Таким образом, Карело-Финская союзная республика оказалась больше современной Карелии, так как в нее была включена часть территории Карельского перешейка (ныне входящая в состав Ленинградской области РФ) и участок аннексированной финской земли в районе Алакуртти–Салла (ныне почти вся эта территория входит в состав Мурманской области РФ, сам же город Салла с прилегающим районом возвращён Финляндии). Другими словами, новоявленная «карелофинляндия» получила все земли, захваченные у настоящей Финляндии, за исключением того участка Карельского перешейка, который «народное правительство» Куусинена 2 декабря 1939 г. широким жестом доброй воли передало Советскому Союзу — его включили в состав Ленинградской области.

Юридическое оформление создания К-ФССР было выполнено как всегда — то есть очень небрежно. Строго говоря, новая республика оказалась незаконнорожденной, т.к. оформить решение Верховного Совета РСФСР по вопросу о выходе Карельской автономной республики из состава РСФСР забыли (из-за спешки или по причине устоявшейся привычки к правовому хаосу). В результате **оказалась нарушена Конституция СССР**, в соответствии с которой изменение территории и границ союзной республики без ее согласия не допускалось. И если бы создание К-ФССР было чем-то большим, нежели очередной политический фарс, то оно создало бы для РСФСР серьезную транспортную проблему, так как Мурманская область теряла при этом сухопутное сообщение с остальной

территорией РСФСР и превращалась в некий «анклав» (подобно тому, как после распада СССР и утверждения государственной независимости Литвы Калининградская область оказалась отрезанной от остальной России).

Столь же абсурдной была и последовательность правовых актов, оформивших создание К-ФСР: 31 марта 1940 г. ВС СССР «пошел навстречу пожеланиям трудящихся Карелии», само же решение полномочного органа власти этих трудящихся — Верховного Совета КаАССР — было принято на Внеочередной сессии ВС КаАССР лишь две недели спустя, 13 апреля 1940 г. [107]. Какие такие «трудящиеся» накануне 31 марта попросили ВС СССР удовлетворить их «вековые чаяния» и преобразовать автономную республику в союзную — это остается загадкой и по сей день.

У новорожденной союзной республики появилась едва ли не «собственная армия». 7 мая 1940 г. нарком обороны Ворошилов подписал приказ (один из последних в этой должности, так как именно в этот день Ворошилов был снят с поста наркома), в соответствии с которым требовалось *«к 10 июля сформировать 71-ю Особую Карело-Финскую стрелковую дивизию численностью 9000 человек»*. Дивизия должна была стать «особой» не только по названию.

«Личным составом дивизию укомплектовать из числа военнообязанных карелов и финнов, в первую очередь из бывшего корпуса тов. Анттила» [135]. Корпус тов. Анттила — это тот самый «1-й горно-стрелковый корпус народной армии Финляндии», который должен был по планам кремлевских властителей водрузить красное знамя над президентским дворцом в Хельсинки...

Новая союзная республика получилась большой по площади территории (как Азербайджан, Армения и Грузия, вместе взятые), но при этом крохотной по численности населения. В ней не было даже одного миллиона жителей (что по негласным «нормам» считалось обязательным условием для создания союзной — а не автономной — республики). В списках избирателей на первых выборах Верховного Совета К-ФССР было зарегистрировано всего 497 тыс. человек. То, что 98,5% избирателей поддержали на выборах кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных, не удивительно. Интереснее другое — национальный состав народных избранников (каковой состав, опять же по «негласным нормам» того времени, заранее формировался более-менее пропорционально национальному составу жителей). Так вот, из 133 депутатов ВС К-ФССР русских, а также представителей других национальностей (кроме «титульных»), было 88 человек (66%). Для того, чтобы замаскировать **почти полное отсутствие финнов**, их в официальном сообщении объединили с карелами («45 карелов и финнов») [107]. Как было отмечено выше, после массовых репрессий 30-х годов в живых и на свободе осталось крохотное меньшинство от и без того малочисленного финского населения региона. Последовавшая затем война с Финляндией принесла Сталину территорию без людей — практически все население аннексированных территорий (400 тыс. человек всех национальностей) ушло вместе с отступающей финской армией. Именно тогда и родился анекдот: «В Карело-Финской республике живут два финна: ФИНинспектор и ФИНкельштейн, но и это, по слухам, один еврей».

Кроме легендарного финна «Финкельштейна», в Карело-Финской республике был и не менее легендарный финн Куусинен. Для «кормления и чести» (стандартная формулировка указов московских царей) ему был жалован почетный, но при этом фактически лишенный реальных властных полномочий титул Председателя Президиума ВС К-ФССР. Настоящая же, т.е. партийная, власть осталась в прежних руках: Первым секретарем ЦК Компартии Карело-Финляндии был назначен (т.е. единодушно избран на организационном пленуме ЦК) бывший Первый секретарь Карельского обкома Г.Н. Куприянов (русский по национальности). Руководителем «карело-финской» молодежи (Первым секретарем ЦК комсомола республики) был назначен Ю.В. Андропов да, тот самый...

То, что реальный национальный состав населения республики не соответствовал ее названию, не могло считаться чем-то из ряда вон выходящим (уникальной была лишь количественная мера этого несоответствия название «финская» при практически полном отсутствии финнов). Но вот начавшаяся в К-ФССР кампания **по форсированной и тотальной «финизации» была абсолютно беспрецедентной**. В протоколах заседаний Бюро ЦК Карело-Финской компартии читаем.

- 4 мая 1941 г. *«Разработать и внести на утверждение бюро ЦК к 19 мая 1940 г. мероприятия по переводу делопроизводства на финский язык...»* [108];

- 9 мая 1941 г. *«Все радиовещание вести на двух языках — финском и русском, оставив (временно) некоторые передачи на карельском языке... Создать при Карельском радиокомитете в месячный срок*

карело-финский национальный хор. финскую вокальную группу и группу чтецов...» [109].

- 28 мая 1941 г. «Перевести делопроизводство с карельского на финский язык к 1 июля 1940 г... Обеспечить замену вывесок на улицах к 10 июля... Разработать проект мероприятий по изучению финского языка партийным и советским активом... Перевести преподавание в карельских школах на финский язык...» [100];

- 19 июня 1940 г. «Перевести с 15 июля с.г. с карельского на финский язык районные газеты „Красная Кестеньга“, „Красная Тунгуда“, „Лоухский большевик“... Вместо журнала „Карелия“ на карельском языке с 1 июля начать выпуск журнала „Пуна Липну“ („Красное Знамя“) на финском языке» [111].

Трудно сказать — успел ли партийный и советский актив выучить финский язык (весьма далекий по фонетике и лексике от русского), но картонные папки, в которых подшивались протоколы заседаний бюро, к началу 1941 года изменились радикально: состав документов и правила ведения учета напечатаны латиницей на финском языке, на всех печатях и штампах большими буквами выгравирована надпись на финском языке, и только маленькими буквами — на русском. Зачем все это? *«Руководствуясь принципом свободного развития национальностей»*, до такого абсурда додуматься было невозможно. Для абсолютного большинства населения, говорившего и писавшего по-русски, вся эта «китайская грамота» создавала только лишние неудобства. Ничуть не в лучшем положении оказалась и составляющие меньшую часть населения карелы. Понять на слух финский язык они еще могли (так

же, как русский человек поймет в общих чертах украинскую речь), но финская письменность, основанная на латинской графике, принципиально отличалась от построенного на использовании кириллицы карельского языка.

Всё познается в сравнении. Уникальность ситуации (искусственное и насильственное внедрение фактически иностранного языка, причем языка одной из «отсталых буржуазных наций»), сложившейся в Карело-Финской ССР, становится особенно наглядной, если сравнить ее с тем, как решался языковой вопрос в других «новообретенных» территориях Советского Союза. Наиболее корректным будет сравнение с развитием событий в Молдавии.

С 1924 года в составе Украинской ССР существовала Молдавская автономная республика (территориально совпадающая с нынешним самопровозглашенным Приднестровьем). 28-30 июня 1940 г. войска Красной Армии перешли Днестр и заняли территорию между реками Прут и Днестр (историческая область Вессарабия). 2 августа 1940 г. Верховный Совет СССР принял закон о создании новой, 13-й по счету, союзной республики, в состав которой были включены территория бывшей Молдавской АССР и во много раз большая по площади Бессарабия. Новая союзная республика, однако, не была названа Румыно-Молдавской (или Бессарабо-Молдавской), а просто и без затей получила название Молдавской ССР. Ни о каком использовании румынского языка в советской Молдавии не могло быть и речи. Более того, фактически был создан новый, «молдавский язык», изготовленный из исходного румынского, переведенного на кириллицу и насыщенного русскозвучащими словами. Этот странный

филологический монстр был объявлен государственным языком Молдавской ССР, использование же языка соседней Румынии беспощадно пресекалось.

Аналогично развивались события и в оккупированных в сентябре 1939 г. областях Восточной Польши. В соответствии с политической конъюнктурой момента новые союзные республики тогда создавать не стали, а оккупированные польские земли разделили на три (неравные по площади) части: г. Вильно и прилегающие районы подарили Литве (которой менее, чем через год, пришлось убедиться в том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке), территория к северу от р. Припять (Белостокское, Врестское и Гродненское воеводства) была присоединена к Белорусской ССР, территория к югу от Припяти — к Украинской ССР. На использование слова «Польша» был наложен негласный, но строжайший запрет. Не только в публичных выступлениях, но и в секретных военных документах использовались исключительно и только выражения «бывшая Польша» или «генерал-губернаторство». Как и следовало ожидать, польский язык последовательно изгонялся из употребления в официальном делопроизводстве, из государственных учреждений и армии. Ну а добровольно-принудительные курсы изучения польского языка могли присниться партийному активу разве что в кошмарном сне.

История, как принято говорить, повторяется: то, что было трагедией, возвращается в виде фарса. Эта мысль вполне применима и к истории появления весной 1940 г. бутафорской «карело-финляндии». История Карельской Трудовой Коммуны 1920–1923 гг. была, несомненно, трагичной. Но го была героическая трагедия — при всех

заблуждениях и неумеренных амбициях, проявленных руководителями «красных финнов», нельзя отрицать того, что многие из них совершенно искренне верили в идеалы коммунизма, в будущее мировой революции. И уж в любом случае, своей мученической смертью в стали неких застенках они с лихвой искупили все свои вольные и невольные прегрешения. Наспех слепленная Карело-Финская ССР образца 1940 года, в которой собранные со всей России номенклатурные чиновники с изумлением тарасились на финские надписи и финские же печати на бланках документов, которые они подписывали, являла собой образец грубого площадного фарса. Фарс был грубым, но вот был ли он глупым? Для того, чтобы по достоинству оценить принятое 19 июня 1940 г. решение о переводе газет «Красная Тунгуда» и «Лоухский большевик» на финский язык (и десятки подобных ему решений), следует вспомнить о том, что означали все эти даты на календаре большой европейской политики.

10 мая 1940 г. немецкие войска на Западном фронте перешли в давно ожидаемое наступление. Из имевшихся в составе вермахта 156 дивизий для войны с Францией и ее союзниками было выделено 136 (87%). На огромных пространствах Дании, Польши, Чехословакии, Австрии и собственно Германии было оставлено всего 13 дивизий (еще 7 дивизий вели боевые действия в Норвегии). На Западе были сконцентрированы и почти все силы люфтваффе. Из округов ПВО Кенигсберга, Вреслау, Дрездена, Нюрнберга, Вены были сняты все истребители до одного. В зоне ПВО Берлина был оставлен штаб 3-й истребительной эскадры и лишь одна из ее истребительных групп (II/JG-3 — 39 исправных

самолетов по состоянию на 10 мая 1940 г.). Удар сокрушительной мощи проломил оборону союзных армий. Вечером 14 мая голландская армия прекратила сопротивление, 23 мая танковые дивизии вермахта вышли к Ла-Маншу, 27 мая капитулировала Бельгия, в ночь с 3 на 4 июня последние английские части покинули побережье Дюнкерка, 12 июня Париж был объявлен «открытым городом», 17 июня французское правительство обратилось к немцам с просьбой о прекращении огня.

24 июня 1940 г., в Компьенском лесу, на том самом месте, где в ноябре 1918 г. германское командование подписало условия капитуляции, было заключено соглашение о перемирии. По этому соглашению Франция теряла две трети территории, теряла свой огромный военно-морской флот и большую часть военной авиации. Короче говоря — из разряда великих держав Европы переходила в категорию полунезависимого протектората Германии. Потерявшая всех своих союзников на континенте Британия оказалась теперь в положении осажденной крепости, выживание которой зависело от способности крайне малочисленных истребительных частей Королевских ВВС сдержать воздушное наступление бомбардировочных армд люфтваффе, да еще и от способности британского флота прорвать блокаду немецких подводных лодок и обеспечить остров продовольствием.

Для Сталина все произошедшее в мае–июне 1940 г. означало радикальное (и в значительной степени неожиданное) изменение военно-политической ситуации, головокружительный поворот, создававший новые угрозы, но и суливший новые выгоды. Беседуя 13 июня 1940 г. с послом фашистской Италии А. Россо, глава

советского правительства Молотов говорил: *«...После серьезных ударов, полученных Англией и Францией, не только их сила, но и престиж упали и господство этих стран идет к концу. Следует полагать, что голоса Германии и Италии, а также и Советского Союза будут более слышны, чем хотя бы год тому назад... Англия и Франция, как показывают события, с их старым политическим основанием не выдерживают испытания. Другие страны оказались более приспособленными к новым условиям, чем они. Много нового дала Италия, много нового дала и Германия. Много нового, идя по своему пути, дал и СССР...»* [113].

17 июня 1940 г. посол Германии в СССР граф Шуленбург докладывал в Берлин: *«Молотов пригласил меня сегодня вечером в свой кабинет и выразил те самые теплые поздравления советского правительства по случаю блестящего успеха германских вооруженных сил...»* [70]. В данном случае тов. Молотов проявил похвальную скромность. Блестящий успех германской армии состоялся не без помощи СССР. Не говоря уже про общую военно-политическую ситуацию, созданную пактом им. тов. Молотова и нацистского преступника, поджигателя войны Риббентропа, каковая ситуация позволила Германии сосредоточить все силы вермахта и люфтваффе на одном — Западном — фронте. Советский Союз оказал своему союзнику немалые услуги и непосредственно в ходе кампании. Так, 23 мая 1940 г. Шуленбург сообщил Молотову, *«что им получен ряд телеграмм из Берлина с просьбами усилить поставку нефтепродуктов, что является чрезвычайно важным ввиду события, происходящих сейчас на Западном фронте»*.

И что же? *«Молотов ответил, что вопрос о желаемом количестве нефтепродуктов не вызывает возражений с советской стороны. Он говорил несколько часов назад по этому вопросу с тов. Микояном, и все предложения германского правительства приняты. Дано полное согласие. При теперешних операциях действительно нужны и бензин, и газойль для немецкой армии, действия которой замечательно успешные...»* [113].

Боевое братство красно-коричневых крепло день ото дня. 24 июля 1940 г., на этот раз уже из Рима в Москву, прилетела депеша. Посол Советского Союза с восторгом докладывал о своей встрече с вождем фашистской Италии: *«...Муссолини встретил меня у дверей своего огромного кабинета. Во время беседы он был любезен и по окончании аудиенции проводил меня до дверей кабинета... Муссолини подчеркнул, что в настоящий момент у трех стран СССР, Италии и Германии — несмотря на различие внутренних режимов (и это сущая правда: в Италии не было своей Колымы. — М.С.), имеется одна общая задача: это борьба против плутократии, против эксплуататоров и поджигателей войны на Западе»* [113].

Западные плутократы в новой, сложившейся летом 1940 г. ситуации перестали быть опасными для СССР. Таким образом, **отпала главная причина, вынудившая в своё время Советский Союз проявить сдержанность и помиловать Финляндию.** Сегодня мы можем только догадываться о том, в каких именно выражениях товарищ Сталин выразил свою досаду по поводу того, что разгром англо-французских войск произошел не в марте, а в мае. Зато мы вполне точно, на основании рассекреченных 10-15 лет назад

документов, можем воссоздать картину того, что товарищ Сталин сделал практически.

30 мая 1940 г. в газете «Известия» было опубликовано официальное сообщение наркомата иностранных дел СССР о зверских преступлениях литовской военщины, которая «похищает и пытается» с целью получения военных тайн рядовых красноармейцев из состава расквартированных в Литве с осени 1939 г. советских воинских гарнизонов. Правда, конкретные фамилии «похищенных красноармейцев» советская сторона постоянно путала [34]. Предложение литовской стороны о проведении совместного расследования было с гневом и возмущением отклонено.

«Литовские власти под видом расследования и принятия мер по отношению к виновным расправляются с друзьями СССР» — так было сказано в директиве Политуправления РККА №5258 от 13 июня 1940 г. [34].

3 июня 1940 г. нарком обороны СССР маршал Тимошенко издал приказ № 0028, в соответствии с которым войска Красной Армии, размещенные на территории Литвы, Латвии и Эстонии, исключались из состава своих военных округов и переходили в непосредственное подчинение наркома обороны через его заместителя, командарма 2-го ранга А.Д. Локтионова (в будущем генерал-полковник, командующий войсками вновь созданного Прибалтийского военного округа) [120]. 8 июня 1940 г. Локтионов получил приказ подготовить аэродромы прибалтийских государств, на которых в соответствии с соглашениями октября 1939 г. дислоцировались советские авиачасти, «к обороне и приему посадочных десантов» [122]. 11 июня в белорусском городе Лида, недалеко от границы с Литвой,

состоялось совещание командования Белорусского ОБО и 11-й армии, на котором был утвержден план операции и задачи войск 11-й армии, которая совместно с дислоцированным в Литве 16-м Особым стрелковым корпусом должна была *«окружить и уничтожить противника в районе Каунаса, не допуская его отход в Восточную Пруссию»* [34]. В целом для проведения Прибалтийской операции у границ Литвы, Латвии и Эстонии в составе трех армий (8-й, 3-й и 11-й) было сосредоточено 20 стрелковых, 2 мотострелковые, 4 кавалерийские дивизии, 9 танковых и 1 воздушно-десантная бригады [34].

После завершения развертывания войск у границ прибалтийских государств слово взяла советская дипломатия.

Поздним вечером (можно сказать — ночью), в 23.50 14 июня 1940 г. министр иностранных дел Литвы Уршбис (он с 10 июня уже находился в Москве) был вызван в кабинет Молотова. Там ему был зачитан текст заявления Советского правительства, в котором было сказано дословно следующее: *«Советское правительство считает абсолютно необходимым и неотложным:*

1. Чтобы немедленно были преданы суду министр внутренних дел г. Скучас и начальник департамента политической полиции г. Повелайтис, как прямые виновники провокационных действий против советского гарнизона в Литве.

2. Чтобы немедленно было сформировано в Литве такое правительство, которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского Договора о взаимопомощи и решительное обуздание врагов Договора.

3. Чтобы немедленно был обеспечен свободный пропуск на территорию Литвы советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Литвы в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-литовского Договора о взаимопомощи и предотвратить провокационные действия, направленные против советского гарнизона в Литве.

Советское правительство считает выполнение этих требований тем элементарным условием, без которого невозможно добиться того, чтобы советско-литовский Договор о взаимопомощи выполнялся честно и добросовестно. Советское правительство ожидает ответа Литовского правительства до 10 часов утра 15 июня. Непоступление ответа Литовского правительства к этому сроку будет рассматриваться как отказ от выполнения указанных выше требований Советского Союза» [120].

Таким образом, на раздумья литовскому правительству было дано 10 часов. Официальная советская протокольная запись встречи Молотова с Уршбисом сохранила, в частности, такие детали беседы: «...Урбшис обращается к тов. Молотову с просьбой, ссылаясь на чрезвычайно сложный и ответственный момент в жизни Литвы, об отсрочке срока, упомянутого в заявлении Советского правительства. Тов. Молотов отвечает, что он огласил ему решение Советского правительства, в котором он не может изменить ни одной буквы... Далее тов. Молотов предупреждает Урбшиса, что если ответ задержится, то Советское правительство немедленно осуществит свои меры, и безоговорочно... Тов. Молотов подчеркивает, что вышеупомянутое заявление Советского правительства неотложно и если

его требования не будут приняты в срок, то в Литву будут двинуты советские войска и немедленно.

*...Урбшис говорит, что он не видит статьи, на основании которой можно было бы отдать под суд министра внутренних дел Скучасы и начальника политической полиции Повелайтиса. Спрашивает, как быть? Тов. Молотов говорит, что **прежде всего нужно их арестовать и отдать под суд, а статьи найдутся**(подчеркнуто мной. — М.С.). Да и советские юристы могут помочь в этом...» [120].*

16 июня аналогичные ультиматумы были предъявлены Латвии и Эстонии (единственным отличием было отсутствие требований об арестах министров внутренних дел этих государств, так как о «похищениях красноармейцев» в Латвии и Эстонии заранее объявить не успели). Вручение ультиматумов тов. Молотов сопровождал такими же хамскими комментариями, как и в «беседе» с Уршбисом. О каком-либо вмешательстве Англии в события в реальных условиях июня 1940 г. не могло быть уже и речи. С другой стороны, германское руководство, строго придерживаясь условий соглашения о разделе добычи, согласованных 23 августа и 28 сентября 1939 г. в Москве, категорически отказало прибалтийским государствам в оказании любой помощи. Более того, внешнеполитическое ведомство Германии «вежливо, но твердо» отказалось даже официально принять ноты протеста, с которыми послы гибнущих государств обратились к Берлину. 17 июня всем дипломатическим миссиям Германии за рубежом была разослана циркулярная телеграмма, в которой говорилось: *«Беспрепятственное укрепление русских войск в Литве, Латвии и Эстонии и реорганизация правительств касается только России и прибалтийских*

государств... Пожалуйста, избегайте во время бесед делать какие-либо высказывания, которые могут быть истолкованы как пристрастные» [70].

16–17 июня войска Красной Армии, не встречая сопротивления, начали продвижение вглубь территорий прибалтийских государств, полностью завершив их оккупацию к 21 июня. 17 июня, в то время, когда огромные колонны танков и грузовиков катились по дорогам Прибалтики, нарком обороны СССР маршал Тимошенко направил товарищу Сталину докладную записку № 390, в которой сформулировал следующие предложения:

«...2. В каждую из занятых республик ввести по одному (в первую очередь) полку войск НКВД для охраны внутреннего порядка.

3. Возможно скорее решить вопрос с „правительствами“ (кавычки стоят в тексте докладной записки. — М.С.) занятых республик.

4. Приступить к разоружению и расформированию армий занятых республик. Разоружить население, полицию и имеющиеся военизированные организации...

6. Решительно приступить к советизации занятых республик.

7. На территории занятых республик образовать Прибалтийский военный округ со штабом в г. Рига...» [123].

Эта докладная записка свидетельствует об удивительном даре предвидения, которым было наделено высшее военно-политическое руководство СССР. 17 июня оно уже точно знало о том, что 14 июля на выборах новых парламентов 95% избирателей Литвы,

Латвии и Эстонии дружно проголосуют за единственный список кандидатов, что 21 июля единодушно избранные депутаты народа обратятся к Верховному Совету СССР с просьбой принять их в братскую семью советских республик. А как иначе, не будучи уверенным во всем этом, можно было бы в здравом уме принимать решение о создании военного округа Красной Армии на территории трех ИНОСТРАННЫХ (по состоянию на 17 июня 1940 г.) государств?

За большими делами «советизации занятых республик» о судьбе «похищенных» военнослужащих напрочь забыли. Причем забыли именно тогда, когда установление полного военного контроля над Прибалтикой открывало, казалось бы, неограниченные возможности для поиска «похищенных», для предания виновных суду, а тел «замученных литовской военщиной красноармейцев» — земле. Увы, ни советская пресса, ни секретные приказы советского военного командования так ничего никогда и не сообщили бойцам и командирам Красной Армии о судьбе их «пропавших» товарищей...

Не останавливаясь на достигнутом и без малейшей паузы товарищ Сталин обратил свой орлиный взор на юго-запад. От Румынии потребовали передать Советскому Союзу не только Вессарабию, но и Буковину, которая никогда не входила в состав Российской империи (и — что гораздо более значимо — никак не была упомянута в секретном протоколе о разделе сфер влияния в Восточной Европе между Германией и СССР от 23 августа 1939 г.). В качестве аргумента в Заявлении правительства СССР была использована такая, достаточно нетривиальная мысль: *«В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его*

территории — Бессарабию — и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населенной **главным образом украинцами** (подчеркнуто мной. — М.С.), с Украинской Советской Республикой» [120]. В реальности на территории Бессарабии 2 декабря 1917 года была образована Молдавская Демократическая Республика, парламент которой в марте 1918 года принял решение об объединении Молдавии с Румынией. Советская официальная историография всегда трактовала это решение как «оккупацию Бессарабии Румынией». Интереснее другое — в июне 1940 г. «вековым чаянием» украинского (???) населения Бессарабии, «отторгнутой от России», было объявлено желание воссоединиться с Украиной (???), и лишь позднее было придумано и немедленно реализовано новое «вековое чаяние», для осуществления которого и была создана «самостоятельная» Молдавская ССР...

Вот именно в эти, стремительно переворачивающие мир, дни в далекой от Парижа и Бухареста Финляндии появилась на свет еще одна организация, провозгласившая своей целью «борьбу против эксплуататоров и поджигателей войны». Назывался новорожденный вполне благозвучно: «Общество мира и дружбы с СССР».

Насколько можно судить по названию, цели Общества были самые что ни на есть благородные: способствовать примирению двух народов, только что переживших кровавую междоусобицу. Чего же лучше? Просто удивительно, что в нашей стране история этого богоугодного заведения почти не известна. Лишь очень немногие книги содержат самые краткие упоминания о

создании «Общества», о митингах и демонстрациях, проводившихся им в защиту мира и дружбы. Да еще в речи Молотова на сессии Верховного Совета СССР от 1 августа 1940 г. можно прочесть странную фразу, вероятно, имеющую отношение к деятельности «Общества»: *«Понятно, что если некоторые элементы финляндских правящих кругов не прекратят своих репрессивных действий против общественных слоев Финляндии, стремящихся укрепить добрососедские отношения с СССР, то отношения между СССР и Финляндией могут потерпеть ущерб»* [126]. Вот, собственно, и все. И тем не менее — кто ищет, тот находит. В хранящемся в РГАСПИ архиве Коминтерна обнаружилась интереснейшая коллекция документов (РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 1544, д. 1547), позволяющих пролить свет на цели и задачи «Общества мира и дружбы».

Весьма примечательна сама история появления этих документов. В декабре 1940 г. «финская плутократия» решительно пресекла деятельность «Общества» — организация была запрещена, активисты арестованы и преданы суду. Уже после начала 2-й финской войны 290 политзаключенных были освобождены из тюрем Финляндии, восстановлены в гражданских правах и включены в состав специально сформированного батальона. 1 сентября эта воинская часть прибыла на фронт в северную Карелию. 16-18 сентября 1941 г. группа из 54 финских коммунистов перешла линию фронта и сдалась частям Красной Армии. В архиве Коминтерна сохранились рукописные отчеты нескольких участников этой группы о работе, которую они в качестве руководителей районных и городских организаций компартии Финляндии (КПФ) вели до дня своего ареста.

Перевод документов на русский язык был выполнен в январе 1942 года. Приведем краткие отрывки из этих отчетов.

Лааксо Эйно «О работе КПФ в Тампере»:

«После войны в Тампере провели собрание актива, на котором дали оценку положения и инструкции для работы.

*Но в этой оценке мы переоценили ход событий, поэтому и оценка наша была неправильная. Мы были того мнения, что **события в Финляндии будут развиваться так же, как в Балтийских странах** (подчеркнуто мной. — М.С)...*

В нашей организации работала профсоюзная, женская, военная секции, но работа последней была весьма ограниченной и заключалась преимущественно в связях с армией, в приобретении нескольких единиц оружия, взрывчатых веществ и в добывании важных военных секретов...» [114].

Кайно Раухалинна «Краткий отчет о работе КПФ в г. Сало»:

«С начала 1941 г. работала также организация, добывавшая военные сведения. В задачи этой организации входило добывать сведения о военных транспортах, о расположении войск, о складах оружия и боеприпасов, об аэродромах и т.д.» [119].

Пааво Менделин «О работе КПФ в „Союзе мира и дружбы“»:

«В организации союза в Тампере руководство партии было явное. В комитете, избранном на организационном собрании, из 6 членов четверо были

члены Партии и работали в Союзе по инструкциям партии... 30 июля на собрании Союза в Тампере была зачитана декларация партии, адресованная премьер-министру Рюти, в которой требовали замены правительства и привлечения к ответственности виновников войны...» [115].

Рейно В. Косунен «О работе КПФ в Куопио»:

«В июне 1940 г. я отвез в Куопио инструкции об организации Союза мира и дружбы, письменный доклад об оценке положения и инструкции о ближайших задачах партии...» [116].

Юрье Хелениус «Отчет о работе райкома КПФ в гор. Турку и Окрестностях»:

*«В период войны райком старался организовать дезертировавших от военной службы в активную партизанскую борьбу против белофиннов... На 7 августа 1940 г. было назначено собрание Общества друзей Советского Союза, но оно было запрещено от имени местной власти. Рабочие собрались и по предложению райкома партии устроили демонстрацию, прошли к торговой площади и полицейской тюрьме, **предъявляя требования об отставке правительства** (подчеркнуто мной. — М.С.). Между безоружными рабочими и вооруженными ручными автоматами (так в тексте перевода. — М.С.) полицейскими возникли столкновения, в результате которых погибло 8 рабочих и 4 полицейских, а несколько десятков человек было ранено...» [117].*

Лейно Рейно, г. Турку (документ не озаглавлен):

«Все намеченные партией мероприятия в связи с демонстрацией 7 августа прошли точно по плану...» [118].

На основании отчетов финских товарищей чиновником Коминтерна тов. Вилковым был составлен объемистый (58 машинописных страниц) доклад под названием «О работе компартии Финляндии накануне германо-советской войны». Название довольно странное — к тому времени (доклад подписан составителем 11 мая 1942 г.) во всех газетах Советского Союза эта война уже называлась Великой Отечественной...

Подробно (почти дословно) пересказав сообщения финских коммунистов, товарищ Вилков перешел к оценкам и выводам. По поводу событий 7 августа 1940 г. (точнее говоря — по поводу отсутствия аналогичных событий в последующие дни) написана достаточно невнятная фраза: *«ЦК КПФ после 7 августа запретил проведение каких бы то ни было демонстраций или массовых выступлений. Часть членов партии считала это решение ЦК ошибочным, но не нарушила его» [124].* Понять позицию автора трудно. В партии Ленина-Сталина (филиалом которой и был Коминтерн) такой «плюрализм мнений», мягко говоря, не поощрялся. Кто-то должен был быть назван «антипартийной группой»: или «часть членов», или «капитулянты и раскольники», захватившие власть в ЦК. Такое в коминтерновских партиях бывало частенько, но в подобном случае вышестоящее начальство (Исполком Коминтерна) должно было назначить «здоровые силы» и поручить им «разбить группу оппортунистов, окопавшихся в ЦК».

Зато общая оценка, данная деятельности Общества мира и дружбы с СССР, была вполне однозначной. Общество не справилось с возложенной на него ответственной задачей. *«Одним из крупнейших завоеваний партии было создание по ее инициативе и под ее руководством Общества мира и дружбы. Однако в результате слабости и особенно нечеткости со стороны руководства партии не удалось превратить эту организацию в такую силу, которая сломила бы хребет финской буржуазии»* (подчеркнуто мной. — М.С.)» [125]. Такая вот прискорбная неудача случилась — Общество мира не смогло «сломить хребет»...

Теперь постараемся подытожить имеющуюся информацию. Вполне очевидным и не вызывающим сомнений является тот факт, что Общество мира и дружбы было создано, организовано и руководимо компартией Финляндии, т.е. **нелегальной военизированной подрывной организацией**, деятельность которой строго контролировалась из Москвы. Непосредственной задачей, поставленной перед «Обществом», была дестабилизация внутривнутриполитического положения в Финляндии. Эту задачу пытались выполнить сочетанием политических (выдвижение явно выходящего за рамки уставных задач «Общества мира и дружбы» требования «замены правительства») и силовых (организация уличных беспорядков) акций. О масштабе и злонамеренности этих беспорядков можно судить по трагическим событиям 7 августа в г. Турку (крупный портовый город на берегу Финского залива), где в результате побоища между «безоружными (?) рабочими» и вооруженными автоматами полицейскими оказались убитыми 4 полицейских и несколько десятков человек было ранено.

Причем эти события отнюдь не были результатом стихийного (или даже спровоцированного группой подстрекателей) выхода ситуации из-под контроля организаторов манифестации. Нет, они (организаторы) действовали по ранее обдуманному сценарию и остались вполне довольны результатом (*«все намеченные партией мероприятия в связи с демонстрацией 7 августа прошли точно по плану»*).

Впрочем, без провокаций дело также не обошлось. В начале августа 1940 г. «Общество» распространило сообщение о том, что в ближайшие две недели Красная Армия займет ключевые пункты Финляндии под предлогом необходимости защиты и обеспечения железнодорожных перевозок по линии Выборг–Ханко (об этом писал в своих изданных в Стокгольме мемуарах большой друг СССР, посол Финляндии в Москве, а затем и президент страны Ю.К. Паасикиви) [103].

Не вызывает сомнений и стратегическая задача, поставленная в Москве перед финскими коммунистами и руководимым ими «Обществом мира» (*«мы были того мнения, что события в Финляндии будут развиваться так же, как в Балтийских странах»*). С еще большей, предельной откровенностью стратегическая линия Коминтерна (т.е. сталинского руководства СССР) в отношении Финляндии раскрывается в «Письме финским коммунистам», составленном находящейся в Советском Союзе руководящей группой ЦК ФКП (документ подписали Куусинен и Антикайнен). Перед находящимися в Финляндии членами ФКП ставятся такие задачи: *«...Разоблачать перед массами классовый характер главного лозунга финской буржуазии: „Защита самостоятельности Финляндии“... Финский народ стал бы счастливым, если бы он получил такую свободу и*

*самостоятельность, какой об гадают народы Карело-Финской, Литовской, Латвийской, Эстонской советских республик. Таким образом, наша партия, отвергая и разоблачая лозунг „защиты самостоятельности Финляндии“, увязывает вопрос об обеспечении самостоятельности Финляндии и финского народа с **задачей превращения Финляндии в советскую республику** (подчеркнуто мной. — М.С.)» [127].*

Дискуссионными являются два вопроса. Во-первых, не вполне ясен сам сценарий запланированного перехода от «дестабилизации к советизации». Можно лишь предположить, что Карело-Финская ССР была создана (и активно «финизировалась» летом 1940 г.) именно для того, чтобы в дальнейшем осуществить «превращение Финляндии в советскую республику» не как поглощение малой страны огромным соседом, а в несколько более благовидной форме «воссоединения карельского и финского народов в едином государстве». С другой стороны, надеяться на то, что выстоявший в тяжелейшие дни «зимней войны» народ Финляндии согласится «добровольно-принудительно» (по образцу трех стран Прибалтики) воссоединиться с «карело-финляндией» Куусинена было бы слишком легкомысленно.

Трудно поверить в то, что Сталин мог планировать столь простую игру. Возможно, кровопролитные уличные беспорядки должны были лишь создать пропагандистский повод для полномасштабного вторжения войск Красной Армии. Как пишет в своих мемуарах Маннергейм, *«в Хельсинки по известному образцу были инсценированы демонстрации коммунистов, целью которых было спровоцировать кризис. Когда группу буянов задержали во время*

уличных беспорядков, посол СССР заявил протест премьер-министру Рюти...» [22]. При таком сценарии вторжение могло быть обосновано необходимостью спасти «истекающих кровью финских рабочих». К сожалению, имеющаяся источниковая база не позволяет пока продвинуться дальше догадок и предположений.

Еще более загадочным представляется второй вопрос. Почему же, в конце концов, ни миролюбивому «Обществу», ни победоносной Красной Армии так и не удалось «сломать хребет финской буржуазии»? Почему *«ЦК КПФ после 7 августа запретил проведение каких бы то ни было демонстраций»*, т.е. **фактически остановил кампанию дестабилизации на самом разбеге**? Почему ожидаемая многими и такая «логичная» в ситуации лета–осени 1940 г. оккупация Финляндии так и не состоялась? И на этот вопрос у нас нет убедительного ответа. Некоторые предположения об обстоятельствах, повлиявших на принятие (лучше сказать. непринятие) решения о вторжении, можно получить из анализа сугубо военных аспектов ситуации лета–осени 1940 г., о чем и пойдет речь в следующей главе.

Глава 2.3

ТРЕВОЖНОЕ ЛЕТО

Хронологически первым в ряду «финских вопросов», которые решало советское руководство в первые недели. После подписания 12 марта 1940 г. Московского мирного договора, стал запрет на создание военного союза Норвегии, Швеции и Финляндии.

Предыстория вопроса такова. На всем протяжении «зимней войны» правительства Норвегии и Швеции

демонстративно отстранились от оказания действенной военной помощи жертве агрессии. Более того, два эти правительства категорически отказались пропустить через территорию своих государств англо-французский экспедиционный корпус. Этот отказ, твердый, бесповоротный и публичный, фактически был использован Чемберленом и Даладье в качестве благовидного предлога для бесконечных проволочек с отправкой войск в Скандинавию (в конечном итоге все это закончилось оккупацией части Финляндии войсками Советского Союза и всей Норвегии — войсками фашистской Германии). С другой стороны, руководители Норвегии и Швеции неоднократно заявляли о том, что их симпатии всецело на стороне демократической Финляндии, и если после окончания войны Финляндия еще будет существовать, то они готовы будут заключить с ней тесный военно-политический союз.

Война закончилась. Финляндия, изрядно потрепанная, но непобежденная, уцелела. Сразу же после окончания войны, в марте 1940 г. начались переговоры о создании оборонительного союза Скандинавских стран. Однако в эти переговоры немедленно «включилась» Москва, которая заявила о том, что участие Финляндии в таком союзе будет считаться нарушением условий Мирного договора от 12 марта со всеми вытекающими из такового нарушения последствиями. Разумеется, в ситуации весны 1940 года Финляндии не оставалось ничего иного, как согласиться с этим неприкрытым давлением. Заслуживает внимания оценка истории несостоявшегося союза, данная в мемуарах Маннергейма:

«Оборонительный альянс был задуман как воплощение желания северных стран защитить свои

нейтралитет и независимость, и его единственной целью было сохранение статус-кво Севера, при этом Финляндия входила бы в союз с границами, установленными Московским договором. Дополнительной гарантией мирных целей предполагаемого союза являлось прямое обязательство всех его членов не начинать войны, если вопрос не идет об общей обороне от агрессора.

Сопrotивление Советского Союза созданию такого оборонительного альянса было ошибкой. Как показало дальнейшее развитие событий, отказ от него пошел на пользу только Гитлеру, нападение которого на Скандинавию не встретило совместного сопротивления Швеции и Норвегии. Можно задаться вопросом, оккупировал бы Гитлер вообще Норвегию, если бы знал, что вступит в открытый конфликт со Швецией и Финляндией? Оборонительный союз автоматически привел бы нас на сторону противников Германии... Разрушив планы создания оборонительного союза, СССР фактически содействовал тому, что немцы захватили плацдарм на норвежском побережье Северного Ледовитого океана. Оттуда они стали угрожать Мурманску и протянули часть своих коммуникаций кратчайшим путем через север Финляндии, а позднее, использовав железную дорогу, построенную по приказу Советского Союза (линия Кемиярви—Салла), появились в опасной близости от Мурманска» [22].

Разумеется, позиция, занятая советским руководством в вопросе о создании оборонительного союза Скандинавских стран, была «ошибкой» лишь в предположении о том, что целью сталинской дипломатии было поддержание мира во всем мире и прежде всего — у границ СССР. Если предположить, что цели были совсем другими, то тогда и оценка может смениться на

прямо противоположную. Точно так же, в зависимости от предполагаемых целей и задач, следует оценивать и способ создания и вооружения военной базы на полуострове Ханко, который оказался в распоряжении Советского Союза по условиям Московского договора.

В главе 1.2. настоящей книги уже говорилось о том, что в качестве обоснования своих притязаний на Ханко Сталин выдвигал сугубо оборонительное намерение «перекрыть артиллерийским огнем вход в Финский залив». Это намерение даже теоретически невыполнимо (о чем также говорилось выше). События 1940 г. показали, что **никто и не пытался реализовать эту абсурдную идею практически.**

Огневое сооружение (и воинская часть, это сооружение занимающая), предназначенное для борьбы с кораблями противника (и способное в ряде случаев перекрыть артиллерийским огнем морской фарватер), называется «береговая батарея». Береговая батарея — это не просто несколько пушек, одиноко стоящих на берегу моря. Поясним этот момент чуть более подробно.

Для того, чтобы береговая батарея могла вести артиллерийскую дуэль с крупными надводными кораблями противника (до тяжелых крейсеров и линкоров включительно), она должна как минимум не уступать им в двух ключевых параметрах: вооружении и защищенности. Эти требования вполне выполнимы. На вооружении береговых батарей чаще всего использовались морские орудия тех же самых калибров и систем, какие ставились на тяжелые корабли. Решить вопрос с защищенностью было тем более возможно — береговая батарея неподвижна, и она не должна обладать положительной плавучестью. Таким образом,

теми ограничениями на габариты и вес бронезащиты, в рамках которых происходит проектирование боевых кораблей, в случае с береговой батареей можно пренебречь.

Практически все это означает то, что береговые батареи укрывались среди несокрушимых гранитных скал, их размещали в естественных (или специально созданных взрывом) пещерах, защищали многометровым слоем фортификационного железобетона, оборудовали подземными складами и укрытиями для личного состава. В результате возникала огневая точка, которую почти невозможно было подавить ни огнем корабельных орудий, ни авиационной бомбардировкой. Именно высочайшая защищенность и неуязвимость превращали береговую батарею (а это, как правило, всего лишь два-три-четыре орудия) в весьма значимый элемент оборонительной системы, имеющий большое тактическое или даже оперативное значение.

Русская, а затем и советская, военно-морская наука накопила огромный, многолетний и многовековой опыт создания мощных береговых батарей. Но на Ханко этот опыт не был востребован. Стационарные береговые батареи на Ханко **даже не начинали строить!** Встречающиеся в советской исторической или мемуарной литературе объяснения этого парадоксального факта (нехватка стройматериалов и рабочих, длительные сроки строительства) совершенно абсурдны. Загубив за три месяца «зимней войны» 127 тыс. бойцов и командиров Красной Армии, советское руководство не нашло необходимого числа строителей для обустройства той самой военно-морской базы Ханко, за овладение которой и велась война? Да и когда же в империи Сталина не хватало рабочих рук? Только в Карелии и только на

строительстве железных дорог на аннексированных территориях трудилось более 100 тыс. заключенных. Если ста тысяч было мало, можно было пригнать еще двести, триста или пятьсот тысяч.

Доподлинно известно, что в так называемые предвоенные годы в Советском Союзе шло грандиозное военное строительство. На «линии Молотова» вдоль новой западной границы было запланировано создание 5807 долговременных сооружений, из которых к 22 июня 1941 г. не менее 1 тыс. были завершены строительством. На 194 военных аэродромах строились (или реконструировались) бетонные взлетно-посадочные полосы, подземные бетонированные бомбохранилища на 300 т и бензохранилища на 225 т для каждого аэродрома [128]. Впрочем, о том, имел или не имел Советский Союз необходимые ресурсы для строительства береговых батарей в акватории Финского залива, можно и не спорить. Береговые батареи строились фактически: сверхмощная четырехорудийная 16-дюймовая (406 мм) в Эстонии, 180 и 305-мм батареи на острове Осмуссар, 254-мм батарея на острове Руссарэ, 180-мм батарея на острове Эзель (Сваремва)... Но только не на Ханко.

Военно-морская база (ВМБ) Ханко получилась какая-то странная. **На ней никогда не базировались надводные корабли класса эсминца и выше.** В июне 1941 г. с ВМБ Ханко вывели и ранее базировавшиеся там 1-ю бригаду торпедных катеров и 8-й дивизион подводных лодок, после чего на Ханко осталось только семь «малых охотников охраны водного района», т.е., по сути дела, 7 небольших сторожевых судов [106].

Несравненно более мощными были сухопутные силы этой «морской» базы. На Ханко дислоцировалась 8-я

отдельная стрелковая бригада (два стрелковых и один артиллерийский полк, отдельный танковый батальон, две отдельные пулеметные роты и другие подразделения).

8-я осб была сформирована на базе частей легендарной 24-й Железной дивизии — одного из лучших стрелковых соединений Красной Армии (создана в годы Гражданской войны под командованием Гая). По состоянию на 1 января 1941 г. в составе 8-й осб числилось 10701 человек личного состава, 513 лошадей, 886 автомобилей, 219 тракторов, 24 пушки калибра 76 мм и 24 гаубицы (12- калибра 122 мм и 12 — калибра 152 мм). 16 противотанковых 45-мм пушек, 102 миномета, 113 станковых и 303 ручных пулемета. На вооружении танкового батальона бригады было 36 танков Т-26 и 13 плавающих танкеток Т-37 [129]. Обращает на себя внимание необычайно высокий для стрелковых частей Красной Армии уровень моторизации — каждый десятый боец бригады был водителем транспортного средства, а на 64 орудия приходилось 219 тракторов (тягачей).

Кроме 8-й осб на Ханко были развернуты 4 отдельных строительных батальона. 2 саперных, 2 железнодорожных, 1 инженерный батальон. Этими силами был выполнен огромный объем военно-строительных работ: построено 190 дзотов (дерево-земляная огневая точка); на 4-километровом перешейке, соединяющем полуостров Ханко с материковой частью Финляндии, был прорыт противотанковый ров, усиленный минными и проволочными заграждениями [133].

С началом войны из личного состава строительных и саперных подразделений был сформирован еще один (219-й) стрелковый полк, причем решение о создании

«запасов винтовок и пулеметов на 5 тыс. человек для вооружения строительных и тыловых частей» было принято еще 15 июня 1941 г. [130].

Пушки на берегу тоже были. Для противокатерной обороны были установлены 24 полуавтоматические 45-мм пушки 21К. С учетом дальности прицельной стрельбы орудий такого калибра, «перекрыть артиллерийским огнем» они могли разве что неширокую реку, но для борьбы с десантными катерами противника это была достаточно грозная сила. Кроме того, в открытых (!) щитовых установках жерлами в сторону Финского залива стояли девять 130 мм и три 100-мм пушки.

Главной огневой силой гарнизона Ханко были две тяжелые железнодорожные батареи: № 9 в составе трех орудий калибра 305 мм и №17 в составе 4 орудий калибра 180 мм [160]. Железнодорожные 12-дюймовые (305 мм) артиллерийские установки «ТМ-3-12» по праву носили неофициальное название «сухопутный линкор». Чудовищное орудие со стволом 17-метровой длины выбрасывало снаряд весом 470 кг на дальность 29 км. а так называемый «легкий дальнобойный фугасный снаряд образца 1928 г.» — на дальность 44 км. При этом вес «легкого» снаряда составлял 314 кг (для сравнения укажем, что наиболее массовые авиабомбы советской авиации того времени весили 50 кг и 100 кг). Одна только батарея № 9 по весу совокупного залпа превосходила всю артиллерию 8-й осб вместе с береговыми установками, вместе взятыми. В состав трехорудийной 305-мм батареи входили 3 орудийных транспортера, 6 платформ для снарядов и зарядов. 3

вагона-электростанции и 1 вагон — пост управления огнем.

Огромный, сложный и крайне дорогостоящий комплекс тяжелой железнодорожной батареи обладал одним существенным недостатком — для использования в качестве «береговой батареи», т.е. для ведения артиллерийской дуэли с тяжелым надводным кораблем противника, он был едва ли пригоден. Громоздкий железнодорожный комплекс не имел никакого бронирования, был «открыт всем ветрам», и замаскировать девять огромных платформ, стоящих на рельсовом пути, было практически невозможно. Шансов уцелеть в бою против морских орудий, защищенных мощнейшей броней башен главного калибра, у открытой железнодорожной установки практически не было. Столь же уязвимой была железнодорожная батарея и против бомбового удара авиации противника. Зато она могла двигаться. По рельсам железной дороги.

Всего вышеизложенного, на наш взгляд, вполне достаточно для того, чтобы понять — какие задачи должна была по планам советского командования решать ВМВ Ханко в будущей войне. К счастью для историков, в архивах сохранились документы, окончательно избавляющие нас от необходимости строить какие-либо догадки. Директивой штаба Ленинградского ВО гарнизону Ханко было приказано:

«Общая задача:

1. Не допустить на полуостров противника как со стороны сухопутной границы, так и с моря.

2. Не дать возможность высадки морского и воздушного десанта.

3. Обеспечить **сосредоточение и высадку подходящих частей** (подчеркнуто мной. — М.С.) в порт Ханко» [131].

В оперативных планах высшего командования Красной Армии (о чем пойдет речь ниже) была прямо предусмотрена переброска 1-2 стрелковых дивизий на Ханко «в первые же дни войны». Для обеспечения таких действий и создавалась система укреплений и вооружений ВМВ Ханко. 8-я отдельная стрелковая (фактически — моторизованная) бригада должна была обеспечить неприкосновенность плацдарма высадки, а затем, вместе с прибывшими частями, двинуться вперед, вглубь Финляндии. Дорогостоящие железнодорожные батареи загнали на Ханко совсем не случайно и не по ошибке — огнем могучих орудий они должны были смести с лица земли финские укрепления, разрушить порт и город Хельсинки.

Опыт боевых действий против «белофинской военщины» у железнодорожной батареи № 9 уже был. 26 января 1940 г батарея прибыла на Карельский перешеек, где поступила в оперативное подчинение начальника артиллерии 7-й армии Северо-Западного фронта. С 11 по 25 февраля батарея № 9 выпустила 165 тяжелых фугасных снарядов по железнодорожной станции и городу Выборгу [132]. *«Посмотрите на Выборг — от него ничего не осталось. Город полностью разрушен»*, — с гордостью докладывал на апрельском (1940 г.) Совещании высшего состава Красной Армии командующий ВВС Северо-Западного фронта комкор Птухин [20]. «Сухопутные линкоры» внесли в эти разрушения и свою лепту.

Можно долго спорить о том, соответствовало ли такое использование полуострова Ханко статье 4 Московского договора от 12 марта 1940 г., в соответствии с которым полуостров был сдан в аренду Советскому Союзу на вполне определенных условиях, а именно: *«Для создания там военно-морской базы, способной **оборонять от агрессии** (подчеркнуто мной. — М.С.) вход в Финский залив»*. Московский договор, который имел официальное название «мирного договора», отнюдь не предусматривал право создания плацдармов для будущей агрессии. Зато совершенно бесспорным является тот факт, что упомянутый договор не содержал никаких упоминаний о предоставлении Советскому Союзу права транзита военных (да и любых иных) грузов по железным дорогам южной Финляндии от Выборга к Ханко. Статья 6 мирного договора предоставляла *«Советскому Союзу и его гражданам право свободного транзита через область Петсамо в Норвегию и обратно»*, а также право свободного пролета в Норвегию для *«невооруженных летательных аппаратов»*. В статье 7 говорилось о *«транзите товаров между СССР и Швецией»*. Про транзит вооружения и воинских частей по территории Финляндии (в частности, в Ханко) в договоре не было сказано ни слова.

В июле 1940 г. Молотов потребовал расширить в одностороннем порядке права Советского Союза и **предоставить ему возможность транзита военных грузов в Ханко**. С точки зрения формально-юридической бесконтрольный транзит военных грузов и вооруженных лиц позволял уже поставить под сомнение нейтральный и суверенный статус финляндского государства. С практической точки зрения предоставление права транзита означало

появление на ВМБ Ханко тяжелых систем вооружения, которые было бы затруднительно доставить морским путем (именно так и появились на Ханко железнодорожные артиллерийские установки), а также дополнительные возможности для ведения военной разведки в южном, наиболее густонаселенном и промышленно развитом районе Финляндии.

Отчетливо понимая все это, финское правительство дало, тем не менее, согласие на транзит — летом 1940 г. у него фактически не было иных альтернатив, кроме все новых и новых уступок перед лицом все более откровенного диктата. 22 июля 1940 г. соответствующее соглашение было подписано. *«Когда СССР в июле 1940 года потребовал права на движение русских поездов от границы до Ханко, — пишет в своих воспоминаниях Маннергейм, — мы после долгих и упорных переговоров, в которых добились некоторых послаблений, согласились и на это. Такой сквозной проход поездов через всю южную часть Финляндии мог, естественно, привести к использованию его в дурных целях, и нам необходимо было побеспокоиться о безопасности важнейших железнодорожных узлов и мостов»* [22].

В том же июле 1940 г. Молотов предъявил финнам еще одно требование, никак не основанное на духе и букве Московского договора. В явном виде этот договор не предусматривал каких-либо ограничений на строительство оборонительных сооружений в приграничной полосе. Судя по мемуарам Пвасикиви, в ходе самих переговоров Молотов говорил финским представителям: *«Стройте столько фортификаций, сколько хотите, в том вопросе у нас никаких требований нет»* [103]. Фактически в 1940–1941 гг. на советской стороне велось строительство трех новых укрепрайонов

(Выборгского, Кексгольмского и Сортавальского), строились новые аэродромы (Маннергейм утверждает, что в ходе наступления летом 1941 г. финны обнаружили в 200-километровой полосе вдоль новой финской границы 90 готовых и строящихся аэродромов) и ведущие к границе железные и шоссейные дороги. Все это не помешало Молотову **потребовать прекратить всякое оборонительное строительство на финской стороне**, в том числе — и в районе полуострова Ханко [103]. Насколько можно судить по имеющимся источникам, это требование не было выполнено в полном объеме, и строительство линии укреплений в полосе от южного побережья Финского залива до волной системы Саименских озер (от Котка до Лапееенранта) продолжилось. Тем не менее, выдвижение Москвой требования о прекращении оборонительного строительства на направлениях Выборг Хельсинки и Ханко–Хельсинки само по себе весьма примечательно.

Несколько ранее, 2 июня 1940 г., Советский Союз потребовал от Финляндии **«возвращения» всего движимого и недвижимого имущества**, государственного и частных лиц, которое, по мнению советских уполномоченных, находилось на аннексированных финских территориях на момент начала «зимней войны». В тексте Московского мирного договора невозможно найти даже малейшие основания для подобных требований — вопрос об имуществе, зданиях и сооружениях, находящихся на территориях, передаваемых Советскому Союзу, не упомянут там вовсе. И уж в любом случае, всякого разумного и законного основания были лишены требования о «возврате» движимого имущества, которое по определению не может быть принадлежностью некой территории. Тем не

менее, Москва настаивала на своих противоправных требованиях, и Финляндия потеряла, кроме всего прочего, 75 паровозов и 2000 вагонов — весьма чувствительный удар по и без того ослабленной войной транспортной системе.

Очередным звеном в цепи все усиливающегося политического давления стало **требование отставки министра снабжения В. Таннера**, который, вероятно, «запомнился» Молотову своей неуступчивой позицией во время переговоров в Москве осенью 1939 г. Едва ли надо доказывать, что условия мирного договора 12 марта 1940 г. не предусматривали право Москвы на назначение и смещение министров финского правительства. Тем не менее, в июле 1940 года Финляндия была вынуждена подчиниться и этому требованию.

14 июня 1940 г. «холодная война» между СССР и Финляндией на одно мгновение была дополнена войной настоящей — с человеческими жертвами, участием боевых самолетов и кораблей. В этот день был **сбит в воздухе пассажирский самолет «Юнкерс-52»** финской авиакомпания «Аэро», выполнявший регулярный рейс из Таллина в Хельсинки. В 13 ч. 54 мин самолет с бортовым номером «ОН-АЛІ» и наименованием «Kaleva» на борту взлетел с таллинского аэродрома. На его борту находились два члена экипажа и семь пассажиров, среди которых были два сотрудника посольства Франции и дипломат из США. Через 12 минут после взлета радиосвязь с самолетом неожиданно прервалась. Еще через несколько минут на диспетчерский пункт аэродрома Мальми (Хельсинки) поступило сообщение о том, что наблюдательные посты

на островке Сантахамина видели горящий самолет, рухнувший в воды Финского залива.

В 14.51 к месту падения самолета с аэропорта Мальми вылетел дежурный истребитель финских ВВС. Так уж сложились обстоятельства, что в его кабине был Илмари Юутилайнен — летчик, которому предстояло стать самым результативным асом-истребителем всех стран, участников Второй мировой войны (за исключением Германии). В районе островка Кери (33 км к северу от Таллина) Юутилайнен обнаружил дрейфующую в надводном положении советскую подводную лодку, рядом с которой на воле плавали обломки самолета и большое масляное пятно. В течение 14-15 июня 1940 г. советские гидросамолеты и корабли патрулировали место падения «Калева» и, собрав все плавающие предметы, ушли в Кронштадт [52]. Правительство Финляндии, с нарастающей тревогой следившее за событиями, разворачивающимися в Эстонии, и на этот раз сочло за благо не выступать с протестом и не требовать возмещения ущерба.

Это все, что известно точно. Советское правительство **не признало своей ответственности и не принесло даже формальных извинений** в связи с трагической гибелью пассажиров «Калева». Более того, через два дня, 16 июня 1940 г., точно такой же пассажирский «Юнкерс-52» (правда, на этот раз эстонской авиакомпания), совершавший регулярный рейс по тому же маршруту из Хельсинки в Таллин, был обстрелян зенитным пулеметом советской подводной лодки, но, к счастью, не получил повреждений [52]. Конкретные подробности уничтожения «Калева» точно не известны: по одним сообщениям, он был сбит парой советских истребителей, по другим — парой легких

бомбардировщиков СБ. Уже много лет спустя о личном участии в уничтожении пассажирского самолета заявил в своих мемуарах «Над тремя морями» известный штурман дальней авиации, генерал-лейтенант П.И. Хохлов.

В его книге события изложены так: «Трудящиеся Литвы, Латвии, Эстонии сбросили ненавистные буржуазные режимы, обрели свободу. На основе свободного волеизъявления своих народов они вошли в состав СССР как равноправные социалистические республики. Свергнутые в этих странах представители эксплуататорского класса вместе со своими иностранными партнерами пытались переправить за океан награбленные капиталы. Боевым кораблям, а также самолетам Краснознаменного Балтийского флота был дан приказ — закрыть бесконтрольный выход иностранных судов и вылет иностранных самолетов из морских портов и с аэродромов Прибалтийских республик. Такую задачу выполнял и наш 1-й МТАП (минно-торпедный авиаполк)

23 июня 1940 года два наших экипажа во главе с командиром авиаполка полковником Ш.Б. Бедзинашвили вылетели в разведку в северо-западную часть Балтийского моря. Ведущий экипаж состоял из командира полка, меня, штурмана и стрелка-радиста сержанта Казунова... Километрах в трех четырех от города [Таллина] я заметил, как с аэродрома Лагсберг взлетел самолет. Он берет курс в сторону Хельсинки.

— На перехват! — отдает распоряжение полковник Бедзинашвили, — Наверняка бесконтрольный, надо завернуть его обратно.

Сближаемся с самолетом „Ю-52“ без каких-либо опознавательных знаков. Я открыл астролук своей

кабины, приподнялся и рукой показал пилоту, чтобы разворачивал машину в сторону аэродрома. Но „юнкерс“ летит прежним курсом, да еще и увеличивает скорость. Мы дважды пересекли ему курс, подали знаки „Требуем возвращения!“ Неизвестный экипаж игнорировал наши требования.

— Предупредить огнем, — передает командир.

Несколько трассирующих очередей проходят впереди кабины „юнкерса“, но и это не меняет дела. Мы так близко от преследуемого самолета, что видим через его иллюминаторы пассажиров в переполненном салоне, их самодовольные физиономии. Нам показывают кулаки, грозят пистолетами. После этого самолет-нарушитель был сбит.

...В поднятом со дна залива фюзеляже обнаружили не только множество материальных ценностей, но и большое количество документов, составляющих государственную тайну... Мы поняли, почему экипаж „Ю-52“ отказался подчиниться требованию о возвращении на аэродром: ему пришлось бы расплачиваться за шпионаж...» [134].

Приведенный выше текст уникален по степени лживой тенденциозности. Как известно, трудящиеся Эстонии «обрели свободу» и «вошли в состав СССР на основе свободного волеизъявления» 6 августа 1940 г. По состоянию на 14 июня 1940 г. Эстония была не одной из «равноправных социалистических республик», а суверенным государством, правительству которого **на тот момент даже не был предъявлен ультиматум Молотова** (это произошло через два дня, 16 июня). Вероятно, именно потому автор текста «перенес» дату уничтожения «Калева» с 14 на 23 июня, хотя и это

ничего не меняет в правовой оценке ситуации (по уму надо было «перенести» на любую дату после 6 августа).

14 июня 1940 г. советское командование не имело еще ни малейших законных оснований препятствовать «бесконтрольному вылету иностранных самолетов» с территории иностранной по отношению к СССР Эстонии, а захваченные вооруженным путем дипломатические документы и «награбленные капиталы» принадлежали Эстонии и ее гражданам. Что же касается «шпионажа», да еще и усугублённого вооруженным разбойным нападением, то им в тот день занимался отнюдь не экипаж финского пассажирского самолета...

На фюзеляже и крыльях сбитого «юнкерса» (что отлично видно на сохранившихся фотографиях) огромными буквами был нанесен бортовой номер «ОН-ALL», а на киле был отчетливо изображен государственный флаг Финляндии. Рассуждения же о том, что пассажиры угрожали сбить дальний бомбардировщик пистолетами из закрытой кабины пассажирского самолета вообще заставляют предположить, что этот текст был написан не генерал-лейтенантом авиации, а пресловутыми «литконсультантами»...

При всем при этом данный фрагмент из типовых советских «мемуаров» дает наглядное представление о том состоянии опьянения вседозволенностью и безнаказанностью, в котором пребывало командование Красной Армии летом 1940 г. Разумеется, и военно-морские командиры ничуть не уступали в своих бескозырко-закидательских настроениях сухопутным и авиационным коллегам. Так, начальник штаба Краснознаменного Балтфлота (КБФ) контр-адмирал Ю.А.

Пантелеев в докладной записке в Главный морской штаб предлагал 5 июля 1940 г. следующее: «...захват Аландских островов во всех случаях обстановки на Балтике и немедленно... Наступление наших сухопутных сил **на север от базы Ханко и на запад от Выборга...** Немедленно, в этом же году, получить Аландские острова и возможность реального контроля над всеми финскими базами в Финском заливе любыми средствами — вплоть до войны». Не отставал от старшего начальника и командующий эскадрой КБФ контр-адмирал Н.Н. Несвицкий. 10 июля он отправил в Главный морской штаб докладную записку с предложением «**решить вопрос самостоятельного существования Швеции и Финляндии в пользу СССР** (подчеркнуто мной. — М.С.) и сделать Балтийское море внутренним морем» [138, 232].

Вопрос «самостоятельного существования Швеции и Финляндии» ставился уже вполне конкретно. В сентябре 1940 г. командующий ВВС КБФ генерал-майор Ермаченков представил командующему КБФ вице-адмиралу Трибуцу «Записку по плану операций 1940 г.». Задачи авиации флота были сформулированы следующим образом:

«1. Самостоятельными действиями боевой авиации ВВС КБФ и ВВС ПриБОВО уничтожить корабли и ТР в море и не допускать базирования флота противника в: Стокгольм, Карлскроне, Норрчепинг, Форэ, Гельсинки, Або, Раумо, Пори, Мемель, Данциг, Гдыня, Заенец, Штетинг, Киль (балтийские порты Швеции, Финляндии, оккупированной Польши, Германии. — М.С.)...

4. Во взаимодействии с флотом обеспечивает **захват Аландских островов** (подчеркнуто мной. —

М.С.) *путем ударов с воздуха и высадкой воздушного десанта, специально приданными ВВС КБФ десантными частями ВВС Красной Армии...»* [236].

С начала 90-х годов, после того, как публикация множества подобных документов сделала совсем уже неприличным повторение старых басен про «тихую, мирную и незащищенную» сталинскую империю, хранители мифов коммунистической пропаганды запустили новую пластинку: якобы все эти наступательные планы разрабатывались в виде чисто гипотетических «проектов», чуть ли не в свободное от службы время. Увы, смелая гипотеза о советских генералах и адмиралах, в свободное от работы и дружеских чаепитий время рисующих красные стрелочки на картах, не подтверждается фактами. Как раз наоборот, документы и факты свидетельствуют о том, что подготовка (в том числе разведывательная) к реализации планов вторжения в Европу велась денно и нощно.

«План разведки ВВС КБФ с 1.06.40 г. по 11.12.40 г.

... Объект разведки: аэрофоторазведка портов Ботнического залива: Вааза, Кристанстадт, Гефле, Аландские острова. Цель: уточнить объекты оборонного значения... Средства: 10-я авиабригада, 73-й авиаполк...

... Объект разведки: береговая и зенитная артиллерия в Стокгольм, Карлскроне, остров Готланд, а также 1-й артполк Финляндии. Цель: уточнить место огневых точек, подъездных путей к ним и служебные здания...

Средства: 10-я аб, 8-я об, 15 и 73 авиаполки...

Нач. штаба ВВС КБФ полковник Сурков, нач. разведотдела капитан Семишин» [141].

«Начальнику 2-го отделения Первого отдела штаба авиации ВМФ майору Климашину.

Доношу состояние разведывательной подготовки Штаба ВВС КБФ на 1 августа 1940 г.

... Дела целей продолжают заводиться и пополняются поступающим материалом, в частности, размножен объект Стокгольм в 20 экз. и разослан по частям. Разрабатываются объекты Кальмар и Карлскроне. Всего по ВВС заведено: дел целей — 270, из них по Швеции — 91, по Германии — 90, по Финляндии — 36.

Нач. разведотдела штаба ВВС КБФ капитан Семишин» [142].

Начальнику разведотдела штаба ВВС КБФ. На № 1/668с от 14 августа 1940 г.

«...к 1 сентября 1940 г. донесите, по каким целям оформлены дела по Финляндии. Швеции и во всех ли полках они есть. Одновременно сообщите, получили ли Вы объект „Стокгольм“ из разведотдела КБФ и какие в нем недостатки.

Обработку дел форсируйте, с тем чтобы закончить их в ближайшее время.

Начальник 2-го отделения Первого отдела штаба авиации ВМФ майор Климашин» [143].

Маршал Маннергейм — насколько можно судить по его мемуарам — практически не сомневался в том, что Финляндия стояла на пороге новой войны: *«...Финляндия уже осенью 1940 года могла снова стать жертвой нападения, отразить которое страна была бы не в состоянии... Так же, как и перед началом Зимней войны,*

опасно увеличилось число нарушений границы самолетами... Признания всех без исключения большевистских агентов, задержанных нами, свидетельствовали, что подготовка к войне против Финляндии шла полным ходом. Еще более точно об этом говорили данные финской контрразведки. В августе 1940 года один полковник и два майора, которые готовили разведчиков для заброски в Финляндию, говорили: „Финляндия — капиталистическая страна, которую ждет такая же участь, как Эстонию, Латвию и Литву. Включение Финляндии в состав СССР— вопрос нескольких недель, самое большее, нескольких месяцев... "» [22].

Еще более примечательно то, что не сомневалась в близкой войне и германская разведка. 13 августа 1940 г., **считая скорое поглощение Финляндии Советским Союзом делом уже решенным**, Гитлер приказал подготовить операцию под кодовым названием «Ренитьер» [65]. Имелось в виду накануне (или уже в ходе) советского вторжения захватить финские никелевые рудники в Петсамо, для чего был запланирован удар из северной Норвегии силами двух горно-стрелковых дивизий вермахта (позднее эта частная операция была реализована, но уже в значительно большем масштабе, летом 1941 г.)

Сегодня, на основании подлинных документов советского военного командования, мы можем твердо утверждать, что и Маннергейм, и Гитлер ошиблись в своих прогнозах. **Оперативного развертывания войск Красной Армии для военных действий на северном ТВД осенью 1940 г. не было.** Документом, позволяющим сделать столь безапелляционное заявление, является, на наш взгляд, Доклад начальника

отделения оперативных перелетов штаба ВВС Красной Армии полковника Миронова от 2 декабря 1940 г. [136].

В докладе приведены обобщенные и систематизированные сведения о всех крупных перегруппировках частей ВВС Красной Армии, осуществленных в 1940 году. А постольку, поскольку подготовка и проведение стратегической наступательной операции во Второй мировой войне были уже невозможны без привлечения значительных сил авиации, доклад полковника Миронова может считаться хотя и неявным, но исчерпывающим «отчетом» о планах и действиях Вооруженных сил СССР в 1940 году. Знакомство с содержанием Доклада показывает, что в течение 1940 года было четыре эпизода крупных стратегических перегруппировок авиации:

1. Январь–февраль. В Ленинградский ВО и на военно-воздушные базы Советского Союза в Эстонии перебазируется 29 авиаполков (здесь и далее не будут упоминаться отдельные авиаэскадрильи и эскадрильи тактической разведки, приданные стрелковым корпусам). В марте к местам постоянной дислокации возвращено 29 авиаполков. Смысл данной перегруппировки вполне очевиден это «зимняя война» и связанное с ней усиление группировки советской авиации на ТВД. Война закончилась, и все 29 полков вернулись на свои места.

2. Апрель. В Закавказский ВО перебазируется 6 авиаполков (все полки — бомбардировочные). Там они и остались. Можно предположить, что усиление группировки советских ВВС в Закавказье было связано с крайним обострением взаимоотношений между СССР и англо-французским блоком, наметившимся весной 1940 г. С закавказских аэродромов советские бомбардировщики

могли нанести удар по английским и французским военным объектам в Иране, Ираке, Сирии.

3. Май–июнь. В Одесский ВО перебазировано 14 авиаполков (в том числе — 10 бомбардировочных). Затем, также в июне, три полка вернулись к месту постоянной дислокации. Содержание мероприятия вполне понятно. Это подготовка к возможному вооруженному конфликту с Румынией, а затем — создание крупной авиационной группировки на вновь приобретенной территории Бессарабии (Молдавии).

4. Июнь. *«К государственным границам Литвы, Латвии и Эстонии»* (так в тексте. — М.С.) переброшен 21 авиаполк.

В том же месяце к местам постоянной дислокации вернулось 11 авиаполков. И в этом случае все понятно — перед нами подготовка к оккупации Прибалтики, а затем создание авиационной группировки в составе нового Прибалтийского Особого ВО.

Вот и все. Никаких других крупных перегруппировок авиации в 1940 году не зафиксировано. С вероятностью, близкой к 100%, это означает, что оккупация Литвы, Латвии и Эстонии стала последней по счету стратегической наступательной операцией 1940 года. **Подготовка к вторжению в Финляндию так и не перешла в 1940 году в стадию практических мероприятий по оперативному развертыванию войск.**

Глава 2.4

«ВТОРГНУТЬСЯ, РАЗГРОМИТЬ И ОВЛАДЕТЬ...»

Вывод, к которому мы пришли в конце предыдущей главы, отнюдь не тривиален. Сосредоточение наземных и воздушных сил, оперативное развертывание группировки войск и последующее вторжение было бы вполне логичным завершением продолжавшегося все лето «прессования» Финляндии. Но этого не произошло, хотя **планы «финской кампании» разрабатывались и уточнялись по меньшей мере на протяжении всей осени 1940 года.**

Хронологически первым из числа доступных документов стратегического планирования 1940 года является докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову «Об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, подписано не позднее 16 августа 1940 г. (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239, лл. 1-37). В скобках отметим, что Фонд 16 Центрального архива Министерства обороны, в котором хранятся этот и другие документы военного планирования, о которых пойдет речь в данной главе, все еще не рассекречен, а значит, и никому, кроме ангажированных «историков от Главпура», по-прежнему недоступен. Другими словами, уже более 10 лет существует совершенно бредовая ситуация, когда ряд военно-исторических документов опубликован, но не рассекречен! В результате мы не можем ни проверить соответствие опубликованных текстов оригиналам

документов, ни восполнить возможно «забытые» публикаторами фрагменты, ни, что самое главное, найти другие аналогичные документы. Иначе как «театром абсурда» такую ситуацию назвать нельзя, но, за неимением лучшего, будем работать с тем, что есть.

Документ от 16 августа составлен Василевским, подписан Тимошенко и Шапошниковым. Авторы докладной записки констатируют, что *«Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Финляндией и Румынией, а возможно и Турцией, и на Востоке — против Японии»* [120]. При этом указано, что Финляндия может выставить до 15 стрелковых дивизий и 400 самолетов.

Главные события по замыслу высшего командования Красной Армии должны произойти на западе: *«Основной задачей наших войск является нанесение поражения германским силам, сосредотачивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательными ударом нанести поражение группировке противника в районе Ивангород, Люблин, Грубешов, Томашев, Сандомир (южная Польша. — М.С.)»* [120]. Северо-западное (финляндское) направление в рамках целей и задач данного плана рассматривается лишь как одно из второстепенных: *«...Стратегическое развертывание на северо-западе наших границ подчинено в первую очередь обороне Ленинграда, прикрытию Мурманской железной дороги и удержанию за нами полного господства в Финском заливе.*

Вступление в войну одной Финляндии маловероятно (подчеркнуто мной. — М.С.), наиболее действителен случай одновременного участия в войне

Финляндии с Германией. Учитывая возможное соотношение сил, наши действия на северо-западе должны свестись к активной обороне наших границ» [120].

16 августа 1940 г. маршала Шапошникова на посту начальника Генштаба РККА сменил генерал армии Мерецков.

18 сентября за подписями Тимошенко и Мерецкова (исполнитель — Василевский) выходят два новых документа. Один из них: докладная записка № 103202/ов наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову «Об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на Западе и на Востоке» (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239, л. 197-244). И по названию, а в значительной степени — и по содержанию, этот документ повторял план стратегического развертывания от 16 августа 1940 г. Применительно к северо-западному направлению цели и задачи были повторены буквально дословно. Единственным изменением было некоторое увеличение состава группировки советских войск на финской границе — с 11 стрелковых дивизий, 2 стрелковых и 3 танковых бригад до 13 стрелковых дивизий, 2 стрелковых и 3 танковых бригад [120].

В рамках плана большой войны с Германией (на территории «бывшей Польши» и Восточной Пруссии) финляндское направление оставалось второстепенным пассивным участком.

В тот же день, 18 сентября 1940 г., с такими же внушающими трепет надписями («Особой важности. Совершенно секретно. Только лично. Экземпляр единственный») Тимошенко и Мерецков направили на

имя Сталина и Молотова докладную записку № 103203 — «Соображения по развертыванию Вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией» (ЦАМО, ф. 16. оп. 2951, д. 237. л. 138-156).

На этот раз **о судьбе Финляндии были высказаны самые решительные соображения.**

«...ударом главных сил Северо-Западного фронта через Савонлинна на Сан-Михель (Миккели) и через Лаппеенранта на Хейноло, в обход созданных на Гельсингфорском направлении укреплений, а одновременным ударом от Выборга через Сиппола на Гельсингфорс (Хельсинки), вторгнуться в центральную Финляндию, разгромить здесь основные силы финской армии и овладеть центральной частью Финляндии. Этот удар сочетать с ударом на Гельсингфорс со стороны полуострова Ханко и с действиями КБФ в Финском заливе» [120].

Сразу же отметим, что слова «немецкий», «германский» ни в одном падеже в этом документе не встречаются. «Вторгнуться, разгромить и овладеть» предполагалось **вне всякой связи** с фактическим (или хотя бы ожидаемым) наличием немецких войск на территории Финляндии! Для реализации замысла операции планировалось включить в состав Северо-Западного фронта четыре армии, перед которыми ставились следующие задачи (см. карту № 4):

- 7-я армия (штаб — Суоярви) «нанести удар в направлении Иоэнсу и овладеть районом Куопио. В дальнейшем иметь в виду действия на Ювяскюля»;

- 22-я армия (штаб — Кексгольм, войска развертывались вдоль северо-западного берега Ладожского озера) «ударом через Савонлинна овладеть

Сан-Михель. В дальнейшем, в зависимости от обстановки, иметь в виду действия — или совместно с 23-й армией на Хейнола, или во взаимодействии с 7-й армией на Ювяскюля и далее на Тампере»;

- 23-я армия (штаб — Карисалми, 30 км к северо-востоку от Выборга) *«через Лаппеенранта нанести удар на Хейнола и овладеть последней»;*

- 20-я армия (штаб — Выборг) *«прорвать укрепления противника и выйти на фронт Коувола, Котка; в дальнейшем во взаимодействии с 23-й армией и наступлением от Ханко нанести удар на Гельсингфорс»* [120].

Две армии (7-я и 23-я) уже в мирное время входили в состав Ленинградского ВО. Две другие (22-я и 20-я) предполагалось создать на базе соединений и штабов, соответственно, Уральского и Орловского военных округов.

Не была забыта и постоянно присутствующая в оперативных планах советско-финских войн идея выхода к Ботническому заливу и границе со Швецией в районе Кемь — Оулу (см. карта №5). Для действий в северной Карелии создавался еще один фронт (Северный фронт), перед которым ставились такие задачи:

«...решительными действиями на направлениях Рованиemi–Кеми и на Улеаборг (Оулу) выйти на побережье Ботнического залива, отрезать северную Финляндию и прервать наземные сообщения центральной Финляндии со Швецией и Норвегией...» [120].

В состав Северного фронта (создавался на базе командования и штаба Архангельского ВО) включались

две армии (14-я и 21-я) и отдельный 20-й стрелковый корпус. Перед 14-й (мурманской) армией была поставлена та же задача, которую она успешно решила во время «зимней войны» — захват порта и никелевых рудников Петсамо. 21-я армия (развертывалась на базе командования и штаба Приволжского ВО) решала главную задачу фронта: «нанести удар в направлении Рованиеми—Кемь, выйти на побережье Вотнического залива и овладеть районом Кемь. В дальнейшем иметь в виду действия на Улеаборг». 20-й отдельный стрелковый корпус (Московский ВО), наступая по лесному бездорожью, должен был нанести вспомогательный удар по кратчайшему пути от Ухты на Оулу.

Общий состав запланированной группировки войск Северного и Северо-Западного фронтов представлен в следующей таблице:

	20-я а	23-я а	22-я а	7-я а	20 оск	21-я а	14-я а	Всего
стрелковые дивизии	6	6	5	6	3	9	3	38
танковые бригады	1	1	1	0	0	0	0	3
артиллерийские полки РГК	4	6	2	0	0	0	1	13
авиационные полки	9	13	5	7	0	4	4	42

Но и этими весьма внушительными силами не исчерпывалась военная мощь, которая должна была обрушиться на Финляндию. Кроме указанных выше армий в распоряжение командования Северо-Западного фронта передавались:

*«1. На северо-западном побережье Эстонской ССР в районе Таллина, порт Балтийский — 2 стрелковые дивизии (11-я, 126-я. ПриБОВО), из них — одна предназначается **для действий с полуострова Ханко на Гельсингфорс** (подчеркнуто мной. — М.С.) и вторая,*

в зависимости от обстановки, или для действий по захвату Аландских островов (у входа в Ботнический залив), или возможна переброска ее по жел. дороге на основной театр фронта.

2. 3 стрелковые дивизии в районе ст. Петиярви, ст. Хейниоки, Валкярви (восточнее Выборга).

3. 1 стрелковая дивизия — в районе Ленинграда.

4. Танковый корпус в районе Выборг–Хейниоки в составе — 2 танковых и 1 мотострелковой дивизии» [120].

Кроме того, наряду с авиацией, подчиненной командованию армий, непосредственно в подчинение командующих Северным и Северо-Западным фронтами передавалось, соответственно, 15 и 21 (это не номера, это количество!) авиационных полков. Таким образом, на ТВД будущей финской войны должно было быть развернуто **46 стрелковых дивизий, 78 авиаполков, 13 арtpолков РКК, 3 танковые бригады и один механизированный (танковый) корпус**. Общее количество самолетов, привлекаемых к операции, авторы «соображений» определили в 3900 единиц [120]. Что **в полтора раза больше, чем было утром 22 июня 1941 г.** в составе всех трех Воздушных флотов люфтваффе, сосредоточенных на Восточном фронте...

Но и это еще не все. *«В резерве Главнокомандования иметь в районе Тихвин–Волховстрой–Чудово — 2 стрелковые дивизии».* Также *«подготовить и иметь в резерве Главнокомандования в пунктах постоянной дислокации по семь стрелк. дивизий от Западного и Киевского военных округов, а всего 14 стр. дивизий» [120].*

Краснознаменному Балтфлоту в очередной раз была поставлена задача *«уничтожить боевой флот Финляндии, прервать морские сообщения Финляндии в Ботническом и Финском заливах...»*. Новым моментом было требование *«обеспечить возможную переброску 1-2 стрелковых дивизий на полуостров Ханко»*.

План 18 сентября 1940 г. во многом отличается от плана *«операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии»*, подписанного Мерецковым 29 октября 1939 г. Первое, что сразу же бросается в глаза, — это **радикальное увеличение планируемой численности** группировки войск Красной Армии. Количество стрелковых дивизий увеличилось более чем в два раза (с 21 до 46), артполков РКК — почти в два раза (с 7 до 13), в два с половиной раза возросла численность привлекаемой к операции авиации (с 1581 до 3900 боевых самолетов). В шесть раз выросла (по сравнению с планом *«зимней войны»*) группировка войск, имеющих задачу *«перерезать»* территорию Финляндии и выйти к Оулу–Кеми. Стоит отметить и то, что в соответствии с подписанным в тот же день, 18 сентября 1940 года, большим планом *«для ведения операций на Западе»* назначалось *«всего»* 146 стрелковых дивизий и 159 полков авиации, *«имеющих на 15 сентября — 6422 самолета»* [120]. Другими словами, запланированные для войны с Финляндией силы составляли: по количеству стрелковых дивизий — одну треть, по количеству авиаполков и самолетов — половину от тех сил, которые предполагалось развернуть для войны с несравненно более мощной и многочисленной армией Германии и ее южных союзников (Румыния, Венгрия).

Большие силы соответствовали и новым задачам, сформулированным на этот раз с предельной ясностью.

Если в плане 29 октября 1939 г. глубина наступления главной группировки войск Красной Армии определялась всего лишь выходом на линию Выборг–Сортавала (после чего следовало *«быть готовым к дальнейшим действиям вглубь страны по обстановке»*), то **план 18 сентября 1940 г. однозначно требовал «овладеть центральной частью Финляндии» и ее столицей.**

Еще одно существенное различие в планах 1939 и 1940 гг. становится очевидным, если посмотреть на географическую карту района будущих боевых действий. Красные стрелки затеряны среди сплошной россыпи голубых отметок озер. Маршруты продвижения войск 7-й, 22-й и 23-й армий пролегают через крупнейший в Европе озерный район (Сайменская озерная система). Свободное пространство между «голубыми глазами озер» занимают дремучие леса и болота. Такова цена принятого в сентябре 1940 г. решения нанести главный удар *«в обход созданных на Гельсингфорсском направлении укреплений»*. Как видно, печальный опыт прорыва «линии Маннергейма» кровопролитными лобовыми атаками привел к тому, что разработчики плана (т.е. главные «полководцы зимней войны» Тимошенко и Мерецков), «обжегшись на молоке, стали дуть на воду».

Вопрос о том, представляли ли поспешно сооружаемые финские укрепления по линии Котка–Лаппеенранта, Котка–Коуволла преграду настолько сильную, что риск больших возможных потерь при их прорыве оправдывал перенос направления главного удара в лесную чащу, является дискуссионным. С гораздо большей уверенностью можно предположить, что именно решение нанести удар через озерно-лесной район обусловило «ничтожно малое» (по советским меркам «малое») количество танков, выделенных для

проведения операции. На 15 сентября 1940 г. в Красной Армии числилось 17,6 тыс. танков (и это не считая 5,8 тыс. танкеток Т-27, Т-37, Т-38). В одном только Ленинградском ВО числилось 2766 танков (опять же, не считая пулемётные танкетки) [34]. А к предполагаемой войне против Финляндии привлекалось в составе 3 танковых бригад (из более чем 26, имевшихся в составе РККА) всего лишь 785 танков [120].

В тексте «Соображений по развертыванию Вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией» от 18 сентября 1940 г. нет ни малейших упоминаний о возможной дате начала этой войны. Тем не менее, анализ оперативного плана и структуры группировки войск позволяет сформулировать **гипотезу о том, что планировалась еще одна «зимняя война»**. Строго говоря, на вопрос о том, в какое время года в районе Сайменской озерной системы лучше вести крупную наступательную операцию, следует ответить: «Всегда хуже». Зимой — глубокий снег и мороз, короткий световой день, что резко ограничивает боевые возможности авиации. Летом — топкое бездорожье и тучи кровососущего гнуса. И тем не менее зима, сковывая поверхность озер и болот твердым панцирем льда, значительно повышает проходимость местности, а следовательно, и возможность для тактического и оперативного маневра. Для той группировки, которая вырисовывается из сентябрьских соображений (пехота с минимальным числом танков, поддерживаемая очень крупными силами авиации), зима все же несколько предпочтительнее.

Такой вывод может показаться парадоксальным, но лишь на фоне ходячих легенд о «40-градусных морозах» и «двухметровом снежном покрове», помешавшем

Красной Армии «освободить» Финляндию в декабре 1939 года.

Зима в южной Финляндии (как и во всех приморских регионах Европы) достаточно мягкая (по нашим, российским, меркам). Средняя по результатам многолетних метеорологических наблюдений температура января в Хельсинки составляет 2,7 градуса ниже нуля, а в целом по южным районам страны — от 3 до 7 градусов. Лютые морозы зимы 1939/1940 г. были уникальной природной аномалией, небывалой за предыдущие сто лет. Но и в ту невероятную зиму температура воздуха на Карельском перешейке в декабре 1939 г. ни разу не опустилась ниже отметки в 23 градуса.

Холодно, но для молодого мужчины, одетого в овчинный тулуп, не смертельно. 40-градусные морозы действительно наступили в январе-феврале 1940 г., но не в южной, а в центральной и северной частях Финляндии, которые и географически и климатически представляют собой, по сути дела, «другую страну». Что же касается «двухметрового снега», то, как известно каждому россиянину, он появляется (если появляется) ближе к февралю–марту, но никак не в начале зимы. Фактически каждый год, каждую зиму существует достаточно продолжительный период времени, когда земля уже замерзла, фунтовые дороги стали как камень, а снег еще не доходит и до колена. Наконец, для передвижения по снежной целине русские, финны, шведы и другие народы севера Европы давно уже придумали сани, волокуши и лыжи.

В любом случае, главный полководец к идее ведения боевых действий зимой относился вполне положительно.

16 апреля 1940 г. на вечернем заседании Совещания высшего командного состава РККА товарищ Сталин резко осудил «отдельных товарищей», допускающих сомнения в возможности воевать зимой: *«...Как можно допустить, чтобы в проекте Устава и в проекте Наставления, которые люди читают, [было сказано] что зимние условия ухудшают обстановку войны, тогда как все серьезные, решающие успехи русской армии развертывались именно в зимних условиях, начиная с боев Александра Невского и кончая поражением Наполеона. Именно в зимних условиях наши войска брали верх, потому что они были выносливее и никаких трудностей зимние условия для них не составляли. Имея столько примеров, как можно преподать читателю такую чепуху, что зимние условия понижают боеспособность армии...»* [20].

Если наша гипотеза верна и новая война против Финляндии планировалась на зиму 1940/1941 г., то это уже объясняет — почему начатая летом кампания давления и дестабилизации не переросла в реальные боевые действия.

Сталин просто ждал легкого морозца. Впрочем, повторим это еще раз, «зимняя направленность» плана войны с Финляндией, составленного 18 сентября 1940 г., является всего лишь гипотезой, не имеющей (в силу закрытости информации) прямых документальных подтверждений.

Подписанные 18 сентября «соображения» заканчивались стандартной для таких документов фразой: *«Докладывая основы нашего оперативного развертывания против Финляндии, прошу об их*

рассмотрении». 5 октября 1940 г. этот и ряд других документов стратегического военного планирования был рассмотрен и утвержден Сталиным. К такому выводу мы приходим на основании докладной записки Тимошенко и Мерецкова за № 103313 (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 242, л. 84-90). Начинался данный документ весьма странной с точки зрения обыденного здравого смысла фразой: «Докладываю на ваше утверждение основные выводы из ваших указаний, данных 5 октября 1940 г.» [120]. Другими словами, нарком обороны просил Сталина письменно подтвердить то, что он (Тимошенко) его (Сталина) правильно понял. Не отвлекаясь более на логическую тупиковость этой ситуации, перейдем сразу к п.7 докладной записки: «Утвердить представленные соображения по разработке частных планов развертывания для боевых действий против Финляндии, против Румынии и против Турции» [120].

Планы «боевых действий против Румынии и против Турции», к сожалению, все еще не рассекречены. Что же касается войны против Финляндии, то подготовка к ней продолжилась, о чем со всей определенностью свидетельствует появившийся два месяца спустя новый документ: «Директива НКО СССР и Генштаба Красной Армии командующему войсками Ленинградского военного округа», б/н, от 25 ноября 1940 г. (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 237. л. 118–130).

И по названию, и по предназначению, и по адресату это был документ иного ранга, нежели «соображения» от 18 сентября. Директива от 25 ноября — это приказ вышестоящего командования подчиненным, каковой приказ, естественно, начинался и заканчивался не «просьбой о рассмотрении», а конкретными указаниями:

«Приказываю приступить к разработке плана оперативного развертывании войск Северо-Западного фронта...

...Настоящему плану развертывания присвоить условное наименование „С.З.—20“. План вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей и начальника Генерального штаба КА подписями следующего содержания. „Приступить к выполнению „С.З.—20“.

*Военному совету и штабу Ленинградского военного округа надлежит к **15 февраля 1941 года** (подчеркнуто мной. — М.С.) в Генеральном штабе Красной Армии разработать: а) План сосредоточения и развертывания войск фронта б) План прикрытия. в) План выполнения первой операции. г) План действий авиации..." [120].*

И далее еще пять частных планов, в совокупности формирующих вполне законченный план оперативного развертывания войск фронта (не „округа“, заметим, а именно „фронта“!).

Замысел операции, цели и задачи войск, этапы и рубежи продвижения практически не изменились (в сравнении с Соображениями» от 18 сентября), но стали более определенными, так как в «директиве» от 25 ноября появились уже и конкретные сроки, отведенные для «окончательного решения» финляндского вопроса.

«...Основными задачами Северо-Западному фронту ставлю: разгром вооруженных сил Финляндии, овладение ее территорией в пределах разграничений (имеется в виду разграничение с Северным фронтом, действующим в центральной и северной Финляндии. — М.С.) и выход к

Ботническому заливу на 45-й день операции, для чего:

*...по сосредоточении войск быть готовым **на 35-й день мобилизации** по особому указанию перейти в общее наступление, нанести главный удар в общем направлении на Лаппеенранта, Хейнола, Хямеенлинна и вспомогательные удары в направлениях Корписелькя–Куопио и Савонлинна–Миккели, разбить основные силы финской армии в районе Миккели, Хейнола, Хамина, **на 35-й день операции овладеть Гельсингфорс** (здесь и выше подчеркнуто мной. — М.С.) и выйти на фронт Куопио, Ювяскюля, Хямеенлинна, Гельсингфорс.*

*...Справа Северный фронт (штаб Кандалакша) на 40-й день мобилизации переходит в наступление и на **30-й день операции овладением районом Кеми, Улеборг** (Оулу)» [120].*

Еще более конкретным стало и представление о противнике. Если в сентябрьских «Соображениях» про возможность совместных действий немецких и финских войск просто ничего не было сказано, то директива от 25 ноября прямо начиналась словами: *«В условиях войны СССР **только против Финляндии**»* (подчеркнуто мной — М.С.) *для удобства управления и материального обеспечения войск создаются два фронта...»* Ни о каком «обеспечении безопасности Ленинграда» уже не было и речи, об отражении «немецко-фашистской агрессии» также ничего не сказано (этот тезис советская историография придумала значительно позже).

В состав Северо-Западного фронта включались те же четыре армии (20-я, 23-я, 22-я и 7-я) с теми же районами развертывания и маршрутами наступления, что

и и сентябрьском плане. Неизменным осталось и общее количество стрелковых дивизий и авиационных полков, состав и место дислокации резервов фронта (четыре стрелковые дивизии, один мехкорпус и 21 авиаполк). Единственным новшеством было заметное увеличение численности танковых и моторизованных бригад и тяжелых артполков РГК, привлекаемых к операции:

	20-я А	23-я А	22-я А	7-я А	Всего
стрелковые дивизии	6/6	6/6	5/5	6/6	23/23
танковые и моторизованные бригады	1/3	1/3	1/2	0/1	3/9
артиллерийские полки РГК	4/5	6/6	2/3	0/2	12/19
авиационные полки	9/9	13/11	5/7	7/7	34/34

Примечание. Первая цифра — «соображения» от 18 сентября, вторая цифра — директива от 25 ноября.

Более определенными стали и задачи механизированного корпуса, выделенного в резерв командования фронта.

В соответствии с директивой от 25 ноября после выхода войск 23-й армии на линию Савитайпале–Тааветти (20 км западнее Лаппеенранта) — что по плану должно было произойти на 15-й день операции — мехкорпус должен был войти в создавшийся прорыв и *«во взаимодействии с 20-й и 23-й армиями на 35-й день операции овладеть районом Гельсингфорс»*.

Задачи Краснознаменного Балтфлота почти не изменились, увеличилось лишь число стрелковых дивизий, десантируемых на Ханко (*«Обеспечить переброску **двух стрелковых дивизий** в первые же дни войны с Северного побережья Эстонской ССР на*

полуостров Ханко, а также переброску и высадку крупного десанта на Аландские острова...») [120].

В директиве от 25 ноября 1940 г. есть информация, позволяющая сделать некоторые предположения о вероятных сроках вторжения в Финляндию. Завершить разработку оперативного плана командование Ленинградского ВО должно было к 15 февраля 1941 г. Начало общего наступления планировалось на 35-й день от начала мобилизации и сосредоточения войск Северо-Западного фронта (для Северного фронта, с учетом огромных расстояний и неразвитости дорожной сети, на полное сосредоточение войск отводилось 40 дней). Таким образом, самой ранней датой начала наступления могло быть 22 марта. Но начинать 22 марта крупномасштабное наступление в южной Финляндии есть полное безумие: весенняя распутица превращает к этому времени театр предполагаемых военных действий в сплошное безбрежное болото. Едва ли Тимошенко и Мерецков, лично знакомые с особенностями этой местности, могли планировать «весеннюю войну». Ближайшим разумным сроком начала реализации ноябрьского плана могло быть только лето 1941 года.

Ближайший не значит «наиболее вероятный». Не исключено, что по-прежнему планировалась «зимняя война».

К сожалению, ничего более определенного сказать нельзя — «директива» от 25 ноября 1940 г. является хронологически **последним из доступных** нам вариантов разработки оперативного плана войны с Финляндией. Архивные фонды военных округов (в том числе и Ленинградского) за первую половину 1941 года засекречены. Точнее говоря, недоступен почти весь

массив документов первой половины 1941 года (а не одни только документы ЛенВО), так как фонды РГВА хронологически завершаются концом 1940 года, а в ЦАМО хранятся (по крайней мере — так официально заявляется) документы периода войны, т.е. начиная с 22 июня 1941 г. Робкая оговорка «почти» относится к тому, что в некоторых фондах ЦАМО иногда встречаются разрозненные документы периода до 22 июня, иногда даже «на глубину» до января–февраля 1941 г. Но это редкие и случайные исключения из общего правила. В целом же первое полугодие 1941 года — ключевое в понимании планов и намерений Сталина — просто «пропало», утонуло в архивной пыли... Впрочем, удивления достойно совсем не это, а то, что «соображения» от 18 сентября и директива от 25 ноября 1940 г. каким-то невероятным чудом оказались опубликованы. В эпоху, истории которой посвящена эта книга, в таких случаях говорили: «И куда только органы смотрят...»

Глава 2.5

«ГЛАВНОЕ ВРЕМЯ С ГИТЛЕРОМ УШЛО НА ФИНСКИЙ ВОПРОС...»

День 25 ноября 1940 г. был незаслуженно обойден вниманием советской историографии. А зря — в этот день произошло сразу несколько значимых событий. Об одном из них говорилось в предыдущей главе, другое, несравненно более важное, было связано с советско-германскими отношениями. В этот день, 25 ноября 1940 г., глава правительства СССР (он же — нарком иностранных дел) товарищ Молотов сообщил

послу Германии в Москве графу Шуленбургу условия, на которых Советский Союз был готов присоединиться к Тройственному союзу («ось Рим-Берлин-Токио») в качестве четвертого полноправного члена этого «элитного клуба» агрессоров.

Если открытую публикацию «Директивы НКО и Генштаба командующему Ленинградского военного округа» от 25 ноября можно объяснить только прискорбной безалаберностью и безответственностью «тех, кому положено», то уклоняться от публикации текста Заявления Молотова от 25 ноября 1940 г. российской стороне было очень трудно, а главное — бессмысленно. Так как Заявление это было адресовано правительству гитлеровской Германии, а она потерпела во Второй мировой войне сокрушительное поражение, то архивы разгромленной и принужденной к безоговорочной капитуляции Германии оказались в руках победителей. Таким образом, документы советско-германского сотрудничества, в частности — текст условия присоединения СССР к «пакту четырех», оказались в руках американцев и были опубликованы в 1948 году, в знаменитом сборнике Госдепартамента США «Nazi-Soviet Relations».

Без малого полвека советская пропаганда (и советская «историческая наука» как ее составная часть) яростно обличала «буржуазных фальсификаторов истории», посмевших бросить тень на неизменно миролюбивую внешнюю политику родной КПСС. «Городу и миру» было объявлено, что на самом деле товарищ Молотов гневно отверг коварные предложения Гитлера и отказался даже обсуждать возможность присоединение Советского Союза к агрессивному блоку нацистов, фашистов и японских милитаристов. Затем, после

получения команды «отбой», в Архиве президента России (ф. 3. оп. 64. д. 675, л. 108) «внезапно обнаружился» машинописный текст, да еще и с собственноручной пометой Молотова: «*Передано г. Шуленбургу мною 25 ноября 1940 г.*». И подпись: В.Молотов.

Как ни странно, но маленькая и такая, на первый взгляд, далекая от бурь большой мировой политики Финляндия оказалась упомянутой в Заявлении Молотова, да еще и в **самом первом пункте**:

«СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, изложенный г. Риббентропом в его беседе с В. М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 года и состоящий из 4 пунктов, при следующих условиях:

1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР согласно советско-германского соглашения 1939 года, причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля).

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды.

3. Если центром тяжести аспирации СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Сообразно с изложенным должен быть изменен проект протокола к Договору 4 держав, представленный г. Риббентропом о разграничении сфер влияния, в духе определения центра тяжести аспирации СССР на юге от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу (немцы предлагали направить территориальные устремления Советского Союза в сторону Индийского океана, Сталин же устами Молотова уточнил, что нефть интересует его гораздо больше, нежели индийский чай и слоны с изумрудами. — М.С.).

Точно так же должен быть изменен изложенный г. Риббентропом проект протокола — Соглашения между Германией, Италией и СССР и Турцией в духе обеспечения военной и военно-морской базы СССР у Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды с гарантией 3 держав независимости и территории Турции в случае, если Турция согласится присоединиться к четырем державам. В этом протоколе должно быть предусмотрено, что в случае отказа Турции присоединиться к четырем державам Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение...» [120].

В количествах, заслуживающих первостепенного внимания, германские войска на территории Финляндии не появились даже летом 1941 г. (в южной Финляндии находилась одна-единственная 163-я пехотная дивизия вермахта, на заполярном Севере действовали 2-я и 3-я

горно-пехотные, 169-я пехотная дивизии и бригада СС «Норд»; все вместе это составляло порядка 3% от общей численности группировки немецких войск у границ СССР). Осенью же 1940 года ни один батальон вермахта не дислоцировался в Финляндии на постоянной основе. Тем не менее, претензии Молотова, связанные с наглым посягательством Гитлера на «сферу влияния СССР», не были совсем уже безосновательны. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, неожиданно превратившемся в «яблоко раздора» между Берлином и Москвой, необходимо отступить в изложении событий на несколько месяцев назад.

Во время «зимней войны» Германия, демонстрируя абсолютную лояльность к своему новому восточному союзнику, заняла подчеркнуто просоветскую позицию. Уже на третий день войны из Берлина в дипломатические миссии Германии за рубежом была разослана циркулярная телеграмма: *«В ваших беседах, касающихся финско-русского конфликта, пожалуйста, избегайте антирусского тона»* [70]. 6 декабря 1939 г. была разослана дополнительная инструкция: *«В ваших беседах должна высказываться симпатия относительно точки зрения русских. Воздерживайтесь от выражения какой-либо симпатии в отношении позиции финнов»* [70]. Дипломатические любезности были дополнены вполне конкретными делами: Германия (вопреки многолетнему вранью советских «историков») не только не продавала в дни «зимней войны» оружие финнам, но и запретила провоз такого вооружения через территорию Германии и даже задержала в порту Берген транспорты с вооружением, закупленным Финляндией в третьих странах. Стоит отметить, что в ходе переговоров с

Гитлером 13 ноября 1940 г. Молотов охотно признал, что *«русское правительство не имело причин для критики позиции Германии во время этого конфликта»* [70].

В марте 1940 г. Германия и СССР заняли солидарную позицию противодействия созданию оборонительного союза трех северных стран (Норвегия, Швеция, Финляндия), правда, в данном случае определяющими были не столько дружеские чувства партнеров по разбою, сколько прагматический расчет Германия не менее, чем Советский Союз, была в тот момент заинтересована в слабой, не способной к вооруженному сопротивлению Скандинавии. Москва со своей стороны поддержала гитлеровскую агрессию против Норвегии и политически, и, до некоторой степени, практически (предоставив в распоряжение немцев военно-морскую базу в районе Мурманска). 9 апреля 1940 г., в первый день вторжения в Норвегию, посол Шуленбург посетил Молотова, где ему был оказан самый радушный прием:

«... Молотов заявил, что советское правительство понимает, что Германия была вынуждена прибегнуть к таким мерам. Англичане, безусловно, зашли слишком далеко. Они абсолютно не считаются с правами нейтральных стран.

В заключение Молотов сказал буквально следующее: „Мы желаем Германии полной победы в ее оборонительных мероприятиях“» [70].

Однако уже летом 1940 г. «конфетно-букетный» период в отношениях двух диктаторов стал близиться к концу.

Германия добилась «полной победы в своих оборонительных мероприятиях», т.е. с головокружительной быстротой установила свой

контроль над большей частью Европы; новорожденный вермахт вырос и утвердил себя в статусе наиболее боеспособной армии мира. Сырьевые и продовольственные ресурсы оккупированных и подчиненных стран (включая нефть Румынии) снизили степень зависимости Гитлера от дорогостоящих милостей Сталина. Странно, но советское внешнеполитическое ведомство не пожелало увидеть и оценить эти изменения. В качественно новой ситуации оно продолжало «гнуть свою линию» с изяществом слона в посудной лавке. Еще более странно (или, наоборот, закономерно?) то, что первые конфликты были вызваны не ссорами из-за добычи геополитического масштаба, а совершенно мелочным жлобством.

В конце июня 1940 г. Москва заявила о своих претензиях на территорию Буковины (пограничная с Украиной область севера Румынии в верховьях реки Прут). До начала Первой мировой войны эта территория входила в состав империи Габсбургов (Австро-Венгрия), а в секретном советско-германском Протоколе о разделе сфер влияния в Восточной Европе от 23 августа 1939 г. о ней не было сказано ни слова. После короткой, но уже отнюдь не дружественной дискуссии стороны сошлись на том, что Советский Союз ограничивает свои притязания лишь северной частью Буковины (Черновицкая область современной Украины). В обмен на эту «уступку» Германия официально, через своего посла в Бухаресте, предложила румынскому правительству «во избежание войны между Румынией и Советским Союзом уступить требованиям советского правительства» [70]. Со своей стороны Москва обещала учесть германскую обеспокоенность судьбой этнических немцев,

проживавших в количестве более 100 тыс. человек на территории Бессарабии и северной Буковины.

Интересы карпатских крестьян немецкого происхождения глава правительства СССР Молотов «учел» следующим образом. Был составлен пространный, многостраничный документ, в котором с указанием точного количества «часов карманных и наручных, шапок и пальто меховых» (новые — отдельно, б/у отдельно) было определено, что может взять с собой немецкая семья, которой великодушно разрешалось оставить созданные трудом многих поколений дом и хозяйство и покинуть пределы СССР. Не был забыт и табак, который в Буковине выращивался как товарная культура. На одну семью разрешалось взять с собой не более 20 кг [113]. Трудно понять, для какой надобности потребовалось отбирать у крестьянина мешок табака. Товарищ Сталин, как известно всем и каждому, курил «Герцеговину-Флор» и в деревенском «самосаде» не нуждался. Но совсем нетрудно представить, как такое хамство действовало на Гитлера, в речах (а может быть — и в мыслях) которого судьба проживающих в Восточной Европе «фольксдойче» присутствовала постоянно...

Дальше — больше. Если имущество буковинских крестьян исчислялось в шапках и часах-«луковицах», то в Прибалтике стоимость принадлежащих немцам (в том числе и немцам — гражданам Германии) предприятий составляла сотни миллионов марок. В связи с начавшимися в странах Прибалтики «глубокими социально-экономическими преобразованиями» Молотов 29 июля 1940 г. заверил посла Германии в том, что *«Советское правительство берет на себя ответственность за мероприятия, проводимые правительствами Прибалтийских стран, и за охрану германских интересов*

в них... Советское правительство рекомендовало литовскому правительству сделать исключение из закона о национализации для лиц немецкого происхождения как литовского, так и германского подданства и приостановить национализацию их имущества с тем, чтобы все имущественные вопросы были урегулированы непосредственно между Берлином и Москвой. Это урегулирование имущественных вопросов между Москвой и Берлином в равной мере относится к Эстонии и Латвии...» [120].

Выслушав это, Шуленбург долго рассыпался в благодарностях. 17 октября 1940 г. послу Германии в Москве пришлось услышать нечто новое:

*«... тов. Молотов отвечает Шуленбургу, что советское правительство заявляло о благожелательном отношении к интересам Германии в Прибалтике, но никогда не брало на себя обязательства о **полном возмещении** (подчеркнуто мной. — М.С.) имущества германским гражданам... Что касается национализации, то проведение ее в отношении немцев и лиц немецкой национальности в Прибалтике было отсрочено, но не отменено, о чем германское правительство также было своевременно и точно информировано...» [120].*

Очередное обсуждение размеров «неполного возмещения» состоялось, по странному совпадению, также 25 ноября 1940 года: *«... тов. Молотов указывает, что это первое исключение, которое советская сторона сделала из принципов не компенсировать национализированное имущество... В связи с этим т. Молотов делает следующее предложение: при оплате в течение одного года увеличить компенсацию из имущества лиц немецкой национальности с 10 до 15% и*

германских подданных с 20 до 25%. Соответственно, для лиц немецкой национальности при оплате в течение 3 лет — 25% вместо 15%, 6 лет 35% вместо 20%, 10 лет 40% вместо 25%... тов. Молотов снова подчеркивает, что в один год невозможно компенсировать такую сумму (конфисковать имущество оказалось возможным за один день. — М.С.) и что в истории нет подобного прецедента...» [120].

Кульминацией обострения советско-германских отношений осенью 1940 г. стал так называемый «второй Венский арбитраж» и конфликт вокруг него. 30 августа 1940 г. в Вене в течение одного дня был «решен» многовековой спор о Трансильвании. Под давлением Германии и Италии румынское руководство согласилось передать северную часть Трансильвании (43,5 тыс. кв. км с населением 2,5 млн. человек) Венгрии. В обмен на проявленную уступчивость маршал Антонеску получил от стран «оси» официальные гарантии неприкосновенности оставшейся территории Румынии. В результате такой сделки Венгрия (будущий и, как оказалось, — самый надежный союзник Гитлера) получила щедрый «аванс», а ослабленная и униженная Румыния оказалась еще крепче пристегнутой к колеснице фашистского блока.

Советское руководство немедленно выразили свой самый решительный протест. Уже на следующий день, 31 августа 1940 г., Молотов заявил Шуленбургу, что *«германское правительство нарушаю статью 3 Договора о ненападении от 23.08.1939г., где говорится о консультации в вопросах, интересующих обе стороны.*

Германское правительство нарушило эту статью, не проконсультировавшись с Советским правительством в вопросе, который не может не затрагивать интересы

СССР, т.к. дело идет о двух пограничных Советскому Союзу государствах» [120]. 9 сентября 1940 г. Молотов уже более конкретно объяснил Шуленбургу, в чем заключаются «интересы СССР», нарушенные Венским соглашением. Разумеется, проблема была не в том, что замок легендарного трансильванского вампира Дракулы в очередной раз «сменил прописку» — с венгерской на румынскую.

*«Тов. Молотов заявил Шуленбургу, что... советское правительство, идя навстречу Германскому правительству, сократило свои претензии к Румынии и ограничило их в отношении Буковины только ее северной частью. Но тогда же тов. Молотовым было заявлено, что при постановке при соответствующих условиях **вопроса о Южной Буковине** мы надеемся, что Германское правительство поддержит нас в этом вопросе. **Предоставление гарантий Румынии** (здесь и выше подчеркнуто мной. — М.С.) расходится и с этим пожеланием Советского правительства» [120].*

И это еще не все. 21 сентября Молотов вызвал Шуленбурга и вручил ему «памятную записку относительно несоблюдения Германским правительством статьи 3 Договора о ненападении». Несмотря на то, что на этот раз претензии Москвы были выражены в письменном виде, понять позицию советского руководства стало еще сложнее

*«...Советское правительство не может также не обратить внимания на то обстоятельство, что **дачей Румынии гарантий в отношении ее государственной территории был дан повод утверждать, что этот акт Германского правительства направлен против СССР.** Как*

*известно, такого рода утверждения действительно получили значительное распространение. Между тем, если бы Германское правительство предварительно запросило правительство СССР по данному вопросу, то отпали бы всякие поводы для распространения подобного рода утверждений и вместе с тем Германское правительство полностью убедилось бы, что **СССР не собирается угрожать** (здесь и выше подчеркнуто мной. — М.С.) *территориальной неприкосновенности Румынии*» [120].*

Если понимать все это прямо и просто (так, как написано). то получается, что затянувшийся почти на месяц скандал — и не просто скандал, а официальное обвинение в нарушении Договора о ненападении — был вызван только тем, что Берлин заранее не спросил согласия Москвы. И не более того, Советский Союз, оказывается, и не собирался «угрожать территориальной неприкосновенности Румынии» — но вот гарантии этой неприкосновенности, данные со стороны Германии и Италии, вызвали почему-то бурю негодования.

Вконец растерявшийся Шуленбург начал лепетать что-то совсем уже несвязное: «...Шуленбург говорит, что с самого начала (с августа 1939 г.) разрешения бессарабского вопроса создалось такое впечатление, что СССР не имеет претензий к Румынии... Что же касается Южной Буковины, то это, возможно, его вина, что он не совсем понял постановку вопроса.

Тов. Молотов повторяет то, что он уже тогда говорил Шуленбургу о Южной Буковине, добавив при этом, что это было сказано им в неопределенной форме и возможно, что Шуленбург не придавал тогда должного значения сказанному.

Шуленбург говорит, что он очень сожалеет, что между Советским и Германским правительствами возникли эти разногласия, ...и он сделает все, чтобы внести ясность в этот вопрос.

Тов. Молотов заявляет, что если для Германии статья 3 Договора о ненападении представляет неудобства и стеснения, то Советское правительство готово обсудить вопрос об изменении или отмене данной статьи договора, но пока она существует...

Шуленбург поспешно говорит, что это несчастный случай и что об этом не может быть и речи...» (120, стр. 264).

*«Несчастный случай» получил свое дальнейшее развитие. 13 ноября 1940 г. в ходе переговоров с Гитлером в Берлине Молотов снова вернулся к румынскому вопросу: «... Что касается Буковины, то, хотя это и не было предусмотрено дополнительным протоколом, СССР сделал **уступку Германии и временно отказался от Южной Буковины**, ограничившись Северной Буковиной, но сделал при этом свою оговорку, что СССР надеется, что в свое время Германия учтет заинтересованность Советского Союза в Южной Буковине. СССР до сих пор не получил от Германии отрицательного ответа на высказанное им пожелание, но Германия вместо такого ответа **гарантировала всю территорию Румынии, забыв об указанной нашей заинтересованности** (здесь и выше подчеркнуто мной. — М.С.) и вообще дав эти гарантии без консультации с СССР и в нарушение интересов СССР» (120, стр. 378).*

От новой советско-румынской границы до центра нефтедобывающего района Плоешти оставалось всего 200 км.

В отличие от престарелого графа Шуленбурга Гитлер оценил ситуацию адекватно:

«...Фюрер ответил, что если только часть Буковины останется за Россией, то и это будет значительной уступкой со стороны Германии. В соответствии с устным соглашением, бывшая австрийская территория должна войти в германскую сферу влияния. Кроме того, территории, вошедшие в русскую зону, были поименно названы, например Бессарабия. Относительно Буковины в соглашении не было сказано ни единого слова... Для того, чтобы германо-русское сотрудничество принесло в будущем положительные результаты. Советское правительство должно понять, что Германия не на жизнь, а на смерть вовлечена в борьбу, которая при всех обстоятельствах должна быть доведена до успешного конца. Необходимый для этого ряд предпосылок, зависящих от экономических и военных факторов, Германия хочет обеспечить себе любыми средствами...» [70].

Мы привели эти факты, не имеющие на первый взгляд прямого отношения к советско-финляндскому противостоянию 1940 года, для того, чтобы стал понятнее тот военно-политический контекст, в рамках которого руководство гитлеровской Германии обратило в конце лета 1940 г. свой заинтересованный взгляд на Финляндию.

В изложении маршала Маннергейма события развивались следующим образом:

«17 августа 1940 года я получил от посла Финляндии в Берлине телеграмму, в которой меня просили... принять немецкого подполковника Вельтьенса, которому поручено было передать послание рейхсмаршала Геринга... Вельтьенс в тот же вечер (18 августа) посетил меня дома и передал приветствие Геринга. Тот интересовался, не пожелала ли бы Финляндия по примеру Швеции разрешить транспортировку через ее территорию немецких грузов хозяйственного назначения, а также проезд отпускников и больных в Киркенес (порт на севере Норвегии). Кроме этого, Вельтьенс сообщил, что у нас теперь появится возможность получения военного снаряжения из Германии... Когда я вечером того же дня (19 августа) посетил Рюти, исполняющий обязанности президента поручил мне дать рейхсмаршалу через его посланника положительный ответ на вопрос о сквозной транспортировке. Это я и сообщил Вельтьенсу, когда он утром следующего дня пришел ко мне.

Частные вопросы провоза оборудования, больных и отпускников рассматривали военные власти обоих государств, и эти переговоры завершились техническим соглашением, подписанным 12 сентября. После того, как по этому вопросу провели переговоры представители министерств иностранных дел, 22-го числа того же месяца было подписано официальное соглашение» [22].

Формально-юридически транзит военных грузов и военнослужащих (даже если они и названы «больными и отпускниками») через территорию Финляндии означал вмешательство Германии в сферу интересов СССР, зафиксированную в секретном Протоколе от 23 августа 1939 г. Формально-юридически транзит военных грузов и военнослужащих несовместим с максимально строгим

толкованием понятия «нейтралитет». Это так же верно, как и то, что предоставление Советским Союзом военно-морской базы на Кольском полуострове в распоряжение ВМФ Германии было несовместимо с официально заявленным нейтралитетом СССР в начавшейся мировой войне, а подписанное 22 июля (т.е. за месяц до начала переговоров о немецком транзите) соглашение о транзите вооружения и воинских частей Красной Армии через территорию Финляндии в Ханко (да и сам факт существования военной базы СССР на финской территории!) подрывало нейтральный статус этой страны. Можно привести и другие подобные умозаключения — но едва ли в этом будет хотя бы толика здравого смысла. Политика двух диктаторов — начиная с заключения абсолютно противоправной сделки о разделе территорий суверенных стран Европы на «сферы интересов» и заканчивая вторжением германских и советских войск в Норвегию и Финляндию — настолько вышла за пределы всякого «правового поля», что юридическое крюкотворство становится в данном контексте совершенно беспредметным. Гораздо более содержательным является анализ практических действий сторон, мотивов этих действий и их последствий.

Проблема снабжения и группировки немецких войск в Норвегии, действительно, существовала. В условиях господства англичан на море «геометрически кратчайший» путь из портов Германии в норвежские порты через Северное море был слишком опасен. В этом смысле использование портов Ботнического залива значительно упрощало задачу. С другой стороны, у Ботнического залива есть два берега (шведский и финляндский), а прямой железнодорожной ветки до Киркенеса нет ни на шведской, ни на финляндской

территории. При наличии соглашения о транзите со Швецией (оно было заключено в июле 1940 г.) транзит через Финляндию стал полезным дополнением и предусмотрительным дублированием уже имеющихся транспортных путей. Запас, как говорится, «карман не тянет», и, организовав еще один транспортный коридор, немцы сделали положение своих войск в Норвегии более устойчивым.

В то же время представляется вполне обоснованным предположение о том, что желание поддержать балансирующую на краю пропасти Финляндию было не менее весомым мотивом действий германского руководства, нежели чисто прагматический интерес получения еще одного транспортного коридора для снабжения норвежской группировки. Разумеется, желание предотвратить окончательное поглощение Финляндии Советским Союзом не было вызвано альтруистическим чувством солидарности. Гитлер не мог не понимать, что любое появление немецких солдат или военных грузов на территории, отнесенной к «сфере интересов» Советского Союза, вызовет крайне негативную реакцию в Москве. Не менее резкую (и легко прогнозируемую) реакцию должно было вызвать и предложение «оплатить» (во всех смыслах этого слова) согласие Финляндии на транзит поставками вооружения из Германии (или через Германию). И если Гитлер пошел на все это, то это означает, что у него были серьезные причины стремиться к сохранению финляндской независимости. Одной из самых главных был никель Петсамо.

Никель является важнейшим легирующим элементом в производстве высокопрочных конструкционных сталей, а в составе нержавеющей и

жаропрочных сплавов массовая доля никеля находится в диапазоне от 10 до 60%. В переводе на язык военной техники середины XX века никель — это самолеты и авиамоторы, т.е. именно те виды вооружений, в которых Германия стремилась (причем весьма успешно) к мировому лидерству. Месторождений никеля в Европе мало крупных фактически два: Петсамо (ныне Печенга) и Норильск. Ворьба вокруг никелевых предприятий Петсамо, то угасая, то приближаясь к прямому вооруженному столкновению, продолжалась практически весь период «мирной передышки» (с весны 1940 г. до весны 1941 г.). Еще раз напомним, что в марте 1940 г., при заключении Московского договора, Петсамо оказалось единственной (!) точкой на карте, где Советский Союз не только не передвинул линию границы дальше, чем фактически продвинулась Красная Армия, а наоборот — вернул назад захваченное. Повторим и общепринятую версию причин такой «совестливости»: концессия на разработку никелевых месторождений Петсамо принадлежала британской (Канадской) фирме, и Сталин решил в тот момент не обострять и без того напряженные отношения с Западом.

После разгрома Франции летом 1940 г. Сталин решил, что с осажденной на своем острове Британией можно более не церемониться. В этот же момент к аналогичному предположению пришел и Гитлер. В результате почти одновременно произошли два взаимосвязанных события. 23 июня 1940 г. Советский Союз потребовал от правительства Финляндии разорвать концессионное соглашение с британской фирмой и передать никелевые рудники в распоряжение СССР или совместного советско-финляндского предприятия. Финны отказались, аргументируя свой отказ правом и

общепринятыми нормами деловых взаимоотношений, не позволяющими расторгнуть договоре прежними концессионерами, уже инвестировавшими в Петсамо огромные средства. С другой стороны. Финляндия выразила готовность обеспечить поставку в СССР 50% всего добываемого никеля. Москва не согласилась и продолжала настаивать на получении контроля над рудниками. Тем временем 27 июля 1940 г. немецкий промышленный гигант «И.Г Фарбениндустри» заключил контракт на закупку 60% всей добываемой в Петсамо никелевой руды. С этого момента Германия стала прямо заинтересована в сохранении независимости и стабильности Финляндии, правительство которой выступало гарантом выполнения контракта.

Что же касается планов и надежд на будущее германо-финское военное сотрудничество, то ни подтвердить, ни исключить наличие подобных мыслей в чьей-либо голове не представляется возможным. Факты же таковы, что в августе 1940 г. Германия начата грандиозное авиационное наступление («битва за Британию») и вполне деятельно готовилась к возможному «прыжку» сухопутных сил через Ла-Манш. Союз Германии с СССР к тому времени начал уже давать первые трещины, но до планирования совместного наступления финских и немецких войск на Кандалакшу было еще бесконечно далеко. В любом случае, переброска **через территорию Финляндии в Киркенес нескольких немецких зенитных батарей ничего не меняло в ситуации ни на стратегическом (об этом вообще нелепо спорить), ни на тактическом уровне.**

Реакция Москвы на внезапно обозначившийся интерес Германии к финским делам оказалась

совершенно неадекватной. **Именно эта неадекватность советской реакции** (а не само по себе германо-финляндское соглашение о транзите) помогла Финляндии не оказаться осенью 1940 г. в перечне стран Прибалтики, *«сбросивших ненавистные буржуазные режимы»*. Вышедшая за всякие рамки разумного «бдительность» и едва ли не патологическая «мания преследования», терзавшая кремлевских правителей, привели к тому, что в соглашении о транзите они усмотрели чуть ли не военный союз Германии и Финляндии. К тому же официальное сообщение о начале транзита было получено советским руководством при достаточно странных обстоятельствах.

16 сентября посол Шуленбург получил указание из Берлина посетить днем 21 сентября (т.е. за день до начала фактической транспортировки) Молотова и — «если к тому времени вы не получите иных инструкций» — сообщить ему следующее: *«Продолжающееся проникновение английских самолетов в воздушное пространство Германии и оккупированных ею территорий заставляет усилить оборону некоторых объектов, прежде всего на севере Норвегии. Частью такого усиления является переброска туда артиллерийского зенитного дивизиона вместе с его обеспечением. При изыскании путей переброски выяснилось, что наименее сложным для этой цели будет путь через Финляндию. Дивизион будет предположительно 22 сентября выгружен около Хапаранды, а затем транспортирован в Норвегию, частью по железной дороге, частью по шоссе. Финское правительство, принимая во внимание особые обстоятельства, разрешило Германии эту транспортировку. Мы хотим заранее информировать советское правительство об этом шаге» [70].*

21 сентября Шуленбург посетил Молотова, однако вся встреча оказалась посвящена «выяснению отношений» по румынскому вопросу. Сообщение о немецком транзите через Финляндию так и не прозвучало. Почему? Шуленбург получил «иные инструкции»? Или забыл имеющиеся под напором разгневанного Молотова? У нас нет ответа на эти вопросы. Как бы то ни было, обмен информацией по вопросу о транзите произошел только 26 сентября. Шуленбург был в Верлине, а интересы Германии в Москве представлял поверенный в делах Типпельскирх, который накануне получил от Риббентропа указание сообщить Молотову о намеченном на 27 сентября подписании Тройственного пакта («ось Рим-Берлин-Токио»). Ничего приятного в этом сообщении для Молотова не было. В сочетании с таким оглушительным известием сообщение о начавшемся военном транзите через Финляндию — да еще и полученное Москвой не по нормальным дипломатическим каналам, а из газет — должно было произвести на Молотова впечатление зловещего «окружения».

«...тов. Молотов говорит Типпельскирху, что его еще интересуется такой вопрос. Согласно последним сообщениям из Берлина, заключен какой-то договор с Финляндией по военному вопросу. От Германского правительства пока нет никаких сообщений. Тов. Молотов спросил Типпельскирха, не имеет ли он какого-либо подтверждения.

Типпельскирх ответил, что ему ничего не известно.

Тогда тов. Молотов изложил содержание телеграммы полпреда СССР в Германии тов. Шкварцева о пресс-конференции 25 сентября в германском МИДе, где

зав. отделом печати Шмидт заявил, что опубликовано коммюнике Финляндского правительства о подписании германо-финского соглашения о транзите через Финляндию германских войск в Норвегию. Кроме того, в Берлине агентством „Юнайтед Пресс“ распространяется бюллетень, в котором сообщается о высадке 24 сентября германских войск в финском порту Вааза и о том, что высший офицерский состав, прибывший с войсками, разместился в гостиницах Вааза.

Типпельскирх вновь ответил, что ему ничего не известно по этому вопросу.

Тов. Молотов заявил, что он имеет сведения о высадке германских войск в Финляндии в городах Вааза, Улеборг и Пори, и вновь спросил, известно ли это Типпельскирху.

Типпельскирх ответил, что он слышал об этом от журналистов, но большего он не знает.

Тов. Молотов сказал, что, видимо, с Финляндией также заключен какой-то договор и советское правительство хочет получить информацию об этом договоре, о его целях, а также полный текст его и дополнительные секретные статьи, если таковые имеются...» [120].

Вероятно, товарищ Молотов не допускал и мысли о том, что «высший офицерский состав разместился в гостиницах Вааза» просто для того, чтобы выспаться и отдохнуть после утомительного морского путешествии (со своим «офицерским составом» Молотов и его хозяин не церемонились). В воспаленном извечной подозрительностью сознании тараканы разрослись до размера слонов, и безвестная провинциальная гостиница обратилась в «штаб армейской группировки вермахта» в

Финляндии. Вот так судьба в очередной раз смилостивилась над народом Суоми.

Проявленная Сталиным чрезмерная осторожность и исключительная сдержанность (читатель вправе подставить и другие слова) спасла Финляндию. Отнюдь не отказываясь от своих «прав», предусмотренных секретным Протоколом от 23 августа 1939 г., кремлевские властители решили **получить от Гитлера дополнительное подтверждение этих прав прежде, чем приступить к военному решению «финского вопроса»**. Надо ли доказывать, что в азартной шулерской игре с берлинским аферистом такая тактика не могла не привести к позорному конфузу?

Если август 1939 г. может считаться «звездным часом» сталинской дипломатии, то ноябрьский (1940 г.) визит Молотова в Берлин был, наверное, самым крупным провалом. Правду сказать, и ситуация стала несравненно сложнее.

В августе 1939 г. «все козыри» были на руках у Сталина. У него была крупнейшая сухопутная армия мира, самая большая боевая авиация, огромные табуны танков (численно превосходящие танковые войска всех стран Европы, вместе взятые). То, что реальная боеспособность этой стальной армады, мягко говоря, не соответствует ее размерам, в августе 39-го еще никто не мог знать наверняка. Более того, на полях сражений гражданской войны в Испании «легкие немецкие танки в борьбе с республиканскими (т.е. советскими) пушечными танками не входили ни в какое сравнение и расстреливались беспощадно», и это, надо полагать, заметил не только будущий начальник Главного

автобронетанкового управления РККА генерал армии Павлов (слова которого мы процитировали выше), но и военные специалисты Германии.

Летом 1939 г. Гитлер имел неосторожность (если не сказать — глупость) заявить во всеуслышание о своем желании расправиться с Польшей. Таким образом успех (или неуспех) польской кампании — первой крупной операции новорожденного вермахта — оказался неразрывно связан с личным авторитетом Гитлера и его претензиями на роль «избранника провидения». Заявить оказалось легче, чем сделать. К 16 августа (начиная с этого дня Берлин буквально засыпал Молотова телеграммами с просьбой принять Риббентропа) лето уже почти закончилось, до начала осенней распутицы оставалось не более месяца, и все мыслимые сроки начала военных действий подходили к концу.

Польша же получила официальные «гарантии» неприкосновенности своих границ от Франции и Англии, а товарищ Сталин загадочно курил свою знаменитую трубку. 14 августа газета «Правда» (официальный, заметьте, печатный орган той партии, Генеральным секретарем которой был сам Сталин) писала: *«Политика мира отнюдь не означает уступок агрессорам, уступок, лишь разжигающих хищнические аппетиты захватчиков... Большевики — не пацифисты. Настоящая защита мира состоит не в уступках агрессору, а в двойном ударе на удар поджигателей войны...»*

И как же надо было понимать такие слова? Не означали ли они готовность одного-двух миллионов советских «добровольцев» по первому зову партии и правительства прийти на помощь трудящимся братской Польши? Да, предвоенные советско-польские

взаимоотношения внешне были очень далеки от дружбы, но уж советско-германские внешне выглядели еще хуже. *«Виновники и поджигатели второй империалистической войны налицо. Это фашизм — преступное и грязное порождение послевоенного империализма»*. Эти слова 31 июля 1939 г. «Правда» написала отнюдь не про Польшу...

В августе 1939 года Сталин мог помиловать Гитлера, а мог и погубить. И не случайно 21 августа, в ожидании ответа из Москвы, Гитлер метался по кабинету, как загнанный зверь. В тот момент он был готов отдать Сталину даже больше, чем Сталин готов был потребовать. И это отнюдь не «художественная гипербола». 24 июня 1940 г., в момент обострения конфликта вокруг Бессарабии и Буковины, Риббентроп подготовил докладную записку, в которой напомнил Гитлеру о следующих обстоятельствах московских переговоров августа 1939 года: *«Фюрер уполномочил меня заявить о германской незаинтересованности в территориях юго-восточной Европы вплоть до Константинополя и Проливов, если бы это было необходимо. Последнее, однако, не обсуждалось»* [70].

Вплоть до Константинополя и Проливов! Московские цари об этом могли только мечтать...

В ноябре 1940 года дружба со Сталиным уже не была для Гитлера вопросом жизни и смерти. В скобках заметим, что последующие события с очевидной ясностью показали, что Германия могла воевать и без советской нефти (более того — даже против советской нефти, приводившей в движение десятки тысяч танков и самолетов Красной Армии). Соответственно, изменилось и отношение Гитлера к московскому партнеру: от истерического «любой ценой» в Берлине перешли к

придирчивой калькуляции «прибыли и убытков», которые приносит им союз со Сталиным. В любом случае, платить и дальше (платить завоеванными силой германского оружия территориями, платить поставками новейших образцов военной техники и промышленного оборудования) за одно только невмешательство Советского Союза в дела Западной Европы Гитлер уже не хотел.

В этой, качественно новой ситуации Москва должна была, вероятно, принять новое большое решение. Предстояло определиться, **с кем и против кого Советский Союз намерен завершить мировую войну**. Другими словами, или заключить полноценный военный союз с Германией и совместными усилиями разгромить Британскую империю «в небесах, на земле и на море» — и после этого потребовать и получить свою долю в колоссальном «британском наследстве». Или снова назвать Гитлера «преступным и грязным порождением империализма» и со словами «наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами» нанести сокрушительный удар по тогда еще почти беззащитным (1 октября у границ СССР было сосредоточено порядка 30 дивизий вермахта) восточным рубежам Третьего рейха.

Увы, для больших решений **московский диктатор оказался мелковат. Грандиозная сделка двух тиранов не состоялась**. К счастью для человечества — и к горькой беде для своих подданных — в ноябре 1940 г. Сталин сделал первый шаг к катастрофе июня 1941 года. Молотов был направлен в Берлин с целых ворохом претензий, мелочных обид, параноидальных подозрений. Сталин отчетливо выразил желание помародерничать в ослабленной войной юго-восточной Европе, не предлагая

Гитлеру взамен ничего существенного. В собственноручно записанных Молотовым указаниях Сталина (Архив президента РФ, ф. 36, оп. 1, д. 1161, л. 147-155) цели берлинской встречи были определены следующим образом:

«1. Цель поездки а) Разузнать действительные намерения Германии и всех участников Пакта 3-х... перспективы присоединения других стран к Пакту 3-х; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем. б) Подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в Нижней и средней Азии..

*2. Исходя из того, что советско-германское соглашение о частичном разграничении сфер интересов СССР и Германии событиями исчерпано (за исключением Финляндии), в переговорах добиваться, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены: а) Финляндия — на основе советско-германского соглашения 1939 г., в выполнении которого Германия должна устранить всякие трудности и неясности (вывод германских войск, прекращение всяких политических демонстраций в Финляндии и в Германии, направленных во вред интересам СССР). б) Дунай, в части Морского Дуная, в соответствии с директивами т. Соболеву. Сказать также о нашем недовольстве тем, что Германия не консультировалась с СССР по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию. в) Болгария — главный вопрос переговоров — должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, **с вводом советских войск в Болгарию**(подчеркнуто мной. — М.С.). г) Вопрос о*

Турции и ее судьбах не может быть решен без нашего участия, т.к. у нас есть серьезные интересы в Турции. д) Вопрос о дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии, как граничащих с СССР, нас очень интересует, и мы хотели бы, чтобы об этом с нами договорились. е) Вопрос об Иране не может решаться без участия СССР, т.к. там у нас есть серьезные интересы. Без нужды об этом не говорить...» [120].

Дальше шло еще четыре подпункта (ж, з, и, к) с менее значимыми вопросами, затем — несколько пунктов информационного плана. Так за что же, за какие услуги Гитлер должен был на этот раз уступать кремлевскому вымогателю Болгарию («главный вопрос переговоров»), учитывать «интересы» Сталина в Турции, Иране, Венгрии и Румынии? В п. 13 было отмечено очередное советское предложение о «компенсации» (вернее было бы сказать — о порядке и условиях конфискации) собственности германских подданных в Прибалтике («25% в один год, 50% — в три года равными долями») [120]. Пожалуй, единственным пунктом, в котором наблюдалась некоторая взаимность услуг, был пункт 10:

«10. Предложить сделать мирную акцию в виде открытой декларации 4 держав (если выяснится благоприятный ход основных переговоров: Болгария, Турция и др.) на условиях сохранения Великобританской империи (без подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которыми Англия теперь владеет и при условии невмешательства ее в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии прежних колоний и немедленного предоставления Индии прав доминиона» [120].

Таким образом, в обмен на существенное расширение «сферы интересов» СССР в юго-восточной Европе («с вводом советских войск в Болгарию») Сталин обещал подписать очередную бумагу с требованиями и угрозами в адрес Великобритании, да еще вернуть через три года половину (!) стоимости конфискованного в Прибалтике имущества...

Реальный итог переговоров в Берлине оказался еще более безрезультатным, чем можно было бы предположить, судя по совершенно неадекватным инструкциям Молотову. Первая беседа с Гитлером, продолжавшаяся с учетом затрат времени на перевод 2,5 часа, состоялась 12 ноября 1940 г. По большей части она состояла из пространного монолога Гитлера, в котором он уверял своего гостя в том, что Англия фактически уже разгромлена (и только в силу крайнего «дилетантства» Черчилля еще не поняла этого) и приближается вожделенный момент дележа огромного «наследства» Британской империи. От Советского Союза Гитлер не просил ничего, кроме невмешательства, обещая потом взять ею в долю и подарить, например, Индию и незамерзающие порты в Индийском океане.

Поздним вечером того же дня в Москву полетела зашифрованная телеграмма с отчетом о состоявшейся беседе:

«... Наше предварительное обсуждение в Москве правильно осветило вопросы, с которыми я здесь столкнулся.

Пока я стараюсь получить информацию и прощупать партнеров. Их ответы в разговоре не всегда ясны и требуют дальнейшего выяснения. Большой интерес Гитлера к тому, чтобы договориться и скрепить дружбу с

*СССР о сферах влияния, налицо. Заметно также желание толкнуть нас на Турцию, от которой Риббентроп хочет только абсолютного нейтралитета. **О Финляндии пока отмалчиваются, но я заставлю их об этом заговорить***(подчеркнуто мной. — М.С.).

Прошу указаний. Молотов» [120].

Утром 13 ноября из Москвы в Берлин улетела ответная шифровка: *«Для Молотова от Инстанции. Твое поведение в переговорах считаем правильным»* [120]. Забавно, что загадочный Инстанция называл себя во множественном числе («считаем»), а к главе правительства СССР обращался на «ты» («твое поведение»). Впрочем, и выражение **«укрепить дружбу о сферах влияния»** должно по праву занять место в анналах изящной словесности...

Можно предположить, что, получив одобрение своих действий от Сталина, Молотов с удвоенной энергией отправился на встречу с Гитлером, дабы заставить того «заговорить о Финляндии». И эта задача оказалась выполнена и даже перевыполнена — большая часть второй (и последней в истории) беседы Молотова с Гитлером оказалась посвящена не вопросам дележа Индийского океана, черноморских проливов, Египта, Ирана и Гибралтара, а маленькой, но так сильно раздражающей Москву Финляндии. Беседа эта происходила в стиле «диалога двух глухих». С монотонностью заевшей грампластинки Молотов раз за разом повторял два тезиса: Финляндия входит в советскую «сферу интересов», и поэтому СССР вправе безотлагательно приступить к «разрешению финской проблемы». Гитлер, все более и более раздражаясь, отвечал, что немецких войск в Финляндии нет, транзит

скоро закончится, но новой войны в районе Балтийского моря Германия не потерпит. Один из «витков» этой нудной перебранки выглядел так:

*«... Молотов продолжает, что в отношении Финляндии он считает, что выяснить этот вопрос является его первой обязанностью; для этого не требуется нового соглашения, а следует лишь придерживаться того, что было установлено, т.е. что Финляндия должна быть областью советских интересов. Это имеет особое значение теперь, когда идет война. Советский Союз, хотя и не участвовал в большой войне, **все же воевал против Польши, против Финляндии и был совсем готов, если бы требовалось, к войне за Бессарабию** (здесь и ниже подчеркнуто мной. — М.С.). Если германская точка зрения на этот счет изменилась, то он хотел бы получить ясность в этом вопросе.*

*Гитлер заявляет, что точка зрения Германии на этот вопрос не изменилась, но он только не хочет войны в Балтийском море. Кроме того, Финляндия интересует Германию только как поставщик леса и никеля. Германия не может терпеть там сейчас войны, но считает, что это область интересов России. То же относится и к Румынии, откуда Германия получает нефть; там тоже война недопустима. Если мы перейдем к более важным вопросам, говорит Гитлер, то этот вопрос будет несущественным. Финляндия же не уйдет от Советского Союза. Затем Гитлер интересуется вопросом, **имеет ли Советский Союз намерение вести войну в Финляндии?** Он считает это существенным вопросом.*

*Молотов отвечает, что если **правительство Финляндии откажется от двойственной политики и***

от настраивания масс против СССР, то все пойдет нормально...» [120].

Гитлер не знал русского языка, но достаточно хорошо понимал советский «новояз». Смысл ответа Молотова он прекрасно понял, после чего попытался было напугать Молотова сложностями новой финской войны.

«... Гитлер говорит, что следует учесть те обстоятельства, которые, возможно, не имели бы места в других районах. Можно иметь военные возможности, но условия местности таковы, что война не будет быстро окончена. Если будет продолжительное сопротивление, то это может оказать содействие созданию опорных английских баз. Тогда Германии самой придется вмешаться в это дело, что для нее нежелательно. Он бы так не говорил, если бы Россия действительно имела повод обижаться на Германию. После окончания войны Россия может получить все, что она желает...

Молотов делает замечание, что не всегда слова соответствуют делам. В интересах обеих стран, чтобы был мир в Балтийском море, и если вопрос о Финляндии будет решен в соответствии с прошлогодним соглашением, то все пойдет очень хорошо и нормально. Если же допустить оговорку об отложении этого вопроса до окончания войны, это будет означать нарушение или изменение прошлогоднего соглашения...

Гитлер утверждает, что это не будет нарушением договора, т.к. Германия лишь не хочет войны в Балтийском море. Если там будет война, то этим будут усложнены и затруднены отношения между Германией и Советским Союзом, а также затруднена дальнейшая большая совместная работа...

Молотов считает, что речь не идет о войне в Балтийском море, а о финском вопросе, который должен быть решен на основе прошлогодне госоглашения.

Гитлер делает замечание, что в этом соглашении было установлено, что Финляндия относится к сфере интересов России.

Молотов спрашивает: „В таком же положении, как, например, Эстония и Бессарабия?“ (120, стр. 380).

В немецком варианте протокольной записи беседы этот момент зафиксирован так: Молотов ответил, что дело не в вопросе о войне на Балтике, а в разрешении финской проблемы в рамках соглашения прошлого года. Отвечая на вопрос фюрера, он заявил, что **представляет себе урегулирование в тех же рамках, что и в Бессарабии и в соседних странах** (подчеркнуто мной. — М.С.)» [70].

Примечательно, что ни Гитлер, ни Молотов даже **не сочли нужным упомянуть Мирный договор между СССР и Финляндией**, заключенный 12 марта 1940 г. Хотя что же тут удивительного? Авторитетные паханы собрались для конкретного базара, о никчемных бумажках, подписанных с лохами, говорить при таких встречах на высшем уровне как-то не принято...

Во втором часу ночи 14 ноября 1940 г. в Москву ушла следующая телефонограмма: «Сталину. Сегодня, 13 ноября, состоялась беседа с Гитлером три с половиной часа и после обеда, сверх программных бесед, трехчасовая беседа с Риббентропом... Обе беседы не дали желательных результатов. Главное **время с Гитлером ушло на финский вопрос** (подчеркнуто мной. — М.С.). Гитлер заявил, что подтверждает прошлогоднее соглашение, но Германия заявляет, что

она заинтересована в сохранении мира на Балтийском море. Мое указание, что в прошлом году никаких оговорок не делалось по этому вопросу, не опровергалось, но и не имело влияния... Таковы основные итоги. Похвастаться нечем, но по крайней мере выявил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться» [120].

О том, как именно в Кремле решили «считаться с мнением Гитлера», свидетельствуют те два документа от 25 ноября 1940 г., о которых шла речь выше. В обмен на военную базу на Дарданеллах, «договор о взаимопомощи» с Болгарией и признание региона Персидского залива «центром территориальных устремлений СССР» Москва обещала *«обеспечить мирные отношения с Финляндией»*. В тот же день, 25 ноября, командование Ленинградского военного округа получило директиву наркома обороны СССР с приказом начать разработку оперативного плана военной операции, имеющей целью разгром финской армии и полную оккупацию страны «на 45-й день операции», причем разработку плана следовало завершить ко вполне определенному сроку — к 15 февраля 1941 года.

Глава 2.6

ПОСЛЕДНИЕ МИРНЫЕ МЕСЯЦЫ

Содержание многочасовых изнурительных бесед Молотова в Берлине можно кратко и точно выразить в пяти словах: кто не успел, тот опоздал. То, что Сталин успел с сентября 39-го по сентябрь 40-го года прибрать к своим рукам в Восточной Европе, то за ним и осталось. Ни на какие новые продвижения СССР на запад

(юго-запад, северо-запад) Гитлер согласия не дал. Невзирая на текст секретного Протокола от 23 августа 1939 г. и на любые возможные толкования этого текста. С этого момента (с ноября 1940 г.) советско-финляндские взаимоотношения оказались настолько плотно включены в общий контекст большой европейской политики, что их изолированное изучение и описание становится уже невозможным.

Принято считать, что на советские предложения от 25 ноября 1940 г. (об условиях присоединения СССР к «оси Рим-Берлин-Токио») ответа не последовало. Это не совсем так, а точнее говоря — совсем не так. Первым по счету «ответом» было оглушительное молчание Берлина, фактически отказавшегося даже начать обсуждение этих условий. Стоит отметить, что 17 января 1941 г. Молотов счел возможным выразить послу Шуленбургу свое «дипломатическое недоумение» отсутствием какой-либо реакции Берлина на советские предложения, но и это ничего не изменило. Вторым, несравненно более весомым «ответом» стало официальное присоединение Болгарии к «оси» (1 марта 1941 г.) и ввод германских войск на ее территорию. Это произошло, несмотря на неоднократные заявления правительства СССР о том, что *«оно будет считать появление каких-либо иностранных войск на территории Болгарии или в Проливах нарушением интересов безопасности СССР»* [70]. В тот же день, 1 марта 1941 г., Молотов вручил Шуленбургу ноту следующего содержания:

«1. Очень жаль, что, несмотря на предупреждение со стороны Советского правительства в его демарше от 25 ноября 1940 года, Германское правительство сочло

возможным стать на путь нарушения интересов безопасности СССР и решило занять войсками Болгарию.

2. Ввиду того, что Советское правительство остается на базе его демарша от 25 ноября. Германское правительство должно понять, что оно не может рассчитывать на поддержку его действий в Болгарии со стороны СССР» [120].

Смысл и интонация, как видим, совершенно новые — а ведь еще менее года назад каждый новый шаг гитлеровской агрессии встречался в Москве пожеланиями *«полной победы Германии в ее оборонительных мероприятиях...»*

Кульминацией советско-германского противостояния на Балканах стали первые дни апреля 1941 г.

Кратко напомним основную канву событий- После того, как Болгария под нажимом Берлина присоединилась к «оси», наступила очередь Югославии, правительство которой 25 марта подписало в Вене протокол о присоединении к Тройственному союзу. Однако уже в ночь с 26 на 27 марта в Белграде произошел военный переворот. Новое правительство генерала Симовича заявило о своем намерении дать твердый отпор германским притязаниям и обратилось с просьбой о помощи к Советскому Союзу. 3 апреля (т.е. всего через неделю после переворота) югославская делегация уже вела в Москве переговоры о заключении договора о дружбе и имела встречу с самим Сталиным. Несмотря на то, что Германия через посла Шуленбурга довела до сведения Молотова свое мнение о том, что *«момент для заключения договора с Югославией выбран неудачно и вызывает нежелательное впечатление»*, в

2.30 ночи 6 апреля 1941 г. советско-югославский договор был подписан.

Статья 2 Договора гласила: *«В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, другая Договаривающаяся Сторона обязуется соблюдать политику дружественных отношений к ней»* [121]. Более того, до сведения югославской делегации было доведено мнение правительства СССР о том, что *«мы не против того, чтобы Югославия сблизилась с Англией и со всеми теми государствами, которые могут Югославии оказать помощь, мы вовсе не исключаем и того, что Югославия заключит соглашение с Англией. Мы считали бы это даже целесообразным»* [121].

Через несколько часов после подписания договора самолеты люфтваффе подвергли ожесточенной бомбардировке Белград, и немецкие войска вторглись на территорию Югославии. Советский Союз ограничил обещанную «политику дружественных отношений» с Югославией тем, что 6 апреля, в 16 часов по московскому времени, Молотов принял Шуленбурга и, выслушав официальное сообщение о вторжении вермахта в Югославию, **ограничился меланхолическим замечанием:** «Крайне печально, что, несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным». *Оказалось неизбежным...* И это — все. Обескураженный Шуленбург докладывал в Берлин: «Молотов не воспользовался случаем упомянуть о советско-югославском пакте. Согласно инструкции, я также не поднимал этот вопрос» [70].

Что стояло за этими странными действиями сталинской дипломатии? Зачем было так демонстративно «дразнить» Гитлера, не имея желания (да и практической возможности) оказать Югославии действенную военную помощь?

Зачем было демонстрировать всему миру, что советские обещания «дружественных отношений» стоят еще меньше, нежели пресловутые англо-французские «гарантии»? В любом случае, в Верлине апрельский демарш Москвы восприняли с крайним раздражением. Позднее (22 июня 1941 г.) именно события 5–6 апреля были использованы в германском меморандуме об объявлении войны Советскому Союзу как главное свидетельство враждебной политики, которую Советский Союз проводил в отношении Германии («С заключением советско-югославского договора о дружбе, укрепившего тыл белградских заговорщиков. СССР присоединился к общему англо-югославо-греческому фронту, направленному против Германии... Лишь быстрые германские победы привели к краху англо-русских планов выступления против германских войск в Румынии и Болгарии») [70].

В последнем пункте немцы глубоко заблуждались: никаких совместных «англо-русских планов» и уж тем более «англо-русских фронтов» не было и в помине. Удивительно, но факт: **ни малейшей попытки улучшить свои взаимоотношения с реальными противниками Гитлера товарищ Сталин не предпринял.** Хотя, по здравой логике, именно с этого и надо было бы начинать Большой Поворот во внешней политике СССР. Более того, жесткость (если не сказать, хамская спесь) по отношению к воюющей Британии и ее заокеанскому союзнику только нарастала. Подробный

анализ этой составляющей событий первой половины 1941 г. далеко выходит за рамки данной книги. Не пытаясь объять необъятное, приведем, тем не менее, несколько достаточно красноречивых эпизодов.

После того, как в мае 1940 г. У. Черчилль возглавил английское правительство, он сменил британского посла в СССР и отправил в Москву Стаффорда Криппса — самого «левого», лояльно настроенного по отношению к Советской России человека, который только был в его «команде» (*«единственный раз, когда меня освистали в парламенте, это было мое выступление в пользу Советского Союза»*, — говорил Криппс Вышинскому). 1 июля 1940 г. Криппс смог добиться встречи со Сталиным (редкая честь по тем временам — так, например, посол США Штейнгардт ни разу не был принят Сталиным) и передал ему личное послание Черчилля. В том документе, в частности, было сказано: *«...В настоящий момент перед всей Европой, включая обе наши страны, встает проблема того, как государства и народы Европы будут реагировать на перспективу установления Германией гегемонии над континентом... Советское правительство само в состоянии судить о том, угрожает ли интересам Советского Союза нынешнее стремление Германии к гегемонии над Европой и, если так, то каким образом можно лучше всего обеспечить эти интересы...»* [120].

Изложив позицию правительства Ее Величества, С. Криппс услышал в ответ следующее: *«...тов. Сталин говорит, что мы хотим изменить старое равновесие Европе, которое действовало против СССР... Тов.Сталин замечает, что если идет вопрос о восстановлении равновесия и, в частности, установлении равновесия в*

отношении СССР, то мы должны сказать, что согласиться на это не можем..

... Что касается субъективных данных о пожеланиях господства в Европе, то тов. Сталин считает долгом заявить, что при всех встречах, которые он имел с германскими представителями, он такого желания со стороны Германии — господствовать во всем мире — не замечал...» [120].

В дальнейшем (в значительной степени — в связи с аннексией Прибалтийских государств) охлаждение советско-британских отношений дошло до того, что Криппс по несколько месяцев безуспешно пытался добиться встречи с наркомом иностранных дел СССР Молотовым. Убедившись в тщетности этих попыток, Криппс (надо полагать, по указанию из Лондона) 18 апреля 1941 г. встретился с заместителем наркома иностранных дел СССР Вышинским, которому и передал свое заявление Молотову в письменном виде. В записке Криппса было, в частности, сказано:

*«...С той поры, что я имел удовольствие беседовать с Вашим Превосходительством, прошло время, чреватое событиями... Что же касается отношений между нашими двумя странами, то в них не последовало перемены. Великобританское правительство все еще видит себя вынужденным **рассматривать Советский Союз в качестве главного источника снабжения Германии** как по причине товаров, непосредственно вывозимых, так и что касается товаров, провозимых через Советский Союз в Германию с Дальнего Востока в количестве, примерно, одной тысячи тонн в сутки...*

У меня нет мысли задать Вашему Превосходительству вопрос о намерениях Советского

правительства, ибо я вполне сознаю, с какими трудностям мог бы быть связан ответ на вопрос такого рода. Но у меня есть желание спросить, в свете изложенных выше соображений, заинтересовано ли ныне Советское правительство в проведении в жизнь **немедленного улучшения его политических и экономических отношений** с Великобританским правительством, или же, наоборот, Советское правительство удовлетворится тем, чтобы эти отношения **сохранили свой теперешний, вполне отрицательный, характер вплоть до окончания войны**(здесь и выше подчеркнуто мной. — М.С.). Если ответ на первую часть вопроса является удовлетворительным, то, по моему мнению, не следует терять времени с тем, чтобы такое улучшение послужило на пользу той или другой стороне...» [121].

Ответ на эти вопросы представлялся Вышинскому настолько очевидным, что он решил отойти от своей обычной дипломатической сдержанности и немедленно высказал свое собственное мнение: «...Записку, поскольку о ней можно судить по первому чтению, я не считаю серьезной, и для ее обсуждения нет подходящих у нас с Английским правительством отношений, как я уже объясняя Криппсу в беседе с ним 22 марта по аналогичному поводу. Более того, в записке содержатся даже совершенно неприемлемые для нас места... По вопросу о неприкосновенности и безопасности СССР я сказал Криппсу, что **об этом позаботится сам СССР, без помощи советчиков** (подчеркнуто мной. — М.С.)... Я отклонил попытки Криппса оспаривать наше право торговать с Германией и с любым другим государством, заявив, что это наше дело и только наше...» [121].

5 июня 1941 г. посол Криппс отбыл из Москвы «для консультации со своим правительством». В результате на пороге начала советско-германской войны Великобританию в СССР представлял всего лишь временный поверенный в делах, секретарь английского посольства Ваггалея. Его первая встреча с Вышинским (Молотов, вероятно, не считал возможным опускаться до общения с секретарем посольства) состоялась 16 июня 1941 г., за неделю до начала войны. Главным предметом обсуждения стало знаменитое Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г., в котором слухи о скором начале советско-германской войны были объявлены «неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил», причем в первых строках Сообщения усиленное распространение этих заведомо лживых слухов почему-то связывалось с именем Стаффорда Криппса.

«...По просьбе Баггалея я принял его в 17 час. 10 минут. Баггалея заявил, что он пришел ко мне как заместителю народного комиссара с первым визитом... Далее Баггалея заявил, что в Сообщении ТАСС (как он представляет) имеется два основных положения: во-первых, в сообщении указывается, что между СССР и Германией никаких переговоров не было и, во-вторых, что нет никаких оснований для выражения беспокойства в связи с передвижениями германских войск.

На мой вопрос, кого Баггалея имеет в виду, говоря о выражении беспокойства, Баггалея ответил — СССР.

*На это я ответил Баггалею, что, как видно из Сообщения ТАСС, **для СССР нет никаких оснований проявлять какое-либо беспокойство. Беспокоиться могут другие** (подчеркнуто мной. — М.С.)» [121].*

Еще менее в Москве церемонились со своим будущим главным союзником.

«На наших отношениях с Соединенными Штатами Америки я останавливаться не буду, хотя бы уже потому, что о них нельзя сказать ничего хорошего. (Смех.) Нам стало известно, что кое-кому в Соединенных Штатах не нравятся успехи советской внешней политики в Прибалтах (так в тексте. — М.С). Но, признаться, нас мало интересует это обстоятельство (Смех, аплодисменты.), поскольку со своими задачами мы справляемся и без помощи этих недовольных господ. (Смех, аплодисменты.)» [70].

Так весело было народным избранникам, депутатам Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г., когда они «заслушали и утвердили» доклад главы правительства Молотова о внешней политике СССР. С послом же США в Москве обращались сурово, без шуток. Так, 5 июня 1941 г. (в тот самый день, когда Криппс, несолоно хлебавши, покинул Москву) замнаркома иностранных дел товарищ Лозовский «отчитал» (именно такой термин использует он в своем отчете) американского посла Штейнгардта по полной программе:

«...Правительство США конфисковало золото, принадлежащее Государственному банку СССР (этим термином т. Лозовский обозначил золотовалютные резервы прибалтийских государств, которые хранились в американских банках), наложило арест на пароходы Прибалтийских республик и не только не ликвидировало миссии и консульства Литвы, Латвии и Эстонии, на признает этих марионеточных посланников и консулов в качестве представителей несуществующих правительств...

*После того, как я „отчитал“ Штейнгардта, он стал жаловаться на то, что его не приглашают обсуждать вопросы, касающиеся отношений между обеими сторонами, и этим частично объясняется создавшееся положение. **Он ни разу не говорил с тов. Сталиным** (подчеркнуто мной. — М.С.), а с т. Молотовым говорил два-три раза и только по незначительным вопросам... По мнению Штейнгардта, в ближайшие 12 месяцев, а некоторые считают, в ближайшие 2–3 недели, Советский Союз будет переживать величайший кризис. Его удивляет, что в такое тяжелое время Советский Союз не хочет укрепить своих отношения с Соединенными Штатами...*

На это я ответил, что Советский Союз относится очень спокойно ко всякого рода слухам о нападении на его границы. Советский Союз встретит во всеоружии всякого, кто попытается нарушить его границы. Если бы нашлись такие люди, которые попытались бы это сделать, то день нападения на Советский Союз был бы самым несчастным в истории напавшей на СССР страны...» [121].

Взаимоотношения СССР с Британией и США сохранили свой «вполне отрицательный характер» вплоть до первых дней советско-германской войны. И это очень странно, учитывая, что Большой Поворот в стратегических планах Сталина произошел не после 22 июня 1941 г, а месяца за два до этого «самого несчастного дня» в истории СССР.

Точную дату «поворота» назвать невозможно, да ее, разумеется, и не было. Переоценка ситуации и выработка нового плана действий не произошли в один день. Тем не менее, в качестве некой, достаточно условной,

временной отметки можно назвать 13 апреля 1941 г. В этот день произошло крупное событие мирового значения (в Москве был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией — соглашение, которое развязало Сталину руки для действий на Западе), а также произошел небольшой эпизод на московском вокзале, привлечший, однако, к себе пристальное внимание политиков и дипломатов. В отчете, который посол Германии в тот же день с пометкой «Срочно! Секретно!» отправил в Берлин, этот странный эпизод был описан так: *«...Явно неожиданно как для японцев, так и для русских вдруг появились Сталин и Молотов и в подчеркнуто дружеской манере приветствовали Мацуоку и японцев, которые там присутствовали, и пожелали им приятного путешествия. Затем Сталин громко спросил обо мне и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: „Мы должны остаться друзьями, и вы должны теперь всё для этого сделать!“ Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности немецкого военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: „Мы останемся друзьями с Вами в любом случае“. Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлек всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей там» [70].*

Демонстративные объятия были вскоре дополнены и другими, столь же демонстративными действиями. В Москве были закрыты посольства и дипломатические представительства стран, разгромленных и оккупированных вермахтом. Не стало исключением и посольство той самой Югославии, на договоре о дружбе с которой, как говорится, «еще не успели просохнуть чернила». В мае 1941 г. Советский Союз с услужливой

готовностью признал прогерманское правительство Ирака, пришедшее к власти путем военного переворота. В самом благожелательном по отношению к Германии духе решались и вопросы экономического сотрудничества. В меморандуме МИДа Германии от 15 мая 1941 г. отмечалось: *«Переговоры с первым заместителем Народного комиссара внешней торговли СССР были проведены Крутиковым в весьма конструктивном духе... У меня создается впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования, даже выходящие за рамки договора от 10 января 1941 года... В данное время объем сырья, обусловленный договором, доставляется русскими пунктуально, несмотря на то, что это стоит им больших усилий; договоры, особенно в отношении зерна, выполняются замечательно...»* [70].

5 мая 1941 г. Сталин неожиданно для всех назначил себя главой правительства (Председателем СНК СССР).

Вряд ли надо объяснять, что и до 5 мая товарищ Сталин, будучи всего лишь одним из многих депутатов Верховного Совета СССР, обладал абсолютной полнотой власти. И до 5 мая 1941 г. товарищ Молотов, являясь номинальным главой правительства, согласовывал любой свой шаг, любое решение, любое внешнеполитическое заявление с волей Сталина. Долгие годы Сталин управлял страной, не испытывая никакой потребности в формальном оформлении своего реального статуса единоличного диктатора. И если 5 мая 1941 г. такое странное действие было все же совершено, то этому трудно найти какое-либо объяснение, кроме нескромного желания Сталина оставить свою (а не товарища

Молотова) подписать на приказах и документах, которые навсегда изменят ход мировой истории.

Престарелый граф Шуленбург был совершенно очарован внезапно расцветшей советско-германской дружбой (к слову говоря, в 1944 г. бывший посол Германии в СССР был казнен за участие в заговоре против Гитлера, так что его «наивная доверчивость» могла быть и не столь наивной, как кажется). 24 мая 1941 г. в очередном донесении в Берлин он пишет: «То, что внешняя политика СССР прежде всего направлена на предотвращение столкновения с Германией, доказывается позицией, занятой советским правительством **в последние недели** (подчеркнуто мной. — М.С.), тоном советской прессы, которая рассматривает все события, касающиеся Германии, в не вызывающей возражений форме, и соблюдением экономических соглашений...» [70].

Гитлер, к несчастью, не был столь доверчив. Неожиданно развившуюся лояльность Москвы он соотнес с поступающей по разведывательным каналам информацией о стратегическом развертывании Красной Армии и оценил ситуацию вполне адекватно. Начатая в декабре 1940 г. подготовка к вторжению в СССР вышла весной 1941 г. на финишную прямую. 30 апреля 1941 г. Гитлер установил день начала операции «Барбаросса» (22 июня) и дату перехода железных дорог на график максимальных военных перевозок (23 мая). 8 июня задачи по плану вторжения были доведены до командующих армиями, 10 июня им сообщили дату начала операции. Вечером 21 июня в письме к Муссолини Гитлер обрисовал свое решение в таких словах: «В этих

условиях я решил положить конец лицемерной игре Кремля...» [70].

Таким был общий ход событий большой политики, на фоне которой развивались взаимоотношения (точнее говоря, обострялся конфликт) между СССР и Финляндией. Правдоподобная и аргументированная реконструкция мотивов и действий советского руководства в первой половине 1941 г. едва ли возможна в условиях существующей по сей день закрытости информации. Еще раз напомним читателю, что практически весь массив документов частей, соединений, военных округов и высшего командования РККА за первое полугодие (до 22 июня) 1941 г. выведен за рамки доступных независимым исследователям архивных фондов РГВА и ЦАМО. Что же касается рассекреченных в начале 21-го века «Особых папок» протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) и документов Комитета обороны (КО) при СНК СССР, то их изучение заставляет предположить, что эти высшие органы государственного управления занимались главным образом снабженческо-сбытовыми и производственными вопросами. Судя по рассекреченным материалам, трудно поверить в то, что Политбюро ЦК и Комитет обороны имели некоторое отношение и к принятию важнейших военно-политических решений. Характерный пример. «Особые папки» заседаний Политбюро ЦК за июнь 1940 г. (РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 27, 28) содержат одно-единственное упоминание о состоявшейся в этом месяце оккупации трех стран Прибалтики, а именно — 19 июня принято решение об отпуске войскам, выполняющим «особые задачи», дополнительного количества спичек, махорки и курительной бумаги [144].

Изложение содержания этого «особого задания» не доверено даже совершенно секретным «Особым папкам».

Разумеется, «и на старуху бывает проруха». Все спрятать не удалось. Советская бюрократическая машина производила, размножала и рассылала тысячам адресатов такие гигантские горы документов, что сплошное изъятие и уничтожение улик оказалось этой машине не под силу. Что-то уцелело, какие-то стертые следы важнейших решений обнаруживаются порой в самых неожиданных, «непрофильных» фондах. В полной мере все вышесказанное относится и к «финляндской составляющей» военно-политических планов сталинского руководства. Даже не пытаясь составить из крайне недостаточного числа «фрагментов мозаики» связную картину событий, приведем некоторые, ставшие доступными, документы и факты, дополнив их информацией, почерпнутой из работ отечественных и зарубежных историков.

27 ноября 1940 г. (т.е. всего через два дня после злополучной даты 25 ноября) президент Финляндии К. Каллио подал прошение в Государственный совет о своей добровольной отставке. Этому предшествовали события, казалось бы, более уместные в мистическом триллере, нежели в реальной действительности. Накануне заключения Московского договора от 12 марта 1940 г. президент Каллио, подписывая полномочия финской делегации на заключение соглашения на грабительских сталинских условиях, произнес в запальчивости роковую фразу: «Пусть отсохнет рука, подписавшая такой документ». В августе 1940 г. Каллио тяжело заболел, у него произошел инсульт, после которого отнялась правая рука, в дальнейшем здоровье его непрерывно ухудшалось, и накануне Рождества Каллио

скоропостижно скончался на перроне вокзала Хельсинки от повторного инсульта [25].

После отставки Каллио внеочередные президентские выборы в Финляндии были назначены на 19 декабря 1940 г.

Разумеется, это не могло пройти мимо внимания советского руководства. Фактическим источником информации о произошедших в Москве беседах являются мемуары Ю.К. Паасикиви (в то время — посла в СССР, а в 1946–1956 гг. — президента Финляндии). Но мы приведем краткий их пересказ в изложении ведущего российского специалиста по истории советско-финляндских взаимоотношений, достойно продолжающего славные традиции советской историографии: *«За две недели до проведения выборов, 6 декабря 1940 г., Паасикиви был приглашен к Молотову. В ходе произошедшей беседы нарком заявил: „Мы не хотим вмешиваться в ваши дела, и **мы не делаем никакого намека по поводу кандидатуры нового президента Финляндии, но внимательно следим за подготовкой этих выборов. Желает ли Финляндия мира с Советским Союзом, будет понятно по тому, кого изберут президентом**“.* Далее Молотов **твердо заявил, что СССР категорически возражает против таких кандидатур**, как Таннер, Маннергейм или Свинхувуд... Таким образом, советское руководство ясно выразило (здесь и выше подчеркнуто мной. — М.С.) свою позицию.

Более того, как отмечено в мемуарах Паасикиви, на одной из последующих бесед в неофициальном порядке в момент, когда уже финский посланник покидал кабинет, Молотов ему в заключение неожиданно сказал: „Мы рады

здесь Вас видеть, но с удовольствием приветствовали бы Вас также и в качестве финляндского президента"...

Видимо, пожелание, чтобы Паасикиви стал президентом Финляндии в 1940 году, свидетельствовало о том, что в Москве еще продолжали надеяться на возможность скоординировать внешнеполитическую линию Финляндии.

Тем не менее, в Хельсинки сочли, что наиболее удобным в качестве президента Финляндии был Рюти» [155].

В последнем замечании российский профессор, несомненно, допустил ошибку. Голосование в ходе выборов президента происходило не только в Хельсинки, но и во всех городах, городках и деревнях Финляндии. Но, надо полагать, гипотеза о том, что итоги выборов могут определяться не аппаратными интригами в столице, а народным волеизъявлением, все еще представляется российскому обществоведы совершенно ирреальной. Что же касается использованного выше глагола «скоординировать», то это, хочу надеяться, всего лишь опечатка. Скоординировать можно что-то с чем-то, Сталин же в лице Молотова хотел «скорректировать», т.е. подправить внешнеполитическую линию Финляндии в «наиболее удобном» для него направлении. Но на этот раз попытка грубого вмешательства во внутренние дела суверенной страны провалилась, и президентом был избран Ристо Рюти, ранее достойно исполнявший обязанности премьер-министра в тяжелейший для Финляндии период «зимней войны» и последовавшие за ней месяцы «холодного мира» (Рюти занял пост главы правительства на второй день войны, 1 декабря 1939 г.).

В начале 1941 г. с новой силой разгорелся конфликт вокруг никеля Петсамо. Москва требовала передачи рудников совместному предприятию, в котором 50% акций принадлежало бы советской стороне. Финляндия отказалась. Советское руководство попыталось «скорректировать» позицию Хельсинки методами экономического давления, совмещенного с политическим шантажом. СССР в одностороннем порядке денонсировал торговое соглашение, заключенное летом 1940 г., и прекратил поставки товаров, в том числе — зерна.

Достаточно одного взгляда на географическую карту, чтобы оценить возможные последствия такого шага. Финляндия — богатая страна. Там много леса, целлюлозы, того же никеля. Люди, однако, не могут питаться бумагой и нержавеющей сталью. Даже при хорошем собственном урожае Финляндия вынуждена была ввозить порядка 20 тыс. тонн зерна в месяц, не говоря уже о бензине, каменном угле, каучуке, текстиле и иных видах промышленного сырья. После оккупации Норвегии и установления фактического господства германского флота в Балтийском море транспортные коммуникации Финляндии с Европой и США были почти полностью разорваны. Теоретически, правда, оставался незамерзающий порт в Петсамо, но отсутствие железнодорожной ветки, связывающей Петсамо с сетью железных дорог центральной и южной Финляндии, сводило до минимума роль заполярного «окна в мир» даже в мирное время. В условиях же ожесточенной войны, которая разворачивалась в 1941 году на морских коммуникациях (в том числе и в акватории Северного моря), желающих привести грузовое судно в Петсамо становилось все меньше и меньше.

Удивления достойно то упорство, с которым Сталин, Молотов и К° пытались «прижать Финляндию к стенке», **не понимая и не замечая при этом, что в «стенке» есть «дверь», в которую они и выталкивали Финляндию.** Эта «дверь» вела ко все более и более тесному сотрудничеству социал-демократической страны с гитлеровским Третьим рейхом. Лучшего подарка Гитлеру, чем приостановка поставок зерна в Финляндию из СССР, трудно было и придумать. В создавшейся в начале 1941 года ситуации Германия немедленно «подставила плечо» очутившейся на пороге голода Финляндии. По оценке Маннергейма, уже весной 1941 г. *«90 процентов всего импорте страны шло из Германии»* [22]. Надо ли доказывать, что такая степень экономической зависимости де-факто лишала Финляндию статуса суверенного и нейтрального государства. Впрочем, именно в этом — в ликвидации финляндского суверенитета — и состояла неизменная цель сталинской политики, правда, в силу крайней некомпетентности и недалёковидности (по-русски можно сказать короче и проще — глупости) кремлевских правителей Финляндия превращалась при этом отнюдь не в «братскую советскую Карело-Финляндию», а в протекторат Германии...

Попытка организации торговой блокады была дополнена политическим давлением. 18 января Москва отозвала своего посла из Хельсинки. На «дипломатическом языке» отзыв посла означает последний шаг перед разрывом дипотношений и предпоследний — перед началом войны. По крайней мере, именно так оценивал ситуацию Паасикиви (*«Советский Союз не преминет использовать против нас силу, если проблемы не будут решены»*). Аналогичное

мнение высказал в своих мемуарах и генерал-лейтенант (зимой 1941 года — полковник, начальник штаба 14-й армии) Л.С. Свирский. Он вспоминает, что, узнав о ведущихся с Финляндией переговорах, был очень удивлен: «Зачем покупать, если скоро начнется война и мы возвратим себе Петсамо?» [148].

23 января 1941 г. в доме Маннергейма состоялось совещание высшего руководства страны (присутствовали президент Рюти, премьер-министр Рангель, начальник Генштаба Хейнрихс). Маннергейм, ссылаясь на данные разведки о **начавшейся концентрации советских войск у границы Финляндии**, предложил немедленно начать по меньшей мере частичную мобилизацию. Отсутствие информации о планах и оперативных перегруппировках войск Ленинградского ВО в январе — феврале 1941 г. не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть обоснованность опасений Маннергейма. Как бы то ни было, решение о начале мобилизации не было тогда принято. С другой стороны, вконец растерявшийся Пвасикиви предложил отдать Сталину — от греха подальше — весь район никелевых рудников [26]. Узнав о том, что правительство обсуждает такие способы «замирения» восточного соседа. Маннергейм 10 февраля 1941 г. заявил президенту о своем намерении уйти в отставку с поста главнокомандующего в случае, если капитулянтская политика будет проводиться в жизнь. В Финляндии разразился острый внутривнутриполитический кризис. 20 февраля Паасикиви подал в отставку и был отозван из Москвы на родину. Таким образом, дипломатические отношения Финляндии и СССР с конца февраля до середины апреля 1941 г. оказались фактически прерванными.

Жесткая позиция маршала Маннергейма (который в октябре 1939 г., напротив, самым настойчивым образом советовал политикам договориться со Сталиным, не доводя дело до вооруженного конфликта) объяснялась не только трагическим опытом «зимней войны». По утверждению М. Йокипии, по нескольким секретным каналам немцы довели до сведения Маннергейма информацию о ходе ноябрьских переговоров Молотова в Берлине [26]. Зная о позиции Германии, Маннергейм предположил, что Советский Союз не пойдет на риск предельного обострения отношений с Гитлером из-за вопроса о рудниках Петсамо. Отсутствие достоверной информации опять же не позволяет нам ответить на вопрос о том, была ли неуступчивость, проявленная Финляндией, причиной мирного разрешения «никелевого кризиса», или же Сталин и не планировал идти зимой 1941 г. дальше блефа и «войны нервов».

Весна 1941 г. началась без внешних признаков конфликта. В штабах и войсках продолжалась рутинная подготовка к войне с Финляндией. В фонде разведотдела 5-й авиадивизии (штаб в г. Выборг) обнаруживаются такие документы:

«Начальнику штаба 5-й АД, г. Выборг, 27.02.41.

При этом препровождаю карты территории Финляндии с картографически впечатанными укреплениями по данным РО (разведывательного отдела — М.С.) штаба ЛВО на 1.12.40 г.» [149]. Далее в тексте — перечень из 30 карт.

«Начальнику штаба 5-й АД, г. Выборг. 28.02.41.

При этом направляю разведывательный материал „Краткая справка по театру и вооруженным силам Финляндии“, экз. №6, издание РО штаба ЛВО». На

письме резолюция: *«Майору Грибовскому. Проработать и доложить выводы»* [50].

«Начальнику штаба 123 сд, 43 сд, 5 САД, 24 КАП, 16.05.41.

При этом направляю материал — доклад о вооруженных силах Финляндии для использования его в практической работе по изучению вероятного противника. Начальник 2-го отдела штаба 50 СК капитан Кованцев» [151].

«Начальнику штаба 5-й АД, г. Выборг. 16.05.41.

При этом направляю фотоснимки города и аэродрома Лаппеенранта» [152].

По утверждению финского историка К. Геуста, *«за первую половину 1941 г. финская пограничная охрана зарегистрировала 85 пролётов советских самолетов над своей территорией»* [145]. Принимая во внимание огромную протяженность границы и полное отсутствие радиолокаторов в системе финской ПВО, можно предположить, что общее число разведывательных полетов советской авиации над территорией Финляндии было еще большим...

В штабах Красной Армии продолжалась отработка каких-то планов. И хотя их содержание нам неизвестно, некоторые выводы можно сделать на основании опубликованного во второй половине 90-х годов *«Контрольного плана проведения сборов высшего начсостава, игр, полевых поездок и учений в округах в 1941 г.»* (ЦАМО, ф. 16. оп. 2951, д. 242, л. 134-151) [121]. Документ был утвержден начальником Оперативного управления Генштаба генерал-лейтенантом Маландиным 4 апреля 1941 г. Внимательное изучение этого

многостраничного документа позволяет выявить несколько «групп» одновременно проводимых мероприятий, содержание которых вполне коррелирует с известными по другим источникам совещаниями высшего командования Красной Армии.

Прежде всего следует отметить такое важнейшее мероприятие, как «оперативно-стратегические игра, проводимая Генштабом». План 4 апреля 1941 г. совершенно четко фиксирует намерение провести три такие игры:

- с командованием Дальневосточного фронта. Забайкальского и Сибирского округов в период с 1 по 15 апреля 1941 г.;

- с командованием Ленинградского и Архангельского округов в период с 1 по 15 мая 1941 г.;

- с командованием Киевского и Одесского округов в период с 1 по 15 июля 1941 г.

Стоит отметить, что сразу же после завершения последней игры, в период с 15 по 30 июля планировалось проведение под руководством Главного управления ВВС «межокружных учений ВВС» Киевского, Одесского и Харьковского военных округов. Примечательно, что ни Западный, ни Прибалтийский особые военные округа к участию в оперативно-стратегических играх не привлекались, а ВВС Западного ОВО должны были с 1 по 15 августа участвовать в межокружных учениях совместно с ВВС Московского ВО и ПВО г. Москвы. Едва ли все это можно интерпретировать как-то иначе, нежели окончательный отказ от «северного варианта» общего оперативного плана (нанесение главного удара в Восточной Пруссии и северной Польше) и углубленную

отработку «южного варианта» (с нанесением главного удара в южной Польше, Словакии и Румынии).

Возвращаясь к «финляндскому направлению», мы обнаруживаем, что в период с 1 по 15 марта 1941 г. в Ленинградском округе планировалось проведение «смотровой полевой поездки». В те же самые сроки (1–15 марта) в Орловском ВО планировалось «участие в смотровой полевой поездке Ленинградского ВО», а в Уральском ВО — «участие в смотровой полевой поездке», правда, неизвестно с кем. Однако анализ всего текста «Контрольного плана» показывает, что в указанный период полевые поездки проводились только в ЛенВО и АрхВО. Географически Ленинградский, Орловский и Уральский округа не имеют даже общих границ, зато в рамках оперативного плана вторжения в Финляндию («соображения» от 18 сентября 1940 г. и директива от 25 ноября 1940 г.) **они имеют общую задачу**, развернуть четыре армии (7-ю и 23-ю из состава войск Ленинградского округа, 20-ю на базе войск Орловского и 22-ю на базе войск Уральского округов) и наступать в составе Северо-Западного фронта от Выборга и Сортавала на Хельсинки и Миккели.

В составе Северного фронта (в соответствии с «Соображениями» от 18 сентября 1940 г. этот фронт должен был быть развернут на базе управления Архангельского ВО) от Алакуртти на Кеми и Оулу должна была наступать 21-я армия, развертываемая на базе Приволжского поенного округа. И что же? Обращаясь к «Контрольному плану» мы обнаруживаем, что в Приволжском ВО под руководством Генштаба в период с 15 по 30 августа должна была быть проведена

«смотровая фронтовая полевая поездка совместно с Архангельским ВО».

Планы подготовки высшего комсостава настойчиво выполнялись. *«В марте под руководством заместителя наркома обороны генерала К.А. Мерецкова в округе проводилась большая многодневная оперативная игра»,* — пишет в своих воспоминаниях бывший командующий Ленинградским округом М.М. Попов [194]. Полевая поездка с участием штабов Ленинградского, Орловского и Уральского округов также была в действительности проведена Генштабом в период с 13 по 20 марта. Как и следовало ожидать, в ходе поездки отрабатывалась тема *«Наступательная операция зимой»* [34]. О задачах, решаемых в ходе состоявшихся окружных и армейских полевых поездок, можно узнать, даже не обращаясь к секретным архивам. В изданной в 1968 г. официальной истории *«Ордена Ленина Ленинградского военного округа»* читаем: *«Поучительно проходили полевые поездки на Карельском перешейке и Кольском полуострове, в ходе которых **изучался характер современной наступательной операции и боя в условиях лесисто-болотистой местности** (подчеркнуто мной. — М.С.) в масштабе армии, корпуса и дивизии...»* [154].

Начиная с середины апреля, совершенно синхронное демонстративным изменением в советско-германских отношениях. началось неожиданное потепление и на «финском направлении». В Финляндию вернулся, наконец, посол Советского Союза, причем это был уже новый человек: вместо Зотова, который усердно исполнял роль «злого следователя», в Хельсинки прибыл «добрый и покладистый» Орлов. Товарищ Орлов, видимо, так очаровал финских политиков, что даже

много десятилетий спустя профессор М. Йокиппи пишет: *«С приходом нового посла Орлова открылся совершенно новый этап взаимоотношений»*. Больших успехов якобы достиг и работавший под дипломатической «крышей» резидент советской разведки в Финляндии Е.Т. Сеницын. Если верить его собственным мемуарам и опубликованным донесениям советской разведки, в Москве чуть ли не со стенографической точностью получали отчеты о заседаниях правительства Финляндии, а загадочные неназванные «видные политические деятели Финляндии» служили у Сеницына «на посылках», как золотая рыбка у глупой старухи [156, 157]. Увы, события 25 июня 1941 г. показан и почему-то полную неосведомленность советского командования о реальном состоянии и дислокации финских и немецких войск, причем именно эта неосведомленность используется некоторыми современными историками в качестве «уважительной причины», оправдывающей совершенно неадекватные действия Красной Армии... Но к этому вопросу мы еще вернемся позднее.

Одновременно со сменой посла в Хельсинки радиостанция «карело-финляндии» прекратила подстрекательскую радиопропаганду на финском языке. Один из финских коммунистов-перебежчиков (см. главу 2.2) писал по этому поводу. *«Социал-демократы в восхищении и считают это уступкой со стороны Советского Союза, так же, как и замену посла»* [158]. Более того, в апреле 1941 г. советское руководство довело до сведения Хельсинки, что оно уже не возражает против создания оборонительного союза Швеции и Финляндии! [34]. 14 мая в Москву вернулся в качестве посла Финляндии Паасикиви. 30 мая 1941 г Сталин пригласил в Кремль финляндского посланника и заявил

ему дословно следующее: *«Сделаю Вам личную дружескую услугу. Дам 20000 тонн зерна, половину которого Финляндия получит немедленно»*. И это обещание было выполнено — указанное количество зерна до начала войны поступило в Финляндию [46].

Разрозненную мозаику событий последних месяцев мира остается дополнить еще двумя примечательными фрагментами.

В начале июня военную базу в Ханко посетили с инспекцией командующий КБФ вице-адмирал В.Ф. Трибуц и командующий Ленинградским ВО генерал-лейтенант М.М. Попов. 15 июня М.М. Попов подписал доклад, направленный в наркомат обороны СССР, в котором выразил обеспокоенность недостаточной, по его мнению, обороноспособностью базы в Ханко и высказал целый ряд конкретных предложений по укреплению Ханко (развернуть 8-ю стрелковую бригаду в полноценную дивизию, сформировать отдельный артиллерийско-пулеметный и «танкетный» батальоны и т.д.). Заканчивался же доклад следующей фразой: *«Все эти мероприятия необходимо **провести не позднее 1 августа 1941 г.***(подчеркнуто мной. — М.С.)» [159].

Выше, в главе 2.2, были упомянуты отчеты о работе партийных организаций Компартии Финляндии, составленные финскими коммунистами, перешедшими в сентябре 1941 г. линию фронта. Были там приведены и отрывки из доклада товарища Рейно В. Косунена «О работе парторганизаций в Гельсинки и Куопио». Заканчивался же этот доклад следующим самокритичным замечанием:

«Мы, члены партии, не были на уровне международных событий в то время, когда началась

новая война. **За две недели до начала войны** между Германией — Советским Союзом и Финляндией (так в тексте. — М.С.) я получил от руководства партии доклад об оценке положения, т.к. я должен был выехать в партийную командировку в Коркила.

Доклад содержал следующее:

1. *Война продолжается и распространяется. Это не молниеносная война.*

2. *В положении Финляндии **не ожидается изменении до осени** (здесь и выше подчеркнуто мной. — М.С.), таким образом война пока не ожидается.*

Мы, значит, не готовились к войне раньше, чем осенью» [160].

Способность к самокритике украшает человека — но в данном случае товарищ Косунен несправедлив и к себе, и к «руководству партии». Партия эта управлялась не из «Гельсинки», а из другого места. Никаких других оценок возможных сроков начала «новой войны», кроме тех, что поступили из Москвы, финские товарищи выработать не могли (да и не имели права). Так что вина за то, что финские коммунисты **«готовились к войне»**, которая **начнется «не раньше осени»**, лежит не на них...

Глава 2.7

ОЧЕНЬ АКТИВНАЯ ОБОРОНА

24 мая 1941 г. в кабинете Сталина состоялось многочасовое совещание, участниками которого, кроме самого Сталина, были:

- заместитель главы правительства и нарком иностранных дел Молотов;

- нарком обороны Тимошенко;

- начальник Генерального штаба Жуков и его первый заместитель. начальник Оперативного управления Ватутин;

- начальник Главного управления ВВС Красной Армии Жигарев;

- командующие войсками пяти западных приграничных округов (Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского), члены Военных советов (комиссары) и командующие ВВС этих пяти округов.

Откуда мы это знаем? В начале «перестройки», в 1990 году, журнал «Известия ЦК КПСС» имел неосторожность опубликовать многостраничный «Журнал записи лиц, принятых тов. Сталиным», в котором изо дня в день, из года в год записывали всех, кто входил и выходил из кабинета вождя. Благодаря этому «Журналу записи лиц» и стал известен сам факт проведения Совещания 24 мая 1941 года, равно как и то, что других столь же представительных собраний высшего военно-политического руководства СССР не было — **ни за несколько месяцев до 24 мая, ни после этой даты вплоть до начала войны.** Вот, собственно, и весь доступный на сегодняшний день «массив информации».

Ни советская, ни российская официальная историография не проронила ни слова о предмете обсуждения и принятых 24 мая решениях. Ничего не сообщили в своих мемуарах и немногие дожившие до

смерти Сталина участники того Совещания. Рассекреченные уже в начале XXI века Особые Папки протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за май 1941 г. (РГАСПИ, ф.17. оп. 162, д. 34-35) также не содержат даже малейших упоминаний об этом Совещании. И лишь маршал Василевский в своей статье, пролежавшей в архивной тиши без малого 27 лет, вспоминает: *«За несколько недель до нападения на нас фашистской Германии, точной даты, к сожалению, назвать не могу, вся документация по окружным оперативным планам была передана Генштабом командованию и штабам соответствующих военных округов»* [162].

К сожалению, «вся документация» по оперативным планам не рассекречена и по сей день. Хронологически последним из известных документов советского военного планирования являются «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», составленные не ранее 15 мая 1941 г. (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 1–15). Опубликованный 15 лет назад (в 1–2-м номерах «Военно-исторического журнала» за 1992 год), этот документ сразу же оказался в центре ожесточенной дискуссии. Возможно, это было связано с тем, что, не успевшие еще отвыкнуть от традиционных мифов советской пропаганды читатели были шокированы фразой: *«Считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»* [121].

Трудно понять, что тут могло столь сильно «скандализировать публику» — стремление опередить противника и «ни в коем случае не давать ему инициативы действий» является лишь элементарным требованием здравого смысла. Если в майских «Соображениях» и был некоторый элемент новизны, то он был выражен во фразе, предшествующей предложению «упредить противника». А именно: «Германия имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар». Во всех других известных вариантах плана стратегического развертывания Красной Армии подобной по содержанию фразы нет. Это дает основание предположить, что к середине мая 1941 г. советское военное руководство уже отчетливо осознавало, что подготовка Германии к нападению на СССР идет полным ходом. Именно поэтому ставится задача упредить противника, а для этого незамедлительно провести ряд мероприятий, «без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле» [121].

В том же, что касается собственно оперативных планов, планируемой группировки войск, направлений ударов, сроков и рубежей, майские «Соображения» полностью (в ряде случаев — дословно) повторяют все предыдущие, начиная с сентября 1940 г., известные варианты плана стратегического развертывания Красной Армии:

«а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников; б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания Варшавской группировки и содействия Юго-Западному

*фронту в разгроме Люблинской группировки противника; в) вести **активную оборону против Финляндии**(подчеркнуто мной. — М.С.), Восточной Пруссии. Венгрии и Румынии и быть готовыми к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке» [121].*

13 июня 1941 г заместитель начальника Генштаба Красной Армии генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин составил справку «О развертывании Вооруженных Сил СССР на случай войны на Западе» (ЦАМО, ф. 16А, оп. 2951, д. 236. л. 65-69) [121]. «Справка» от 13 июня (а это последний из известных предвоенных документов такого рода) не содержит ни единого упоминания о задачах и планах действий войск. Только цифры, номера армий, станции выгрузки войск, потребное количество вагонов и эшелонов. Однако сравнивая «Справку» июня 1941 г. с майскими «Соображениями по плану стратегического развертывания» и — самое главное — с фактическим положением войск Красной Армии по состоянию на 22 июня 1941 г., нельзя не убедиться в том, что реальное сосредоточение войск происходило в прямом соответствии с майскими «соображениями». Именно фактическая передислокация войск, реальное создание ударных группировок, построение которых соответствовало предвоенным планам (в частности — майским «Соображениям по плану стратегического развертывания»), является самым важным и неопровержимым доказательством того, что планы эти **вовсе не были предметом «кабинетных изысканий», а последовательной твердо претворялись в жизнь.**

Объем проделанной работы оказался настолько велик, что, несмотря на многолетнюю «зачистку

информационного поля», некоторые документы и факты стали известны. Например, в рассекреченных недавно документах Комитета Оборона при СНК СССР обнаруживается совершенно секретный «Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на заседаниях Комитета обороны», составленный 12 апреля 1941 г. Предполагается, в частности, рассмотрение таких вопросов:

«п. 14. О денежном довольствии личного состава Красной Армии. Военно-морского флота и войск НКВД **на военное время**... п. 16. О создании комиссии по предоставлению **отсрочек от призыва по мобилизации и во время войны** и о порядке предоставления отсрочек» [169].

10 мая 1941 г. в Комитете Оборона был утвержден «Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на совещании» (кого с кем — не указано). Пункт 14 повестки дня звучит так: «О дополнительных сметах расходов **на период мобилизации и первый месяц войны**» [170]. 12 мая 1941 г. подготовлен «Перечень вопросов в ЦК ВКП(б)». Пункт 7: «О работе ГВФ (Гражданский Воздушный флот) **в военное время**» [171].

Особого внимания заслуживает следующий документ. 4 июня 1941 г. нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов направляет заместителю Председателя СНК (т.е. заместителю Сталина) Н.А. Вознесенскому докладную записку № 1146. Гриф секретности документа: «совершенно секретно, особой важности». И это действительно документ особой важности для историка — в нем впервые рядом со словосочетанием «военное время» появляются абсолютно конкретные даты:

*«Представляю при этом ведомость потребности наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению **на военное время с 1.07.41 по 1.01.43**. Прошу Ваших указаний об увеличении выделенных количеств минно-торпедного вооружения, учитывая, что потребность в них на 2-е полугодие 1941 в/г составляет 50% от общей потребности на период до 1.01.43 г.» [172].*

Как видим, нарком ВМФ планирует воевать не менее полутора лет. Причем оперативный план этой большой океанской войны в общих чертах уже составлен в противном случае Н.Г. Кузнецов не мог бы планировать конкретное распределение расхода минно-торпедного вооружения по каждому полугодию...

Теперь от планов Великого Похода вернемся к советско-финляндскому противостоянию. В рамках общего плана стратегического развертывания Красной Армии для войны с Германией финская граница неизменно оставалась второстепенным **участком активной обороны**. Состав группировки и возможные действия противника оценивались следующим образом:

«Соображения» от 18 сентября 1940 г.

«...В отношении финской армии предполагается следующее ее развертывание:

*1. на фронте от Финского залива до Савонлинна до 6 пех. дивизий, **поддержанных 3-4 дивизиями немцев;***

2. для прикрытия направлений на Куопио, Йоэнсу — до 3 пех. дивизии;

3. для прикрытия Улеаборского направления (т.е. направления Суомуссалми–Оулу) — до 2 пех. дивизий;

4. в районе Меркярви (западнее Салла) — до 2 пех. дивизий;

5. в районе Петсамо — до 2 пех. дивизий.

Окончательного развертывания финской армии по указанному варианту можно ожидать на 20–25-е сутки.

Вероятность сосредоточения значительных сил финской армии не **Выборгско-Ленинградском** направлении, **поддержанных здесь немецкими дивизиями**, предопределяет возможность активных действий противника на этом направлении.

В дальнейшем на этом театре **не исключена возможность** вспомогательных ударов противника на Петрозаводском и Кандалакшском направлениях».

«Уточненный» план 11 марта 1941 г.

«... В отношении финской армии наиболее вероятен следующий план ее развертывания:

1. На фронт от Финского залива до Савонлинна — не менее 6 пехотных дивизий, **поддержанных 5-6 дивизиями немцев.**

2. Для прикрытия направлений на Куопио, Йоэнсу — до 3 пехотных дивизий.

3. Для прикрытия Улеаборгского направления — до 2 пехотных дивизий.

4. В районе Меркярви — до 2-3 пехотных дивизий.

5. В районе Петсамо — до 1-2 пехотных дивизий.

Окончательного развертывания финской армии надо ожидать на 20-25-е сутки.

*Вероятность сосредоточения значительных сил финской армии на **Выборгско-Ленинградском** направлении, **поддержанных здесь немецкими дивизиями**, предопределяет возможность активных действий противника на этом направлении».*

В майских (1941 г.) «Соображениях» о предполагаемой группировке противника на финском направлении сказана лишь одна фраза: «Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия — до 20 пехотных дивизий».

Таким образом, общая оценка ситуации на северном фланге общего фронта оставалась в целом неизменной.

Единственное, что можно отметить — это некоторое увеличение ожидаемой численности финской армии (от 15 до 20 пехотных дивизий) и группировки немецких войск в южной Финляндии (от 3–4 до 5–6 дивизий). Активные наступательные действия противника (финнов и немцев) ожидалось главным образом на Карельском перешейке («на Выборгско-Ленинградском направлении»). К северу от Ладожского озера всего лишь «не исключалась возможность» нанесения противником «вспомогательных ударов», а в марте 1941 г. даже и эта оговорка исчезла. Майские «Соображения» вообще не содержат каких-либо упоминаний о возможном наступлении противника в районе финской границы.

Сравнивая эти предположения с известным ныне реальном положением дел, можно отметить, что если в оценке численности войск противника командование Красной Армии не ошиблось (финская армия была развернута в составе 16 пехотных дивизий, двух егерских

и одной «бронекавалерийской» бригады), то представления об оперативных планах противника были совершенно фантастические. Ни одной немецкой дивизии в южной Финляндии (*«на фронте от Финского залива до Савонлинна»*) не было вовсе, главный удар в июле 1941 г. финны нанесли в Приладожской Карелии (т.е. «на Петрозаводском направлении»), а почти все немецкие дивизии (4 из 5) были сосредоточены в Заполярье, т.е. там, где их появление **не ожидалось ни в одном из вариантов предвоенных планов** командования РККА. Подчеркнем это важное замечание тремя жирными чертами, оно нам еще пригодится в дальнейшем.

Боевые действия советских войск на финском фронте представлялись авторам планов стратегического развертывания Красной Армии следующим образом;

«Соображения» от 18 сентября 1940 г.

«... Учитывая приведенное ранее соотношение сил, наши действия на северо-западе должны свестись в основном к активной обороне наших границ.

Для действий на северо-западе предназначено иметь Северный фронт в составе трех армий и отдельного стрелкового корпуса в Эстонской ССР. Всего для действий в составе Северного фронта назначается:

13 стрелковых дивизий.

2 отд. стрелковые бригады;

3 танковые бригады;

20 полков авиации, а всего 970 танков и 1050 самолетов».

«Соображения» мая 1941 г.

«...Северный фронт (ЛВО) — 3 армии, в составе 15 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных дивизий, а всего 21 дивизия, 18 полков авиации и Северного военно-морского флота, с основными задачами — обороны г. Ленинграда, порта Мурманск, Кировской жел. дороги и совместно с Балтийским военно-морским флотом обеспечить за нами полное господство в водах Финского залива.

С этой же целью предусматривается передача Северному фронту из ПриБОВО — обороны северного и северо-западного побережья Эстонской ССР».

Таким образом, на финском направлении предполагалось примерное равенство сил сторон (по числу стрелковых дивизий у противника возможно даже некоторое превосходство, но Красная Армия будет иметь значительное превосходство в авиации и танках). С учетом наличия полосы долговременных укреплений на Выборгском, Кексгольмском и Сортавальском направлениях этого считалось вполне достаточно для решения задач активной обороны. Для наступления же и разгрома финской армии по планам от 18 сентября и 25 ноября 1940 г. (см. главу 2.4.) планировалось привлечь **несравненно большие силы** (46 стрелковых дивизий, не менее 9 танковых и моторизованных бригад, один мехкорпус, т. е. две танковые и одна моторизованная дивизии, 78 полков авиации с общим количеством самолетов в 3900 единиц). Развернуть такие силы предстояло за счет войск четырех военных округов (Ленинградского, Архангельского, Уральского, Орловского), да еще и с привлечением некоторых частей и соединений из Московскую, Приволжского, Харьковского и Северо-Кавказского округов.

Общий вывод можно сформулировать следующим образом: Финляндия представлялась советскому командованию очень серьезным противником, для разгрома которого требовалось создать группировку войск настолько крупную, что одновременное наступление против вермахта на юго-западе (в Польше и Румынии) и против финской армии на севере было невозможно. Другими словами, вторжение и оккупация Финляндии (в соответствии с оперативными планами осени 1940 г. или аналогичными) **были возможны или до, или после** успешного выполнения главной задачи: разгрома немецких войск в юго-восточной Европе.

В этой связи стоит отметить один казусный момент. Публикаторы «Уточненного плана стратегического развертывания» от 11 марта 1941 г. допустили досадную оплошность, и в таблицу, показывающую состав группировки войск Красной Армии «для ведения операции на западе и на Финском фронте». закралась опечатка. В графе «количество» стрелковых дивизий написано:

- 158 на западе;
- 133 на Финском фронте;
- 171 всего [120].

Казалось бы, даже второкласснику должно быть с первого взгляда понятно, что вместо числа 133 должно стоять число 13. Человеку же, знакомому с некоторыми азами военного дела и историей советско-финских войн, должно быть понятно и известно, что 291-й стрелковой дивизии в Красной Армии просто не было, что развернуть 133 дивизии на финском ТВД технически невозможно, что даже планы решительного разгрома финской армии и оккупации всей страны предполагали привлечение втрое

меньших сил, а в планах «активной обороны» постоянно присутствовало число в 13-15 стрелковых дивизий. Наконец, совершенно ирреальным для войн середины XX века является создание ударной группировки в составе 133 стрелковых и всего лишь одной (!) танковой дивизий (а именно такая структура и вырисовывается из злополучной таблицы). Тем не менее, автор огромного числа книг и статей, посвященных истории советско-финских войн, питерский профессор товарищ В.Н. Варышников сделал из досадной технической опечатки очередное научное открытие (цитируется с точным сохранением стилистики, т.е. косноязычия, оригинала);

«...Не раскрывая в плане определения конкретных задач по этим направлениям, однако, указывалось количество войск, предполагаемое для ведения боевых действий. Причем, по мнению советского командования на „Финском фронте“ следовало развернуть значительное количество войск — 135 стрелковых дивизий. Это число чуть ли не втрое превышало то, которое было определено для проведения боевых операций против Финляндии осенью 1940 года, что показывает, насколько серьезно оценивались те сведения, которые были получены о начале сосредоточения (в марте 1941 года(???). — М.С.) немецких войск на финской территории.

С другой стороны, безусловно, такая численность дивизий, планируемых развернуть в приграничной с Финляндией зоне, указывала на то, что в Москве в случае начала войны отнюдь не предполагали осуществлять здесь сугубо оборонительные боевые операции. Более того, эти силы, очевидно, рассчитывалось использовать к тому же вовсе не против

только лишь финской армии, которая, по советским оценкам, могла „выставить против Советского Союза до 18 пехотных дивизий...“» [155].

На базе Ленинградского военного округа развертывался Северный фронт со штабом в Парголово (северный пригород Ленинграда). В состав Северного фронта (С.ф.) включались три армии: 23-я, 7-я и 14-я. Все эти армии к моменту составления плана прикрытия уже существовали (14-я армия была развернута в районе Мурманска еще перед «зимней войной»). Кроме частей и соединений, входивших в состав трех армий, в непосредственном подчинении командования С.ф. находился 1-й мехкорпус (без 1-й танковой дивизии, о которой пойдет речь далее) и три стрелковые дивизии (70-я сд, 177-я сд, 191-я сд). На полуострове Ханко по-прежнему оставалась 8-я особая стрелковая бригада.

Почти все (за исключением 237-й сд, которая прибыла в район ст. Лоймола в начале 20-х чисел июня) соединения будущего Северного фронта уже находились в составе Ленинградского округа. Межокружная передислокация сил в Ленинградский ВО не планировалась, что еще раз подтверждает версию о том, что в рамках общего плана стратегического развертывания Красной Армии, который начал претворяться в жизнь в мае 1941 г., Северному фронту отводилась скромная роль участка обороны. Почти все стрелковые дивизии (за исключением 115-й и 71-й карело-финской) участвовали в «зимней войне», соответственное театром военных действий и предполагаемым противником были знакомы.

Огромный по протяженности «финский фронт» можно условно разделить на четыре участка (см. карту

№ 6 и 7). На Карельском перешейке и в Приладожской Карелии (т.е. от побережья Финского залива в районе Виролахти до Иломанси в Карелии) еще можно было говорить о наличии сплошной «линии фронта». В северной Карелии (от Реболы до Салла) и на Кольском полуострове (Кандалакша–Мурманск) было лишь несколько ведущих к Мурманской железной дороге «дорожных направлений», между которыми на сотни километров простирались непроходимые леса, болота и тундра. Стоит отметить, что и эти «направления» представляли собой отнюдь не автостраду, а грунтовую дорогу, в лучшем случае со щебеночным покрытием (асфальтированная дорога на участке Кандалакша–Алакуртти появилась лишь в 1997 г.). Летом же 1941 года таких направлений было ровно пять:

- Петсамо–Мурманск;
- Салла–Алакуртти–Кандалакша;
- Куусамо–Кестеньга–Лоухи;
- Суомуссалми–Ухта–Кемь;
- Кухмо–Реболы–Кочкома.

Три первых направления прикрывала 14-я армия (штаб в г. Мурманск). В составе армии был развертываемый в районе Салла–Алакуртти 42-й стрелковый корпус (122-я сд, 104-я сд) и две дивизии на Мурманском направлении (14-я сд и 52-я сд). Направление Кестеньга–Лоухи прикрывал всего один (242-й) стрелковый полк из состава 104-й сд.

Ребольское и Ухтинское направления были включены в участок прикрытия 7-й армии, развернутой в Приладожской Карелии (штаб в г. Суоярви). фактически на два эти направления была выделена всего одна (54-я)

стрелковая дивизия. В Приладожской Карелии, в полосе от Куолисмаа до Лахденгюхья, развертывались две стрелковые дивизии: 71-я сд и 168-я сд. В резерв армии выделялась 237-я сд. которая в середине июня перевозилась по железной дороге на ст. Лоймола.

На Карельском перешейке развертывалась самая мощная в округе 23-я армия: 19-й стрелковый корпус (142-я и 115-я сд), 50-й стрелковый корпус (43-я и 123-я сд), 10-й мехкорпус (21-я тд, 24-я тд, 198-я мд), 4 тяжелых артполка РК.

Теперь сведем информацию о составе войск, которые предполагалось развернуть на финском ТВД по различным планам командования Красной Армии (фактически — «Соображения по развертыванию на случай войны с Финляндией» от 18 сентября 1940 г., докладная записка «Об основах стратегического развертывания» от 18 сентября 1940 г.), в следующую таблицу:

	Фактически (июнь 1941 г.)	План вторжения (18 сентября 1940 г.)	Большой план (18 сентября 1940 г.)
Заполярье	сд — 4, тд — 1, ап РК — 1	сд — 3, ап РК — 1	сд — 4
Северная Карелия	сд — 1	сд — 12	сд — 1
Приладожская Карелия	сд — 3, ап РК — 1	сд — 6	сд — 2
Карельский перешеек	сд — 5, тд — 2, ап РК — 4	сд — 17, тбр — 3, ап РК — 12	сд — 4, тбр — 2
Резервы фронта	сд — 4, тд — 1	сд — 5, тд — 2	сд — 1
ИТОГО:	сд — 17, тд — 4, ап РК — 6	сд — 43, тд — 3,5, ап РК — 13	сд — 12, тд — 1, ап РК — ?

Примечание: — моторизованные дивизии из состава мехкорпусов учтены как стрелковые;

— две танковые бригады засчитываются как одна танковая дивизия;

— в таблицу не включены 65-й СК в Эстонии и 8-я осбр на полуострове Ханко.

Как видим, реальная группировка войск значительно меньше тех сил, которыми по плану от 18 сентября 1940 г. предполагалось «разгромить основные силы финской армии» и занять Хельсинки «на 35-й день операции». С другой стороны, состав сил, выделенных для «активной обороны» советско-финляндской границы, несколько увеличился от сентября 1940 г. к маю 1941 г. Однако самой удивительной особенностью плана прикрытия мая 1941 г. следует считать появление в Заполярье (на направлении Салла–Алакуртти) танковой дивизии (1-й тд из состава 1-го МК). На этом моменте следует остановиться подробнее.

Командир 1-го МК (из состава которого была изъята 1-я тд) о задачах, поставленных перед дивизией, не знал ничего. В отчете штаба 1-го МК «О боевых действиях в период с 22.6 по 24.7» (подписан командиром корпуса генерал-майором Чернавским в августе 1941 г.) сказано дословно следующее: *«17 июня по личному распоряжению начальника штаба ЛенВО генерал-майора Никишева 1 тд была взята из состава корпуса и направлена для выполнения специальной задачи, куда и убыла, погрузившись на ст. Березка (в р-не Пскова). Всякая связь с нею потеряна с момента убытия ее из состава корпуса»* [175].

Отчет о боевых действиях командира 1-й танковой дивизии. участника войны в Испании и Финляндии, Героя Советского Союза генерал-майора В.И. Баранова выдержан в гораздо более энергичных выражениях. Свое недоумение (если не сказать, возмущение) решением

отправить танковую дивизию в Алакуртти В.И. Варанов формулирует на грани того, что вообще позволительно при обсуждении приказов вышестоящего командования: *«Что касается использования танковой дивизии в районе Алакуртти, Кайрала, Салла — является совершенно нецелесообразным и мало эффективным в силу отсутствия возможности маневра даже для танковых подразделений (имеется в виду, что местность не позволяла маневрировать не только частями, т.е. танковыми полками, но и даже малочисленными подразделениями. — М.С.). Данный район характерен озерно-болотистой местностью. большим количеством каменистых скал и большими массивами каменных валунов. Нецелесообразность использования танковой дивизии на Кандалакшском направлении тем более очевидна, что совместно действующий 42-го СК с начала боевых действий вел в основном бои оборонительного характера, а следовательно возможности танковой дивизии не были использованы (подчеркнуто мной. — М.С.), и основные ее силы не были применены... Использование танковой дивизии на данном направлении и подобных ему является нецелесообразным, особенно при наличии легких танков и броневииков» [176].*

С этим трудно не согласиться. Такое использование танков прямо противоречило требованиям Полевого Устава Красной Армии (ПУ-39), который гласил: *«Применение танков должно быть массированным. (п.37) Большая маневренность, огневая и ударная мощь танков должны быть полностью использованы для активных действий... Основными задачами танков в обороне являются: разгром противника, ворвавшегося в оборонительную полосу, и в первую очередь его танков,*

уничтожение противника, обходящего фланг (фланги) обороны. (п. 391)». Правда, в тех случаях, когда противник имел подавляющее превосходство в силах, а обеспечить «маневренность» становилось уже невозможным из-за отсутствия горючего, танки зарывали в землю и использовали «отдельными машинами из засад». Но в Заполярье зарыть танк в землю не удастся (вечная мерзлота, и грунт лопатой не копается), да и крайне нелепо выглядит идея перевезти танковую дивизию за тысячу километров только для того, чтобы зарыть ее в землю...

На «противотанковой местности» заполярного Севера легкий быстроходный танк БТ неизбежно терял свое главное качество — подвижность. А других особых достоинств за этой боевой машиной с противоположным бронированием и малокалиберной 45-мм пушкой никогда и не числилось. Для «боев оборонительного характера» гораздо проще и эффективнее было бы в тех же самых эшелонах (а для перевозки громоздкого «хозяйства» танковой дивизии от Пскова к Алакертти потребовалось более 25 эшелонов) перебросить в Заполярье несколько стрелковых дивизий или тяжелых артиллерийских полков РГК, вооруженных тяжелыми гаубицами калибра 152 мм, а еще лучше — калибра 203 мм. По весу совокупного залпа один артполк РГК в два-три раза превосходил дивизию легких танков, а от фугасных снарядов весом в 43–100 кг и гранитные валуны не укроют.

Наконец, совершенно непонятной и неоправданной представляется такая обеспокоенность советского командования прикрытием направления Салла–Алакертти, которая привела к решению «разукомплектовать» 1-й МК — главный резерв командования округа — и отправить одну из двух

танковых дивизий 1-го мехкорпуса в Заполярье. Как было уже выше отмечено, на направлении Меркъярви–Салла ожидалось наличие двух, самое большее — трех, финских пехотных дивизий. Появление там немецких частей весной 1941 г. вообще не предполагалось. С другой стороны, на Карельском перешейке, на фронте 23-й армии, ожидалось наличие *«не менее 6 пехотных дивизий, поддержанных 5-6 дивизиями немцев»*. Вот именно там, на Выборгско-Ленинградском направлении, где ожидалось активные наступательные действия численно превосходящего противника, и мог быть использован находящийся в резерве фронта танковый (механизированный) корпус.

И тем не менее, разумное, вполне логичное объяснение причин появления 1-й танковой в районе Алакуртти лежит, что называется, «на поверхности». Просто на поверхность земли — или географической карты — надо посмотреть не слева направо, от Салла к Алакуртти, а справа налево, от Салла к Рованиеми. Для удобства «заочного осмотра» можно воспользоваться «Военным путеводителем по Финляндии», подготовленным наркоматом обороны СССР еще в 1937 г. По интересующему нас вопросу можно прочитать следующее: *«Маршрут № 15. Алакуртти–Куолаярви–Кемиярви–Рованиеми... Участок №2 (участок №1 был уже захвачен в ходе „зимней войны“, и нас он сейчас не интересует). Куоюярви–Кемиярви (99 км). На протяжении всего участка шоссированная, оканавленная дорога, шириной в среднем 4,5–5 м; полотно покрыто мелким дробленным камнем и песком, хорошо наезжена, содержится в исправном состоянии. Дорога оборудована бензоколонками. На участке значительное количества*

мостов. Мосты исправны... Участок № 3. Кемиярви–Викаярви–Рованиеми (99 км).

Дорога на всем участке шоссированная, оканавленная, шириной 4,5–5 м. Полотно дороги — гравий с песком, состояние хорошее. Дорога оборудована бензоколонками, имеется автосообщение... Выводы. Дорога пригодна для движения всех родов войск» [178].

Итак, от границы до Рованиеми (административного центра северной Финляндии) — 200 км по улучшенной грунтовой дороге с гравийным покрытием. Для «яростного похода» на Рованиеми танковая дивизия, вооруженная быстроходными танками БТ, могла считаться лучшим из имеющихся инструментов войны. Не будем загромождать текст разбором тактико-технических характеристик танков БТ (об этом написаны десятки книг и сотни статей), а сразу же приведем несколько реальных примеров маршей, выполненных «бэтэшками» в боевой обстановке.

Первым эпизодом боевого применения танков БТ была война в Испании. На базе 50 танков БТ-5 был сформирован танковый полк республиканской армии, который в октябре 1937-го вышел в район боевых действий на р. Эбро, совершив за двое с половиной суток марш в 630 км. Вероятно, самым тяжелым испытанием ходовых возможностей танков БТ стал Халхин-Гол. В конце мая 1939 г. две танковые бригады (6-я и 11-я) выполнили 800-километровый марш по раскаленной монгольской степи (температура воздуха в те дни достигала 40 градусов) в район будущих боевых действий. Вот как описывает эти события Герой Советского Союза К.Н. Абрамов — командир танкового батальона 11-й бригады: *«На сборы по тревоге нам*

отводилось полтора часа. Батальон был готов к движению через 55 минут... Колонна двигалась по едва заметной степной дороге, протоптанной верблюжьими караванами. Местами дорога пропадала — ее замело песком. Для преодоления песчаных и заболоченных участков приходилось переводить тонки с колесного хода на гусеничный. Эту работу хорошо подготовленные экипажи выполняли за 30 минут...»

Через три дня марша «броневой ударный батальон» в полном составе, не потеряв на маршруте ни одного танка, вышел в намеченный район. Больше времени (6 дней) потратила на 800-километровый марш 6-я танковая бригада.

Через шесть лет после боев на Халхин-Голе, в августе 1945 г., танки БТ-7 в составе 6-й гвардейской ТА приняли участие в так называемой Маньчжурской стратегической операции. Танковые бригады прошли тогда 820 км через горный хребет Большой Хинган со средним темпом марша 180 км в день. Старые «бэтэшки» (самые свежие из которых были выпущены пять лет назад) выдержали и такое испытание. И что покажется совсем уже невероятным — после тяжелейшего форсированного марша, после боев с отдельными группами японских войск, более 80% танков (по состоянию на 30 сентября 1945 г.) были исправны! [179,180,181].

Можно было бы сказать, что 200 км от границы до Рованиеми танки БТ вполне могли пройти за один световой день, но в Заполярье с конца мая до середины июля солнце не уходит за горизонт, и «световой день» продолжается 24 часа в сутки. Разумеется, марш и наступление — разные виды боевой работы, и танковый

прорыв на 200 км в глубину не может быть легкой прогулкой. Была ли способна танковая дивизия, вооруженная «безнадёжно устаревшими» (как тысячу и один раз повторили нам советские пропагандисты) легкими танками, решить такую задачу? И этот вопрос лучше всего рассмотреть на конкретном примере. Из множества возможных выберем историю 8-й танковой дивизии вермахта, действия которой (как будет показано ниже) имели самое прямое отношение к судьбе 1-го мехкорпуса, да и всего Ленинградского округа (Северного фронта) в целом.

Утром 22 июня 1941 г. 56-й танковый корпус вермахта под командованием Манштейна начал наступление из района Мемеля (Клайпеда) на Даугавпилс. В составе корпуса была 8-я танковая, 3-я моторизованная и 290-я пехотная дивизии. Включение пехотной дивизии (с артиллерией на конной тяге и солдатами на своих двух ногах) в состав танкового корпуса несомненно свидетельствует о том, что и Гитлеру «история отпустила мало времени» для подготовки к войне. 290-я пехотная сразу же отстала от моторизованных частей, и в дальнейшем корпус Манштейна наступал в составе двух дивизий. К концу первого дня войны 8-я танковая дивизия захватила мост через реку Дубиса в районе городка Арегала (80 км от границы). 24 июня в районе Укмерге 56-й танковый корпус вырвался на шоссе Каунас–Даугавпилс. Утром 26 июня 8-я танковая дивизия захватила два моста (автомобильный и железнодорожный) через Даугаву и с боем заняла Даугавпилс. На следующий день 3-я моторизованная дивизия также дошла до Даугавы и форсировала ее выше по течению. Как пишет в своих известных мемуарах Манштейн, *«мы это сделали за 4 дня*

и 5 часов, считая с момента начала наступления; мы преодолели сопротивление противника, пройдя 300 км (по прямой) в непрерывном рейде» [182].

56-й танковый корпус прошел **300 км за четыре дня** не по безлюдной лесотундре, а «сквозь строй» из двух десятков стрелковых и танковых дивизий Прибалтийского военного округа (Северо-Западного фронта). К моменту выхода немецкого танкового корпуса к Даугавпилсу к рубежу Даугавы с востока уже подходили и войска Второго Стратегического эшелона Красной Армии (21-й мехкорпус, 41-й стрелковый и 5-й воздушно-десантный корпуса). Советское же командование, планируя в мае 1941 г. действия 1-й танковой дивизии, могло рассчитывать на то, что никаких войск противника в радиусе нескольких сот километров от Рованиemi не окажется. И это, как показали события, было совершенно верным предположением: непосредственно у границы, в полосе Меркъярви–Кусамо, фактически находились две пехотные дивизии (169-я немецкая и 6-я финская) и «дивизионная группа» (бригада в составе двух мотопехотных полков) СС «Норд», а далее в запалу вплоть до берега Вотнического залива войск не было вовсе. Влижайшую финскую дивизию (3-я пехотная в районе севернее Суомуссалми) от линии возможного прорыва советских танков отделяло 200 км лесного бездорожья.

Любое упоминание о мехкорпусах Ленинградского военного округа (1-й МК и 10-й МК) сопровождалось в советской историографии строгим напоминанием о том, что они были вооружены «безнадёжно устаревшими» легкими танками. И это чистейшая правда. Танков так называемых «новых типов» (Т-34 и КВ) в округе почти не было (хотя танки КВ делали на Кировском заводе в

Ленинграде). Весной 1941 г. десятки железнодорожных эшелонов везли новые танки на направление будущего главного удара — в Киевский и Западный военные округа. Однако же воевать предстояло не с соседними округами, а с противником. Поэтому стоит сравнить состав вооружения 1-й танковой дивизии Красной Армии с вооружением танковых дивизий вермахта, например, со все той же 8-й тд из состава танкового корпуса Манштейна [183, 184].

	8-я тд (нем.)	1 тд (РККА)
Тяжелые танки (КВ-1)	0	5
Средние танки (Pz-IV, T-28)	30	31
Легкие танки (Pz-38 (t), BT-7, BT-5, T-26, OT-26)	118	296
Танкетки (Pz-II, Pz-I, Pz.Beif. T-27)	75	40
Всего:	223	372

Итак, основу танкового парка 8-й танковой дивизии вермахта составляли трофейные чешские танки «Pz-38(t)» Это легкий танк с противопульным бронированием, корпусом, собранным на заклепках (при попадании снаряда головки заклепок отрывались и смертельно калечили экипаж), малокалиберной 37-мм пушкой и маломощным (125 л.с.) мотором. Основу танкового парка 1-й танковой дивизии составляли танки БТ (БТ-7—176, БТ-5—54), превосходившие «чеха» по вооружению (45-мм пушка), по мощности (двигатель 400 л.с.), по скорости в два раза. Рация на танке тоже была. Документы не подтверждают широко распространенные слухи о том, что советские танковые командиры вели свои части в бой, размахивая разноцветными флажками. В 1-й танковой дивизии из 31 танка «Т-28» оборудованы радиостанцией все 31, из 176 «BT-7» с радиостанцией было 89 машин [183]. Для справки: танковая

коротковолновая радио станция 71-ТК обеспечивала дальность связи телефоном на ходу — на 15 км, телефоном на стоянках — до 30 км, в телеграфном режиме — до 50 км.

Внимательное чтение архивных документов позволяет обнаружить и более отчетливые следы того, что прибывшая в Алакуртти 1-я танковая дивизия готовилась к «активной обороне», т.е. наступлению вглубь Финляндии.

Из отчета командира понтонно-мостового батальона дивизии видно, что после прибытия в район Алакуртти батальон **приступил к сооружению трех (!) мостов** через реку Тунси-Йоки (на восточном берегу этой реки и находится городок Алакуртти). К 30 июня работа была завершена — и уже на следующий день батальон приступил к разрушению мостов и железнодорожного полотна в полосе от приграничной станции Салла до Алакуртти. К 4 июля все было уже успешно взорвано и разрушено [185].

Про удивительную историю **строительства и немедленного затем разрушения мостов** на забытой богом и людьми заполярной речке советские историки не писали никогда. Но в принципе для всех подобных случаев у них давно уже было припасено универсальное объяснение: «Необоснованно допущено ошибочное решение...» По глубоко верному замечанию В. Суворова, коммунистическая пропаганда скрывала от населения СССР даже случаи стихийных бедствий и катастрофических землетрясений (хотя уж в их-то возникновении «родная партия» никак не была виновата), но при этом с огромной готовностью спешила выставить советских генералов и даже самого будущего

Генералиссимуса в виде полных идиотов, не понимающих самых азов военной науки. Мы же не будем повторять старые и уже известные ошибки. Тимошенко, Жуков, Мерецков, возможно, и не были гениальными полководцами, но свое дело знали крепко, имели большой опыт реального вождения полков в бой, разницу между танком и пушкой, пушкой и гаубицей, обороной и наступлением понимали отлично. Соответственно, и передислокация 1-й танковой дивизии из Пскова в Алакуртти была предусмотрена в плане прикрытия Ленинградского округа (а затем реализована на практике) отнюдь не по дурости, а со вполне отчетливой целью: прорваться в глубину обороны финской армии, захватить единственный во всей северной Финляндии «транспортный коридор», прервать возможную переброску немецких войск из Норвегии по «арктическому шоссе» из Петсамо в Рованиemi и далее в центральные и южные районы Финляндии.

В заключение этой главы следует предельно четко обозначить и разделить два важных момента. К сожалению, их сплошь и рядом путают не только профессиональные любители «искать в темной комнате черную кошку», но и вполне добросовестные писатели и читатели.

Наступательная направленность военной доктрины сталинского государства является несомненным, бесспорным фактом. **Это — не гипотеза. Это уставная норма**, «категорически и выпукло» выраженная в первых же параграфах Полевого устава ПУ-39. *«Если враг навяжет нам войну, Рабоче-крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо*

нападавших армии. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение. Основной целью Красной Армии будет достижение решительной победы и полное сокрушение врага».

Однако наступательная направленность оперативных планов Красной Армии **ни в коей мере не является доказательством агрессивности** внешней политики сталинской империи. Ни в коей мере. Наступление и агрессия — это не синонимы. Это два слова из двух разных языков. Военно-оперативный язык знает такие термины, как «наступление», «прорыв», «преследование», «оборона», «подвижная оборона», «отход». На языке политики говорят про «агрессию», «захват», «аннексию», «вмешательство», «помощь», «освобождение», «спасение», «интернациональный долг» и пр. Это два разных языка. В планах стратегического развертывания Красной Армии нет слова «агрессия», но нет там и слова «освобождение». Таких слов там и быть не могло. Планы советского командования **не были ни агрессивными, ни освободительными**. Они были **наступательными** и не более того.

Любая армия (тем более армия великой мировой державы) создается именно для того, чтобы разгромить (или по меньшей мере значительно ослабить) вооруженные силы противника. Самым эффективным способом решения этой задачи было, есть и будет наступление. Параграф 10 Полевого устава РККА (*«только решительное наступление на главном направлении, завершаемое окружением и неотступным преследованием. приводит к полному уничтожению сил и*

средств врага») не связан ни с «мировой революцией», ни с агрессивными, захватническими и внешнеполитическими планами Сталина. Этот (и ему подобные) параграф просто разумен. В нем сконцентрирован многовековой опыт военного искусства. Противник должен быть уничтожен или принужден к капитуляции.

Что делать потом с этим противником, с его территорией, с его материально-производственными ресурсами, с остатками его армии Большой план (18 сентября 1940 г.) — это уже вопрос политики. Вопрос, для решения которого оперативные принципы ведения войны не имеют ровно никакого значения. Не только агрессивное, но и не желающее ничего иного, кроме мира и спокойствия, государство должно стремиться к тому, чтобы победа была завоевана «малой кровью», с минимальными разрушениями собственной территории и минимальными жертвами среди собственного населения. Другого пути к этому идеалу, кроме решительного наступления с целью «разгрома противника на его же территории», не было и нет.

Предельная и неизменная агрессивность сталинской империи находила свое выражение и подтверждение не в уставах и системе боевой подготовки Красной Армии, а в реальных актах агрессии, международного разбоя, наглого вмешательства в дела суверенных стран, о некоторых из которых уже было сказано в предыдущих главах. Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Болгария, Турция. Вот перечень, который дает однозначный ответ на вопрос о реальной, т.е. великодержавной и агрессивной, направленности планов Сталина. На государственном гербе СССР серп с молотом накрывали весь земной шар,

на каком-то шаре границы «рабоче-крестьянского государства» не были обозначены даже тончайшей линией. И эта простая символика вовсе не была случайностью.

Глава 2.8

ИТОГИ И ОБСУЖДЕНИЕ

Вооруженная агрессия Советского Союза против Финляндии, начавшаяся 30 ноября 1939 г., закончилась подписанием Московского мирного договора 12 марта 1940 г. Не только по обстоятельствам его заключения (Сталин отказался приостановить наступление Красной Армии хотя бы на период ведения переговоров), но и по своему содержанию этот договор был не чем иным, как актом международного разбоя и вымогательства, несовместимым с общепризнанными нормами права. Насильственным путем от Финляндии были отторгнуты обширные территории, отстоящие на сотни или даже тысячи километров от Ленинграда (укрепление обороноспособности которого было задним числом объявлено в качестве главной причины, «вынудившей» Сталина совершить вооруженное нападение на заведомо слабейшего соседа).

С формально-юридической точки зрения **Московский договор от 12 марта 1940 г. почти ничем не отличается от Соглашения о перемирии между Францией и Германией, подписанного в Компьенском лесу 24 июня 1940 г.** Оговорка «почти» относится лишь к тому, что вопрос о том, кто (Германия или Франция) был агрессором, а кто — жертвой агрессии, допускает разные толкования. Строго говоря, именно

Франция объявила 3 сентября 1939 г. войну Германии, и именно французские войска первыми пересекли границу (9 сентября) и вторглись на сопредельную территорию Германии. Да, Нюрнбергский трибунал отверг подобную казуистику и признал Германию виновной в развязывании войны в Европе, в том числе — и войны против Франции. И тем не менее, тема для сугубо абстрактной дискуссии остается. В случае же с 1-й советско-финской войной («зимней войной») все предельно ясно: Финляндия не нападала, не угрожала, да и не могла — в силу разницы в размерах — угрожать могучему Советскому Союзу, армия которого превосходила в численности все мужское население страны Суоми (включая грудных младенцев и ветхих стариков).

В современной Германии едва ли найдется экстремистская группировка крайне правого, реваншистского толка, у которой хватит наглости требовать «возвращения» Парижа и Орлеана, ссылаясь при этом на условия Соглашения о перемирии 1940 года. Ну а во Франции лишь немногие из тех, кто в годы оккупации обвинял де Голля, «Свободную Францию» и бойцов антифашистского Сопротивления в нарушении «перемирия» с захватчиками, избежали уголовного наказания. Эти вдохновляющие примеры должны были бы, на мой взгляд, удержать российских историков от того, чтобы с видом оскорбленной невинности возмущаться тем, что не все граждане и не все руководители Финляндии считали себя морально обязанными выполнять условия Московского договора от 12 марта 1940 г.

Впрочем, с весны 1940 г. по весну 1941 г. вопрос о том, как руководство Финляндии относится к

Московскому договору. не имел еще никакого практического значения. **Главным и определяющим ситуацией было то, как к этому договору относилось руководство СССР.** Рассмотрению этого вопроса и была посвящена вторая часть нашей книги.

Факты, как относительно новые, так и давно известные, свидетельствуют о том, что в Москве Московский мирный договор воспринимали как временную, вынужденную и досадную остановку на пути к полной аннексии Финляндии. Уже бесцеремонный захват комбината в Энсо, произведенный вооруженным путем через 10 дней после подписания договора, являлся наглядным образцом того, что ждет Финляндию в недалеком будущем. Угрозы и претензии, никак не основанные на букве и смысле мирного договора, сыпались один за другим. Транзит военных грузов в Ханко, ультимативные требования отставки министров финского правительства и вмешательство в выборы президента, уничтожение пассажирского самолета «Калева», требования «вернуть» Советскому Союзу подвижной состав финских железных дорог и прекратить строительство оборонительных сооружений «на гельсингфорсском направлении», систематическое нарушение границ советскими разведывательными самолетами — все это с предельной откровенностью говорило о явном нежелании Сталина налаживать мирные, добрососедские отношения с разоренной им же Финляндией.

Документы, ставшие доступными в начале 90-х годов, показали, что упомянутые выше многочисленные факты «прессования» Финляндии служили не только целям психологического давления на руководство страны, но и прямо подготавливали вторую попытку

вторжения и оккупации. Оперативные планы высшего командования Красной Армии, разрабатываемые осенью 1940 г., **однозначно и прямо ставили задачу пашой оккупации всей территории Финляндии (включая столицу государства Хельсинки), полного разгрома и уничтожения финской армии.** Текст директив советского командования не оставляет никаких сомнений в том, что реализация этих планов не ставилась ни в какую зависимость от возможного появления на территории Финляндии иностранной (в реальных условиях того времени — немецкой) армии, способной создать угрозу для Ленинграда. Скорее, наоборот, именно создавшаяся ситуация отсутствия у Финляндии военных союзников рассматривалась как особо благоприятный момент, который следовало использовать. Примечательно и то, что в тексте «Соображений» и «директив» высшего командования Красной Армии не нашлось места **для хотя бы формальных оговорок о том, что планы вторжения разрабатываются «на случай нарушения Финляндией условий мирного договора».** И в этом смысле советские планы заметно отличались от гитлеровского плана «Барбаросса», в котором все же было сказано, что *«все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам».*

С учетом содержания оперативных планов советского командования приобретают новый смысл и значение такие факты, как размещение на полуострове Ханко подвижных железнодорожных артиллерийских

батарея особой мощности или создание пресловутого «Общества мира и дружбы с СССР», которое — к вашему неудовольствию московских «кураторов» — так и не смогла *«сломать хребет финской буржуазии»* (хотя и успело начать кампанию дестабилизации с кровавыми уличными беспорядками и человеческими жертвами). Ставшие известными документы руководства Коминтерна и «московского руководящего ядра» финской компартии предельно откровенно и однозначно ставят задачу *«превращения Финляндии в советскую республику» и предоставления финскому народу «такой свободы и самостоятельности, какой обладают народы Карело-Финской, Литовской, Латвийской, Эстонской советских республик»*. В свете таких документов и планов становятся понятными и парадоксальные на первый взгляд решения советского руководства о создании Карело-Финской союзной республики, о совершенно искусственном насаждении в ней финского языка, неизвестного абсолютному большинству населения, о «вечерних курсах» финской грамоты для партийной номенклатуры этой мертворожденной «запасной Финляндии»...

«Бодливой корове бог рогов не дает». Эта довольно грубая народная поговорка предельно коротко и точно описывает всю историю советско-финского противостояния 1939-1940 гг. В марте 1940 г. смутная угроза вооруженного вмешательства англо-французского блока встревожила Сталина до такой степени, что он решил приостановить на время окончательную расправу с непокорной Финляндией. Осенью 1940 г. едва обозначившийся интерес Германии к финскому никелю и «финскому транспортному коридору» заставил Сталина

остановить на полпути практическую подготовку к «окончательному решению» финского вопроса. В Берлин был послан сам глава Правительства СССР для выяснения отношений с бывшим сообщником по разбою, каковой сообщник, набравшийся за год силы и нахальства, стремительно превращался в главного противника.

В ходе переговоров, состоявшихся 12-13 ноября 1940 г., выявилось абсолютное несовпадение позиций сторон по финляндскому вопросу. Гитлер категорически возражал против новой войны в Финляндии, Молотов, ссылаясь на секретный Протокол 23 августа 1939 г. о разделе сфер интересов в Восточной Европе, настаивал на своем «праве» оккупировать Финляндию, не откладывая это дело ни на год, ни на полгода (*«почему Россия должна откладывать реализацию своих планов на шесть месяцев или на год? В конце концов, германо-русское соглашение не содержало каких-либо ограничений во времени и в пределах своих сфер влияния ни у одной из сторон руки не связаны»*).

Разумеется, с точки зрения соблюдения условий августовской (1939 г.) сделки Молотов был абсолютно прав. Но нас в данном вопросе интересуют не сталинско-гитлеровские «разборки по понятиям», а отношение руководства СССР к Московскому мирному договору с Финляндией, о существовании которого Молотов ни разу не вспомнил, зато **намерение «ликвидировать» этот Договор (вместе с независимой Финляндией) выразил с предельной ясностью** (*«отвечая на вопрос фюрера, он заявил, что представляет себе урегулирование в тех же рамках, что и в Бессарабии и в соседних странах»*).

После завершения берлинских переговоров в Москве вынуждены были считаться с тем, что новая война с Финляндией приведет к серьезному обострению отношений с Германией. Строго говоря, эта констатация мало что значила практически. От выражения недовольства до вооруженного противодействия — дистанция огромного размера. Молотов, например, неоднократно заявлял немцам, что *«появление каких-либо иностранных войск на территории Болгарии будет рассматриваться как нарушение интересов безопасности СССР»*. Несмотря на эти совершенно недвусмысленные предупреждения, Германия 1 марта 1941 г. «присоединила» Болгарию к Тройственному пакту и ввела свои войска на ее территорию. Со стороны Москвы в ответ на этот явно недружественный шаг Германии ничего существенного, кроме публичного выражения «дипломатической озабоченности», не последовало.

В начале 1941 г. возможности Германии по оказанию вооруженной поддержки Финляндии были, в сущности, ничтожно малы. На территории самой Финляндии немецких войск в количествах, заслуживающих внимания и упоминания, не было вовсе. Группировка немецких войск в Норвегии отнюдь не бездействовала, а решала задачи обороны побережья (общей протяженностью более 1,5 тыс. км) от возможного английского десанта, угроза которого чрезвычайно сильно действовала на Гитлера. 4 марта 1941 г. два крейсера и пять эсминцев британского флота, сами того не подозревая, активно вмешались в хитросплетение советско-германо-финских противоречий. Англичане обстреляли норвежский порт и город Свольвер, потопили несколько торговых судов и

захватили в плен 220 немецких моряков и солдат вермахта. 12 марта этот рейд стал предметом обсуждения немецкого Верховного командования, входе которого Гитлер еще более сократил состав сил армии «Норвегия», которые ранее разрешено было привлечь к операции «Варбаросса». Еще менее реальной была бы попытка начать наступление на западных рубежах СССР в ситуации зимы–весны 1941 г., т.е. тогда, когда стратегическое сосредоточение немецких войск на Востоке не только не завершилось, но практически ещё и не началось.

И тем не менее, советское руководство так и не решилось на проведение военной операции зимой 1941 г. Пушки на финской границе молчали. Отсутствие документальных источников не позволяет указать конкретные причины этого «ненападения». Еще один раз повторим, что документы командования Красной Армии за период с начала 1941 г. по 22 июня выведены за рамки доступных архивных фондов. С другой стороны, отработка планов вторжения (в общих рамках «директивы» от 25 ноября 1940 г.) продолжалась, о чем свидетельствуют как проведенные в Карелии полевые поездки командования Ленинградского, Уральского и Орловского военных округов, так и запланированная Генштабом РККА на начало мая 1941 г. оперативно-стратегическая игра с участием командования и штабов Ленинградского и Архангельского округов (т.е. будущего Северо-Западного и Северного фронтов в категориях «директивы» от 25 ноября 1940 г.).

Как бы то ни было, но 1941 год начался с новых попыток экономического и политического «прессования» Финляндии (разрыв торгового соглашения, прекращение

поставок зерна, «никелевый кризис»). Как и следовало ожидать, результат оказался прямо противоположным замыслу. Финское руководство, тайно проинформированное Берлином о ходе и итогах переговоров Молотова с Гитлером, заняло предельно жесткую позицию, и попытка шантажа, не подкрепленного на этот раз реальной готовностью начать войну, с треском провалилась. С другой стороны, кризис января — февраля 1941 г. с неизбежностью привел к еще более тесному экономическому, а затем и политическому сближению Финляндии с Германией. В целом же действия сталинского руководства на «финском направлении» внешней политики СССР в периоде весны 1940 г по весну 1941 г. следует оценить как **полный провал стратегического масштаба. Финляндию не удалось ни «воссоединить» с советской «карело-финляндией», ни превратить в мирного, дружественного соседа.**

Апрель–май 1941 года стал переломным моментом в истории Второй мировой войны и советско-германского противоборства, как одного из главных факторов, определяющих ход этой войны. Несмотря на то, что историки пока не могут назвать точные даты и процитировать основополагающие документы, множество «косвенных улик» позволяет с большой долей уверенности предположить, что именно в мае 1941 г, в Москве было принято решение начать крупномасштабную войну против Германии, причем не когда-то в неопределенном будущем, а в июле–августе 1941 г. С момента принятия такого решения советско-финляндские отношения отошли на второй (если не десятый) план перед лицом надвигающихся грандиозных событий.

Намерение сконцентрировать главные силы на одном, германском, фронте, ограничившись на севере (на границе с Финляндией) обороной, было безусловно верным (да и единственно возможным, принимая во внимание необходимость создания значительного численного превосходства на Западе). В создавшейся новой ситуации товарищу Сталину было уже не до «превращения Финляндии в советскую республику». Прежде всего предстояло *«разгромить главные силы немецкой армии»* и *«овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии»*. После же победы над Германией стремительное увеличение числа «братских союзных республик» стало бы неизбежным и неотвратимым.

Тогда же, в конце весны 1941 г., стали качественно меняться и германо-финляндские отношения. Вопрос этот тщательно затуманен и преднамеренно искажен усилиями двух поколений советских (а теперь и российских) историков. Тем не менее, разгрести эту кучу и достать из нее жемчужное зерно реальных событий и фактов не так уж и сложно.

По состоянию на 25 июня 1941 г. никакого публичного, открытого договора между Финляндией и Германией не было. Между этими двумя странами поддерживались нормальные дипломатические отношения — но не более того. Между Финляндией и Германией не существовало ни Договора о ненападении (германское предложение заключить такой договор финская сторона отклонила еще весной 1939 г.), ни Договора о дружбе и взаимопомощи (подобного тому, что был заключен между СССР и «народным правительством» Куусинена). Финляндия не присоединилась к Тройственному пакту и не вела (в

отличие от Советского Союза) переговоров о таком присоединении. Таким образом, с точки зрения формально-юридической, **межгосударственные отношения Германии и Финляндии находились на гораздо более низком уровне, нежели взаимоотношения Германии и СССР**. Между двумя последними был заключен «Договор о дружбе и границе»; министр иностранных дел Германии в качестве полномочного представителя Гитлера дважды посетил Москву, где вел официальные переговоры с участием Молотова и Сталина; глава правительства СССР Молотов посетил Берлин, где вел вполне официальные переговоры с Гитлером. Ничего подобного, ничего даже близко похожего между Берлином и Хельсинки не происходило.

Имеет ли смысл обсуждение вопроса о наличии или отсутствии официальных, публичных договоренностей?

Применительно к гитлеровской Германии и сталинской империи — нет. Оба диктатора в любой момент готовы были разорвать любой международный договор, как жалкий клочок бумаги, а «общественное мнение» и в том и в другом тоталитарном государстве могло встретить такое решение вождя (фюрера) исключительно и только «горячим, единодушным одобрением». Финляндия летом 1941 г. оставалась демократическим государством, с избираемым народом президентом и парламентом. Такая власть в таком государстве была бы связана наличием открыто заключенного договора о союзе с Германией. Но такого договора НЕ БЫЛО.

Не существовало ли между Финляндией и Германией тайного соглашения о военно-политическом союзе?

Это очень важный вопрос. В реальной обстановке полыхающей уже второй год европейской войны, пожалуй, более значимый, нежели вопрос о наличии открытого, публично заключенного договора. **Такое тайное соглашение искали.** Искали с огромным тщанием. И не в благостную эпоху «гласности и перестройки», а сразу же после прекращения осенью 1944 г. войны между Финляндией и СССР. По условиям Соглашения о перемирии «поджигатели войны» должны были предстать перед судом. А так как Финляндия не была принуждена к капитуляции, а Советский Союз выступал лишь в качестве одной из «союзных держав», с которыми Финляндия заключила Соглашение о перемирии, то для суда над руководителями Финляндии нужны были улики. Провести процесс над Рюти и Таннером в стиле печально знаменитых «московских процессов» 1936 г. Сталин не мог. Нужны были документы и факты, подтверждающие тайный союз с Гитлером.

Их искали — и ничего не нашли. Поиски были в огромной степени облегчены фактом полного разгрома и безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Архивы гитлеровского «рейха» оказались в распоряжении победителей. В апреле 1945 г. главой МВД Финляндии стал коммунист, зять товарища Куусинена Юрьё (Юрий) Лейно. Под «крышей» Союзной Контрольной комиссии Финляндию наводнили сотрудники советских спецслужб. Дело дошло до похищений и тайного вывоза граждан Финляндии из страны в Лефортовскую тюрьму НКВД. И тем не менее —

никаких следов тайного межправительственного соглашения Берлина и Хельсинки найти так и не удалось.

Этот обескураживающий факт заставляет «историков» определенной ориентации заниматься именно тем, чем они по сей день и занимаются. От полной безнадеги ученые научной школы отца и сына Варышниковых на десятках страниц рассказывают о том, как славные советские разведчики подслушали в ресторане города Хельсинки разговор, входе которого видный политический деятель X в изрядном подпитии сказал: «Да я этих рюсся терпеть не могу!»

На что его сотрапезник, известный генерал Y, лихо опрокинув восьмую рюмку чая, ответил: «Я еще мечтаю дожить до того дня, когда немцы загонят проклятых рюсся за Урал, в тайгу к медведям!»

«А-а-а-а-а!!! Вот видите, — комментируют этот пьяный треп российские историки советского разлива — в ходе совещания, состоявшегося в отеле Z представители высшего командования финской армии и реакционных парламентских кругов решили добиваться соглашения с Германией, на основании которого финская военщина мечтала оккупировать территорию Советского Союза от Ладоги до Урала...» Жаль, что никто еще не написал столь же объемное исследование тем и дословных выражений, в которых советско-финляндские отношения обсуждались на офицерских попойках по другую сторону границы... Все это было бы смешно — если бы авторы подобных «научных трудов» занялись написанием сценариев для детских мультфильмов, а не пытались выдавать свою грубо сработанную «заказуху» за исторические исследования.

Для того, чтобы узнать, как финны после «зимней войны» относятся к «рюсся», вовсе не стоило тратить бюджетные деньги на оплату агентуры. Финский народ люто ненавидел Сталина и сталинскую империю. Ненавидел, мечтал о мщении и реванше. Не приходится удивляться и тому, что в отдельных головах (тем паче — разгоряченных алкоголем) подобные настроения могли порой трансформироваться в ненависть к русскому народу как таковому. На войне — как на войне. Впрочем, Маннергейм, Талвела и другие генералы «старой гвардии», участники Гражданской войны 1918–1921 гг. едва ли могли не понимать, что русский народ сам является первой и главной жертвой сталинского режима. Однако ненависть к Сталину и оформленный взаимными обязательствами военно-политический союз с Гитлером — две очень разные категории.

Черчилль, например, ничуть не меньше Маннергейма ненавидел большевиков и товарища Сталина лично. Все это отнюдь не привело Черчилля к союзу с Гитлером, более того — даже не помешало вступить в союз со Сталиным в той ситуации, когда такой союз стал необходим для спасения Британской империи. Барон Маннергейм, рафинированный и заносчивый аристократ, презирал и ненавидел «коричневых» выскочек ничуть не меньше, чем «красных». Весной 1939 г., после оккупации Чехии, в письме своей сестре Еве он пишет: *«Мы негодовали и возмущались действиями русских, но это только детская игра по сравнению с Адольфусом, начальником его Чека Гиммлером и его любимыми помощниками... Они хотят просто превратить народы Европы в белых негров для службы Третьему рейху... Мы стоим перед концом света...»* [68]. К счастью, конец света в тот раз не наступил. В частности потому,

что личные симпатии и реальные действия ответственных политиков далеко не всегда совпадали.

На наш взгляд, наиболее содержательным методом исследования являются не бесконечные попытки извлечь сокровенный смысл из подслушанных разговоров и перехваченных писем, а анализ **реально произошедших событий, реальных фактов сотрудничества германской и финской армий**. Такое сотрудничество, бесспорно, существовало. Столь же очевидно и то, что реальным действиям должны были предшествовать переговоры военных, совместная работа командования и штабов. Без этого невозможно было бы не только совместное ведение боевых действий, но и простая передислокация немецких войск из Норвегии и Германии в Финляндию.

По странной иронии судьбы группа военных во главе с начальником Генштаба финской армии генералом Хейнрихсом вылетела из Хельсинки в Зальцбург в те самые часы (вечером 24 мая 1941 г.), когда в кабинете Сталина проходило совещание высшего военно-политического руководства страны с командованием западных округов. В ходе трехдневных переговоров с немецкими генералами, в том числе с начальником штаба оперативного руководства генерал-полковником А.Йодлем, финны были проинформированы о конкретном содержании оперативных планов войны на северном фланге советско-германского фронта. Никаких документов и совместных решений принято не было, более того, Хейнрихс и не имел полномочий на подписание каких-либо соглашений [22, 26, 65].

3 июня в Хельсинки для совещания с Хейнрихсом прибыли два немецких полковника: начальник штаба армии «Норвегия» Вушенхаген и представитель штаба Верховного командования Кинцель. Начальник штаба армии в звании полковника — едва ли это тот уровень, на котором могли заключаться военные союзы двух государств. 6 июля в немецком городе Киль состоялось совещание военно-морских командиров, на котором Германию представлял вице-адмирал Шмундт, а Финляндию — коммодор Сундман. Ни официальных, ни секретных договоров в ходе этих совещаний заключено не было (по крайней мере, их так и не удалось обнаружить).

По версии, изложенной в мемуарах Маннергейма, финская сторона отказалась тогда брать на себя какие-либо обязательства: *«Из его [Бушенхагена] заявлений в Генштабе стало ясно, что на этот разе его задачу входило, с одной стороны, проведение переговоров о практических деталях возможного сотрудничества в том случае, если СССР нападет на Финляндию, а с другой — получение гарантий того, что Финляндия выступит в войне в качестве союзника Германии. Я проинформировал об этом президента республики, и он заверил, что его позиция остается прежней. После чего я сообщил полковнику Бушенхагену, что мы не можем дать никаких гарантий относительно вступления в войну. Финляндия решила оставаться нейтральной, если на нее не нападут»* [22].

Ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию какими-либо документальными свидетельствами пока не удалось. Тем не менее, реальный ход дальнейших событий однозначно свидетельствует о том, что стороны **не ограничились одним только взаимным**

информированием. Подтверждением такого вывода является **начавшаяся 7 июня 1941 г. передислокация немецких войск на территорию Финляндии.**

Первой границу между Норвегией и Финляндией пересекла моторизованная бригада СС «Норд». К 6 июня бригада была сосредоточена в районе норвежского порта Киркенес, а затем по «арктическому шоссе» Петсамо–Рованиemi за три дня вышла в район сосредоточения. 169-я пехотная дивизия вермахта в течение 5–14 июня морским путем была переброшена из Германии в финский порт Оулу, а оттуда по железной дороге перевезена в район Рованиemi. Бригада СС «Норд», 169-я пехотная дивизия и приданные им части (включая танковый батальон, вооруженный трофейными французскими танками) были сведены в 36-й армейский корпус (36-й АК), которому предстояло наступать по линии Салла–Алакуртти–Кандалакша. Вплоть до утра 22 июня 1941 года 36-й АК был **единственным соединением немецких сухопутных войск на территории Финляндии.** Единственным.

Утром 22 июня горно-стрелковый корпус генерала Дитля (2-я и 3-я горно-стрелковые дивизии) перешел норвежскую границу, взял под свой контроль Петсамо и начал выдвижение в исходный для наступления на Мурманск район у советско-финской границы. Таким образом, к 25 июня 1941 г. на территории северной Финляндии находилось уже четыре немецкие дивизии.

Единственная на территории южной Финляндии дивизия вермахта (163-я пехотная) получила приказ на выдвижение из норвежского Осло только 26 июня 1941 г. Пройдя через шведскую

территорию, передовые части 163-й пд пересекли финскую границу в районе Торнио только 28 июня, т.е. уже **после начала 2-й советско-финской войны**. Дивизия была дислоцирована в Йоэнсу и включена в состав резерва главного командования финской армии [65].

Таковы факты.

На основании этих фактов можно сделать следующие выводы. Во-первых, до рубежа мая–июня 1941 г. ситуация была вполне многовариантной. Никаких обязывающих соглашений (пусть даже тайных, пусть даже подписанных на уровне полковников и генералов) между Германией и Финляндией не было. Во-вторых, и это несравненно более значимо, **главной военной силой ни территории Финляндии была финская армия**. Именно это обстоятельство имело решающее значение в той обстановке, которая сложилась в Европе на втором году мировой войны. Две (затем четыре) немецкие дивизии, развернутые в Заполярье, были отделены от южной Финляндии (т.е. от столицы государства, основных промышленных центров и 9/10 населения) тысячекилометровым пространством, причем севернее железнодорожной ветки Кемь–Рованиemi–Салла среди безлюдной лесотундры тянулась одна-единственная автомобильная дорога. Ни о каком военном, силовом давлении немцев на финское руководство в такой ситуации не могло быть и речи.

Более того, все снабжение группировки немецких войск (от продовольствия до боеприпасов) держалось на коммуникациях, проходящих по контролируемой финской армией территории. Местные ресурсы (проще говоря — деревенские мужики, у которых можно было силой

отобрать еду в количестве, достаточном для обеспечения 50-тысячной группировки войск) в северной Финляндии отсутствовали. Даже при наличии союза (явного или тайного) с Финляндией снабжение немецких войск в Заполярье представляло собой огромную проблему. Единственная автомобильная дорога от Рованиemi до Петсамо имела протяженность 530 км, и немецкие автоцистерны на этом пути расходовали бензина почти столько же, сколько могли перевезти [65]. Реально немецкие войска в Заполярье могли решить только ту задачу, для которой они и были развернуты: занять с согласия финского руководства район Петсамо и попытаться захватить Мурманск и Кандалакшу. Ни о каком решающем влиянии этой крайне малочисленной группировки войск на принятие политических решений в Хельсинки не могло быть и речи.

В этом отношении Финляндия находилась (реально, а не в связи с теми или иными бумажными соглашениями) в качественно другом положении, нежели восточноевропейские союзники Германии (Словакия, Венгрия, Румыния, Волгария). Территории этих стран к 22 июня 1941 г. или уже были фактически оккупированы вермахтом, или могли быть в любой момент заняты немецкими войсками. Пример Югославии, которая в начале апреля 1941 г. попыталась было выйти из Тройственного пакта, предельно ясно показывал какой будет реакция Гитлера на первые же признаки неповиновения.

У всякой медали есть две стороны. Указанный выше основополагающий факт (главной военной силой на территории Финляндии была финская армия) свидетельствует, как минимум, о двух обстоятельствах. С одной стороны, **решение о вступлении в войну**

против Советского Союза было принято в Хельсинки, и именно финское руководство несет за него ответственность. В этом смысле нельзя согласиться с выдвинутой рядом финских историков концепцией «бревна, увлекаемого водным потоком». Именно в конце весны 1941 года, именно в тот момент, когда две тоталитарные диктатуры приготвили вцепиться друг другу в глотку, у Финляндии появилась определенная возможность для политического маневра, для принятия самостоятельных решений.

С другой стороны, именно потому, что ключевые решения принимались не в Берлине, а в Хельсинки, **у советского руководства была реальная возможность договориться с правительством Финляндии и обеспечить спокойствие на финской границе мирным путем.** Молотову вовсе не нужен был Гитлер в качестве «посредника» на переговорах с Рюти и Маннергеймом. Достаточно было наличия доброй воли и желания. И это отнюдь не запоздалые прожекты дилетанта. Сам товарищ Сталин сформулировал один из возможных путей решения проблемы следующим образом: *«СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии... В этом случае советское правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор»* [173].

Отличное предложение. Подлинный пример государственной мудрости, которая подчиняет себе мелочные соображения личных амбиций и пресловутого «имиджа». К сожалению, о своей готовности «пойти на некоторые территориальные уступки» и заключить с Финляндией «новый мирный договор» товарищ Сталин

заявил (в письме президенту США Ф. Рузвельту) лишь 4 августа 1941 г. О том, где находились финские войска 4 августа 1941 г., мы будем говорить в последней Части этой книги. Пока же отметим главное: накануне начала советско-германской войны в Москве **не было предпринято ни малейших попыток «замирить» Финляндию**. Что же касается «дружеских жестов» (вроде замены посла в Хельсинки и великодушного, хотя и уже запоздалого, обещания возобновить поставки зерна), которые привели в такое умиление тогдашнего посла в Москве Паасикиви и некоторых нынешних финских историков, то руководители Финляндии, разумеется, не согласились считать это достойной компенсацией за агрессию «зимней войны» и грабительские условия Московского мирного договора.

Весной 1941 года стабильность северного фланга общего фронта Красной Армии решено было обеспечить не дипломатическим, а военным путем. Активной обороной. Высшее военно-политическое руководство СССР решило, что 15 стрелковых дивизий и двух мехкорпусов Ленинградского округа (Северного фронта) будет вполне достаточно для «нейтрализации Финляндии». Вообще-то, товарищ Сталин еще в апреле 1940 г. объяснил самому себе и своим генералам, что «наступление финнов гроша ломаного не стоит». Выступая с заключительным словом на Совещании высшего состава Красной Армии, он говорил: *«...Финская армия очень пассивна в обороне, и она смотрит на линию обороны укрепленного района как магометане на Аллаха. Дурачки, сидят в дотах и не выходят, считают, что с дотами не справятся, сидят и чай попивают... Как наступление финнов, то оно гроша ломаного не стоит. Вот три месяца боев, помните вы хоть*

один случай серьезного массового наступления со стороны финской армии? Этого не бывало... Они очень редко шли на контратаку, и я не знаю ни одного случая, чтобы в контратаках они не провалились. Что касается какого-либо серьезного наступления для прорыва нашего фронта, для занятия какого-либо рубежа, ни одного такого факта вы не увидите. Финская армия не способна к большим наступательным действиям...»

Подчиненные подсказку поняли. И вот уже в разведсводке штаба 10-го мехкорпуса (Ленинградский ВО), подписанной начальником штаба корпуса 29 июня 1941 г., появляется пункт 8, посвященный «политико-моральному состоянию противника». Состояние просто удручающее: *«Политико-моральное состояние солдат финской армии за 1940–1941 гг. резко понизилось. Часты случаи нарушения дисциплины (пьянки, самовольные отлучки, пререкания, невыполнение приказов и пр.), большое недовольство плохим питанием и удлинением срока службы. Кроме того на солдат оказывает огромное влияние общее тяжелое экономическое положение трудящегося населения и напряженное политическое положение, вызванное поражением в прошлой войне и реакционным курсом правящей клики»* [190].

Стоило ли волноваться за устойчивость обороны войск Ленинградского округа, когда перед ними был такой морально разложившийся противник? Что же касается возможного прорыва немецких войск через Прибалтику и линию Остров-Псковского укрепрайонов к южным пригородам Ленинграда, то такая ситуация даже не обсуждалась. *«Все тогда были твердо уверены, — пишет в своих мемуарах Главный маршал авиации (а в то время — командующий ВВС ЛенВО) А.А. Новиков, — что*

войскам округа придется действовать лишь на советско-финской границе, от Баренцева моря до Финского залива. Никто в те дни даже не предполагал, что события очень скоро обернутся совсем иначе». В данном случае память Новикова не подвела. В ходе оперативно-стратегической игры, проведенной Генштабом Красной Армии в январе 1941 г., «западные» имели задачу выйти к Западной Двине на 30-й день наступления. Но и этого им «восточные», разумеется, не позволили, и дальше линии Каунас–Шяуляй «западные» не продвинулись (да и к этой линии от границ Восточной Пруссии «западные» шли 10 дней). Лишь в кошмарном сне Сталину могла привидеться ситуация, когда на 5-й день войны немцы форсируют Западную Двину, а на 18-й день займут Псков... С твердой уверенностью в несокрушимую мощь своей армии Сталин бодрым шагом повёл страну к величайшей в ее истории катастрофе.

Часть 3

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ЛЕТА

41-ГО

Глава 3.1

ВТОРНИК, 17 ИЮНЯ

В том страшном году день 17 июня пришелся на вторник. Обычный летний рабочий день. Заголовки центральных советских газет дышали безмятежностью, весьма близкой к скуке. Передовица в «Известиях» под названием: «О колхозном ширпотребе и местной инициативе». Далее идут статьи «Итоги реализации нового займа» и «Профсоюзно-комсомольский кросс начался». Некоторое оживление обнаруживалось только на последней странице. Там, где был опубликован страстный призыв руководства «Главконсерва»: «Возвращайте порожние стеклянные банки и бутылки!». На фоне этой мирной благодати особенно контрастно выглядели заголовки второй полосы номера, посвященной событиям заграничной жизни: «Война в Европе», «Война в Сирии», «Война в Африке», «Бомбардировки Кипра и Гибралтара», «Военные мероприятия Соединенных Штатов». Каждый читатель мог таким образом наглядно оценить плоды мудрой, неизменно миролюбивой внешней политики Советского Союза.

Именно в этот день, 17 июня 1941 г., поднятая по боевой тревоге 1-я танковая дивизия из состава 1-го мехкорпуса Ленинградского военного округа начала погрузку в эшелоны, уходящие в заполярный Алакуртти для *«выполнения специальной задачи»* [175]. Точный текст приказа (названного в отчете командира 1-го МК *«личным распоряжением начальника штаба ЛВО генерал-майора Никишева»*), к сожалению, неизвестен. В архивных фондах 1-го мехкорпуса (ф. 3422) и 1-й танковой дивизии (ф. 3000) этот документ найти не удалось. Строго говоря, единственным письменным подтверждением того важнейшего обстоятельства, что в приказе были использованы слова «боевой», «боевая тревога», являются опубликованные в 1987 г. воспоминания командира 1-й танковой дивизии В.И. Баранова (*«поднятые накануне по боевой тревоге, танкисты находились на погрузочных площадках железной дороги, где ставили свои машины на платформы...»*) [186]. Впрочем, в этом случае — как и во многих других — реальные факты являются не менее красноречивыми, нежели бумажные документы.

Наглядным подтверждением того, что уже 17 июня 1941 г. 1-я танковая приступила к выполнению боевой задачи, может служить картина того, в каком состоянии 1-я тд оставила место своей постоянной дислокации в поселке Струги Красные под Псковом. Генерал-полковник И.М. Голушко (в те дни только что окончивший Киевское танковое училище лейтенант) описывает в своих мемуарах, что он увидел, приехав в бывший лагерь 1-й танковой дивизии: *«Кроме старшины, представившегося начальником танкового парка, здесь никого уже не было... Оставшиеся танки — 20 единиц „БТ-5" и „БТ-7" — считались на консервации. Осмотрел я их и только ахнул:*

*одни без коробок передач, другие без аккумуляторов, у некоторых сняты пулеметы... На вопрос, что все это значит, старшина ответил, что полк, **поднятый по тревоге** (подчеркнуто мной. — М.С.), забрал все, что можно было поставить на ход...» [187].*

Вот это и называется: на войне как на войне. По меркам мирного времени 20 брошенных, разукомплектованных танков — это преступление. Но командование 1-й танковой уже 17 июня 1941 г. знало, что мирное время для него и для вверенных ему частей закончилось. А это означало, что грузиться на железнодорожные платформы следовало не теряя ни одной лишней минуты, безжалостно разбирая на запчасти неисправные танки. Работа предстояла огромная: в дивизии числилось 372 танка. 53 бронеавтомобиля, 12 новейших 152-мм пушек МЛ-20 весом по семь тонн каждая, 1,5 тыс. автомобилей разного назначения, более 10 тысяч людей, сотни тонн горючего и боеприпасов. Все это надо было загрузить в эшелоны и отправить в район новой дислокации. Трудно сказать, сколько времени заняла бы такая масштабная работа в наше время. Невероятно, но факт — в ночь на 19 июня первые эшелоны уже ушли со станции погрузки. На станцию Алакуртти они прибыли вечером 22 июня. Последние два эшелона загрузились днем 24 июня (т.е. через два дня после начала советско-германской войны) и прибыли в Заполярье 26–27 июня [188]

17 июня, в тот самый день, когда 1-я танковая дивизия получила приказ начать погрузку в эшелоны, уходящие в Заполярье, командный состав 10-го мехкорпуса Ленинградского ВО убыл на учения. Корпус базировался в южных пригородах Ленинграда (Пушкин, Павловск, Гатчина), но командно-штабные учения

руководство округа решило провести на севере Карельского перешейка, в районе Выборга. *«Учения были рассчитаны на пять суток, т.е. до 22.06 включительно. Но 21 июня в 9.00 учению был дан отбой, и весь командный состав был направлен в Выборг на разбор учения. После разбора было приказано немедленно убыть в свои части»* [191].

Деятельная подготовка к войне происходила и на самом дальнем участке будущего «финского фронта», на полуострове Ханко. Накануне войны старший сержант С.В. Тиркельтауб служил в батальоне связи 8-й осб. В своих воспоминаниях он пишет: *«...2 июня 1941 года на Ханко прибыл командующий Ленинградским военным округом М.М. Попов. В зале бывшего городского управления собрали всех офицеров, от командиров рот и старше. Им сообщили (и это сразу же стало секретом полишинеля) о возможности нападения Германии и Финляндии на Советский Союз. В тот же день командование военно-морской базы объявило об отмене отпусков для военнослужащих и прочих соответствующих мерах... Утром 19 июня в батальоне прозвучал сигнал очередной боевой тревоги, на этот раз оказавшейся вовсе не учебной... Нас посадили на машины и отправили к рубежу обороны. Больше мы в свои казармы на Ханко не вернулись. Сразу же последовал приказ раскинуть линии телефонной связи и начать дежурство. Утром 20 июня старшина раздал боевые патроны и гранаты. Такого никогда раньше не бывало... В первом часу ночи 22 июня по всему полуострову завывали сирены, загрохотали танки и грузовики. Проснулись молчавшие три дня телефонные аппараты. Связисты передавали доклады в штаб: такой-то батальон занял рубеж*

обороны, такая-то рота заняла исходную позицию...» [189].

Воспоминания сержанта в основном совпадают с мемуарами самого главного для ВМВ Ханко начальника — наркома ВМФ СССР адмирала Н.Г. Кузнецова. Ссылаясь, правда, на рассказ командира ВМБ Ханко С.И. Кабанова, адмирал Кузнецов пишет: *«Поздно вечером 19 июня через границу в Ханко прибыл советский полпред в Финляндии С.И. Зотов.*

Он сообщил, что надо ожидать начала войны с Германией и Финляндией и что две гитлеровские дивизии уже разгружаются в порту Турку. Без объявления тревоги я распорядился поднять 335-й стрелковый полк и один дивизион 343-го артиллерийского полка и этими частями до рассвета без шума занять боевой участок и огневые позиции на рубеже сухопутной обороны. В течение 20-го и в ночь на 21 июня все силы базы по приказу Военного совета были приведены в полную боевую готовность.

20 июня в Ханко прибыл из Ленинграда дизель-электроход „Иосиф Сталин“, который по расписанию должен был в тот же день уйти обратным рейсом. Сложность обстановки заставила задержать дизель-электроход. В первый день войны с Германией (фактически погрузка началась 21 июня, но пароход отошел от берега в 18 часов 22 июня. — М.С.) на нем было эвакуировано из Ханко в Таллин около 6 тысяч женщин и детей» [192].

В Приведенном выше тексте есть одна очень странная деталь: *«Через границу в Ханко прибыл советский полпред в Финляндии С.И. Зотов».* Во-первых, С.И. Зотов за два месяца до описываемых событий перестал быть полпредом и был отозван из Хельсинки.

Во-вторых, с каких это пор сотрудники дипломатического ведомства (да еще и перейдя через границу!) передают оперативную информацию военным и морским командирам? На протяжении многих месяцев существования ВМБ Ханко с ней поддерживалась устойчивая радиосвязь. В крайнем случае, для личной передачи сверхсекретной информации можно было отправить связного на боевом корабле (2-3 часа хода) или на самолете (20 мин. полета). Аэродром на Ханко был, и там базировались две эскадрильи 13-го истребительного авиаполка ВВС КБФ. Правда, в современных публикациях встречаются сообщения о том, что все было гораздо проще, и «подвиг разведчика» имел вполне обыденную причину: *«Орлов и военный атташе СССР в Финляндии капитан 2-го ранга Тарадин забрали находившиеся на одной из дач на территории Ханко свои семьи».*

В любом случае, про скорое начало войны командование ВМБ Ханко узнало отнюдь не от «полпреда», бегущего через границу. Именно в тот день, 19 июня 1941 г., именно нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов отдал приказ о переводе Балтийского, Северного и Черноморского флотов на режим «Оперативная готовность № 2».

Конкретное содержание мероприятий, проводимых в режиме «Оперативная готовность №2», было определено еще 23 июня 1939 г. директивой наркома ВМФ № 9760 Флот по этой команде переходил в следующее состояние:

«- боевое ядро флота в 4-часовой готовности к выходу в море:

- состав флота в строю по мирному времени в 6-часовой готовности к вступлению в боевые действия;

- форсируется ремонт кораблей;
- дозор несется у всех баз и ведется систематическая воздушная разведка в море;
- авиация рассредоточена на оперативных аэродромах» [106].

Самые же удивительные подробности последних мирных дней обнаруживаются в мемуарах командующего Ленинградским округом М.М. Попова. Прежде всего следует отметить, что мы, возможно, неверно указываем должность генерал-лейтенанта М.М. Попова. Был ли он 20 июня 1941 г. все еще командующим Ленинградским военным округом или уже Северным фронтом? Точный ответ на этот вопрос очень важен. Фронты в Советском Союзе никогда не создавались в мирное время (развернутый с конца 30-х годов Дальневосточный фронт может служить только примером «исключения, подтверждающего правило», граница с оккупированным Японией Китаем непрерывно вспыхивала то большими, то малыми вооруженными конфликтами). Развертывание фронтов у западных границ СССР всегда предшествовало скорому началу боевых действий. Так было и в сентябре 1939 г. (перед вторжением в Польшу), и в январе 1940 г. (в начале второй фазы «зимней войны»), и в июне 1940 г. (накануне «освобождения» Бессарабии и Буковины).

Принятая в советской историографии дата создания Северного фронта (24 июня 1941 г.) является явной дезинформацией. Хранящаяся в ЦАМО (ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 1) «Оперсводка №01 штаба Северного фронта» **подписана в 22.00 22 июня 1941 г.** Возможно, что и этот временной рубеж (вечер 22 июня) не является точным обозначением момента преобразования Ленинградского военного округа в Северный фронт. Уже

более 15 лет как доподлинно известно, что 19–21 июня 1941 г. о фронтах в секретных документах писали как о реально существующих единицах. Так, в телеграмме начальника Генерального штаба от 19 июня 1941 г. командующему войсками Киевского ОВО было сказано: *«Народный комиссар обороны приказал: к 22.06 1941 г. управлению выйти в Тернополь, оставив в Киеве подчиненное Вам управление округа... Выделение и переброску **управления фронта** (подчеркнуто мной. — М.С.) сохранить в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа»* [164]. Еще один примечательный документ был составлен в соседнем с Ленинградским в Прибалтийском округе в 14 ч. 30 мин. 21 июня 1941 г. В нем ставится задача *«начиная с сегодняшней ночи до особого распоряжения ввести светомаскировку в гарнизонах и местах расположения войск»*. В этом не было бы ничего удивительного, если бы не подпись: *«Помощник командующего войсками **С.З.ф.** по ПВО полковник Карлин»* [193].

Самое раннее из известных упоминание слов «Северный фронт» обнаруживается в собственноручно написанном Маленковым (секретарь ЦК, член Главного Военного совета) тексте проекта решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июня 1941 года: *«Поручить т. Мерецкову общее руководство **Северным фронтом** с выездом на место... Назначить членом Военного совета **Северного фронта** т. Кузнецова...»* [121].

В эти тревожные дни, когда о близком начале войны догадывались уже военачальники «от командиров рот и старше», генерал-лейтенант М.М. Попов с группой высшего комсостава округа отбыл из Ленинграда в Заполярье.

Зачем? Если верить написанным в 1964 г. и опубликованным в 1968 г. мемуарам генерала Попова, то вот зачем: *«В десятых числах июня была получена директива Наркома обороны, которой назначалась большая комиссия под председательством командующего Ленинградским военным округом с возложением на нее задач выбора площадок для строительства аэродромов для базирования истребительной и бомбардировочной авиации по берегам Баренцева моря»* [194].

Поверить в такое трудно. Точнее сказать — невозможно. У командующего войсками округа (и не простого округа, а округа, готовящегося превратиться в действующий фронт), у генерала, допущенного к участию в секретнейшем Совещании высшего состава Красной Армии в кабинете Сталина 24 мая 1941 г., было много других дел и забот, кроме того, чтобы лично подбирать подходящие «площадки для строительства аэродромов» в безлюдной тундре Кольского полуострова. Причем, если опять же верить мемуарам М.М. Попова, экспедиция должна была продлиться целый месяц! И это не шутка: *«К концу нашей встречи А.Г. Головкин (командующий Северным флотом) сообщил, что миноносец, выделенный для комиссии по выбору аэродромов, на котором я должен был отправиться, к выходу в море готов, и предложил уточнить время этого выхода. Не лежала душа, как говорится, к этому расставанию с сушей почти на месячный срок. Однако не выполнить директивы наркома, конечно, было нельзя»*.

Совершенно непонятно — куда, в какие моря должен был уйти «миноносец, выделенный для комиссии по выбору аэродромов». За «почти месячный срок» можно было дойти до Аляски и вернуться. Если же речь шла о «берегах Баренцева моря», т.е. о переходе

максимум от Мурманска до северо-восточной оконечности Кольского полуострова, то для миноносца (при средней скорости 20 узлов) там хода на один день...

Дальше события (а встреча М.М. Попова с контр-адмиралом А.Г. Головкин происходила 20 июня) развивались следующим образом: *«...После некоторых размышлений было найдено разумным доложить по телефону наши настроения. И вот нарком на проводе. Короткий доклад об обстановке на сухопутной границе, на море и в воздухе и откровенное заявление, что в этих условиях выход в море нецелесообразен.*

„Хорошо, что позвонил, — прозвучал в трубке голос наркома. — Выход в море пока отложим. Немедленно возвращайся в Ленинград“. Присутствовавшие при этом разговоре с наркомом комфлота и командарм (командующий 14-й армией генерал-лейтенант В.А. Фролов) усмотрит в отмене выхода в море некоторое подтверждение нашим опасениям...»

Странно. На Северном флоте Оперативная готовность № 2 была объявлена 19 июня в 17.00. Это могло (да и должно было) в значительно большей степени «подтвердить опасения». Немного странно выглядит и порядок управления на уровне нарком обороны — командующий одним из пяти приграничных округов (или уже фронтов). «Хорошо, что позвонил». Хорошо. А если бы не позвонил? Так бы и уплыл командующий в морской круиз на месяц?

В Мурманске же, после обсуждения обстановки с командующим 14-й армией, М.М. Попов принял решение, смысл которого перевести на русский язык категорически невозможно:

«Мы считали совершенно необходимым распространить наше решение о переходе к обороне войск на кандалакшском направлении и на войска, предназначенные для прикрытия и обороны мурманского направления и побережий полуостровов Рыбачий и Кольский, о чем очень просил командарм и на что ему было дано разрешение».

Что это значит? Во-первых, сообщается о принятом решении «о переходе к обороне войск на кандалакшском направлении». А раньше, ДО принятия решения «о переходе к обороне» — какую другую задачу имели «войска на кандалакшском направлении»? И если решение «о переходе к обороне» действительно принято (а какое-то другое решение с другими задачами отменено?), то почему же именно в эти часы 1-я танковая дивизия по приказу командования округа начинает спешную передислокацию из Пскова в Алакуртти? Далее. Если войска 14-й армии были предназначены «для прикрытия и обороны мурманского направления», то почему командарм должен был «очень просить» разрешения на переход к... обороне?

Возвращение в Ленинград, описанное в мемуарах М.М.Попова, также вызывает много вопросов: «В Ленинград я возвращался поездом „Полярная стрела“. День 21 июня, проведенный в вагоне, прошел спокойно.

*В Петрозаводске, куда мы прибыли около **4 часов утра 22 июня** (здесь и далее подчеркнуто мной. — М.С.), помимо ожидавшего нас командарма (командующий войсками 7-й армии) генерал-лейтенанта Ф.Д. Гореленко, встретили еще **секретаря ЦК Карело-Финской ССР** и начальника Кировской железной дороги. Прежде всего они сообщили о*

полученном распоряжении из Москвы: **вагон командующего от поезда отцепить** и вне графика безостановочно доставить его в Ленинград, для чего выделить отдельный паровоз. Этот паровоз уже готов, и через несколько минут можно отправляться.

Распоряжение о срочной доставке вагона командующего в Ленинград, естественно, вызвало у них озабоченность и настороженность. Однако в тот час и в те минуты **мы могли только предполагать, что назревают какие-то события**, несомненно связанные с войной. Мы ничего не могли объяснить товарищам, а так как маневровый паровоз уже тянул вагон по путям станции, пришлось наскоро рассказать об обстановке и решениях, принятых на севере, т. е. на участке 14-й армии, и предложить командарму Ф.Д. Гореленко, на участке которого финские части уже были выдвинуты к границе, срочно привести войска в боевую готовность и занять ими оборону по плану прикрытия.

Мы с членом Военного совета корпусным комиссаром Клементьевым **ломали головы в догадках**, что означает это распоряжение о срочной доставке нас в Ленинград... На одной из станций, где-то на полпути до Ленинграда, **около 7 часов утра** наш более чем скромный состав сделал свою первую остановку. Явившийся в вагон комендант с противогазом на левом боку, символом боевой готовности, представившись, доложил, что остановка вызвана необходимостью проверить буксы и будет очень короткой, а дальше намечается следование до Ленинграда без единой остановки. Но самое главное, продолжал он с заметным волнением, примерно час тому назад по селекторной связи из Ленинграда передали **только для сведения начальника станции и**

коменданта сообщение, что немцы около 4 часов утра отбомбили на западе ряд наших городов и железнодорожных узлов и после сильного артиллерийского обстрела перешли границу и вторглись на нашу территорию...»

Итак, в 4 часа утра 22 июня 1941 г. командующий Ленинградским округом (уже называемым в документах верховного командования «Северным фронтом») и командующий одной из трех армий фронта (Ф.Д. Гореленко) еще только «ломают головы в догадках» о том, что «назревают какие-то события». При этом, почему-то, командарм в 4 часа утра (для людей, ведущих нормальный образ жизни, это ночь) не спит. Не спит и секретарь карело-финского ЦК товарищ Куприянов, хотя уж для него-то командующий округом старшим начальником не является и встречать его мимо проходящий поезд на вокзале Куприянов совершенно не обязан. Далее, в 7 часов утра 22 июня командующий все еще не имеет никакой достоверной информации о начавшейся три часа назад войне и узнает о ней от «коменданта с противогазом на боку». Причем коменданта какой-то крохотной станции о начале войны уже проинформировали. Час тому назад. А командующего округом (фронтом) — еще нет.

Может все это быть правдой? Нет, не может. Знаменитая Директива наркома обороны №1 («В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО...») поступила в штаб Ленинградского округа в час ночи 22 июня 1941 г. и была незамедлительно доведена до сведения командующих армиями и корпусами. Можно привести множество подтверждений этого факта. Сегодня уже можно указать и точные архивные ссылки на

документы. Но мы не будем этого делать, а просто продолжим чтение мемуаров М.М. Попова: *«Утром 22 июня мы вернулись в Ленинград... Встречавший нас на вокзале генерал К.П. Пядышев тут же в вагоне кратко обрисовал обстановку. Около **1 часа ночи была получена директива наркома**, предупреждавшая о том, что 22–23 июня возможно нападение гитлеровских войск на нашу страну. Директивой требовалось привести войска в боевую готовность и занять огневые точки в укрепрайонах на госгранице. Штаб округа **тут же был собран** по боевой тревоге, и **войскам направлены были соответствующие указания...**»*

Таким образом, даже если предположить такое вопиющее разгильдяйство, как отсутствие средств радиосвязи и шифровальных устройств в вагоне командующего округом, то по меньшей мере в 4 часа утра, после встречи с командующим 7-й армией генералом Гореленко, Попов должен был от него узнать содержание директивы №1. После этого ломать голову в догадках было уже совершенно незачем.

Тщательно подготовленный советскими писателями читатель, разумеется, «знает», что никакой радиосвязи в Красной Армии не было, «история отпустила нам мало времени», а команды в армии передавали флажками, сигнальными кострами, тамтамами, в лучшем случае — по проводному телефону. Увы, документы и факты не подтверждают смелую гипотезу о том, что Сталин организовал производство самолетов, танков, орудий, бронемашин, тягачей, минометов (причем в циклопических количествах), а вот про средства радиосвязи — забыл. По состоянию на 1 января 1941 г. в Вооруженных силах СССР числилось:

- фронтовых радиостанций (РАТ) — 40 штук (в среднем по **8 на каждый из пяти будущих фронтов**);
- армейских и корпусных (РАФ, РСБ) — 1613 штук (в среднем по **18 на каждый стрелковый и мехкорпус**);
- полковых (5АК) — 5909 штук (в среднем по **4 на каждый полк**) [121].

Итого — 7566 радиостанций всех типов. Разумеется, в это число не вошли танковые и самолетные радиостанции. И это все — на 1 января 1941 г. Советские радиозаводы продолжали свой «мирный созидательный труд», и к 22 июня средств радиосвязи должно было стать еще больше. По крайней мере, план 1941 года предусматривал выпуск 33 РАТ 940 РСБ и РАФ, 1000 5АК. В процитированной выше докладной записке наркома обороны СССР отсутствуют, к сожалению, данные по наличию предшественницы РАФа — мощной (500 Вт) радиостанции 11-АК, хотя этих комплексов в войсках было очень много. Так, в Киевском ОВО по состоянию на 10 мая 1941 г. числилось 5 комплексов РАТ, 6 — РАФ. 97 — РСБ и 126 единиц 11-АК. И еще 1012 полковых 5АК [121].

Теперь стоит пояснить — что обозначают все эти большие буквы. Радиостанция РСБ стандартно устанавливалась на шасси автомобиля, имела излучаемую мощность до 50 Вт и обеспечивала дальность телефонной связи в 300 км, т.е. фактически в полосе действий армии или даже фронта. РАФ — это значительно более мощный (400-500 Вт) комплекс аппаратуры, устанавливаемый на двух грузовиках «ЗИС-5». Подлинным чудом техники 40-х годов мог считаться комплекс фронтовой радиосвязи РАТ. Огромная мощность (1,2 кВт) позволяла обеспечить связь

телефоном на расстоянии в 600 км, а телеграфом — до 2000 км. Схема передатчика предоставляла возможность работы на 381 фиксированном канале связи с автоподстройкой частоты. Так что наше предположение о том, что только по причине крайнего разгильдяйства в вагоне командующего одним из пяти приграничных округов могло не оказаться мощной радиостанции и одного из 247 имеющихся в наличии аппаратов шифрованной связи «БОДО», вполне обосновано...

Вернемся, однако, вместе с генералом Поповым в Ленинград: *«...На Невском проспекте, по которому мы ехали в штаб округа, царило обычное в эти воскресные часы оживление. Официального объявления о начавшейся войне еще не было... В штабе округа находился генерал армии Мерецков, **прибывший утром** (подчеркнуто мной. — М.С.) как представитель наркома... Прибыв в штаб, я сразу же прошел в кабинет начальника штаба округа генерала Д.Н. Никишева, где застал К.А. Мерецкова, говорившего с кем-то по телефону... Наметив с Д.Н. Никишевым план работы на ближайшие часы, мы с К.А. Мерецковым спустились в мой кабинет для того, чтобы во всех деталях разобраться в обстановке на финской границе...»* [194].

Если верить написанному, Попов увидел Мерецкова в штабе округа (фронта) утром **22 июня**, никак не позднее 12 часов дня («объявления о начавшейся войне — т.е. выступления Молотова по радио — еще не было»). И не просто «увидел», а разговаривал с Мерецковым, обсуждал с ним планы первоочередных мероприятий... Вот только сам К.А. Мерецков этого почему-то категорически не помнит: *«...Днем 22 июня я включил радио и услышал выступление народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова о злодейском нападении*

фашистской Германии на нашу страну. Теперь мои спутники, генерал П.П. Вечный и офицер для поручений лейтенант С.А. Панов, получили ответ на вопрос, для чего мы едем в Ленинград.

Прибыв в Ленинград, я немедленно отправился в штаб округа. Меня встретили с радостью, все хотели услышать живое слово представителя Москвы, получить устное распоряжение. На месте были генерал-майор Д.Н. Никишев и корпусной комиссар Н.Н. Клементьев... Командующий войсками округа М.М. Попов в момент начала войны инспектировал некоторые соединения округа... Штаб округа работал с предельной нагрузкой. Ночь предстояла беспокойная. Меня известили, что 23 июня в Ленинград прибудет из Мурманска командующий войсками округа М.М. Попов... Наступило утро второго дня войны. Я получил срочный вызов в Москву» [93].

Итак, из воспоминаний Мерецкова следует, что в Ленинград он прибыл уже после выступления Молотова по радио, т.е. после 12 часов дня. Командующего округом он не встретил ни днем, ни вечеров, ни вообще за все короткое время своего пребывания в Ленинграде. И что совсем уже странно — Клементьев (ЧВС округа, который возвращался из Мурманска — по версии Попова — в одном с ним вагоне) по версии Мерецкова уже днем 22 июня был в Ленинграде. Что это было? Генерал-лейтенант Попов отстал от поезда?

К загадочной и трагической истории поездки Мерецкова в Ленинград мы еще вернемся. Пока же отметим то единственное, что можно сказать с полным основанием: рассказать правду о последних предвоенных днях М.М. Попов и К.А. Мерецков отказались. Или (что

еще более вероятно) им в этом праве отказали «литконсультанты».

17 июня 1941 г. важнейшие события происходили и по другую сторону будущего фронта. В этот день в Финляндии началась всеобщая мобилизация. Принятию такого решения предшествовали примечательные события, достаточно характеризующие степень взаимного недоверия будущих союзников (Финляндии и Германии).

Как известно, гитлеровское руководство разработало (и очень успешно провело в жизнь) сложную, многоуровневую схему дезинформации, которая должна была прикрыть стратегическое развертывание вермахта для войны с Советским Союзом. Одним из элементов этой кампании дезинформации было распространение слухов о якобы ведущихся (или готовящихся) переговорах между высшим руководством Германии и СССР, в ходе которых немецкая сторона в ультимативной форме потребует от СССР больших уступок, вплоть до «аренды Украины». Эти слухи, распространяемые по дипломатическим и разведывательным каналам, должны были, с одной стороны, «объяснить» сосредоточение немецких войск у границ с СССР как элемент психологического давления на Москву, с другой — притупить бдительность советского руководства, которому предлагалось ожидать предъявления ультиматума (который в реальности так никогда и не прозвучал). Смятение умов было усилено знаменитым Заявлением ТАСС от 13 июня 1941 г, в котором, в частности, говорилось: *«Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает*

какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места». В созданной совместными усилиями германских, советских и английских спецслужб обстановке, когда никто уже ничему не верил. Заявление ТАСС во многих правительственных кабинетах было воспринято как скрытое приглашение Верлина к переговорам.

Финское руководство также было включено в перечень дезинформируемых субъектов. Маннергейм в своих мемуарах пишет: «В середине мая министерство иностранных дел Германии поинтересовалось, какие пожелания имеются у Финляндии, чтобы принять их во внимание в процессе переговоров, которые ведутся с советским правительством и которые, как ожидается, должны привести к разрядке сложившейся напряженности мирным путем... Однако прошло немного времени, и мы были вынуждены констатировать, что сведения о переговорах были взяты с потолка и что вся эта история была чистым блефом» [22].

В начале июня 1941 г. в Хельсинки усилились опасения по поводу того, что Германия и СССР все же договорятся между собой: за спиной Финляндии, а может быть — и за счет Финляндии. Вполне вероятной представлялась ситуация, при которой Гитлер — в рамках нового большого соглашения со Сталиным — предоставит последнему «карт бланш» на оккупацию Финляндии или же два диктатора договорятся о «полюбовном» разделе Финляндии (подобно тому, как в реальной истории осенью 1939 года они поделили Польшу). В такой, крайне неопределенной обстановке финское руководство не хотело начинать полномасштабную мобилизацию (которую советское руководство могло вполне обоснованно рассматривать

как враждебный акт) до получения от немцев конкретных разъяснений ситуации.

Точный текст финского запроса (переданного в Берлин через Вушенхагена) неизвестен. В общих чертах версии разных историков сводятся к тому, что Финляндия хотела получить или точное сообщение о том, что война между Германией и СССР неминуема, или гарантии того, что в ходе политических переговоров Москва и Берлин не заключат новую сделку за счет интересов Финляндии. Ответ был получен 15 июня в виде телеграммы Кейтеля полковнику Бушенхагену, в которой последнему было поручено сообщить финнам, что *«требования и условия, выдвинутые Финляндией относительно принятия соответствующих мер, можно считать выполнимыми»* [65]. Едва ли эта витиеватая и достаточно невнятная фраза может считаться «договором о нападении на Советский Союз». И тем не менее, даже профессор М. Йокиппи (на выборочном цитировании фундаментального труда которого паразитируют наши отечественные «обличители финской военщины») вынужден был признать, что *«наряду с устными договоренностями, это был единственный документ, на который президент Рюти мог сослаться, когда депутация от четырех партий 21 июня 1941 г. пыталась узнать у него, каковы гарантии германской помощи»* [26].

Насколько «активной» планировалась финская оборона? Маннергейм утверждает, что оперативные планы финской армии изначально были сугубо оборонительными: *«У нас был всего один план войны, и он был оборонительным. Группировка войск, согласно этому плану, создавалась исключительно для выполнения оборонительных задач. Утверждение, что Финляндия якобы готовилась вести наступательные*

действия, не соответствует действительности. Тот факт, что первую попытку наступления на участке севернее Ладожского озера мы предприняли спустя три недели после начала войны, а к следующим наступательным действиям с целью освобождения Выборга и Карельского перешейка перешли еще через три недели, как раз и свидетельствует о том, что нам нужно было перегруппировать войска для наступления» [22].

В то же время 3-й армейский корпус финской армии (6-я пехотная дивизия в районе Кусамо и 3-я пехотная дивизия севернее Суомуссалми) под командованием героя «зимней войны» генерала Сииласвуо уже 15 июня был передан в оперативное подчинение штаба армии «Норвегия», что говорит о явной готовности принять участие в немецком наступлении на Кандалакшу. Приказ по армии «Норвегия», подписанный 22 июня 1941 г., требовал начать наступление 36-го немецкого и 3-го финского корпусов 1 июля 1941 г. [65]. Сегодня уже известно, что еще на этапе июньских совещаний финских и немецких генералов было принято решение о разделении зон ответственности примерно по 65-й параллели, проходящей через Оулу и Суомуссалми. К северу от этой линии все войска подчинялись штабу немецкой армии «Норвегия», к югу — финскому главнокомандующему.

Оперативный план финской армии «Карелия» (пять пехотных дивизий, две егерские и одна кавалерийская бригады), начавшей в реальности наступление вдоль восточного берега Ладожского озера 10 июля, был подписан (и доведен до сведения немецкого командования) **28 июня 1941 г., т.е. уже после советских бомбардировок 25–26 июня** и после формального вступления Финляндии в войну [65]. С

другой стороны, нетрудно догадаться, что работа над планом крупномасштабного наступления началась не за 3 дня до его подписания... В изложении М.Йокипии события разворачивались следующим образом: *«...Первоначальные оборонительные планы Финляндии, привязанные главным образом к полосе от Выборгского залива до озера Саймы, начали с июня 1941 г. постепенно приобретать наступательный характер. Это видно из передислокации некоторых подразделений к северу от Ладожского озера. С началом мобилизации Главный штаб отдал 18 июня серию приказов, в которых наряду с задачами по обороне, изложенными кратко и мимоходом, ставились широкие и точные наступательные цели (так называемые альтернативные планы)... С оборонительной линии Салпа в резерв сил, наступающих на Сортавалу и Хиитола, перебрасывались 5, 15 и 19 дивизии...»*

Все это звучит не слишком убедительно. Непонятно, почему «точные наступательные цели» излагаются в форме каких-то «альтернативных планов». Нет в версии М. Йокипии и внятного ответа на вопрос о том, кто и когда должен был выбирать одну из нескольких «альтернатив»?

Не менее активной планировалась и оборона морских рубежей Финляндии. Так как военно-морская тематика выходит за рамки компетентности автора этой книги, ограничимся подробным цитированием работы специалиста: *«На военно-морские силы Финляндии возлагались две основные задачи — обеспечение своего судоходства в северной части Балтийского моря, а также ведение активных действий на сообщениях советского флота в Финском заливе и в районе Аландских островов.*

Выполнение первой задачи финское командование предполагало достигнуть путем введения конвоев, захвата Аландских островов и советской ВМБ Ханко, создания минно-артиллерийских позиций в районе Аландских островов и на подходах к шхерной коммуникации Финского залива, организации дозоров и траления мин в этих районах. Все это должно было исключить проникновение наших кораблей, особенно подводных лодок, в Ботнический залив.

*Вторую задачу намечалось выполнить путем уничтожения кораблей и судов подводными лодками и катерами, а также постановкой активных минных заграждений. Финское командование планировало поставить 79 активных и оборонительных минных заграждений общей численностью 1898 мин, что составляло около 80% от их общего запаса. Из этого количества в первые два дня после начала военных действий предусматривалось выставить в Финском заливе и в районе Аландских островов 38 заграждений — всего 1002 мины, на третий день — четыре заграждения, 170 мин, а остальные — по особому указанию. **Минное оружие предпочиталось использовать, главным образом, в оборонительных целях для создания минно-артиллерийских позиций** (подчеркнуто мной. — М.С.). Для прикрытия побережья планировалось ставить минные заграждения с большой плотностью, а в радиусе наиболее эффективного действия огня своей береговой артиллерии — с малой» [106].*

Зоны ответственности военно-морских флотов были разделены по 26-му меридиану (примерно 70 км к востоку от линии Хельсинки — Таллин), а именно: к

востоку от меридиана действует финский флот, к западу — германский.

Из этого решения, в частности, следует, что мощная полоса минных заграждений в устье Финского залива, наглухо закрывшая выход Краснознаменного Балтфлота в Валтику, была очень выгодна немцам — они избавились от угрозы появления вражеского флота у немецких городов и бортов Валтийского моря. Финнов же это оставляло один на один с огромным советским флотом (на борту только двух линкоров — «Марат» и «Октябрьская революция» — было 24 дальнобойных 305-мм орудия). И только абсолютная беспомощность командования КБФ спасла в дальнейшем южное побережье Финляндии от разрушения огнем морских орудий...

Для минирования выходов из Финского залива немцы в период с 12 по 19 июня перебазировали в шхеры финского побережья в районах Турку и Порккала-Удд отряд легких кораблей. В его состав входили:

- 6 минных заградителей;
- 18 торпедных катеров;
- 12 катерных тральщиков (этот термин означает самый малый из трех классов минных тральщиков), а также 4 буксира и несколько вспомогательных судов.

Кроме торпедных катеров и одного минного заградителя («Брюммер», который до захвата немцами числился в составе норвежского ВМФ под названием «Альбатрос») все суда представляли собой переоборудованные корабли грузового и пассажирского флота. Такими силами немцы начали (и успешно для них

завершили) операцию по блокированию Балтфлота (уже переведенного с 19 июня на режим Оперативной готовности №2), причем буквально в районе его главной базы (Таллин).

*«16-19 июня 1941 г. отряд кораблей германского флота, предназначенный для действий из финских военно-морских баз, прибыл в Хельсинки и Турку. Командующие германскими и финскими силами **действовали самостоятельно и не были подчинены друг другу** (подчеркнуто мной. — М.С.). Взаимодействие для достижения единой оперативной цели обеспечивалось путем их договоренности между собой. На основании согласованных решений своих командующих штабы разрабатывали соответствующие оперативные документы. Обмен ими производился только лишь по вопросам, касавшимся безопасности плавания (границ минированных районов, опознавательных сигналов, навигационных знаков и др.).*

Минные заградители получили приказ об окончательной подготовке к боевым действиям 19 июня, а 21 июня пришел условный сигнал на проведение активной минно-заградительной операции. Постановка мин началась в 23.30 21 июня.

Группа минных заградителей „Норд“ (три заградителя) под охраной 6 катерных тральщиков и 4 торпедных катеров поставила в несколько приемов заграждения между островом Бенгтшер и мысом Тахкуна (остров Хиума). Вслед за этим в условиях светлой белой ночи германские корабли прошли всего в 3,5 км от берега острова Хиума на северо-восток для продолжения минных постановок. В 02.21 их атаковали пулеметным огнем два советских самолета. Германские корабли

открыли безрезультатный огонь, но одна летающая лодка продолжала преследовать соединение... В 03.00 соединение вошло в Финские шхеры и стало на новой, хорошо замаскированной якорной стоянке.

Минная группа „Кобра“ (три заградителя) под охраной 5 катерных тральщиков и 6 торпедных катеров поставила заграждения к северу от мыса Пакринем... Во время постановки мин советские береговые наблюдательные посты несколько раз запрашивали германские корабли светом азбукой Морзе. Они не отвечали, но „Kaiser“ зажег якорные огни. Ввиду движения советских судов заграждения поставили с некоторым отклонением от первоначального плана, после чего германские корабли без каких-либо помех вернулись в шхеры Финляндии...

...Далее минные постановки продолжались еженощно. В частности. 24 июня постановкой донных мин севернее маяка Тахкуна был перекрыт остававшийся еще свободным для больших кораблей проход вдоль северного берега острова Хиума (Даго)... Таким образом, противник в течение только первых трех дней войны создал минную угрозу у выходов из баз и на основных морских сообщениях КБФ, израсходовав в общей сложности 1060 якорных ударных и около 160 донных неконтактных мин» [106].

Упомянутые выше маяки, острова и мысы, если отметить их на географической карте, выстраиваются в несколько линий минных заграждений, пересекающих вход в Финский залив в меридиональном (с севера на юг) направлении, примерно в полосе от Ханко — остров Хиума до Поркалла–Таллин. Упомянутая в судовых журналах немецких судов ночная атака двух советских

самолетов находит свое подтверждение и в советских источниках. Так, адмирал В.Ф. Трибуц (в годы войны — командующий КБФ) в своих мемуарах пишет: *«...в 3 часа 30 минут старший лейтенант Трунов и лейтенант Пучков из 44-й авиационной эскадрильи, проводя на самолетах МБР-2 разведку, обнаружили неизвестные корабли, маневрирующие в Финском заливе. Снизившись до 600 метров, самолеты взяли на них курс, но были встречены зенитным огнем. Как позже выяснилось, это были вражеские надводные корабли, производившие минные постановки»* [195].

Кажущаяся разница во времени объясняется тем, что немцы делали записи в судовом журнале по берлинскому времени, на час отличающемуся от московского.

С постановкой собственных минных заграждений на входе в Финский залив Балтфлот отстал от противника примерно на одни сутки. Разумеется, отстал не от избытка миролюбия и не от пресловутого «доверия к подписанному немцами пакту о ненападении». Командование флота ставило вопрос о немедленном начале минных постановок еще 19 июня, но разрешения из Москвы не поступило. Об этом практически в одних выражениях пишут в своих мемуарах и бывший нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, и бывший начальник штаба КБФ Ю.А. Пантелеев: *«...Помнится, балтийцы просили это (начать минные постановки. — М.С.) еще раньше, когда перешли на готовность № 2, то есть 19 июня. Но я не мог такого позволить — это выходило за рамки моих прав. Поэтому на Балтике этот приказ получили в 6 часов 30 минут 22 июня... Затем было дано дополнительное приказание: „Ставить мины круглосуточно, использовать все что можно: эсминцы и другие корабли“. Помнится, Л.М.*

Галлер лично звонил в Таллин и просил ускорить эту операцию: ведь нужно было выставить несколько тысяч мин...» [192].

«... Некоторое время спустя я разговаривал по ВЧ с заместителем Наркома ВМФ адмиралом Л.М. Галлером.

— Товарищ Пантелеев! Надо принять все меры к быстрой постановке мин заграждения... Пожалуйста, доложите об этом комфлоту.

— Есть! Доложу! — сказал я и не сдержался: — Лев Михайлович, сколько раз мы просили разрешения начать минные постановки! Но нам отказывали. А теперь торопят со всех сторон, будто мы сами ничего не понимаем...

Галлер меня перебил:

— Послушайте, голубчик, не будем сейчас вдаваться в подробности. Это потом, а сейчас я вас убедительно прошу доложить комфлоту и быстрее действовать...» [238].

Действовать начали быстро и решительно. В тот же день, 22 июня 1941 года, командование Балтфлота отдало командиру 2-й бригады подводных лодок такой приказ:

«1. Противник использует Балтийское море для своих военных перевозок; боевые корабли противника появились в юго-западных водах Финляндии. Сведения о минных постановках имеются только в районе банки Глотова.

*2. Ваша задача: развернув лодки в средней и северной частях, **топить все корабли противника по***

праву неограниченной подводной войны(подчеркнуто мной. — М.С.)» [247].

Остается только отметить, что государственная принадлежность «кораблей противника», которые предстояло «топить по праву неограниченной подводной войны», в этом приказе никак не обозначена.

Глава 3.2

«БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НАЧАЛИ НЕМЦЫ...»

«Командующим 14-й, 7-й и 23-й армиями, командирам 19-го СК и 50-го СК.

На рассвете 22 июня немцами началась бомбежка Севастополя, Либавы, Виндавы. Начались боевые действия [в] районе Кристынополь Киевского военного округа и границах Прибалтийского ОВО. Боевые действия начали немцы...» [196].

С этой директивы Военного совета для войск Ленинградского округа началась война. Примечательно, что совершенно очевидный для современного читателя факт («боевые действия начали немцы») не был столь заурядным для современников событий. Видимо, поэтому ВС округа счел нужным специально его подчеркнуть...

В первые дни войны войска Ленинградского округа оказались в особом положении. От начавших боевые действия немцев их отделяла 400-километровая полоса территории, находившейся в зоне ответственности Прибалтийского ОВО. Это обстоятельство позволило провести мобилизацию и оперативное развертывание Северного фронта в плановом, «штатном» режиме. В

10.45 22 июня в штабы армий был отправлен приказ того самого содержания, которого до начала артиллерийской канонады на границе так и ни дождались армии Прибалтийского, Западного, Киевского округов: *«Ввести в действие план прикрытия немедленно»*. Все планы прикрытия мобилизации и развертывания приграничных округов (в том числе и план прикрытия ЛенВО) **предполагали активные действия авиации по сопредельной территории**. Но так как утром 22 июня вопрос о способе и масштабе ведения «активной обороны» на финской границе еще не был решен, то следом затребованием ввести в действие план прикрытия шла следующая фраза: *«Переход и перелет границы до особых указаний не производить»* [197].

Не встречая вооруженного противодействия, войска округа (фронта) действовали вполне слаженно и четко.

Оперсводка № 01 штаба 23-й армии сообщает, что уже к 19.40 22 июня стрелковое корпуса армии (19-й СК и 50-й СК) *«заняли район прикрытия согласно плана»* [198]. В 22.00 22 июня подписана оперсводка № 01 штаба Северного фронта: *«Войска Северного фронта занимают свои районы [по] плану прикрытия и приступили к отмобилизованию по МП-41 (мобилизационный план 41-го года. — М.С.)... 1-я тд следует по ж/д на ст. Алакуртти, к 20.00 прибыло два эшелона... Полуостров Ханко. Части в боевой готовности. Семьи военнослужащих эвакуируются 22 июня в 18.00 теплоходом „Иосиф Сталин“... Нарушения границы наземными частями в течение дня на фронте 7-й и 23-й армий не отмечалось»* [199].

В тот же день, 22 июня, пришли в движение и главные ударные соединения Северного фронта: 1-й и

10-й мехкорпуса. Первый по счету боевой приказ (без номера, написан от руки) командир 10-го МК генерал-майор И.Г. Лазарев отдал в 8.50 22 июня: *«Поднять части и привести в боевую готовность. Быть готовым к выступлению»* [200]. Следующий приказ того же дня (без номера и без указания точного времени): *«После истечения срока боеготовности частей в ночь на 23.6.41 подготовиться к выступлению. Ориентировочно район к-хи [кирхи] Хейниоки»* [201]. Странно, но этот приказ ещё содержит указание: *«Огнеприпасы на руки не выдавать»*.

Но уже в 23.10 22 июня командир корпуса приказал *«укомплектовать боевые машины положенными боеприпасами. Стрелкам выдать на руки»*.

К вечеру 23 июня соединения 10-го МК (21-я и 24-я танковые дивизии. 198-я моторизованная дивизия) вышли из пунктов предвоенной дислокации и сосредоточились на южных окраинах Ленинграда. В ночь с 23-го на 24 июня огромный, грохочущий и изрядно дымящий «железный поток» 10-го мехкорпуса (по состоянию на 1 июня 1941 г. в корпусе числилось 469 исправных танков, 86 бронемашин, 34 гусеничных тягача, 1090 автомашин, 450 мотоциклов) прошел через Ленинград на север в сторону Выборга [202]. Дивизии корпуса имели задачу выйти в район ст. Кямяря, п. Хейниоки, п. Муола, ст. Тали (см. карту № 6).

В штаб 1-го мехкорпуса первое по счету боевое распоряжение (б/н) поступило в 10.50 22 июня: *«Комвойсками приказал 3-ю тд и 163-ю мсд поднять и подготовить к выступлению. Время выступления и маршрут будет дан дополнительно»* [203]. В 14.15 22 июня командир корпуса генерал-майор М.Л. Чернявский

отдал боевое распоряжение №1: *«Командирам 3-й тд, 163-й мсд, 5-го мцп (мотоциклетный полк). Подготовить части в полную боевую готовность. Части рассредоточить в укрытых местах своих лагерей и принять все меры охранения. Готовность к выступлению постоянная...»* [204]. Наконец, в 22.11 22 июня дивизии 1-го мехкорпуса получили приказ начать немедленно марш по маршруту Псков–Луга–Красногвардейск (Гатчина) и к утру 24 июня сосредоточиться в районе южных пригородов Ленинграда (Пушкин, Пулково). Все это вполне соответствовало всем известным предвоенным планам, в соответствии с которыми 1-й МК как главный резерв командования фронта сосредотачивался южнее Ленинграда.

Однако внимательное знакомство с оригиналами документов позволяет обнаружить и нечто новое. Так, боевой приказ (б/н) на выдвижение 163-й моторизованной дивизии, подписанный командиром 1-го МК в 22.05 22 июня, напечатан на оборотной стороне топографической карты [205]. Возможно, в штабе корпуса не нашлось на тот момент чистого листа писчей бумаги, а счет времени шел уже на часы и минуты. Для первого дня войны, начавшейся отнюдь не по планам советского командования, в этом ничего удивительного нет. Примечательно другое: в штабе мехкорпуса, дислоцированного в районе Пскова. «под рукой» оказалась не топографическая карта Псковской области, и не карта соседней Латвии, и даже не карта вражеской Германии, а **топографическая карта... Финляндии**. Этими картами 163-я мд была обеспечена в избытке. На обратной стороне листов топографической карты южной Финляндии отпечатаны приказ о паролях и отзывах на 24 июня [206], распоряжение командира дивизии об усилении разведбата взводом танков БТ-5 от 24.00 24

июня [207], докладная записка об обстоятельствах аварии бронемшины «БА-20» от 26 июня...

Нарушая хронологию изложения событий, сразу же отметим, что на фронт войны с «белофиннами» 163-я мд так никогда и не попала. 30 июня 1941 г., в связи с катастрофической обстановкой, сложившейся в полосе Северо-Западного фронта после форсирования немцами Западной Двины (Даугавы), 1-й мехкорпус был из состава Северного фронта исключен и переброшен в новый (а фактически — старый, исходный) район Пскова — Острова, навстречу наступающим частям 4-й танковой группы вермахта. Для войны с немецко-фашистскими захватчиками на своей территории довоенные планы и довоенные карты уже не годились. Более того, они стали опасным «вещдоком». Поэтому 29 июня начальник оперативного отдела штаба Северного фронта генерал-майор Тихомиров отдает следующее распоряжение начальнику штаба 1-го мехкорпуса полковнику Лимаренко: *«Имеющиеся в корпусе карты с собой не брать. Выслать одну машину 1,5 т за получением новых наборов карт»* [208].

Получив это указание, полковник Лимаренко в 23.20 29 июня отдал следующий приказ своим подчиненным: *«Немедленно в штаб корпуса командирам 3-й тд и 163-й мсд выслать по одной машине и по одному представителю для поездки в штаб Северного фронта для получения карт. **Ранее полученные карты, все без исключения** (подчеркнуто мной. — М.С.), подготовить к сдаче и сдать непосредственно на склад карт в Ленинграде»* [209]. Сдать «все без исключения» так и не удалось. Уже после фактического разгрома 163-й мд, 31 июля 1941 г., список оперативных дежурных

по управлению 163-й мд выполнен опять же на обороте карты Финляндии... [210].

Вернемся теперь в 23 июня 1941 г. Максимальная протяженность маршрута частей 1-го МК на марше к Гатчине составляла 200-250 км. Для гусеничных машин (танков, артиллерийских тягачей) марш такой протяженности представляет большую и трудную задачу. Трудную, но вполне решаемую. Как выше уже было упомянуто, 56-й танковый корпус Манштейна прошел 300 км от границы до Даугавпилса (Двинска) за четыре дня. Примерно такой же по протяженности рейд совершил от границы до Даугавы и 41-й танковый корпус Рейнгардта (см. карту №8). Причем немцы не просто маршировали, а (как все еще принято считать) «преодолевали ожесточенное сопротивление частей Красной Армии».

Соединения 1-го МК (3-я танковая и 163-я моторизованная дивизии). не встречая ни малейшего противодействия со стороны наземного или воздушного противника, вышли в район Красногвардейска (Гатчины) за двое суток, но с огромными «потерями». Сбор отставших на марше колесных и гусеничных машин продолжался еще несколько дней. Судя по оперативной сводке № 7 штаба 1-й тд, даже к 28 июня из 337 танков дивизии в исправном состоянии в районе сосредоточения находилось всего 255 единиц. Из 40 тяжёлых трехбашенных танков Т-28 отстали на марше по причине «горения фрикционов» 17 машин [211]. Лишь к 1.00 30 июня (оперативная сводка №11) число исправных танков выросло до 278 [212]. Если у танков могли «сгореть фрикционы», то **потери личного состава в ходе марша в глубочайшем тылу** не имеют ни какого объяснения.

Тем не менее, по документам штаба 3-й тд в дивизии на 28 июня числилось всего 7359 человек (начсостав — 665, младший начсостав — 1147, рядовых — 5547) [213]. Это очень странные цифры. По штату в танковой дивизии должно было быть 10941 чел. личного состава. Уже к 1 июня 1941 г укомплектованность 1-го МК личным составом составляла 87% [214]. После 1 июня части и соединения западных округов пополнились личным составом в рамках так называемых БУС («большие учебные сборы»), т.е. скрытой мобилизации. 23 июня мобилизация в Советском Союзе стала открытой и всеобщей, и войска Ленинградского округа (Северного фронта) были в целом пополнены мобилизованными резервистами до штатных норм.

Никаких пояснений по поводу того, что численность личного состава 3-й тд к 28 июня составляла (еще? уже?) 67% от штатных норм, в документах штаба дивизии не обнаруживается. Некоторое же представление о том, как происходил марш частей 1-го мехкорпуса можно получить из приказа, подписанного командиром и начштаба корпуса после 25 июня (точная дата в документе не указана): *«Сосредоточение соединений корпуса, произведенное из Пскова в район Красногвардейска, показало, что штабы соединений и частей не умеют организовывать, обеспечивать, регулировать марш и управлять им. Командиры частей и подразделений не командуют колоннами, не организуют их боевого обеспечения, технического замыкания, эвакуации и восстановления отставшей и аварийной материальной части. Движение колонн происходит неорганизованно и стихийно. Пунктов сбора аварийных машин не назначают. Командный состав подразделениями на марше не руководит. Командиры*

машин шоферами не управляют, машины двигаются и останавливаются как хотят. Дисциплина марша отсутствует совершенно. Сигнальных флагов на машинах нет. Колонны неуправляемы, машины не имеют своих постоянных мест в колоннах...» [215].

Трудно поверить, что речь в приказе идет о первом по номеру и времени формирования мехкорпусе Красной Армии, созданном на базе 13-й и 20-й Краснознаменных танковых бригад, «ветеранов» первой финской войны. По укомплектованности танками, бронемашинами, тягачами и автомобилями 1-й МК входил в «пятерку» лучших мехкорпусов РККА. В сентябре 1940 г. корпус участвовал в крупных учениях, в ходе которых танковые части корпуса в течение 7 дней совершали марши, форсировали реку Великая и затем успешно прорвались в оперативную глубину обороны условного «противника»...

Впрочем, несравненно более значимым было направление движения, а не его темп и организованность. Дальнейшие события (когда буквально через несколько дней после сосредоточения в районе Гатчины части 1-го МК двинулись назад, ко Пскову и Острову) показали, что если бы темп марша был нулевым, то для пользы дела это было бы еще лучше. Тогда же, в первые дни войны, командование Северного фронта продолжало с упорством заведенной «музыкальной шкатулки» исполнять пункт за пунктом предвоенный оперативный план. Прорыв немецких танковых дивизий к Шяуляю, Каунасу и Вильнюсу не оказал никакого видимого влияния на решения и действия советского командования в Ленинграде. Да и трудно сказать — знало ли командование Северного фронта о катастрофическом развитии событий в полосе

Северо-Западного фронта (Прибалтийского военного округа).

С позиций сегодняшнего дня вопрос этот звучит дико, и тем не менее — 24 июня, на третий день войны штаб Северного фронта отдал боевое распоряжение № 5. Пункт 3 этого документа воспринимается сегодня только как образец «кладбищенского» юмора. *«Опыт первых дней войны показал, что в борьбе с немцами огромную роль играет инициатива комсостава. Благодаря проявленной инициативе удалось остановить наступление немецких войск на западном и юго-западном фронтах, за исключением одного участка, где немцам удалось продвинуться до 20 км, благодаря огромному превосходству в силах»* [223].

Повторим еще раз — это не текст передовицы из районной многотиражки. Это боевое распоряжение штаба фронта.

Документ с грифом «сов. секретно», которым командиры армий, корпусов и дивизий должны были руководствоваться в своих практических действиях. Стоит отметить и то, что документ этот появился, вероятно, в ходе определенной борьбы мнений. От руки (предположительно — заместителем начштаба фронта, генерал-майором Тихомировым) внесено два красноречивых исправления. После слов «удалось остановить» от руки вписано: «почти повсеместно».

Слова «за исключением одного участка» зачеркнуты и вписано: «на отдельных участках». Но и с этой правкой картина трагических событий на западных границах была искажена до неузнаваемости. Утешая (или обманывая) себя и своих подчиненных, командование Северного фронта продолжало **отрабатывать пункт за пунктом**

уже безнадежно устаревший предвоенный оперативный план.

Не успела еще 163-я моторизованная дивизия сосредоточиться в районе Гатчины, как из штаба Северного фронта поступило (в 14.30 24 июня) боевое распоряжение №5: *«В 17.00 24.6.41 дивизии выступить из занимаемого района и сосредоточиться в районе Сами, Педрисе, Раквере. По прибытии в указанный район установить наблюдение за Финским заливом по северному берегу Эстонской ССР. Основная задача — не допустить высадки морского и воздушного десанта на этом участке»* [216]. Еще раньше, 22 июня (время в директиве не указано), 191-я стрелковая дивизия, входящая в состав резервов командования Северного фронта, получила приказ *«немедленно выступить походом и занять для обороны участок южного побережья Финского залива от Нарвы до порта Кунда»* [217]. Предусмотренная в довоенном Плане прикрытия Ленинградского округа — и ставшая совершенно абсурдной в реально сложившейся ситуации — оборона эстонского побережья от «морских десантов противника» продолжилась и дальше.

В 5 часов утра 26 июня боевым распоряжением №8 штаба С.ф. бронепоезд №60 был отправлен на участок Нарва–Таллин [218]. 26 июня в 7.45 командир 1-го МК получил боевое распоряжение № 8 штаба СФ, в соответствии с которым ставилась задача *«один танковый батальон „Т-26“ отправить в Эстонскую ССР на станцию Тапа (между Раквере и Таллином. — М.С.)»* [219]. Приказ был выполнен, и в 10.40 27 июня 3-й танковый батальон 25-го танкового полка (163-й мл) был отправлен по ж/д на ст. Тапа [220].

Следует, правда, уточнить, что не все эти приказы о переброске частей Северного фронта с пассивного участка (южные пригороды Ленинграда) на еще более пассивный (северное побережье Эстонии) были выполнены. Так, уже в 0.15 25 июня в 163-ю мотодивизию через делегата связи от штаба С.ф. майора Добровольского (на листке бумаги размером с коробку папирос, написано от руки) поступило новое распоряжение начальника штаба фронта: *«Командиру 163-й мсд. Командующий фронтом приказал приостановить движение. Районах остановки части **замаскировать и обеспечить их поворот**»* (подчеркнуто в тексте. — М.С.) [221]. Куда именно предстояло поворачивать, никто еще не знал. 25 июня командир 163-й мд отдал своим подчиненным следующий приказ: *«Всем частям срочно составить приказы проекты на марш. Пункты марша не проставлять, так как будут указаны дополнительно... Все возимое имущество, боеприпасы и вооружение на ночь загружать на машины»* [222].

В то время как на южном участке гигантского по протяженности Северного фронта происходили эти лихорадочные перестроения, на заполярном Севере, за тысячу километров от Ленинграда, грохотали орудийные залпы настоящей войны. Правда, пока еще орудия были зенитными, а война шла в воздухе и на море, но не на земле.

Судя по «Хронике Великой Отечественной войны на Северном морском театре» (многотомное документальное описание боевых действий флота, составленное в 1945–1949 гг. Историческим отделом наркомата ВМФ),

впервые немецкие самолеты-разведчики были обстреляны зенитной артиллерией Главной базы Северного флота (Полярный–Мурманск) в 20.50 18 июня [224]. В тот же день над Кандалакшей был зафиксирован пролет трех неизвестных самолетов. 19 июня в 11.32 зенитные батареи открыли огонь по немецкому разведывательному «Юнкерсу-88», который на большой высоте (7500 м) прошел над Главной базой. Было израсходовано 240 снарядов, увы, безрезультатно. 20 июня в 16.45 неизвестный самолет появился в небе над Североморском и был также безрезультатно обстрелян зенитной артиллерией Северного флота. Стоит отметить, что никаких следов пресловутого «приказа Сталина, запретившего сбивать немецкие самолеты-разведчики» в документах и реально состоявшихся событиях не обнаруживается. По самолётам-нарушителям вели массированный огонь (всего в составе ПВО Северного флота было 17 четырехорудийных 76-мм зенитных батарей), а если и не сбили, то отнюдь не по причине излишнего миролюбия...

22 июня в 10.35 утра Военный совет Северного флота получил приказ наркома ВМФ: *«Выслать подводные лодки в район Вардё включительно до маяка Вайдагубский с задачей нести неограниченную войну против транспортов и боевых кораблей, не допуская их в Варангер-фьорд»* [224] (см. карту № 9). Таким образом перед Северным флотом была поставлена задача начать боевые действия в территориальных водах оккупированной немцами Норвегии. Вечером в 18.50 22 июня поступила новая директива наркома ВМФ №7/27, в которой задачи формулировались еще более решительно.

«1. Продолжать уничтожение авиации противника совместными с армией ударами и уничтожение транспортов в Варангер-фиорде подлодками.

2. При малейшем признаке движения уничтожать транспорта в Петсамо огнем миноносцев и батарей и совместными с армией ударами авиации. Миноносцам вести огонь из Кутовая.

3. Запретить использование противником островов Айновские огнем полевых батарей» [225].

23 июня в директивах из Москвы были введены некоторые ограничения на действия флота в норвежских водах: *«Заместитель Народного Комиссара ВМФ адмирал Исаков приказал ВС СФ свою авиацию дальше Петсамо и Вардё не высылать, а в Порсангер-фьорде и Тана-фьорде разрешил использовать не больше двух подлодок; остальные подводные лодки должны были запираить вход в Варангер-фьорд и прикрывать подходы к Кольскому заливу и Горлу Белого моря» (см. карту №9).*

В тот же день (23 июня) был **еще раз подтвержден запрет на открытие боевых действий против Финляндии**: *«Народный Комиссар ВМФ дал директиву Военному совету Северного флота по приказанию Ставки Главного командования впредь до особого распоряжения против Финляндии никаких боевых действий не производить» [224].*

Судя по мемуарам бывшего наркома ВМФ. этому решению предшествовала горячая дискуссия: *«22 июня на нашей сухопутной границе с Финляндией было сравнительно спокойно. Однако немецкая авиация уже в тот день бомбила корабли и аэродромы Северного флота. Поздно вечером 22 июня я долго разговаривал по телефону с командующим флотом контр-адмиралом А.Г.*

Головко. „Глупое положение: нас бомбят, а мы считаем Финляндию невоюющей стороной!“ — горячился Арсений Григорьевич. „Но ведь против вас действует пока лишь немецкая авиация, к тому же с норвежских аэродромов“, — пояснил я...» [192].

Немецкая авиация продолжала вести усиленную воздушную разведку в районе Главной базы Северного флота.

«С 4.50 по 19.30 авиация противника производила одиночные и групповые налеты на ГБ СФ и побережье Мотовского и Кольского заливов, п-овов Средний и Рыбачий. При этом были сброшены две бомбы в районе ГБ Полярное, две — в Мурманске и одна — в районе Урагубы, некоторые бомбы были замедленного действия. В 5.48 в проливе Перейма два самолета противника сбросили по нашему буксиру две бомбы, упавшие за его кормой...»

Самолеты противника обстреливались зенитным пулеметным огнем и атакывались нашей истребительной авиацией... Командующий Северным флотом указал командирам частей, что в течение 22-23 июня ряд кораблей обстрелял свои самолеты. СКА „МО“ обстреляли свой „И-15“, преследовавший самолет противника, эсминцы „Куйбышев“ и „Урицкий“ обстреляли свой „СБ“ несмотря на оповещение. Командующий Северным флотом приказал действовать смело, решительно, без нервозности...» [224].

Приступили к активным боевым действиям и ВВС Северного флота. Так, 23 июня девять бомбардировщиков СБ из состава 72-го САП (смешанный авиаполк) совершили боевой вылет на разведку и бомбардировку аэродрома Хебуктен (рядом с норвежским

городом Киркенес). Правда, аэродром они из-за низкой облачности не обнаружили. На следующий день бомбардировщики 72-го авиаполка аэродром Хебуктен нашли: судя по записям в ЖБД Северного флота, на аэродроме после бомбового удара «наблюдался пожар», а по данным радиоразведки флота, *«в 18-53 радиостанция Киркенес оповестила свои самолеты о повреждении аэродрома»*. При возвращении с задания один СБ был сбит немецкими истребителями. Это была первая потеря в небе Заполярья.

В тот же день, 24 июня, была одержана и первая победа: старший лейтенант Б. Сафонов (будущий лучший ас Заполярного неба) на истребителе И-16 в 19.40 сбил немецкий «Юнкерс-88» из состава бомбардировочной группы люфтваффе KG-30. Не исключено, что был сбит и еще один бомбардировщик противника: лейтенант Рогожин на И-16 в районе острова Кильдин атаковал «юнкерс», который затем скрылся в облаках. В тот же день на аэродроме Хебуктен после выполнения боевого задания разбился Ju-88 (бортовой номер 2342, по принятой в люфтваффе количественной оценке — «поврежден на 65%») Возможно, неудачная посадка была вызвана повреждениями самолета после боя с советским истребителем [224, 226].

В оперативной сводке №06 штаба Северного фронта (не путать с флотом) от 10.00 25 июня события третьего дня войны в Заполярье описаны следующим образом: *«В период с 12.30 24 июня противник совершил ряд налетов на Мурманск, Шангуй, Териверка, м. Мишуков группами от одного до пяти бомбардировщиков. Потерь и разрушений нет. Нашей ЗА (зенитная артиллерия) и авиацией Северного флота сбито три самолета...»* [248].

Завершая короткий обзор событий первых дней войны на Северном фронте, вернемся теперь к главной теме, к событиям советско-финляндского противостояния. Строго говоря, «событий» (если понимать под этим словом активные боевые действия сторон) почти не было.

На сухопутном фронте их не было вовсе. Уже в первой по счету директиве Военного совета Северного фронта содержалось вполне конкретное указание: *«Границу с Финляндией не переходить и не перелетать. Нарушителей уничтожать на своей территории»* [227]. С другой стороны, начиная с 22 июня 1941 г. слово «противник» (неотъемлемо присутствующее практически в каждом приказе, оперативной сводке, донесении и т.д.) или по умолчанию относится к соседу за советско-финской границей, или же прямо и ясно включает в себя и финскую армию. Например, в боевом приказе №01 штаба 23-й армии, подписанном в 16.30 23 июня 1941 г., читаем:

«1. Противник (финская и германская армии) группируются на территории Финляндии до одной пехотной дивизии на Петрозаводском и до семи пехотных дивизий на Выборгском направлениях.

2. 23-я армия имеет задачей, обороняя укрепления вдоль госграницы, Кексгольмский и Выборгский укрепрайоны, прочно удерживать их и не допустить вторжения противника на нашу территорию» [228].

Еще более удивительная фраза обнаруживается в журнале боевых действий 23-й армии. Теоретически этот документ должен был вестись непосредственно во время описываемых в нем событий. Практически же — и особенно в обстановке катастрофического разгрома

первых недель войны — записи в ЖБД часто делались задним числом или даже людьми, не бывшими свидетелями и участниками описываемых боевых действий. Так, например, ЖБД Западного фронта с описанием событий первых дней войны подписан генерал-лейтенантом Маландиным, который первую неделю войны провел в Москве и лишь после разгрома фронта и ареста высшего комсостава приступил к исполнению обязанностей заместителя начштаба фактически заново созданного Западного фронта [229]. Судьба 23-й армии Северного фронта не была столь трагична, а в июне 41-го штаб армии действовал в обстановке всего лишь «приближенной к боевой». Поэтому достаточно трудно предположить — когда же была сделана запись, датированная 23 июня, которая гласит: **«Нарушив мирный договор, войной против СССР выступила также и Финляндия»** [230].

Это очень странная запись. Даже не вдаваясь в дискуссию о том, какая из сторон «пошла войной» на другую, нарушив при этом мирный договор, можно однозначно констатировать, что для 23 июня 1941 г. эта фраза сильно опережала реальные события. Оперативные сводки штаба 23-й армии, 10-го и 1-го мехкорпусов с монотонным постоянством сообщают о том, что *«встреч с наземным и воздушным противником не было, потерь нет»*. Сообщение же о том, что *«Рюти объявил Финляндию в состоянии войны с Советским Союзом»*, полетело из штаба в штаб ранним утром 27 июня, т.е. даже с фактическим опозданием на один день. Первая запись о реальных боевых действиях на фронте 23-й армии (*«в течение дня и ночи 29.6 противник группами от роты до батальона пытался проникнуть через госграницу»*) появилась еще через два дня [231].

Скорее всего, загадочная запись от 23 июня была сделана в ЖБД 23-й армии задним числом, но и в этом случае она достаточно наглядно свидетельствует об общем настрое командного состава Северного фронта: **Финляндия безоговорочно считалась «противником», начало войны с которым есть лишь вопрос времени.** Разумеется, подобные «настроения» возникли не только (и не столько) в Ленинграде, но и в Москве. И здесь мы должны согласиться с профессором В.Н. Барышниковым в том, что *«в СССР безальтернативно отнесли Финляндию к одному из давних участников немецкой коалиции в войне против Советского Союза».*

Один из немногих представителей высшего военно-политического руководства СССР, остановивший в своих мемуарах внимание на событиях начала 2-й советско-финской войны, бывший нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов неоднократно использует такие фразы:

«...Несмотря на мирный договор, заключенный с Финляндией в марте 1940 года, мы не обольщали себя надеждой, что правительство Рюти будет добрым соседом... Зная многочисленные факты, мы не сомневались: если Финляндия не вступила в войну против нас одновременно с Германией 22 июня, то только из тактических соображений...»

Практически те же мысли и настроения выразил в своих опубликованных в 1968 г. воспоминаниях бывший командующий Северным фронтом (Ленинградским ВО) М.М. Попов: *«Трудно было найти причину того, что ни немцы, ни финны не начали сразу же наступление одновременно с развертыванием боевых действий на западных границах нашей страны»* [194].

Примечательно, что даже Берлин вынужден был занять не столь «безальтернативную» позицию. Как известно, Гитлер в своем радиообращении в 6 часов утра 22 июня 1941 г. в целях очевидно провокационных заявил: *«... Сотрудничая со своими финскими товарищами, соратники победителей Нарвика держат берега Ледовитого океана. Германские дивизии под командованием победителя Норвегии охраняют финляндскую землю вместе с героями финляндских битв за освобождение, действующими под руководством своего маршала...»* [121].

Эта декларация вызвала возмущение в Хельсинки и недоуменные вопросы в Лондоне и Вашингтоне. В результате Риббентроп на встрече с иностранными журналистами **вынужден был фактически дезавуировать заявление Гитлера**. В изложении самого маршала Маннергейма события развивались так: *«Поскольку Финляндия не обязывалась вступать в войну вместе с немцами, и это обстоятельство мы неоднократно подчеркивали, у Гитлера не было никакого права на такое одностороннее заявление. Не могу удержаться от мысли, что такой поступок преследовал цель поставить Финляндию перед свершившимся фактом, что вынудило бы русских на нападение, но, с другой стороны, я уверен, что русские в любом случае вряд ли бы отказались от нападения на Финляндию...»*

... Чтобы разъяснить позицию Финляндии, министерство иностранных дел в тот же день разослало нашим заграничным представителям, в том числе работавшим в Москве и Берлине, циркулярную телеграмму, где указало, что Финляндия желает остаться на позиции нейтралитета, но будет защищаться, если на нее нападет Советский Союз. Это заявление повторили

*спустя два дня еще раз в предназначенном для посольств информационном бюллетене. Наше заявление было принято во внимание и в Германии, судя по замечанию, прозвучавшему на пресс-конференции на Вильгельмштрассе, в котором было сказано, что **нашу позицию не поняли и что поэтому Финляндию следует впредь считать нейтральной страной. Министр иностранных дел Англия, выступая в парламенте, заявил, что Англия считает Финляндию нейтральной***(подчеркнуто мной, — М.С.) *и что, насколько известно, в отношениях Финляндии и Советского Союза не произошло никаких изменений...»* [22].

Как бы то ни было, но, подойдя к последней зыбкой грани между миром и войной, обе стороны — и Финляндия, и Советский Союз, — пока еще не перешагнули ее. **Возможностей для предотвращения вооруженного конфликта оставалось все меньше, но они еще были.** Самое главное — вплоть до 25 июня жертв еще не было. По счастливому стечению обстоятельств кровь не пролилась даже в тех случаях, когда теоретически это было возможно.

Первой боевой операцией финского флота, имевшей важное значение, стала высадка войск на Аландских островах. Эти острова, перекрывающие вход в Ботнический залив (т.е. в территориальные воды Швеции и Финляндии), принадлежали Финляндии, но в силу многочисленных международных договоров должны были иметь статус демилитаризованной зоны. Для контроля за соблюдением этого режима на островах находилось советское консульство. Идея захвата Аландов в первые же дни войны и прорыва КБФ в Ботнический залив неизменно присутствовала в оперативных планах

советского командования по меньшей мере с весны 1939 г. Независимо от того, что знала и чего не знала финская разведка о планах советского руководства, стратегическое значение Аландских островов, «цепью» перекрывающих вход в Ботнический залив, было очевидно для любого военного специалиста.

В ночь с 21-го на 22 июня с материка на архипелаг на 23 кораблях было переброшено 5000 финских военнослужащих с боевой техникой, включавшей в числе прочего 69 орудий. Несмотря на то, что появление финских войск на островах (бесспорно нарушающее международные договоры) не создавало прямой угрозы для Советского Союза (точнее говоря — **создавало лишь дополнительные препятствия для возможного вторжения советского флота в территориальные воды Финляндии и Швеции**), реакция последовала мгновенно. Уже в 6 часов утра 22 июня (т.е. в то самое время, когда в далекой Москве еще только началось(!!!) совещание в кабинете Сталина) самолеты ВВС КБФ нанесли бомбовые удары по финским кораблям и укреплениям на острове Корпо (30 км западнее Турку). Однако, насколько можно судить по имеющимся источникам, потерь судов и жертв среди личного состава не было. Персонал советского консульства (31 человек) был принудительно, но также без жертв, вывезен на материк на финском корабле и затем вернулся на Родину [26].

До 25 июня не привели к потерям и жертвам и установленные финскими подводными лодками минные заграждения в Финском заливе. Первые **минные постановки были произведены в ночь с 21 на 22 июня**. Затем они были продолжены 23 и 24 июня (встречающиеся иногда сообщения о якобы имевших

место минных постановках 17 или даже 14 июня являются вымыслом). Минные заграждения были выставлены в западной части главных судоходных фарватеров Финского залива, в районе острова Гогланд (Суурсаари), маяков Родшер и Вайндло.

В работе М.Йокипии, правда, содержится утверждение о том, что минные заграждения были выставлены и в «заливе Кунда» у побережья Эстонии. Кунда — это маленький поселок (5 тыс. человек в начале 90-х годов) в месте впадения одноименной речушки в воды Финского залива. Соответственно. там с давних времен была рыбацья пристань (а в новые времена появился цементный завод). Что и зачем было там минировать, причем в самом первоочередном порядке, не ясно. Примечательно, что ни в мемуарах наркома ВМФ Кузнецова, ни в мемуарах бывшего командующего КВФ (а позднее — доктора исторических наук) адмирала Трибуц **о финских минных заграждениях в бухте Купля ничего не сказано.** Не удивительно, что многие современные российские компиляторы сочли необходимым «усилить и исправить» в этом вопросе многострадальную книгу М.Йокипии и заменили в своих измышлениях «залив Кунда» на Нарвский залив или Копорскую губу. Самые же бессовестные пошли еще дальше на восток и безо всяких сантиментов «заминировали» Кронштадт...

Краснознаменный Балтфлот начал установку минных заграждений в районе острова Гогланд **на несколько дней позднее.** Первое же сообщение о появлении минных заграждений в центральной части Финского залива поступило утром 24 июня. *«Тральщики, конвоировавшие транспорт „Казахстан“, обнаружили в восьми милях юго-западнее маяка Вайндло шесть*

плавающих мин... Все шесть мин находились в районе, где, согласно официальным данным, полученным в 1944 г. от финского командования, их подводная лодка поставила зарождение И-3. То ли финны совершали какие-то типовые ошибки при подготовке своих подлодочных мин, или последние имели какие-то технические дефекты, но многие из них либо всплывали при постановке, либо срывались с якоря чуть позже...

...4 июля минный заградитель „Урал“ и эсминец „Калинин“ поставили в проходе между островами Вайндло и Родшер минное заграждение 14-А. В охранении находились сторожевой корабль „Пурга“ и два катера МО... За несколько минут до окончания минной постановки, когда отряд подходил к району неизвестного в то время финского заграждения И-78, впереди, слева и справа от курса обнаружили пять всплывших мин противники... Обнаруженные мины расстреляли катера МО. сопровождавшие отряд...» [106].

Первой потерей стал советским дозорный катер №143, подорвавшийся на установленной финскими подлодками мине в районе маяка Вайндло. Но это произошло в ночь на 3 июля, т.е. через неделю после официального объявления войны.

Возвращаясь к событиям 22–24 июня 1941 г., следует, конечно, признать, что полностью отрицать любые возможные потери на линии соприкосновения двух армий (например, во время действий групп войсковой разведки на сопредельной территории, а такие действия по крайней мере со стороны Красной Армии — известны) не приходится. И тем не менее **возможность выбора между «худым миром» и**

полномасштабным вооруженным конфликтом еще сохранялась.

Глава 3.3

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Наше повествование подошло к своему главному пункту — к событиям 25 июня 1941 г. Начались эти события накануне, 24 июня 1941 г., когда за подписью наркома обороны СССР маршала Тимошенко вышла директива Ставки Главного командования. Впервые эта директива была опубликована только в 1996 г. Вот ее полный текст.

«24 июня 1941 г.

1. Из достоверных источников установлено, что германские войска сосредоточиваются на территории Финляндии, имея цель нанести удар на Ленинград и захватить район Мурманска и Кандалакшу. К настоящему времени сосредоточено до четырех пехотных дивизий в районе Рованиemi, Кемиярви и группа неустановленной численности в районах Котка и севернее полуострова Ханко.

Немецкая авиация также систематически прибывает на территорию Финляндии, откуда производит налеты на нашу территорию. По имеющимся данным, немецкое командование намеревается в ближайшее время нанести удар авиацией по Ленинграду. Это обстоятельство приобретает решающее значение.

2. В целях предупреждения и срыва авиационного удара на Ленинград, намеченного немецким командованием в Финляндии. ПРИКАЗЫВАЮ:

Военному совету Северного фронта с 25.06.1941 г. начать боевые действия нашей авиации и непрерывными налетами днем и ночью разгромить авиацию противника и ликвидировать аэродромы в районе южного побережья Финляндии, имея в виду пункты Турку, Мальми, Порвоо, Котка, Холала, Тампере, в районах приграничных с Карельским перешейком и в районе Кемиярви, Рованиеми (северная Финляндия. — М.С.).

Операцию провести совместно с ВВС Северного и Балтийского флотов, о чем дать соответствующие указания командованию флотов.

Одновременно привести в полную боевую готовность противовоздушную оборону Ленинграда, обеспечив надежное прикрытие Ленинграда от налетов германской авиации достаточным количеством истребителей.

Копии отданных распоряжении донести мне к 24.00 24.06.1941 г.

От Ставки Главного Командования Народный Комиссар обороны С.К. Тимошенко» [237].

Когда была разработана и утверждена эта директива? Как уже было выше отмечено, 22–23 июня штабы Северного фронта и Северного флота получили категорические указания прямо противоположного содержания («границу с Финляндией не переходить и не перелетать»). В опубликованном варианте текста Директивы нет ни времени, ни делопроизводственного номера. Однако ориентировочно восстановить хронологию возможно. Директива была подписана за несколько часов до полуночи в противном случае подчиненные не смогли бы «копии отданных распоряжений донести к 24.00». С другой стороны, судя

по «Журналу посещений», нарком обороны Тимошенко и начальник оперативного управления Генштаба Ватутин (исполнявший в тот момент обязанности командированного на Юго-Западный фронт начальника Генштаба Жукова) вошли в кабинет Сталина в 17.30 и вышли в 20.55. В это же время в кабинете Сталина находились Молотов, Берия и Ворошилов. Можно обоснованно предположить, что именно эти люди именно в это время приняли решение, которое было затем оформлено директивой Ставки ГК.

Никто из вышеперечисленных лиц мемуаров не оставил. Мемуары (причем многочисленные) написал бывший нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов. Кузнецов тоже был в кабинете Сталина 24 июня, но очень недолго — всего 15 минут (с 16.45 до 17.00). Судя по воспоминаниям адмирала, на этой встрече обсуждался вопрос о Финляндии: *«...На совещании в кабинете И. В. Сталина вечером 24 июня я докладывал и полётах финских и немецких самолетов над Ханко, о бомбардировке наших кораблей в Полярном и не только о сосредоточении немецких войск на финско-норвежской границе (об этом правительство знало раньше), но и о том, что они продвигаются по финской территории к нашим границам...»* [192].

25-го и 26 июня о принятых решениях сообщило Совинформбюро. В опубликованном 25 июня (т.е. в день начала массированных авиаударов) сообщении Совинформбюро за 24 июня было сказано: *«Финляндия предоставила свою территорию в распоряжение германских войск и германской авиации. Вот уже 10 дней происходит сосредоточение германских войск и германской авиации в районах, прилегающих к границам СССР. 23 июня 6 германских самолетов, вылетевших с*

финской территории, пытались бомбардировать район Кронштадта. Самолёты были отогнаны. Один самолет сбит, и четыре немецких офицера взяты в плен. 24 июня 4 немецких самолета пытались бомбардировать район Кандалакши, а в районе Куолаярви пытались перейти границу некоторые части германских войск. Самолеты отогнаны. Части германских войск отбиты. Есть пленные немецкие солдаты».

В сводке Совинформбюро за 25 июня (опубликована 26 июня) было упомянуто и о боевых действиях советской авиации против Финляндии: *«Наша авиация нанесла ряд сокрушительных ударов по аэродромам немцев в Финляндии, а также бомбардировала Мемель, корабли противника севернее Либавы и нефтегородок порта Констанца».* Как видим, специально подчеркивать это событие не стали: его упомянули в сложном предложении, наряду с другими бомбардировками, и несколько косноязычно (на территории Финляндии могли быть немецкие самолеты, могли быть немецкие авиачасти, но не «аэродромы немцев»).

О разрыве дипломатических отношений, отзыве послов, расторжении Московского мирного договора, наконец, об объявлении Советским Союзом войны Финляндии Совинформбюро не сообщало — и это было чистой правдой.

Советский Союз не разрывал, не отзывал, не расторгал и не объявлял — ни до начала авианалетов, ни после них.

В этом смысле ситуация разительно отличалась от того, как в конце ноября 1939 г. была начата «зимняя война». Стоит заметить, что и фашистская Германия начала войну против СССР по-другому: уже через час

после первых оружейных залпов на границе посол Германии в Москве вручил Молотову официальное заявление германского правительства, а в 6 часов утра (по берлинскому времени) с радиообращением о начале войны с Советским Союзом выступил сам Гитлер.

Финляндия объявила о том, что находится в состоянии войны с Советским Союзом, на следующий день, 26 июня 1941 года. И об этом Совинформбюро ничего не сообщило! Ни 26 июня, ни в любой последующий день. Что еще более странно, так как, например, об объявлении войны Венгрией Совинформбюро добросовестно сообщило 28 июня.

Двумя упомянутыми выше сообщениями Совинформбюро (за 24 и 25 июня) и ограничивается тот «массив информации», который был сообщён советскому народу об обстоятельствах начала 2-й советско финской войны.

Значительно более подробно эти события были описаны в 60-70-х годах, в мемуарной и исторической литературе.

Приведем несколько типичных текстов.

Воспоминания бывшего командующего Северным фронтом М.М. Попова (книга издана в 1968 г., но статья М.М. Попова написана в марте 1964 г.): **«В ответ на попытки финской авиации 23 и 24 июня бомбардировать Ленинград, Кронштадт и города К-ФССР** (здесь и далее подчеркнуто мной. — М.С.) *нарком приказал подготовить и 25 июня провести объединенными силами бомбардировочной авиации фронта, Северного и Балтийского флотов одновременный удар по аэродромам базирования немецкой и финской авиации на территории Финляндии... Около 20*

аэродромов подверглись мощным ударам, в ходе которых было уничтожено или повреждено много самолетов противника...»

*«Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк» («Лениздат», 1968 г.): **«23 и 24 июня немецкие самолеты, базирующиеся в Финляндии, пытались совершить налеты на Ленинград, Кронштадт и города в Карелии. Чтобы предупредить их дальнейшие нападения, советская авиация на рассвете 25 июня нанесла мощные удары по 18 аэродромам противника и уничтожила на земле 30 вражеских самолетов. Кроме того, в воздушных боях сбито 11 самолетов. Удары по вражеским аэродромам продолжались и в последующие дни...»***

*Мемуары Главного маршала авиации (перед войной — командующего ВВС Ленинградского округа) А.А. Новикова «В небе Ленинграда» («Наука», 1970 г.): **«Первые три дня мы вели борьбу лишь с одиночными и небольшими группами самолетов противника, пытавшегося прощупать воздушные подступы к городу... Советские летчики не допустили в июне бомбёжек Ленинграда, Кронштадта, Выборга и городов Карелии. Но, отдавая должное нашим пилотам, мы понимали, что неуспех противника в значительной мере обусловлен малой активностью его авиации, главные ударные силы которой здесь еще не вступили в дело... Нужно было принимать срочные меры, чтобы избавить Ленинград от участи городов, подвергшихся яростной бомбардировке в первые же часы войны. Такими мерами могли быть наши активные действия в воздухе.***

Рано утром 25 июня я был на узле связи, размещавшемся в полуподвальном помещении здания штаба округа. Последние приготовления, уточнение данных, короткие переговоры с командирами авиасоединений, и на аэродромах заревели моторы Воздушная армада из 263 бомбардировщиков и 224 истребителей и штурмовиков устремилась на 18 наиболее важных аэродромов противника.

*Налет длился несколько часов. Одна группа сменяла другую. Некоторые объекты подвергались 3–4 ударам. В итоге первого дня враг **потерял 41 боевую машину**. Успех был налицо, и операция продолжалась. За шесть суток ударам подверглось **39 аэродромов противника**. В воздушных боях и на земле **враг потерял 130 самолетов** и был вынужден **оттянуть свою авиацию на дальние тыловые базы** — за пределы радиуса действий наших истребителей. Перебазировка эта, естественно, ограничила маневр неприятельских бомбардировщиков... Эта первая в истории советской авиации многодневная операция убедила нас, что массированные удары по глубинным аэродромам — надежное средство борьбы с вражеской авиацией...»*

Генерал-майор авиации, профессор М.Н. Кожевников, «Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне» (М., «Наука», 1977 г.): «На отдельных направлениях, где была благоприятная обстановка, советские летчики, ведя активные воздушные бои, одновременно наносили мощные удары по вражеским аэродромам. Такая обстановка сложилась в первые дни войны на северном участке советско-германского фронта, где немецко-фашистские войска перешли в наступление только 29 июня 1941 г. В целях ослабления авиационной

группировки врага на данном направлении и срыва **готовившегося налета на Ленинград**. Ставка приказала подготовить и провести массированные удары по аэродромам Финляндии и Северной Норвегии, где базировались авиачасти **5-го воздушного флота Германии и финская авиация**. Командованием ВВС Северного фронта был разработан и 24 июня утвержден Военным советом Северного фронта план уничтожения вражеских самолетов на аэродромах на северо-западном направлении.

К участию в операции в общей сложности привлекалось 540 самолетов.

Рано утром 25 июня 236 бомбардировщиков и 224 истребителя нанесли первый массированный удар по 19 аэродромам. Враг, не ожидая такого удара, был фактически застигнут врасплох и не сумел организовать противодействия. В результате советские летчики успешно произвели бомбометание по стоянкам самолетов, складам горючего и боеприпасов. **На аэродромах был уничтожен 41 вражеский самолет. Наша авиация потерь не имела.** В последующие пять суток по этим же и вновь выявленным воздушной разведкой аэродромам было нанесено еще несколько эффективных ударов. По данным воздушного фотоконтроля, советские летчики, атаковав в общей сложности 39 аэродромов, произвели около 1000 самолетовылетов, уничтожили и вывели из строя 130 самолетов противника. Командование немецко-фашистских войск в Финляндии и Северной Норвегии было вынуждено оттянуть свою авиацию на дальние тыловые аэродромы и отказаться на ближайшее время от налета на Ленинград...»

Можно привести еще несколько текстов, но все они будут похожи друг на друга, как матрешки. Общая линия изложения была задана, и до середины 90-х годов она практически не претерпела заметных изменений. Постараемся сформулировать эту «линию» официальной советской исторической пропаганды как можно точнее и конкретней.

1. Политическая составляющая события (фактическое начало полномасштабной необъявленной войны) полностью обойдена молчанием. Этой стороны произошедшего в сочинениях советских историков просто не существует. Обсуждается всего лишь одна из крупных операций советских ВВС. И не более того.

2. Главным (или даже единственным!) объектом, по которому наносился удар, объявляются аэродромы базирования «авиации противника»

3. Результат операции — выше всяких похвал. «Успех был налицо», противник понес огромные потери (130 самолетов — это две трети всей финской авиации), немногие уцелевшие авиачасти врага принуждены к отступлению «на дальние тыловые аэродромы». Наша авиация «потерь не имела» (по версии Кожевникова) или, возможно, имела какие-то потери, но не заслуживающие особого упоминания.

4. В рамках общей установки на полное игнорирование внешнеполитической составляющей событий 25 июня, о том, что одним из следствий «операции» было вступление Финляндии в войну против СССР, не упоминается вовсе.

Вот краткий конспект того, в чем на протяжении полувека советские историки и мемуаристы были едины.

Заметные различия, однако, встречаются в оценке **реально состоявшихся и/или потенциально возможных действий противника**, а также — что для советской историографии совсем уже нетипично — в формулировании целей и задач, для решения которых и была проведена столь успешная в целом операция. В этих моментах наблюдается **большой разброс мнений**.

Сообщение Совинформбюро (*«23 июня 6 германских самолётов, вылетевших с финской территории, пытались бомбардировать район Кронштадта. Самолеты были отогнаны. Один самолёт сбит, и четыре немецких офицера взяты в плен»*) предельно конкретно (указано место, время, количество самолетов) и — как будет показано в дальнейшем — имеет большое сходство с реальностью.

Бывший командующий Северным фронтом в своих воспоминаниях говорит о «попытках **финской авиации**» бомбить «Ленинград, Кронштадт и города Карелии». Судя по всему, «попытки» были очень-очень робкими, так как за 13 страниц до процитированной выше фразы М.М. Попов пишет, что *«Ленинград и другие объекты на территории округа бомбардировке не подвергались»* [194].

Официальная (образца 1968 г.) история Ленинградского военного округа говорит уже о **«немецких самолетах»**, которые, оказывается, *«пытались совершить налеты»*. Как это? Взлетели, полетели, а на полпути раздумали и вернулись? Если самолеты пересекли госграницу и хотя бы приблизились к Ленинграду или каким-то неназванным «городам

Карелии», то налет уже состоялся. Он мог быть успешным (для нападающих) или нет, но в любом случае состоялся именно «налет», а не «попытка налета».

Маршал Новиков почти «прямым текстом» сообщает о том, что никаких налетов «на Ленинград и города Карелии» не было вовсе (*«мы вели борьбу лишь с одиночными и небольшими группами самолётов противника, пытавшегося прощупать воздушные подступы к городу»*). Чрезвычайно важно отметить, что ни единым словом не упоминает Новиков и о якобы базировавшихся на финских аэродромах немецких авиачастях.

Профессор Кожевников ни о каких налетах на Ленинград не упоминает вообще, ограничиваясь лишь общей формулировкой: *«Сложилась благоприятная обстановка...»*

Целью операции в изложении Попова является месть: *«В ответ на попытки финской авиации бомбардировать Ленинград...»*. Новиков же утверждает, что лишь *«срочные меры»* могли *«избавить Ленинград от участи городов, подвергшихся яростной бомбардировке»*. Кожевников, не мудрствуя лукаво, возвращается к исходной формулировке директивы Ставки ГК (*«в целях срыва готовящегося налета на Ленинград»*).

Еще одним — едва ли заметным для «широких читательских масс», но понятным для специалистов — отличием монографии Кожевникова от других описаний 25 июня 1941 г. являются:

- появление конкретного названия соединения немецкой авиации («5-й Воздушный флот»);

- появление союза «и» (*«массированные удары по аэродромам Финляндии и Северной Норвегии... авиачасти 5-го Воздушного флота Германии и финская авиация...»*).

Вплоть до конца советской эпохи монография Кожевникова, по сути дела, определяла тот максимально допустимый уровень раскрытия темы 25 июня 1941 г., который был возможен для «партийных историков», желающих сохранить остатки самоуважения и научной добросовестности.

Новое время — новые песни. Строго говоря, новых «песен» на сей момент имеется ровно две. Первая — это фундаментальная работа финского историка М. Йокипии, клонированная (иногда — с кавычками и ссылкой на источник, а чаще — без оных) в сочинениях господ Барышниковых (отца и сына), Широкограда и иже с ними. Вторая — это книга [47], в которой, видимо, впервые в отечественной историографии было предложено признать, наконец, бесспорные факты (в первые три дня войны, 22-24 июня 1941 г., немецкая авиация в количествах, заслуживающих упоминания, на финских аэродромах не базировалась и налетов на «Ленинград и города Карелии» не совершала) и включить факт реально состоявшегося 25 июня авиаудара **в общую канву событий**, начавшихся 17 июня 1941 г. с переброски 1-й танковой дивизии в Заполярье и закончившихся неудачной попыткой вторжения 10-го мехкорпуса на финскую территорию.

Столкновение таких диаметрально противоположных подходов привело к бурной (и по большей части некорректной) дискуссии. Как и следовало ожидать, позиция добровольных реаниматоров истлевших мифов коммунистической пропаганды

оказалась весьма парадоксальной. Сначала они долго и возмущенно протестуют против того, что в книге М. Солонина историческое исследование якобы подменено политически мотивированными «обличениями» и вульгарными «разоблачениями». Вдоволь повозмущавшись, они — даже не пытаясь начать обсуждение реальных событий в их взаимосвязи (что, вероятно, и является предметом исторической науки) — приступают сами к шумным обличениям. Только обличают они, разумеется, Финляндию, а неиссякаемый запас «разоблачительных» (с их точки зрения) фактов черпают в одном-единственном источнике (разумеется, в этой роли выступает все та же книга М. Йокипии или ее доморощенные «клоны»).

Логика (если это слово здесь уместно) «обличений» в лучшем случае строится по образу и подобию известного еще древним софизма: «Можно ли считать лысым человека, у которого на голове есть хотя бы один волос?» Применительно к проблеме 25 июня 1941 г. эта «логика» работает так: находится один факт (а многолетний труд профессора Йокипии предоставил читателям такие факты во множестве), свидетельствующий о недружественном отношении Финляндии к могучему восточному соседу, после чего делается вывод о том, что Финляндия в очередной раз «не оставила советскому руководству иного выбора...»

Для того чтобы вывести обсуждение на уровень конструктивной дискуссии, следует, на наш взгляд, начать с самого главного. Самым главным является **максимально точное определение существа обсуждаемых вопросов**. Только ясное

формулирование вопросов позволит сделать шаг к получению столь же ясных и конкретных ответов.

Учитывая же глубокую и многолетнюю «засоренность» проблемы идеологическим «мусором», придется столь же прямо и четко определить и круг вопросов, которые обсуждаться НЕ будут. Итак:

1. Вопрос об отношении Финляндии (правительства, военного командования, партий, парламента, народа) **к Советскому Союзу обсуждаться не будет.** Почему? Потому, что это очень простой вопрос. Не надо гадать — и не надо годами рыться в архивной пыли — для того, чтобы найти заранее известный ответ Финляндия ненавидела Сталина и сталинскую империю. Ничего другого нельзя было и ожидать после агрессии 1939 года, после гибели десятков тысяч человек в ледяном аду «зимней войны», после ста тысяч фугасных и зажигательных бомб, упавших на незащищенные финские города, после изгнания из родных домов 400 тысяч человек. Мазохизм, как тяжелое психическое расстройство, встречается у отдельных несчастных людей, но случаи массового, «общенародного» мазохистского умопомешательства истории не известны. В любом случае — Финляндия этим недугом не страдала.

2. Вопросы формально-юридические (была ли Финляндия утром 25 июня 1941 г. нейтральной страной? можно ли считать ее сотрудничество с гитлеровской Германией военным союзом?) **обсуждаться также не будут.** Почему? По двум причинам.

Во-первых, потому, что никто не в силах объять необъятное, и обсуждение юридических проблем выходит за рамки данного исследования. Автор этой

книги не считает себя достаточно компетентным для обсуждения столь сложных вопросов. Более того, едва ли найдутся два специалиста по международному праву, которые смогут прийти к единой оценке той ситуации. По крайней мере, во внешнеполитических ведомствах США и Великобритании к единому мнению так и не пришли. США отказались объявить Финляндии войну, в результате в столице воюющей против СССР Финляндии работало дипломатическое представительство главного военного союзника СССР. Британия — под сильнейшим давлением Сталина — согласилась признать Финляндию союзником Германии и объявить ей войну. Но и это произошло только 6 декабря 1941 г., т.е. после того, как основные события 2-й советско-финской войны уже завершились.

Конечно, сложные вопросы можно сделать очень простыми, если рассматривать их в известной «логике карманника», по мнению которого все началось и закончилось тем, что в переполненном автобусе его схватили за руки и побили по лицу. Вспоминать о том, где ДО этого были его руки и сколько чужих кошельков из чужих карманов они вытащили. карманник, естественно, не любит... Нейтральный статус Финляндии был поставлен под очень большие сомнения уже фактом размещения на ее территории военной базы иностранного государства (советская ВМБ в Ханко). Это обстоятельство было значительно усилено фактом бесконтрольного, фактически, транзита военного снаряжения и войсковых подразделений по железным дорогам Финляндии из Выборга в Ханко.

Наконец, само понятие «нейтралитет» применимо, видимо, лишь к государствам, обладающим суверенитетом. Вызывает определенные сомнения применимость термина «суверенитет» к стране,

правительство которой молча выслушивает (и даже принимает к исполнению!) указания соседа о кандидатурах нового президента или вступает в переговоры о принудительной передаче своих природных богатств (никель Петсамо) в концессию все тому же могучему и бесцеремонному соседу...

Во-вторых, обсуждение юридической казуистики ничуть не приближает нас к ответу на те вопросы, которые вынесены в название этой книги и являются ее главной темой. **Речь идет вовсе не о том, имел ли Советский Союз формальные основания для нанесения бомбового удара по Финляндии или нет.** Эта книга написана для того, чтобы разобраться в другом вопросе: **способствовало ли решение, принятое 24 июня и реализованное 25 июня, обеспечению безопасности СССР в целом и его «второй столицы» — в частности?**

Применительно к конкретно-историческим условиям июня 1941 года этот вопрос трансформируется в другой: способствовали **ли эти действия успешному ведению войны против главного противника — гитлеровской Германии?**

На примитивно-бытовом уровне эту простую логику можно проиллюстрировать таким примером: закон не запрещает (а потому каждый гражданин имеет право) уйти в лес и лечь спать голым на снегу зимой. Но абсолютное большинство нормальных трезвых людей не спешат воспользоваться этим правом. Почему? Потому, что это вредно для здоровья (в определенных случаях — смертельно), хотя и законно с формально-юридической точки зрения.

Теперь перейдет от карикатурных метафор к прямым историческим аналогиям.

Болгария была союзником гитлеровской Германии. Это есть факт, подтвержденный официальным присоединением Болгарии к «тройственному Пакту», вводом на ее территорию немецкой армии и фактическим участием болгарской армии в совместных с вермахтом боевых действиях на территории Югославии. Тем не менее, Советский Союз не начал летом 1941 г. боевые действия против Болгарии. Хотя возможности Черноморского флота и его авиации вполне это позволяли.

Япония была важнейшим союзником гитлеровской Германии. Именно эти страны и создали пресловутую «ось Берлин–Рим–Токио». Более того, Япония на протяжении ряда лет проводила крайне враждебную по отношению к СССР политику. Настолько «враждебную», что наши страны дважды стояли на грани полномасштабной войны друг с другом. Тем не менее, ни в июне, ни в июле 41-го Советский Союз войну Японии не объявлял, необъявленных боевых действий на земле, в небесах и на море не начинал. Напротив, были приложены немалые усилия к тому, чтобы война на Дальнем Востоке и не началась.

Италия была старейшим союзником гитлеровской Германии. Более того, Италия официально объявила войну Советскому Союзу. Сделано это было в 12 часов дня 22 июня 1941 г. Итальянцы объявили бы войну и раньше, но до полудня найти советского посла в Риме тов. Горелкина не удалось (он в то воскресное утро нежился на пляже).

А от Венеции до Львова всего-то 1000 км по прямой. Теоретически советские дальние бомбардировщики (ДБ-3ф, Ер-2, ТБ-7) имели дальность полета 3000 км и более. Абстрактно рассуждая, весь промышленно развитый север Италии (Милан, Турин, Генуя, Флоренция) находился в зоне досягаемости советской бомбардировочной авиации. Но бредовая идея начать летом 41-го боевые действия против объявившей войну Советскому Союзу Италии даже не обсуждалась, и уж тем более — не реализовывалась на практике. Хотя с формально-юридической точки зрения подобный безумный шаг был бы совершенно безупречен...

Покончив с перечислением того, что обсуждаться в этой книге не будет, сформулируем теперь **семь основных вопросов**:

1. Какие силы (части, соединения, самолеты) немецкой и финской бомбардировочной авиации базировались на аэродромах Финляндии?

2. Какие боевые действия против Советского Союза эта авиационная группировка провела в течение 22-24 июня 1941 года? Какие действия планировались командованием противника на ближайшие дни и недели?

3. Каков был реальный масштаб угрозы, создаваемой группировкой авиации противника в Финляндии, в сравнении как с другими угрозами, нависшими над Ленинградом, так и с возможностями ПВО Ленинграда, истребительной авиации Северного фронта и Краснознаменного Балтфлота?

4. Что знало советское командование, советская разведка о дислокации авиачастей противника в Финляндии, о его действиях и планах?

5. Что послужило реальной причиной принятия 24 июня 1941 г. решения о нанесении авиационного удара по Финляндии, каковы были реальные цели и задачи этой операции?

6. Каким был непосредственный результат авиаудара советских ВВС по Финляндии (потери сторон, изменение планов сторон)?

7. Как авиаудар 25 июня сказался на общем ходе войны Советского Союза против Германии и ее союзников?

Вопросы №№ 1, 2, 3 и 6 достаточно просты. И факт полувекового отсутствия в отечественной историографии внятных и общепризнанных ответов на такие простые вопросы является позором. Вопрос № 7 значительно сложнее, однозначный ответ едва ли будет найден, но дискуссия по этой проблеме возможна и желательна. Что же касается вопросов №№ 4 и 5, то они не могут быть разрешены в рамках имеющейся на сей момент источниковой базы, но по меньшей мере попытка их обсуждения также имеет право на существование.

Глава 3.4

СОСТАВ И БАЗИРОВАНИЕ ВВС СТОРОН

Мы не откроем страшную военную тайну, если напомним, что боевые самолеты не летают стаями, как вольные птицы, а ведут боевые действия в составе соответствующих подразделений, частей и соединений. Части и соединения имеют свои номера, штабы и боевые

знамена. А также вполне конкретные места дислокации (базирования). Все это поддается конкретному учету и описанию, каковое описание — применительно к немецкой и финской авиации — давно уже выполнено усилиями двух поколений профессиональных историков. От нас требуется всего лишь добросовестная работа на уровне скромного студенческого реферата. Прежде чем предложить читателю сверхкраткий «реферат», составленный на основании [26, 52, 53, 65, 88, 145, 226, 239, 240, 241, 243, 311], определимся с используемыми терминами и определениями. Это тем более необходимо, учитывая, что немецкие, финские и советские ВВС имели разную структуру и численность основных тактических единиц (об удобстве будущих историков военные руководители, увы, не позаботились).

Начнем с немецкой авиации, т.к. именно ее присутствие на финской территории стало, как принято считать, главной причиной событий 25 июня 1941 г. Основной тактической единицей люфтваффе была авиационная **группа**.

В составе авиагруппы люфтваффе было три **эскадрильи** («штаффеля») по 12 экипажей в каждой. Эскадрилья, в свою очередь, делилась на три **звена** по 4 экипажа в каждом. Всего в полностью укомплектованной по штатному расписанию авиагруппе люфтваффе должно было быть (с учетом штабного звена) 40 экипажей. Несколько групп (как правило три) входили в состав тактического соединения, которое в русскоязычной литературе принято называть **эскадрой** («гешвадер» по-немецки). Несколько эскадр люфтваффе сводились в **авиационный корпус**. Высшей организационной структурой люфтваффе был **Воздушный флот**, в

составе которого, как правило, было два авиакорпуса, т.е. от 5 до 12 эскадр, всего порядка 500–1000 экипажей.

Обозначались эскадры следующим образом: JG (истребительная), KG (бомбардировочная), SiG (штурмовая). Эскадры, вооруженные многоцелевыми двухмоторными истребителями-бомбардировщиками «Me-110», обозначались как ZG («разрушители») или SKG («скоростные бомбардировщики»). Авиагруппа люфтваффе обозначалась как составная часть соответствующей эскадры. Например. II/KG-53 — это вторая группа 53-й бомбардировочной эскадры.

Особой авиации военно-морского флота (подобной советским ВВС ВМФ или морской авиации США) в Вооруженных силах Германии не было. Для совместных действий с флотом в рамках общей структуры люфтваффе создавались специальные соединения. Например, на имеющем непосредственное отношение к теме нашей книги Балтийском ТВД было развернуто соединение под названием «Fliegerfuhrer Ostsee» (что можно перевести как «авиационное командование Балтики»). В его состав входила бомбардировочная группа KGr-806, группа гидросамолетов (Aufkl.Gr-125), эскадрилья тактических разведчиков.

Основной тактической единицей советской авиации был авиационный полк. Перед войной по действующему штатному расписанию советский авиаполк состоял из пяти **эскадрилий** по 12 экипажей в каждой и командного звена, всего 62–64 экипажа (т.е. советский полк по числу экипажей был в полтора раза больше авиагруппы люфтваффе).

В советских ВВС формировались истребительные (ИАП), бомбардировочные (БАП), штурмовые (ШАП) и

разведывательные (РАП) авиаполки. Каждый полк имел свой «персональный» номер (например, 123-й ИАП, 40-й БАП). Иногда в названии бомбардировочных полков указывалось их функциональное назначение: скоростной бомбардировочный (СБАП), дальнебомбардировочный (ДБАП), тяжелый бомбардировочный (ТБАП). Несколько полков (от 3 до 5) объединялись в **авиадивизию**: истребительную (ИАД), бомбардировочную (БАД), смешанную (САД). Штурмовые авиаполки в начале войны входили в состав САДов. Разведывательные авиаполки, как правило, в состав авиадивизий не входили, подчиняясь непосредственно командованию фронтов (1-2 РАПа в составе авиации округа/фронта).

Военно-морской флот СССР имел свою, отдельную от сухопутных войск, авиацию. На уровне подразделений и частей (звено, эскадрилья, полк) структура ВВС ВМФ не отличалась от структуры фронтовой авиации. Но дивизий в составе ВВС ВМФ не было, а соединение из двух (как правило) авиаполков называлось **бригадой**. Еще одним отличием ВВС ВМФ было существование в его составе так называемых «минно-торпедных» полков (МТАП). Эти полки были вооружены дальними бомбардировщиками ДБ-3/ДБ-3ф, специально оборудованными для сброса морских глубинных мин и авиационных торпед.

Крайне малочисленные (в сравнении с гигантской авиацией восточного соседа) ВВС Финляндии имели к тому же весьма причудливую структуру, когда в составе двух одинаковых по типу частей могло быть от 3 до 33 самолетов. Дополнительная путаница создается тем, что тактическая единица, примерно соответствующая немецкой авиагруппе, называлась в финских ВВС «авиаэскадрильей» (Lentolaivue, сокращенно — LLv), а соединение, включающее в своем составе несколько

Lentolaivue и примерно соответствующее сильно недоукомплектованной эскадре люфтваффе, называлось «авиаполком» (Lentorykmentti).

Для того чтобы упростить дальнейшее изложение событий, мы **нарушим правильность дословного перевода**, и основная тактическая единица финских ВВС (LLv) здесь и далее будет называться «**группой**», а входящие в ее состав подразделения — «**эскадрильями**». В состав группы штатно должно было входить три эскадрильи по 12 экипажей в каждой. Истребительные и бомбардировочные группы финской авиации никак не различались по названиям, что, впрочем, не создаст больших проблем для читателя, так как все три бомбардировочные группы (LLv-42, LLv-44, LLv-46) никакого участия в боевых действиях июня 1941 г. не принимали.

Покончив с обсуждением терминологии, перейдем теперь к учету численности и дислокации авиационных сил сторон.

Ситуация, в которой оказалось командование люфтваффе на Восточном фронте, могла на первый взгляд показаться безнадежной. Сил было крайне мало. Мало по сравнению с численностью авиации противника (т.е. советских ВВС), мало по сравнению с любыми теоретическими нормативами, мало по сравнению с опытом проведения прежних кампаний.

В мае 1940 г. немцам удалось сосредоточить на Западном фронте самую большую группировку сил люфтваффе за все время Второй мировой войны. Наступление вермахта в Нидерландах, Бельгии и северной Франции, на фронте протяженностью в 300 км

по прямой (от Арнема до Саарбрюкена), с воздуха поддерживали два Воздушных флота (2-й и 3-й), в составе которых насчитывалось 27 истребительных и 40 бомбардировочных авиагрупп, 9 групп пикировщиков Ju-87 и 9 групп многоцелевых двухмоторных Me-110. Всего **85 групп, 3641 боевой самолет** (и это без учета устаревших бипланов «Арадо» Ar-68 и «Хеншель» Hs-123, без учета разведывательной транспортной, санитарной авиации). Оперативная плотность — **12 самолетов на километр** фронта наступления.

22 июня 1941 г. на Восточном фронте было сосредоточено (с учетом частей люфтваффе, дислоцированных в северной Норвегии и Румынии) 22 истребительные и 29 бомбардировочных авиагрупп, 8 групп пикировщиков Ju-87 и 4 группы многоцелевых двухмоторных Me-110. Всего **63 группы, 2344 боевых самолета** (включая неисправные). После предшествующих многомесячных боев на Балканах и над Средиземным морем техническое состояние самолетного парка люфтваффе было удручающим. Средний процент боеготовых самолетов составлял порядка 77%. Такие авиагруппы, как II/JG-77, III/JG-27, I/StG-2, II/KG-53, III/KG-3, I/ZG-26, прибыли на Восточный фронт, имея на вооружении менее половины штатного числа исправных самолетов.

Минимальная протяженность фронта наступления даже в самый первый день войны составляла 800 км по прямой (от Клайпеды до Самбора). Уже через две недели ширина фронта войны увеличилась почти в два раза (1400 км по прямой от Риги до Одессы). Даже без учета потерь первых дней, средняя оперативная плотность немецкой авиации снизилась до **2 самолетов на**

километр фронта наступления (опять же — включая неисправные).

К этому остается только добавить, что по предвоенным представлениям советской военной науки фронтовая наступательная операция требовала создания плотностей в 15–20 самолетов на километр. Даже Гитлер, хотя его и принято считать параноиком, понимал несоразмерность сил и задач: *«При такой огромности пространства люфтваффе не в состоянии одновременно обработать его целиком; в начале войны авиация может господствовать только над частями гигантского фронта. Поэтому она должна применяться только в тесном взаимодействии с наземными операциями...»* [120].

Теперь посмотрим на ситуацию с другой стороны, со стороны противников Германии. В мае 1940 г. истребительные силы французской авиации в зоне боевых действий насчитывали 34 эскадрильи, т.е. порядка 400–450 истребителей. С учетом истребительной авиации Голландии, Бельгии и экспедиционных сил британских ВВС численность группировки западных союзников возрастает до **50 эскадрилий, 600–650 летчиков**. Советские ВВС (истребительная авиация пяти западных округов и двух военно-морских флотов) имели в своем составе порядка **260 эскадрилий, 3550 летчиков** (самолётов-истребителей было значительно больше, так как во многих авиаполках в связи с перевооружением на новые типы истребителей накопился двойной комплект самолетов).

Надо ли доказывать, что в таких условиях у германского командования не было ни возможности, ни желания для оказания «благотворительной помощи» новоприобретенным союзникам. Положение дел

определялось словами «своим не хватает». Даже для обороны важнейшего стратегического объекта — района румынских нефтепромыслов Плоешти, в сохранении которых Германия была заинтересована, пожалуй, более, чем сама Румыния, — была выделена лишь одна истребительная группа (III/JG-52). С учетом самолетов штаба 52-й эскадры район нефтепромыслов прикрывали всего 47 «мессершмиттов».

Перейдем теперь от общего — к частному, к анализу ситуации на северном фланге войны. Наступление Группы армий «Север» из Восточной Пруссии через Прибалтику и Псков на Ленинград поддерживал с воздуха 1-й Воздушный флот люфтваффе. В составе флота было 8 бомбардировочных (II,II/KG-1, I,II,III/KG-76, I,II,III/KG-77) и 4 истребительные (I,II,III/JG-54, II/JG-53) группы, на вооружении которых числилось (включая неисправные машины) 240 средних двухмоторных бомбардировщиков Ju-88 и 164 одномоторных истребителя Bf-109F. Всего 404 боевых самолета. Ни одного пикирующего бомбардировщика Ju-87 (этого неотъемлемого участника любого «документального» фильма про начало войны), ни одного истребителя-бомбардировщика Me-110 в составе 1-го Воздушного флота не было. Что, в частности, означает весьма ограниченные возможности для прицельного бомбометания по таким точечным целям, как самолеты на летных полях аэродромов...

В скобках заметим, что в большинстве публикаций отечественных историков, даже в самых наиновейших [242], в составе 1-го Воздушного флота «обнаруживается» как минимум в полтора раза больше самолетов. Изящные шулерские приемы (нисколько не меняясь за последние полвека) продолжают радовать

глаз. Первым и главным является суммирование боевых самолетов (истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков) с разведывательными, связными, транспортными, санитарными самолетами и самолетиками. Разумеется, такое суммирование производится только применительно к немецкой авиации. Атак как вспомогательных самолетов количественно всегда много, то и цифры получаются какие душе угодно. Это все равно, что написать: «На дворе у крестьянина Пупкина живут две лошади, один бык, две коровы и 20 овец, а всего 25 голов скота». И разве это не правда? Ну и в довершение всего к числу истребителей 1-го Воздушного флота добавляются две группы из состава ПВО Германии, ни один самолет которых ни разу не пересек границу СССР; к бомбардировщикам добавляются разведывательные гидросамолеты из соединения Fliegeiführer Ostsee, ни разу не появившиеся в небе над советской Балтикой... В результате Главный маршал авиации А.А. Новиков в своих мемуарах без тени смущения сообщает, что *«в первых числах июля на ленинградском направлении целиком стал действовать и 1-й Воздушный флот немцев, имевший 1070 боевых машин...»*

Впрочем, в упомянутой выше фразе содержится важное (а для целей данной главы — самое главное) признание: части и соединения 1-го Воздушного флота люфтваффе на «ленинградском направлении» появились «в первых числах июля», т.е. только после того, как катастрофический разгром Северо-Западного фронта (Прибалтийского ОВО) позволил немецкому командованию перебазировать авиагруппы люфтваффе из Восточной Пруссии на аэродромы оккупированной Прибалтики и Псковской области. Впервые же дни войны

соединения 1-го В.ф. вели борьбу с авиацией Северо-Западного фронта (в три раза превосходящей противника по числу самолетов и в два раза — по числу экипажей) и поддерживали с воздуха наступление 41-го и 56-го танковых корпусов вермахта. Разумеется, **никакого перебазирования частей 1-го В.ф. в Финляндию, т.е. за многие сотни километров от района боевых действий немецких войск, не было**, и к событиям, происходившим в первые недели войны в небе над Ленинградом и городами Карелии, авиагруппы 1-го Воздушного флота прямого отношения не имели. Первая (и при этом безуспешная) попытка немецких бомбардировщиков прорваться к Ленинграду с юго-западного направления была предпринята только 20 июля. Первый же массированный налет на Ленинград состоялся еще позднее — 6 сентября 1941 года [254].

На крайнем севере Европы действовал 5-й Воздушный флот Германии. Авиагруппы 5-го В.ф. базировались на аэродромах оккупированной весной 1940 г. Норвегии. Главной задачей 5-го В.ф. была охрана гигантской по протяженности (более 2000 км), изрезанной бесчисленными шхерами, береговой линии Норвегии от возможной высадки английских морских десантов. Кроме того, на 5-й В.ф. возлагались задачи разведки и борьбы с английскими транспортными и боевыми кораблями в северной Атлантике. При столь обширных задачах, 5-й В.ф. был самым малочисленным в составе люфтваффе (по состоянию на 24 июня 1941 г. в составе флота числилось 283 боевых самолета всех типов, из которых в боеспособном состоянии было только 189 машин).

Не секрет, что операции в советском Заполярье, имеющие целью захват Мурманска и Кандалякши,

представлялись командованию вермахта бессмысленным отвлечением сил от решения главных задач. И в рамках установки на разгром Советского Союза в ходе краткосрочной кампании этот скепсис был вполне оправданным.

Транспортный «коридор» из США через северную Атлантику в Мурманск приобрел стратегическое значение значительно позднее. Более того, весной 41-го никто не мог сказать с определенностью — возникнет ли советско-американское военное сотрудничество вообще. И тем не менее, приказ Гитлера надо было выполнять, и армейское командование спланировало две наступательные операции (из района Петсамо на Мурманск, из района Салла на Кандалакшу), а командование 5-го Воздушного флота сформировало специальное «авиасоединение Киркенес», которому было поручено поддержать наступление немецких войск в Заполярье.

Под началом полковника Нильсена в составе «авиасоединения Киркенес» находились следующие части и подразделения:

- группа пикирующих бомбардировщиков IV/StG-1;
- одна эскадрилья из состава бомбардировочной группы II/KG-30;
- две эскадрильи из состава истребительной группы IV/JG-77;
- одно звено многоцелевых истребителей-бомбардировщиков из состава Z/JG-77.

В середине июня 1941 г. эти части и подразделения были сосредоточены **в северной Норвегии**, на аэродромах Хебуктен (около г. Киркенес) и Банак (около

г. Лаксельвен) (см. карту № 9). По состоянию на 24 июня 1941 г. в составе группировки люфтваффе у границ СССР числилось:

- 42 пикирующих бомбардировщика Ju-87, из них 39 (по другим источникам — 33) в исправном состоянии;
- 12 средних двухмоторных бомбардировщиков Ju-88, из них 10 в исправном состоянии;
- 22 истребителя «Мессершмитт» Vf-109E;
- 4 двухмоторных истребителя-бомбардировщика Me-110.

Фактически одна из двух истребительных эскадрилий базировалась на аэродроме Банак (250 км к западу от советской границы) и в боевых действиях практически не участвовала. Истребительное прикрытие немецких войск, наступающих на Мурманск, предстояло обеспечить силами одной-единственной эскадрильи «мессершмиттов». После начала советско-германской войны (но еще до начала наступления горно-стрелкового корпуса Дитля на Мурманск) эта эскадрилья (13/JG-77) была перебазирована на аэродром Луостари, **расположенный на территории Финляндии**, в нескольких километрах от границы с СССР. Эти 10 исправных «мессершмиттов» на аэродроме Луостари были **первым и единственным подразделением истребительной авиации люфтваффе**, базирующимся на территории Финляндии.

В оперативное подчинение командования «авиасоединения Киркенес» было передано также одно звено дальних разведчиков (3 двухмоторных «Дорнье» Do-17) из состава 124-й разведывательной группы (1.(F)/124). Это подразделение базировалось **на**

аэродроме финского города Рованиemi и начиная с 18 июня 1941 г. совершило несколько разведывательных рейдов над советской территорией. Скорее всего, пролет над Кандалакшей именно этих самолетов и был зафиксирован в донесениях командования Северного флота.

Таким образом, **на территории северной Финляндии еще до 25 июня 1941 г. базировалась немецкая авиация в составе одной эскадрильи истребителей и одного звена дальних разведчиков, всего 13 исправных самолетов.** Подвергнуть Ленинград *«яростной бомбардировке»* (чего, по утверждению маршала Новикова, ожидало советское командование) эта «авиация», разумеется, не могла. И не только потому, что истребители для решения таких задач не приспособлены. От Луостари до Ленинграда — 1100 км по прямой. Расчетной дальности «Мессершмитта» Bf-109E не хватит при этом даже для самоубийственного полета «в один конец»...

Группировке немецкой авиации в Заполярье противостояла 1-я авиадивизия (1-й САД) советских ВВС и авиация Северного флота. В составе 1-й САД было три авиаполка: два истребительных (145-й ИАП, 147-й ИАП) и один бомбардировочный (137-й БАП). В составе ВВС Северного флота был так называемый «смешанный авиаполк» (72-й САП), в котором были истребительные, бомбардировочные и разведывательные эскадрильи. К началу боевых действий (29 июня 1941 г.) группировка советской авиации в Заполярье насчитывала:

- 49 легких двухмоторных бомбардировщиков СБ, из них 43 — в исправном состоянии;

- 72 истребителя И-16, из них 67 — в исправном состоянии;

- 51 истребитель И-153, из них 48 — в исправном состоянии.

Таким образом, по числу бомбардировщиков силы сторон были примерно равны, по количеству же боеготовых истребителей советские ВВС имели 11-кратное превосходство. Строго говоря, на вооружении 147-го ИАП и 72 САП было еще 47 истребителей «И-15бис», но эта машина к тому времени уже устарела и для воздушного боя едва ли была пригодна (эти самолеты использовались, главным образом, для штурмовки наземных целей).

На территории южной (точнее говоря — центральной) Финляндии **также базировалась немецкая авиация**. Эта «авиация» состояла из **одного звена** дальних разведчиков под командованием гауптмана Болле. На вооружении этого звена было **три самолета** (два «Дорнье» Do-215 и один «Хейнкель» He-111). С 20 июня по 13 сентября 1941 г. это звено базировалось на финском аэродроме Луонетъярви (около г. Ювяскюля), откуда неоднократно совершало разведывательные полеты над советской территорией.

Подведем итоги. Еще до начала советских авиаударов по Финляндии (т.е. до 25 июня 1941 г.) на **финской территории базировались три подразделения немецкой авиации:**

- эскадрилья истребителей на аэродроме Луостари (район Петсамо);

- звено разведчиков на аэродроме Рованиemi (северная Финляндия);

- звено разведчиков на аэродроме Луонетъярви (район г. Ювяскюля, центральная Финляндия); **всего 18 самолетов (12 истребителей, 6 дальних разведчиков, 0 бомбардировщиков).**

Вот и все, что было. Остальные 2326 боевых самолетов (99,23% от общей численности группировки люфтваффе, развернутой для войны против СССР) базировались на территории северной Норвегии, Восточной Пруссии, оккупированной Польши и Румынии. К 25 июня 1941 г. многие авиачасти люфтваффе (прежде всего — истребительные) уже базировались **на советских аэродромах**. Разумеется, к указанной выше цифре (99,23%) не стоит относиться слишком серьезно, так как численность «группировки люфтваффе в Финляндии» (18 самолетов) значительно меньше арифметической погрешности определения общего числа немецких самолетов на Восточном фронте.

Однако базированием авиации не исчерпываются все возможности использования территории дружественной страны. Например, американская авиация на территории СССР никогда не базировалась (по крайней мере ни в одной известной нам книге такие выражения не используются). Тем не менее, широко известным фактом является то, что летом 1944 г. бомбардировщики союзников, базирующиеся на Британских островах, отбомбившись по немецким военным объектам в южной Польше, совершали посадки на советской территории (в районе Полтавы), где их заправляли топливом для обратного рейса.

Нечто подобное произошло и в июне 1941 г. Здесь мы должны вернуться к упомянутой выше бомбардировочной группе KGr-806. Эта авиагруппа (30

«Юнкерсов» Ju-88, из них 18 в исправном состоянии) входила в состав «авиакомандования Балтики», базировалась в Восточной Пруссии (аэродром Проверен) и должна была действовать в интересах Военно-морских сил. Главной же задачей германских ВМС было «запереть» Краснознаменный Балтфлот (по числу и тоннажу надводных боевых кораблей на голову превосходивший наличные силы германского флота) в Финском заливе и не допустить его выход в юго-западную часть Балтийского моря. Эту задачу немцы решили с огромным успехом для себя, установив в первые два-три дня войны плотную систему минных заграждений на выходе из Финского залива (в полосе от Ханко до острова Даго). После этого надводные корабли Балтфлота даже не предприняли ни одной попытки выйти в большую Балтику.

Тем не менее, «запас карман не тянет», и одновременно с установкой минных заграждений в устье Финского залива немецкое командование запланировало установку донных магнитных мин в районе Кронштадта. Для выполнения этой задачи была привлечена одна эскадрилья (10 самолетов) из состава KGr-806 и одно звено (4 «Юнкерса» Ju-88) из состава «береговой» авиагруппы KuD.Fl.Gr-506. Теоретически расчетная дальность полета Ju-88 позволяла выполнить эту задачу без промежуточных посадок и дозаправок. Расстояние от Кронштадта до аэродрома Проверен составляет 900 км по прямой, а приведенная в любом справочнике максимальная дальность полета «Юнкерса» Ju88A-5 составляет 2250 км. Но за максимальную дальность приходится «платить» минимальным весом бомбовой нагрузки, что в данном случае было для немцев нежелательно. Поэтому решено было после выполнения

задачи **совершить посадку для дозаправки в Финляндии на аэродроме Утти** (в районе ст. Коуволла).

При этом общая протяженность маршрута сократилась почти вдвое, и каждый «юнкерс» смог взять по две тяжелые авиационные мины весом 985 кг каждая.

Налет был совершен ранним утром 22 июня 1941 г. В районе Кронштадтской ВМБ было сброшено (по советским данным) 25 донных магнитных мин. То, что операция была проведена в первые часы войны, отнюдь не случайно.

Тяжело груженным «юнкерсам», без какого-либо истребительного прикрытия, предстояло действовать в районе, где на их перехват теоретически могло быть поднято несколько сотен советских истребителей. В таких условиях только внезапность удара позволяла немцам рассчитывать на успех.

Кроме авианалета в ночь с 21 на 22 июня бомбардировщики KGr-806 появились в воздушном пространстве над Финским заливом и Карельским перешейком и в ночь с 22 на 23 июня (см. следующую главу). Скорее всего, они выполняли аналогичное задание по минированию подходов к Кронштадту с последующей посадкой и дозаправкой на финских аэродромах Утти, Хювинкя и Мальми (два последних в районе Хельсинки), но эта версия требует еще дополнительного исследования.

Завершив розыски малейших следов немецкой авиации на финской земле, перейдем теперь к краткому обзору состава и дислокации той авиации, присутствие которой на территории Финляндии сомнения не вызывает. К июню 1941 г в составе финских ВВС было 5

истребительных групп (LLv-24, LLv-26, LLv-28, LLv-30, LLv-32), на вооружении которых (включая неисправные машины) числилось, соответственно, 33, 26, 27, 23 и 24 самолета.

Кроме того, в составе авиагрупп LLv-6, LLv-12 и LLv-14 было, соответственно, 5, 10 и 12 истребителей. Таким образом, всего в боевых частях ВВС Финляндии находилось **160 самолетов-истребителей восьми (!)** разных типов. О дислокации, вооружении и боевых возможностях финской истребительной авиации мы будем говорить в следующих главах, посвященных ходу и исходу советского «бомбардировочного наступления» 25-26 июня. В данной главе следует определиться с составом и боевыми возможностями бомбардировочной авиации Финляндии.

Бомбардировочная авиация Финляндии состояла из трех групп (LLv-42, LLv-44, LLv-46), на вооружении которых, соответственно, было **9 (девять), 8 (восемь) и 7 (семь)** самолетов. Основным местом базирования был аэродром Сиикакангас (45 км к северо-востоку от Тампере), на котором дислоцировались LLv-42 и LLv-44. Штаб Lentorykmentti-4 под командованием подполковника Сомерто и бомбардировщики группы LLv-46 базировались на аэродроме Луонетъярви. Кроме того, в составе выше уже упомянутой недоукомплектованной группы LLv-6 было звено бомбардировщиков (три трофейных советских СБ. захваченных в ходе «зимней войны»). Эта группа базировалась в районе города Турку. **Всего на вооружении бомбардировочных частей финских ВВС находилось, таким образом, 27 самолетов.**

Основными типами бомбардировщиков были английский «Бленхейм» (20 самолетов) и трофейный советский СБ (3 самолета). В составе группы LLv-46 было еще 4 самолета, которые в разных источниках обозначены как трофейные советские ДБ-3 и американские транспортные «Дугласы» DC-3. По основным тактико-техническим и весовым характеристикам, по времени разработки «Бленхейм» был «родным братом» самого массового советского бомбардировщика СБ. Первый полет туполевского СБ состоялся 30 декабря 1934 г., первый «Бленхейм» поднялся в небо 12 апреля 1935 г. Общей была и основная концепция проектирования этих самолетов: легкий двухмоторный бомбардировщик с весьма скромным весом бомбовой нагрузки, но при этом обладающий большой максимальной скоростью, позволяющей уклониться от встречи с вражескими истребителями.

	Вес пустого	Вес взлетным	Мощ- ность двигате- лей	Скорость у земли	Скорость макс.	Макс. бомб. на- грузка, кг	Макс. дальность при бом- бовой на- грузке
«Блен- хейм» Mk-IV	4441	6356	2 x 905 л.с.	350	447	600	1870 км / 454 кг
СБ бис-2 (1939 г.)	4427	6175	2 x 950 л.с.	375	425	1600	1350 км / 500 кг

К лету 1941 года оба самолета морально устарели. Идея, заложенная при их проектировании, оказалась мертворожденной. Лучшие самолеты-истребители (советский МиГ-3, немецкий «Мессершмитт» Bf-109F-2) развивали максимальную скорость 628 и 600 км/час, соответственно, и догоняли так называемые «скоростные бомбардировщики» 30-х годов с той же легкостью, с какой спортивный автомобиль догоняет пешехода. Правда, в Советском Союзе были предприняты серьезные

усилия по усовершенствованию СБ. В конце 1940 г. начался серийный выпуск последней модификации этой боевой машины — пикирующего (!) бомбардировщика Ар-2.

Благодаря значительно «облагороженной» аэродинамике и установке форсированных до мощности в 1100 л.с. моторов М-105 пикирующий Ар-2 развивал скорость 443 км/час у земли и 512 км/час на высоте 5 км. Конструкция допускала сброс с пикирования бомб как внутренней, так и внешней подвески (максимально 2 бомбы ФАБ-500 + 2 ФАБ-250).

К сожалению, в феврале 1941 г. производство Ар-2 было свернуто. Всего успели выпустить 198 пикировщиков Ар-2.

Возвращаясь к событиям июня 1941 года, мы должны признать, что две дюжины финских бомбардировщиков, взлетая с аэродромов в районе Тампере и Ювяскюля, теоретически способны были нанести бомбовый удар по Ленинграду (400 км по прямой от Тампере). Не менее важно сразу же отметить и другой бесспорный факт: расстояние от Тампере до Ленинграда с точностью до микрона равно расстоянию от Ленинграда до Тампере, следовательно, техническая возможность для нанесения удара по аэродромам базирования финских бомбардировочных групп у советских ВВС также была. Это тем более верно, что на вооружении бомбардировочных полков ВВС Краснознаменного Балтфлота наряду с СБ были и дальние бомбардировщики ДБ-3ф (91 исправный самолет) с максимальной дальностью полета более 3000 км.

И тем не менее — ни одна советская авиабомба не упала на аэродромы Сиикакангас и Луонетъярви. Более

того, в течение 25-26 июня советская авиация даже не предприняла ни одной попытки атаковать эти аэродромы. Уже один этот факт заставляет поставить под большие сомнения версию о том, что командование Красной Армии было очень обеспокоено тем, что хилые силы финской (или базирующейся на финских аэродромах немецкой) авиации подвергнут Ленинград «яростной бомбардировке». Впрочем, принимая во внимание состав и численность ПВО Ленинграда, истребительной авиации ВВС Северного фронта (Ленинградского ВО) и ВВС Балтфлота, оснований для беспокойства и не должно было быть.

Переходя от авиации Финляндии к краткому обзору советских ВВС, мы, подобно сказочному Гулливеру, попадаем из «страны лилипутов в страну великанов» (см. карту № 10) Ближе всего к границе с Финляндией располагалась 5-я НАД (штаб дивизии в Выборге). На Карельском перешейке (аэродромы Суурмериоки, Майсниеми, Гривочки) базировались два истребительных полка этой дивизии (7-й и 159-й ИАП), третий полк (158-й ИАП) находился на «прямо противоположном конце» территории округа, в районе южнее Пскова (аэродром Веретенье). Кроме того, на Карельском перешейке, в районе Кексгольма базировался 153-й ИАП из состава 55-й САД (штаб дивизии в Петрозаводске).

В непосредственной близости от Ленинграда дислоцировались три истребительные авиадивизии: 3-я ИАД (штаб в Горелово), 39-я ИАД (штаб в Пушкине). 54-я ИАД (штаб в Левашово). На аэродромах Горелово, Витино, Ропша, Зайцево, Лезье, Колпино, Левашово, Углово базировались 19-й ИАП, 44-й ИАП, 154-й ИАП, 156-й ИАП, 26-й ИАП, 157-й ИАП.

Еще один полк (155-й ИАП из состава 39-й ИАД) базировался на аэродроме Городец (120 км к югу от Ленинграда).

Необходимое уточнение относится к самому термину «аэродром». Все вышеупомянутые аэродромы входили в число так называемых «базовых», т.е. кроме собственно летного поля там должно было быть все необходимое для боевой работы летного состава и авиационной техники (запасы горючего и боеприпасов, ремонтные, технические, санитарные, метеорологические службы и подразделения). Наряду с базовыми существовали и так называемые «оперативные» аэродромы, на которых было лишь минимально необходимое оборудование для производства полетов. В эпоху, когда самолет-истребитель весил 2-3 тонны и имел посадочную скорость не более 120-140 км/час, в качестве оперативного аэродрома летом могло быть использовано ровное поле после минимальной подготовки взлетной полосы, оборудования простейших укрытий для летного и технического состава и установки нескольких бензоцистерн. Вот почему количество оперативных аэродромов было в разы больше числа базовых аэродромов.

Так, в западных военных округах СССР по состоянию на 1 января 1941 г. числилось 614 аэродромов всех типов, а к 15 июля было построено еще 164 аэродрома. В частности, в Ленинградском ВО на 1 января 1941 г. уже было 86 аэродромов, и еще 25 было построено в первом полугодии [272].

В составе названных выше девяти авиаполков (не считая 158-го ИАП и 155-го ИАП) числилось **472 летчика-истребителя**. Самолетов было значительно

больше. Точное число указать практически невозможно, так как в ВВС Ленинградского округа шла интенсивная замена самолетного парка, и в некоторых истребительных полках (7-й ИАП, 159-й ИАП, 153-й ИАП) самолетов было вдвое больше, чем летчиков. Ориентировочно количество самолетов-истребителей в указанных выше десяти авиаполках можно оценить в **620–650 единиц, в том числе — не менее 160 новейших истребителей МиГ-3** (истребительные части Ленинградского округа получили «миги» в числе самых первых, в феврале — марте 1941 г.). Судя по мемуарам бывшего командующего ВВС округа, еще 105 «мигов» находились в стадии сборки и облета.

Указанными выше полками состав истребительной авиации Ленинградского округа не исчерпывался. Накануне войны в ЛенВО в стадии формирования находилось еще восемь авиаполков. Так, на аэродроме Майсниemi (Карельский перешеек) формировались 191-й, 192-й, 193-й истребительные полки. Кроме того, в районе Таллина базировался 38-й ИАП (47 исправных И-16, 53 летчика). Этот полк организационно входил в состав ВВС Северо-Западного фронта, но территориально он был к Хельсинки ближе всех других, а в боевых действиях Северо-Западного фронта в первые дни войны практически не участвовал (немцы подошли к Эстонии значительно позднее).

Кроме того, в непосредственной близости от Ленинграда базировались и главные силы ВВС Краснознаменного Балтфлота, в том числе 61-я истребительная бригада (штаб бригады — Новый Петергоф). Всего на вооружении трех истребительных полков и семи отдельных эскадрилий ВВС КБФ числилось (по данным разных источников) **порядка 350**

самолетов-истребителей, из которых порядка 300 находились в боеспособном состоянии (И-16 — 137; И-153 — 100; МиГ-3 — 32; Як-1 — 8) [263]. Не претендуя на особую точность, можно сказать, что в целом **каждому бомбардировщику финских ВВС советское командование могло противопоставить порядка 30 истребителей.**

Истребительная авиация была главным, но не единственным компонентом системы противовоздушной обороны.

Кроме самолетов-истребителей для борьбы с авиацией противника существовала еще и наземная зенитная артиллерия. Об этой составляющей системы ПВО в отечественной историографии вспоминают редко, неохотно, с обязательным всхлипом («в начале войны остро не хватало зенитных средств...»). Спорить с этим не приходится. Зенитных средств — как и денег — всегда «остро не хватает». Но не везде одинаково «остро». Как уже было отмечено в предыдущих главах, к началу «зимней войны» Финляндия имела на вооружении 38 (тридцать восемь) зенитных орудий среднего калибра (76-мм «Бофорс» М/29) и 53 (пятьдесят три) малокалиберных 40-мм «Бофорс» М/38.

Столицу Британской империи, город Лондон, входе знаменитой «битвы за Англию» (сентябрь–октябрь 1940 г.) защищали 452 зенитных орудия всех калибров.

Зенитная артиллерия Ленинграда (2-й корпус ПВО) к весне 1941 г. была перевооружена на новейшие 85-мм зенитные пушки [194]. Прежние 76-мм зенитки также остались в округе, в результате к началу войны 2-й корпус ПВО имел на вооружении порядка 600 **орудий калибра 85 мм, 246 орудий калибра 76 мм, 60**

орудий малого калибра, 230 зенитных пулеметов. А также 483 прожекторные станции, 297 аэростатов заграждения и 8 радиолокационных станций РУС-1 [154].

Все РЛС, организационно входившие в состав 72-го отдельного радиобатальона, были развернуты на финском направлении. Первая линия из пяти РЛС проходила вдоль границы с Финляндией и южного берега Финского залива, от Корписелькя до Кингисеппа. Три другие РЛС были развернуты в районе Питкяранта, Кексгольм, Лигово.

Военно-морские базы Балтфлота имели, разумеется, свои отдельные средства ПВО. Так, ВМБ Кронштадта обороняли (в дополнение к мощнейшей зенитной артиллерии боевых кораблей) еще и 48 зенитных орудий калибра 76 мм и 8 зениток калибра 85 мм. Кроме того, в составе Северной зоны ПВО (командующий — генерал-майор Ф.Я. Крюков) был Выборгский бригадный район ПВО (474-й зенитный артиллерийский полк в г. Выборг и 225-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион в г. Кексгольм). Южные подступы к Ленинграду прикрывал Лужский бригадный район ПВО, в составе которого было шесть зенитно-артиллерийских дивизионов.

Приведенные факты достаточно красноречивы и едва ли нуждаются в специальных комментариях. Но нельзя не привести компетентное мнение Главного маршала авиации СССР, бывшего командующего ВВС Ленинградского округа А.А. Новикова: *«На севере от Ленинграда противник выставил против нас финскую авиацию и 5-й Воздушный флот Германии — всего 900 самолетов. С такими силами авиации округа могла*

справиться. Но в первых числах июля...» [244]. Если по мнению командующего авиация округа «могла справиться» с не существующими в природе девятью сотнями самолетов 5-го В.ф. и финской авиации, то, надо полагать, и реальная группировка противника (никак не более полусотни финских и немецких бомбардировщиков на аэродромах южной и центральной Финляндии) не создавала для Ленинграда угрозу «непреодолимой силы».

Глава 3.5

ПОЛЕТЫ ВО СНЕ И НАЯВУ

Разобравшись с составом и дислокацией финской авиации и подразделений немецкой авиации, базировавшихся на территории Финляндии, перейдем теперь ко второму вопросу какие боевые действия против Советского Союза эта авиационная группировка провела в течение 22–24 июня 1941 года? Прежде чем приступить к рассмотрению немногих доступных документов и ставших известными фактов, необходимо все же сделать одно замечание общего порядка.

Переход от мирной жизни (даже если эта жизнь и протекала в виде службы в армии или на флоте) к войне, к непрерывной и ежесекундной угрозе потерять жизнь, здоровье, доброе имя (в случае невыполнения поставленной боевой задачи) является сильнейшим стрессом. Слово это («стресс») было тогда не в моде, зато сам неизбежный стресс и неизбежно вызванные им ошибки, неразбериха, порой паника были многократно усилены загадочными предвоенными «играми Сталина». Смысл этих «игр» и по сей день вызывает ожесточенные

споры историков. Еще менее понятен он был современникам событий, старшим командирам Красной Армии и флота, от которых требовали *«встретить возможный внезапный удар»*, но при этом *«тщательно маскировать повышение боевой готовности»* и *«не поддаваться на провокации»* [12].

Читателю, достаточно знакомому с отечественной мемуарной литературой и исторической публицистикой, должна быть известна широко распространенная легенда «про адмирала Кузнецова и Севастополь». Краткое содержание легенды: нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов «не побоялся нарушить запрет Сталина» и отдал судьбоносный приказ о приведении флота в «боевую готовность», в результате чего первый налет немецкой авиации на Севастополь был успешно отбит, причем с большими потерями для агрессора.

При чуть более подробном рассмотрении фактической стороны дела выявляются следующие подробности.

Директива наркома ВМФ, отправленная в 1.50 22 июня командованию флотов, практически дословно повторяла аналогичную директиву №21, отправленную командованию военных округов за подписью наркома обороны Тимошенко, и **включала в себя все приведенные выше двусмысленные указания**. В главной базе Черноморского флота события развивались следующим образом. В 2.15 22 июня штаб ПВО Черноморского флота отдал приказ о введении режима светомаскировки в Севастополе. Для полной гарантии централизованно отключили «главный рубильник» энергоснабжения города. Севастополь погрузился в кромешную тьму южной летней ночи, в которой

ослепительно сияли огни двух маяков: Инкерманского и Херсонесского. Проводная связь с ними оказалась прервана (предположительно диверсантами). Посыльный из штаба до Инкерманского маяка так и не добрался, и маяк, дальность видимости которого составляла 24 морские мили, продолжал гореть, демаскируя город и порт.

В 2.35 22 июня радиолокационная станция РУС-1 на мысе Тарханкут обнаружила воздушную цель, идущую с запада. В 3.05 звукопеленгаторные станции зафиксировали шум авиационных моторов на удалении 20 км от Севастополя. Техника работала безупречно. Сложнее было с людьми. Командиры всех рангов начали лихорадочно выяснять, на кого можно переложить ответственность за принятие решения об открытии огня. Командующий ЧФ вице-адмирал Октябрьский зачем-то начал звонить в Москву начальнику Генерального штаба Жукову, хотя флот Жукову никак не подчинялся. Жуков, уклонившись от какого-либо конкретного указания, посоветовал «доложить наркому ВМФ». Оперативный дежурный по штабу флота (им в ту ночь был флагманский химик ЧФ капитан 2-го ранга Н.Т. Рыбалко) получил, в свою очередь, от адмирала Октябрьского следующее наставление: *«Имейте в виду, что если в воздухе есть хоть один наш самолет, вы завтра будете расстреляны»*. Если верить воспоминаниям самого Н.Т. Рыбалко, он и начальник штаба флота контр-адмирал И.Д. Елисеев приняли все же решение открыть огонь по неизвестным самолетам. После чего между Рыбалко и командующим ПВО флота полковником И.С.Жилиным произошел следующий разговор: *«...Немедленно звоню полковнику Жилину, передаю приказание открыть огонь. Полковник Жилин ответил: „Имейте в виду, что вы*

несете полную ответственность за это приказание. Я его записываю в журнал боевых действий". Повторяю приказ тов. Жилину и говорю: „Записывайте куда хотите, свою ответственность я понимаю, но открывайте огонь по самолетам". На этом разговор с ним окончился...»

Правда, сам Жилин в своих воспоминаниях пишет, что ни от начальника штаба флота, ни от начальника штаба ВВС Черноморского флота полковника Калмыкова он не смог добиться никаких конкретных указаний и сам, на свой страх и риск приказал командирам частей ПВО «все самолеты, которые появятся в районе Севастополя, считать вражескими, освещать прожекторами и открывать по ним огонь». Даже если такой приказ на самом деле был отдан, выполнялся он плохо. Первый бомбардировщик появился над Севастополем в 3.13 22 июня. Он был обнаружен и освещен прожекторами, но в тот же момент поступил приказ выключить прожектора и не открывать огонь. Начальник штаба 61-го зенитно-артиллерийского полка И.К. Семёнов объяснял это приказом, поступившим из штаба ПВО флота, но Жилин ссылается на нечеткие действия самого командира полка. Как бы то ни было, первый «Хейнкель-111» сбросил две тяжелые магнитные мины в воды севастопольской бухты и безнаказанно улетел.

Всего в первом налете на главную базу ЧФ в Севастополе приняло участие 4 (четыре) немецких бомбардировщика «Хейнкель-111» из состава базировавшейся в Румынии авиагруппы KG-27. Самолеты выходили на цель по одному, с большими временными интервалами (15-25 минут) и сбрасывали донные магнитные мины на парашютах. Всего было сброшено 8 мин. Эти мины (точнее говоря — их парашюты) вызвали дополнительную панику в штабе Черноморского флота,

где решили, что противник выбрасывает воздушный десанте целью захватить штаб флота. Из находящихся в помещении штаба командиров спешно создавали отряд, которому поручено было занять круговую оборону...

Второй, третий и четвертый «хейнкель» были обстреляны зенитной артиллерией ПВО Севастополя. Всего было выпущено 2150 снарядов (в среднем — 500 на один вражеский самолет). Кроме того, по немецким бомбардировщикам вела огонь зенитная артиллерия кораблей. Ни один самолет сбить не удалось, но точность сброса мин под огнем советских зениток резко снизилась. Лишь одна мина из шести попала в бухту, три мины взорвались на суше, а две упали на мелководье и автоматически подорвались. Запись в журнале боевых действий и свидетельства многих участников событий говорят о том, что четвертый бомбардировщик в 4.10 был сбит и упал в море, однако, судя по немецким документам, группа KG-27 вообще не имела безвозвратных потерь в тот день (в отличие, например, от KG-55, которая 22 июня безвозвратно потеряла в небе над Западной Украиной 11 самолетов He-111) [245].

Таковы были реальные события раннего утра 22 июня 1941 г. в Севастополе. Газета «Красный Крым» в статье под названием «Так это было» описала их 24 июня 1941 г. следующим образом:

«...Многочисленные перекрещивающиеся лучи прожекторов продолжали упорно обыскивать закрытое зловещими тучами небо. И когда на мгновение разорвался толстый слой облаков, лучи прожекторов настигли в образовавшихся просветах разбойничьи машины. Понапрасну барахтаясь, бросаясь из стороны в сторону, пытались стервятники снова спрятаться за

густой облачностью, под покров темной ночи. Меткий артиллерийский огонь наших батарей направлялся прямо в цель... Враг безуспешно пытался скрыться за облаками, меткий огонь настигал его всюду.

Вот один из разбойничьих самолетов, подбитый орудийным снарядом, рванулся вверх и, кувыркаясь, охваченный все разрастающимся пламенем, стремительно упал камнем в море. Такая же участь вскоре постигла и другой фашистский бомбардировщик. Остальные в панике обратились в бегство. Германские фашисты, напавшие на Севастополь, получили достойный отпор...»

А вот еще одно описание этих же событий (фамилию автора мемуаров называть не будем):

*«...в четверть четвертого могучие лучи прожекторов разрезали безоблачное звездное небо и закачались маятниками, ощупывая небосвод, по которому, нарастая с каждой секундой, разливался монотонный гул. Наконец со стороны моря появилась **устрашающая армада низко летящих самолетов. Их бескрайние вороньи ряды поочередно проносились** (подчеркнуто мной. — М.С.) вдоль Северной бухты. Батареи береговой зенитной артиллерии и корабли эскадры открыли по ним ураганный огонь и смешали боевой порядок... Мрачные силуэты неизвестных еще бомбардировщиков то вспыхивали в лучах прожекторов, то пропадали в пустоте неба, потом их снова схватывали прожектора и вели до конца Северной бухты... В конце концов было сбито несколько самолетов. Мы отчетливо видели, как один из самолетов упал в море...»*

Вероятно, у читателя уже возник вопрос — к чему весь этот рассказ про события на таком далеком от

Ленинграда и Финляндии Черном море? Ответ простой: без ясного понимания психологической атмосферы первого дня войны невозможно адекватно прочесть и понять документы того времени и воспоминания участников событий.

Вот, например, командир 1-й бригады подводных лодок Краснознаменного Балтфлота капитан 1-го ранга Н.П. Египко пишет в своих мемуарах:

«Днем (22 июня) над Усть-Двинском, где располагалась бригада подводных лодок, в сторону Риги пролетело 15-20 самолетов с красными звездами на крыльях. Я в бинокль очень хорошо рассмотрел эти опознавательные знаки. Несколько позже мы услышали взрывы в районе аэродрома под Ригой. Я, как старший морской начальник в Усть-Двинске, приказал в случае возвращения вражеских самолетов открыть зенитный огонь. Но при возвращении самолёты ушли дальше в море, и зенитная стрельба оказалась безуспешной...» [246].

Теперь от мемуаров перейдем к подлинным документам. В Боевом приказе (б/н) от 23 июня 1941 г., подписанном начальником штаба 1-го МК полковником Лимаренко, сказано: *«Зафиксированы случаи налета германских самолетов с красными звездами»* [249]. И в приказе командира 163-й мд (1-го МК) от 24 июня 1941 г. читаем: *«Фашистские самолеты применяют окраску и знаки советских самолетов»* [250]. Не менее показателен и следующий фрагмент из Отчета о боевых действиях Сортавальского погранотряда (подписал капитан Болдырев 24 октября 1941 г.): *«...С 24 июня авиация противника регулярно начала совершать разведывательные полеты на нашу территорию с залетом*

*на глубину 2–6 км. С 28 июня 1941 г. самолеты противника, пользуясь отсутствием активных средств борьбы в тылу участка отряда, стали обстреливать из пулеметов населенные пункты, поезда, сбрасывать бомбы на железнодорожные мосты и полотно. **Абсолютное большинство** (подчеркнуто мной. — М.С.) вражеских самолетов летало с опознавательными знаками СССР...» [264].*

Что это было? С вероятностью близкой к 100% можно утверждать, что советские опознавательные знаки на боевые самолеты люфтваффе и финской авиации **никогда не наносились**, а все сообщения первых дней войны о бомбардировке позиций советских войск краснозвездными самолетами являются плодом неразберихи и хаоса. Просто в одних случаях эта неразбериха проявлялась в появлении донесений, основанных лишь на непроверенных слухах, в других — в действительно имевших место фактах бомбардировки собственных войск (впрочем, ничуть не меньше было и случаев обстрела своих самолетов зенитной артиллерией). Все вышесказанное не следует понимать как призыв к огульному отрицанию достоверности любых документов первых дней войны. Разумеется, нет — документы надо изучать, проверять их достоверность, сопоставляя с другими известными фактами и документами. Не отвергать «с порога», но и не превращать каждую букву архивного документа в непреложную истину только на том основании, что бумага, на которой эта «буква» написана, уже пожелтела от времени...

22 июня 1941 г. Первый день войны

Оперсводка № 01 штаба Северного фронта, подписанная генерал-майором Никишевым в 22.00 22 июня 1941 г., занимает три страницы машинописного текста [251]. **Никаких упоминаний о налетах авиации противника в сводке штаба фронта нет.**

Что касается четырех истребительных авиадивизий, непосредственно прикрывавших Ленинград (5-я ИАД, 39-я ИАД, 3-я ИАД, 54-я ИАД), то в интересующем нас временном периоде доступны только оперативные документы 39-й ИАД. Фонд 54-й ИАД обнаружить не удалось (возможно, это связано с тем, что еще 19 июня 1941 г. вышел приказ наркома обороны СССР о реорганизации 3-й и 54-й дивизий в 7-й истребительный авиакорпус ПВО страны). Фонд 3-й ИАД содержит лишь документы политотдела более позднего периода и все еще секретные документы военной прокуратуры; оперативные документы, хранящиеся в фонде 5-й ИАД, начинаются почему-то с 15 августа 1941 года...

В оперативной сводке 39 ИАД (штаб в г. Пушкин) № 1 от 6.00 23 июня 1941 г. читаем: *«39-я ИАД с 2.30 22 июня до 6.00 23 июня боевых вылетов не производила, имея части в боевой готовности»* [252]. Разведывательная сводка № 01 от 18.00 22 июня констатирует: *«Самолеты противника в районе базирования частей дивизии не отмечены».*

Это те сведения, которые штаб 39-й ИАД получил самостоятельно. А вот в той части разведсводки № 01, которая была основана на информации, полученной от соседей и/или вышестоящих штабов, появляется описание двух эпизодов войны в воздухе: *«Пять звеньев*

„Ме-110" курсом на Кронштадт, одно звено на высоте 1500 м, два звена на высоте 70-80 м. При обстреле нашей ЗА и появлении наших истребителей ушли на Виролахти (населенный пункт на берегу Финского залива рядом с границей. — М.С.).

В 4.00 два трехмоторных самолета противника торпедировали суда в районе Кронштадт, нашей ЗА сбит один самолет противника» [253].

Скорее всего, о тех же двух эпизодах пишет в своих мемуарах и бывший командующий ВВС Северного фронта (Ленинградского округа) А.А. Новиков: *«...В город война вошла в 3 часа утра, когда ленинградцы еще крепко спали. В это время высоко в небе промчалась девятка истребителей, ведомая старшим лейтенантом Михаилом Гнеушевым. Еще через двадцать минут под Ленинградом разгорелась первая воздушная схватка — летчики-истребители Шавров и Бойко вступили в бой со звеном „Ме-110". В 4 часа утра 12 немецких самолетов пытались заминировать фарватер в Финском заливе, но были отогнаны морскими летчиками. Несколько позже 14 „Ме-109" сделали попытку отштурмовать один из наших аэродромов под Выборгом. Врага встретила и прогнала группа летчиков 7-го истребительного авиаполка во главе со старшим лейтенантом Николаем Свитенко» [244].*

В известной монографии «Под крылом — Ленинград», написанной подполковником И.Г. Иноземцевым, эти же события описаны следующим образом: *«...В четыре часа утра 12 самолетов тремя группами произвели налет на район Кронштадта и сбросили мины в воды Финского залива. В то же время 14 двухмоторных истребителей Ме-110 появились на*

малой высоте в районе аэродрома у города Выборга. Им навстречу взлетело по тревоге дежурное звено самолетов И-153 7-го истребительного авиаполка, а за ним еще четверка истребителей во главе с командиром эскадрильи старшим лейтенантом П.И. Свитенко. Советские летчики атаковали „мессершмиттов“, которые, не приняв боя, поспешили скрыться в сторону Финского залива...» [254].

Эпизод с двухмоторными «Me-110» вымышлен от начала и до конца. Самолетов этого типа в составе 1-го Воздушного флота люфтваффе не было вовсе. В составе 5-го В.ф. они были, но четыре Me-110 с аэродрома Банак на крайнем севере Норвегии не могли долететь до Выборга даже «в один конец». Ни в составе финских ВВС, ни в составе подразделений люфтваффе, хотя бы эпизодически появлявшихся в июне 41-го на финских аэродромах, «Me-110» никогда не числились. Наконец, совершенно неправдоподобно выглядит сообщение о том, что 14 Me-110 «поспешили скрыться» от одного звена (3 самолета) довольно устаревших к тому времени бипланов И-153. Если бы такая встреча состоялась в реальности, то, скорее всего, счет потерь ВВС Ленинградского округа был бы открыт уже ранним утром 22 июня...

Трудно даже предположить, какое действительное событие могло стать причиной появления слухов про «14 двухмоторных истребителей» над Выборгом. Определенное внешнее сходство с Me-110 было только у «Дорнье» Do-215 (двухмоторный и двухкилевой), и в предрассветных сумерках эти самолеты могли перепутать. Два Do-215 находились в составе звена дальней разведки на финском аэродроме Луонетъярви. Однако 2 — это не 14, а дальние разведчики совершали

полеты над глубоким тылом противника на предельно возможной большой высоте. Ни на высоте 1500 м, ни тем более на высоте 70-80 м над землей дальние разведчики не летают — это и опасно, и нецелесообразно (сокращается зона обзора территории противника).

В докладах командования пограничных войск НКВД и вообще появляются *«бескрайние вороны ряды»* из *«43 немецких самолётов»*, которые в 3.50 22 июня якобы *«нарушили границу и пошли курсом на Карельский перешеек»* [264]. Правда, никаких вещественных следов в виде сбитых и упавших на советской территории самолетов, сброшенных бомб, воронок и разрушений эта *«устрашающая армада низко летящих самолетов»* не оставила...

«Два трехмоторных самолета противника», которые якобы *«торпедировали суда в районе Кронштадт»*, они же — *«12 немецких самолетов, которые пытались заминировать фарватер в Финском заливе»* — это, скорее всего, те самые 14 *«Юнкерсов»* Ju-88 из состава авиагрупп KGr-806 и Kü.Fl.Gr-506, которые на рассвете 22 июня минировали подходы к ВМВ Кронштадт, а после успешного выполнения задания (*«отогнаны морскими летчиками»* они были только в сочинениях советских мемуаристов) приземлились для дозаправки на финском аэродроме Утти.

Минирование бухты Кронштадта было зафиксировано (но, к сожалению, не пресечено) и командованием Краснознаменного Балтфлота. Вывший командующий КБФ адмирал В.Ф. Трибуц в своих мемуарах пишет: *«...В 4 часа 45 минут командир Кронштадтской военно-морской базы контр-адмирал В.И. Иванов доложил мне по телефону, что видел сам, как*

несколько вражеских самолетов сбросили мины на Кронштадтский фарватер и открытую часть Ленинградского морского канала, а один из самолетов обстрелял находившийся на Красногорском рейде транспорт „Луга“» [195].

Достоверность налета на Кронштадт сомнений не вызывает, но следует отметить, что относительно точное описание событий обнаруживается лишь в послевоенных воспоминаниях А.А. Новикова. Разведывательная сводка № 01 штаба 39-й ИАД, написанная по горячим следам событий, содержит очень большие неточности: 2 самолета вместо 14, «трехмоторные самолеты» (ими могли быть только тяжелые транспортные Ju-52) вместо двухмоторных бомбардировщиков Ju-88, «торпедирование» вместо имевшего место в действительности сброса глубинных мин. Для целей данного исследования более важно отметить, что про **использование финских аэродромов для выполнения налета на Кронштадт не упоминают ни единым словом ни составители разведсводки № 01, ни бывший командующий ВВС Ленинградского округа.** Скорее всего, факт посадки и дозаправки немецких самолетов на финском аэродроме Утти вовсе не был известен советскому командованию.

Двумя эпизодами, произошедшими ранним утром, все зафиксированные в известных боевых донесениях (или упомянутые в послевоенных книгах) боевые действия в небе над Ленинградской областью и Карелией в первый день войны исчерпываются.

23 июня 1941 г. Второй день войны

В ночь с 22 на 23 июня действия немецкой авиации в небе над северными подступами к Ленинграду получили самое неопровержимое подтверждение — зенитной артиллерией был сбит немецкий бомбардировщик. Самолет рухнул на советской территории, экипаж в полном составе (4 человека) был взят в плен. Этот факт лаконично и точно был зафиксирован в оперативной сводке № 02 штаба Северного фронта от 10.00 23 июня: *«Восьмое. 2-й корпус ПВО поднят. Огневых позициях отражал [в] течение ночи налет вражеских самолетов [на] Ленинград. Зенитной артиллерией Карперешейка сбит один германский самолет»* [255].

Более подробно — и значительно менее достоверно — этот эпизод описан в боевом донесении №1 штаба Северной зоны ПВО от 8.00 23 июня: *«1. С 01 до 02 23 июня авиация противника двумя группами, в составе до 7-9 бомбардировщиков каждая, пыталась на высоте 50-200 м произвести налет на пункты Ленинграда по маршруту: госграница–Выборг–Териоки [Зеленогорск]. Встреченные огнем ЗА в районе Горская–Сестрорецк, одна группа изменила курс и ушла в направлении на Кронштадт, где огнем ЗА КБФ было сбито 4 самолета, которые упали в море. Вторая группа ушла в направлении ст. Песочная (25 км к северу от центра Ленинграда) и сбросила бомбу в районе военного городка. Жертв и разрушений нет. Эта группа обстреляна огнем ЗА 2-го корпуса ПВО, в результате сбито 2 самолета. Рассеянные остатки групп противника ушли на северо-запад в Финляндию...»* [256].

Сообщение про якобы «упавшие в море самолеты» соответствует русской поговорке «и концы в воду...». Подтвердить достоверность таких донесений, как правило, нечем. Что же касается второго «сбитого» в районе ст. Песочная самолета, то эта информация может быть лишь немного преувеличенной. По данным известного финского историка авиации К. Геуста, утром 23 июня один «Юнкерс» Ju-88 (командир экипажа — лейтенант Э. Саториус) из состава 3-й эскадрильи группы KGr-806 был сбит над Карельским перешейком, а второй потерпел аварию при посадке на финском аэродроме Утти, при этом один из членов экипажа погиб. Не исключено, что самолет был поврежден огнем советских зениток, что и послужило причиной аварии при посадке.

А.А. Новиков также пишет про один (а не два) сбитый в ночь на 23 июня немецкий бомбардировщик: *«...В ночь на 23 июня сигнал воздушной тревоги прозвучал и в городе Ленина. Впервые заговорили и зенитные орудия. 194-й зенитно-артиллерийский полк ПВО встретил своим огнем группу бомбардировщиков Ю-88, летевших со стороны Финского залива. Ровно в 00 часов 10 минут батарея старшего лейтенанта А.Т. Пимченкова сбила первого воздушного стервятника с фашистской свастикой на крыльях. Экипаж уничтоженного Ю-88 спустился на парашютах и был взят в плен...»* [244].

Кроме противоречивых сообщений о воздушном налете в ночь с 22 на 23 июня, никаких других сообщений о боевых действиях в небе над Ленинградом в документах советского командования нет. Первый сбитый истребителями ВВС Северного фронта немецкий бомбардировщик был, действительно, сбит 23 июня, но это произошло за 250 км от Ленинграда. Утром 23 июня

летчик 158-го ИАП лейтенант А.В. Чирков, пилотируя новейший на тот момент истребитель Як-1, сбил в районе между Псковом и Островом немецкий бомбардировщик (летчик идентифицировал его как «Хейнкель-111», но бомбардировщиков такого типа на вооружении 1-го Воздушного флота люфтваффе не было; скорее всего, это был «Юнкерс» Ju-88). В любом случае, к истории с использованием финских аэродромов немецкой авиацией этот эпизод никакого отношения не имеет.

24 июня 1941 г. Третий день войны

Никаких сообщений о боевых столкновениях, авианалетах и бомбардировках в этот день не поступало.

В утренней оперсводке № 04 штаба Северного фронта от 10.00 24 июня читаем: *«Пятое. ВВС противника одиночными самолетами и звеньями продолжает вести разведку в направлении Ленинград. ВВС округа в готовности для боевых действий. Авиация ПВО ведет патрулирование г. Ленинград. С 6.00 23 июня до 6.00 24 июня произвела 231 с/вылет. Встреч с самолетами противника не имела»* [257].

Вечерняя оперсводка № 05 от 22.00 24 июня почти дословно повторяет в этом отношении утреннюю: *«Седьмое. ВВС фронта боевой готовности. Встреч с авиацией противника не было. Авиация ПВО патрулирует над Ленинград»* [258].

Аналогичные сообщения обнаруживаем и в оперативных сводках соединений Северного фронта.

Оперсводка штаба 23-й армии № 04 от 20.00 24 июня: *«...п.б Встреч с воздушным противником не было, потерь нет»* [259].

Оперативные сводки №№ 3, 4, 5 штаба 39-й ИАД (последняя — от 18.00 25 июня) монотонно дублируют одну и ту же фразу: *«Части выполняли задачи ПВО патрулированием в зонах, противник не обнаружен, воздушных боев не было»* [260].

Оперативные сводки штаба 10-го мехкорпуса (корпус развертывался в районе Выборга, т.е. в непосредственной близости от границы с Финляндией) с 23 по 28 июня включительно содержат сообщение о том, что *«корпус соприкосновения с противником не установил, воздушные налеты на части корпуса со стороны противника не производились»* [261].

День 24 июня 1941 года сменился ночью. Утренняя оперсводка № 06 штаба Северного фронта от 10.00 25 июня констатирует: *«Первое. Ночь прошла спокойно. Войска Северного фронта частями прикрытия занимают прежние районы...*

...8-я стр. бригада на полуострове Ханко без изменений. Столкновений с противником не было. ВВС противника одиночными самолетами продолжает вести разведку в направлениях Выборг, Кексгольм...» [262].

Вот и все, что было. Точнее и правильнее говоря — вот и все. что было в июне 1941 года зафиксировано в документах советского командования. По меркам и представлениям мирного времени — в небе над Ленинградом происходило одно чрезвычайное происшествие за другим. В сравнении же с тем, что в первые три дня войны, с 22 по 24 июня включительно, произошло в полосе Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов (Литва, Латвия, Белоруссия, Западная Украина), Карелия и Ленинградская область

могли считаться тихим, сонным курортным городом, да еще и в период «мертвого сезона».

Достаточно будет напомнить, что в полосе указанных трех фронтов только в первый день войны немецкая авиация произвела порядка **4 тыс. боевых вылетов**. За один день. Десятки аэродромов, железнодорожных станций, командных пунктов и штабов Красной Армии подверглись 22 июня многократным массированным бомбардировкам. Танковые и моторизованные дивизии вермахта на ряде направлений прошли по 200-250 км, выйдя таким образом в глубокий тыл группировки советских войск западных округов. Неуправляемые остатки бывших армий, корпусов и дивизий начали беспорядочный отход на восток. В полосе Западного и Северо-Западного фронтов ситуация начинала уже приобретать черты небывалой военной катастрофы. И под этим «углом зрения», в масштабе такой катастрофы, по меньшей мере странно начинает смотреться директива Ставки ГК от 24 июня 1941 г, в которой группировка немецких войск «неустановленной численности» и немецкая авиация, якобы «систематически прибывающая на территорию Финляндии», объявляются угрозой, «приобретающей решающее значение...».

В завершение этой главы стоит упомянуть еще один эпизод, в равной степени малозначимый и малодостоверный. Тем не менее, для сведения самых любознательных читателей следует рассказать и о нем.

В мемуарной литературе встречаются упоминания о том, что 22–23 июня немецкие самолеты бомбили ВМВ Ханко. Одни авторы пишут, что дело было утром, другие

— вечером. Называются даже цифры — 20 самолетов. С другой стороны, в документах штаба Северного фронта никаких упоминаний о бомбардировке Ханко нет.

Оперсводка № 01 штаба С.ф. от 22.00 22 июня *«Полуостров Ханко части боевой готовности. Семьи военнослужащих эвакуируются 22 июня 18.00 теплоходом „Иосиф Сталин“»* [251].

Оперсводка № 06 штаба С.ф. от 10 00 25 июня *«8-я стр. бригада на полуострове Ханко без изменений. Столкновений с противником не было...»* [262].

Первое упоминание о боевых действиях на Ханко появляются только в оперсводке штаба С.ф. № 08 от 7.00 26 июня, но и там речь идет лишь об обстреле наземной артиллерией: *«8-я стр. бригада — в ночь на 26 июня противник открыл редкий артиллерийский и минометный огонь по всему полуострову. Наша авиация и артиллерия ведут огонь по скоплениям противника. Личный состав базы усиливает противотанковые и противопехотные препятствия»* [283].

Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов в своих мемуарах также пишет лишь о «полетах над Ханко» (*«на совещании в кабинете И.В. Сталина вечером 24 июня я докладывал о полетах финских и немецких самолетов над Ханко, о бомбардировке наших кораблей в Полярном...»*), но не о бомбовых ударах по военно-морской базе, которая именно флоту и подчинялась, соответственно, Н.Г. Кузнецов должен был бы узнать о бомбардировке Ханко прежде всех.

Свидетельство живого очевидца событий звучит так: *«...В первый же день войны над полуостровом появились немецкие бомбардировщики. Я видел только одно звено из трех самолетов и предполагаю, что бомбы*

сбрасывались без определенной заранее намеченной цели. Были ли еще самолеты не знаю, но налет продолжался утром только несколько минут и в течение дня не повторялся. Сбросили бомбы, как говорят, куда попало. На самом деле, никуда не попало. Весь гарнизон был в надежных укрытиях... Еще одну бесплодную бомбардировку немцы повторили на следующий день...» [189].

По мнению автора этой книги, наиболее вероятным объяснением событий утра 22 июня на Ханко будет бомбардировка базы одним звеном (три самолета) из состава ВВС КБФ. Именно в это время (ранним утром 22 июня) авиация Балтфлота бомбила финские корабли и укрепления на Аландских островах (а это очень близко от Ханко).

В бесконечном лабиринте прибрежных шхер командир одного звена ошибся в выборе цели и неприцельно сбросил бомбы не на тот полуостров.

Вариант с появлением немецких бомбардировщиков над Ханко представляется крайне сомнительным по самой простой причине — зачем? Эта база (т.е. плацдарм для высадки советских войск) была проблемой для финнов, но никак не для немцев. ВМБ Ханко ничем немцам не мешала. Абсолютно. Прорываться в Финский залив немецкий флот и не планировал, а занимался прямо противоположным делом — минировал вход в залив. Утром 22 июня в люфтваффе не было «лишних» самолетов, лишних экипажей и лишних бомб. Рисковать самолетами и летчиками (от аэродромов в Восточной Пруссии до Ханко порядка 600-700 км «в один конец», следовательно, прикрыть бомбардировщики истребителями не удастся) из одной только

«солидарности» с будущим союзником (Финляндией) немцы едва ли стали. На протяжении всей войны ни один немецкий самолет и ни один немецкий корабль даже не приблизился к Ханко. В любом случае, вопрос этот требует еще дальнейшего изучения.

Глава 3.6

ЩИТ И МЕЧ

Ранним утром 25 июня 1941 года боевые самолеты ВВС Северного фронта и Краснознаменного Балтфлота пересекли границу Финляндии. Прежде чем перейти к изложению хода этой операции, поставленных задач и достигнутых результатов, следует возможно точнее ознакомиться с составом и дислокацией сил сторон (см. карту №11).

Бомбардировочные силы авиации Ленинградского округа (Северного фронта) были относительно малочисленны (малочисленны в сравнении с огромной численностью истребительной авиации, оборонявшей воздушные подступы к «второй столице» СССР).

В непосредственной близости от Ленинграда базировалась **41-я БАД** (штаб в г. Гатчина), в составе которой было четыре бомбардировочных авиаполка. 22 июня 1941 г. командир дивизии полковник Новиков отдал боевой приказ № 1, в соответствии с которым полки дивизии были рассредоточены на оперативных аэродромах: 10-й БАП — аэродром Городец. 201-й БАП — аэродром Сумск, 202-й БАП — аэродром Керстово, 205-й БАП — аэродром Крестцы [265]. 10-й бомбардировочный был «старым» кадровым авиаполком, принимавшим участие еще в «зимней войне» и награжденным за

совершенные на той войне «подвиги» орденом Боевого Красного Знамени. 201-й, 202-й и 205-й полки были относительно «молодыми» — их формирование началось в конце 1940 года. Впрочем, не надо думать, что «молодые» полки были укомплектованы одними только выпускниками летных училищ — командный состав, как правило, был составлен из летчиков, имеющих большой боевой опыт. Так, в 202-м БАП *«командир полка полковник Н.Ф. Ефимов был награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени, штурман полка майор Г.И. Габуня был награжден двумя орденами Красного Знамени. Правительственные награды имели также командиры эскадрилий, их заместители и штурманы... Все они имели значительный служебный и боевой опыт, полученный в небе Испании, в боях на озере Хасан, реке Халхин-Гол, в войне с белофиннами и во время освободительного похода в западную Украину и западную Белоруссию...»* [266].

Характерной особенностью «двухсотых» полков было то, что при полной укомплектованности летным составом они имели относительно небольшое число боевых самолетов. Судя по мемуарам бывшего командующего ВВС Северного фронта А.А. Новикова, на вооружении 41-й БАД было 114 самолетов [244]. Скорее всего, маршал авиации назвал общее число самолетов, включая временно неисправные. В документах фонда 41-й БАД указана точная численность боеготовых самолетов в полках дивизии по состоянию на 27 июня 1941 г. [267]. Более ранних сведений (на 22 или 25 июня) нет. Тем не менее, суммируя количество оставшихся на 27 июня 1941 г. самолетов с числом боевых потерь, мы получаем следующие минимальные (именно

«минимальные», так как кроме боевых потерь могли быть и технические неисправности и аварии) цифры:

10-й БАП	38 «СБ»
201-й БАП	25 «СБ»
202-й БАП	19 «СБ»
205-й БАП	13 «СБ»
всего в 41-й БАД:	95

2-я авиадивизия базировалась значительно южнее Ленинграда (штаб в г. Старая Русса). В составе дивизии было три бомбардировочных (2-й, 44-й и 58-й БАП) и один штурмовой (65 ШАП) авиаполк. Наличие штурмового полка перевело эту дивизию в разряд «смешанных», и в большинстве документов она именуется 2-я САД. Фактически же никаких упоминаний об участии 65-го ШАП, вооруженного легкими истребителями-бипланами И-15 бис, в авиаударе по Финляндии не обнаруживается, и в реальности 2-я САД действовала как бомбардировочное соединение. Эта дивизия, старая кадровая дивизия советских ВВС, была и в количественном, и в качественном отношении укомплектована лучше, чем 41-й БАД. На вооружение двух ее полков (2-го и 58-го) уже поступили новейшие на тот момент пикирующие бомбардировщики Ар-2 и Пе-2.

По состоянию на 23 июня 1941 г. дивизия базировалась: штаб 58-го БАП на аэродроме Ст. Русса. 44-го БАП на аэродромах Тулебля и Ивановка, 2-го БАП на аэродроме Крестцы (все в районе г. Новгород). Количество боеготовых самолетов, указанное на основами и документов штабов бомбардировочных полков, приведено в таблице: [268]

	боеготовые самолеты	Итого:
2-й БАП	23 СБ + 21 «Ар-2»	44
44-й БАП	? СБ + ? «Пе-2»	46
58-й БАП	38 СБ + 14 «Пе-2»	52
всего во 2-й САД		142

55-я САД (штаб в г. Петрозаводск) имела в своем составе один бомбардировочный авиаполк (72-й БАП), на вооружении которого числилось 45 бомбардировщиков СБ (из них 40 в исправном состоянии) и 4 новых Пе-2.

Итого — 44 боеготовых самолета (данные на 1 июня 1941 г.) [269].

Таким образом, ВВС Северного фронта могли использовать в массированном авиаударе по финским аэродромам **порядка 280 исправных бомбардировщиков**. Характерной особенностью бомбардировочных частей ВВС Северного фронта было значительное превышение числа экипажей (порядка 450) над числом исправных самолетов [269].

Еще раз подчеркнем, что все цифры, характеризующие количество и техническое состояние боевых самолетов, следует рассматривать лишь как ориентировочные, которые с разбросом в 10-15% различаются даже в документах одной и той же дивизии. И это не удивительно — самолет в военной авиации является расходным материалом, который постоянно обновляется, ломается, ремонтируется и т.д. Соответственно, абсолютно точное количество боеготовых самолетов указать в принципе невозможно.

В составе **ВВС Краснознаменного Балтфлота** (командующий — генерал-майор авиации В.В. Ермаченков) было три бомбардировочных полка: 1-й

МТАП (минно-торпедный авиаполк), 57-й ВАП, 73-й ВАП. Первые два входили в состав 8-й бомбардировочной бригады и базировались на аэродромах Беззаботное и Котлы (30-70 км западнее Ленинграда) Аэродромы морской авиации находились в непосредственной близости от южного (советского) берега Финского залива, а на вооружении 1-го МТАП и трех (из пяти) эскадрилий 57-го БАП были дальние бомбардировщики ДБ-3/ДБ-3ф, которые с указанных аэродромов могли достичь практически любой точки в южной и центральной Финляндии. 73-й БАП (пять эскадрилий, вооруженных бомбардировщиками СБ и Ар-2) базировался на аэродроме Пярну в Эстонии. Всего на вооружении указанных трех авиаполков ВВС КБФ было **174 боеготовых самолета**, из них 91 — ДБ-3, 66 — СБ, 17 — Ар-2 [270, 271, 277].

Во всех странах (и Советский Союз не был тут исключением) морская авиация является элитой Вооруженных сил. Причина этого очень простая: «море не прощает». Ни И-16, ни ДБ-3 не могли совершить вынужденную посадку на воду. Да и парашют над северными морями мало чем помогает — в ледяной воде зимней Балтики или Баренцева моря человек долго не живет. Первая же ошибка в пилотировании, потеря ориентировки, некачественная предполетная подготовка самолета становятся для экипажа морской авиации последней. Вот поэтому слабых летчиков в авиации ВМФ не бывает. А среди всех соединений морской авиации именно ВВС КБФ обладали наибольшим боевым опытом, причем опыт этот был приобретен на том же самом ТВД, на котором предстояло действовать и в июне 1941 г. Порты Финского и Вотнического заливов (Хельсинки, Турку, Вааза, Пори, Котка) неизменно присутствовали во

всех предвоенных оперативных планах ВВС Балтфлота в качестве первоочередных объектов бомбардировки. Со времени «зимней войны» оставались еще два «первоочередных объекта» — финские броненосцы береговой обороны «Ильмаринен» и «Вяйнямёйнен» (других крупных надводных кораблей в ВМФ Финляндии просто не было), которые в декабре 1939 г. так и не удалось ни потопить, ни повредить.

К новой войне в небе над Балтикой готовились весьма упорно. Вот что об этом пишет в своих мемуарах бывший штурман 1-го МТАП, генерал-лейтенант П.И. Хохлов: *«...Предшествующая учеба и боевые действия („зимняя война“. — М.С.) дала свои результаты. Экипажи умели летать днем в строю подразделений, а две эскадрильи могли совершать полеты и ночью, в простых метеоусловиях... В полку появились снайперские экипажи по бомбометанию и минным постановкам. Много проводилось полетов с использованием средств радионавигации. Самолеты ДБ-3 уже тогда были оборудованы радиополукомпасами РПК-2, которые грамотно использовались в полетах. Наиболее подготовленные экипажи осваивали полеты в облаках. В среднем каждый экипаж налетал в 1940 году более **200 часов**»* (подчеркнуто мной — М.С.) [134].

200 часов годового налета — показатель весьма достойный. Особенно на фоне непрекращающихся в отечественной псевдоисторической литературе жалобных вздыханий по поводу того, что лётный состав советской авиации летом 41-го состоял из «желторотых птенцов», недоучившихся курсантов с налетом 4 часа в год «по коробочке»...

Истребительная авиация Финляндии

составляла самую многочисленную часть малочисленных ВВС этой страны. Организационно финские истребители были сведены в пять относительно укомплектованных авиагрупп.

1. **LLv-24**, командир майор Г. Магнуссон. Это была самая опытная и самая результативная (по итогам «зимней войны») истребительная группа финских ВВС. В составе LLv-24 было четыре эскадрильи (нестандартно большое число), три из которых (25 самолетов) базировались на аэродроме Весивехмаа (в районе г. Лаhti), а одна — на аэродроме Селянпя в районе ж/д станции Коуволла (в советских документах этот аэродром чаще именуется «Валкеала» — по названию расположенного рядом населенного пункта). Всего на вооружении группы LLv-24 числилось **33 истребителя «Брюстер»** американского производства.

2. **LLv-26**, командир майор Р. Харю-Йенти. Все три эскадрильи группы базировались на аэродроме Йоройнен (20 км к юго-востоку от ж/д станции Пиексямяки). На вооружении группы LLv-24 было **26 истребителей «Фиат» G-50** итальянского производства.

3. **LLv-28**, командир капитан С.И. Сирин. Три эскадрильи группы базировались на аэродроме Наараярви (8 км к западу от ст. Пиексямяки). На вооружении группы было **27 истребителей «Моран» MS-406** французского производства.

4. **LLv-32**, командир капитан Э. Хейниля. Эта авиагруппа своими мизерными силами должна была прикрывать столицу государства и важный железнодорожный узел Рихимяки-Хювинкя. Две эскадрильи авиагруппы LLv-32 базировались на

аэродроме Хювинкя (40 км к северу от Хельсинки). Вооружены они были устаревшими еще ко времени «зимней войны» истребителями **«Фоккер» D-21** голландского производства. Истребители группы, кроме того, были и физически весьма изношенными, т.к. это были «фоккеры», изготовленные по лицензии на заводе в Тампере еще весной–летом 1939 г. и прошедшие через всю войну. В результате из 24 истребителей группы LLv-32 в боеготовом состоянии 25 июня 1941 г. находилось только 12.

5. **LLv-30**, командир капитан Л. Бремер. В составе группы было три эскадрильи, из которых только одна (2-я) была укомплектована самолетами полностью. Две эскадрильи, на вооружении которых было **18 истребителей «Фоккер» D-21** (собранные в Тампере после «зимней войны» и оснащенные более мощным американским мотором PWR-1830), базировались на аэродроме портового города Пори. 1-я эскадрилья группы LLv-30 базировалась на аэродроме Холлола (район г. Лахти). На ее вооружении было **5 истребителей «Харрикейн»** английского производства.

Кроме вышеназванных пяти истребительных групп было еще три недоукомплектованные даже до половины штатной численности группы, эскадрильи которых были разбросаны по всей южной Финляндии. 2-я эскадрилья группы LLv-12, на вооружении которой было **3 «Гладиатора»** (устаревший еще ко времени «зимней войны» английский истребитель-биплан), базировалась на аэродроме Пуумапа (50 км к востоку от Миккели). 3-я эскадрилья группы LLv-12, на вооружении которой было **7 «фоккеров»**, базировалась на аэродроме Миккели.

1-я эскадрилья группы LLv-14 базировалась на аэродроме Утти (район ж/д станции Коувола). На ее вооружении было **6 «Гладиаторов»**. 3-я эскадрилья группы LLv-14 базировалась на аэродроме Падасйоки (45 км к северу от г. Лахти). На ее вооружении было **6 «фоккеров»**. **5 истребителей** (трофейные советские И-153) было в составе 3-й эскадрильи группы LLv-6, базирующейся на аэродроме города Турку [311].

Еще две эскадрильи (1/LLv-12 на аэродроме Йоройнен и 2/LLv-14 на аэродроме Валкеала) числились в резерве, так как в конце июня 1941 г. они перевооружались на условно «новые» американские истребители «Хоук» P-36.

Всего в истребительных частях финских ВВС было **160 самолетов** восьми разных типов, из которых в боеготовом состоянии к 25 июня 1941 г. было **148 единиц**. Третью часть всех истребителей (52 исправных самолета) составляли изрядно потрепанные ветераны «зимней войны»: голландские «фоккеры» и английские «гладиаторы». Стоит сразу же отметить, что летом 1941 года ни одного немецкого «мессершмитта» на вооружении финских ВВС не было и в помине (первые Bf-109G-2 в количестве 30 единиц были закуплены Финляндией лишь весной **1943 г.**).

Удручающее разнообразие самолетов и авиамооторов было не единственной проблемой, стоящей перед техническими службами финских авиаполков. Ремонт и обслуживание авиационной техники приходилось осуществлять практически без оригинальных заводских запчастей. Причина этого станет понятной, если вспомнить происхождение самолетов-истребителей финских ВВС.

Лучше всего обстояло дело с «фоккерами». Разгром и оккупация Голландии вермахтом не сразу сказались на ситуации в финских ВВС, так как Финляндия предусмотрительно купила летом 1937 года лицензию на неограниченный выпуск «фоккеров» на государственном авиазаводе в Тампере. Однако как для «неограниченного», так и для самого минимального производства самолетов нужны были двигатели. Собственного авиадвигательного производства в Финляндии, разумеется, не было. На «фоккеры» финской сборки устанавливали сначала английские моторы «Вристорль-Меркурий», а затем — значительно более мощные американские R-1830 «Твин Уосп». После оккупации Норвегии и появления немецких военных и военно-морских баз в нескольких километрах от финского порта Петсамо транспортный коридор между Финляндией и Атлантикой был практически закрыт.

Таким образом, возможность получения новых английских или американских моторов, самолетов и запчастей к ним снизилась почти до нуля, разумеется, на свертывание сотрудничества повлияло и неуклонное германо-финляндское сближение, которое не осталось тайной ни для Лондона, ни для Вашингтона. Что же касается получения французской авиатехники, то поставки прекратились одновременно с ликвидацией самой независимой Франции. Правда, в дальнейшем (1941-1942 гг.) немцы продали Финляндии (продали за деньги, а вовсе не подарили из чувства союзнической солидарности) трофейные «мораны» (57 самолетов) и американские «хоуки» (44 самолета), захваченные ими в ходе боев во Франции. Вплоть до весны 1943 г. этот «тоненький ручеек» поставок предельно изношенных, поврежденных в боях самолетов был одним из двух

имеющихся источников обновления самолетного парка финских ВВС. Вторым источником были трофейные советские истребители и моторы с них.

Подробный анализ тактико-технических характеристик истребителей финских ВВС выходит далеко за рамки задач данного исследования. Поэтому ограничимся только самым кратким обзором.

Истребитель «Фоккер» D-21 разрабатывался как простой в эксплуатации, надежный и дешевый истребитель для колониальных войск голландской Вест-Индии. Именно стремление к максимальному упрощению и удешевлению конструкции предопределило использование неубирающегося шасси. что для самолетов второй половины 30-х годов было уже явным анахронизмом. По вооружению (4 пулемета винтовочного калибра) и мощности двигателя (750 л.с.) этот истребитель соответствовал ранним модификациям знаменитого советского «ишака» (И-16, тип 10), но при этом был заметно тяжелее (2050 кг против 1716 кг), обладал меньшей, чем у И-16, скоростью и скороподъемностью.

Французский истребитель «моран» MS-406 впервые поднялся в воздух 8 августа 1935 г. Это был один из первых в мире истребителей «новой волны» («остроносые» скоростные истребители-монопланы с моторами жидкостного охлаждения и убирающимся шасси) и самый первый серийный истребитель с пушечным вооружением. Первый не смог стать лучшим: главным врожденным пороком этого самолета было несоответствие мощности двигателя и веса конструкции. Из приведенной ниже таблицы видно, что даже в сравнении с самой тяжелой модификацией «ишака» И-16

тип 28, вооруженный двумя 20-мм пушками «моран», при меньшей на 200 л.с. мощности мотора, был на полтонны тяжелее. В результате энерговооруженность «морана» MS-406 оказалась в полтора раза меньше, чем у И-16, что и предопределило низкие разгонные и маневренные характеристики.

Чтобы как-то «дотянуть» максимальную скорость самолета до вожаделенной отметки в 500 км/час, на «моране» применили небывалый, убирающийся в фюзеляж радиатор охлаждения двигателя. В результате с выпущенным в воздушный поток радиатором «моран» не набирал и 450 км/час, а с убраным — двигатель быстро «закипал». К тому же бензобак «морана» не имел протектора, сиденье летчика — бронеспинки, а гидросистема оказалась весьма капризной. Первые же воздушные бои с немецкими «мессершмиттами» убедили французское командование в том, что «моран» состарился, так и не успев толком родиться. Весной 1940 г. французские истребительные авиагруппы начали в лихорадочном темпе перевооружать на более совершенные самолеты. Всего за три недели, с 10 мая по 5 июня, шесть истребительных групп французской авиации «освободились» от «моранов», пересев на «Девуатин» D-520, «Блох» MB-152 и американский «хоук».

Для финской авиации «моран» (первые самолеты прибыли в феврале 1940 г. и успели принять участие в «зимней войне») был драгоценным подарком. Этот истребитель способен был догнать в воздухе советский бомбардировщик СБ, а пушка позволяла использовать истребитель для эффективной штурмовки наземных целей.

И в дальнейшем, во время 2-й советско-финской войны, «моран» использовался как «истребитель-штурмовик», в частности для борьбы на железнодорожных коммуникациях (20-мм пушка с малой дистанции пробивала стенки котла паровоза). Еще одним «преимуществом» французского ветерана на финской службе было то, что авиамоторы М-100/М 103/М-105, установленные на советских бомбардировщиках СБ, Ар-2 и Пе-2, истребителях Як и ЛаГГ, представляли собой форсированную лицензионную версию мотора «Испано-Сюиза» 12Y-31, установленного на «моранах». Таким образом, среди обломков сбитых советских самолетов финны получили богатый источник запчастей к моторам «моранов»...

Итальянский «Фиат» С-50, американские «хоук» и «брюстер», советский И-16 при всем внешнем несхождении были самолетами одного класса и одного поколения: маневренные истребители конца 30-х годов с мотором воздушного охлаждения. Последние модификации И-16, благодаря мощному мотору и рекордно низкому весу (как следствие — уникально высокой тяговооруженности), превосходили своих «ровесников» по характеристикам горизонтальной и вертикальной маневренности, ничуть не уступая при этом и в скорости. Преимуществом «американцев» было аэродинамическое совершенство (значительно более низкий коэффициент аэродинамического сопротивления), благодаря которому они превосходили «ишака» в способности разогнаться на пикировании, а также традиционный для всех самолетов ВВС США большой запас топлива, соответственно — большая (огромная по меркам советских ВВС) дальность полета. Стоит отметить и то, что «фиат» и «брюстер», вооруженные крупнокалиберными пулеметами,

несомненно, превосходили по огневой мощи пулеметные модификации «ишака» (И-16 тип, 18 и тип 24).

	Вес пустого	Вес взлетный	Мощ- ность взлетная, л.с.	Скорость максим.	Скорость вертик. м/мин	Даль- ность	Вооруже- ние
«Моран» MS-406	1900	2470	860	490	667	800	1 x 20 + 2 x 7,5
«И-16» тип 28	1403	1988	1100	470	882	445	2 x 20 + 2 x 7,62
«Хоук» P- 36	2121	2600	1050	490	930	1200	6 x 7,7
«Фиат» G- 50	1963	2403	840	473	?	670	2 x 12,7
«Брюстер» B-239	2104	3103	950	487	?	1500	3 x 12,7 + 1 x 7,7
И-16 тип 24	1383	1780	1100	489	938	440	4 x 7,62

В целом же самолеты-истребители финских ВВС по основным ТТХ вполне соответствовали так называемым «устаревшим» советским истребителям (И-16 и И-153) начала войны. Разница, причем разница разительная, была в истории их боевого применения. Тысячи «ишаков» и «чаек» были брошены на приграничных аэродромах в первые же дни и недели войны, тогда как «брюстеры», «фиаты» и «мораны» продолжали успешно воевать вплоть до лета 1944 года, а финские летчики, пилотируя эти «музейные экспонаты», продолжали сбивать все, что встречали в воздухе: новые советские Як-9 и Ла-5, американские «ленд-лизовские» «кобры» и «киттихоуки»... 29 июля 1944 г. сержант В. Ринкенева, пилотируя «Чайку» И-153, сбил «Аэрокобру» Р-39. Это не «охотничья история», а реальный факт, и подбитый самолет был обнаружен на земле в районе ст. Лоймола [52].

Теперь от обсуждения тактико-технических характеристик вернемся к более актуальному для данной главы вопросу о базировании финской истребительной авиации. Расставив на географической карте все вышеназванные истребительные группы и эскадрильи,

мы обнаруживаем всего лишь **семь «аэродромных узлов»**:

- район ст. Пиексямяки, аэродромы Наараярви и Йоройнен, всего 53 истребителя:

- район г. Лахти, аэродромы Весивехмаа, Холлола и Падасйоки, всего 36 истребителей;

- район г. Пори, аэродром Пори, всего 18 истребителей;

- район ст. Коуволла, аэродромы Валкеала (Селения) и Утти, всего 14 истребителей;

- район г. Хельсинки, аэродром Хювинкя, всего 12 исправных истребителей;

- район г. Миккели, аэродромы Миккели и Пуумала, всего 10 истребителей;

- район г. Турку, аэродром Турку, всего 5 истребителей.

Вся истребительная авиация базировалась на 12 аэродромах. Если же исключить из этого перечня такие аэродромы, на которых базировалось всего лишь 3-8 самолетов, то останется ровно **пять аэродромов**: Наараярви (27 самолетов), Йоройнен (26 самолетов), Весивмехмаа (25 самолетов), Пори (18 самолетов) и Хювинкя (12 самолетов). Концентрация авиации на столь малом числе аэродромов, несомненно, создавала опасную для финской стороны ситуацию — истребительные группы сами превратились в мишень для уничтожающего удара с воздуха.

Сравнив количество аэродромов с числом бомбардировочных полков ВВС Северного флота и ВВС КБФ, нетрудно убедиться в том, что советское

командование могло выделить для удара по каждому из пяти основных аэродромов финских ВВС **два полка бомбардировщиков, прикрыв их при этом тремя полками истребителей...**

Достаточно трудно понять логику именно такого распределения сил истребительной авиации. Столица государства и два крупнейших (по финским меркам) города (Турку и Тампере) прикрывы непропорционально малыми силами. Самая большая группировка истребителей (две авиагруппы, треть всех боеспособных самолетов) находится в районе ст. Пиексямяки, на расстоянии в 200-250 км от границы, от Хельсинки и Тампере. Складывается впечатление, что финское руководство, не исключая возможность нанесения Советским Союзом внезапного массированного удара, оттянуло основные силы истребительной авиации вглубь страны.

Такое решение становится понятным, если опять же обратиться к географической карте. Столица Финляндии, важнейшие порты, железнодорожные магистрали и узловые станции находятся на берегу Финского залива или в непосредственной близости от него. С точки зрения построения системы ПВО это обстоятельство создает огромную проблему. Дело в том, что в отсутствие радиолокаторов (а летом 1941 г, радиолокаторов в ПВО Финляндии не было) вся система оповещения о воздушном нападении держалась на использовании многих сотен постов визуального наблюдения (дополненных на важнейших направлениях шумопеленгаторными установками). Так, например, в составе ПВО Ленинграда было 263 наблюдательных поста ВНОС («воздушное наблюдение, оповещение связь») и 23 отдельных поста наведения истребительной

авиации (и это в дополнение к восьми радиолокационным станциям!).

В системе ПВО Москвы было семь РЛС и 610 постов ВНОС. Разместить в водах Финского залива сопоставимое количество постов ВНОС не представлялось возможным, соответственно вражеский самолет мог появиться над аэродромом в пригородах Хельсинки или Турку раньше, чем прозвучит сирена воздушной тревоги.

В любом случае, фактически существовавшая 25 июня 1941 г. дислокация сил финских ВВС абсолютно **несовместима с версией о том, что финская армия уже в июне 41-го была развернута для вторжения** в советскую «Карело-Финляндию». Авиация, как мы видим, оказалась за многие сотни километров от района будущего наступления наземных сил финской армии (оно началось 10 июля в Приладожской Карелии, в полосе Йоэнсу–Иломантси). Так к наступлению не готовятся. Накануне 22 июня 1941 г. немцы развернули свои истребительные группы на расстоянии всего в несколько десятков километров от советской границы, после начала вторжения истребительные группы «прижимались» буквально вплотную к переднему краю. Нередко истребители люфтваффе садились на аэродромах (бывших советских), которые находились в нескольких километрах от прикрываемых мостов и переправ.

Совершенно аналогичной тактики придерживалось и командование финских ВВС. В подписанной 15 декабря 1941 г. «Справке по учету боев Отечественной войны на фронте 23-й армии» читаем: *«Надо отметить, что авиация противника имела свои аэродромы значительно ближе к полю боя, чем наша авиация, и появлялась над целью значительно быстрее, чем прибывали наши*

истребители» [313]. И если бы финское командование уже в середине июня приняло решение о переходе в наступление, то истребительные группы оказались бы значительно восточнее тех аэродромов, на которых их застал (точнее говоря, должен был застать) удар советской авиации.

Все вышеизложенное ни в коей мере не говорит о том, что уничтожение финской авиации на аэродромах базирования могло бы стать простой и «беспроблемной» операцией. Финская авиация, конечно, уступала в численности бомбардировочным силам ВВС Северного фронта и Балтийского флота (примерно в пропорции 3 к 1), но эта простая арифметика отнюдь не гарантирует успех. Сама задача уничтожения (или, по меньшей мере, значительного ослабления) авиации противника в ходе нескольких первых ударов по аэродромам чрезвычайно сложна. Вопрос этот заслуживает отдельного обсуждения, ибо за долгие годы в советской исторической пропаганде (или «пропагандистской истории» — кому как больше нравится) сложилась легенда о суперэффективности, якобы неотъемлемо присущей этому тактическому приему. Во всей советской «мифологии войны» не было, пожалуй, мифа более укорененного и укоренившегося, нежели миф о «внезапном сокрушительном ударе по аэродромам». Прежде чем обрушить на читателя очередной утомительный поток цифр и фактов, приведем два, достаточно характерных, фрагмента из литературных (можно даже сказать — фантастических) произведений: *«...Из сумерек неба выскользнули три самолета, пересекли на бреющем полете границу летного поля и устремились к длинным шеренгам стоявших*

истребителей. Через секунду они уже были над ними, и из их брюха хлынул ливень двухкилограммовых осколочных бомб. Раскаленные осколки врезались в крылья и фюзеляжи, пробивали бензобаки... Потоки горящего бензина заливали один истребитель за другим. Три „Хейнкеля-111“ лениво развернулись и прошлись еще раз над аэродромом, поливая пулеметным огнем пылавшие обломки, в то время как ошеломленные летчики выскакивали из своих постелей. За две минуты дивизия как боевая часть перестала существовать... Командир дивизии стоял среди обломков и плакал...» [273].

«... Летный состав авиационных частей, подвергшихся атаке, проявил упорство. Офицеры бросались к машинам, невзирая на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали самолеты из горящих ангаров. Истребители совершали разбег по изрытому воронками полю навстречу непроглядной стене дымовой завесы и непрерывным блеском разрывов. Многие тут же опрокидывались в воронках, другие подлетали, вскинутые разрывам бомб, и падали грудой горящих обломков... И все-таки некоторым удалось взлететь. С мужеством слепого отчаяния и злобы, не соблюдая уже никакого плана, вне строя, они вступали в бои...» [274].

Сравнение содержания (и даже стилистики) этих двух текстов позволяет сразу же уточнить обсуждаемые понятия.

Война — это вооруженное противоборство **двух сторон, двух противников, каждый из которых** для достижения победы проявляет «упорство», «мужество», порой — «злобу», вызванную «слепым отчаянием».

Именно как один из тактических приемов ведения войны и должен рассматриваться удар с воздуха по аэродромам базирования вражеской авиации. Если же летчики одной из сторон спят крепким сном невинных младенцев и лишь их командир не спит, а горько плачет; если заправленные (!) горючим самолеты безо всякого присмотра и охраны выстроены «длинными шеренгами» на брошенном личном составе аэродроме, то это — не война. Это должно называться как-то по-другому (преступная халатность, злостное нарушение Уставов и Наставлений, массовое дезертирство, предательство), но никакие «война». А для того, чтобы уничтожить «длинные шеренги» бесхозных самолетов, даже три «лениво развернувшихся» бомбардировщика — это слишком большая роскошь. Проще и дешевле было бы прислать дюжину диверсантов, вооруженных «заточками» (для протыкания бензобаков) и спичками (для поджигания «поточков льющегося из пробоев бензина»).

Если же обсуждать удар по аэродромам в терминах и категориях войны (т.е. с учетом неизбежного противодействия вооруженного противника), то этот тактический прием представляется очень сложным, затратным и рискованным мероприятием. Почему?

Прежде всего потому, что самая главная составляющая боевой авиации — это не самолеты, а летчики. Удар по аэродромам — даже самый удачный для нападающей стороны — приводит лишь к уничтожению самолетов. А самолеты в авиации (повторим это в очередной раз) — не более чем расходный материал. Нападающая же сторона теряет в воздухе над аэродромом **не только самолеты, но и летчиков**. Причем **теряет безвозвратно** — сбитый над

аэродромом пилот или погибнет (воспользоваться парашютом на бреющем полете практически невозможно), или окажется в плену. И то и другое на военном языке называется «безвозвратной потерей».

Во-вторых, уничтожить самолет на земле гораздо труднее, нежели в воздухе. Летящий объект уязвим в полете. Одна-единственная пробоина в радиаторе охлаждения двигателя, одна-единственная тяга управления, перебитая осколком зенитного снаряда, кусок обшивки руля высоты, вырванный разрывом снаряда самой малокалиберной авиапушки, приведут к падению или — в самом благоприятнейшем случае — к вынужденной посадке, при которой самолет, скорее всего, будет окончательно разрушен. Если эта посадка произойдет на территории противника (а во время налета на вражеский аэродром так скорее всего и получится), то подбитый самолет перейдет в разряд «безвозвратных потерь». Опять же вместе с крайне дефицитным на войне летчиком.

Безвозвратно уничтожить стоящий на земле самолет возможно только при прямом попадании в него авиабомбы. Осколочные «ранения» от разорвавшейся в стороне авиабомбы выводят самолет из строя, **но лишь на время ремонта**. А это время — в зависимости от тяжести повреждений, оснащенности и квалификации ремонтных служб — может составить всего несколько дней или даже несколько часов. Легко ли добиться прямого попадания бомбой в самолет? По данным ГУ ВВС Красной Армии, экипаж бомбардировщика СБ при бомбометании с высоты 2 км в среднем добивался попадания 39% сброшенных бомб в прямоугольник 200 на 200 метров, причем среднее круговое отклонение от точки прицеливания составляло 140 метров [269]. Проще

говоря — ни о каком прицельном бомбометании по такой точечной цели, как самолет, не могло быть и речи. Более того, для прицельного бомбометания нужно видеть цель — а вот с этим в случае удара по аэродромам возникают большие проблемы.

Простейшие маскировочные сети (а то и простая охапка зеленых веток) в сочетании с ложными целями (простыми и дешевыми, сколоченными из фанеры, досок и картона, макетами самолетов) делают задачу визуального обнаружения самолета на земле почти неразрешимой. Реализовать это «почти» можно было только снизившись на предельно малые высоты (50-100 м), что совсем не просто (никаких автоматов отслеживания рельефа местности тогда еще не было и в помине) и очень опасно (на такой высоте самолет могут сбить даже плотным винтовочным огнем). Но и это еще не все — для того, чтобы исключить поражение самолета осколками сброшенной им же бомбы, бомбометание должно было производиться или с высоты более 300-500 метров, или с использованием взрывателя замедленного действия. Однако последний способ оказался еще менее эффективным, так как горизонтально летящая бомба после сброса с предельно малой высоты рикошетировала и падала в совершенно случайной точке.

Фугасная авиабомба ФАБ-100 (наиболее массовый боеприпас советской бомбардировочной авиации) оставляла в грунте воронку диаметром 10-15 метров. Сотня мобилизованных мужиков из соседней деревни могла засыпать ее за полчаса. Вручную. С применением техники восстановить разрушенную налетом грунтовую взлетно-посадочную полосу было еще проще. Опять же, надо иметь в виду, что истребитель И-16 упомянутых выше модификаций (тип 24, тип 28) имел взлетную

скорость 130 км/час, длину разбега 210 м, длину пробега — 380 м. Взлетно-посадочной полосой для истребителей такого класса могла служить ровная поляна, утрамбованная катком или выложенная легкоъемными металлическими панелями. Поэтому попытки вывести аэродром из строя разрушением грунтовых ВПП были бы еще более затратным и малоэффективным занятием...

Стоит отметить, что легенда про суперэффективность удара по аэродромам была придумана советскими «историками» задним числом. Придумана тогда, когда потребовалось найти относительно пристойные объяснения страшного разгрома советских ВВС летом 1941 года. Военным же специалистам весьма ограниченные возможности этого тактического приема были хороню известны задолго до 22 июня 1941 г.

Уже на основании изучения опыта войны в Испании были сделаны совершенно верные выводы: *«...В первый период войны обе стороны вели интенсивные действия по аэродромам с целью завоевания господства в воздухе. В последующем, однако, они **почти полностью отказались** (здесь и далее подчеркнуто мной. — М.С.) от этого. Опыт показал, что действия по аэродромам дают весьма ограниченные результаты.*

Во-первых, потому, что авиация располагается на аэродромах рассредоточенно (не более 12–15 самолетов на аэродром) и хорошо маскируется; во-вторых, аэродромы прикрываются зенитной артиллерией и пулеметами, что заставляет нападающую авиацию сбрасывать бомбы с большой высоты при малой вероятности попадания; в-третьих, повреждение летного поля авиабомбами получается настолько

незначительное, что почти не задерживает вылета самолетов противника; небольшие повреждения летного поля быстро исправлялись. а нарушенная связь восстанавливалась.

*Очень часто бомбардировщики сбрасывали бомбы на пустой аэродром, так как авиация противника успевала заблаговременно подняться в воздух. Например, в июле 1937 г. мятежники произвели **70 налетов** на аэродром в Алькала **группами до 35 самолетов**. В результате этих налетов было **ранено 2 человека**, разрушено **два самолета и грузовик...**» [275].*

Следом за Испанией последовали бои в Китае и на Халхин-Голе. Новый боевой опыт опять же показал, что удар по аэродромам, оставаясь важной составляющей борьбы за господство в воздухе отнюдь не был чудодейственным средством. позволяющим одним взмахом «волшебной палочки» уничтожить авиацию противника. На известном совещании высшего командного состава РККА 23-31 декабря 40 г боевой опыт был обобщен следующим образом:

Г.П. Кравченко: «Основным является воздушный бой... Я основываюсь на своем опыте. Во время действий на Халхин-Голе для разгрома одного только аэродрома мне пришлось вылетать несколько раз в составе полка. Я вылетал, имея 50—60 самолётов в то время, как на этом аэродроме имелось всего 17-18 самолётов».

С.М. Буденный: «Вы сказали о потерях на аэродромах, а вот какое соотношение в потерях на аэродромах и в воздухе?»

Г.П. Кравченко: «Я считаю, что соотношение между потерями на аэродромах будет такое: в частности, ни

Халхин-Голе у меня было так — 1/8 часть я уничтожил на земле и 7/8 в воздухе».

Г.М. Штерн: «И примерно такое же соотношение и в других местах» [276].

Схожие закономерности проявились и в ходе знаменитой «Витвы за Британию». Так, за первые четыре дня немецкого авиационного наступления, с 12 по 15 августа 1940 г., пилоты люфтваффе уничтожили на аэродромах **47 английских истребителей** — ценой потери **122 собственных самолетов**. Следующий «раунд» схватки в небе над аэродромами Королевских ВВС состоялся с 23 августа по 7 сентября. Англичане потеряли тогда 277 истребителей, но и немцы потеряли 378 самолетов всех типов. С учетом того, что многим английским пилотам удалось воспользоваться парашютом и благополучно приземлиться на собственной территории, соотношение потерь летчиков (в разные периоды «битвы за Британию») составляло 5 к 1 или даже 7 к 1. Разумеется, не в пользу нападающей стороны.

Возвращаясь к реальной истории Великой Отечественной войны, мы также можем констатировать более чем красноречивые факты. На протяжении всей войны потери самолетов советских ВВС на аэродромах составляли самую малую категорию потерь. Конкретно в 1942, 1943, 1944 годах от ударов противника по аэродромам было безвозвратно потеряно, соответственно, **204, 239, 210 самолетов, что составило 2,47%, 2,52%, 2,68%** от общего числа безвозвратных потерь [269]. Другими словами, на огромном по протяженности фронте войны огромная по численности (не менее 10 тыс. боевых самолетов)

советская военная авиация теряла от ударов по аэродромам менее одного самолета в день! Столь низкие потери отнюдь не связаны с тем, что противник совершенно отказался от ударов по аэродромам. Так, например, в 1944 г. было зафиксировано 1416 самолетовылетов немецкой авиации, целью которых была атака советских аэродромов [269]. Таким образом, **для уничтожения одного самолета советских ВВС на земле противник расходовал 6,7 самолетовылета.** Как-то слабо сочетаются эти факты с занимательными историями про «три лениво развернувшихся „хейнкеля“, которые уничтожают целую авиадивизию (т.е. порядка 200-300 самолетов), причем „за две минуты“»...

При всем при этом, в определенных ситуациях такой тактический прием, как удар по аэродромам базирования вражеской авиации, может оказаться необходимым (или даже единственно возможным). Полностью списывать его с арсенала возможных средств борьбы за превосходство в воздухе не приходится. Смысл и цель удара по аэродромам можно предельно коротко и упрощенно описать так: безвозвратная потеря самолетов и летчиков в обмен на выигрыш времени. Подвергшиеся удару аэродромы и базирующиеся на них авиачасти противника быстро восстановят спую боеспособность, но бывают на войне ситуации, когда выигрыш и пары дней решает многое. Вот почему перед **началом крупных наступательных операций нередко проводились массированные налеты на аэродромы противника.** Достигаемое этим даже самое кратковременное снижение активности вражеской авиации являлось существенной помощью наземным войскам на самом трудном для них этапе прорыва обороны противника.

Бывали ситуации, когда удары по аэродромам и вовсе становились единственно возможным средством снижения активности вражеской авиации. Например, вначале 1941 года и английская, и немецкая бомбардировочная авиация перешла к тактике ночных налетов на города и военные базы противника. Несмотря на огромные усилия (и немалые успехи) в деле создания и освоения в боевых частях средств радиолокационного обнаружения самолетов, ночные истребители оказались на тот момент бессильными в противоборстве с невидимыми в ночном мраке бомбардировщиками. Ничего другого, кроме крайне малоэффективных и ведущих к огромным потерям налетов на аэродромы базирования бомбардировщиков противника, предпринять тогда было практически невозможно.

Какие же выводы из этих общих соображений можно сделать применительно к намеченной на 25 июня 1941 г. операции советских ВВС?

Соответствие задачи и метода ее достижения вызывает огромные сомнения. Никакой нужды в использовании такого рискованного и затратного тактического приема, как удар по аэродромам противника, не было. Не говоря уже о том, что финское командование и не планировало бомбить Ленинград (и не пыталось делать это даже тогда, когда линия фронта проходила на расстоянии пяти минут полета до Дворцовой площади), в июне 41-го истребительная авиация Северного фронта и ВВС Балтфлота имели все необходимое для того, чтобы перехватить и уничтожить в воздухе две дюжины финских бомбардировщиков. Такую оценку ситуации ни в коей мере не меняет и

возможное участие одной эскадрильи немецких бомбардировщиков из состава KGr-806 в якобы запланированном «немецким командованием в Финляндии» налете на Ленинград.

Но, возможно, советское командование было дезинформировано? Может быть, принимая решение о нанесении удара по финским аэродромам, оно исходило из ошибочного представления о том, что на аэродромах южной Финляндии **сосредоточены крупные силы немецкой авиации**? Настолько крупные, что наличные семь сотен летчиков-истребителей (исправных самолетов-истребителей в составе ВВС Северного фронта и КБФ было более тысячи) и мощнейшая группировка зенитной артиллерии 2-го корпуса ПВО не могли отразить массированный налет немецкой авиации на Ленинград?

Возможно. Ошибки в таком сложном и рискованном деле, как военная разведка, случаются часто. Но в таком случае, предполагая, что на финских аэродромах укрылись многие сотни немецких «мессершмиттов» и «юнкерсов», советское командование должно было бы готовиться к удару **по таким аэродромам** самым серьезным образом. Готовиться к масштабному и тяжелому сражению в воздухе, а не к «ленивым разворотам» трех СБ над финскими аэродромами. Основные же составляющие «серьезной подготовки» к проведению такой операции хорошо известны.

Во-первых, тщательная разведка, выявление наиболее значимых объектов для атаки, выявление группировки истребительной авиации и зенитной артиллерии противника.

Во-вторых, выделение такого набора сил, который бы позволял создать подавляющее превосходство в небе над wybranными для удара аэродомами. «*Быть всюду одинаково сильным нелзя*», — категорически утверждает парад 11 Полевого устава Красной Армии (ПУ-39). И далее: «*Победа достигается решительным превосходством над противником на главном направлении*». Реальная возможность для создания такого превосходства была. В распоряжении советского командования было порядка 450 исправных бомбардировщиков. Это означает, что для удара по каждому крупному аэродрому базирования вражеской авиации можно было выделить до полусотни бомбардировщиков.

В-третьих, концентрация сил в пространных должна быть дополнена концентрацией во времени. Проще говоря, основные силы и ресурсы должны быть вложены в сокрушающий первый удар. Первый, самый мощный и неожиданный для врага. «*Внезапность действует ошеломляюще*» — это, 16-й по счету, параграф ПУ-39 каждый командир Красной Армии должен был твердо знать. Возможность для нанесения сокрушительного внезапного удара была создана. Правительство СССР не разорвало дипломатические отношения с Финляндией, не предъявляло ей каких-либо ультиматумов, не заявляло о расторжении Московского мирного договора и т.п. Таким образом, все необходимые условия для внезапного (или вероломного, если говорить на языке политики) нападения были созданы.

В-четвертых, «*одного сосредоточения превосходных сил и средств еще недостаточно для достижения победы*...

Необходимо достигнуть взаимодействия родов войск... Взаимодействие родов войск является основным условием успеха в бою...»

В данном случае выполнение этого уставного требования предполагало организацию теснейшего взаимодействия бомбардировочных и истребительных частей и соединений. Все необходимые условия для организации такого взаимодействия были налицо. Были истребители — в количестве, вдвое **превышающем число бомбардировщиков**. Были подвесные топливные баки для истребителей И-16, разработанные и испытанные еще весной 1939 г., запущенные в серийное производство осенью 1939 г. и изготовленные в количестве нескольких тысяч штук. С подвесными баками дальность полета И-16 тип 24 возрастала до 670 км, что позволяло, действуя с Ленинградского аэродромного узла, сопровождать бомбардировщики до линии Хельсинки–Лахти–Миккели. Были захваченные весной–летом 1940 г. аэродромы на Карельском перешейке, на южном (эстонском) берегу Финского залива, на полуострове Ханко, взлетая с которых истребители могли сопровождать бомбардировщики безо всяких подвесных баков. Наконец, было полторы сотни новейших истребителей МиГ-3, которые не только превосходили финские истребители в скорости (на 150-200 км/час), но и обладали дальностью полета не менее 700 км.

В-пятых, для удара по аэродромам следовало использовать авиационные боеприпасы, специально разработанные для поражения площадных целей. Такие боеприпасы на вооружении советских ВВС были. Это и ротационно-разбрасывающие авиабомбы (РРАБ), способные рассыпать 116 малых осколочных бомб АО-2,5

на площади в один гектар, и так называемые «выливные приборы», при помощи которых аэродром противника можно было обильно полить зажигательной смесью КС или суспензией белого фосфора. Были и совсем уже простые подкрыльевые кассеты АБК-500, вмещавшие 108 зажигательных бомб ЗАБ-1 или 67 осколочных АО-2,5.

Военные специалисты, несомненно, смогут добавить к этому перечню и шестой, седьмой, восьмой пункт...

25 июня 1941 года примерно так все и было сделано. Только с точностью до наоборот.

Глава 3.7

СРЕДА, 25 ИЮНЯ

«ВВС фронта и армий бомбардировочными частями в 6.20 приступили к выполнению задачи по уничтожению авиации противника на его аэродромах» [278]. Эта короткая фраза располагалась почти в самом конце утренней оперативной сводки №6 штаба Северного фронта от 25 июня 1941 г. Остается предположить, что ничего экстраординарного в этом событии командование Северного фронта не усматривало. «Приступили к выполнению». Примечательно, что слова «финский» или «немецкий» в сводке не использованы. Всем все ясно и без дополнительных пояснений: «авиация противника». Сам факт бомбардировки сопредельной территории никаких комментариев у составителей документа не вызвал. Самое удивительное — никаких упоминаний о директиве Ставки ГК от 24 июня НЕТ. Ни единого слова не сказано и о необходимости «предотвратить налет немецкой авиации на Ленинград».

Вечерняя оперсводка № 7 штаба Северного фронта (20.00 25 июня 1941 г.) была более подробна: «...Девятое. ВВС армий и фронта выполняли задания по уничтожению авиации противника на его аэродромах.

Бомбометание производилось по летным полям и аэродромным сооружениям. Бомбометанию подверглись все известные аэродромы южной части Финляндии до параллели Миккели–Турку (эта линия параллельна линии советско-финской границы, но не географическим параллелям. — М.С.). В большинстве случаев отмечены удачные попадания в ангары, летные поля и на некоторых аэродромах подверглись бомбардировке самолеты. В воздушных боях сбито 4 самолета противника, кроме того, отмечены удачные попадания на аэродром Кайникайнен, (Kauniainen, западный пригород Хельсинки. — М.С.) (15-17 самолетов) и аэродром Йороинен, где подверглись бомбардировке до 20 самолетов. Из наших самолетов не вернулись на свои базы 11 „СБ“ и не установлены места посадки 10-го СБ.

Авиация ПВО продолжала прикрывать Ленинград. Встреч с противником не было, потерь нет.

Десятое. КБФ продолжает установку заграждений. ВВС КБФ бомбили броненосцы и аэродром Турку, сбит один самолет противника» [279].

Эта сводка содержит много ценной информации. Во-первых, сообщение о могучем ударе, о «первой в истории советской авиации многодневной операции» находится на девятом месте в общем перечне событий дня. Командование Северного фронта по-прежнему не видит в этом авианалете ничего, что бы имело «решающее значение». Сразу же отметим, что других заметных и значимых событий на Северном фронте в тот

день не было вовсе. Пункт первый оперсводки № 7 содержит совершенно заурядные сведения: *«Первое. Войска Северного фронта частями прикрытия производят оборонительные работы в своих районах, продолжая сосредоточение к границе отобилизованных частей»* [280].

Во-вторых, слово «немецкий» нигде не использовано. Объектом удара была по-прежнему названа базирующаяся на аэродромах Финляндии «авиация противника», причем «национальная принадлежность» противника конкретно не указана. Этот неизвестный «противник» даже и не пытался нанести ответный удар (в небе над Ленинградом *«встреч с противником не было, потерь нет»*).

В-третьих, уже из этой сводки видно, что советская авиация понесла ощутимые потери (*«не вернулись на свои базы 11 „СБ“»*), и даже в 8 часов вечера не были известны места вынужденной посадки еще 10 бомбардировщиков. Следовательно, маститые советские военные историки в генеральских званиях или не читали документы, или откровенно вралы, утверждая, что *«наша авиация потерь не имела»*. Становится понятным и «творческий метод», при помощи которого советские историки насчитали 30 (или даже 41) *«уничтоженных на земле вражеских самолетов»*. Составители оперсводки № 7 честно признают, что *«бомбометание производилось по летным полям и аэродромным сооружениям»*, т.е. неприцельно, «по площадям», и лишь на **«некоторых аэродромах подверглись бомбардировке самолеты»**. Советские историки просуммировали самолеты, **обнаруженные** (но отнюдь не уничтоженные!) на аэродроме Йоройнен (о том, как и с какими результатами происходил налет на этот аэродром, будет отмечено

ниже) и Кауниайнен (там ни аэродрома, ни самолетов не было вовсе), и получили «искомое число»: $17 + 20 = 37$. С учетом «4 сбитых в воздушных боях самолетов противника» получилось 41.

В-четвертых, судя по оперативной сводке № 7, удар был нанесен лишь по объектам в южной части Финляндии (место расположения аэродрома Йоройнен может быть названо «нейтральной Финляндией»). О каких-либо ударах **по расположению немецких войск в северной Финляндии** не сказано ни слова. Лишь 27 июня в утренней оперсводке № 10 появляется первое упоминание о действиях советской авиации на заполярном участке огромного по протяженности Северного фронта:

«1-я САД и авиация Северного флота 25.6 произвели несколько вылетов, но из-за тумана целей не достигли, по этой причине 26.6. вылетов не производили... 26.6. 7 самолетов „Ю-87“ бомбили аэродром Африканда (в районе Мурманска. — М.С.), сброшено 17 стокилограммовых бомб, повреждений нет, убит 1 младший специалист» [281].

Странный «туман», невзирая на который немецкие пикировщики совершили 26 июня налет на аэродром Африканда, рассеивается в оперативной сводке № 11 (20.00 27 июня). Оказывается, и советская авиация вела 26 июня активные действия. В оперсводке № 11 появляется, наконец, упоминание об аэродроме Луостари, т.е. том **единственном** финском аэродроме, на котором базировались немецкие истребители: *«1-я САД с 14.00 26 июня до 1.00 27 июня бомбардировала аэродром Луостари, порт Петсамо, Кемиярви и Рованиеми, замечены пожары» [282].*

Разумеется, были еще оперативные сводки № 8 (7.00 26 июня) и № 9 (20.00 26 июня). По обсуждаемому в этой главе вопросу в сводке № 8 было сказано следующее: *«...Шестое. 2-й корпус ПВО столкновений с противником не имел, авиация ПВО патрулировала над Ленинградом. Седьмое. ВВС Северного фронта вели разведку аэродромов противника, столкновений с ним не имели»* [283].

Содержание оперсводки № 9 еще короче: *«ВВС фронта боевых действий и разведывательных полетов не вели»* [284].

Короче говоря, «сокрушительный удар», «первая многодневная операция советских ВВС» **уже на второй день фактически был прекращен**. По крайней мере, именно к такому выводу можно прийти на основании документов командования фронта. Оперативная сводка № 11 (20.00 27 июня) уже привычно констатирует: *«...Седьмое. ВВС Северного фронта звеньями и парами самолетов вела разведывательные полеты аэродромов и сосредоточения войск противника. Авиация ПВО патрулирует над Ленинград...»* [285].

Теперь «подкрутим резкость» и посмотрим, как развивались события 25 июня 1941 г. непосредственно в бомбардировочных частях авиации Северного фронта (см. карта № 12).

В 4 часа утра 25 июня в штабе 41-й БАД был составлен боевой приказ № 3 (с номером приказа вышла, вероятно, опечатка, т.к. поздним вечером того же дня был подписан приказ № 2).

«1. По достоверным данным противник готовит удар по г. Ленинград. Продолжается сосредоточение сухопутных и воздушных сил. ВВС противника по

разведанным базируется на аэродромах Миккели, Хейнола, Мантюхарью, Валкеала.

2. 41-я АД последовательными ударами небольших групп от 3 до 9 самолетов в течение 25.6. уничтожает матчасть противника на аэродромах Миккели, Мантюхарью, Хейнола, Валкеала, производя не менее 4 ударов на каждый аэродром. Высота бомбометания: 2000-3000 м» [286].

В то же самое время, в 4 часа утра, приказ аналогичного содержания был подписан и в штабе 2-й САД:

«1. Противник продолжает сосредотачивать сухопутные и воздушные силы, подготавливая удар на Ленинград. Базирование авиации на аэродромах Луумяки, Утти, Коувола, Котка, Борго (Порвоо).

2. 2-я САД сутра 25 июня в течение дня последовательными ударами мелкими группами 3-5 самолетов уничтожает авиацию противника на его аэродромах. Первый удар по готовности. Напряжение — не менее 4 ударов по каждому аэродрому противника.»

Анализ приказов, подписанных в один и тот же час в Гатчине и Старой Руссе, несомненно, свидетельствует о том, что они были составлены на основании одного приказа вышестоящего командования. Чрезвычайно важно отметить текстуальное сходство этих приказов с директивой Ставки ГК («из достоверных источников установлено, что германские войска сосредоточиваются на территории Финляндии, имея цель нанести удар на Ленинград...»). Что же касается решения, отраженного в этих приказах, то при такой организации операции о выполнении поставленной в директиве Ставки задачи («разгромить авиацию противника и ликвидировать

аэродромы в районе южного побережья Финляндии») можно было больше не вспоминать. Вопрос теперь был только в цене, которая будет заплачена за полный провал.

Начнем с того, что дислокации финской авиации (другой *«в районе южного побережья Финляндии»* и не было) была установлена чрезвычайно неточно. Только в трех пунктах (Валкеала, Утти, Миккели) из девяти упомянутых в приказах (Миккели, Хейнола, Мантюхарью, Валкеала, Луумяки, Утти, Коуволла, Котка, Порвоо) фактически базировались финские истребители: 8 «брюстеров» на аэродроме Валкеала, 6 «гладиаторов» на аэродроме Утти, 7 «фоккеров» на аэродроме Миккели. **Всего 20 самолетов** (по большей части — самых устаревших) хотя бы теоретически могли попасть под бомбовый удар двух советских авиадивизий. Аэродромный узел в районе города Лахти, на котором базировалось 36 истребителей, в том числе — три эскадрильи лучшей в ВВС Финляндии истребительной группы.

LLv-24 не была выявлена вовсе. Про дальние аэродромы (Наараярви и Йоройнен), на которых базировались самые современные — по меркам ВВС Финляндии — истребители, не сказано вообще ни одного слова.

Вместо внезапного сокрушительного первого удара было запланировано легкое «похлопывание» финских аэродромов *«мелкими группами 3-5 самолетов в течение дня»*. Понятно, что первая из «мелких групп» могла только насторожить противника и оповестить его о возможных последующих налетах. Бомбометание с высоты 2–3 км и использование относительно

небольшого количества (как правило — по шесть на один самолет) фугасных авиабомб сводило вероятность уничтожения самолетов противника почти к нулю. Об использовании кассетных боеприпасов командиры ВВС округа, бомбардировочных дивизий и полков не подумали. Наконец, никакого взаимодействия с истребительной авиацией не было даже в плане (тем более его не оказалось и в действительности), и «мелкие группы» давно уже потерявших свой статус «скоростных» бомбардировщиков СБ полетели безо всякого истребительного прикрытия на встречу с финскими аэродромами.

Результат оказался вполне предсказуемым.

41-я бомбардировочная дивизия. Один полк (205-й БАП) участия в авиаударе не принял и ни одного боевого самолетовылета 25 июня не выполнил. Остальные три полка (10-й БАП, 201-й БАП, 202-й БАП), в составе которых было, соответственно, 38, 25 и 19 исправных самолетов, *«с 7.45 до 15.00 25.6 группами по 6–9 самолетов действовали по уничтожению матчасти на аэродромах противника»*. [288] В общей сложности было произведено 62 самолето-вылета (в среднем 0,76 вылетов на один исправный самолет — и это не учитывая самолеты 205-го БАП). Оперативные сводки штаба дивизии (№ 1 от 14.00 и № 2 от 19.00 25 июня) позволяют восстановить следующую картину событий:

10-й БАП. Три эскадрильи полка получили задачу атаковать аэродромы Миккели и Мантюхарью. В общей сложности было произведено 32 самолетовылета. *«На аэродроме Миккели матчасть самолетов противника не обнаружена. Бомбы легли по краю аэродрома...»*

Несуществующий аэродром Мантюхарью пытались бомбить две эскадрильи. Судя по оперсводке № 2, одна эскадрилья промахнулась так, что *«бомбы легли с перелетом по ж/д станции Мантюхарью»*, другая эскадрилья *«на аэродроме Мантюхарью матчасть самолетов не обнаружила»*. Где и как избавилась от бомб эта эскадрилья — в отчете не указано. В ходе налета один бомбардировщик СБ был сбит истребителями противника (судя по финским данным, «брюстерами» из состава LLv-24), другой подбитый СБ смог дотянуть до советской территории и совершил вынужденную посадку.

201-й БАП. Как видно из оперативных сводок штаба дивизии, командир полка решил все же нарушить указание вышестоящих штабов о нанесении *«последовательных ударов небольшими группами»*, и в первый налет на аэродром Хейнола (которого в реальности не было) были направлены две эскадрильи, всего 18 бомбардировщиков СБ. *«Экипажи 201-го БАП аэродром Хейнола не обнаружили (естественно, его и не было. — М.С.). Бомбометание произвели с 8.40 до 8.43 по запасной цели — ж/д станции и складам. Сброшено 108 ФАБ-100 и 17 ФАБ-50... У цели были атакованы истребителями противника в количестве 9 самолетов, тип „Ме-119“ (так в тексте, „Ме-119“. — М.С.). Последние имели опознавательные знаки — красные звезды. Открытие огня производили на дистанции 50–70 метров. В завязавшемся воздушном бою сбито 2 „мессершмитта“. На свою базу не вернулось 6 самолетов...»*

6 самолетов были сбиты и рухнули на землю на финской территории. Среди погибших были командиры эскадрилий 201-го БАП майор (по другим источникам — подполковник) Паниушик и капитан Стойлик [145].

Есть информация о том, что в документах погибшего комэска Паниушика были найдены два билета в театр на вечер 25 июня [52]. Если это не легенда, а реальный факт, то он достаточно красноречиво свидетельствует о том, мягко говоря, несерьезном отношении к противнику и начинающейся войне, с каким планировалась и проводилась операция 25 июня 1941 г.

Финский историк К.Ф. Геуст в своей статье, посвященной событиям 25 июня, пишет:

«...Финская служба ВНОС 25 июня совершенно опозорилась. Хотя истребительные эскадрильи базировались близко к подвергнувшимся бомбардировке городам, они не получили сигнала тревоги. В ряде мест тревога звучала тогда, когда бомбардировщики были уже над аэродромом...» [145].

В случае с налетом 201-го БАП на г. Хейнола эта нелицеприятная критика вполне справедлива. Хотя основные силы истребительной группы LLv-24 базировались на аэродроме Весивехмаа, т.е. примерно в 20–25 км от г. Хейнола, ни один истребитель не был своевременно поднят на перехват, и тревога на аэродроме прозвучала только после того, как в Весивехмаа увидели клубы дыма, поднимающиеся над горящим городом (125 фугасных авиабомб сделали свое дело). Группу из 18 советских бомбардировщиков атаковала лишь одна **дежурная пара** «брюстеров» из состава 2-й эскадрильи LLv-24, базировавшейся на аэродроме Валкеала (северо-восточнее ст. Коуволла). По финским данным, эти два истребителя (ст. сержант Э. Киннунен и мл. сержант Х. Лампи) сбили 4 бомбардировщика. Еще два самолета, по докладу Х. Лампи, после атаки «начали дымить» [52]. Возможно,

бомбардировщики 201-го БАП на обратном пути от цели были атакованы и основными силами LLv-24, пилоты которой заявили о трех сбитых к концу дня самолетах противника.

Упоминание о «двух сбитых в воздушном бою» истребителях противника не лишено основания, так как оба «Брюстера» после боя с 18 бомбардировщиками вернулись на базу с пулевыми пробоинами, а Э. Киннунен получил легкое ранение в руку. Что же касается *«мессершмиттов ME-119 с красными звездами»*, которые в количестве 9 единиц «с дистанции 50–70 метров» якобы атаковали группу бомбардировщиков 201-го ВАП, то эта загадка расшифровке не поддается... Самолета с таким обозначением не существовало в природе; «Мессершмитт-109» имел настолько характерный силуэт (узкий, длинный, остроносый), что на расстоянии 70 м спутать его с толстым, тупоносом «Брюстером» (жаргонным название этого самолета было «летающая цистерна») совершенно невозможно. Наконец, на финских самолетах была, разумеется, изображена не красная звезда, а свастика, причем очень крупных размеров...

Первый вылет стал для 201-го ВАП последним, и больше в боевых действиях 25 июня 1941 г. этот полк участия не принимал.

202-й БАП. Сразу же отметим, что боевые действия этого полка были самыми удачными — не только среди частей 41-й БАД, но и среди всех бомбардировочных полков ВВС Северного фронта. 202-й ВАП бомбил реальные аэродромы базирования финской авиации (Валкеала и Утти), а учитывая, что аэродром Утти использовали и немецкие бомбардировщики из состава

KGr-806 в ходе «челночных налетов» на ВМБ Кронштадт, можно сказать, что бомбардировке подверглись и «аэродромы немцев в Финляндии». В общей сложности было выполнено 12 самолетовылетов. Аэродромы бомбили с высоты 3 км, при этом «на аэродроме Валкеала была видна вспышка, а за ней последовал пожар». Один бомбардировщик из состава 202-го БАП был сбит финскими истребителями. Бортстрелки бомбардировщиков якобы сбили один «мессершмитт», причем на этот раз «109-й», но финские источники не подтверждают какие-либо потери на земле или в воздухе над Валкеала, Утти, Коуволла [289].

Общие результаты боевых действий 41-й БАД представлены в следующей таблице:

	Испр. самолет.	вылеты	Задача	Фактически	Сбито	Повреждено
10-й бап	38	32	аэр. Миккелли и Мантохарью	ж/д станции Миккелли	1	1
201-й бап	25	18	аэр. Хейнола	ж/д станция, г. Хейнола	6	
202-й бап	19	12	аэр. Утти	аэр. Утти и Валкеала	1	
205-й бап	13	0	-----	-----	-----	-----
всего	95	62			8	1

2-я смешанная авиадивизия. Эта дивизия, количественно и качественно вооруженная значительно лучше 41-й БАД, действовала 25 июня 1941 г. чрезвычайно пассивно. Возможности дивизии были ограничены уже тем, что бомбардировочные полки дивизии продолжали находиться в районе Старой Руссы, т.е. на расстоянии порядка 350 км от объектов атаки. С учетом времени, необходимого для набора высоты и крейсерской скорости СБ (320 км/час), полет к цели и назад занимал не менее 2,5 часа. Использование многочисленных аэродромов Ленинградского узла и

Карельского перешейка в качестве передовых оперативных аэродромов и не планировалось, и не было осуществлено практически. Впрочем, учитывая продолжительность светового дня в июне, два вылета на один исправный самолет в день — первый день «сокрушительного удара по аэродромам противника» — было бы вполне реальным. Фактически же бомбардировщики 2-й САД выполнили 25 июня **менее одного вылета на три исправных самолета**.

В оперативной сводке штаба дивизии №5 (19.00 25 июня) читаем:

«1. Последовательными ударами 3–5 самолетов 2-я АД производила боевые вылеты по уничтожению матчасти ВВС противника на аэродромах Луумяки, Утти, Коуволла, Котка, Борго. Произведено 41 с/в...» [290].

В архивном деле 2-й САД есть отчеты командиров каждого из трех бомбардировочных полков дивизии. Это позволяет достаточно подробно восстановить события дня 25 июня:

2-й БАП. В период с 6.45 до 13.45 тремя звеньями было выполнено 9 самолетовылетов на аэродром Луумяки (ж/д станция Луумяки существует, но никакого аэродрома там не было), сброшено 54 ФАВ-100 и 12 ФАВ-50. В докладах честно констатируется, что *«матчасти самолетов на аэродроме Луумяки не замечено»*. Вомбы были сброшены на «летное поле» несуществующего аэродрома. В районе ж/д станции Луумяки бомбардировщики 2-го ВАП были атакованы пятью истребителями противника, которые сбили один и повредили один СВ. Скорее всего, это были истребители все той же, базирующейся на аэродроме Валкеала, 2-й эскадрильи 24. По крайней мере, еще два сбитых

советских бомбардировщика были в тот день засчитаны упомянутому выше ст. сержанту Э. Киннунену (погиб 21 апреля 1943 г., имея на своем счете более 300 боевых вылетов и 22 сбитых самолета противника) [52].

44-й БАП. В период с 6.20 до 13.08 четыремя группами было выполнено 18 самолето-вылетов. Во время полета к цели над Финским заливом столкнулись в воздухе два СБ — один был разбит и рухнул в море, второй поврежден, но смог дотянуть до земли. Вероятно, именно в этом столкновении и погиб командир эскадрильи майор Косякин, так как, судя по оперативным сводкам, потерь от истребителей противника и зенитной артиллерии 44-й БАП в тот день не имел.

Основной бомбовый удар был нанесен по узловой ж/д станции Коувола. По аэродрому Утти отбомбилось одно звено (3 самолета), причем с безопасной (как для атакующих, так и атакуемых) высоты 6,5 км. Попасть в цель с такой высоты можно было разве что с применением управляемых планирующих бомб с телевизионным наведением.

58-й БАП. Четыре группы бомбардировщиков СВ выполнили 15 самолетовылетов. Новейшие пикирующие бомбардировщики Пе-2 этого полка (так же, как и пикирующие Ар-2 из состава 2-го БАП) в налетах не участвовали.

Объектом удара должны были стать не существующие в реальности аэродромы Борго (Порвоо) и Котка (портовые города на побережье Финского залива). Фактически результаты налетов были следующие:

- 2 самолета с высоты 6 км бомбили ж/д станцию Порвоо, т.к. *«аэродром не обнаружен»*. Аэродром Порвоо не удалось бы обнаружить и с меньшей высоты, так как

его просто не было. По финским данным, 6 бомб упали на город Порвоо, где сгорело несколько зданий. Третий самолет этого звена *«оторвался от группы и сбросил бомбы самостоятельно по населённому пункту»* (название пункта не указано);

- пять СБ с высоты 3 км бомбили *«населенный пункт Пютти»* (вероятно, Пюхтя, 15 км к западу от Котка), т.к. *«аэродром Котка был закрыт сильной облачностью»*. Не обнаружив цель, бомбардировщики должны были атаковать запасную цель (которая всегда указывалась в полетном задании). Можно было просто сбросить бомбы в воды Финского залива, но **населенный пункт** почему-то показался предпочтительным объектом;

- следующая группа (4 СБ) проявила большую настойчивость и с относительно малой высоты (1400 м) бомбила аэродром Котка, но *«т.к. самолетов противника на аэродроме не обнаружено (на самом деле не было и аэродрома), бомбометание производилось по зданиям мастерских или ангаров. Результаты бомбометания не наблюдались и не фотографировались, т.к. после сброса [бомб] сразу же ушли в облачность»*;

- в 13.20 последний в тот день налет произвело звено (3 СБ), которое с высоты 3 км отбомбилось *«по зданиям порта, т.к. аэродром Котка не был обнаружен»* [291].

Встреч с финскими истребителями и потерь самолетов в 58-м ВАП не было. Наверное, это может быть объяснено тем, что примитивная финская система ВНОС просто не успевала отреагировать на бомбардировщики, появляющиеся на считанные минуты со стороны моря.

Общие результаты боевых действий 2-й САД представлены в следующей таблице:

	испр. сам.	вылеты	Задача	Фактически	Сбито	Повреждено
2-й бап	44	9	аэр. Луумяки	ж/д станция Луумяки	1	1
44-й бап	46	18	аэр. Утти, ст. Коувола	аэр. Утти (3 с/а) и ж/д стан. Коувола	1 (стойкм.)	1
58-й бап	52	15	аэр. Порвоо и Котка	ж/д ст. Порвоо, порт и г. Котка	0	0
всего	142	41			2	2

55-я смешанная авиадивизия. Единственный бомбардировочный авиаполк этой дивизии (72-й БАП), базировавшийся на аэродроме Петрозаводска, получил задание атаковать аэродромы Йоэнсу и Йоройнен. Если крупная ж/д станция Йоэнсу в качестве первоочередного объекта удара постоянно встречается в предвоенных оперативных планах советского командования, то аэродром Йоройнен не упомянут ни в довоенном плане прикрытия Ленинградского ВО (хотя там «поименно» названы 14 аэродромов), ни в директиве Ставки ГК от 24 июня 1941 г. (*«ликвидировать аэродромы в районе южного побережья Финляндии, имея в виду пункты Турку, Мальми, Порвоо, Котка, Холода, Тампере, в районах приграничных с Карельским перешейком и в районе Кемиярви, Рованиеми»*).

Скорее всего, советская разведка так и не выявила факт базирования на аэродроме Йоройнен целой истребительной группы финских ВВС (LLv-26, 26 истребителей «Фиат» G-50). Нигде не упомянут и расположенный примерно в 40 км к северо-западу от аэродрома Йоройнен аэродром Наараярви, на котором базировалась группа LLv-28 в полном составе (27 французских истребителей «Моран» MS-406).

В результате 72-му ВАП предстояло безо всякого истребительного прикрытия атаковать самое «осиное гнездо» финской авиации. Прикрытия не было, хотя аэродром Йоройнен и его окрестности, вне всякого сомнения, входили в радиус действия новейших истребителей МиГ-3 из состава развернутых на севере Карельского перешейка 7-го ИАП, 159-го ИАП и 153-го ИАП. Вполне могли прикрыть бомбардировщики в районе цели и истребители И-153 (в составе 7-го ИАП и 153-го ИАП их было более сотни в исправном состоянии), дальность полета которых превышала 600 км. С учетом ТТХ финских истребителей, «Чайка» вполне еще могла считаться полноценным истребителем. Но никакого взаимодействия с истребительными полками организовано не было.

В 11.45 большая группа (14 или 15, по данным разных источников) бомбардировщиков СБ из состава 72-го ВАП на относительно малой высоте (по финским данным 1000 м) подошла к аэродрому Йоройнен. Тактически грамотные действия командования полка, казалось бы, были дополнены и элементом везения — бомбардировщики подошли к аэродрому именно в тот момент, когда 2-я эскадрилья LLv-26 после длительного патрулирования в воздухе с пустыми баками приземлилась на аэродроме Йоройнен. В скобках заметим, что именно такая ситуация (вражеский налет на аэродром во время заправки самолетов) часто используется в отечественной историографии для объяснения причин колоссальных потерь советских ВВС: немцы якобы всегда прилетали «не вовремя...» Ударная группа 72 ВАП прилетела для бомбежки аэродрома Йоройнен тоже совсем «не вовремя» (с точки зрения финнов). Да вот только реакция финских

летчиков-истребителей оказалась своевременной, четкой и смелой.

Два фиата немедленно поднялись в воздух и атаковали многократно превосходящего в численности противника. В результате (по финским данным) три бомбардировщика были сбиты непосредственно в районе аэродрома, а остальные, беспорядочно сбросив бомбы, развернулись на обратный курс. Через несколько минут вызванная по радио 3-я эскадрилья LLv-26 перехватила бомбардировщики 72-го БАП в районе поселка Керисало (12 км к юго-востоку от Йоройнен). В завязавшемся воздушном бою ударная группа 72-го БАП была окончательно разгромлена. Судя по отчету командира финской эскадрильи лейтенанта У. Ниеминена, к концу боя уцелело только четыре СБ, *«за одним из которых тянулся дымный шлейф»* [52]. Фактически финские истребители сбили не 10 (как было ими заявлено), а 9 бомбардировщиков 72-го БАП. Десятый СБ был сбит уже над советской территорией советским же истребителем. Среди погибших был командир эскадрильи 72-го БАП капитан Поляков. Финская истребительная группа LLv-26 не потеряла в тот день **ни одного самолета ни в воздухе, ни на земле** (хотя отчет командования 72-го БАП и содержал ставшее уже традиционным сообщение о «трех сбитых в ходе воздушного боя „мессершмиттах"») [52].

Вероятно, последней потерей того дня стал еще один бомбардировщик 72-го БАП, сбитый над Йоэнсу патрульным «мораном» из состава LLv-28 в 13.00 по финскому времени.

Подведем теперь первые итоги. Бомбардировочные части ВВС Северного фронта, имевшие на вооружении не менее 280 исправных самолетов (и более 400 боеготовых экипажей), выполнили 25 июня 1941 г. по объектам на территории Финляндии порядка **130 самолетовылетов**. В том числе по аэродромам, на которых фактически базировались финские истребители, отбомбилась **не более 30 самолетов** (15 по аэродромам Утти и Валкеала, 15 — по аэродрому Йоройнен). При этом **один самолет противника не был уничтожен** или, по крайней мере, серьезно поврежден на земле или в воздухе. По аэродромам базирования финских бомбардировочных групп (Сиикакангас и Луонетьярви) и звена немецких дальних разведчиков (Луонетьярви) не было произведено **ни одного вылета**.

19 бомбардировщиков (10 из 72-го БАП, 8 из 41 -го БАД, 1 из 2-го САД) было сбито финскими истребителями. Один СБ из состава 72-го ВАП был сбит советскими истребителями, и столкновении двух самолетов потерял один СВ из 44-го ВАП. Итого **безвозвратные потери составили 21 самолет**, что составляет 16% от общего числа самолетовылетов. Это весьма высокий показатель потерь. Для сравнения отметим, что, например, во время войны в Испании средние потери бомбардировщиков СБ составляли 2% от числа вылетов; потери бомбардировщиков люфтваффе в самую критическую фазу «битвы за Британию» (июль–сентябрь 1940 г.) составили порядка 5% от общего числа дневных самолетовылетов [48].

На второй день «многодневной операции советских ВВС» активность боевых действий ВВС Северного фронта снизилась почти до нуля.

Оперативная сводка № 3 штаба 41-й БАД от 19.00 26 июня сообщает следующее: *«В период с 1.30 до 4.00 26.6 202-й БАП двумя звеньями производил разведку и попутное бомбометание военных объектов... Другие части дивизии боевых вылетов не производили»* [292]. Стоит обратить внимание на время проведения «разведывательных полетов».

В июне в Ленинграде ночи, конечно же, «белые», но не настолько, чтобы производить воздушную разведку после полуночи...

Оперативная сводка № 4 (1.00 27 июня) еще короче: *«41-я АД 26.6 боевые действия не производила»* [293].

27 июня 1941 г. в 8.00 в штабе 41-й БАД был подписан Воевой приказ №4 (первый после 25 июня). В нем были поставлены следующие задачи:

«1. Противник сосредотачивает войска у границы Северного фронта...»

*2. 41-я БАД в течение дня 27.6 ведет разведку и фотографирование, попутно — бомбометание, следующих районов (далее идет перечень 19 финских топонимов. — М.С.) с целью установления наличных сил и группировки войск противника, **установления системы оборонительной полосы** (подчеркнуто мной. — М.С.) противника.*

3. Без сопровождения истребителей задачи не выполнять...» [294].

Итак, уже утром 27 июня «антиаэродромная» операция для 41-й БАД закончилась. Поставленные приказом № 4 задачи непосредственно связаны с предстоящими **боевыми действиями наземных**

войск. Стоит напомнить, что 41-я БАД оперативно подчинялась командованию 23-й армии, развернутой на севере Карельского перешейка. Примечательно, что утром 27 июня 1941 г. целью разведки поставлено выявление «системы оборонительной полосы противника». Не чем иным, кроме как подготовкой к наступлению (желающие могут назвать это «контрударом»), постановку таких задач объяснить невозможно.

Новая попытка возобновить боевые вылеты, на этот раз — с истребительным прикрытием, привела 27 июня к новым потерям. Правда, противник принял в этом минимальное участие. В оперативной сводке № 5 штаба 41-й БАД (от 15.00 27 июня) читаем: *«41-й АД в течение дня произведено 11 с/в в целях разведки группировки противника...10-й БАП и 205-й БАП боевых действия не вели... В р-не Кексгольм (т.е. над советской территорией. — М.С.) один СБ из состава 201-го БАП сбит или нашей зенитной артиллерией, или истребителями сопровождения... В 202-м БАП звено СБ атаковано МиГом. Один СБ сожжен и разбит, еще один сбит (экипаж выбросился на парашютах), третий СБ поврежден и сел на вынужденную»* [295].

Оперативные сводки № 6 и № 7 (от 20.00 27.6. и 15.00 28.6.) снова лаконично констатируют: *«41-я АД боевых действий не производила...»* [296].

Аналогичная картина вырисовывается и из Оперативных сводок №№ 6, 7, 8, 9 штаба 2-й САД. Боевых вылетов 26 июля не было вовсе, 27 июня одно звено (3 самолета) из состава 44-го БАП вылетело на воздушную разведку в районе г. Двинск (Даугавпилс). Этот день, 27 июня 1941 г., оказался днем повышенной

активности советских истребителей. В оперсводке № 9 читаем: «*Были атакованы „МиГами" 159-го ИАП, один подбит*» [297]. Кто именно был «подбит» (бомбардировщик или атакующий истребитель); что произошло с самолетом и экипажем; наконец, каким образом истребитель из состава базирующегося на Карельском перешейке 159-го ИАП оказался на пути бомбардировщиков, летящих из района Старой Руссы к Даугавпилсу, установить на основании этой сводки не удастся...

Значительно более активно, результативно и напористо действовали ВВС Краснознаменного Балтфлота.

Только действия эти даже формально ничего общего с «уничтожением немецкой авиации на финских аэродромах» не имели. ВВС Балтфлота обрушили достаточно мощные и организованные удары на давно (еще со времен «зимней войны») и подробно изученные цели: военно-морские базы и корабли противника, порты Турку, Сало, Хельсинки, Котка.

Особым «вниманием» у командования ВВС КВФ. видимо, пользовался город и порт Турку, который бомбили авиаэскадрильи все трех бомбардировочных полков авиации флота. Начиная с 7 часов утра 25 июня большие группы советских бомбардировщиков (в общей сложности 54 СБ и 30 ДБ-3) нанесли удары по портовым сооружениям Турку, по кораблям в гавани (разумеется, самой приоритетной целью по-прежнему были два финских броненосца береговой обороны «Вяйнемяйнен» и «Ильмаринен», которые в очередной раз уцелели от авианалета). Советские бомбардировщики во время

налета на Турку прикрывали две эскадрильи истребителей из состава 13-го ИАП ВВС КБФ, базировавшиеся на аэродроме Ханко (т.е. примерно в 80 км от Турку).

Подвергся бомбардировке и расположенный рядом с портом аэродром Турку. Как было уже выше отмечено, на аэродроме Турку базировалась крайне малочисленная авиагруппа LLv-6, на вооружении которой было 3 трофейных СБ и 5 трофейных истребителей И-153. В ходе налета один СБ был поврежден (по другим сведениям — уничтожен), и это **единственная достоверно известная потеря финской авиации** от «сокрушительного удара по аэродромам» 25 июня 1941 г. Кроме того, на летном поле аэродрома «было разрушено одно здание и убито 5 лошадей» [145].

Бомбардировщики ВВС КБФ в районе Турку потерь в тот день не понесли.

Менее успешным для нападающих был налет на железнодорожную станцию Рихимяки, который утром 25 июня совершила группа дальних бомбардировщиков ДБ-3. Около 8.00 семь потрепанных «фоккеров» из состава базирующейся на аэродроме Хювинкя авиагруппы LLv-32 перехватили бомбардировщики в районе поселка Керава (20 км к северо-востоку от Хельсинки, т.е. практически сразу же после того, как они пересекли береговую полосу Финского залива). В воспоминаниях ветерана LLv-32 события того утра описаны так: *«Русские немедленно развернулись и ушли в обратном направлении, но лейтенант В. Эвинен открыл огонь и сбил два вражеских самолета. Один упал в районе Мальми, а другой в воды Финского залива. Сигнал тревоги еще несколько раз раздавался в этот день на*

аэродроме Хювинкя, но густые клубы пыли от взлетающих истребителей заставляли бомбардировщики противника разворачиваться на обратный курс раньше, чем перехватчики успевали подняться в небо» [298].

Сообщение о двух сбитых ДБ-3 может соответствовать действительности, так как только 1-й МТАП (один из двух бомбардировочных полков ВВС КБФ, на вооружении которых были дальние бомбардировщики этого типа) потерял безвозвратно в воздушных боях первых дней войны 3 самолета [271]. В тот же день, 25 июня, авиация флота нанесла удар по портам Котка и Сало, пригородам Хельсинки (Тиккурила бомбили 18 самолетов. Пуистола — 8) [145]. Центральные районы столицы Финляндии бомбардировке не подвергались (возможно, из соображений внешнеполитических, так как жертвами налетов в таком случае могли бы стать дипломатические представительства будущих главных союзников Сталина).

Бывший штурман 1-го МТАП, генерал-лейтенант П.И. Хохлов в своих незаурядно «неточных» мемуарах пишет: *«Наш полк входе этой операции уничтожал самолеты противника на аэродромах Лахти и Лаппеенранта. Там по наблюдениям экипажей происходили взрывы и пожары, было уничтожено 17 немецких самолетов» [134].* Даже если налеты на Ларти и Лаппеенранта и не являются плодом вымысла мемуариста или его «литконсультантов», то обнаружить там «17 самолетов», да еще и опознать их как «немецкие», было очень сложно. Расположенные рядом с городом Лахти аэродромы Холлола и Весивехмва (главный аэродром базирования LLv-24) налетам советской авиации 25 июня не подвергался; более того, принимая во внимание, что там базировались три

эскадрильи лучшей истребительной группы ВВС Финляндии, можно вполне обоснованно предположить, что налет на Бесивехмва привел бы 1-й МТАП к таким же результатам, как и налет 72-го БАП на аэродром Йоройнен. Что же касается крупной железнодорожной станции и города Лаппеенранта, то на расположенном рядом с городом аэродроме не было ни одного подразделения финской (не говоря уже про немецкую) авиации...

Ранним утром 26 июня боевые действия ВВС КБФ были возобновлены с прежним размахом и настойчивостью.

На рассвете (между 3 и 4 часами утра) 9 бомбардировщиков СБ (18 по данным других источников) снова появились в небе над г. Турку. На перехват поднялась пара «Чаек» И-153 из состава LLv-6, и в районе поселка Корппоо (Аландские острова) прапорщик Т. Хямеля сбил один бомбардировщик, который по докладу наземных наблюдателей упал в море [52].

Через три часа, в 6.15 мин 26 июня большая группа бомбардировщиков (СБ по финским данным) вновь бомбила аэродром, порт и город Турку. *«Повреждения получила ВПП и несколько ангаров, повреждено было три самолета, погиб один механик и два человека получили ранения. В городе ущерб был более значителен: 13 человек гражданского населения погибли, и 29 получили ранения. Весь приморский район Турку пылал, было разрушено 18 каменных и 101 деревянное здание...»* [145]. Среди разрушенных зданий была и средневековая крепость Турку. Следующая волна бомбардировщиков нанесла удар по Турку с 10.20 до 11.05. В тот же день, 26 июня, были нанесены удары по

пригородам Хельсинки, по портам Котка. Порвоо. Сало, аэродромам Малми (в районе Хельсинки) и Утти.

Других безвозвратных потерь, кроме сбитого ранним утром над Корппоо бомбардировщика. ВВС Балтфлота 26 июня 1941 г. не понесли.

Аэродром Турку был разрушен настолько сильно, что уцелевшая под бомбам и пятерка И-153 из LLv-6 была перебазирована на аэродром Нуммела (40 км к западу от Хельсинки) [52]. Таким образом, **перебазирование авиации противника** под воздействием ударов советских ВВС **имело место в действительности**. Только перебазировались не «немецкие самолеты на дальние тыловые аэродромы», а 5 (пять) трофейных советских И-153 от Турку к Хельсинки, т.е. еще ближе к советскому берегу Финского залива.

Подводя итоги действий ВВС Балтфлота, следует отметить, что они понесли значительно меньшие — по сравнению с ВВС Северного фронта — потери (два бомбардировщика ДБ-2 и один СБ) и добились заметных (а в Турку — так даже очень заметных) результатов. ВВС Балтфлота смогли уничтожить один **самолет противника** (трофейный СБ) и **вывести на некоторое время из строя аэродром Турку**.

С другой стороны, вновь безрезультатными оказались все попытки вывести из строя боевые корабли финских ВМС Совершенно не были использованы и возможности дальних бомбардировщиков ДБ-3, стоявших на вооружении ВВС КБФ. За редкими исключениями, бомбовые удары наносились по объектам, расположенным непосредственно на побережье Финского и Ботнического залива. **Ни одного рейда вглубь страны** не было произведено. Бомбардировке не

подверглись ни крупнейший промышленный центр Финляндии юрод Тампере (конкретно указанный в директиве Ставки ГК от 24 июня), ни аэродромы базирования финской бомбардировочной авиации (Сиикакангас и Луонетъярви), ни наиболее важные аэродромы базирования финских истребителей (Пори, Хювинкя, Весивехмаа, Йоройнен, Надраярви). Фактически дальние бомбардировщики ВВС КБФ, базирующиеся на аэродромах Котлы и Беззаботное (т.е. непосредственно у побережья Финского залива), действовали на значительно меньшем радиусе, нежели бомбардировочные полки 41-го ВАД, оснащенные легкими бомбардировщиками СВ.

Статистика — наука больших чисел, и едва ли итоги двух дней боевых действий позволяют делать серьезные обобщения. Поэтому, скажем так: **не исключено**, что именно такая тактика ВВС КВФ (выбор объектов, расположенных непосредственно на побережье, и фактическое игнорирование задачи, поставленной директивой Ставки ГК от 24 июня) в сочетании со слабостью финской системы ВНОС обусловила минимальные потери бомбардировщиков авиации флота. В любом случае, нет никаких сведений о том, что бомбардировщики ВВС КВФ и сопровождавшие их истребители отразили атаку и сбили в воздухе хотя бы один финский истребитель.

В завершение хроники событий 25–26 июня остается коротко упомянуть о боевых действиях советской авиации на заполярном севере Финляндии.

Если бы авиаудар 25 июня 1941 г. представлял собой в действительности реакцию на действия немецких

войск на территории Финляндии (пусть даже реакцию поспешную и плохо организованную), то главные силы советской авиации должны были бы быть направлены на объекты в Заполярье, где четыре немецкие дивизии заканчивали последние приготовления к наступлению на Мурманск и Кандалакшу. Фактически же **никакой перегруппировки сил ВВС Северного фронта и/или ВВС внутренних военных округов на мурманское направление осуществлено не было**, и советская авиация действовала в той самой группировке, в какой ее застала вечером 24 июня директива Ставки ГК.

Как было уже отмечено в предыдущих главах, ВВС Северного флота начали активные боевые действия с первых же дней войны, и первый налет на аэродром Хебуктен (на территории оккупированной немцами Норвегии) был произведен еще 23 июня. 25 июня зона действий авиации Северного флота и 14-й армии Северного фронта была лишь расширена вследствие включения в число объектов ударов также и аэродромов на территории Финляндии. Погодные условия, действительно, препятствовали действиям авиации (практически всю последнюю неделю июня в районе Мурманск–Петсамо висела низкая облачность и шли дожди), но боевые действия советских ВВС все же не были такими мизерными, какими они описаны в первых оперативных сводках штаба Северного фронта.

В 1.25 25 июня Военный совет Северного флота получил директиву наркома ВМФ СССР о начале военных действий против Финляндии, которая дословно повторяла текст директивы Ставки ГК от 24 июня.

Так же, как и в указаниях командования ВВС Северного фронта, *«налеты было приказано*

осуществлять в течение суток небольшими группами от трех до девяти самолетов, производя не меньше четырех ударов на каждый аэродром. Устанавливалась высота бомбометания в 2500–3000 м, результаты бомбометания должны были фотографироваться. Первый удар надлежало нанести в 4.30, при наличии облачности, препятствующей бомбардировке с заданной высоты, — бомбардировать из-под облаков» [224]. В дополнение к этим общим требованиям нарком ВМФ приказал «в числе активных действий против Финляндии предусмотреть удар по Петсамо и транспортам, находящимся в нем, авиацией, а также артиллерией, береговой и корабельной» [224].

Вплоть до 24 июня разведывательные сводки **1-й САД (штаб в г. Мурманск)** называют в качестве мест базирования немецкой авиации только аэродромы на территории Норвегии (Вадсе, Хебуктен, Ванак, Тромсе, Нарвик, Воле, Тронхейм). Лишь в разведсводке № 5 (от 12.00 24 июня) появляется, правда, ничем не подкрепленное и абсолютно неконкретное, сообщение: «Установлено наличие германских самолетов и авиагрупп на территории Финляндии» [300]. Тем не менее, факт перебазирования немецких самолетов (фактически это была одна эскадрилья истребителей из состава JG-77) на приграничный аэродром Луостари не остался незамеченным. Именно аэродром Луостари стал (точнее говоря — должен был стать) первым по очереди объектом бомбардировочного удара.

Ранним утром (слова «на рассвете» в данном случае неуместны, так как в конце июня солнце в Заполярье не заходит за горизонт) июня, в 4.52 25 восемь СВ из состава 72-го САП ВВС Северного флота вылетели на

бомбежку Луостари, но низкая облачность и туман заставили командование вернуть всю группу на аэродром. Но это было только начало дня. В 13.50 пара разведчиков СБ из 72-го САП на малой высоте в 500 метров подошла к аэродрому и, несмотря на огонь зениток, прошла над летным полем, установив при этом наличие на аэродроме «мессершмиттов».

После этого следующие пять СБ из состава 72-го САП с высоты 500 метров без потерь отбомбились по летному полю аэродрома Луостари (противник, впрочем, также не потерял в ходе этого налета ни одного самолета).

Четвертая попытка бомбить аэродром Луостари оказалась неудачной. Звено бомбардировщиков 72-го САП при подходе к цели (еще раз повторим, что аэродром Луостари находился всего в нескольких километрах от границы) было обстреляно советскими зенитчиками. Уклоняясь от зенитного огня, самолеты ушли в облака, где потеряли ориентировку, при этом один бомбардировщик так и не смог найти свой аэродром и совершил вынужденную посадку в безлюдной тундре (где самолет и пролежал до конца года). Бомбили Луостари и несколько самолетов из состава 137-го БАП (1-й САД). Наконец, в 18.00 аэродром Луостари штурмовала четверка истребителей И-16 из состава 145-го ИАП этой же дивизии [299]. Потерь как с нашей, так и с немецкой стороны в этих налетах не было.

Разведывательная сводка № 8 штаба 1-й САД (от 16.30 25 июня) зафиксировала следующий результат: *«В течение 25.06 части 1-й САД разведкой и боевыми действиями установили: на аэродроме Луостари самолеты противника, количество и тип не установлен.*

Самолеты замаскированы деревьями» [301]. Более конкретными, но весьма неточными были и данные войсковой разведки 14-й армии, в соответствии с которыми «на аэродроме Луостари находились 8–10 замаскированных бомбардировщиков и 6–8 истребителей». Только 27 июня данные авиаразведки совпали с реальным положением дел: «Авиаразведкой Северного флота обнаружено на аэродроме Луостари до 10 самолетов» [224].

Аэродром Луостари был далеко не единственным объектом воздушных атак 25 июня. Авиация Северного флота пыталась бомбить норвежский порт Киркенес, но попав в сильный туман, возвратилась на базу. Бомбардировке подвергся финский порт Лиинахамари в районе Петсамо. Вечером 25 июня ВВС флота нанесли бомбовый удар по норвежскому аэродрому Банак, на котором базировались немецкие бомбардировщики. Результат налета точно не известен, но два бомбардировщика ВВС Северного флота не вернулись задания. Сообщение о четырех сбитых в этот день «Ме-110» не подтверждается данными документов противника.

26 июня 1941 г. ВВС Северного флота производили одиночные и групповые налеты на Петсамо, Киркенес, Луостари и Вадсё. Судя по документам штаба флота, *«на аэродромах противника возникли пожары... огнем нашей береговой батареи с п-ова Средний и бомбардировкой наших самолетов была повреждена радиостанция в Петсамо, наблюдался пожар...» [224].* Бомбардировщики из состава 137-го БАП (по финским данным 9 самолетов) совершили дальний рейд вглубь Финляндии и подвергли бомбовому удару город и аэродром Рованиemi (более 400 км по прямой от Мурманска). Зафиксировано наличие на

аэродроме Рованиеми до 12 самолетов противника [302]. В тот же день шесть СБ (вероятно, также из состава 137-го ВАП) бомбили Кемиярви. В обоих случаях потери и разрушения были минимальными [145]. Базировавшееся в Рованиеми звено дальних разведчиков люфтваффе, равно как и эскадрилья истребителей на аэродроме Луостари, **никаких потерь в самолетах 25–26 июня не имели.**

Глава 3.8

«ПЕРВЫМИ ОГОНЬ НЕ ОТКРЫВАТЬ...»

Ранним утром (можно сказать, ночью) 27 июня 1941 г. из штаба в штаб полетели (как и положено в таких случаях — с грифом «совершенно секретно») срочные сообщения: «Рюти объявил Финляндию в состоянии войны с СССР». Это единообразие странных формулировок (не «Финляндия объявила», а именно «Рюти объявил») позволяет предположить, что одна на всех команда поступила «с самого верха», а затем уже дублировалась в нижестоящих инстанциях.

Штаб Северного флота разослал оповещение о начале войны в 2.15 27 июня. При этом *«всем службам было предложено повысить бдительность»* [224].

Начальник штаба 1-го МК полковник Лимаренко в 5.00 27 июня разослал во все части и соединения корпуса (всего было изготовлено 18 экземпляров) следующее сообщение: *«Рюти объявил Финляндию в состоянии войны с Советским Союзом. Примите меры усиления боевой готовности»* [303].

Приказ, отданный в 10-й МК, был более подробным: *«Рюти объявил Финляндию в состоянии войны с СССР. Командир корпуса, во исполнение приказа командующего армией, приказал:*

Все до единого подразделения привести в полную боеготовность для действий.

При открытии огня противником — отвечать всей мощностью нашего огня.

Танки противника отражать всей системой огня. Нашим частям первыми огонь не открывать.

Боеготовность частей к действиям проверять лично командирам и это отразить детально в оперсводке на 24.00 27 июня и в специальном боевом донесении.

Нач. штаба 10 МК полковник Заев» [304].

На сохранившемся в архиве экземпляре этого приказа нет ни номера, ни даты, ни времени. Предыдущий документ в архивном деле датирован 0.20 27 июня, таким образом приказ был подписан в интервале от рассвета до полуночи 27 июня. Возможно (судя по некоторым моментам содержания), приказ был составлен уже после того, как в штаб 10-го мехкорпуса поступила следующая **директива Военного совета Северного фронта:**

«Командующим 7 и 23-й армий, командирам 19-го СК, 50-го СК, 70-го СК, 1-го МК, 10-го МК

1. Войскам Северного фронта, находясь в постоянной готовности к отражению наступления противника, продолжать усиливать и развивать полосы обороны, обращая главное внимание на создание

противотанковых препятствий, подготовку заграждений и минирования на всей глубине согласно плана.

2. До открытия боевых действий сухопутными частями противника огня не открывать. Только с открытием им первым артиллерийского огня или при его внезапной танковой атаке, обрушиться всей мощью нашей артиллерии на танки, на разведанные огневые позиции артиллерии противника и районы сосредоточения его танков и пехоты, а огнем минометов по исходному положению пехоты.

Ком. войсками Северного фронта Попов

Член Военного совета Клементьев

Член Военного совета Штыков

Член Военного совета Кузнецов» [305].

Форма в данном случае столь же примечательна, как и содержание. Директива Военного совета выпущена без номера и без даты. Правда, на самом машинописном листе с текстом директивы стоит угловой штамп: «Оперативный отдел штаба ЛВО. Исх. № 3009, 27.6.41 г.» Почему «штаба ЛВО», если уже начиная с вечера 22 июня все документы идут от имени командующего и штаба **Северного фронта**, да и данная Директива подписана командующим фронтом, а не округом? Далее, в «шапке» директивы отсутствует 14-я армия (одна из трех армий Северного фронта), зато наличествует не существующий в реальности «70-й СК» (70-й стрелковый корпус). Скорее всего, составители имели в виду «70-ю сд», т.е. 70-ю стрелковую дивизию, которая на самом деле существовала, в состав стрелковых корпусов не входила и подчинялась непосредственно командованию фронта. Наконец, на документе нет подписи начальника

штаба округа — а это уже очень странно. В соответствии с Положением о Военном совете округа, утвержденным 16–17 мая 1937 г., в состав ВС входили три человека: командующий, начальник штаба и так называемый ЧВС (член Военного совета, т.е. представитель партии, комиссар) [146]. Все известные боевые приказы, оперативные сводки и директивы первых дней войны подписывал начальник штаба Северного фронта генерал-майор Никишев или (весьма редко) его заместитель, начальник оперативного отдела штаба генерал-майор Тихомиров. Здесь же их подписи нет.

Остается предположить, что директива готовилась в спешке и нервной суете. Самым ярким подтверждением «нервной суеты» в штабе фронта является то, что командующий решил подкрепить свое решение подписями сразу ТРЕХ партийных бонз: корпусного комиссара Н.Н. Клементьева, первого секретаря Ленинградского горкома, дивизионного комиссара А.А. Кузнецова и второго секретаря Ленинградского обкома, бригадного комиссара Т.Ф. Штыкова.

Теперь от формы перейдем к содержанию. Какое событие так взволновало военных и партийных руководителей самых высоких рангов?

Не только в Москве, но и в Хельсинки на 25 июня 1941 г. было назначено большое и важное мероприятие. 25 июня в финском парламенте должно было пройти закрытое заседание, посвященное обсуждению внешнеполитической ситуации, в которой в связи с началом советско-германской войны оказалась Финляндия. В изложении К.Г. Маннергейма планировалось следующее: *«Правительство*

*намеревалось 25 июня выступить в парламенте с заявлением о том, что оно **приняло решение о поддержке нейтралитета** Финляндии (подчеркнуто мной. — М.С.). Доклад премьер-министра был готов уже 24 июня вечером, но события следующего дня вынудили правительство пересмотреть вопрос...» [22].*

В данном вопросе маршал Маннергейм, мягко говоря, «лукавит» (что, впрочем, вполне понятно, учитывая, что мемуары писались в те месяцы конца 40-х годов, когда государственная независимость Финляндия висела на тонком волоске). Вечером 24 июня 1941 г. три дивизии вермахта и моторизованная бригада СС «Норд» уже находились на крайнем севере Финляндии и готовились к вторжению на территорию СССР. Это никак нельзя назвать политикой «поддержки нейтралитета Финляндии». Скорее всего, премьер-министр Ю. Рангель готовился к очень трудному разговору с парламентариями, причем разговор этот вполне мог закончиться сменой главы правительства.

Из 200 мест в финском парламенте 85 принадлежали социал-демократам и лишь 8 мест (4% всех голосов) занимали депутаты от крайне правой, антисоветской и антикоммунистической партии «Патриотическое Народное движение» (IKL). При таком раскладе политических сил предпринятые в тайне от парламента шаги по втягиванию Финляндии в войну на стороне фашистской Германии могли вызвать очень резкую реакцию. Более того, 20 июня президент страны Ристо Рюти встречался с депутатами социал-демократической фракции парламента и заверил их, что финские войска не будут использованы для нападения на Советский Союз. А накануне этой встречи, 19 июня, лидер социал-демократов, один из

влиятельнейших политиков страны В. Таннер (министр иностранных дел во время «зимней войны») на совещании руководителей профсоюзных и рабочих организаций заявил, что *«наши войска будут использованы лишь для обороны страны, но не для наступательных действий»*.

На рассвете 25 июня советское руководство преподнесло финским сторонникам «войны-реванша» такой подарок, о каком он и не смели даже мечтать (возможно, этот «подарок» им организовали немецкие союзники, но об этом чуть позже). Под аккомпанемент взрывающихся в пригородах Хельсинки бомб премьер-министр Рангель с трибуны парламента сказал: *«Состоявшиеся воздушные налеты против нашей страны, бомбардировки незащищенных городов, убийство мирных жителей — все это яснее, чем какие-либо дипломатические оценки, показало, каково отношение Советского Союза к Финляндии. Это война. Советский Союз повторил то нападение, с помощью которого он пытался сломить сопротивление финского народа в „зимней войне“ 1939–1940 гг. Как и тогда, мы встанем на защиту нашей страны»*.

Вечером 25 июня парламент принял решение считать Финляндию находящейся в состоянии войны против СССР. На следующий день, 26 июня 1941 г., с радиообращением к нации выступил президент страны Р. Рюти: *«...Сейчас, когда Советский Союз в связи с войной между Германией и СССР распространил свои военные действия на территорию Финляндии, нападая на мирных жителей, наш долг защищаться, и мы сделаем это решительно и единодушно всеми имеющимися в нашем распоряжении моральными и военными средствами. Наши возможности выйти успешно из этой второй*

оборонительной войны на этот раз совершенно другие, чем были в прошлый раз, когда мы находились под натиском восточного гиганта. Вооруженные силы великой Германии под руководством гениального предводителя канцлера Гитлера успешно сражаются вместе с нами против известных нам вооруженных сил СССР... Советский Союз теперь не сможет выставить против наших вооруженных сил той сокрушающей превосходящей силы, которая прошлый раз сделала нашу оборонительную борьбу безнадежной.

Сейчас Советский Союз оказался по численности в равной борьбе, и успех нашей оборонительной борьбы обеспечен» [17].

Радиообращение имеет (по сравнению с газетной статьей) то преимущество, что его можно услышать по радио. Соответственно, для того, чтобы узнать содержание заявления президента Финляндии, не надо было совершать очередной «подвиг разведчика)», отправляя его в полной форме и с парашютом за спиной на захват газетного киоска в Хельсинки. Более того, если верить мемуарам резидента советской разведки в Хельсинки Е.Т. Синицына, он завербовал некоего «видного политического и общественного деятеля Финляндии», известного по сей день лишь по агентурной кличке Монах. При наличии таких «агентурных выходов» о принятом финским парламентом **вечером 25 июня** решении в Мискве и Ленинграде должны были бы узнать даже до радиообращения Рюти, т.е. в ночь с 25 на 26 июня...

Впрочем, самое главное заключается не в часах и минутах, а совсем в другом — что такого удивительного увидели (услышали) советские генералы в Ленинграде и

маршалы в Москве? **Какой другой реакции на массированные бомбардировки Финляндии они ожидали?** И разве же финские войска не именовались «войсками противника» во всех документах частей и соединений Северного фронта уже начиная с 22–23 июня?

Теперь от вопросов риторических перейдем к вопросам содержательным.

Директива Военного совета Северного фронта однозначно требует отдать инициативу противнику (*«до открытия боевых действий сухопутными частями противника огня не открывать. Только с открытием им первым артиллерийского огня или при его внезапной танковой атаке...»*). Оставим пока в стороне многократные упоминания о «танках противника» и необходимости обратить «главное внимание на создание противотанковых препятствий», которые встречаются в директиве Военного совета и приказе командира 10-го мехкорпуса (и это при полном отсутствии немецких или финских танковых частей на фронте 23-й и 7-й армий). Важнее другое — почему приказано *«первыми огонь не открывать»*? Почему и зачем надо дарить противнику инициативу и все очевидные тактические преимущества первого удара?

Единственным возможным объяснением (и оправданием) такого странного оперативного искусства могут быть только внезапно возникшие **политические интересы, которые возобладали над военной целесообразностью**. Так сказать, «второе пришествие» легендарной идеи «на провокации не поддаваться». Однако именно эта логика в данном случае просто поражает своей абсурдностью. «Рюти

объявил войну». Финляндия уже находится в состоянии войны с СССР. Война уже официально объявлена, и никаких «провокаций» после этого не может быть в принципе. Теперь остается только передать соответствующее заявление советского правительства финскому послу в Москве и после этого начинать реализовывать предвоенные планы «активной обороны». Безо всяких ограничений.

В июне 41-го все было сделано, с точностью до наоборот. 25 июня **без объявления войны, без отзыва посла из Хельсинки, без официального уведомления о расторжении Московского мирного договора 1940 года** по территории Финляндии наносится массированный бомбовый удар. Объектами нападения становятся даже города (Миккели и Рованиemi), расположенные на расстоянии 100–150 км от границы. Спустя два дня войскам, расположенным непосредственно у границы, ставится задача ждать, когда противник перейдет в наступление, но самим первыми огонь не открывать. То есть когда было нельзя — тогда можно. А когда уже можно — нельзя?

Подписанный в те же дни приказ № 1 Верховного главнокомандующего финской армией маршала Маннергейма звучал гораздо более определенно:

«Солдаты Финляндии!

Наша славная Зимняя война завершилась тяжелым миром. Несмотря на заключенный мир, наша страна явилась для врага объектом беззастенчивых угроз и постоянного шантажа, что вместе с преступным подстрекательством, направленным на подрыв нашего единства, показывает, что враг с самого начала не

считав мир постоянным. Заключенный мир был лишь перемирием, которое теперь закончилось.

Вы знаете врага. Вам известно постоянство его целей, направленных на уничтожение наших жилищ, нашей веры и нашего Отечества и на порабощение нашего народа. Тот же враг и та же угроза сейчас у наших границ.

Без причины он нагло напал на наш мирный народ и подверг бомбардировке различные части страны. Будущее Отечества требует от вас новых подвигов.

Я призываю вас на священную войну с врагом нашей нации. Павшие герои войны восстают из могил и становятся рядом с нами сегодня, когда мы вместе с мощными военными силами Германии, как братья по оружию, с решительностью отправляемся в крестовый поход против врага, чтобы обеспечить Финляндии надежное будущее.

Соратники! Следуйте за мной еще в последний раз — теперь, когда снова поднимается народ Карелии и для Финляндии наступает новый рассвет» [37].

Глава 3.9

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Теперь мы уже можем вернуться к вопросам, которые были сформулированы в главе 3.3. Перечислим их в указанном там же порядке возрастания сложности.

- Какие силы (части, соединения, самолеты) немецкой и финской бомбардировочной авиации базировались на аэродромах Финляндии?

- Какие боевые действия против Советского Союза эта авиационная группировка провела в течение 22–24 июня 1941 года? Какие действия планировались командованием противника на ближайшие дни и недели?

- Каков был реальный масштаб угрозы, создаваемой группировкой авиации противника в Финляндии, в сравнении как с другими угрозами, нависшими над Ленинградом, так и с возможностями ПВО Ленинграда, истребительной авиации Северного фронта и Краснознаменного Балтфлота?

- Каким был непосредственный результат авиаудара советских ВВС по Финляндии (потери сторон, изменение планов сторон)?

- Что знало советское командование, советская разведка о дислокации авиачастей противника в Финляндии, о его действиях и планах?

- Что послужило реальной причиной принятия 24 июня 1941 г. решения о нанесении авиационного удара по Финляндии, каковы были реальные цели и задачи этой операции?

- Как авиаудар 25 июня сказался на общем ходе войны Советского Союза против Германии и ее союзников?

Ответ на последний из перечисленных вопросов мы постараемся найти в следующей части данной книги. Что же касается группы из первых четырех вопросов, то реальные факты и вполне достоверные документы, выявленные и описанные в предыдущих главах, позволяют дать на них исчерпывающие ответы.

На территории Финляндии (на аэродромах Рованиеми и Луонетъярви) базировалось два звена (всего

6 самолетов) дальней авиационной разведки, а на заполярном аэродроме Луостари базировалась одна эскадрилья (всего 10 исправных «мессершмиттов») истребителей люфтваффе. Кроме того, одна эскадрилья немецких бомбардировщиков (не более 12 самолетов) из состава базирующейся в Восточной Пруссии авиагруппы KGr-806 несколько раз приземлялась для дозаправки на финских аэродромах Утти и Мальми (южная Финляндия).

Активные боевые действия советской и немецкой авиации начались с первых же дней войны (т.е. уже 22–23 июня), но не над Ленинградом, а в Заполярье, в небе над Киркенесом, Петсамо, Мурманском, полуостровом Рыбачий. Обе стороны начавшейся войны вели боевые действия, не считаясь с государственными границами Финляндии. Советские бомбардировщики наносили удары по военным объектам на территории оккупированной немцами Норвегии, немецкие самолеты бомбили Главную базу Северного флота в районе Мурманска, нападали на советские корабли в Баренцевом море, вели воздушную разведку в районе Мурманска и Кандалакши.

Все боевые вылеты самолетов люфтваффе в Заполярье были произведены **исключительно с аэродромов на территории Норвегии** (Хебуктен и Банак). Немецкие истребители перелетели на финский аэродром Луостари лишь 24–25 июня и вплоть до начала наступления наземных войск вермахта на Мурманск в боевых действиях (не считая отражения атак советских ВВС на аэродром Луостари) не участвовали. Бомбардировщики же (дальние Ju-88 и пикирующие Ju-87) и в первые недели немецкого наступления продолжали базироваться на крупных норвежских аэродромах Хебуктен и Банак и только значительно

позднее, после продвижения наземных войск на восток, стали использовать аэродромы в Луостари, Алакуртти, Кемиярви.

Никаких налетов на Ленинград и города Карелии «немецкие бомбардировщики, базирующиеся к Финляндии», не совершали. Ни в первый, ни в любой из последующих дней войны. **По самой простой причине — их там никогда не было.** В первые дни войны 1-й Воздушный флот люфтваффе поддерживал боевые действия наземных войск в Прибалтике, базируясь на аэродромах Восточной Пруссии. И в дальнейшем никакого перебазирования немецких авиачастей на территорию южной и/или центральной Финляндии не производилось, да в нем и не было ни малейшего оперативного смысла — бомбить Ленинград с аэродромов на территории оккупированных Псковской и Новгородской областей было проще, ближе и безопаснее (поврежденным во время налета бомбардировщикам предстояло пролететь не более 100 км над водной поверхностью Финского залива).

Вопрос о принадлежности (к советской или немецкой авиации) нескольких самолетов, сбросивших 22 июня бомбы на полуостров Ханко, нуждается в дальнейшем уточнении. В любом случае, советская военная база, расположенная на фактически оккупированной территории Финляндии, никак не может быть отнесена к перечню «Ленинград и города Карелии».

В первые двое суток войны немецкие бомбардировщики дважды производили минирование бухты ВМВ Кронштадт, при этом самолеты (не более 14 «Юнкерсов-88» из состава KGr-806 и Kb.Fl.Gr-506) совершали посадку для дозаправки на финских

аэродромах Утти и Мальми. В общем масштабе минных постановок, произведенных немцами в водах Финского залива (более 2,5 тыс. мин всех типов), эти операции составляли ничтожно малую долю. Авиационное минирование было прекращено на второй день войны. Скорее всего потому, что риск потери самолетов, действующих безо всякого истребительного прикрытия в зоне мощнейшей ПВО Ленинграда и Кронштадта, был оценен немецким командованием как чрезмерный, а главное — после успешного для немцев завершения минирования выходов из Финского залива — ничем уже не оправданный. Предотвратить минирование с воздуха Кронштадтской бухты могла и должна была советская истребительная авиация. После того, как этого не произошло, любые действия — включая бомбардировки аэродрома Утти — становились лишь примером того, что по-русски называется «махать после драки кулаками».

Крайне малочисленная бомбардировочная авиация Финляндии (23 легких двухмоторных бомбардировщика «Бленхейм» и СБ) никаких налетов на Ленинград не совершала — не только в июне 41-го, но и тогда, когда финская армия вышла на границу 1939 года и линия фронта проходила в 30 км от центра Ленинграда. На протяжении всей войны в финской авиации действовал приказ Маннергейма, категорически запрещающий любые полеты финских самолетов над Ленинградом. Что же касается разведывательных полетов, которые финская авиация действительно вела в приграничной зоне еще до официального объявления войны, то в данном случае финская сторона лишь «зеркально отразила» действия советской авиации, которая вела воздушную разведку территории Финляндии, абсолютно не считаясь с

границами, на протяжении всего периода «перемирия» (с марта 1940 по июнь 1941 годов).

Группировка истребительной авиации Северного фронта и ВВС Балтфлота, сосредоточенная в районе Ленинграда и Карельского перешейка, была одной из самых мощных во всех Вооруженных силах СССР. Ее численность **в десятки раз превосходила** количество немецких самолетов (бомбардировщиков или разведчиков), которые хотя бы эпизодически появлялись на аэродромах южной и центральной Финляндии. Кроме того, в системе ПВО Ленинграда была мощнейшая группировка зенитной артиллерии, не имеющая себе равных в мире (ПВО Лондона и Берлина не имели такого количества зенитных орудий). Система ПВО Ленинграда строилась в расчете на отражение массированных налетов авиации крупнейших европейских держав (Германии, Англии и их возможных союзников). Соответственно, предположение о том, что две дюжины финских или немецких бомбардировщиков представляли собой «смертельную угрозу для Ленинграда», совершенно абсурдно.

Столь же абсурдны и рассуждения о том, что только такие экстраординарные меры, как внезапный и вероломный удар по финским аэродромам, могли *«избавить Ленинград от участи городов, подвергшихся яростной бомбардировке»*. К несчастью, Ленинград подвергся «яростной бомбардировке». И не один раз. Если позволительно говорить об истории в сослагательном наклонении, то избавить Ленинград от этой горькой участи могло успешное отражение наступления вермахта в Прибалтике, создание устойчивой обороны на рубеже Западной Двины и

эффективные действия истребительной авиации. К Финляндии все это никакого отношения не имело.

Что же касается реальных задач начавшегося утром 25 июня авиаудара, то предположение о том, что он был направлен против немецких авиационных и наземных сил в Финляндии и имел своей целью *«срыв готовившегося налета на Ленинград»*, может возникнуть лишь на основании изучения приказов и директив советского командования. Да, в приказах что-то подобное можно прочесть. Фактические же действия советских ВВС очень трудно интерпретировать подобным образом:

1. Единственным подразделением люфтваффе, базировавшимся на необъятных просторах южной и центральной Финляндии, было звено разведчиков (два «Дорнье» Do-215 и один «Хейнкель» He-111) на аэродроме Луонетъярви.

Нелепо обсуждать «угрозу», которую эти три самолета представляли для Ленинграда, и тем не менее — если целью операции было «уничтожение немецкой авиации, базирующейся на финских аэродромах», то именно аэродром Луонетъярви должен был бы стать объектом атаки №1. Но ни один советский самолет в небе над Луонетъярви не появился, и ни одна бомба не упала на летное поле этого аэродрома.

2. Абстрактно рассуждая, налет на Ленинград могла бы совершить финская бомбардировочная авиация — но ни **одного налета на два основных аэродрома ее базирования (Синкакангас и Луонетъярви) не было произведено.**

3. Аэродром Утти, который 22–23 июня использовался для дозаправки немецких бомбардировщиков, был включен в общий перечень

целей, но никакого особого подчеркивания его приоритетного значения ни в приказах командования 41-й БАД, ни в приказах командования 2-й САД не обнаруживается. Так, 2-я САД, имея на своем вооружении 142 исправных бомбардировщика, выделила для налета на аэродром Утти одно звено (три самолета) из состава 44-го БАП, каковое звено один раз бомбило Утти с высоты 6,5 км. 41-я ВАД бомбила аэродромы Валкеала и Утти, выполнив при этом в общей сложности (по двум названным аэродромам) всего 12 самолетовылетов. Едва ли это можно назвать выполнением директивы Ставки ГК от 24 июня, которая требовала *«непрерывными налетами днем и ночью разгромить авиацию противника и ликвидировать аэродромы»*.

4. Порты Ботнического залива (Оулу и Вааза), через которые на территорию Финляндии была доставлена 169-я пехотная дивизия вермахта (и в которых, вероятно, еще оставались какие-то подразделения немецких войск), не подверглись ни одному удару — и это при том, что расстояние от аэродромов базирования дальних бомбардировщиков ВВС КВФ (1-й МТАП, аэродром Везаботное и 57-й БАП, аэродром Котлы) составляет не более 600–650 км. Это, несомненно, соответствует радиусу действия дальних бомбардировщиков ДБ-3/ДВ-3ф, которые стояли на вооружении двух указанных полков в количестве 91 исправного самолета.

5. Если бомбардировка портов Ботнического залива могла бы считаться запоздалой попыткой «догнать ушедший поезд», то разрушение железнодорожной магистрали Оулу–Рованиemi–Салла могло бы иметь самые серьезные последствия, так как через нее шло снабжение всей группировки немецких войск в

Заполярье. И тем не менее, даже попыток решения этой задачи не было предпринято, и **ни одного налета на железнодорожные станции этой магистрали не было произведено.**

Теперь подойдем к оценке хода и исхода авиаудара 25–26 июня с другой стороны: какие объекты фактически стали мишенью для бомбардировщиков?

Всего было атаковано (не учитывая аэродромы) не менее 12 целей, а именно:

- крупные железнодорожные станции (Рихимяки, Коуволла, Луумяки, Лаппеенранта, Мантюхарью, Миккели, Йоэнсу);

- основные порты Финского залива (Турку, Сало, Порвоо, Котка);

- пригороды Хельсинки.

Если мы теперь сравним этот список с предвоенным Планом прикрытия мобилизации и оперативного развертывания войск Северного фронта (Ленинградского округа), то немедленно обнаружим явное сходство целей и задач: *«Мощными ударами по ж/д узлу Коуволла, мостам через р. Кюмин-Йоки и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника... активными действиями авиации обеспечить превосходство в воздухе и мощными ударами сорвать перевозки по сосредоточению в районе Йоэнсу, Каяаани, Куопио...»*

Выли в Плане прикрытия «поименно» названы и 12 аэродромов южной и центральной Финляндии, которые должны были стать объектами первоочередных ударов:

Коуволла, Котка, Утти, Селянпя, Миккели, Порвоо, Лахти, Холлола, Хиидула, Подосйоки, Савоилинна, Хамина.

Скорее всего, получив 24 июня директиву Ставки ГК, командование ВВС Северного фронта (так же, как и командование ВВС Балтфлота) достало из сейфа довоенные оперативные планы и составило на их основе приказы на проведение «первой многодневной операции». И в данном случае нельзя не признать, что Ставка просто не оставила им времени ни на доразведку целей, ни на тщательную подготовку самого удара (взаимодействие с истребителями, оптимальный выбор боеприпасов и т.д.). Что, впрочем, не снимает вопрос о том, почему половины «заблаговременно выявленных аэродромов противника» не существовало вовсе и, наоборот, многие важнейшие аэродромы (Весивсхмаа, Наараярви, Йоройнен, Хювинкя, Сиикакангас, Луонетъярви) в этот перечень не попали.

В целом же «первая многодневная операция советских ВВС» просто поражает своей неорганизованностью и неэффективностью. Перечитаем еще раз описание этой операции в версии генерал-майора, профессора и доктора наук М.Н. Кожевникова: *«... Командованием ВВС Северного фронта был разработан и 24 июня утвержден Военным советом Северного фронта план уничтожения вражеских самолетов на аэродромах на северо-западном направлении. К участию в операции в общей сложности привлекалось 540 самолетов.*

Рано утром 25 июня 236 бомбардировщиков и 224 истребителя нанесли первый массированный удар по 19 аэродромам. Враг, не ожидая такого удара, был фактически застигнут врасплох и не сумел организовать

противодействия. В результате советские летчики успешно произвели бомбометание по стоянкам самолетов, складам горючего и боеприпасов. На аэродромах был уничтожен 41 вражеский самолет. Наша авиация потерь не имела.

В последующие пять суток по этим же и вновь выявленным воздушной разведкой аэродромам было нанесено еще несколько эффективных ударов. По данным воздушного фотоконтроля, советские летчики, атаковав в общей сложности 39 аэродромов, произвели около 1000 самолетовылетов, уничтожили и вывели из строя 130 самолетов противника. Командование немецко-фашистских войск в Финляндии и Северной Норвегии было вынуждено оттянуть свою авиацию на дальние тыловые аэродромы и отказаться на ближайшее время от налета на Ленинград...»

Единственными словами правды в этом тексте следует признать географические названия (Ленинград, Финляндия, Норвегия) и название месяца (июнь). Все остальное — на фоне реальных, трагических и позорных фактов — смотрится как образец «черного юмора».

Операция продолжалась ровно два дня, причем уже на второй день (26 июня) бомбардировочные части ВВС Северного фронта выполнили лишь несколько разведывательных полетов над финской территорией. Общее число аэродромов реального базирования финской авиации, которые стали объектом бомбового удара, равно пяти (Турку, Валкеала, Утти, Миккели, Йоройнен). Может быть, к этому перечню можно добавить еще один аэродром, который был назван штурманом 1-го МТАП как «аэродром Лахти» (возможно, это был аэродром в Холлола). Если учесть и заполярный

аэродром Луостари, то общее число практически безрезультатно атакованных аэродромов дойдет до семи. **Только на одном аэродроме (Турку) был выведен из строя один-единственный самолет.** По странной иронии судьбы им оказался трофейный советский бомбардировщик СБ. Все остальные «удары по аэродромам» были или вовсе безрезультатны, или привели к тяжелым потерям нападающих (9 бомбардировщиков 72-го БАП, сбитые во время налета на аэродром Йоройнен). За два дня ВВС Северного фронта и ВВС Балтфлота потеряли безвозвратно 24 бомбардировщика. **Основные аэродромы базирования финских истребителей (Пори, Хювинкя, Весивехмаа, Йоройнен, Наараярви) совершенно не пострадали.** Никакого «перебазирования авиации противника на дальние тыловые аэродромы» не было и в помине. Совершенно фантастические цифры («39 аэродромов», «130 самолетов противника») невозможно даже отдаленно связать с какими-либо реальными событиями...

Столь **разительное несоответствие между заявленной целью и достигнутым результатом** заставляет снова вернуться к истории с появлением директивы Ставки ГК от 24 июня. Откуда вообще взялась информация о базировании на территории Финляндии немецкой авиации, да еще и в особо крупных размерах? И если сами авторы этой директивы верили в наличие на территории Финляндии крупных сил немецкой авиации, то как же они могли утвердить план операции, в соответствии с которым на бомбежку финских аэродромов должны были вылетать «мелкие группы по 3—5 самолетов», да ещё и без истребительного сопровождения? Такая тактика привела к большим и

совершенно неоправданным потерям даже в столкновении с малочисленной финской авиацией (вооруженной к тому же морально устаревшими и физически изношенными истребителями). Чем бы все могло закончиться, если бы на аэродромах южной Финляндии на самом деле стояли сотни новейших «мессершмиттов»?

Перечитаем еще раз первую, констатирующую часть директивы Ставки ГК:

«1. Из достоверных источников установлено, что германские войска сосредотачиваются на территории Финляндии, имея цель нанести удар на Ленинград и захватить район Мурманска и Кандалакшу. К настоящему времени сосредоточено до четырех пехотных дивизий в районе Рованиеми. Кемиярви и группа неустановленной численности в районах Котка и севернее полуострова Ханко.

Немецкая авиация также систематически прибывает на территорию Финляндии, откуда производит налеты на нашу территорию. По имеющимся донным, немецкое командование намеревается в ближайшее время нанести удар авиацией по Ленинграду. Это обстоятельство приобретает решающее значение.

2. В целях предупреждения и срыва авиационного удара на Ленинград, намеченного немецким командованием в Финляндии. ПРИКАЗЫВАЮ...»

Нельзя не заметить очевидную противоречивость этого текста: неназванные «достоверные источники» установили, что на территории южной Финляндии сосредоточены немецкие войска «неустановленной численности».

Если численность группировки не установлена даже ориентировочно, а район ее развертывания определен с «точностью» в 200 км (от Ханко до Котка), то в чем же тогда проявилась «достоверность» этих загадочных «источников»? Стоит отметить и весьма странный исходный район развертывания группировки, которая якобы *«готовится нанести удар на Ленинград»*. Каким образом с полосы северного побережья Финского залива можно попасть в Ленинград? Провести морскую десантную операцию под прикрытием двух злосчастных броненосцев?

Или ждать, пока залив покроется прочным льдом?

С другой стороны, численность **реальной группировки** немецких войск в Заполярье определена весьма точно (*«до четырех пехотных дивизий»*). Фактически в районе Петсамо развертывались две горно-стрелковые дивизии, а в районе Кемиярви–Салла — одна пехотная дивизия (169-я пд) и моторизованная бригада СС «Норд». Задача, поставленная германским командованием перед этими соединениями, определена совершенно точно (*«захватить район Мурманска и Кандалакшу»*). В скобках заметим, что это отнюдь не тривиальный вывод. Хотя оба эти топонима (Мурманск и Кандалакша) на страницах большинства книг, посвященных событиям войны в Заполярье, встречаются на одной строке, в реальности два эти города разделены полосой безлюдной каменистой пустыни шириной в 200 км. Захват Мурманска и Кандалакши — это не одна, а две самостоятельные операции, в ходе которых войска двух ударных группировок не будут иметь «локтевой связи». Само немецкое командование долго сомневалось в целесообразности проведения одновременно двух этих

операций, а военные историки спорят об этом и по сей день.

Ошибка в определении района сосредоточения немецких войск (*«сосредоточено до четырех пехотных дивизий в районе Рованиеми, Кемиярви»*), по крайней мере, понятна. До утра 22 июня немецкие войска (169 пд и бригада СС «Норд») действительно находились только в районе Рованиеми–Кемиярви. Группировка, нацеленная на захват Мурманска (2-я и 3-я горно-стрелковые дивизии), перешла норвежско-финскую границу в полосе Киркенес–Петсамо только 22 июня.

То, что 24 июня в Москве этот факт еще не был известен и осознан, является грубой, но при этом вполне понятной и объяснимой ошибкой — высшее командование просто не успело получить и оценить новую разведывательную информацию.

Что же касается группировки войск вероятного противника на фронте 23-й армии (на севере Карельского перешейка), то и она была определена силами войсковой разведки Северного фронта (Ленинградского ВО) весьма близко к реальности. Фактически никаких немецких войск в южной Финляндии не было вовсе, а в полосе от берега Финского залива до ст. Париккала сосредоточились (после завершения мобилизации и оперативного развертывания финской армии, т.е. в начале июля 1941 г.) семь пехотных дивизий: 2-го АК в составе 2-й пд, 15-й пд, 18-й пд, 4-го АК в составе 4-й пд, 8-й пд, 12-й пд, а также находящаяся в резерве командования армии 10-я пд (см. карту № 13). Кроме того, в районе к северу от полуострова Ханко развертывалась 17-я пехотная дивизия.

Теперь обратимся к документам 23-й армии и 10-го МК. Боевой приказ № 01 (16.30 23 июня) штаба 23-й армии определяет численность противника следующим образом: *«Противник (финская и германская армии) группируется на территории Финляндии, до 1 пд на Петрозаводском (т.е. в полосе соседней, 7-й армии. — М.С) и до 7 пд на Выборгском направлении»* [306]. Численность противника, как видим, установлена совершенно точно, ошибка допущена только в предположении о наличии на данном направлении немецких войск. К концу июня (т.е. уже после появления директивы Ставки ГК от 24 июня) ошибочных разведывательных данных становится заметно больше:

- Разведсводка № 9 штаба 23-й армии (5.00 27 июня), отмечено появление несуществующего в реальности *«танкового полка в районе Иматра–Якола»* [307].

- Итоговая разведсводка штаба 10-го МК за 22–29 июня: *«К 28.6. сосредоточение финских войск на наших границах в основном было закончено. Всеми видами разведки установлено, что перед фронтом 23-й армии сосредоточено не менее девяти пехотных дивизий с танками, мотопехотой и мотоциклетными частями. Установлено наличие немецких легких и средних танков. Предполагается наличие и тяжелых танков...»* [308].

Итак, слухи о наличии немецких танков усиливаются, численность пехотных дивизий финской армии завышена на 29% от реальности (9 вместо 7). Как видим, ошибки в работе разведки есть, но на проценты, а вовсе не в разы.

И уж в любом случае нет никаких оснований для предположений о том, что войсковая разведка Северного

фронта вообще не представляла себе ситуацию за линией границы.

По поводу **численности и дислокации немецкой авиации в Финляндии** в злополучной директиве Ставки ГК не сказано вообще ничего конкретного (*«немецкая авиация также систематически прибывает на территорию Финляндии»*). Куда? Сколько? О том, почему это невнятное «прибывание» приобрело вдруг «решающее значение», остается только догадываться. Единственные конкретные (но при этом совершенно фантастические) цифры обнаруживаются лишь в одной из записей «Хроники войны на Северном театре» (составленной в 44–45 гг. на основе журнала боевых действий и других документов штаба Северного флота). В записи от 27 июня (т.е. после получения директивы Ставки ГК) появляется такая информация: *«По данным войсковой разведки Северо-Западного фронта (так в тексте. — М.С.), общая численность германской авиации в северной части Норвегии достигала 400 самолетов, в Финляндии — 600 самолетов»* [224].

Северо-Западный фронт (т.е. бывший Прибалтийский военный округ) никакого отношения к северной Норвегии не имел. Скорее всего, составители документа ошиблись, и имелся в виду Северный фронт (т.е. бывший Ленинградский военный округ). Однако в документах штаба Северного фронта «600 немецких самолетов в Финляндии» отнюдь не обнаруживаются. Количество немецких самолетов непрерывно отслеживается лишь в разведсводках штаба 1-й САД (г. Мурманск). Самолеты, судя по этим сводкам, находятся именно там, где они и были в реальности, т.е. в

Норвегии. Их численность установлена весьма близко к реальности:

- Разведсводка № 4 (19.00 23 июня) «п. 2 Установлено базирование авиации противника на аэродромах: Хебуктен — до 50 самолетов, Банак — до 32, Тромсё — до 30, Нарвик — до 20, Боде (Буле) — до 11, Тронхейм — до 45» [309].

- Разведсводка № 10 (23.00 26 июня) «в 18.10 на аэродроме Луостари замаскировано 8–10 бомбардировщиков и 6–8 истребителей, на аэродроме Рованиеми стояло до 12 самолетов» [310].

Сравнивая эти сводки с известным сегодня реальным положением дел, мы видим, что общее число самолетов 5-го Воздушного флота люфтваффе в Норвегии значительно занижено (188 вместо примерно 280), зато количество самолетов «соединения Киркенес» (на аэродромах Хебуктен и Банак) указано практически точно. Другими словами, разведка 1-й САД имела весьма смутные представления о численности немецкой авиации на далеком от нее юге Норвегии (т.е. за тысячи километров от Мурманска), но своего непосредственного противника выявила достаточно точно. Сводка от 26 июня значительно завысила число самолетов на финском аэродроме Луостари, но в целом разведывательная информация имеет большое сходство с реальностью.

Такая же примерно картина вырисовывается и из документов штаба Северного флота (цитируется по «Хронике», аэродром г. Киркенес для единообразия всего текста будет именоваться как Хебуктен, аэродром г. Лаксельвен — как Банак).

- Запись от 24 июня: «По данным радиоразведки СФ в Хебуктен находились 62 самолета, из них 11 „Ю-87“, 7

„Хш-126", 11 „Ме-110" и „Ме-109", 3 „Курьер", 6 „Шторх", 4 „Ю-52" (всего 42, остальные, вероятно, были определены как гражданские. — М.С.), на аэродроме Банак — 30 самолетов, в том числе неустановленное количество „Хе-111", в Тромсё — до 20 самолетов»

- Запись от 26 июня: *«По данным радиоразведки СФ, авиация противника дислоцировалась: в Хебуктен — 23 бомбардировщика, 12 разведчиков, 6 истребителей и 6 транспортных; в Банаке — 7 бомбардировщиков, 2 истребителя и 7 транспортных; в Тромсё — 17 самолетов, в Будё — 12 самолетов, в Нарвике — 18 самолётов и в Тронхейме — 34 самолета „Ю-87"» [224].*

Количество и типы боевых самолетов люфтваффе на аэродромах Хебуктен и Банак установлены с достаточной степенью достоверности (фактически там было 54 бомбардировщика и дальнего разведчика, 26 истребителей Vf-109 и Me-110). В любом случае, никаких *«400 самолетов в северной части Норвегии»* и уж тем более — *«600 самолетов в Финляндии»* в разведсводках из Мурманска не наблюдается.

Вывод, который можно сделать на основании всех этих документов, заключается в том, что *«достоверные источники»*, на основании сообщений которых была принята загадочная директива Ставки ГК от 24 июня, находились где-то очень далеко от Ленинграда и Мурманска, от штабов Северного фронта и Северного флота. Проще и короче говоря, **«достоверные источники» находились в Москве.** Ни командование Северного фронта, ни командование Северного флота сосредоточение не существующих в действительности наземных и авиационных частей противника не фиксирует, к отражению мифических ударов само, без

указания из Москвы, не готовится. Высшее же командование демонстрирует явную профнепригодность. Важнейшее решение принимается наспех, возможные политические последствия не просчитываются даже «на один ход вперед», разведка подменяется сбором вздорных слухов, операция готовится и проводится в расчете на слепое везение и заканчивается в результате дорогостоящим провалом.

На этом обсуждение причин, побудивших Ставку Главнокомандования (т.е. товарища Сталина и его особо доверенных советников) принять 24 июня 1941 г. решение о нанесении авиационного удара по Финляндии, можно было бы завершить. Если бы в те же самые дни в Москве не был арестован и немедленно свергнут в пыточные подвалы заместитель наркома обороны СССР, полномочный представитель Ставки на Северном фронте, бывший начальник Генштаба РККА, генерал армии К.А. Мерецков. Это странное совпадение позволяет сформулировать еще одну, крайне зыбкую и практически недоказуемую гипотезу. Желающие могут ознакомиться с ней в следующей главе

Глава 3.10

АРЕСТ МЕРЕЦКОВА

Гипотеза, которая будет изложена в этой главе (подчеркнем еще раз главе, которую читатель может без малейшего ущерба пропустить), базируется на следующих четырех допущениях.

1. Репрессии, которые волна за волной накатывались на высшие эшелоны сталинской номенклатуры, включая руководителей армии, флота и

военной промышленности, были незаконными — но они не были случайными.

Если и не все, то многие аресты и расстрелы были вызваны не стихийными вспышками слепого гнева Сталина, а отражали беспощадную борьбу кланов в его ближайшем окружении. Начало войны изменило лишь «цену вопроса»: если ранее борьба шла за близость к Хозяину и связанные с этим привилегии, за должности, госзаказы, премии и ордена, то теперь на кон была поставлена жизнь. По глубоко верному замечанию И. Бунича, *«немецкие генералы, рискуя собственной жизнью, устраивали заговоры против Гитлера, а советские генералы устраивали заговоры, спасая собственную жизнь»*.

2. Главным средством устранения конкурентов была, естественно, клевета. В мирное время (если к истории сталинской империи вообще применимо такое словосочетание) содержание клеветы могло быть самым разнообразным: «вредительски тормозил постановку на вооружение нового истребителя», «вредительски торопил с постановкой на вооружение ненадежного и не соответствующего требованиям ВВС истребителя», «вредительски занизил план производства бронебойных снарядов с тем, чтобы оставить Красную Армию безоружной перед лицом врага», «вредительски зависил план производства бронебойных снарядов с тем, чтобы внести хаос и дезорганизацию в работу военной промышленности» и т.д. После начала войны, тем более — после ТАКОГО начала, самым ходовым товаром на рынке клеветы стали обвинения в «потере бдительности», «вредительской беспечности», «преступном бездействии» и пр.

3. Гитлеровское руководство — в отличие от советских историков — вовсе не было уверено в том, что Финляндия вступит в войну. К тому же «вступить в войну» можно по-разному. Предоставление аэродромов и якорных стоянок — это один уровень участия, пропуск немецких войск через территорию северной Финляндии — другой, а тотальная мобилизация всех людских и экономических ресурсов страны и переход в наступление силами 16 дивизий создают совершенно другую ситуацию. В Берлине понимали, что союз с нацистами вызывает значительное неприятие во всех слоях финского общества, и поэтому были крайне заинтересованы в том, чтобы «первый выстрел» произвела Красная Армия. Причем этот «выстрел» должен был быть как можно более заметным и громким.

4. После 22 июня 1941 г. десятки высокопоставленных командиров Красной Армии перешли на сторону врага. Это не гипотеза, это факт. Не исключено, что некоторые генералы (и иные, близкие к принятию важнейших военных решений руководители) начали свое сотрудничество с противником еще до 22 июня 1941 г.

Определившись с исходными допущениями, познакомимся теперь ближе с главным действующим лицом исторической трагедии.

Кирилл Афанасьевич Мерецков родился 7 июня 1897 года в деревне Назарьево Зарайского уезда Рязанской губернии. С пятнадцати лет работал слесарем на заводах и фабриках Москвы. В мае 1917 года, в неполные 20 лет вступил в партию большевиков. Летом 1918 г. организовал в городе Судогда Владимирской губернии

отряд Красной Гвардии, с которым принимал участие в подавлении «кулацких мятежей». Был ранен в боях, после выздоровления направлен учиться в только что созданную Академию Генерального штаба. Гражданская война продолжалась, и Мерецков, так же как другие слушатели Академии, несколько раз отправлялся на фронт. Некоторое время в 1920 г. он был помощником начальника штаба 6-й кавалерийской дивизии, командиром которой был Тимошенко — будущий нарком обороны СССР.

После окончания Академии в 1921 г. молодой штабной офицер начинает стремительно подниматься по служебной лестнице. В июле 1928 г., в возрасте 31 года он становится заместителем начальника штаба Московского военного округа, затем — начальником штаба Московского и Белорусского военных округов. В Белорусском округе, находившемся на границе с главным на тот момент потенциальным противником — Польшей, Мерецков был начальником штаба при Уборевиче — одном из наиболее ярких советских командиров, ставшем в 1937 г. главным фигурантом «военно-троцкистского заговора». В январе 1935 г. Мерецкова назначают начальником штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, т.е. начальником штаба еще одного будущего «врага народа» — кавалера ордена Красного Знамени № 1 (по другим сведениям, орден № 1 был вручен Нестору Махно), будущего маршала Блюхера. Осенью 1936 г. Мерецкова отправляют в Испанию, где он исполняет обязанности военного советника при Генеральном штабе республиканской армии.

Любого из этих трех эпизодов биографии: связь с «разоблаченным врагом народа» Уборевичем, связь с «разоблаченным врагом народа» Влюхером, личное

участие в неудавшейся попытке Сталина закрепиться за Пиренеями, было бы достаточно для того, чтобы навсегда исчезнуть в кровавой мясорубке 1937–1938 годов. Так в дополнение ко всему Мерецков в 1931 г. был еще и на стажировке в Германии. Однако ничего страшного не произошло — Мерецков продолжил свое неуклонное восхождение, не пропуская «ни одной ступеньки». В сентябре 1938 г. его назначают командующим Приволжским, а в следующем году — Ленинградским военным округом. Несмотря на трагический провал лично им разработанного плана «освобождения» Финляндии, Мерецков получает звезду Героя Советского Союза, звание генерала армии и в августе 1940 г. становится начальником Генерального штаба РККА.

Выше этого мог быть только пост наркома обороны СССР, но такая вершина была Мерецкову недоступна в принципе — он не входил в число статусных «героев Гражданской войны», соратников Ворошилова, Тимошенко, Буденного, Кулика по 1-й Конной армии, сообщников Сталина в расправе с Троцким и троцкистами. В любом случае, должность начальника Генштаба означала допуск к важнейшим военным секретам страны. Мобилизационный план, планы стратегического развертывания Красной Армии, планы производства боевой техники и боеприпасов, оперативные и мобилизационные планы округов — все эти сверхсекретные документы проходили через руки начальника Генштаба. Соответственно, назначение на такую должность означало высшую степень доверия товарища Сталина к молодому (43 года) генералу армии.

В январе 1941 г. кривая непрерывного карьерного роста Мерецкова сделала первый, пока еще вполне

обратимый, изгиб. Сталин назначает на пост начальника Генштаба «восходящую звезду» советского генералитета, героя Халхин-Гола Г.К. Жукова. Отставка Мерецкова была более чем почетной. Он сохранил звание генерала армии и получил назначение на должность заместителя наркома обороны СССР по боевой подготовке войск. Накануне большой войны это был важнейший пост, назначение на который опять же свидетельствовало о полном доверии к Мерецкову со стороны Сталина и его ближайшего окружения, включая самого наркома обороны Тимошенко.

21 июня 1941 г. решением Политбюро ЦК (т.е. фактически — решением Сталина) Мерецков назначается полномочным представителем высшего командования Красной Армии на Северном фронте и немедленно уезжает к месту новой службы в Ленинград. 23 июня 1941 г., на второй день войны, создается Ставка Главнокомандования. При Ставке был образован институт «постоянных советников Ставки». Мерецков вошел в их число, наряду с такими доверенными людьми Сталина, как Молотов, Берия, Шапошников, Жданов, Кулик, Маленков, Мехлис...

Падение Мерецкова с вершин власти в слепящую тьму лубяnskих подвалов было молниеносным и ошеломляющим. 23 июня его отзывают из Ленинграда в Москву и через несколько дней (точная дата ареста неизвестна) передают в руки палачей НКГБ. Единственное, что можно сказать со всей определенностью, — это только то, что арест заместителя наркома обороны не мог произойти без прямой санкции самого «Хозяина». Никакие «бериевские сатрапы» такие вопросы самостоятельно не решали (не говоря уже о том, что в указанный период времени

товарищ Берия прямого отношения к руководству НКГБ не имел). В начале сентября 1941 г. Мерецкова освобождают и прямо из тюремной камеры, снова в должности представителя Ставки, отправляют на Карельский фронт. Вскоре его назначают командующим 7-й армией, затем — Волховским и Карельским фронтами.

Здоровье и силы Мерецкова были безвозвратно подорваны. По распространенной исторической легенде. Сталин даже разрешал изувеченному пытками генералу докладывать сидя. Хрущев в своих мемуарах пишет: *«Когда я видел Мерецкова в последний раз, это был уже не Мерецков, а его тень. Раньше он был молодой генерал, физически крепкий, сильный человек, а теперь он еле ходил...»* Хотя больших (да и малых) успехов в командовании фронтами Мерецков так и не достиг, Сталин наградил его званием маршала (26 октября 1944 г.) и кавалера высшего полководческого ордена «Победа» (8 сентября 1945 г.). В августе 1945 г. Сталин позволил Мерецкову стать номинальным руководителем 1-го Дальневосточного фронта и победителем японской Квантунской армии. Эпитет «номинальный» является лишь констатацией грустной правды — Мерецков не знал ни вверенные ему войска, ни противника; последний раз на Дальнем Востоке он был 9 лет назад. И если бы Япония к тому моменту не была уже нокаутирована американскими бомбардировками, то такое командование могло бы привести к самым печальным последствиям... Но Сталин, видимо, решил подарить Мерецкову возможность войти в историю войны в ореоле хотя бы одной яркой победы.

Вокруг истории неожиданного ареста и еще более удивительного освобождения К.А. Мерецкова выросло

много всяких легенд. В частности, приходится нередко читать о том, что «арест Мерецкова был предрешен задолго до июня 41-го». В качестве доказательства этого тезиса приводятся слухи о том, что к моменту ареста «следователи» уже накопили показания 40 человек о «вредительской деятельности» Мерецкова. Подобная «логика» основана, увы, на элементарном непонимании механизма функционирования сталинской диктатуры. **На каждого без исключения** высшего военного или партийного сановника непрерывно копился компромат. Эта система была отлажена и поставлена на «поточное производство». Причем, по установленному в конце 30-х годов порядку, «особисты» регулярно докладывали высшим командирам Красной Армии «компромат», накопленный на их подчиненных. Разоблачительные «показания» 40 или 140 осведомителей, хранящиеся в секретном сейфе, были таким же неотъемлемым атрибутом образа жизни высшей сталинской номенклатуры, как и черный служебный автомобиль (марка которого строго ранжировалась в зависимости от занимаемого поста), госдача с инвентарными номерами на столах и диванах, закрытая для простых смертных поликлиника...

Поясним сказанное одним, но чрезвычайно ярким примером. 8 мая 1940 г. Сталин освободил Ворошилова от должности наркома обороны. И не просто «освободил» — а дал подписать на прощание многостраничный «Акт о приеме наркомата обороны СССР тов. Тимошенко от тов. Ворошилова» [146]. В этом удивительном документе было перечислено два десятка направлений работы оборонного ведомства. по каждому из которых констатировались «неудовлетворительное состояние», «исключительная запущенность» и подмена

дела «бумажными отчетами». Причем это «обвинительное заключение», однозначно свидетельствующее о том, что товарищ Ворошилов развалил оборону страны так тщательно и всесторонне, как не смог бы развалить ее и вражеский агент, пробравшийся в Кремль, подписали (кроме самого Ворошилова) новый нарком обороны Тимошенко и два секретаря ЦК — Жданов и Маленков. И что же? Этот акт свидетельствовал о том, что «арест Ворошилова был уже предрешен»? Да ничего подобного — Ворошилов был тогда же назначен на высочайший пост руководителя Комитета Оборона при СНК СССР. Формально рассуждая, нарком Тимошенко был у него в подчинении. 30 июня 1941 г. «маршал-вредитель» Ворошилов вошел в состав Государственного Комитета Оборона, т.е. в число тех пяти человек (Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков, Берия), в руках которых была сосредоточена вся полнота власти в стране. Примечательно, что ни нарком обороны Тимошенко, ни тогдашний начальник Генштаба Жуков в эту «пятерку сильнейших» не вошли.

Арест генерала армии Мерецкова не был единичным явлением тех безумных дней. Начиная со второй половины мая 1941 г. по высшему эшелону военного руководства СССР катилась, все более и более разрастаясь в размерах, лавина арестов так называемого «дела авиаторов». В течение двух месяцев, без остановки на войну, были арестованы:

- трое бывших командующих ВВС Красной Армии (Локтионов, Смушкевич, Рычагов);

- начальник Главного управления ПВО СССР (Штерн);

- помощник главкома ВВС по авиации дальнего действия (Проскуров);
- начальник штаба ВВС РККА и его заместитель (Володин и Юсупов);
- командующий ВВС Дальневосточного фронта (Гусев);
- заместитель командующего ВВС Ленинградского ВО (Левин);
- командующий ВВС Северо-Западного фронта (Ионов);
- командующий ВВС Западного фронта (Таюрский);
- командующий ВВС и начальник штаба ВВС Юго-Западного фронта (Птухин и Ласкин);
- командующий ВВС Московского ВО (Пумпур);
- помощник командующего ВВС Орловского ВО (Шахт);
- помощник командующего ВВС Приволжского ВО (Алексеев);
- начальник Военной академии командного и штурманского состава ВВС (Арженухин);
- начальник НИИ ВВС (Филин);
- начальник НИП авиационных вооружений (Шевченко).

Этот список, разумеется, далеко не полный. Он включает в себя только командиров самого высокого ранга. Одновременно с «делом авиаторов» раскручивалось (правда, в несколько меньшем темпе и масштабе) «дело артиллеристов», в рамках которого были арестованы нарком вооружений Ванников, нарком

боеприпасов Сергеев, его заместители Ходяков, Иняшкин, Шибанов и Хренков, заместитель начальника ГАУ Савченко, его заместители, конструкторы артиллерийских систем, десятки других командиров, инженеров, управленцев...

Арест Мерецкова произошел одновременно с арестами авиационных командиров. Что, однако, не может само по себе служить доказательством взаимосвязи этих «дел». В любом случае, одно — и при этом очень важное — различие заключается в том, что Мерецкова освободили, а всех вышеназванных обвиняемых по «делу авиаторов» расстреляли. Расстреляли в несколько «заходов» с 16 октября 1941 г. по 23 февраля 1942 г., но расстреляли всех. А вот Мерецкова Сталин помиловал, что может считаться, наверное, **самой большой странностью и загадкой «дела Мерецкова»**.

Переходя теперь от слухов, загадок и догадок к документам, мы обнаруживаем, что на сегодняшний день известно ровно два документа, непосредственно относящихся к истории с арестом и освобождением Мерецкова.

Оба эти документа были опубликованы газетой «Труд», № 230 от 14 декабря 2001 г. Звучит это несколько странно и совсем не «академически», но реальность именно такова. Первым «документом» является сообщение руководства Центрального архива ФСБ о том, что следственное дело К.А. Мерецкова уничтожено. Именно так — не утеряно, не засекречено, а уничтожено. Вторым документом является письмо, с которым 28 августа 1941 г. сам Мерецков обратился к Сталину. Письмо это, которое по здравой логике должно

было быть уничтожено вместе с якобы уничтоженным «делом Мерецкова», уничтожено не было. Центральный архив ФСБ любезно предоставил (а мог, заметим, и не предоставить — архив ведомственный, в систему государственной архивной службы не входит, решения мельчайших клерков этого учреждения обжалованию не подлежат) корреспонденту «Труда» Сергею Турченко этот документ, который и был опубликован в статье «Письмо из Лефортово». Вот полный текст этого письма:

«Секретарю ЦК ВКП (б) Сталину И.В.

В напряженное время для нашей страны, когда от каждого гражданина требуется полностью отдать себя на защиту Родины, я, имеющий некоторую военную практику, нахожусь изолированным и не могу принять участие в освобождении нашей Родины от нашествий врага. Работая ранее на ответственных постах, я всегда выполнял Ваши поручения добросовестно и с полным напряжением сил.

Прошу Вас еще раз доверить мне, пустить на фронт и на любой работе, какую Вы найдете возможным дать мне, доказать мою преданность Вам и Родине.

К войне с немцами я давно готовился, драться с ними хочу, я их презираю за наглое нападение на нашу страну, дайте возможность подраться, буду мстить им до последней моей возможности, не буду щадить себя до последней капли крови, буду бороться до полного уничтожения врага. Приму все меры, чтобы быть полезным для Вас, для армии и для нашего великого народа.

28.VIII. — 41 г. К. Мерецков».

Какую содержательную информацию можно извлечь из этого текста? О причинах ареста, о предъявленных обвинениях в явном виде не сказано ни единого слова. Нет в этом письме и столь естественных в подобных обстоятельствах слов о собственной невинности, о ложности и необоснованности предъявленных обвинений.

И лишь в последнем абзаце появляется фраза, заслуживающая пристального внимания: *«К войне с немцами я давно готовился, драться с ними хочу, я их презираю за наглое нападение на нашу страну, дайте возможность подраться...»* Странные слова. Третий месяц идет война, уже названная Великой Отечественной. В народное ополчение записалось (по официальным данным) два миллиона человек из числа имеющих законное освобождение от призыва по мобилизации. И в такое-то время профессиональный военный в звании генерала армии считает необходимым доказывать, убеждать, заверять Сталина в том, что он *«хочет драться с немцами»*, что он их *«презирает»*.

С чего бы это? Остается предположить, что кто-то (возможно, сам Сталин) ранее усомнился в желании Мерецкова *«драться с немцами»*.

Предположение это не такое уж невероятное. По крайней мере, известен реальный и задокументированный случай, когда товарищ Сталин задавал подобные вопросы. Дело было 1 августа 1938 г., во время вооруженного конфликта с японцами у печально знаменитого озера Хасан. Тогда Сталин в телефонном разговоре с командующим войсками Дальневосточного фронта маршалом Влюхером задал ему такой вопрос: *«Скажите, т. Блюхер, честно, есть ли у*

Вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у Вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту...» [146]. Не приходится сомневаться в том, что маршал Блюхер ответил на такой вопрос прямо, правильно, «как подобает коммунисту». Но это уже не помогло изменить уготованную ему участь...

Кроме опубликованного относительно недавно письма Мерецкова Сталину, существуют еще широко известные, многократно переиздававшиеся мемуары маршала Мерецкова [93]. Загадочная история, связанная с арестом и счастливым избавлением от неминуемого, казалось бы, расстрела, обойдена в мемуарах полным, абсолютным молчанием. На первый взгляд. При более внимательном чтении можно найти в воспоминаниях Мерецкова довольно странный фрагмент, возможно, имеющий самое прямое отношение и к загадке ареста, и к главной теме нашего исследования. Так как стиль в данном случае столь же важен, как и содержание, цитата будет неизбежно длинной: *«...Вероятно, миллионы советских людей еще помнят, как провели они вечер перед незабываемым воскресеньем 22 июня 1941 года. Не забыл этого вечера и я.*

Меня вызвал к себе мой непосредственный начальник, нарком обороны, находившийся последние дни в особенно напряженном состоянии. И хотя мне понятна была причина его нервного состояния, хотя я своими глазами видел, что делается на западной границе, слова наркома непривычно резко и тревожно вошли в мое сознание. С.К. Тимошенко сказал тогда:

Возможно, завтра начнется война! Вам надо быть в качестве представителя Главного Командования в Ленинградском военном округе. Его войска вы хорошо

знаете и сможете при необходимости помочь руководству округа. Главное — не поддаваться на провокации.

— Каковы мои полномочия в случае вооруженного нападения? — спросил я.

— Выдержка прежде всего. Суметь отличить реальное нападение от местных инцидентов и не дать им перерасти в войну. Но будьте в боевой готовности. В случае нападения сами знаете, что делать.

Итак, продолжает действовать прежняя установка. Сохранить мир для страны, насколько удастся: на год, на полгода, на месяц. Соберем урожай. Возведем новые оборонные предприятия. Вступят в строи очередные механизированные корпуса. Наладим производство быстроходных самолетов. Быть может, улучшится международная обстановка. А если и не улучшится, если все же война начнется, но не сейчас, а потом, то тогда легче будет вступать в нее. Выиграть время во что бы то ни стало! Еще месяц, еще полмесяца, еще неделю. Война, возможно, начнется и завтра. Но нужно попытаться использовать все, чтобы она завтра не началась. Сделать максимум возможного и даже толику невозможного...» [93].

В свете всего, что известно сегодня о планах и действиях высшего военно-политического руководства СССР, настойчивые многословные рассуждения о «сборе урожая» и строительстве «новых оборонных предприятий» выглядят каким-то горячечным бредом. Вечером 21 июня 1941 г. в Кремле отчетливо осознали, что до начала войны остались считанные дни или даже часы. Надеяться на «улучшение международной обстановки» было уже поздно. Ни построить новые предприятия, ни собрать еще только зреющий на полях

урожай до начала боевых действий уже не удастся. Никаких сомнений в этом более не могло быть. По донесениям войсковой разведки, немцы снимали проволочные заграждения на границе, а в воздухе висел рокот моторов идущих к границе танков. К востоку от границы на базе приграничных военных округов были уже развернуты фронты, штабы которых по приказу наркома Тимошенко выдвигались на полевые командные пункты. Отсчет времени пошел на часы и минуты, и заместитель наркома обороны СССР генерал армии Мерецков это прекрасно знал. Какие уж тут «урожаи»...

Все абсурдное становится абсолютно логичным, если только предположить, что речь шла **не о войне с Германией, а о войне с Финляндией**. Вот тогда весь этот длинный, эмоционально взвинченный монолог становится вполне разумным. Даже если война с Финляндией начнется «на месяц, на полмесяца, на неделю» позже, это уже даст огромный выигрыш для Красной Армии. И Тимошенко, и Мерецков вечером 21 июня понимали, что Гитлер все-таки смог опередить их. Красной Армии придется вступить в войну в крайне тяжелой ситуации: мобилизация еще не завершена (хотя в рамках скрытой мобилизации сделано было немало), оперативное развертывание группировок войск на западном ТВД еще только начинается, десятки дивизий Второго Стратегического эшелона находятся в железнодорожных вагонах, разбросанных на гигантских пространствах от Дальнего Востока до Смоленска и Шепетовки. Еще один противник (Финляндия) и еще один действующий фронт на северных подступах к Ленинграду сейчас совсем не ко времени.

И Тимошенко, и Мерецков, и сам Сталин катастрофу такого масштаба, которая произошла в реальности, не

ожидали. В Москве надеялись на то, что даже в столь неблагоприятной обстановке Красная Армия лишь немного попятится назад, а затем сможет перейти в контрнаступление. Это не гипотеза, это факт. Директива № 3, отправленная в войска в 9 часов вечера 22 июня за подписью Тимошенко и Жукова, ставила задачу занять Люблин и Сувалки «к исходу 24 июня». Возможно, это было обычное «планирование по-советски»: если хочешь получить машину кирпича — закажи две, одну, может быть, и привезут. Пусть и не 24 июня, а 4 июля, но перенести боевые действия на территорию противника Сталин надеялся в самом ближайшем будущем.

При таких представлениях о возможном развитии военно-политической ситуации оттянуть начало войны с Финляндией хотя бы на пару недель было чрезвычайно важно. После перехода Красной Армии в решительное наступление на Западе финское руководство десять раз подумало бы о том, нужно ли ему «пристегивать» свою страну к разваливающейся телеге Третьего рейха. Вот поэтому вечером 21 июня перед Мерецковым и могла быть поставлена задача *«сделать максимум возможного и даже толику невозможного»* для того, чтобы война с Финляндией «завтра не началась».

На следующих страницах мемуаров Мерецкова мы обнаруживаем прямое подтверждение гипотезы о том, что **в возможность оттянуть начало войны с Финляндией он верил и к реализации этой возможности стремился.** *«...На советско-финляндской границе пока было спокойно. Видимо, Финляндия выжидала, чтобы принять наиболее благоприятное для себя решение. Но сколько собиралась она ждать? Месяц, неделю, день?.. В связи с этим группе офицеров штаба округа я поручил подсчитать, чего и сколько может*

*понадобиться округу при различных ситуациях, если Финляндия выступит тотчас, выступит позднее или **не выступит совсем**(подчеркнуто мной. — М.С); если нам пришлют подкрепление, не пришлют его или мы сами должны будем помогать другим округам и т.д... В мирное время невозможно предусмотреть все комбинации, которые могут возникнуть после начала войны, особенно когда сама война идет не так, как предполагали. В таких случаях нужно проявлять максимальную оперативность и перестраивать планы в соответствии с конкретными обстоятельствами...».*

23 июня 1941 г. установка на максимально возможную отсрочку начала боевых действий была фактически подтверждена поступившими в штабы Северного фронта и Северного флота указаниями «границу не перелетать и не переходить, никаких боевых действий против Финляндии впредь до особого распоряжения не производить!»

Затем наступил лень 24 июня, и **кто-то доложил Сталину полученную из «достоверных источников» информацию о том, что на финских аэродромах сосредоточены огромные силы немецкой авиации** (600 боевых самолетов, т.е. даже больше, чем было о реальности в составе всего 1-го Воздушного флота люфтваффе). Этот «кто-то» смог убедить Сталина в достоверности своих таинственных «источников». Возможно, после того, что произошло утром 22 июня на Западном фронте, долго убеждать Сталина и не пришлось. В обстановке всеобщей нервозности и неразберихи, которые царили в Кремле в те дни и часы, было немедленно и без рассуждений

принято решение «нанести упреждающий удар по аэродромам противника в Финляндии».

Может быть, не знакомый с донесениями загадочных «достоверных источников» Мерецков имел неосторожность возразить. Может быть, просто недостаточно горячо поддержал очередное мудрое решение всезнающего «вождя». В обстановке дошедшей уже до пределов массового помешательства — «шпиономании» этого могло оказаться достаточно для того, чтобы прозвучал вопрос: «Скажите честно, товарищ Мерецков, как подобает коммунисту, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с немцами и их пособниками? Если нет у вас такого желания, скажите прямо...»

Вот после этого и произошло все то, что произошло в реальности.

Кто и, самое главное, зачем подбросил Сталину эту явную дезинформацию? Ответа на этот вопрос нет, и едва ли достоверный ответ на такие вопросы будет в обозримом будущем найден. Дезинформация могла быть внедрена по разведывательным каналам германскими спецслужбами, крайне заинтересованными в провоцировании полномасштабной войны между Финляндией и СССР. Люди, доложившие эту дезинформацию Сталину, могли и сами не осознавать того, что противник использует их в своих целях. Не исключен и вариант прямой и осознанной измены.

С другой стороны, все могло произойти и без участия противника, просто в рамках очередного приступа межклановой борьбы в ближайшем окружении Сталина. Спасая себя или стремясь «завалить» Тимошенко, кто-то мог настойчиво обратить внимание

Сталина на «близорукость и преступную беспечность» армейского руководства, которое уже «проспало» один внезапный удар противника и теперь готовится проспать второй такой же удар по Ленинграду. Одним словом — поле для догадок и конспирологических версии открывается самое широкое... Увы, в рамках имеющейся (можно сказать, отсутствующей) источниковой базы ничего более определенного сказать невозможно.

Предположим далее, что спустя некоторое время Сталин получил исчерпывающее доказательство того, что «достоверные источники» его обманули. Этим доказательством был факт отсутствия хотя бы единичных налетов немецкой авиации на Ленинград. Что бы и как бы ни докладывали ему о «блестящих результатах» налета на «аэродромы немцев в Финляндии», Сталин не был настолько наивен и настолько несведущ в военном деле, чтобы поверить в то, что «сталинские соколы» одним махом уничтожили на земле все 600 самолетов противника. Отсутствие налетов на Ленинград лучше любых агентурных «источников» свидетельствовало о том, что никакой немецкой авиации на финских аэродромах нет и не было. Более того — и хуже того — к концу лета 1941 г. Сталин получил самые убедительные подтверждения того, что провоцировать Финляндию на войну не следовало. В конце августа 1941 г. финские войска, не дожидаясь сталинских «уступок», полностью вернули себе все потерянные по условиям Московского мирного договора 1940 г. территории, а в Приладожской Карелии даже продвинулись гораздо далее на восток от границы 1939 г.

Иногда, правда, очень редко, Сталин вспоминал о своих верных слугах, которых «оклеветали подлецы». Редко, но такое бывало. Такое произошло, например, с

арестованным 7 июня 1941 г. наркомом вооружений Ванниковым.

В порядке ответной благодарности товарищ Ванников возглавил позднее советский «атомный проект» и вручил товарищу Сталину «боеприпас» немереной мощи. Ну а вначале сентября 1941 года судьба улыбнулась и Мерецкову.

Часть 4

КРАХ

Глава 4.1

«ПОЙДУТ МАШИНЫ В ЯРОСТНЫЙ ПОХОД...»

Если авиационный удар по Финляндии, состоявшийся 25–26 июня 1941 г., хотя бы изредка упоминался в особо толстых книжках советских историков, то про наступательные действия наземных войск Красной Армии на финской территории практически ничего ранее не писалось. И тем не менее, такие действия в июле 1941 года состоялись. Или, точнее говоря, начались, но были прерваны «на самом разбеге». Вспомнить о них необходимо, ибо для оценки реальной боеспособности Красной Армии образца 1941 года они будут столь же показательны, как и результаты «сокрушительного удара по финским аэродромам».

Главной ударной силой развернутой на Карельском перешейке 23-й армии был 10-й мехкорпус (командир — генерал-майор И.Г. Лазарев). Как и все прочие мехкорпуса Красной Армии, 10-й МК имел в своем составе три дивизии: две танковые (21-я тд и 24-я тд) и одну моторизованную (198-я мд). Наиболее боеготовой дивизией корпуса была 21-я танковая, сформирована на базе 40-й Краснознаменной танковой бригады — ветерана боев «зимней войны». Слабым звеном 10-го МК была 24-я танковая дивизия, сформированная на базе

11-го запасного танкового полка и принявшая от него сильно изношенную материальную часть: БТ-2 — 133 и БТ-5 — 94, всего 227 танков выпуска 1932–1934 годов. Что же касается 198-й моторизованной дивизии, то она имела всего несколько десятков исправных танков (при штатной численности танкового полка моторизованной дивизии в 258 единиц) и, по сути дела, была обычной стрелковой дивизией, правда с необычно большим количеством автотранспорта.

Как было уже отмечено выше, предвоенные оперативные планы западных военных округов (в том числе и Ленинградского ВО) не опубликованы, поэтому о конкретных задачах, поставленных перед 23-й армией Северного фронта, можно только догадываться. Тем не менее, учитывая сосредоточение за фронтом 50-го СК главных резервов 23-й армии (10-й мехкорпус, 70-я стрелковая дивизия) и включение в состав 50-го СК трех артполков РГК (101-й, 108-й, 519-й) из четырех, можно предположить, что по планам советского командования главные события «активной обороны» должны были произойти в полосе между берегом финского залива и рекой Вуокси (см. карту № 6).

Такие же намерения приписывались и противнику. В журнале боевых действий (ЖБД) 23-й армии читаем (запись от 23 июня): *«Противник продолжает интенсивно сосредотачивать войска к госгранице, главным образом в направлении Лаппеенранта–Выборг и Хамина (поселок на берегу Финского залива в 30 км от границы. — М.С.) — Выборг, а также в районах оз. Пурауярви и Якола (т.е. между Иматра и Энсо. — М.С.), подтягивая мотомехчасти»* [347]. В дальнейшем мы увидим, что

такая оценка ситуации и группировки противника оказалась глубоко ошибочной.

Накануне войны дивизии 10-го мехкорпуса дислоцировались в южных пригородах Ленинграда (Пушкин, Павловск, Гатчина) и для выдвижения в район развертывания за фронтом 50-го СК (в треугольнике Выборг–Хейниоки–Кямяря) танковым дивизиям предстояло пройти своим ходом 170–180 км. Эта задача оказалась для них очень непростой. Даже в подготовленной и оснащённой лучше других 21-й танковой дивизии марш продолжался двое суток, а танки израсходовали при этом 14–15 моточасов, что явно свидетельствует о том, что значительная часть «марша» состояла из стояния в пробках и заторах. В одном из двух танковых полков дивизии (42-й тп) к 13.00 24 июня в район сосредоточения вышло 75 танков из 91 [348]. 16 танков остались на маршруте из-за различных технических неисправностей.

24-я танковая дивизия в ходе марша буквально рассыпалась. 49 танков (22 БТ-2 и 27 БТ-5) оказались неисправны и были оставлены в месте постоянной дислокации дивизии. В 15.00 23 июня в поход вышло 178 танков, из которых к концу дня 26 июня до указанного района развертывания доползли всего лишь 92 танка, причем боеготовыми из них считалось только 62. *«Текущий ремонт их тормозится отсутствием инструмента и запасных частей»* [349]. Да, с инструментом и запчастями в этой дивизии всегда были большие проблемы. И не только с инструментом: *«...Оба холодных машинных парка требовали капитального ремонта перекрытия и установки новых дверей. Машины, которым не хватало места в парках, стоят под открытым небом, и укрыть их было невозможно из-за отсутствия*

брезента... В стационарных мастерских из механического оборудования имелись два изношенных токарных станка и один сверлильный станок... Боевые и вспомогательные машины, за исключением полученных с Ижорского завода 17 бронемашин „БА-10“, не были укомплектованы возимым индивидуальным комплектом запасных частей, инструментом и принадлежностями. Для производства ремонта боевых и вспомогательных машин недоставало кривошипов ленивцев, траков гусениц, бортовых фрикционов, стартеров, аккумуляторов, полуосей, промежуточных выхлопных труб, выхлопных коллекторов и прокладок к ним, рессор и амортизаторов...» [312].

Мы привели столь обширную цитату из монографии, посвященной короткой истории 24-й танковой дивизии, главным образом учитывая дату выхода в свет этой книги — 2006 год. Достаточно молодой автор в лучшем виде воспроизвел и даже приумножил традиции «плача Ярославны», сформированные в классической советской историографии. Судя по длинному перечню отсутствующих труб, прокладок, дверей и брезента, война стала для этой воинской части ошеломляющей неожиданностью — точно так, как посевная и уборочная каждый год поражали своим неожиданным приходом колхозные МТС. Но есть и одна большая разница: МТС порой располагалась в глухой сибирской тайге, за сотню километров до ближайшей железнодорожной станции, а 24-я танковая дивизия страдала от отсутствия гаечных ключей и отверток в 20 км от Ленинграда — крупнейшего центра военной промышленности СССР. И танковых дивизий в составе Ленинградского военного округа было не тысяча и одна, а всего лишь четыре...

На удивительный «порядок в танковых частях» Военный совет Северного фронта обратил, наконец, свое

внимание 28 июня 1941 г. В этот день ВС фронта выпустил приказ № 143532, специально посвященный маршу 24-й танковой дивизии: *«Марш 24-й танковой дивизии в район сосредоточения был организован плохо. Дивизия прибыла в район не подготовленной для выполнения боевой задачи. Большая часть боевых машин была оставлена по пути движения. Только на участке Парголово–Кивеннапа 25.6.41 г. на 18.00 стояли неисправными или без горючего 39 машин дивизии... Машинны оставлены на дороге без оказания технической помощи и экипажи предоставлены сами себе. Командиры дивизии и полков не приняли своевременные меры к розыску и оказанию технической помощи отставшим машинам. Также не проявлена забота и о личном составе этих машин, которые остались без продовольствия и питались случайно (исключительно хлебом) от проходивших войсковых частей...»* [350].

Стоит обратить внимание на фразу про «отсутствие горючего». Колесно-гусеничные танки БТ имели запас хода более 200 км на гусеницах и более 400 км на колесах. От Павловска до Выборга они могли пройти без единой дозаправки на марше... К счастью, все это происходило на собственной территории, без какого-либо воздействия воздушного или наземного противника. В конце концов отставшие машины заправили бензином, поменяли на них прогоревшие трубы и прокладки, а 28 июня в дивизию поступило 49 относительно новых танков БТ-5 [351]. В результате к 28 июня 1941 г. в районе сосредоточения 24-й танковой дивизии находилось уже 177 танков, 33 бронемашины, 324 автомобиля всех типов и назначений, 15 радиостанций (не считая танковые), а также 6895 человек личного состава [312].

Долго стоять в районе сосредоточения танкам 10-го мехкорпуса не пришлось. Как только 10-й МК оказался в «зоне досягаемости» командования 23-й армии, так все Уставы, все Наставления, вся предвоенная теория о **массированном использовании** танков в составе крупных механизированных соединений, все уроки немецкого «блицкрига» на Западе, многократно изученные на штабных учениях, — все было немедленно отвергнуто и забыто.

Десять броневедомостей БА-10 «для охраны штаба армии», пять танков «для действий совместно с 115-й стрелковой дивизией», танковый батальон в составе 24 машин «в распоряжение командира 43-й стрелковой дивизии», танковая рота в составе 10 машин «в распоряжение командира 19-го стрелкового корпуса», танковый батальон в составе 2 рот (20 танков БТ) «для усиления 123-й стрелковой дивизии», пять танковых взводов трехмашинного состава от каждой дивизии «для противотанковой обороны в полосе стрелковых корпусов», зенитная батарея 24-й танковой дивизии «для прикрытия штаба 23-й армии»...

Странная работа была проведена в полосе 123-й стрелковой дивизии силами понтонно-мостового батальона 24-й танковой дивизии. 123-я сд находилась на левом фланге 23-й армии (см. карту № 13). В полосе обороны этой дивизии протекает небольшая лесная речка Тервайоки. Невеликая это преграда на пути противника, который (как предполагали в штабе 23-й армии) будет наступать, да еще и с танками, с направления Хамина — Выборг, но военные саперы знают много способов, которыми можно усилить естественную речную преграду. Параграф 409 Полевого устава ПУ-39 дает такие указания: «*Оборонительные*

свойства речного рубежа могут быть усилены, помимо искусственного поднятия уровня воды (заболачивание), системой искусственных заграждений (увеличение крутости берегов, постановка мин и проволочных заграждений в воде и т.д.)». Однако саперы 24-й танковой дивизии занялись не увеличением «крутости берегов», а постройкой моста через Тервайоки [312]. Зачем? Об этом в известных автору документах ничего не сказано.

Как бы то ни было, но к концу июня 1941 г. части и соединения 10-го мехкорпуса развернулись в указанных им районах, привели боевую технику в порядок после многодневного марша; командный состав провел подробную рекогносцировку местности. Теперь предстояло действовать.

В ночь с 1 на 2 июля произошло несколько разнонаправленных событий и было отдано несколько разных боевых приказов, связать которые в единую картину достаточно сложно.

В «Журнале боевых действий» 21-й танковой дивизии [318] читаем: *«...в 24.00 1.07.41 на КП штадива (командный пункт штаба дивизии) прибыл командир 10-го МК генерал-майор тов. Лазарев и поставил задачу: выделить из состава дивизии РО (разведывательный отряд) в составе танковой роты, мотострелковой роты, взвода огнеметных танков. Задача РО — перейти границу в районе ЭНСО и далее действуя в направлении ЭНСО–ИМАТРА провести боевую разведку в районе ЯКОЛА (поселок на дороге между Энсо и Иматра. — М.С.), ИМАТРА, ст. ТАИНИОКОСКИ и установить силы, состав и группировку противника.*

*В 1.40 2.7. поставлена задача и получен боевой приказ начальнику РО, командиру 21-го РБ (разведбат 21-й танковой дивизии) капитану т. Жидкову... Задача по приказу дивизии: в 6.00 2.7. перейти границу в районе ЭНСО и провести боевую разведку в районе ЯКОЛА, ИМАТРА, ст. ТАИНИОКОСКИ и установить силы, состав и группировку противника. Путем захвата контрольных пленных установить нумерацию частей противника, по овладении ст. ИМАТРА — станцию взорвать и огнеметными танками зажечь лес. В случае успешного действия и захвата рубежей: ЯКОЛА, ИМАТРА, ст. ТАИНИОКОСКИ — **удерживать их до подхода нашей пехоты** (подчеркнуто мной. — М.С.)»*

Разведка боем проводится с одной-единственной целью — для подготовки к последующему наступлению. В данном случае эта военная аксиома дополнительно подтверждена приказом удерживать захваченные рубежи «до подхода нашей пехоты». Очень важно подчеркнуть, что решение о проведении разведки боем в направлении Иматра вовсе не было проявлением частной инициативы командования 21-й танковой дивизии. Задача была поставлена командиром корпуса, лично прибывшим на КП дивизии в полночь. Более того, и командир 10-го МК действовал не по своей инициативе. В ЖБД 23-й армии в описании событий 2 июля 1941 г обнаруживается такая запись: «*Боевая разведка, организованная по личному приказанию командарма* (подчеркнуто мной. — М.С.) *в направлении Иматра в составе танковой группы 10-го МК и двух батальонов мотострелкового полка, во второй половине дня перешла границу*» [317].

Заметное несовпадение состава разведывательной группы (в одном документе «мотострелковая рота» и «два батальона» — в другом) немедленно находит свое

объяснение в следующем фрагменте из ЖБД 21-й танковой дивизии: «...Согласно указаний командира 10-го МК [полученных] от командарма-23, в состав РО должна **быть включена пехота 115-й СД силою до батальона**(подчеркнуто мной. — М.С.). Артиллерии 115-й СД [приказано] поддерживать действия РО 4-мя дивизионами. Вся работа по организации этих вопросов затянулась до 10.00 2.7, а батальон пехоты 115-й СД так и не был включен в состав РО. В 10.30 2.7. РО прошел госграницу по шоссе из ЭНСО в направлении ИМАТРА своим старым составом при поддержке артиллерии 115-й СД...» [318].

Запланированное (хотя и не реализованное на практике) включение в состав разведывательного отряда стрелкового батальона 115-й сд, а также запланированное и реализованное участие артиллерии 115-й сд является еще одним подтверждением того, что разведка боем в направлении Иматра была организована, по меньшей мере, на уровне командования 23-й армии: 115-я стрелковая дивизия входила в состав 19-го СК и командиру 10-го МК (тем более — командиру 21-й тд) никак не подчинялась.

В те самые часы, когда на советской стороне границы начали подготовку к разведке боем, на участке 2-й финской пехотной дивизии, в полосе от ст. Париккала до Ристалаhti (см. карту № 13), началась аналогичная операция. Общее наступление финской «Карельской армии» на Онежско-Ладожском перешейке началось только 10 июля 1941 г. Но за несколько дней до начала полномасштабных боевых действий финское командование решило, видимо, провести разведку боем в направлении Лахденпохья. В дальнейшем именно там, на стыке 23-й и 7-й советских армий, финны несколько раз

пытались выйти к берегу Ладожского озера, перерезать железнодорожную ветку Хиитола–Лахденпохья–Сортавала и разорвать линии снабжения 7-й армии. Таким образом, направление разведки боем, предпринятой финнами в первых числах июля, было вполне целесообразным.

В известных автору источниках не обнаружилось, к сожалению, данных о том, какими именно силами эта разведка боем была проведена. Строго говоря, боевые действия 1–7 июля в районе Эско–Мерия–Ристалахти вообще не упоминаются ни в одной обзорной работе по истории 2-й советско-финской войны. Все авторы (как советские, так и западные) дружно и не сговариваясь начинают описание событий войны с 10 июля 1941 г. Скорее всего, разведка боем была проведена лишь частью сил 2-й пехотной дивизии. В документах же штабов Красной Армии встречаются самые разные оценки численности противника: *«1.7.41 противник силою до **2 пехотных бригад** (6-я и 7-я) перешел в наступление, направляя главный удар на Мерия на участке 461-го сп (правофланговый полк 142-й сд). К исходу дня занял Эско... В течение дня 2.7. противник силами **не менее 4 пехотных полков** (что примерно соответствует двум бригадам. — М.С.) продолжил наступление. К исходу дня овладел Мерия. Атаки противника на Ристалахти успеха не имели...»* [319]. Это запись в ЖБД 23-й Армии. В боевом приказе штаба 24-й тд № 5 от 5.50 2 июля читаем: *«Противник силою до двух пехотных дивизий в течение дня и ночи 1.07 потеснил наши передовые части на фронте Ристалахти–Порикалла...»* [320].

24-я танковая дивизия находилась на противоположном (левом) фланге фронта 23-й армии и

сведения о группировке противника, действующей в районе Эско—Ристалахти, могла получить только от вышестоящих штабов (правда, в этом случае непонятно, каким образом две бригады превратились в две дивизии). В отличие от неё 198-я моторизованная дивизия 10-го мехкорпуса была (как будет показано далее) переброшена в район Элисенваара и приняла самое непосредственное участие в боях у Эско—Мерия. В документах штаба 198-й мл установленная численность противника неуклонно снижается:

- Боевой приказ № 08 (23.00 3.7) *«Противник **до двух пехотных бригад** потеснил 461-й сп и овладел одним батальонным районом, понеся огромные потери...»*

- Оперсводка № 7 (8.00 5.7) *«Перед фронтом дивизии действует **пехотная бригада** противника...»*

- Оперсводка № 8 (24.00 5.7) *«Перед фронтом дивизии обороняется до 3 **батальонов финнов**, предположительно 7-й пехотной бригады...»*

Интересная оценка численности и планов противника обнаруживается в наиновойшей (2006 г.) работе российского историка:

*«...29 июня были отмечены первые проявления активности финской армии на Карельском перешейке, а в ночь на 1 июля **до двух пехотных батальонов** с танками вклинились в наши оборонительные порядки на стыке 19-го и 50-го стрелковых корпусов в районе Лахденпохья, с задачей прорваться к западному побережью Ладожского озера, изолировать друг от друга 7-ю и 23-ю армии и в дальнейшем уничтожить их по частям...» [312].*

Проблема даже не в том, что «стык 19-го и 50-го стрелковых корпусов» отнесен в «район Лахденпохья», — это можно считать досадной оговоркой, — а в удивительной оценке боевого потенциала «горячих финских парней», которые силами двух пехотных батальонов собирались «уничтожить по частям» две советские армии! Все это было бы смешно — если бы в июле 1941 г. командование 23-й армии почти так же не оценило происходящее. Локальная вылазка финнов на правом фланге армии вызвала в ее штабе большой переполох.

В ЖБД 23-й армии читаем: *«Для ликвидации прорыва и восстановления положения на участке 461-го сп командарм решил использовать 10-й МК...»* Такое решение полностью соответствовало всем предвоенным планам и Уставам — мехкорпус в обороне предполагалось использовать для нанесения уничтожающего удара по прорвавшемуся в глубину боевого порядка армии противнику. Обычно это формулировалось так: «ударом во фланг и тыл окружить, уничтожить и не допустить отход назад, на территорию противника». Однако командование 23-й армии решило «использовать 10-й МК» своим прежним способом — продолжая «разбирать» мехкорпус по частям.

198-я моторизованная дивизия была полностью выведена из подчинения командования мехкорпуса и получила приказ *«к исходу 2.7 сосредоточиться по ж/д в районе Антола–Сайрола в готовности к действиям в направлении 142-й сд и 115-й сд»*. Причем решение это было принято ночью, в крайней горячке и спешке, «через голову» командира 10-го МК. Командиру 198-й мд осталось только проинформировать своего непосредственного начальника: *«На основании указания*

начальника штаба 23-й армии дивизия переходит в его подчинение и с 8.00 2.7 выдвигается в р-н Сайрала–Элисенваара» (Боевое донесение № 02 от 4.30 2 июля).

Затем, в ночь со 2 на 3 июля, наступила очередь «разобрать» главную ударную силу 10-го мехкорпуса, 21-ю танковую дивизию. В ЖБД дивизии это описано так: «в 23.30 2.7 в штадив прибыл начальник АБТУ штарма 23-й (начальник автобронетанкового управления 23-й армии) генерал-майор Лавринович и от имени Командарма поставил следующую задачу дивизии: один ТП в составе 50 танков линейных и 16 огнеметных с 2 боекомплектами, 2 заправками и 2 суточными дачами продовольствия погрузить на ст. ХИНИЛА и направить ж.д. в район ЭЛИСЕНВААРА в распоряжение командира 198-й мд. Погрузку закончить к 24.00 2.7 /по времени явно нереально/... Такая задача по времени была совершенно нереальна, однако 41-й ТП в составе 41 танка с 2 бк и 2 заправками к 1.00 3.7 был погружен на 50 платформ и в 1.15 3.7 эшелон тронулся на ЭЛИСАНВААРА...»

Итак, с учетом танковых взводов и танковых рот, переданных ранее стрелковым частям 23-й армии, 21-я танковая дивизия «потеряла» уже 95 танков и 10 тяжелых пушечных бронеемобилей ВА-10. При этом задача захвата станции Иматра вовсе не была снята! В ту же ночь со 2 на 3 июля прибывший в штаб 21-й тд генерал-майор Лавринович приказал: *«Остальной состав дивизии своим ходом к 4.00 3.7 сосредоточить в районе ЭНСО и с 6.00 3.7. начать наступление на ИМАТРА с задачей — овладеть ИМАТРА и перешейками между*

озерами ИМАЛАН–ЯРВИ, САЙМА, удерживая последний до подхода стрелковых частей» [318].

Что же касается третьей по счету дивизии 10-го мехкорпуса, 24-й танковой, то она практически бездействовала. Утром (в 5.50) 2 июля дивизия получила приказ *«сосредоточиться к 8.00 в районе ст. Тали»*. С некоторым опозданием (судя по боевому донесению штаба дивизии № 6 — к 13.00 2 июля) 24-я тд вышла в район ж/д станции Тали, т.е. сместилась примерно на 10–15 км от прежнего места сосредоточения, по-прежнему находясь вне зоны боевых действий [321]. В результате главную задачу 10-го мехкорпуса — захват ж/д станции Иматра и прилегающего к ней узкого перешейка между госграницей и Сайменской озерной системой предстояло решить силами одной только 21-й танковой дивизии, причем дивизия эта, еще не сделав ни одного выстрела по противнику, «потеряла» уже почти половину своих танков. С другой стороны, объективности ради надо признать, что от 21-й танковой и не требовалось повторить «переход Суворова через Альпы»: от приграничного Энсо до Иматры было всего 8 (!) км, а силы сторон на фронте предстоящего наступления (12-я и 18-я финские пехотные дивизии с одной стороны, 43-я и 115-я стрелковые дивизии Красной Армии — с другой) были примерно равны.

Как было уже выше отмечено, первая попытка захватить ст. Иматра состоялась утром 2 июля. Разведывательный отряд в составе танковой роты (10 танков Т-26) из состава разведбата дивизии, одного взвода огнеметных танков (3 танка ОТ-26) из состава 42-го тп и одной мотострелковой роты из 21-го мсп в 2.20 переправился по мосту севернее ст. Антреа через реку Вуокси, в 7.30 сосредоточился в районе Энсо и в 10.30

перешел границу. Описание дальнейших событий в разных документах не вполне совпадает. В ЖБД 21-й танковой дивизии читаем: *«Результаты боевой разведки. РО с боем продвинулся вглубь финской территории на 3–4 км и достиг северных скатов выс. 107,5, что южнее ИМАТРА. На всем этом протяжении противник почти не оказывал сопротивления».*

На выс. 107,5 противник встретил РО огнем, 1 танк получил пробоину крупнокалиберным пулеметом и убит лейтенант Литвин, ранен башенный стрелок. Захвачен пленный финский солдат, у убитого немецкого офицера (???) забраны ценные документы. Наблюдением РО установлено, что выс. 107,5 хорошо обороняется противником, имеются полевые сооружения/очевидно, ДЗОТЫ».

ВЫВОД: РО полностью свою задачу не выполнил, до ИМАТРА не дошел, лес противника не зажег, лишь установил, что этот **участок обороняется незначительными силами противника** (подчеркнуто мной. — М.С.).

В составленной непосредственно после боя (23.00 2 июля) оперативной сводке штаба 21-й тд содержатся такие сведения: *«Потери разведывательной группы: 2 убитых, 7 раненых. Потерь в материальной части нет. Захвачен один пленный финн»* [323].

Оперативная сводка штаба 42-го тп (без номера, от 21.00 2 июля) опровергает излишне самокритичную запись в ЖБД дивизии. Оказывается, взвод огнеметных танков полка успел-таки много чего поджечь: *«Взвод совместно с разведывательной группой достиг Якала, поджег деревню и, обратно двигаясь по маршруту до госграницы, поджег лес»* [324].

В любом случае, с сожженной деревней или без неё, задача захвата станции Иматра 2 июля решена не была.

Следующая попытка с привлечением значительно больших сил состоялась 3 июля.

В соответствии с приказом командира 21-й танковой дивизии полковника Л.В. Бунина были сформированы три ударные группы. Первая (один танковый и один мотострелковый батальоны) должна была *«выйти на северо-восточную окраину Иматра и отрезать путь отхода противника на север»*. Вторая (две танковые роты и мотострелковый батальон) должна была наступать вдоль железной дороги непосредственно на Якола–Иматра. Третья группа (10 танков и одна мотострелковая рота) должна была наступать вдоль западного берега реки Вуокси с задачей *«отрезать путь отхода противника на запад, одновременно обеспечивая действия дивизии с запада»*. В резерве командира дивизии, в районе госграницы у Энсо, находились еще один танковый и один мотострелковый батальон. Сосед справа — 115-я стрелковая дивизия — должен был поддержать наступление танковой дивизии огнем четырех артиллерийских дивизионов [318].

Дальнейшие события дня 3 июля описаны в ЖБД 21-й танковой дивизии и в боевом донесении штаба 10-го МК от 17.10 4 июля следующим образом [318, 325]:

«К 12.00 части заняли исходное положение для наступления. Артиллерия задержалась с подготовкой и начала ее только в 13.00, выпустив за час 50—55 снарядов». Здесь, видимо, необходима небольшая военно-арифметическая справка. Самый массовый тип вооружения артиллерийского полка стрелковой дивизии — гаубица калибра 122 мм.

Указанная во всех справочниках боевая скорострельность этого орудия составляет 5–6 выстрелов в минуту. Кроме того, существует и такой, четко регламентированный норматив, как «Расход боеприпасов на день напряженного боя».

Для 122-мм гаубицы этот расход довоенными нормативами был определен в 88 выстрелов [326]. Два артиллерийских дивизиона (24 гаубицы) могли и должны были выбросить на голову противника 2 тыс. снарядов в течение получаса. 55 снарядов в течение часа — это неспешный «беспокоящий огонь» (есть в артиллерийском деле и такой термин) одного-единственного орудия. Такой «огненный смерч» мог всего лишь предупредить финнов о начале наступления.

«В 14.00 3.7 мотострелковый полк и танки перешли госграницу и начали наступление. С переходом госграницы противник сначала оказывал слабое сопротивление, и наши части быстро продвигались вперед. К 18.00 передовые роты вышли на рубеж северные скаты выс. 107,5–Якола (т.е. в течение 4 часов „быстро продвинулись“ на 4–5 км; люди с такой скоростью могут ползти, но танки с такой скоростью не могут двигаться в принципе — в коробке передач Т-26 не было специального демультипликатора для движения со сверхнизкой скоростью), где были встречены организованным огнем противника и отошли несколько назад. К 22.00 положение стабилизировалось на рубеже: лесная тропа юго-восточнее выс. 107,5, два домика сев. ЯКОЛА, выс. 39,5.

4-я рота 2-го батальона мотострелкового полка (это та группа, которая, продвигаясь вдоль западного берега Вуокси, должна была „отрезать путь отхода противника

на запад") встретила сильное сопротивление противника, перешедшее в атаку, и к 22.00 рота с боем отошла за госграницу, потеряв три танка сгоревшими и один подбит.

В 19.00 (именно такое время указано в боевом донесении штаба 10-го МК от 17.00 4.7) командир дивизии принял решение на выход из боя... (...в предыдущем боевом донесении штаба 10-го МК (от 22.00 3.7) сказано, что решение о приостановке наступления было принято командиром 10-го МК Лазаревым, который находился на КП дивизии у северной окраины ЭНСО) [327].

В 2.25 4 июля на КП штадива прибыл начштаба 10 МК полковник Заев с приказом Командарма-23. в котором указывалось, что дивизии выйти из боя и сосредоточиться в районе ЯСКИ (поселок в 15 км к юго-востоку от границы).

В 2.30 противник, скрытно обойдя флаги наших частей, перешел в контрнаступление по всему участку дивизии. Контрнаступление началось сильным автоматнo-пулеметным огнем при поддержке минометов и артиллерии. В такой обстановке командир дивизии смело (так в тексте ЖБД) принимает решение на выход из боя.

К 4.00 части организованно вышли из боя. Противник три раза переходил в атаку, но всегда терпел поражение и с большими потерями отбрасывался. Все попытки противника окружить наши части (т.е. окружить пехотой два танковых батальона) успеха не имели.

К 11.00 4 июля дивизия сосредоточилась в районе Яски. Убитые и раненые вывезены. По предварительным подсчетам имеется 127 раненых, в т.ч. 11 человек

начсостава. Количество убитых уточняется. Подбитые танки эвакуированы с поля боя, кроме трех, которые сгорели от огня противника. В результате боя убито не менее 150 человек белофиннов и больше ста человек ранено».

Количество убитых было уточнено на следующий день. В оперативной сводке штаба 10-го МК (№ 22 от 2.00 5 июля) названы следующие цифры [328]:

- танковый полк потерял 8 человек убитыми, 4 ранено, 1 пропал без вести;

- в мотострелковом полку 45 убитых, 90 раненых, 10 пропало без вести.

Кроме того, *«разбито артиллерией и минометами противника»* 10 ручных пулеметов и 35 винтовок [318].

4 июля 1941 г. первый, единственный и последний раз приняла участие в боях с «белофиннами» и 24-я танковая дивизия 10-го мехкорпуса. Но не вся дивизия, и даже не один из ее полков, а **два взвода** из состава танкового батальона, переданного 30 июня на усиление 123-й стрелковой дивизии. 6 танков БТ под командой лейтенанта Радченко, совместно с 1-м батальоном 255-го стрелкового полка, провели разведку боем на территории Финляндии, в районе поселка Вилмва. *«Бой длился в течение 2 часов, в результате боя было уничтожено противотанковое орудие и два пулемета противника. Свои потери: подбиты 2 танка, из которых один требовал среднего ремонта, другой восстановлен силами экипажа, в личном составе ранен механик-водитель»* [312].

Для какой надобности была проведена эта разведка боем, и была ли она как-то связана с наведением мостов на лесной речушке Тервайоки, узнать из документов

штаба дивизии и 10-го мехкорпуса уже не удастся. В то время, как соединения 10 МК проводили все эти странные маневры, в то время, когда они с отчаянными усилиями пытались пройти 170 км по собственной территории, в то время, когда два полка 21-й танковой дивизии под личным руководством командира корпуса неуклюже тыкались в оборону «незначительных сил противника» на рубеже «лесной тропы и двух домиков» рядом с безвестной деревушкой Якола, в то время, когда на Карельском перешейке разыгрывался нелепый военизированный фарс, на дальних — пока еще «дальних» — подступах к Ленинграду разворачивалась беспримерная военная катастрофа.

В течение первых 10 дней войны войска Северо-Западного фронта (Прибалтийского ОВО) были наголову разгромлены. Немецкие войска заняли всю Литву, большую часть Латвии, форсировали Даугаву (Западную Двину) на фронте от Риги до Даугавпилса и, почти не встречая организованного сопротивления, продвигались на Остров и Псков (см. карту № 8). Что касается штаба фронта, то он уже 27 июня «перевозился» в Резекне, 30 июня во Псков и 5 июля — в Новгород. Темп беспорядочного отхода войск Северо-Западного фронта в первые дни был настолько высок, что немецкое командование восприняло происходящее как заранее запланированный отход. Начальник штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер записывает 23 июня 1941 г. в своем знаменитом «Военном дневнике»: *«...об организованном отходе до сих пор как будто говорить не приходится. Исключение составляет, возможно, район перед фронтом группы армий „Север“, где, видимо, действительно заранее был запланирован и подготовлен отход за реку Западная*

Двина. Причины такой подготовки пока установить нельзя...» [331].

Входившие в состав фронта шесть так называемых «национальных дивизий» (созданные на базе формирований бывших армий Литвы, Латвии и Эстонии 179-я сд, 180-я сд, 181-я сд, 182-я сд, 183-я сд, 184-я сд) или разбежались, перебив при этом свой командный состав, или были поспешно и с большими «потерями» за счет массового дезертирства отведены вглубь России. В Литве и Латвии фактически начались вооруженные восстания местных националистов, которые провозгласили создание «Временных правительств» (23 июня в Каунасе и 28 июня в Риге) [332]. 26 июня 1941 г. в районе Даугавпилса сдался в плен начальник Оперативного управления штаба С.З.ф. генерал-майор Трухин (в дальнейшем Трухин активно сотрудничал с немцами, возглавил штаб власовской армии и закончил свою жизнь на виселице 1 августа 1946 года). Начальник штаба фронта генерал-лейтенант П.С. Кленов был арестован в начале июля 1941 г. и в октябре 1941 г. расстрелян.

3–4 июля 1941 г. начальник оперативного управления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин, отправленный на Северо-Западный фронт в качестве полномочного представителя Ставки и исполняющего обязанности начштаба фронта, доложил Жукову полный перечень частей и соединений фронта, которые он смог обнаружить. Из многостраничных донесений вырисовывается картина небывалого разгрома: *«...по 11-й армии (16-й стрелковый корпус, 29-й стрелковый корпус, 179-я и 184-я стрелковые дивизии, 5, 33, 128, 188, 126, 23-я стрелковые дивизии, 84-я моторизованная дивизия, 2-я танковая дивизия, 5-я*

танковая дивизия, 10-я артбригада, 429-й гаубичный артиллерийский полк, 4-й и 30-й понтонные полки) — сведений нет...

...состояние частей 8-й армии характеризуется следующими данными: 10-я стрелковая дивизия: 98-й стрелковый полк почти полностью уничтожен; от 204-го стрелкового полка осталось 30 человек без материальной части; 30-й артиллерийский полк имеет одно орудие; 140-й гаубичный артиллерийский полк из 36 орудий потерял 21. Части и управление 90-й стрелковой дивизии до сих пор найти не удалось. Данные о состоянии остальных частей армии не поступили...» [333].

По данным статистического сборника, составленного современными российскими военными историками, войска Северо-Западного фронта (с учетом поступивших в состав фронта новых соединений) с 22 июня по 9 июля 1941 г. **потеряли 2523 танка и 3560 орудий и минометов, 341 тыс. единиц стрелкового оружия** [9]. Воевать стало практически нечем. 5 июля 1941 г. за подписью Ватутина вышла «Инструкция по борьбе с танками противника», в которой предписывалось *«заготавливать грязь-глину, которой забрасывают смотровые щели танка»* [333]. Кидаться грязью и глиной предстояло войскам округа, который всего лишь две недели назад имел на своем вооружении 3319 полевых орудий (всех калибров) и 582 зенитные пушки [326].

Впрочем, Верховное командование Красной Армии уже не питало никаких иллюзий по поводу того, что разрозненные остатки практически неуправляемого Северо-Западного фронта смогут сдержать наступление немецких войск. Ставка ГК, в стремлении хоть как-то затормозить продвижение противника на естественных

оборонительных рубежах рек Западная Двина и Великая, лихорадочно бросала в бой все новые и новые соединения. 25 июня для контрудара по прорвавшемуся к Даугавпилсу танковому корпусу Манштейна был привлечен неукмплектованный 21-й мехкорпус Московского ВО (плановый срок завершения формирования этого корпуса был назначен на 1942 г.) и даже 5-й воздушно-десантный (!) корпус, не имевший для борьбы с танками ни соответствующего вооружения, ни должной подготовки.

Затем наступила очередь частей и соединений Северного фронта и авиации Балтфлота. 30 июня все три бомбардировочные полка ВВС КБФ (1-й МТАП, 57-й БАП, 73-й БАП) получили приказ разбомбить мосты и переправы на Даугаве в районе Екабпилс и Даугавпилс. Если противник к тому времени уже успел перебазировать свои истребительные авиагруппы на бывшие советские аэродромы в Прибалтике (по общепринятой в отечественной историографии легенде, аэродромы эти были уже разрушены, разбомблены, сожжены и приведены в полную негодность), то истребительные полки ВВС Северного фронта и ВВС Балтфлота оставались в прежних местах дислокации, главным образом — на Ленинградском аэродромном узле. Что же касается истребительной авиации С.-З.ф. (более 400 экипажей и 500 исправных самолетов, в т.ч. 139 новейших МиГ-3 по состоянию на 22 июня 1941 г.), то она к 30 июня уже не существовала как организованное и боеспособное целое (1269).

В результате авиаудар по переправам на Даугаве 30 июня 1941 г. был организован так же, как удар по объектам Финляндии 25 июня: без истребительного прикрытия и малыми группами (от 5 до 9

бомбардировщиков). В итоге ни один мост не был даже поврежден, а из 99 бомбардировщиков, принявших участие в операции, на свои аэродромы вернулось только 60. Немецкими истребителями было сбито 34 самолета, 5 совершили вынужденную посадку. 77 человек из состава летных экипажей погибли или пропали без вести [271].

Вечером 2 июля (с 21.30 до 22.00) массированный удар по немецким мотомехколоннам в районе Даугавпилс–Краслава–Резекне пыталась нанести 2-я авиадивизия ВВС Северного фронта. Бомбардировщики 44-го БАП выполнили 38 самолетовылетов, 58-го БАП произвел 20 вылетов. В оперативной сводке № 019 штаба 2-й САД и оперативной сводке № 15 штаба 44-го БАП этот налет описан следующим образом: «... 14 самолетов СБ 58-го БАП сбросили с высоты 200 м по мехколоннам 73 ФАБ-100 и 12 ЗАБ-50... 21 самолет 44-го БАП бомбили колонны танков и машин, результаты бомбардировки отличные, разрывы наблюдались в гуще скопления танков... 16 экипажей возвратились на свои аэродромы с бомбами, не выполнив задание из-за плохих метеоусловий и ненахождения целей; 2 экипажа сбросили бомбы по расчету времени из-за облаков; 2 экипажа не возвратились с задания — отстали в районе цели из-за плохих метеоусловий; экипаж ст. лейтенанта М. сбросил бомбы в районе Пскова (?), два самолета сбиты своей зенитной артиллерией у Пскова...» [334, 335].

4 июля в период с 9.50 до 22.00 бомбардировщики 41-й БАД произвели 42 вылета в район Даугавпилс — Резекне. Потери — 20 самолетов. 20 из 42. 6 июля, в период с 17.00 до 23.00 «выполнено 44 вылета на

Двинском направлении. Не вернулось на базу 20 самолетов...» [336].

Манштейн, 56-й танковый корпус которого первым форсировал Западную Двину, пишет в своих мемуарах: *«В эти дни советская авиация прилагала все усилия, чтобы разрушить воздушными налетами попавшие в наши руки мосты. С удивительным упорством, на небольшой высоте одна эскадрилья летела за другой с единственным результатом — их сбивали».*

В итоговом «Отчете о боевых действиях 2-й АД за два месяца войны», подписанном командиром дивизии полковником Архангельским, читаем: *«... 2. Действия в первом месяце войны мелкими группами и одиночными самолетами (имелась прямая директива „больше звена исходить“) являлась ошибочной и дала возможность уничтожать нас по частям. Крупные цели в виде больших мото-мехколонн следовали чуть ли не парадным строем (Двинск, Остров) и требовали массированных действий авиации. И для этого были и силы и средства.*

Характерно отметить, что все, чему нас учили в академии и на полевых учениях (а учили не всегда уж плохо), с первых дней войны было растоптано и заменено сплошной импровизацией» [337].

Прямая директива, действительно, имелась. Причем самого высокого уровня. 4 июля 1941 г. за подписью Жукова вышла директива Ставки ГК (б/н) следующего содержания:

«Ставка приказала:

1. Вылет на бомбометание объектов и войск большими группами категорически запретить.

2. Впредь вылеты для бомбометания по одной цели одновременно производить не более звена, в крайнем случае, эскадрильи» [338].

Для сотен бомбардировочных экипажей эти несколько строк стали смертным приговором. После того как развернутые в первом эшелоне фронтов истребительные авиаполки были смяты и раздавлены волной панического «перебазирования», возможность организации сопровождения бомбардировщиков истребителями была сведена к минимуму. Хаос и развал системы управления ВВС, да и всей Красной Армии в целом, сводили этот минимум к нулю. Если в подобной ситуации у летчиков и оставался какой-то шанс выполнить боевую задачу и при этом выжить, то этот шанс был только в массировании сил, в построении плотных боевых порядков больших групп бомбардировщиков, которые хотя бы в теории могли встретить атакующие «мессершмитты» стеной мощного пулеметного огня. Директива Ставки не оставляла звену (3 самолета) СБ или ДВ практически никакой надежды на возвращение домой после встречи с истребителями противника..

Правды ради надо признать, что авиация той эпохи — даже при самом идеальном ее использовании — неспособна была самостоятельно решить задачу уничтожения танковых колонн противника. Огонь с неба мог лишь в большей или меньшей степени помочь наземным войскам, которым предстояло упорной обороной остановить наступление врага. Поэтому одновременно с переключением действий ВВС Северного фронта с «финского» на «немецкий» фронт Ставка начала перебрасывать навстречу наступающим на Резекне–Остров моторизованным соединениям 4-й

Танковой Группы вермахта и сухопутные части Северного фронта.

Первыми на юго-запад были переброшены соединения 1-го МК. Напомним, что 22–24 июня мехкорпус, пройдя 200 км по маршруту Псков–Луга–Гатчина, сосредоточился в южных пригородах Ленинграда. 30 июня 1941 г. по приказу Ставки ГК боевым распоряжением № 19 штаба Северного фронта 1-й механизированный корпус был переподчинён командующему Северо-Западным фронтом [339]. 1 июля, уже по приказу командования Северо-Западного фронта, из состава 1-го МК была уведена 163-я моторизованная дивизия. Дивизия была передана в оперативное подчинение командующего 27-й армией Северо-Западного фронта и получила задачу форсированным маршем сосредоточиться в районе Карсава–Резекне (см. карту № 8). Танковый полк дивизии (25-го тп), имевший до войны 229 легких танков Т-26, получил перед отправкой на Северо-Западный фронт еще и роту новейших тяжелых танков КВ, но из-за несвоевременной подачи подвижного состава *«первые эшелоны 25-го танкового полка начали прибывать на ст. Режица (Резекие) только 3 июля 1941 г. к 11 часам в составе примерно до полутора батальонов. Остальные эшелоны в пути следования неоднократно подвергались бомбардировке с воздуха и наземному обстрелу противника и до 3 июля прибытие их в состав 163-й моторизованной дивизии не установлено»* [342].

Как бы то ни было, в 5.00 3 июля командир 163-й мд генерал-майор Кузнецов отдает боевой приказ № 5: *«К 7.00 3.7 дивизия без 25 тп и 3/365 ап (3-й дивизион артполка) занимает исходное положение для наступления на Двинск. Наступление начать в 9.00 3.7..*

Не допускать в своих рядах излишнего нервоза и паники, а также беспорядочной стрельбы по самолетам...» [340].

Как в воду глядел командир дивизии, предупреждая о недопустимости «излишнего нервоза и паники». 163-я мд провоевала всего два дня. В архивном деле дивизии хранится половинка листа из ученической тетради «в клеточку», на котором карандашом написан следующий приказ:

«Командиру 163-й мд. К исходу 5.7.41 дивизию собрать в районе севернее Опочка, привести в порядок и готовить оборону по правому берегу р. Великая в р-не Опочка–Горячево» [341].

Подписал приказ командующий 27-й армией генерал Верзарин — будущий военный комендант Берлина...

Одним из элементов «приведения в порядок» стало назначение нового комсостава. В соответствии с приказом (б/н) от 6 июля исполняющим обязанности командира 759-го мсп был назначен капитан Бушуев, и.о. начальника штаба полка — лейтенант Сухов, и.о. командира 529-го мсп — капитан Гагин, и.о. начальника штаба полка — лейтенант Горелик [343]. Назначение капитанов и даже лейтенантов (!) на такие должности исчерпывающе описывает состояние, в котором находилась дивизия. Уже через две недели после разгрома, 17 июля в 10.00 начальник штаба 163-й мд полковник Богданович подписал оперативную сводку № 31: *«Дивизия непосредственного соприкосновения с противником не имеет... В дивизию продолжают прибывать группы и одиночки, выходящие из тыла врага и отставшие в р-не Режица (Резекне) после ожесточенных боев 3–4 июля...»*

Наличие материальной части:

- 335 зенитно-артиллерийский дивизион — без м/ч.
- 364 артполк — два орудия (из 36 по штатному расписанию. — М.С.);
- 205 противотанковый дивизион — три орудия (из 18 по штатному расписанию. — М.С.).
- 177 разведбат — без матчасти» [344].

И тем не менее — дивизия на несколько дней задержала продвижение немцев. Об этом можно судить хотя бы по следующему отрывку из мемуаров Манштейна:

*«... 56-й танковый корпус повернул резко на восток, на Себеж–Опочка... К сожалению, наши опасения насчет болотистой местности оправдались. 8-я танковая дивизия нашла, правда, гать, ведущую через болота. Но она была **забита машинами советской мотодивизии, которые здесь так и остались** (подчеркнуто мной. — М.С.). Потребовались дни, чтобы расчистить дорогу и восстановить разрушенные мосты...» [182].*

Основные силы 1-го мехкорпуса были сосредоточены в районе г. Порхов (70 км восточнее Пскова), т.е. фактически корпус вернулся в район своей предвоенной дислокации. После отправки 1-й танковой дивизии в Заполярье, а 163-й моторизованной дивизии в Резекне, «основные силы» корпуса сократились до одной (3-й) танковой дивизии и отдельного корпусного мотоциклетного полка (причем зенитно-артиллерийский дивизион 3-й тд еще 28 июня был из дивизии изъят и «направлен в Ленинград для выполнения особо поставленной задачи») [361].

Дальше — меньше. *«4 июля на основании личного приказа начальника штаба Северо-Западного фронта из состава 3-й танковой дивизии был взят мотострелковый полк с мотоциклетной ротой от 5-го мотоциклетного полка, которому была поставлена отдельная задача...»* [342]. Таким образом, мехкорпус (сократившийся уже до размера одной танковой дивизии) остался почти без собственной пехоты. В такой ситуации возможность ведения успешных боевых действий зависела от организации тесного взаимодействия с пехотой соседних стрелковых соединений.

Теоретически пехота была. На линию Псков–Остров (а на этой линии, кроме естественной речной преграды, были еще и бетонные доты псковского и островского укрепрайонов) из резервов Ставки выдвигался 41-й стрелковый корпус (118-я сд, 111-я сд, 235-я сд, 90-я сд). К 4 июля две дивизии 41-го СК (118-я и 111-я) уже прибыли в указанные районы развертывания. В этот день, 4 июля 1941 г. 1-я танковая дивизия вермахта, практически без боя, заняла г. Остров. В руках противника оказались два (автомобильный и железнодорожный) невзорванных моста через р. Великая. Захватив Остров и мосты через Великую, немецкие танковые соединения выходили на «финишную прямую» для рывка на Ленинград. В 2 часа ночи 5 июля 1941 г. штаб Северо-Западного фронта отдает очень короткое боевое распоряжение № 14:

«Первое. В результате боя 4.7.41 г. противник захватил Остров.

Второе. С рассветом совместными действиями 111-й стрелковой дивизии и 3-й танковой дивизии при поддержке авиации уничтожить противника в районе

Остров, овладеть Остров и 111-й стрелковой дивизией полностью занять свою полосу обороны» [333].

Судя по докладу командира 1-го МК генерал-майора М.Л. Чернавского, бой за город Остров развивался следующим образом:

«...Атака началась в 15.25. В результате боя с танками и артиллерией противника 5-й танковый полк 3-й танковой дивизии выходом отдельных подразделений на левый берег р. Великая овладел гор. Остров, но не имея артиллерийской и авиационной поддержки (в бою участвовал только 3-й гаубичный артиллерийский полк в количестве 24 орудий, а авиация участия не принимала), в этом бою дивизия понесла от противотанкового и артиллерийского огня противника большие потери в материальной части и личном составе. Для закрепления занятого рубежа и очищения города от противника пехота отсутствовала (было до полутора батальонов 111-й стрелковой дивизии 41-го СК, а остальная пехота беспорядочно отошла).

...5 июля в 15.55 минут (т.е. через полчаса после начала атаки. — М.С.) противник при сильной артиллерийской и авиационной поддержке перешел в контратаку. 3-я танковая дивизия, не получив подкрепления (и особенно пехоты), упорно сдерживала атаку до 17 часов, но под ударом пикирующих бомбардировщиков, применивших зажигательные бомбы и горючую смесь, мощной артиллерии и минометов, неся большие потери, в 19 часов начала отход 5-м танковым полком по шоссе на Порхов, а 6-м танковым полком в северном направлении...» [345].

К исходу дня остатки танковых полков дивизии отошли по расходящимся направлениям на 50–60 км от Острова.

Командование Северо-Западного фронта дало несколько иную оценку произошедшего у Острова. 6 июля командиру 1-го МК было направлено следующее боевое распоряжение:

«1. Вы не приняли мер к установлению взаимодействия с пехотой и вводили Военный совет в заблуждение о том, что нет пехоты, в то время как она была в районе действий, там же были штабы 41-го стрелкового корпуса и 111-й стрелковой дивизии.

2. Несмотря на огромные потери немцев у Острова, Вы не проявили настойчивости и без основания начали отходить и своими донесениями о прорыве немцев вводили в заблуждение Военный совет фронта...

Обращаю Ваше внимание на недостойное поведение и приказываю: отход прекратить и принять участие в общем контрударе на Остров с целью окончательного разгрома немцев... Исполнение донести мне к 22.00 6.7» [333].

Исполнять было уже некому и нечем. По докладу командира корпуса *«в 3-й танковой дивизии осталось, в 5-м танковом полку — 1 танк Т-28 и 14 танков БТ-7; в 6-м танковом полку — 2 танка КВ, 26 танков БТ-7»*. Всего 43 танка.

В начале июня 1941 г. в 3-й тд числилось 337 танков (Т-28 — 40, КВ-2, БТ-7 — 16). К 30 июня 1941 г, после марша от Порхова к Ленинграду, в район сосредоточения вышло 278 танков (26 «Т-28», 60 «Т-26», 192 «БТ-7») [362]. Дивизия поступила в распоряжение

Северо-Западного фронта, имея на вооружении (по разным источникам) от 200 до 258 танков (в том числе —10 новейших тяжелых КВ, полученных с Кировского завода в Ленинграде). К 15 июля 1941 в полках 3-й танковой дивизии оставалось 4 танка «Т-28», 2 «КВ» и 16 «ВТ-7». Всего 22 танка, или 7% от первоначальной численности. Огромные потери советских танков в бою у г. Остров подтверждаются и документами противника, согласно которым *«1-й танковой дивизией было уничтожено в предместном укреплении Остров свыше 140 танков»* [346].

«6 июля боевым распоряжением командующего Северо-Западным фронтом № 020 3-я танковая дивизия подчинена командиру 22 СК. 7 июля шифртелеграммой № 881/Ш зам. начальника штаба Северо-Западного фронта передал распоряжение командующего о подчинении 3-й тд командиру 41-го СК... В результате этих переподчинений командир 22-го СК оставил в своем подчинении 5-й танковый полк, который был расположен на его участке, и в дивизию его не возвратил. 6-й танковый полк был подчинен командиру 41-го СК. Таким образом, с 7 июля 3-я танковая дивизия как самостоятельная боевая единица перестала существовать...» [345].

Встречный бой 5 июля у г. Остров стал фактически последним крупным танковым сражением 1941 года на северозападном направлении (Прибалтика—Ленинград). Тем не менее, в ходе того, что в советской историографии называется «Ленинградская стратегическая оборонительная операция» (10 июля — 30 сентября 1941 г.). Красная Армия потеряла 1492 танка [9]. С учетом названных выше потерь в Прибалтийской оборонительной операции общие потери на

северо-западном стратегическом направлении с **22 июня по 30 сентября составили 4015 танков.**

Действовавшая на этом направлении 4-я Танковая Группа вермахта к началу боевых действий имела в составе трех своих танковых дивизий (1-д, 6-д, 8-д) всего 563 танка (и еще 39 вооруженных лишь пулеметами «командирских танков»). Три четверти всего танкового парка 4-й ТГр (412 из 563) составляли легкие танки с противопульным бронированием, вооруженные малокалиберными (20 мм и 37 мм) пушками (Pz-II, Pz-35(t), Pz-38(t)). В 6-й танковой дивизии вермахта больше половины всех танков (155 из 232) составляли легкие чешские танки «Pz-35(t)» столь же устаревшие и изношенные, как и рассыпавшиеся на ходу ВТ-5 из состава 24-й танковой дивизии 10-го МК. Безвозвратные потери 4-й ТГр вермахта к **10 сентября 1941 г. составили 121 танк**, и еще 71 танк числился временно неисправным. За два с половиной месяца боев 4-я ТГр получила на восполнение потерь всего 2 танка, в результате в начале сентября 1941 г. число боеготовых танков группы снизилось до 373 единиц [184].

Последним с Карельского перешейка был снят и направлен навстречу наступающим немецким дивизиям 10-й мехкорпус. 5 июля 1941 г. в штаб 23-й армии и 10-го мехкорпуса поступили приказы о незамедлительной переброске танковых соединений корпуса в район южных пригородов Ленинграда, т.е. к месту довоенной дислокации 10-го МК. Вечером 5 июля первые эшелоны с танками ушли со станций Тали и Яски, к 7 июля 21-я и 24-я танковые дивизии сосредоточились в районе Пушкин–Гатчина. Их боевые действия на фронте 2-й советско-финской войны на этом завершились. Вероятно, если бы весь бензин, потраченный на передислокацию

двух танковых дивизий от Гатчины к Выборгу и назад, просто вылили на сопредельную финскую территорию эффект был бы большим. По крайней мере, лес у станции Иматра точно бы сожгли дотла...

Прежде чем «отдать» соседнему фронту две танковые дивизии 10-го мехкорпуса, командующий 23-й армией генерал-лейтенант Пшенников распорядился создать не предусмотренную никакими уставами армейскую танковую группу, для укомплектования которой был окончательно разукомплектован 10-й мехкорпус: из 21-й тд забрали 54 танка, из 24-й тд 102 танка (правда, главным образом — устаревшие БТ-2). Вопреки широко распространенным слухам о том, что «при Сталине в стране был порядок», генерал-лейтенант позволил себе нарушить директиву Ставки и «заначить» в общей сложности половину танков 10-го мехкорпуса. В ходе многодневного обратного марша от финской границы к оборонительной линии на реке Луга (более 250 км) часть оставшихся в корпусе танков вышла из строя. В результате 9 июля было решено в каждой из дивизий свести оставшиеся в строю 100 исправных танков в один сводный танковый полк, а остальные машины распределить по стрелковым подразделениям. Всего за две недели танковый корпус фактически растаял. Как туман на рассвете.

А 198-я моторизованная дивизия в состав 10-го мехкорпуса больше не вернулась. 4–6 июля эта дивизия, вместе с другими частями (461 и 701-й сп из состава 142-й сд, 708-й сп из состава 115-й сд, 260 и 462-й сп из состава 168-й сд) безуспешно пыталась отбросить 2-ю пехотную дивизию финнов за линию госграницы в районе Эско–Мерия. В этих боях 198-я мд потеряла 9 танков, 61 человек убитыми, 266 ранеными [329].

Приданный для усиления войск 19-го стрелкового корпуса 41-й танковый полк (из состава 21-й тд) потерял безвозвратно 5 танков, эвакуировано с поля боя и восстановлено еще 5 танков. *«В бою от разрыва белофинского снаряда убит начальник штаба 41-го ТП майор Гаврилов. Убитых: среднего начсостава — 1, младшего н/с — 5, рядового — 2»* [318]. Судя по записям в ЖБД 23-й армии, финны удержали занятый ими 1–2 июля район Эско, а к исходу 9 июля заняли и Ристалахти [330].

А затем наступил день 10 июля 1941 года.

Глава 4.2

РАЗГРОМ

После того как сталинское руководство проделало огромную, разностороннюю, многоплановую, многомесячную работу (кульминацией этой работы стал массированный авиаудар 25 июня 1941 г.) по втягиванию Финляндии в новую войну против СССР, оно стало снимать с Северного фронта все резервные соединения и спешно перебрасывать их на юго-запад, навстречу наступающим немецким войскам. К концу первой недели июня все соединения фронтового подчинения Северного фронта (1-й МК, 10-й МК, 70-я сд, 191-я сд, 177-я сд) были переброшены к Острову, Пскову, Луге. Из состава 7-й армии вывели 237-ю сд, которая успела пробыть в Карелии не более 3–4 дней.

Не приходится спорить о том, что ситуация на южных подступах к Ленинграду складывалась катастрофическая, и для спасения Ленинграда требовались экстраординарные меры. 9 июля 1941 г.,

практически без боя, на плечах панически бегущих 118-й и 111-й стрелковых дивизий, немцы заняли Псков. Оборонительный рубеж по реке Великая (Псковский и Островский укрепрайоны) был взломан по всему фронту. В середине июля 1941 г бои шли уже на рубеже р. Луга, т.е. в ста километрах от Ленинграда (см. карту № 8). Никаких долговременных оборонительных сооружений на южных подступах к Ленинграду не было вовсе (по всем довоенным планам линия реки Западная Двина считалась предельным возможным рубежом отступления; Псковский и Островский УРы строились еще до того, как Прибалтика была включена в состав СССР), и десятки тысяч горожан рыли окопы на последнем, Лужском рубеже. В городе спешно создавались дивизии «народного ополчения», набранные по большей части из числа никогда не державших в руках оружия студентов и преподавателей ленинградских вузов. Плохо вооруженные и почти необученные части одну за другой бросали на удержание фронта по реке Луга.

Разумеется, в такой обстановке Ставка ГК не могла не использовать войска Северного фронта как первоочередной источник резервов для укрепления обороны на Лужском рубеже. Однако же игнорирование проблемы не является способом решения проблемы. Скорее, наоборот. Сталин со товарищи создали — не для себя лично, но для всей страны — большую проблему на финской границе. 26 июля 1941 г. эта «проблема» была формализована в виде объявления Финляндией войны. Еще одна война и еще один фронт не могли исчезнуть сами собой, просто потому, что на них перестали обращать внимание. Для разрешения обострившегося до уровня воины конфликта между СССР и Финляндией требовались действия — столь же экстраординарные, как

и те, что были предприняты для обороны Ленинграда. Строго говоря, возможных вариантов действия было ровно три:

- начать (быть может — при содействии новых союзников СССР, т.е. Англии и США) мирные переговоры с Финляндией;

- молча отвести войска Северного фронта на линию Карельского УРа и реки Свирь, т.е. де-факто вернуть Финляндии (причем вернуть с большой «добавкой») аннексированные у нее территории, сократить таким образом линию фронта и укрепить обороноспособность войск за счет использования естественных (Свирь) и искусственных (Карельский УР) препятствий;

- изыскать и передать в состав Северного фронта дополнительные резервы, позволяющие удержать оборону по линии существующей границы (границы 1940 года).

Первые два варианта, судя по реально состоявшимся событиям, даже не рассматривались. Фактически было реализовано некое подобие третьего варианта — в течение лета и осени 1941 г. Ставка отправила на финский фронт семь стрелковых дивизий (88-я сд, 272-я сд, 313-я сд, 314-я сд, 114-я сд, 265-я сд, 291-я сд,), три отдельные танковые бригады (46-я тб, 106-я тб, 107-я тб), 3-ю ленинградскую дивизию народного ополчения, 3-ю бригаду морской пехоты, два моторизованных полка (24-й и 9-й) войск НКВД. Кроме того, в Мурманске была сформирована 186-я стрелковая дивизия и бригада морской пехоты, а в Петрозаводске — 131-й стрелковый полк. Другими словами, в конце концов на финский фронт пришлось отправить **значительно большее количество войск, нежели было изъято у**

Северного фронта в начале июля 1941 г. Но это произошло именно в «конце концов», а закончилось все отходом советских войск (точнее говоря — потерявших большую часть тяжелого вооружения разрозненных остатков дивизий Северного фронта) на упомянутую выше линию Карельского укрепрайона и реки Свирь.

История разгрома войск Северного (позднее — Карельского) фронтов в июле–сентябре 1941 г. достаточно подробно описана в военно-исторической литературе [17, 65, 133, 154, 314, 315, 316, 352, 354]. Поскольку хронологически эта тема выходит за рамки предмета нашего исследования (т.е. истории возникновения 2-й советско-финской войны), в данной главе мы ограничимся лишь кратким конспектом вышеназванных источников.

К началу 2-й советско-финской войны Вооруженные силы Финляндии значительно укрепились — как в количественном, так и в качественном отношении. В составе сухопутных войск теперь было 16 пехотных дивизий, две егерские и одна бронекавалерийская бригады. Всего же на воинской службе находилось 400, по данным других авторов — 500 тыс. человек. Некоторые даже называют цифру в 600 тыс. человек, не забывая тут же добавить, что это равно численности армии Наполеона, вторгшейся в Россию в 1812 году.

Странно, но такие цифры не вызвали желания задуматься над вопросом — как в стране с населением менее 4 млн. человек могла появиться армия подобной численности? Разумеется, если под «армией» понимать толпу мужиков, вооруженных вилами, топорами и дубинами, то в Финляндии можно было набрать две «армии» по 600 тыс. человек. Если же говорить о

дивизиях, вооруженных, обученных и обеспеченных боеприпасами (а это самая дорогостоящая составляющая материального обеспечения боевых действий) хотя бы на несколько месяцев войны, то станет понятным происхождение простого статистического правила: «миллион населения — одна дивизия». Советский Союз был предельно милитаризованным государством, поэтому при населении в 200 миллионов он вступил в войну, имея армию и 303 дивизии. 17 «расчетных дивизий» при населении в 3,7 млн. человек это то же самое, что 920 дивизий в Красной Армии. Такого военного бремени не мог бы выдержать даже бесконечно богатый Советский Союз.

Армия мирного времени Финляндии имела численность порядка 36 тыс. человек. «Зимняя война» заставила поставить под ружье буквально всех, кто способен был это ружье держать в руках. К концу 1940 г., уже после демобилизации большей части военного призыва, в вооруженных силах еще находилось 109 тыс. человек. В январе 1941 г. было принято решение довести численность армии мирного времени до 75 тыс. человек, из которых 15 тыс. несут службу на профессиональной основе, а 60 тыс. призываются на срочную службу. И тем не менее, приведенные выше цифры (16 дивизий и три бригады) соответствуют действительности. Разгадка этого «чуда» состоит из четырех составляющих.

Во-первых, финские дивизии (даже по внешнему виду личного состава, каковой вид виден на любой фотографии или военной кинохронике тех лет) были скорее дивизиями «народной армии» времен гражданской войны, нежели кадровыми соединениями профессиональной армии. Их комплектование было произведено на базе территориальных военизированных

организаций (созданного еще в 1918 году «шюцкора»), и почти половина рядового состава получила лишь минимальную военную подготовку. Во-вторых, выдерживать бремя содержания и оснащения армии в 17 «расчетных дивизий» Финляндия могла лишь в течение самого непродолжительного времени. Можно сказать, что финской армии предстояло или победить в «молниеносной войне», или погибнуть. В-третьих, вооружение (особенно это касалось артиллерии) финской дивизии заметно уступало советским или германским «стандартам». В-четвертых, даже и этот уровень технической оснащенности стал возможен только благодаря широкомасштабным поставкам вооружения из Германии, начавшимся с октября 1940 г.

Теперь переведем эти общие рассуждения на язык конкретных цифр. По штатному расписанию на апрель 1941 г. стрелковая дивизия Красной Армии имела два артиллерийских полка, на вооружении которых было 12 гаубиц калибра 152 мм, 32 гаубицы калибра 122 мм и 16 пушек калибра 76,2 мм. Соответственно, для вооружения 17 таких дивизий требовалось 204 гаубицы калибра 152 мм и 544 гаубицы калибра 122 мм. На самом деле орудий требуется значительно больше, так как дивизии объединяются в корпуса, корпуса — в армии, а корпусные и армейские артиллерийские полки тоже надо чем-то вооружать. Во время «зимней войны» Финляндия почти не имела артиллерии среднего и крупного калибра. Главным образом, благодаря немецким поставкам финская армия к лету 1941 г. имела уже 178 артсистем калибра 150–155 мм и 278 артсистем калибра 105–122 мм. Значительно меньше, чем требуется для вооружения армии по мировым стандартам, но уже значительно больше, чем было всего лишь год назад.

Другой показательный пример связан с противотанковой артиллерией. В первые недели «зимней войны» финская армия оказалась практически безоружной перед лицом огромных бронированных армий Красной Армии. В июле 1941 г. «бронированных армий» в составе войск Северного фронта уже не осталось, а финская армия в 1940—1941 гг. получила из Германии порядка 200 немецких противотанковых 37-мм пушек Рак-36 и более 200 трофейных французских 25-мм пушек «Марианна». Кроме того, на финских заводах было произведено порядка 350 лицензионных шведских 37-мм пушек «Бофорс». К началу 2-й советско-финской войны армия Финляндии имела на вооружении уже около 900 противотанковых пушек, что составляет в среднем более 50 орудий на одну дивизию — показатель вполне достойный. Для борьбы с новыми советскими танками (Т-34 и КВ) все эти малокалиберные пушки оказались бы практически бесполезными, но, как известно, танков новых типов в войсках Северного фронта почти не было, а броню легких танков БТ и Т-26 вышеупомянутые орудия пробивали с гарантией.

Теперь посмотрим на артиллерию финской армии глазами тех, кто с этой армией воевал. 15 декабря 1941 г. была подписана «Справка по учету опыта боев Отечественной войны на фронте 23-й армии». В этом документе читаем: *«... Насыщенность артиллерией финской армии, по сравнению с Красной Армией, значительно ниже... Характерной чертой является отсутствие массированного применения артиллерии противника даже на участках прорыва нашей обороны. Артподготовка перед наступлением была, как правило, непродолжительной (10–30 мин.) при незначительном количестве снарядов...»* [353].

К началу 2-й советско-финской войны соединения финской армии были развернуты следующим образом.

На севере Финляндии, в полосе Куусамо–Суомуссалми, находился 3-й армейский корпус (3-й АК) в составе двух пехотных дивизий (6-я и 3-я пд). Этот корпус был передан в оперативное подчинение немецкого командования.

В районе г. Кухмо развертывалась 14-я пд, имеющая задачу наступать на Реболы–Лендеры (см. карту № 7).

В Приладожской Карелии, в полосе от Куолисмаа до Лахденпохья развернулась «Карельская армия» под командованием начальника Генштаба финской армии генерала Хейнрихса. В ее состав входили две егерские и бронекавалерийская бригада, объединенные в группу генерала Ойнонена (группа «О»), 6-й АК (5-я и 11-я пд) и 7 АК (7-я и 19-я пд). В резерве «Карельской армии» была одна финская дивизия (1-я пд) и прибывшая в середине июля 1941 г. немецкая 163-я пд (один полк которой был переброшен в Заполярье, на Кандалакшское направление). Всего шесть дивизий и три бригады (см. карту № 14).

На границе Карельского перешейка развертывались 2-й АК (2-я пд, 15-я пд, 18-я пд) и 4-й АК (12-я пд, 4-я пд, 8-я пд).

В резерве находилась 10-я пд (см. карту № 13). Всего на участке 23-й армии развертывалось таким образом семь финских дивизий.

17-я пехотная дивизия первоначально находилась в районе севернее полуострова Ханко, но затем была выведена в резерв Маннергейма и 17 июля отправлена в Карелию.

После переброски всех резервных соединений Северного фронта на юг, в полосу обороны Северо-Западного фронта, на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии остались всего семь стрелковых дивизий Красной Армии. Причем распределены они были крайне неравномерно: пять дивизий 23-й армии (142-я сд, 115-я сд, 198-я мд, 43-я сд и 123-я сд), усиленных четырьмя тяжелыми артполками РГК, находились на Карельском перешейке, и всего лишь две (71 и 168 сд) дивизии 7-й армии находились в Приладожской Карелии (см. карту 14). Такое распределение сил однозначно свидетельствует о том, что советское командование не имело ни малейшего представления о реальных оперативных планах противника. Никаких «секретов Маннергейма на столе у Сталина» не было и в помине, а гадания о возможных направлениях главного удара финской армии базировались, увы, на мифах и заклинаниях советской пропаганды. Пропаганда эта так долго и так громко кричала про «белофинскую военщину, которая тянет свои грязные лапы к городу Ленина», что в конце концов убедила в этом своих заказчиков. Того, что финская армия начнет боевые действия с освобождения аннексированных территорий в Приладожской Карелии, в Москве явно не ожидали.

Боевые действия 2-й советско-финской войны отчетливо распадаются на три этапа:

- наступление в Приладожской Карелии (июль 1941 г.):

- наступление финской армии на Карельском перешейке (август 1941 г.);

- наступление финской армии к реке Свирь и Онежскому озеру (сентябрь–октябрь 1941 г.).

Наступление в Приладожской Карелии началось 10 июля 1941 г. План операции был следующим. Главный удар наносил 6-й АК (две стрелковые дивизии) на стыке 168-й и 71-й стрелковых дивизий 7-й армии. Наступая вдоль восточного берега озера Янисъярви, корпус должен был выйти к берегу Ладожского озера, а затем наступать на Олонец и Свирь. Командиром 6-го АК Маннергейм назначил ветерана гражданской войны (в финской историографии правого толка она называется «освободительная война» или «война за независимость»), командира финских добровольцев 1919 и 1921 годов П. Талвела. В своих мемуарах Маннергейм пишет: *«Еще со времен освободительной войны я знал его как бесстрашного и волевого руководителя, который даже обладает некоторой долей наглости, необходимой для нанесения контрудара по противнику, превосходящему нас по силам»* [22]. На этот раз противник генерала Талвела значительно уступал в численности: удар двух дивизий 6-го корпуса наносился по участку обороны двух полков (52-й сп и 367-й сп) 71-й «карело-финской» дивизии.

Две пехотные дивизии 7-го АК должны были наступать на Сортавала, захватить этот город и ж/д станцию, отрезав таким образом 7-ю армию от связи с 23-й армией. Егерские бригады группы «О» (это были соединения легковооруженной пехоты, передвигавшейся на велосипедах; в условиях лесного бездорожья они успешно выполнили роль отсутствующих в финской армии танковых бригад) должны были прорваться в глубокий тыл 7-й армии и по огромной 120-километровой

дуге выйти к побережью Ладожского озера, перерезая линии коммуникации советских войск.

В день начала наступления Маннергейм издал свой ставший в дальнейшем знаменитым (можно сказать, «печально знаменитым») приказ № 3:

«В ходе освободительной войны 1918 года я сказал карелам Финляндии и Беломорской Карелии, что не вложу меч в ножны до тех пор, пока Финляндия и Восточная Карелия не станут свободными. Я поклялся в этом именем финской крестьянской армии, доверяя тем самым храбрости наших мужчин и жертвенности наших женщин.

Двадцать три года Беломорская и Олонецкая Карелии ожидали исполнения этого обещания; полтора года Финская Карелия, обезлюдевшая после доблестной Зимней войны, ожидала восхода утренней зари.

Бойцы Освободительной войны, прославленные мужи Зимней войны, мои храбрые солдаты! Настает новый день. Карелия встает своими батальонами в наши марширующие ряды. Свобода Карелии и величие Финляндии сияют перед нами в мощном потоке всемирно-исторических событий. Пусть Провидение, определяющее судьбы народов, поможет финской армии полностью выполнить обещание, которое я дал карельскому племени. Солдаты! Эта земля, на которую вы ступите, орошена кровью наших соплеменников и пропитана страданием, это святая земля. Ваша победа освободит Карелию, ваши дела создадут для Финляндии большое счастливое будущее» [37].

Упоминание о Беломорской и Олонецкой Карелии недвусмысленно говорит о том, что цели операции выходили далеко (во всех смыслах этого слова) за

пределы возвращения аннексированных в марте 1940 г. территорий. Напоминая солдатам об «освободительной войне» и «крестьянской армии» 1918 года, Маннергейм таким образом определял начавшуюся войну как продолжение не только «зимней войны» 1939–1940 гг., но и как завершающий этап гражданской войны, полыхавшей в Карелии в 1919–1921 гг. В 1945–1946 годах многие руководители Финляндии дорого бы дали за то, чтобы такого приказа никогда не существовало...

В первые дни боев наступление финских войск развивалось исключительно успешно. 14 июля была занята станция Лоймола. 16 июля 1-я егерская бригада полковника Лагуса в районе Питкяранта вышла к берегу Ладожского озера. Это означало, что обе линии снабжения 168-й сд (железнодорожная ветка Петрозаводск–Суоярви–Сортавала и автомобильная дорога вдоль восточного берега Ладожского озера) были перерезаны. 71-я стрелковая дивизия фактически перестала существовать как единое целое. Левифланговый 367-й сп был оттеснен в полосу обороны 168-й сд, остатки 52-й сп были отброшены к Суоярви, правифланговый 126-й сп отошел в безлюдный лесной район у Куолиσμαа, где (как пишут советские историки) «успешно держал оборону» вплоть до сентября 1941 г.

Уже 13 июля штаб 7-й армии перебазировался из Суоярви в Пряжу. Совершенно уникальные «перебазирования» производил штаб 71-й сд. Он был *«эвакуирован (???) по Ладоге в Ленинград, а затем к 20 июля переброшен по ж/д в Суоярви»* [354]. Тем временем корпус Талвела продолжал наступление вдоль берега Ладожского озера и 22 июля вышел к границе 1939 г. у поселка Видлица. 24 июля 6-й АК вышел на рубеж реки Тулокса (Туулосйоки), которая была

последним естественным препятствием на пути финских войск к Олонцу и реке Свирь.

В то время как 6-й АК прошел за две недели в ходе непрерывного наступления более 150 км, 7-й АК безуспешно пытался прорвать оборону 168-й стрелковой дивизии полковника Бондарева у самой границы. Стойкость и мужество советских войск, бетонные доты, минные поля и 42 км проволочных заграждений Сортавальского укрепрайона оказались непреодолимым препятствием для финской пехоты. За весь июль 1941 г., с большими потерями (5,5 тыс. человек, в том числе 1,5 тыс. убитыми) прогрызая оборону дивизии Бондарева, финны продвинулись на 10—15 км до поселка Рускеала на ж/д линии Лоймола — Сортавала. Ни захватить, ни окружить Сортавалу с запада финнам не удалось. Поскольку всякая связь с отброшенными далеко на восток частями и штабами 7-й армии была потеряна, 21 июля сортавальская группа войск (168-я сд и 367-й сп 71-й дивизии) была передана в состав 23-й армии.

В тот момент, когда корпус Талвела вышел на рубеж реки Тулокса, перед ним фактически не было крупных сил Красной Армии. Талвела настаивал на дальнейшем развитии прорыва, а после того, как ему в этом было отказано, с горечью говорил (2 сентября 1941 г.) немецкому генералу Энгельбрехту: *«Наступление корпуса повергло русских в панику, и в тот момент корпусу ничего не стоило выйти на реку Свирь и, возможно, создать плацдарм на ее противоположном берегу»* [65]. Маннергейм, однако, смотрел на ситуацию иначе: *«... Талвела потребовал, чтобы войска снова пошли в наступление с рубежи реки Туулосйоки, однако я, зная его импульсивный характер, счел нужным заметить ему, что для этого еще не созрело время. Наступления нельзя*

начинать до тех пор, пока пути снабжения не приведены в порядок и не сосредоточены дополнительные силы, снятые с других участков фронта. Я не хотел никаких молниеносных успехов...» [22].

Дополнительные силы (1-я финская пехотная дивизия, 163-я пехотная дивизия вермахта, немного позднее и 17-я финская пехотная дивизия) были направлены в наступление вдоль линии железной дороги от Лоймола на Суоярви и далее, в обход северного берега Сямозера, на Петрозаводск.

Тем временем советское командование, оправившись от первого шока, начало лихорадочно собирать новые части и соединения. В Петрозаводске на базе 31-го запасного полка и с привлечением партийного и комсомольского актива города был сформирован 131-й стрелковый полк. Для усиления полку был придан оказавшийся рядом с Петрозаводском бронепоезд, и уже 13 июля сформированное в пожарном порядке соединение по железной дороге было направлено в Суоярви.

Другим (наряду с партийным активом) резервом 7-й армии стали войска НКВД, которые в значительном числе были развернуты в советской «Карело-Финляндии», которая в 30-е годы стала одним из самых крупных «островов» архипелага ГУЛАГ. Два моторизованных полка войск НКВД (9 и 24-й мсп) 16 июля были переданы в оперативное подчинение командования 7-й армии. Затем по железной дороге (через Ленинград–Лодейное поле) в Карелию из состава 23-й армии были переброшены 452-й полк 198-й моторизованной дивизии и 7-й мотоциклетный полк (10-го мехкорпуса), 3-я

бригада морской пехоты, несколько отдельных танковых рот и артиллерийских дивизионов.

21 июля 1941 г. в штаб 7-й армии, расположенный у поселка Пряжа, прибыл сам Главнокомандующий Северо-Западным стратегическим направлением, член Политбюро ЦК ВКП(б), один из пяти членов Государственного Комитета Оборона, маршал К. Ворошилов (по странному совпадению, именно в этот день в штаб командующего группой армий «Север» фельдмаршала Лееба прибыл Гитлер). В штабе 7-й армии 21 июля было принято несколько важных решений. Во-первых, Ворошилов приказал штабу армии немедленно вернуться в Суоярви. Во-вторых, были сформированы две относительно крупные оперативные группы: Петрозаводская ОГ (9-й и 24-й полки НКВД, 10-й запасной сп) и Южная ОГ (3-я бригада морской пехоты, 452-й мсп и 7-й мцп). В этот же день, 21 июля 1941 г., на затерянной в глухих лесах станции пересеклись пути «первого маршала» и 1-й танковой дивизии 1-го мехкорпуса.

Внимательный читатель, возможно, еще помнит, что 17 июня эта дивизия получила приказ загрузиться в железнодорожные эшелоны и прибыть на заполярную станцию Алакуртти. 1 июля 1941 г. в районе г. Салла перешел в наступление 36-й корпус вермахта (169-я пд и моторизованная бригада СС «Норд»). В течение недели ожесточенных боев танкисты генерала Баранова, несмотря на явно «противотанковую» местность, успешно контратаковали противника и неоднократно обращали эсэсовскую бригаду в паническое бегство. *«Рано утром 4 июля штаб 36 АК стал свидетелем удивительного события: вся дивизия СС стремительно неслась на мотоциклах в сторону Рованиеми, а за ней по*

пятам гнались русские танки. Несколько часов штаб корпуса, включая начальника штаба, останавливал эсэсовцев и отправлял их обратно на позиции... некоторые промчались без остановки 80 км до Кемиярви, где заставили местного коменданта взорвать мост через р. Кеми, чтобы сдержать русские танки, которые вот-вот будут здесь...» [65]. Примечательно, что в архивных фондах 1-й танковой дивизии нет никаких упоминаний о преследовании противника на территории Финляндии, что, на наш взгляд, лишь подтверждает факт того, что встреча с танковой дивизией Баранова произвела на эсэсовцев неизгладимое впечатление, под воздействием которого они и промчались без оглядки 80 км...

Гораздо более значим другой, и на этот раз документально подтвержденный, факт: 1-я танковая воевала не только успешно, но и «малой кровью». Потери дивизии в боях у г. Салла были относительно невелики, а уж в сравнении с обычными для трагического лета 1941 года потерями сотен других дивизий Красной Армии — и вовсе мизерными. Всего с 30 июня по 7 июля дивизия потеряла 28 человек убитыми, 30 — пропавшими без вести, 58 — ранеными. Безвозвратно потеряно 33 — танка БТ-7, 2 — БА-10 и 1 — БА-20 [355]. В отдельном автомобильном батальоне дивизии (236 автомобилей и 2 мотоцикла) *«не имеется ни одной поломки и вынужденной остановки»*. Потери личного состава — 3 бойца ранено [356]. Гаубичный артиллерийский полк дивизии потерял с 22 июня по 1 августа всего 8 человек (1 убит, 7 ранено). Трактора (тягачи) полка в количестве 36 единиц прошли в среднем по 279 км каждый, *«потерь матчасти и автотранспорта полк не имеет»* [357]. Вообще же, удивительная история 1-й танковой дивизии может служить наглядной

иллюстрацией парадоксального правила: «Смелого пуля боится, смелую штык не берет». Именно в 1-м танковом батальоне 1-ю танкового полка 1-й танковой дивизии сражался экипаж легендарного танка КВ № 864 под командованием старшего лейтенанта З. Колобанова. 19 августа 1941 г. в бою на шоссе Луга–Гатчина этот экипаж вел бой с 40 немецкими танками. «КВ» получил 156 прямых попаданий вражеских снарядов, но остался при этом невредим. Немцы, как принято считать, потеряли тогда 22 танка. Последняя цифра, скорее всего, многократно завышена, но сам факт успешного боя экипажа Колобанова сомнению не подлежит.

В 6 часов утра 15 июля 1941 г, после нескольких категоричных приказов Ставки, части 1-й тд начали погрузку в эшелоны на ст. Алакуртти — дивизия, как и все прочие танковые соединения Северного фронта, перебрасывалась на Лужский рубеж обороны Ленинграда. Правда, не вся дивизия. Командующий 14-й армией генерал-лейтенант В.А. Фролов. вопреки всем приказам Ставки, «заначил» мотострелковый полк дивизии и 3-й батальон 1-го танкового полка. 17 июля, ровно через месяц после того, как «мирным летним днем» 1-я танковая была поднята по боевой тревоге, эшелоны отошли от станции Алакуртти. 21 июля Ворошилов своей властью остановил эшелоны дивизии и приказал выгрузить 2-й танковый полк. На Лужский рубеж в конце концов прибыла неполнокомплектная, закаленная в боях, прекрасно подготовленная танковая дивизия, а, по сути дела, два танковых батальона 1-го танкового полка, имевшие на вооружении порядка 80 танков...

2-й танковый полк (в Петрозаводск он прибыл, имея на своем вооружении КВ — 4; Т-28 — 13; БТ-7 — 29; БТ-5

— 57; Т-26 — 32. Всего 135 танков и 19 бронемашин ВА-10 и БА-20) тут же разорвали на две части: два танковых батальона передали в Петрозаводскую ОГ и один батальон — в Южную ОГ. Понять логику такого «оперативного искусства» трудно. И дело даже не в ставшем уже дурной традицией первых недель и месяцев войны расчленении мощных «стальных ядер» на малосильные «дробинки». К несчастью, маршал Ворошилов так и не понял, что дивизия легких танков с противоположным бронированием и малокалиберными пушками — это не волшебная «палочка-выручалочка», а инструмент. Инструмент, пригодный для выполнения вполне определенной работы. Той самой, которую в войнах прошлого столетия выполняла казачья конная лава: гнать и рубить бегущих, захватывать штабы и склады, жечь обозы в тылу парализованного страхом врага. А на местности с такими названиями, как Сямозеро, Машозеро, Ведлозеро, Крошнозеро, среди дремучих лесов, болот и озер Карелии, танковый полк мог лишь героически погибнуть. Что и произошло в реальности.

23–27 июля 1941 г. в лесах у Ведлозера разгорелось ожесточенное и едва ли не единственное в своем роде тесное сражение танков с пехотой. На этот раз мужественные танкисты дивизии Баранова встретились с не менее стойким и мужественным противником. Введенная в бой 1-я финская пехотная дивизия полковника Паалу имела боевой опыт «зимней войны» (в том числе — и опыт борьбы с советскими танками), но при этом — несравненно лучшее, чем в дни «зимней войны», вооружение. Легкие малокалиберные пушки финской армии как нельзя лучше подходили для действий из лесных засад (французская 25-мм

противотанковая «Марианна» весила всего 310 кг, 37-мм «Бофорс» — 375 кг). Судя по донесениям командования Петрозаводской ОГ, моторизованные «чекисты» отходили после первых же выстрелов, и финская пехота успешно расстреливала вязнущие в болотах танки. Впрочем, пушек у финнов, видимо, не хватало, поэтому в ход пошли и бутылки с бензином и толовые шашки. Через несколько дней наступление Петрозаводской ОГ окончательно захлебнулось. Потери танкового полка составили 67 танков ВТ и 279 человек личного состава [366].

Немецкая 163-я пехотная дивизия оказалась мало пригодной к боям в лесисто-болотистой местности и задачу захвата Суоярви самостоятельно выполнить не смогла. Маннергейм вынужден был перебросить на левый фланг «Карельской армии» егерские бригады и направить основные силы 6-го АК для охватывающего удара во фланг и тыл группировки советских войск у Суоярви. После того как финны перерезали линию железной дороги у южного берега Сямозера, советские войска вынуждены были отойти от Суоярви на восток. После завершения этой операции Маннергейм счел за благо снова зачислить немецкую дивизию в свой резерв и отвести ее из зоны боев.

28 июля в Карелию прибыла 3-я Ленинградская ДНО, которая была включена в состав Южной ОГ. В начале августа из резерва Ставки прибыла 272-я стрелковая дивизия, включенная затем в состав Петрозаводской ОГ. После прибытия подкреплений начался еще один этап кровопролитных попыток контратаковать при поддержке танков финские войска и отбросить их от Тулоксы и Ведлозера на запад. Однако за две недели удалось продвинуться вперед всего на 10–15

км. В середине августа фронт в Приладожской Карелии стабилизировался на линии, проходящей в среднем на 30–50 км восточнее границы 1939 г. (см. карту № 14). Потери «Карельской армии» были весьма высокими: за 20 дней июля 41-го она потеряла 6,7 тыс. убитыми и 25 тыс. ранеными [354].

Наступление на Карельском перешейке началось 31 августа 1941 г.

Поскольку все резервы верховного командования финской армии были уже задействованы в боях в Приладожской Карелии, наступление велось лишь теми силами, которые находились у границы с самого начала войны: три пехотные дивизии 2-го АК, три пехотные дивизии 4-го АК и отдельная 10-я пехотная дивизия (см. карты №№ 13 и 15). Вопреки многомесячным ожиданиям командования 23-й армии и Северного фронта, финны нанесли главный удар не в направлении Лаппеенранта–Выборг, а на прямо противоположном фланге обороны 23-й армии, у северного побережья Ладожского озера.

Накануне начала финского наступления (совпадение, видимо, оказалось чисто случайным) командование 23-й армии попыталось организовать контрудар вдоль берега Ладожского озера от Лахденпохья на северо-восток с целью отбросить финские войска от Сортавала. Дня участия в контрударе привлекалась 198-я дивизия (без 452-го мсп, передислоцированного ранее в Карелию) и переброшенный с левого фланга армии 181-й сп из состава 43-й стрелковой дивизии. С утра 29 июля до исхода дня 31 июля ударная группа продвинулись на 3–4

км, и на этом наступление захлебнулось. Потери же оказались непомерно большими. Так, 198-я мд потеряла в этих боях 168 человек убитыми и 1704 ранеными [358]. Обращает на себя внимание совершенно невероятное соотношение числа убитых и раненых (1 к 10). Разумеется, бойцы и командиры 198-й мд не могли отличаться по своему анатомическому строению от всех прочих людей (среди которых соотношение убитых и раненых во всех войнах 20-го столетия составляло примерно 1 к 3). Они и не отличались — в периоде 4 июля по 10 августа потери 198-й дивизии составили 216 убитыми, 851 ранеными и 583 пропавшими без вести [359]. Скорее всего, в указанной выше цифре 1704 объединены раненые и «пропавшие без вести».

Как бы то ни было, неудавшаяся попытка контрнаступления только помогла финнам, так как обескровила единственный резерв 19-го СК (198-ю дивизию) и «уплотнила» боевые порядки советских войск именно на том участке фронта, который финское командование собиралось окружить. 31 июля 1941 года, после короткой артиллерийской подготовки, 2-я пехотная дивизия начала наступление на Лахденпохья, а 15-я пехотная дивизия — на Хиитола. В отличие от ситуации в Приладожской Карелии, где финны начали 10 июля наступление, располагая трехкратным численным превосходством, в сражении у северного побережья Ладоги силы сторон были примерно равны. Первые дни августа прошли там в ожесточенных, кровопролитных боях.

«Хотя во время этих жестоких боев, — пишет в своих мемуарах Маннергейм, — за которыми я лично наблюдал вблизи, у меня неоднократно просили подбросить свежие силы, этот резерв (10-я пехотная

дивизия) я держал у себя и только 4 августа передал его командиру корпуса, приказав использовать его полностью только на направлении, указанном мной. На следующий день свежая дивизия под командованием полковника Сихво перешла в наступление, увлекая с собой соседние части, и 7 августа захватила село Каукола. Глубокий прорыв был успешно завершён 8 августа. Войска вышли на берег Ладожского озера в районе Лахденпохья, а это означало, что коммуникации сортавальской группировки войск противника полностью перерезаны. 11 августа пал важный узел железных и шоссейных дорог Хиитола, а клин наступления достиг берега Ладоги между Хиитола и Кексгольм».

Уже 4 августа, на пятый день финского наступления, генерал-лейтенант Пшенников был снят с должности командующего 23-й армией, его сменил генерал-майор Герасимов М.А., до этого командовавший войсками 19-го СК.

5 июля командующий Северным фронтом приказал Герасимову немедленно отвести всю сортавальскую группировку на юго-запад, к Кексгольму, однако 6 августа Ворошилов своей властью отменил это распоряжение, приказав *«удерживать Сортавала во что бы то ни стало»* [360]. Для ликвидации прорыва финнов у Хиитола в 23-ю армию передавалась 265-я стрелковая дивизия, которую Ставка ранее направила в Гатчину, т.е. на «немецкий фронт».

265-я сд была сформирована в Московском ВО, причем *«до 40% личного состава, поступившего на формирование дивизии, ранее проходили службу или работали в системе НКВД»* [354]. 10 августа командование 23-й армии попыталось было провести

силами 265-й сд и 115-й сд контрудар в районе юго-восточнее Хиитола, однако все закончилось совершенно безрезультатно, и 11 августа противник окончательно отрезал окруженные у северного берега Ладоги войска.

15 августа советские войска оставили город Сортавала и отошли в ладожские шхеры. Было принято решение эвакуировать окруженных (остатки войск 168-й сд, 142-й сд, 198-й мд, 367-го сп 71-й дивизии, часть сил 115-й сд) по воде, кораблями Ладожской Военной флотилии. К 23 августа все эвакуируемые части были доставлены на остров Валаам и в дальнейшем перевезены в Ленинград. Всего было эвакуировано 26 тыс. человек, 155 орудий, что составляет примерно половину штатной численности окруженных частей и соединений. Сводная группа, составленная из пограничников и разрозненных подразделений отступающих войск, под командованием полковника С.И. Донского удерживала Кексгольм и прибрежную дорогу вплоть до 21 августа 1941 г.

14–16 августа 10-я пехотная дивизия продолжила наступление на юг. В двухдневном сражении у п. Райсяля была окончательно разгромлена 265-я сд. В документах 43-го пехотного полка 10-й дивизии есть такая запись: *«...Русские храбро оборонялись, но упорные финны атаковали их, и дело было быстро решено... По рассказам пленных, комиссар полка вначале произнес пламенную речь о Сталине и советской Родине, после чего взял с собой 6 автоматчиков, два ручных пулемета и сбежал... Совсем по-другому повел себя командир 946-го стрелкового полка майор Лашенко — в свой последний час он приказал бойцам застрелить его...»* [314].

Еще до окончания сражения у северо-западного побережья Ладожского озера перешла в наступление 18-я пехотная дивизия полковника Паяри (это та самая дивизия, подразделения которой вечером 3 июля отразили попытку 10-го мехкорпуса захватить и «огнеметными танками зажечь» станцию Иматра). Отбросив от границы 115-ю стрелковую дивизию (уцелевшие части которой отошли на западный берег реки Вуокси, в полосу обороны 50-го СК), дивизия Паяри быстро продвигалась вперед и 8–10 июля пересекла железную дорогу на участке Антреа–Сайрала (см. карту № 13). 16 августа в районе п. Ораванкюто (восточнее Вуосалми) передовые части 18-й пд были атакованы силами 33-го погранотряда и приданных ему танковых подразделений. Три дня продолжался ожесточенный лесной бой, в ходе которого финнам удалось окружить и полностью разгромить пограничников, при этом были захвачены командир отряда и Боевое знамя части [314].

Вечером 17 августа дивизия Паяри начала переправляться через реку Вуокси. Ветеран дивизии, лейтенант Л. Янтти пишет: *«За сутки мы далеко продвинулись. Наш 14-й тяжелый артдивизион переправлялся через Вуокси на плотях. У меня и сейчас встают волосы дыбом, когда я вспоминаю о том, как мы грузили орудия на плоты в кромешной тьме...»* [314]. К середине дня 18 августа на западном берегу Вуокси находился уже весь 27-й пехотный полк 18-й пд, захвативший плацдарм глубиной 5 км.

Видимо, только в этот момент в штабе Северного фронта поняли простой и безупречный план финского командования. Отчетливо осознавая слабость своей артиллерии и почти полное отсутствие бомбардировочной авиации и танков, финны и не

собирались «пробивать в лоб» линию бетонных дотов Выборгского укрепрайона.

Вместо этого была спланирована и успешно проведена операция по форсированию р. Вуокси с выходом в глубокий тыл всей Выборгской группировки советских войск. К 20 августа на западном берегу Вуокси, на плацдарме, захваченном дивизией Паяри, находились уже части 2-й и 10-й пехотных дивизий. Командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М.М. Попов обратился в Ставку с просьбой предоставить четыре свежие стрелковые дивизии и одну авиадивизию, но таких резервов для «финского фронта» у Ставки уже не было.

20 августа, с разрешения высшего командования, части 50-й СК (43-я и 123-я сд), в бездействии простоявшие два месяца на границе, начали взрывать долговременные укрепления и отходить на юг к Выборгу. 23 августа частями 43-й и 115-й стрелковых дивизий, спешно отведенных к юго-востоку от Выборга, был нанесен контрудар с задачей ликвидировать финский плацдарм на западном берегу р. Вуокси. В течение двух суток продолжался ожесточенный бой, переходивший порой в рукопашные схватки. Обе стороны понимали, что в этом сражении будет окончательно решена судьба выборгской группировки войск 23-й армии. 25 августа, при поддержке стремительно продвинувшейся от границы вдоль западного берега Вуокси 12-й пехотной дивизии, финны разгромили советские войска и перерезали линию железной дороги южнее ст. Кямьяря. Теперь только единственная «нитка» прибрежной дороги Выборг–Койвисто связывала войска 23-й армии с Ленинградом.

В ночь на 25 августа 1941 г. произошло событие, которое можно считать одним из самых выдающихся достижений финской армии или одним из самых позорных провалов Краснознаменного Балтфлота. На расстоянии в 50 миль от Кронштадтской базы флота финны начали и успешно завершили морскую десантную операцию, высадив на противоположном берегу Выборгского залива пехотную дивизию (8-я пд). Высадили, не имея в этом районе Балтики ни одного крупного надводного боевого корабля и бесконечно уступая в численности авиации. Закрепившись на плацдарме в районе высадки, 8-я пд перешла в наступление и 26 августа перерезала приморскую дорогу между Выборгом и Койвисто. После этого части трех дивизий Красной Армии (43, 115, 123-я сд) получили последний приказ — уничтожить боевую технику и через лесной массив у деревни Порлампи отходить на Ленинград.

Отойти оказалось невозможно, так как финские войска (12 и 18-я пд) организовали уже прочную оборону фронтом на северо-запад. Части войск удалось пробиться к берегу залива у г. Койвисто. В ночь на 2 сентября три крупных транспорта («Мееро», «Отто Шмидт» и «Барта»), сопровождаемые двумя тральщиками и двумя катерами, вышли из Кронштадта в Койвисто. Транспорт «Мееро» подорвался на mine и затонул. Оставшиеся два транспорта, подойдя на рассвете к молу Койвисто, приняли на борт около 6 тыс. человек и благополучно вернулись в Кронштадт. Эвакуация личного состава разгромленных у Выборга дивизий продолжалась еще несколько недель. Всего было эвакуировано (поданным разных источников) от 14 до 20 тыс. человек. Остальные оказались в финском плену. Попал в плен и командир

43-й стрелковой дивизии генерал-майор В.В. Кирпичников (по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР за «потерю управления войсками и добровольную сдачу в плен» расстрелян 28 июля 1950 г, в июне 1957 г. реабилитирован).

29 августа финны вошли в Выборг, варварски разрушенный отступающими советскими частями. 31 августа 12-я пехотная дивизия заняла Терийоки — приграничный курортный поселок, в котором 1 декабря 1939 г. якобы учредилось «народное правительство» господина Куусинена. В тот же день 18-я пехотная дивизия вышла к ставшей 26 ноября 1939 г. всемирно знаменитой деревне Майнила. Бойцы дивизии Паяри не отказали себе в удовольствии произвести пять ритуальных выстрелов из орудия в сторону бывшей пограничной реки Сестра.

Радость победы (в течение одного месяца финские войска освободили всю аннексированную территорию Карельского перешейка и вернули себе три крупных города: Выборг, Кексгольм и Сортавала) омрачалась тяжелыми потерями. За разгром пяти кадровых дивизий Ленинградского военного округа финская армия заплатила дорогую цену. Общие потери (убитые и раненые) превысили 25 тыс. человек. В некоторых пехотных полках потери составили 25–30% штатной численности. Так, 28-й пехотный полк потерял 279 человек убитыми и пропавшими без вести, 856 ранеными. 48-й пехотный полк потерял 358 человек убитыми и пропавшими без вести, 923 ранеными. Потери 7-го пехотного полка составили 480 убитых и 1622 раненых, т.е. **больше половины штатной численности** [363]. Для сравнения напомним, что за первые 40 дней войны (с 22 июня по 31 июля) потери

вермахта (убитые, раненые, пропавшие без вести) на Восточном фронте составили всего 6,5% от общей численности группировки (запись в «Дневнике» Ф. Гальдера от 4 августа 1941 г.)

Несмотря на столь тяжелые потери, *«противник имел ярко выраженный наступательный порыв»*. К такому выводу пришли составители выше уже упомянутой «Справки по учету опыта боев Отечественной войны на фронте 23-й армии». По поводу действий собственных войск сказано следующее: *«Нашим основным мероприятием по противодействию наступлению противника была организация и выброска в бой многочисленных групп и отрядов. Эти спешно создаваемые отряды, из разных и разнородных частей не были достаточно боеспособными, а некоторые попросту бежали при первой встрече с противником...*

В период отхода части, не имеющие опыта, выучки и должной организованности, не могли зацепиться за следующий рубеж, где построить прочную оборону. У неопытных и малообстрелянных частей иногда начатый отход превращался в беспорядочное бегство. Части и подразделения рассеивались, управление ими со стороны командиров терялось... Многие наши части и подразделения оставляли (а часто и просто бросали) материальную часть (пулеметы, минометы). Очень часто оставлялись противнику орудия потому, что пехота, которая была придана артиллерии, бросала ее.

К сожалению, у ряда частей не было правила не оставлять врагу наших раненых и трупы убитых...

Там, где наши части проявляли упорство, инициативу, настойчивость и уверенность в своих силах,

где командиры управляли уверенно и твердо — мы имели очевидные успехи...»

1 сентября Военный совет Ленинградского фронта (23 августа 1941 г. Северный фронт был разделен на Ленинградский и Карельский) принял решение об отводе войск 23-й армии на рубеж Карельского УР. Трудно сказать, существовали ли в тот день эти войска, но у 23-й армии появился новый (третий за один месяц) командующий, генерал А.И. Черепанов. К 3 сентября разрозненные остатки отступающих и эвакуированных водным путем дивизий были приведены в порядок и заняли оборону на линии Карельского УРа. На следующий день, 4 сентября 1941 г., финские части на Карельском перешейке получили приказ перейти к обороне (впрочем, отдельные стычки продолжались примерно до 10 сентября). После этого фронт стабилизировался на линии Карельского укрепрайона почти на три года, до 9 июня 1944 года.

Наступление финской армии к реке Свирь и Онежскому озеру началось 4 сентября 1941 г. В дополнение к тем частям, которые воевали в Карелии в июле–августе, финское командование перебросило по оказавшейся полностью в его руках железной дороге Кексгольм–Сортавала–Суоярви 2-ю пехотную дивизию. Позднее в Карелию были отправлены 4-я и 8-я дивизии. С другой стороны, Ставка ГК Красной Армии приняла в конце августа решение направить в 7-ю армию еще две резервные дивизии: 313-ю сд и 314-ю сд. Эти две стрелковые дивизии, действительно, прибыли в Карелию, но уже после того, как очередное поражение стало свершившимся фактом.

4 сентября 6-й корпус генерала П. Талвела (три дивизии) совместно с 1-й егерской бригадой начал наступление с рубежа реки Тулоксы на Олонец. Этот день стал «днем артиллерии» финской армии — в артиллерийской подготовке приняло участие 16 дивизионов (порядка двухсот орудий). По меркам нишей финской армии то была огромная концентрация огневой мощи (9 июня 1944 г. наступление Красной Армии началось с артиллерийского удара, в котором приняло участие 3,5 тыс. орудий, обеспечивших плотность огня в 250–300 стволов на 1 км фронта прорыва). На второй день наступления финны заняли Олонец, 7 сентября вышли на берег реки Свирь. 8 сентября егерская бригада полковника Лагуса захватила стратегически важный железнодорожный мост через Свирь в районе ст. Подпорожье (позднее полковник Лагус стал первым кавалером высшего финского ордена Крест Маннергейма). Дальнейшие попытки финнов расширить плацдарм на южном берегу Свири были остановлены прибывшей в этот момент к Лодейному Полю 314-й стрелковой дивизией.

Одновременно с броском к Свири финские войска нанесли удар в центральной зоне фронта и 8 сентября заняли поселок Пряжа, перерезав таким образом единственную в тех местах автомобильную дорогу, соединяющую Олонец с Петрозаводском. В огромном лесном массиве между Пряжей и Олонцом оказались окруженными советские войска, численность которых Маннергейм оценивает в две дивизии. В своих воспоминаниях он пишет: *«...В последующие дни клещи вокруг этих дивизий сжимались все больше и больше... Ценой огромных усилий основной части удалось отдельными группами через леса и болота выйти из*

окружения, оставившее снаряжение. Как и при разгроме „мешка“ у Порлампи на Карельском перешейке, русские солдаты и сейчас показали совершенно невероятную способность переносить трудности и напряжение, и донесения о боях под Пюхьярви говорили до дрожи наглядно о мучениях, которые испытывали они, пробираясь через дремучие леса...».

Блестящий успех, одержанный финскими войсками в начале сентября, оказался фактически последним.

В дальнейшем темпы наступления неуклонно падали. Девять дней потребовалось для того, чтобы пройти 40 км от Пряжи до Петрозаводска. Финская армия явно «выработала свой ресурс», да и «наступательный порыв» после пересечения границы, видимо, иссяк. Солдаты не понимали, зачем и до каких пределов им надо идти вглубь безбрежных просторов северной России, а поскольку финские войска — повторим это еще раз — были скорее «народным ополчением», нежели нерассуждающим механизмом профессиональной армии, то случаи неподчинения и отказов от дальнейшего наступления перестали быть единичными. По сведениям финского исследователя Х. Хейниля, на Карельском перешейке отказы переходить границу 1939 г. произошли в каждом втором пехотном полку [363]. Зафиксирован даже единичный (и основанный лишь на воспоминаниях очевидцев, а не на каких-либо документах) случай, когда с призывом не переходить границу к подчиненным обратился офицер в звании капитана. Еще раз подчеркнем, что все описанные выше случаи имели место на Карельском перешейке, и механически переносить эту статистику на ситуацию в частях, воевавших в Карелии, будет весьма опрометчиво, однако

некая общая тенденция вырисовывается вполне отчетливо.

Тщетными оказались и надежды финского командования на то, что, перерезав железнодорожную магистраль Лодейное Поле–Петрозаводск, они смогут лишить 7-ю армию связи с «большой землей». Буквально за несколько недель до начала третьего этапа финского наступления было закончено строительство 400-километровой железнодорожной ветки, соединившей Веломорск с магистралью Вологда–Архангельск. Таким образом был создан «северный транспортный коридор» (Беломорск–Медвежьегорск–Петрозаводск), который позволял снабжать войска Карельского фронта, правда, очень длинным, кружным путем. По северной магистрали в 7-ю армию прибыли свежие 313-я и 114-я стрелковые дивизии. Ожесточенные бои за Петрозаводск продолжались две недели и завершились взятием города 1 октября 1941 г.

Приказ Сталина о превращении всей оставляемой территории в зону «выжженной земли», сформулированный им в знаменитом радиообращении 3 июля 1941 г., в полной мере был распространен и на Карелию. Волею того, именно там, вследствие относительно медленного (медленного в сравнении с темпом наступления танковых соединений вермахта) продвижения финских войск, этот приказ выполнялся в реальности. В Петрозаводске было разрушено до 50% жилого фонда, в Кондопоге — 80%; взорваны электростанции, разрушены лесопильные заводы; население, которое не успело или не захотело эвакуироваться, было оставлено без малейших запасов продовольствия. Только приход финской армии спас десятки тысяч человек от голодной смерти. Что,

разумеется, не мешало и по сей день не мешает некоторым авторам оглашать страницы книг и газет причитаниями про «мизерные пайки» и «бесчеловечную расистскую политику» финских оккупантов.

Начался октябрь 1941 года, и началась ранняя и очень суровая в том году зима. После взятия Петрозаводска основные усилия финской армии были направлены на овладение Медвежьегорском и межозерным дефиле между Сегозером и северной оконечностью Онежского озера. Бои «местного значения» в Заснеженном, бездорожном и безлюдном районе северной Карелии продолжались до 6 декабря. Медвежьегорск несколько раз переходил из рук в руки. В конечном итоге финны заняли город и южный участок Беломорско-Балтийского канала. На этом наступление финской армии было повсеместно прекращено. В тот же день, 6 декабря 1941 г., финский парламент принял торжественное постановление о воссоединении освобожденных территорий с Финляндией; территории вне границ 1939 г. получили статус военной оккупированной зоны. Финский 3-й армейский корпус был выведен из оперативного подчинения штаба немецкой армии «Норвегия» и возвратился в распоряжение Маннергейма. Еще до конца 1941 г. началась массовая демобилизация финской армии. К весне 1942 г. в общей сложности 180 тыс. человек вернулись к мирному труду.

В результате боевых действий в Карелии, продолжавшихся в общей сложности почти пять месяцев, финская армия перенесла линию фронта на рубеж естественных водных преград Сегозеро–западный берег Онежского озера–река Свирь–южный берег Ладожского озера. В восточной части реки Свирь был создан

плацдарм вдоль южного берега реки примерно до 15 км в глубину и до 100 км в ширину, который мог быть использован в качестве «предполья» основной оборонительной линии. С военной точки зрения был достигнут огромный успех, так как вместо прежней извилистой линии границы, не имеющей ни одного серьезного естественного рубежа, теперь предстояло оборонять фактически лишь относительно короткую линию фронта по реке Свирь (см. карту № 15). Однако в конечном итоге негативные политические последствия вторжения на суверенную территорию Советского Союза оказались гораздо более весомыми. Но поздней осенью 1941 года об этом в Хельсинки еще не задумывались...

Потери финской армии были весьма велики. По свидетельству Маннергейма (и по оценкам современных финских историков), потери 2-й советско-финской войны превысили потери, понесенные Финляндией в «зимней войне». Безвозвратные потери составили порядка 27 тыс. человек: 26 тыс. убитых и 1 тыс. попавших в плен. Еще порядка 80–90 тыс. человек вышли из строя по причине ранения или болезни (все цифры следует рассматривать как ориентировочные, в работах разных авторов они имеют разброс в 10–15%). Таким образом, общие потери измеряются цифрами в **110–115 тыс. человек, что составляет около 40% от штатной численности всех боевых частей финской армии.** Без особого преувеличения можно сказать, что финская армия доползла до своей убедительной победы, будучи полуживой от усталости и потерь.

Что касается потерь Красной Армии, то единственной достоверной цифрой является

численность пленных, учтённых финским командованием: 64188 человек [28]. Точное количество убитых и раненых красноармейцев командование финской армии, разумеется, знать не могло. Советская же историография не знала никакой «2-й советско-финской войны», а термин «война-продолжение» был известен, но лишь как одна из самых гнусных выдумок буржуазных фальсификаторов истории. Соответственно, никакого отдельного учета потерь на финском фронте не велось (ибо никакого «финского фронта», по мнению советских историков, не было, а было «участие финской военщины в гитлеровской агрессии против СССР»). Кроме того, советская историография с большой неохотой упоминала о пленных, поэтому безвозвратные потери (убитые, пленные, дезертиры) всегда приводились в суммарном виде, без разделения на отдельные составляющие.

Фундаментальный труд группы российских военных историков («Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР») под руководством генерал-полковника Кривошеева содержит данные о потерях в «Стратегической оборонительной операции в Заполярье и Карелии» (29 июня–10 октября). Как видим, хронологические рамки не вполне совпадают с реальной продолжительностью боевых действий (которые в северной Карелии завершились лишь в начале декабря); с другой стороны, в совокупную цифру потерь вошли и потери 14-й армии, воевавшей с немцами в Заполярье. Потери «армейской оборонительной операции на Карельском перешейке» включены в общую сумму потерь войск Северного фронта в период с 10 июля по 23 августа в ходе «Ленинградской оборонительной операции» [9].

Несколько более информативны сведения о потерях фронтов (Северного за весь период его существования и Карельского в 1941 году) [9]. Цифры убитых и пропавших без вести разделены, в результате соотношение числа раненых и убитых укладывается в стандартное 1 к 3: хронологически включены все периоды войны, кроме последней, самой трагической недели боев на Карельском перешейке (окруженные и разгромленные соединения Выборгской группировки с 23 августа считались уже войсками Ленинградского фронта). Если достаточно условно (т.е. на основании предположения о пропорциональной зависимости числа потерь от количества дивизий Северного фронта, воевавших на «немецком» и «финском» фронтах) предположить, что потери 14-й армии в Заполярье составили 25% от общих потерь Северного фронта, то можно прийти к следующей ориентировочной оценке **потерь Красной Армии во 2-й советско-финской войне:**

- Карельский фронт (с 23 августа до конца 1941 г.) — 14720 убитых, 19317 пропавших без вести, 43758 раненых и заболевших;

- Северный фронт (с 29 июня по 23 августа 1941 г., без учета потерь 14-й армии) — 17750 убитых, 47343 пропавших без вести, 47178 раненых и заболевших.

Всего 32 тыс. убитых, 67 тыс. пропавших без вести, 91 тыс. раненых и заболевших, общие потери — 190 тыс. человек.

Скорее всего, приведенные цифры достаточно реалистичны. То, что полученное число пропавших без вести (67 тыс.) больше числа попавших в плен (64 тыс.), не удивительно, так как кроме пленных в категорию «пропавшие без вести» входят убитые и раненые,

оставленные на поле боя при отступлении, а также дезертиры. При всей своей неточности даже эти весьма условные цифры позволяют сделать некоторые вполне конкретные выводы.

Первое. Общие потери (порядка 190 тыс. человек) равны численности 13 стрелковых дивизий, полностью укомплектованных по штатному расписанию военного времени. Другими словами, 23-я и 7-я армии Северного фронта, а также полученные ими в ходе войны подкрепления были практически полностью выведены из строя. А это означает, что слово «разгром», вынесенное в название данной главы, является единственно точным определением того, что произошло летом–осенью 1941 г. среди лесов и озер Карелии.

Второе. Боевые потери (убитые и раненые) финской и советской армий вполне сопоставимы. В силу условности нашей оценки потерь Красной Армии не имеет смысла приводить точные количественные соотношения, но в любом случае речь идет о величинах одного порядка. И этим боевые действия на финском фронте радикально отличаются от ситуации на «немецком фронте», где потери противника были в разы меньше потерь Красной Армии. Воевать «малой кровью» с вооруженной на уровне лучших мировых стандартов Красной Армией финская армия не умела (да и не могла, принимая во внимание уровень подготовки основной массы личного состава, слабость артиллерии, почти полное отсутствие танков и авиации).

Третье. Даже на финском фронте (т.е. там, где противник не имел никакого технического превосходства и не мог резать оборону советских войск «танковыми

клиньями») потери пленными в Красной Армии оказались в два раза больше числа убитых.

Четвертое. Какими бы тяжелыми ни были потери Красной Армии в ходе 2-й советско-финской войны, они все равно оказываются значительно меньшими, нежели потери в чудовищной боине «зимней войны» (127 тыс. убитых и навсегда пропавших без вести, 232 тыс. раненых, обмороженных и заболевших) [9].

Завершая краткий обзор событий 2-й советско-финской войны, нельзя не упомянуть и о судьбе советской военной базы, созданной на «арендованном» у Финляндии полуострове Ханко.

Реальной задачей ВМВ Ханко было заблаговременное создание плацдарма для высадки войск Красной Армии в 100 км от Хельсинки. После того, как о довоенных планах вторжения в Финляндию пришлось забыть (а это случилось уже через неделю после начала войны), дальнейшее существование советской базы на Ханко потеряло всякий оперативный смысл. Декларируемая задача базы («перекрыть артиллерийским огнем вход в Финский залив») так и осталась невыполненной: **ни одного выстрела по кораблям** германского флота ВМБ Ханко не произвела. По самой простой причине — немцы и не собирались вводить свой флот в Финский залив, а если бы и собрались, то преспокойно прошли бы южным фарватером, вне зоны поражения артиллерии базы. Два финских броненосца, все те же неуловимые «Ильмаринен» и «Вяйнемяйнен», предприняли несколько ночных артиллерийских обстрелов ВМВ Ханко (2, 4 и 12 июля, 2 сентября и 15 ноября). Вереговые батареи базы,

не имея никаких приборов для обеспечения прицельной стрельбы ночью, не смогли оказать хотя бы минимальное противодействие (торпедные катера Балтфлота к тому времени уже покинули Ханко) [106].

Находившийся на Ханко кадровый личный состав (порядка 28 тыс. человек) и огромное количество первоклассного вооружения следовало уже в начале июля 1941 г. немедленно эвакуировать. Несколько забегая вперед, отметим, что в конце концов с Ханко в Ленинград было доставлено 22,8 тыс. бойцов, 26 танков Т-26, 72 орудия разных калибров, 590 пулеметов, 22,5 млн. винтовочных патронов, 111 радиостанций. В целом гарнизон Ханко по своему реальному боевому потенциалу превосходил все ленинградские дивизии «народного ополчения», вместе взятые. В июле 41-го успешная эвакуация была еще возможна, так как Краснознаменный Балтфлот не был изгнан со своей главной базы в Таллине и, соответственно, мог обеспечить прикрытие эвакуации на море и в воздухе.

К концу августа 1941 г. немцы заняли все южное побережье Финского залива 28 августа начался злосчастный «таллинский переход», после которого уцелевшие суда перешли в Кронштадт, который на следующие три года превратился в главную базу Балтфлота. После ухода флота из Таллина и после потери всех аэродромов в Эстонии обреченная ВМБ Ханко оказалась в глубоком «морском тылу» противника, который безоговорочно господствовал в море и в воздухе. Однако решение об эвакуации Ханко не было принято ни до «таллинского перехода», ни после него. Более того, Ставка по меньшей мере трижды (13, 14, 21 августа) отклонила соответствующие предложения командования Балтфлота. Вероятно, Сталину полуостров

Ханко был дорог как память. Как память о тех незабвенных днях 1939 года, когда он, подобно ханам Золотой Орды, вызывал к себе на поклон правителей соседних стран, диктовал им свои условия и чертил на карте границы некогда суверенных государств...

Начался сентябрь 41-го, и начался период самых ожесточенных боев на южных подступах к Ленинграду. Судьба города висела на волоске, и уже готовилась крупномасштабная операция по уничтожению сотен промышленных и культурных объектов «второй столицы» СССР. Гарнизон Ханко — разумеется, не по своей воле — продолжал бессмысленное «сидение», которое позднее советская историография назвала «героической эпопеей обороны Ханко».

Газета «Правда» публиковала патетические «письма защитников Ханко», такого, например, содержания: *«На суровом скалистом полуострове, в устье Финского залива, стоит несокрушимая крепость Балтики Красный Гангут. Пятый месяц мы защищаем ее от фашистских орд, не отступая ни на шаг...»* Бывший командующий КБФ (а позднее — доктор исторических наук) адмирал Трибуц с гордостью отмечает в своих мемуарах, что *«несмотря на тяжелые условия обороны, партийная организация непрерывно росла. 4000 защитников Ханко вступили в ряды Коммунистической партии. В комсомол было принято свыше 1000 человек. Некоторые подразделения целиком состояли из коммунистов и комсомольцев...»*.

Кто от кого «героически оборонялся» — сказать трудно. В начале июля 1941 г. финны, действительно, предприняли несколько попыток прорваться на полуостров, но, убедившись на горьком опыте в силе и неприступности созданной на перешейке линии обороны,

полностью прекратили всякие попытки штурма, разумно полагая, что рано или поздно, но советское командование будет вынуждено эвакуировать базу. Для «присмотра» за 25-тысячным гарнизоном ВМБ Ханко были оставлены подразделения береговой обороны и один (!) шведский добровольческий батальон под командованием подполковника Х. Берггрена. После этого боевые действия на Ханко свелись к систематическому обмену взаимными артиллерийскими ударами и диверсионным вылазкам на многочисленные окружающие Ханко крошечные островки.

Наконец наступил ноябрь, и толстая корка льда начала покрывать прибрежную полосу Финского залива. Дальше тянуть с эвакуацией Ханко было уже нельзя, так как «вмерзнувшую в лед» базу финны могли бы взять штурмом сухопутных сил с тех направлений, где никаких оборонительных позиций построено не было. 7 ноября Ставка дала разрешение на эвакуацию. Перед уходом «арендаторы» получили приказ максимально разрушить имущество «хозяев». *«...Нас посылали в город ломать и разрушать все подряд: окна, двери, даже мебель в комнатах. Нельзя было только ничего жечь, чтобы финны не догадались о начавшейся эвакуации. Все, что не могли увезти с собой, полагаюсь испортить или уничтожить. Мешки с разной крупой — горох, рис, пшено, греча — ссыпались в одну кучу и обливались керосином, после этого не надо и жечь... Многие на полуострове заминировали. Заложили мины на дорогах и в домах. На хлебозаводе последнюю выпечку оставили на досках, прижимавших контакты подрывных зарядов...»* [189].

Фактически частичная эвакуация началась еще 27 октября и продолжилась 3 и 5 ноября, т.е. еще до получения приказа на полную эвакуацию ВМБ Ханко.

Первые караваны прошли по буквально нашпигованному немецкими, финскими и советскими минами Финскому заливу вполне удачно: без потерь кораблей и людей или с минимальными потерями. 22, 23, 25, 28 ноября прошли следующие караваны. Потери росли — на затонувших кораблях (включая эсминец «Сметливый») погибло 728 человек. Поздним вечером 2 декабря с Ханко вышел последний, самый крупный караван судов: турбоэлектроход «Иосиф Сталин», принявший на борт порядка 5600 человек, два эсминца и шесть тральщиков. Всего на всех кораблях находилось более 8,6 тыс. человек. Позднее военно-морскими специалистами было указано на многие ошибки, допущенные при проводке каравана через сплошной «частокол» минных заграждений. Как бы то ни было, но в 1 час ночи, в кромешной темноте суда вошли в зону плотного минного заграждения, предположительно немецкого.

В течение четырех минут взрывами мин у трех тральщиков перебило шесть параванов (тралящих устройств); сильный ветер сносил огромный транспорт с высокими пассажирскими палубами прочь из протраленной полосы.

В 1.18 сотрясение от близкого взрыва мины вывело из строя рулевое управление транспорта, корабль начал двигаться по замкнутому кругу и в 1.22 подорвался на первой мине, которая разрушила рулевое управление и гребной винт. В 1.26 следующий взрыв разрушил носовую часть корабля. Неуправляемое судно медленно сносило ветром в сторону одного из советских минных заграждений. Попытки взять транспорт на буксир не увенчались успехом, и в 3.31 произошел следующий сильнейший взрыв (предположительно — детонация артиллерийских боеприпасов вследствие подрыва на

советской mine). Тральщики упорно пытались спасти эвакуируемых, но сильное волнение моря не позволяло пришвартоваться к тонущему кораблю. Люди прыгали с борта «Сталина» в ледяную воду декабрьской Балтики и пытались доплыть до спасательных шлюпок и плотов...

Согласно отчету командования КБФ, к рассвету 3 декабря с транспорта удалось снять 1740 человек. Командир отряда вице-адмирал В.П. Дрозд на эсминце «Стойкий» еще в 2 часа ночи покинул район катастрофы и ушел на восток к острову Гоглаид (Суурсаари), куда и прибыл благополучно в 14.00 3 декабря. Остальные корабли каравана с выжившими людьми прибыли на Гоглаид вечером 3 декабря. Тем временем искореженный взрывами «Иосиф Сталин» (голландской постройки 1940 г.) все еще держался на плаву и медленно дрейфовал в сторону эстонского берега. Утром 4 декабря корабль сел на мель у берега в 20 км к западу от Таллина. В этот момент командующий Краснознаменным Балтфлотом вспомнил, видимо, приказ настоящего И. Сталина (директива Ставки № 270 от 16 августа 1941 г. «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий»), который требовал: *«Если часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен — уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными»*. Адмирал Трибуц приказал добить «Иосифа Сталина» ударами бомбардировочной авиации и торпедных катеров [106]. Добить вместе с *«подразделениями, которые целиком состояли из коммунистов и комсомольцев»*. Этот приказ адмирала (как, впрочем, и многие другие) не был выполнен — формально вследствие нелетной погоды и сильного обледенения

торпедных катеров. Хотелось бы надеяться, что это была не единственная причина.

К полудню 4 декабря 1941 г. немецкие и финские корабли подошли к «Сталину» и сняли с него порядка 4 тыс. человек, ставших в результате военнопленными. Всего в ходе эвакуации ВМБ Ханко безвозвратные потери (погибшие и попавшие в плен) составили 4987 человек. Получил повреждения и встал на ремонт лидер «Ленинград», подорвались на минах и затонули три эсминца («Сметливый», «Суровый» и «Гордый»), сторожевой корабль «Вирсайтис», четыре тральщика, госпитальное судно «Андрей Жданов», транспорт «Иосиф Сталин», более 10 судов малого класса (торпедные катера, морские охотники). Эти потери, сопоставимые с потерями в крупном морском сражении, стали **единственным практическим результатом** создания весной 1940 г. советской военно-морской базы на полуострове Ханко.

Глава 4.3

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

Если в боевых действиях лета–осени 1941 г. финская армия одержала блестящую победу, то на «политическом фронте» ситуация ухудшалась каждым днем. Долго «сидеть на двух стульях» было невозможно — тем более, что «стулья» эти имели вполне отчетливые собственные интересы.

Гитлера абсолютно не интересовали обещания, которые Маннергейм давал кому-то в 1918 году, *«мечи в ножнах»*, *«восход утренней зари над Беломорской и Олонецкой Карелией»* и прочие красоты. От финской

армии ожидали (а потом и требовали) участия в штурме Ленинграда и наступления от рубежа реки Свирь на Тихвин и Волхов для создания «большого кольца окружения» вокруг Ленинградского и Волховского фронтов Красной Армии.

И на то, и на другое предложения Рюти и Маннергейм дали немцам вежливый письменный отказ. 4 сентября 1941 г. в Ставку Маннергейма в Миккели в качестве «главноуправляющего» прибыл сам начальник штаба оперативного руководства вермахта А. Йодль. Он вручил Маннергейму высшую военную награду Германии — Рыцарский Крест (в советской историографии называемый «Железным крестом»). Маннергейм принял орден с благодарностью, но от наступления за Свирь и совместного с немцами штурма Ленинграда категорически отказался. В ноябре командующий 3-м АК генерал Сииласвуо начал откровенно саботировать приказы штаба немецкой армии «Норвегия» (в оперативном подчинении которой находился финский корпус) о наступлении к Мурманской железной дороге в полосе Кестеньга–Лоухи (см. карту №7).

Все это не могло не вызывать растущее раздражение в Берлине, который привык к совершенно другому стилю и способу взаимодействия со своими сателлитами. Способ этот ныне хорошо известен. Сначала с помощью и при поддержке германских спецслужб создавалась экстремистская, националистическая организация фашистского толка («ушташи» в Хорватии, «салашисты» в Венгрии, «железная гвардия» в Румынии, «глинковцы» в Словакии), затем этой организации или прямо передавалась диктаторская власть, или же её сохраняли

в качестве вооруженной, всесильной «оппозиции»; во главе обреченной страны ставили гитлеровскую марионетку; вооруженные силы переходили под полный и неприкрытый контроль немецких офицеров. И только после завершения всех «подготовительных мероприятий» части и соединения страны-сателлита присоединялись — опять же, под прямым и непосредственным командованием гитлеровских генералов — к очередному завоевательному походу Германии.

Ничего подобного в случае с Финляндией не происходило. Крайне правое, профашистское «лапуаское движение» было запрещено и разгромлено в начале 30-х годов, его лидеры оказались в тюрьме. Ни о каком возрождении подобных организаций в Финляндии не могло быть и речи. Страна сохраняла демократический конституционный строй, не допуская даже малейшего вмешательства Германии, гитлеровской партии и СС во внутренние дела страны. Причем об этом немцев предупредили заранее: еще 3 июня 1941 г., в ходе совещания с военными представителями Германии, начальник финского Генштаба Хейнрихс заявил о том, что *«попытка учредить в Финляндии правительство „квислинговского типа“ тут же положит конец германо-финскому сотрудничеству»* [65]. Кстати, о Квислинге (глава марионеточного «правительства» оккупированной Норвегии, за сотрудничество с фашистами по приговору суда казнен 23 октября 1945 г.) — Финляндия продолжала поддерживать дипломатические отношения с законным правительством Норвегии в изгнании, а в Хельсинки находился посол Норвегии. Для того чтобы по достоинству оценить эту ситуацию, следует вспомнить о том, что в мае 1941 г.

Советский Союз, демонстрируя лояльность по отношению к Берлину, разорвал дипотношения и выдворил посольство Норвегии из Москвы.

С другой стороны, немцы не могли не признать тот факт, что финская армия весьма успешно воюет против Красной Армии, в то время как румынские и словацкие части оказались пригодны лишь для грабежей и карательных рейдов по партизанским районам, а итальянские дивизии (названные вместо «нормальных» номеров именами героев античной древности) оказались вообще ни к чему не пригодны. В результате Германия продолжала оказывать знаки внимания и помощь как Маннергейму лично, так и Финляндии в целом. Так, уже в конце октября 1941 г. экономика Финляндии оказалась в состоянии столь острого кризиса, что финны были вынуждены просить у Германии 175 тыс. тонн зерна, без которого население страны просто не дожило бы до следующего урожая, 150 паровозов и не менее 4 тыс. вагонов для оказавшейся на грани катастрофы транспортной системы. 21 ноября Кейтель пообещал форсировать поставки зерна, доставить морским путем 55 паровозов и 900 вагонов, напомнив при этом, что в силу отсутствия «сухопутного контакта» (т.е. отказа Маннергейма наступать от реки Свирь на Тихвин) более масштабные поставки технически невозможны [65].

С каждым днем ухудшались и взаимоотношения Финляндии с ее бывшими западными союзниками. Причем в данном случае давление шло сразу с двух сторон. Немцы (не без основания) были возмущены тем, что в столице государства, которому они оказали и продолжают оказывать столь ценную помощь, находятся посольства главных противников Германии. Уже 9 июля 1941 г. Риббентроп потребовал разрыва дипломатических

отношений между Финляндией и Великобританией (США на тот момент официально не находились в состоянии войны против Германии, соответственно формальных оснований для требования разрыва дипотношений с Америкой у Риббентропа не было). 22 июля финны ответили на это требование туманным обещанием *«провести соответствующие переговоры и при необходимости разорвать дипломатические отношения с Великобританией»*. Ситуация обострилась сама собой после того, как 30 июля палубные штурмовики с английского авианосца «Фьюриес» нанесли удар по немецким судам в норвежском порту Киркенес и в финском Петсамо. И хотя целями были немецкие военные объекты на крайнем севере Финляндии, фактически контролируемом немецкими войсками, этот эпизод позволил финскому правительству выполнить требование Берлина, не «теряя лица» и не обостряя без нужды взаимоотношения с Англией. Посольство Финляндии было отозвано из Лондона, англичане ответили тем же самым, но дальше этого процесс не пошел.

С другой стороны, товарищ Сталин, молниеносно освоившийся со своей новой (и прямо скажем — совершенно неожиданной для него) ролью «участника антигитлеровской коалиции демократических стран», начал все более и более настойчиво — нет не просить, а требовать от Черчилля и Рузвельта все новых и новых уступок, подарков и пр.

Уже 18 июля Сталин в письме Черчиллю предложил создать новый фронт против Гитлера на севере Европы. Под этим понимались активные действия английских воздушных и морских сил, а также высадка в северной Норвегии одной английской дивизии или «норвежских добровольцев для повстанческих действий против

немцев». Не исключено, что авианалет на Киркенес и Петсамо, послуживший поводом для расторжения дипотношений между Финляндией и Англией, был организован в ответ на это требование Сталина.

Что же касается постоянных требований Сталина объявить Финляндии войну, то Лондон и Вашингтон могли относительно спокойно игнорировать их лишь до тех пор, пока финские войска не пересекли границу 1939 года.

Ни Англия, ни США никогда не признавали законными сталинские завоевания в Европе 1939–1940 годов, агрессия против Финляндии была официально осуждена Лигой Наций, президент Рузвельт, как известно, распространил в декабре 1939 г требования «морального эмбарго» (запрет на поставку авиационной и авиамоторной техники) на СССР, так что требовать от Финляндии соблюдения условий грабительского Московского мирного договора от 12 марта 1940 года союзники не собирались. Не последнюю роль сыграло и то, что советские бомбардировки 25–26 июня 1941 г. и их последствия английские и американские дипломаты видели своими собственными глазами. Ситуация стала меняться после того, как в сентябре 1941 г. финская армия продвинулась на десятки, а затем и сотни километров вглубь суверенной территории СССР.

22 сентября 1941 г. Финляндия получила официальную ноту британского правительства, в которой содержалось требование об отводе финских войск на линию границы 1939 года и предупреждение о том, что в случае дальнейшего продвижении вглубь России *«британское правительство будет вынуждено признать Финляндию противником как в ходе войны, так и при*

*заклучении мира». С 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве прошли переговоры, на которых была достигнута договоренность об англо-американских поставках вооружения, военных материалов и продовольствия в Советский Союз. Один из самых коротких «транспортных коридоров» проходил по водам Северной Атлантики и Баренцева моря в порты Мурманска и Архангельска. С этого момента Америка уже не могла безучастно взирать на ход 2-й советско-финской войны. 27 октября 1941 г. правительство США отправило президенту Рюти официальную ноту, где наряду с требованием об отводе войск к границе 1939 г. было заявлено, что *«если суда, перевозящие военные грузы, отправляемые Соединенными Штатами на север Советского Союза, будут явно или тайно атакованы с территории, находящейся под контролем Финляндии, то такой инцидент вызовет немедленный кризис в отношениях между Финляндией и США»* [65].*

Наконец, 28 ноября 1941 г. финское правительство получило английский ультиматум, в котором был назван конкретный день — 5 декабря 1941 г., после которого Финляндия должна была *«прекратить военные операции и воздерживаться от участия в любых враждебных (по отношению к СССР и Великобритании) действиях»*. В случае невыполнения этого ультиматума Финляндии предстояло оказаться в состоянии войны с Англией. На следующий день, 29 ноября 1941 г., посол США в Финляндии передал Маннергейму личное послание от У. Черчилля: *«...Я очень огорчен тем, что, по моему мнению, ожидает нас в будущем, а именно то, что мы **по причине лояльности** (подчеркнуто мной. — М.С.) вынуждены через несколько дней объявить войну Финляндии... Я надеюсь, что в силах убедить Ваше*

Превосходительство в том, что мы победим нацистов. Для многих английских друзей Вашей страны было бы досадно, если бы Финляндия оказалась на одной скамье вместе с обвиняемыми и побежденными нацистами. Вспоминая приятные наши беседы и обмен письмами, касающимися последней войны, я чувствую потребность послать Вам чисто личное и доверительное сообщение для раздумий, пока не поздно» [22].

Данное в мемуарах Маннергейма объяснение причин, по которым Финляндия отвергла требования английского правительства, выглядит не слишком убедительно. На заседании правительства якобы было принято решение согласиться с требованиями Лондона, тем более что об отводе войск к границе 1939 г. речь в них и не шла. Нежелание сообщать о своей согласии (до полного завершения боев у Медвежьегорска) было якобы связано с опасениями по поводу того, что англичане передадут эту информацию в Москву. Как бы то ни было, но 6 декабря 1941 г, в очередную годовщину провозглашения независимости Финляндии и в день завершения боевых действий на советско-финском фронте, Англия объявила ей войну. Соединенные Штаты, в гораздо меньшей степени связанные в своих решениях «причинами лояльности» по отношению к Сталину, вполне удовлетворились фактическим прекращением боевых действий и отсутствием каких-либо попыток финской армии перерезать линию железной дороги Мурманск–Веломорск. В результате ни объявления войны, ни разрыва дипломатических отношений с Финляндией так и не произошло.

1942 год начался с контрнаступления Красной Армии у стен Москвы и завершился окружением немецких, румынских и итальянских войск под Сталинградом. В январе 1943 года Красная Армия смогла, наконец, пробить немецкую оборону в районе Шлиссельбурга, и между осажденным Ленинградом и «большой землей» появился узкий, 10-километровый, простреливаемый артиллерией, но всё же реально действующий «транспортный коридор». Это означало, что самая страшная глава истории блокады Ленинграда завершилась. 2 февраля 1943 г. грандиозное сражение у Сталинграда закончилось полным разгромом и пленением остатков армий противника. На следующий день, 3 февраля 1943 г., в главном штабе финской армии в Миккели состоялось совещание высшего военно-политического руководства Финляндии. Участники вынуждены были прийти к совершенно неутешительному выводу: Германия неизбежно проиграет эту войну, а Финляндии придется расплачиваться за то, что она ошиблась в выборе союзника. Практические предложения сводились к тому, что надо искать такой способ скорейшего выхода Финляндии из войны, при котором удалось бы сохранить ее суверенитет и государственную независимость.

Задача, которая была очень трудной — и оказалась практически не разрешенной в конце 1941 года — в новой ситуации представлялась практически невыполнимой. Финское общество и финский парламент были еще не готовы к тому, чтобы признать все жертвы двух войн напрасными и согласиться с отходом к линии границы 1940 года. Сталин, опьянённый выдающимися успехами Красной Армии, был уже не согласен на простое восстановление довоенного «статус-кво».

Негласные контакты советских и финских представителей, происходившие на протяжении 1942–1943 гг. в столицах нейтральных государств, показали, что почвы для компромиссного соглашения нет. Более того, об этих контактах, как и следовало ожидать, стало известно немцам, результатом чего стал демонстративный отзыв посла Германии из Хельсинки и временное прекращение поставок продовольствия в начале июня 1943 г.

Луч надежды забрезжил в Лиссабоне, где летом 1943 г. через посольство США в Португалии происходили тайные переговоры, на которых обсуждалась возможность высадки американских войск на севере Скандинавии.

В результате министр иностранных дел Финляндии, по согласованию с Маннергеймом, направил в госдепартамент США письмо с заверением, что финская армия не станет препятствовать появлению американских войск на территории Финляндии. Появление реальной «третьей силы», способной обеспечить мирный выход Финляндии из войны, могло бы полностью изменить безысходную для финнов ситуацию, однако планы высадки союзников в Скандинавии так и остались на бумаге.

С 29 ноября по 2 декабря в Тегеране состоялась первая встреча лидеров трех союзных держав: Сталина, Черчилля и Рузвельта. На сообщение западных союзников о том, что Финляндия готова освободить Восточную Карелию и Олонец (т.е. отойти к линии границ 1939 г.) Сталин ответил коротким замечанием: «Финляндия не хочет серьезных переговоров с Советским Союзом». Для Сталина международно-признанная

граница 1939 г. уже перестала быть достойным упоминания предметом обсуждения. В конце концов Сталин в устной форме пообещал проявить великодушие и найти на базе возвращения к границам 1940 г. такое решение вопроса, при котором будет сохранена независимость Финляндии. На уровне обязывающих решений Тегеранской конференции было решено — и об этом через посла СССР в Швеции было проинформировано финское руководство — не распространять на Финляндию требование «полной и безоговорочной капитуляции», каковое требование будущие победители договорились считать единственно возможной формой завершения войны с Германией и ее союзниками.

Не исключено, что и Рузвельт дал Сталину определенные обещания по «финскому вопросу». 30 января 1944 г. правительство Финляндии получило официальную ноту США, в которой говорилось, что чем дольше Финляндия будет откладывать заключение мирного договора с СССР, тем более неблагоприятными для нее будут условия этого договора. В эти же самые дни на аэродромах Ленинградской и Новгородской областей, недавно освобожденных от немецких оккупантов, завершались последние приготовления к проведению крупнейшей за все время войны (не советско-финской, а Второй мировой войны) воздушной операции советских ВВС.

Подготовка к проведению этой операции была начата еще в декабре 1943 г., сразу после завершения Тегеранской конференции. Вполне очевидная задача — оказать давление на финское руководство, продемонстрировать ему неизмеримо возросшую военную мощь Советского Союза, возможно, была не

единственной. Амбиции Сталина требовали продемонстрировать Западу, что и советская стратегическая авиация способна наносить сокрушительные удары, превращая в прах и пепел целые города. Столица Финляндии, с ее слабой и устаревшей системой ПВО, представлялась идеальным объектом для такой демонстрации. К участию в многодневной операции привлекалась практически вся авиация дальнего действия (АДД) Советского Союза. В давно ушедшее прошлое ушли уже указания «бомбить малыми группами отдельных звеньев». С равными интервалами в 10 дней планировалось нанести три мощнейших удара, в которых одновременно должны были принять участие все боееспособные самолеты. И самолетами этими были уже не легкие «скоростные» СБ с бомбовой нагрузкой в шесть ФАБ-100, а дальние ДБ-3ф, американские «Митчелы» В-25, американские же «дугласы» советского производства (Ли-2) и тяжелые четырехмоторные «летающие крепости» Flе-8, способные поднять ФАБ-2000 или даже ФАБ-5000.

Первый налет состоялся в ночь с 6 на 7 февраля. Из 785 поднявшихся в воздух бомбардировщиков достигли цели **728 самолетов, которые сбросили на Хельсинки 6991 бомбу общим весом в 924 тонны.** Без малого одна килотонна. Среди всего прочего на столицу Финляндии было сброшено две ФАБ-5000 (одна такая бомба могла снести целый квартал), шесть ФАБ-2000 и четыре ФАБ-1000. Составленное на следующий день донесение штаба ВВС Карельского фронта гласило: *«Воздушной разведкой истребителей, проводившейся в 14.05, установлено, что весь город остается в дыму...»* [52].

Во втором налете, состоявшемся в ночь с 16 на 17 февраля, приняло участие «всего» 408 (по другим данным — 497) самолетов, которые сбросили на город 4317 бомб. Самым мощным стал третий налет (в ночь с 26 на 27 февраля), в котором приняло участие **929 бомбардировщиков, из которых 863 достигли цели**. Было сброшено 5182 бомбы суммарным весом 1010 тонн. Характерной особенностью этого налета стало массированное использование тяжелых и сверхтяжелых бомб: 20 ФАБ-2000, 621 ФАБ-500, 1431 ФАБ-250. В общей сложности на Хельсинки было сброшено **16490 фугасных и зажигательных бомб совокупным весом 2575 тонн**. Еще раз подчеркнем, что это была самая крупная операция советской АДД за все годы войны. И не просто «самая крупная», а не идущая ни в какое сравнение со знаменитыми, описанными в сотнях публикаций налетами на Берлин, осуществленными в конце лета 1941 г. Тогда ВВС Балтфлота в период с 8 августа по 5 сентября сбросили на Берлин 311 бомб общим весом в 36 тонн.

Февральские бомбардировки Хельсинки имели многообразные, по большей части — неожиданные, последствия.

Когда в сентябре 1944 г. (уже после подписания Соглашения о перемирии) представители советского военного командования смогли прибыть в Хельсинки, то вместо груды обугленных развалин они, к крайнему своему удивлению, обнаружили полный жизни город. Эмоциональные впечатления вполне подтверждаются ставшими ныне известными цифрами и фактами. Согласно докладу командующего ПВО Финляндии, представленному 7 февраля в Ставку Маннергейма, в результате первого налета в черте города было

разрушено и повреждено 64 каменных дома, в пригородах разрушено или сгорело 29 каменных и 330 деревянных зданий. Погибло 83 человека, 322 были ранены. В порту Хельсинки уничтожено два грузовых судна и один сторожевой катер [52]. Жертвы и разрушения, как видим, значительные, но никак не соответствующие ожидаемому результату от сброса 7 тыс. бомб общим весом почти в килотонну.

По сведениям финского историка авиации К.Ф. Геуста, в «населенных районах города» упало всего 799 бомб, что, как нетрудно убедиться, составляет всего 4,8% от общего числа сброшенных в ходе трех налетов бомб, или 8,5% от общего числа фугасных бомб (факт падения каждой зажигательной бомбы не всегда мог быть зафиксирован по отдельности). Куда же упали остальные, т.е. 15 тыс. авиабомб? На портовые сооружения и промышленные предприятия в пригородах Хельсинки? Возможно. Но потеря (в общей сложности) трех катеров и двух грузовых пароходов заставляет усомниться и в этом. Тот же К.Ф. Геуст высказывает следующую гипотезу: *«Использование зенитного огня с управлением от РЛС и заранее просчитанных схем ведения заградительной стрельбы заставило большинство атакующих самолетов отвернуть от города и сбросить бомбы в море»*. Это, разумеется, всего лишь мнение одного историка, а посему вопросы остаются. Возможно, вопросы эти были заданы и Главному маршалу авиации, командующему АДД товарищу А.Е. Голованову. Бесспорно одно — в конце 1944 г. АДД была расформирована, и на этом феерическая карьера Голованова (он стал маршалом в 39 лет от роду, пройдя путь от командира бомбардировочного полка до должности командующего АДД всего за 10 месяцев)

приостановилась (безвозвратно оборвалась она лишь после смерти Сталина).

В целом же февральские («мирные», как их называли в Финляндии) бомбардировки оказались недостаточно мощными для того, чтобы сломить волю финнов к сопротивлению, но вполне убедительными для тех, кто все еще надеялся на возможность заключения «почетного мира». 12 февраля 1941 г. финское правительство направило Ю.К. Паасикиви (бывшего посла в Москве и неизменного сторонника политики уступок и «умиротворения» Сталина) в Стокгольм, на встречу с послом СССР в Швеции. 23 февраля Паасикиви вернулся со следующим «пакетом» условий заключения мира:

- граница 1940 года;
- передача порта и района никелевых рудников Петсамо Советскому Союзу;
- разоружение и интернирование немецких войск, находящихся на территории Финляндии;
- демобилизация финской армии до размеров довоенной армии мирного времени;
- возмещение военных убытков Советскому Союзу;
- освобождение и возвращение на Родину военнопленных.

Примечательно, что авторы классической советской 12-томной «Истории Второй мировой войны» не нашли в 12 томах места для перечисления этих требований, ограничившись лишь следующим пассажем: *«Советский Союз изложил мирные условия, расцененные во многих странах как вполне умеренные и приемлемые. Однако с*

финской стороны последовал ответ, что они не устраивают ее» [365].

Обсуждение требований Москвы на совещании у президента Финляндии началось вечером 26 февраля 1944 г. Массированный налет советской авиации лишь ускорил принятие отрицательного решения. Если с неизбежностью возврата к границам 1940 г финские руководители уже успели смириться, то требования интернирования немецких войск, выплаты репараций и отказа от Петсамо представлялись на тот момент в равной степени невыполнимыми и неприемлемыми. 8 марта через заместителя министра иностранных дел Швеции был передан отказ от принятия таких условий, но при этом выражено желание начать прямые переговоры с СССР. 10 и 19 марта, опять же через посла А.М. Коллонтай, был получен следующий ответ: *«Советские условия перемирия с Финляндией в виде шести пунктов, переданных г. Паасикиви 19 февраля, являются минимальными и элементарными, и лишь при принятии этих условий финским правительством возможны советско-финские переговоры...» [364].* Тем не менее, советское правительство выразило согласие на приезд финской делегации в Москву.

Практически одновременно с этим. 13 и 16 марта госсекретарь США К. Халл, а затем и президент Ф. Рузвельт публично заявили о том, что Финляндия должна выйти из войны. Таким образом, финскому правительству было совершенно недвусмысленно рекомендовано соглашаться на имеющиеся условия мира, пока они не стали еще хуже.

А они могли стать только хуже, так как после окончательного разгрома гитлеровской Германии Сталин,

с одной стороны, перестал бы нуждаться в помощи союзников, а значит, и сдерживать свои аппетиты в соответствии с их рекомендациями, с другой — смог бы сосредоточить на финском фронте подавляющую военную мощь.

К сожалению, эта простая логика не была своевременно осознана финским руководством. Переговоры в Москве, которые 27–29 марта вели Паасикиви и министр иностранных дел Энкель, закончились полным провалом. Молотов настаивал на «шести пунктах» и конкретизировал два из них. Изгнание и/или интернирование немецких войск в Финляндии должно было быть завершено до конца апреля, а размер репараций был определен в 600 млн. долларов.

Для того чтобы по достоинству оценить эту астрономическую цифру, достаточно вспомнить, что знаменитая американская «летающая крепость» (четырёхмоторный стратегический бомбардировщик В-17) стоил «всего» 200–250 тыс. долларов. После двухнедельного обсуждения правительство и парламент Финляндии единодушно пришли к решению, которое 19 апреля через посла Коллонтай передали в Москву: *«Принятие этих предложений, которые отчасти неосуществимы по техническим причинам, в значительной степени ослабило бы и нарушило бы те условия, при которых Финляндия может продолжать существовать как самостоятельное государство...»* [364].

Это была ошибка, причем — как показали последующие события — ошибка очень дорогостоящая. Москва получила дополнительный пропагандистский «козырь», которым не преминула воспользоваться. 22 апреля в Наркомате иностранных

дел СССР состоялась пресс-конференция, на которой выступил заместитель наркома Вышинский. То был образец демагогии, достойный как самого т. Вышинского, так и его Хозяина: *«...Финское правительство в своих отношениях с немецкими фашистами зашло так далеко, что уже не может, да и не хочет, порвать с ними. Оно поставило свою страну на службу интересам гитлеровской Германии. Нынешнее финское правительство не хочет изгнать немецкие войска из Финляндии. Оно не хочет восстановления мирных отношений: Оно предпочитает оставить свою страну в вассальском подчинении гитлеровской Германии...»* [364].

Из этого выступления можно было понять, что одна только любовь к Гитлеру и желание «служить интересам Германии» заставили правительство Финляндии отклонить бескорыстные предложения Советского Союза о «восстановлении мирных отношений». А настойчивая и жесткая критика «нынешнего финского правительства» давала основание предположить, что Сталин хотел бы увидеть (а еще лучше — привезти) в Хельсинки другое, «правильное» правительство.

С другой стороны, столь широкая огласка факта ведущихся переговоров привела к острому кризису в германо-финских взаимоотношениях. В середине марта была задержана поставка очередной партии вооружения, 13 апреля Германия прекратила отправку зерна, и **18 марта было введено полное эмбарго**. В последних числах марта начальника финского Генштаба пригласили прибыть «для обмена информацией» в германскую Ставку. Как пишет в своих мемуарах Маннергейм, *«тон выступления Кейтеля был таким, что генерал Хейнрихс встал и предложил продолжить беседу с глазу на глаз»*.

До рукоприкладства на генеральском уровне дело не дошло, но позиция немецкого командования осталась непримиримой: поставки зерна и вооружения могут возобновиться лишь в том случае, если Финляндия даст официальные и публичные гарантии того, что не пойдет на заключение мира с СССР.

Если для Финляндии март 1944 года стал месяцем трагических ошибок, то Сталин мог по праву гордиться своей иезуитской хитростью. Никогда прежде его действия «на финском направлении» не были столь удачны. Он продемонстрировал своим ненавистным западным союзникам доброжелательную готовность учесть их мнения и пожелания даже в вопросе, касающемся прежде всего интересов СССР. Он продемонстрировал союзникам и всему миру факт состоявшихся переговоров и высокомерный отказ «нынешнего финского правительства от восстановления мирных отношений». Наконец, Сталину просто повезло — в Хельсинки явно переоценили свои силы и столь же явно недооценили серьезность намерений Москвы. Теперь осталось только дожидаться оптимального момента для «окончательного решения финского вопроса». А то, что такой момент обязательно наступит, Сталин — на основании решений Тегеранской конференции — прекрасно знал.

На рассвете 6 июня 1944 г. началась крупнейшая десантная операция в мировой истории — высадка союзных войск в Нормандии. Масштаб событий превысил все, что ранее могло себе представить самое горячее воображение. 1200 боевых кораблей, 4126 десантных барж, 864 транспортных судна двинулись через Ла-Манш.

Авиация союзников выполнила 6 июня 14 тыс. боевых вылетов. К вечеру на побережье было высажено — с моря и с воздуха — более 156 тыс. человек. К захваченным плацдармам буксировали два плавучих порта, по дну Ла-Манша был проложен бензопровод, питающий горючим сотни, а затем и тысячи англо-американских танков, бронетранспортеров, самоходных орудий. Накануне «дня Д» стратегическая авиация союзников разрушила все мосты на реках Сена и Луара, лишив таким образом немецкое командование возможности перебросить танковые дивизии к району высадки.

Весь мир, затаив дыхание, ждал исхода грандиозного сражения...

9 июня 1944 г. грохот небывалой артиллерийской канонады известил о начале наступления Красной Армии на Карельском перешейке. Маннергейм пишет, что гром советских орудий был отчетливо слышен в его Ставке в Миккели, т.е. за 200 км от линии фронта. 3,5 тысячи орудий, поддержанных бомбовым ударом авиации, выполнившей 9 июня 1150 боевых вылетов, буквально смели с лица земли передний край обороны финской армии. Затем в образовавшийся на узком 15-километровом прибрежном участке прорыв хлынула лавина пехоты и танков. Даже по форме одежды (погоны вместо красноармейских петлиц) наступающая армия не была похожа на ту, что в декабре 1939 г. с винтовками наперевес начала наступление на «линию Маннергейма». Новая Красная Армия, выросшая за три года страшной войны новые командные кадры, перевооруженная новым, во многом — лучшим в мире, советским и американским оружием, закаленная в боях и уверенная в своей

несокрушимой мощи, двинулась в очередной «яростный поход».

На новой полосе укреплений, построенных на некотором удалении от линии фронта, замершего в сентябре 1941 г., финны развернули в двух эшелонах 5 пехотных дивизий (2, 3, 10, 15, 18-я) и две бригады. По официальным советским данным. 21-я и 23-я армии Ленинградского фронта начали «Выборгскую наступательную операцию» в составе 15 стрелковых дивизий [9]. Таким образом, превосходство в численности пехоты было «всею лишь» 3-кратным. И это действительно, скромные цифры — если сравнивать их с завершающим этапом «зимней войны». Новая Красная Армия надеялась решить поставленную задачу не «заваливанием трупами», а решительным массированием танков, артиллерии и ударной авиации на направлениях главного удара.

В начале наступления на Карельском перешейке действовали одна (30-я Гвардейская) танковая бригада и 10 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков (в Общей сложности порядка 300 единиц бронетехники).

К концу месяца в сражении участвовало уже четыре танковые бригады (30, 1, 152, 220-я) и 15 отдельных полков. Отсутствие крупных танковых соединений (корпусов и танковых армий) было еще одной характерной особенностью Выборгской наступательной операции, свидетельствующей как раз о возросшем оперативном мастерстве советского командования. Условия местности, покрытой лесами, озерами и болотами, не позволяли осуществлять глубокие танковые прорывы, поэтому бронетехника отдельными частями

была распределена по стрелковым соединениям, численность которых к концу июня возросла до 28 дивизий.

Количественное превосходство советской авиации было просто подавляющим 13-я Воздушная армия, усиленная 113-й и 334-й бомбардировочными дивизиями, а также 2-й Гвардейский истребительный корпус ПВО имели в своем составе 489 истребителей, 346 штурмовиков Ил-2, 288 бомбардировщиков (Ил-4, Пе-2, Ту-2). Кроме того, в оперативное подчинение командования 13-й Воздушной армии были переданы части ВВС КБФ (порядка 200—220 боевых самолетов). В первые дни операции прикрыть с воздуха финские части могли лишь три истребительные группы (14 «Мессершмиттов» Vf-109G из LLv-24 на аэродроме Сууляярви, 18 «брюстеров» из LLv-26 на аэродроме Хейниоки, 16 «мессершмиттов» из LLv-34 на аэродроме Котка) общей численностью в 48 истребителей [52].

В дальнейшем в боях на Карельском перешейке приняла участие практически вся бомбардировочная авиация ВВС Финляндии общей численностью в 66 самолетов.

В первую неделю операции наступление развивалось исключительно успешно. Оказавшаяся на направлении главного удара советских войск 10-я финская пехотная дивизия была сметена и отброшена на 10–15 км от линии фронта. Как пишет Маннергейм, *«10-я дивизия, бившаяся близ Финского залива, потеряла большую часть своей артиллерии. 11 июня ее рассеянные подразделения отвели на линию Ваммелсуу–Тайпале для пополнения и переформирования»*. Ни такие события, ни такие

выражения («рассеянные подразделения») ранее в мемуарах маршала Финляндии не встречались. В течение двух-трех дней части 21-й армии вышли на главную линию финских укреплений и утром 14 июня прорвали ее в районе деревни Куутурселькя. Для ликвидации прорыва Маннергейм направил свой главный резерв — единственную в финской армии бронетанковую дивизию, которой в то время командовал прославленный генерал Лагус.

Бронетехники в дивизии Лагуса было довольно много (порядка 120 единиц), но в основном это были трофейные советские легкие танки, захваченные в ходе финского наступления 1941 года или даже во время «зимней войны». Единственной реальной силой был батальон, вооруженный немецкими «штурмовыми орудиями» Stug-40.

14–16 июня на юге Карельского перешейка развернулось уникальное танковое сражение, в котором «безнадёжно устаревшие» (по версии советских историков) уже к лету 1941 г. советские танки Т-26 и Т-28 пытались вести бой против Т-34 новейших модификаций и тяжелых самоходок ПСУ-152, вооружение и бронирование которых теоретически позволяло противостоять немецким «тиграм». К утру 15 июня финнам удалось закрыть «брешь» в обороне, образовавшуюся у Куутурселькя, но это уже не могло изменить общую ситуацию, весьма близкую к катастрофе. 16 июня (на седьмой день советского наступления) Маннергейм вынужден был отдать приказ об общем отходе к Выборгу и Vuosalmi, на 50–80 км от рухнувшей оборонительной линии (см. карту № 15). Отход происходил в обстановке, которую сам главнокомандующий в своих мемуарах описывает так: «В

северо-западном направлении продвигались мощные колонны противника. Перед ними были лишь остатки разбитых войск, воля которых к борьбе в связи с превосходством противника в силе была подорвана...»

В этот момент командование Ленинградского фронта совершило первую по счету ошибку. Вместо того чтобы развить максимальный темп преследования и отрезать отходящую финскую пехоту от единственного (!) моста через реку Вуокси (такой маневр вынудил бы финнов оставить на западном берегу реки большую часть тяжелого вооружения), лавина советских войск ринулась вдоль прибрежного шоссе к Выборгу. Захват этого крупнейшего на Карельском перешейке города состоялся уже 20 июня (на 11-й день наступления!) и был отмечен артиллерийским салютом в Москве и присвоением командующему Ленинградским фронтом Л.А. Говорову звания маршала.

«Падение Выборга, — пишет Маннергейм, — было горьким ударом для боевого духа войск и одновременно означало потерю прочного опорного пункта, который должен был бы связать упорной обороной значительные силы противника». И все же гораздо важнее было другое — финские войска смогли организованно отойти на новый рубеж обороны, образованный естественной преградой, которую создавала озерная река Вуокси, и недостроенной линией укреплений между Выборгом и ст. Антреа (см. карту № 13).

Второй — и несравненно более значимой по своим последствиям — ошибкой советского командования было то, что наступление войск Карельского фронта началось только 21 июня 1944 г. В советской историографии это странное рассогласование в действиях двух фронтов в

рамках одной стратегической операции (впрочем, единой «выборгско-петрозаводской» эта операция могла стать позднее, уже в сочинениях советских военных историков) никогда и никак не комментировалось. Хранящиеся в архивах оперативные директивы штаба Ленинградского фронта также не содержат никаких упоминаний о планируемом взаимодействии с Карельским фронтом. Разумеется, «ошибкой» это можно считать только в предположении о том, что наступление от р. Свирь на Петрозаводск вообще заранее планировалось. Не исключено, что Сталин надеялся разгромить финскую армию наступлением на Карельском перешейке и далее вглубь южной Финляндии, после чего Карелия сама собой «упала бы в его руки». По крайней мере, именно такую версию произошедшего высказывает Маннергейм: *«Возможно, русские рассчитывали с самого начала, что одна лишь сосредоточенная на Карельском перешейке мощная группировка войск заставит нас сдаться. Иначе трудно объяснить тот факт, что они, начав там наступление, дали нам двенадцатидневную передышку на Свирском фронте и Маселькяасом перешейке, во время которой мы получили возможность перебросить оттуда на Карельский перешеек четыре дивизии и одну бригаду. То, что противник не смог эффективно связать наши войска в Восточной Карелии, а также с помощью авиации воспрепятствовать перегруппировке наших сил, сыграло решающую роль в сражении на перешейке...»*

В конечном итоге 4-я, 17-я, затем 11-я и 6-я пехотные дивизии финской армии были переброшены по железной дороге на Карельский перешеек, что позволило финскому командованию осуществить до некоторой степени организованный отход и уплотнить боевые порядки войск на новой линии обороны.

Как по команде (или на самом деле — по команде?) советские историки заканчивали изложение боевых действий на Карельском перешейке взятием Выборга. После этого финны якобы «запросили мира», на что неизменно миролюбивое советское правительство с радостью согласилось. Эти традиции вполне осознанной дезинформации продолжены и в наши дни: в авторитетнейшем сборнике «Гриф секретности снят» временные рамки Выборгско-Петрозаводской стратегической операции указаны с 10 июня по 9 августа, но данные о потерях войск Ленинградского фронта приведены только за периоде 10 по 20 июня [9]. Так что же происходило с 20 июня по 9 августа? Советское правительство терпеливо ждало, пока «разгромленные белофинны запросят мира», а в войсках Ленинградского фронта за это время не погиб ни один солдат? Если бы...

Со взятием Выборга все еще только начиналось. Вечером (в 23.30) 21 июня была подписана оперативная директива штаба Ленинградского фронта № 74/оп, в которой войскам фронта было приказано: *«...продолжать наступление с задачей не позднее 26.6.44 г. главными силами **овладеть рубежом Иматра, Лаппеенранта, Виройоки** (подчеркнуто мной. — М.С.). Одновременно очистить от противника Карельский перешеек северо-восточнее реки и озера Вуокси наступлением части сил на Хиитола–Кексгольм...»* [365].

В многостраничной директиве нет ни одного упоминания о том, что после выхода на рубеж Иматра–Лаппеенранта (т.е. ЗА линию границы 1940 г.) войска должны были остановиться и перейти к обороне. Фактически выход на этот рубеж был обозначен лишь как задача ближайшей (после взятия Выборга) недели! Интересная, хотя и не вполне конкретизированная

информация обнаруживается и в опубликованных 40 лет назад воспоминаниях генерал-полковника М.М. Попова. В апреле 1944 г. он вернулся на «свой» Ленинградский фронт, на этот раз — в должности начальника штаба фронта. Генерал Попов по-солдатски прямо пишет: *«Задачей операции было уничтожение основных сил финских войск на Карельском перешейке и выход наших войск северо-западнее и западнее Выборга с тем, чтобы создать угрозу **важнейшим жизненным центрам Финляндии на юге страны*** (здесь и далее подчеркнуто мной. — М.С.)... 21 июня 1944 г. Ставка приказала Ленинградскому фронту продолжить наступление на перешейке ***для вторжения вглубь Финляндии***» [194].

Некоторое представление о глубине этого «вторжения вглубь» дает приказ (б/н), который 20 июня 1944 г. сам М.М. Попов и подписал. Приказ штаба Ленинградского фронта был адресован командующему 13-й Воздушной армией, перед которой была поставлена следующая задача:

«1. Произвести площадную аэросъемку... участка Коуволла, Котка, Лаппеенранта...

3. Съемку указанного района закончить не позднее 26.6.44 г.

4. О ходе съемочных работ доносить ежедневно» [370].

В этот момент финны, действительно, «запросили мира». 22 июня 1944 г. посол Финляндии в Стокгольме Грипенберг через Министерство иностранных дел Швеции обратился в Москву с запросом относительно условий выхода Финляндии из войны. На следующий день, 23 июня, Коллонтай передала следующий ответ советского правительства: *«...Так как мы были несколько*

раз обмануты финнами, мы хотели бы получить от финского правительства официальное заявление за подписью премьера или министра иностранных дел о том, что Финляндия капитулирует и просит мира у СССР. В случае получения нами от финского правительства такого документа, Москва будет согласна принять делегацию финского правительства...» [364].

Эти несколько фраз имели серьезные последствия и имеют уже многолетнюю историю истолкования. Вопрос, действительно, непростой, так как фраза составлена (преднамеренно или в горячности) весьма двусмысленно. Если некая страна X капитулирует перед вооруженным противником, то никакие переговоры с ее представителями уже невозможны, ибо капитуляция означает, говоря языком юриспруденции, «потерю правосубъектности». Страна X перестает быть субъектом международного права и отдает себя «на милость победителя» — вот что означает термин «полная и безоговорочная капитуляция». Приглашать после этого делегацию для переговоров незачем, да и невозможно, ибо эта делегация будет представителем несуществующего правительства исчезнувшей страны. Подписывать же Акт о капитуляции Финляндии естественнее было бы в Хельсинки, нежели в Москве. С другой стороны, даже второстепенные чиновники НКВД СССР прекрасно понимали значение термина «капитуляция», и он не мог быть использован в официальном заявлении советского правительства «просто так», для одной только «красоты слога».

Столь пристальное внимание историков к трем словам («капитулирует» и «принять делегацию») объясняется очень просто: одно дело обманывать «белофинских прислужников германского фашизма», и

совсем другое — обманывать своих союзников по антигитлеровской коалиции. А поскольку товарищ Сталин дал в Тегеране обещание **не предъявлять Финляндии требование о капитуляции**, товарищи советские историки вынуждены были подняться к вершинам красноречия для того, чтобы доказать возможность частичной беременности и неполной капитуляции. В изложении ведущего специалиста по истории советско-финских войн ленинградского профессора Н.И. Варышникова это звучит так: *«В этих условиях логичным был бы последовавший сразу же ответ из Москвы о том, что Финляндия должна направить обращение к правительству СССР о капитуляции, чтобы затем уже решать вопрос о мире с Советским Союзом. При этом полпред СССР в Швеции А.М. Коллонтай, передававшая этот ответ, пояснила от себя, что под капитуляцией следует понимать прекращение военных действий с финской стороны для достижения затем уже соответствующей договоренности...»* [367].

Тут что ни слово, то «изумруд яхонтовый». *«Последовавший сразу же ответ»* был. Он не мог «быть бы». Так не говорят (и тем более не пишут) по-русски. Какой еще *«вопрос о мире»* можно было решать ПОСЛЕ *«обращения к правительству СССР о капитуляции»*? Наконец, как следует понимать *«прекращение военных действий с финской стороны»*, в то время как другая, советская сторона, ведет эти самые боевые действия силами 28 дивизий, 4 танковых бригад и 15 отдельных танковых полков? Как это удивительнейшее одностороннее прекращение военных действий во время войны может выглядеть на практике?

Все это было бы смешно, но финнам стало не до шуток, ибо при всем косноязычии формы изложения

смысл советского ультиматума был предельно ясен. Финляндии предлагаюсь сдаться на милость победителя, но весь предшествующий опыт показывал, что милости не будет. Оставалось одно — практически, на поле боя доказать «победителю», что он еще не победил.

А на поле боя ситуация начинала стремительно меняться. Блестяще организованное и начатое наступление советских войск начинаю постепенно выдыхаться. С другой стороны, Германия оказала своему погибающему союзнику быструю и эффективную помощь. 13 июня были сняты все ограничения на поставку зерна и вооружения в Финляндию. 19 июня торпедными катерами в Финляндию доставили 9 тыс. «фаустпатронов» (ручных противотанковых гранатометов). Через три дня самолетами доставили еще 5 тысяч. Внезапное и массовое применение этого нового для той эпохи оружия дало эффект оперативного масштаба. До этого финская пехота оказалась практически безоружной, так как малокалиберные противотанковые «марианны» и «бофорсы» способны были лишь высекать искры из брони новых советских танков и самоходок. С появлением, причем появлением многих тысяч, противотанковых гранатометов финский солдат снова ощутил себя бойцом на поле боя, а не жертвой, приведенной на эшафот к палачу. Маннергейм пишет: *«...Помню один случай, который явился действительно поворотным моментом. При появлении русских танков на участке близ Лейпясуо несколько бесстрашных воинов из 4-й дивизии, среди них были и командиры и рядовые, решительно двинулись навстречу стальным чудовищам и несколькими прицельными выстрелами из „бронетанкового кулака“ лишили первого из них возможности двигаться. Остальные [танки] тут же*

повернули и убежали. С этого дня вера войск в новое оружие окрепла. Подавленное настроение в течение нескольких суток сменилось доверием, и снова появилось желание сражаться. Эта полная смена настроения решающим образом повлияла на то, что наступление противника удалось, в конце концов, остановить...» [22].

Разумеется, и «фаустпатрон» не был чудо-оружием, и достаточно быстро были найдены способы (причем весьма простые и дешевые) защиты танков от поражения кумулятивными ручными гранатометами, но несколько дней и нетель новое оружие позволило выиграть, что в ситуации июня 44-го значило очень много.

До конца июня 1944 г. финны получили 39 истребителей «Мессершмитт» Bf-109G-6, в июле — еще 19 машин.

Это позволило не только восполнить боевые потери, но и перевооружить новейшей техникой несколько эскадрилий. Проблема освоения новых типов самолетов летным составом (излюбленная тема отечественных историков, когда они начинают перечислять «объективные» причины разгрома советской авиации в первые недели войны) решалась в финских ВВС очень просто. 4 часа тренировочных полетов отводилось для освоения «мессершмитта» даже в относительно «мирном» 1943 году [52]. С началом активных боевых действий переобучение сводилось к 2–3 ознакомительным полетам, и, как показали итоги войны в воздухе, для многоопытных и смелых летчиков этого оказалось достаточно.

Кроме форсированных поставок вооружения Германия предоставила в распоряжение финского командования и собственные боевые части. В составе

1-го Воздушного флота люфтваффе был сформирован авиаполк, получивший по фамилии своего командира название «соединение Кюхлмеи». В состав соединения вошли 23 пикирующих бомбардировщика Ju-87 и 23 истребителя (главным образом — тяжелые FW-190, которые использовались и для штурмовых ударов по наземным войскам). 16 июня самолеты «соединения Кюхлмеи» перелетели из Эстонии на аэродром Иммола (к северо-востоку от Иматры) и уже 20 июня приняли участие в ожесточенных воздушных боях над Выборгом [52].

С 20 по 23 июня морским путем в Финляндию прибыла 303-я бригада «штурмовых орудий», на вооружении которой было 42 самоходки Stug-40/42. В сравнении с численностью советской бронетехники это было каплей в море, но для финнов появление 303-й бригады означало радикальное увеличение ударной мощи контратакующих частей, так как в единственной финской бронедивизии к 21 июня в боеспособном состоянии находилось всего 17 самоходок Stug-40, 3 — Т-34, 1 — КВ, 3 — Т-28 и 60 Т-26 [366]. Стоит, однако же, отметить, что, судя по документам штабов Ленинградского фронта и 21-й армии, появление немецких частей, о котором так много пишут западные историки, не было даже замечено советским командованием...

Выполняя директиву № 74, войска Ленинградского фронта начали наступление от Выборга на Иматра–Лаппеенранта. По условиям местности пригодный для движения бронетехники маршрут проходил через ст. Тали и поселок Ихантала (см. карту № 13). За предыдущие 12 дней дивизии Красной Армии прошли в непрерывном наступлении 70–80 км. От

Выборга до Ихантала всего 15 км по прямой. Но пройти эти 15 км так и не удалось. В конце июня 1944 г. у этих двух не обозначенных ни на одной географической карте поселков разгорелось самое ожесточенное сражение в истории трех советско-финских войн.

Сосредоточив на участке прорыва севернее Тали 10 стрелковых дивизий, советские войска к 25 июня пробили оборону финских войск на глубину в 4–6 км. Дальше продвинуться не удалось. Более того, как пишет Маннергейм, *«русских оттеснили несколько назад контратаками, во время которых наши войска почти нечеловеческими усилиями чуть было не перерезали пути отступления этому клину и не окружили его широким кольцом... В течение четырех суток линия фронта колебалась волнами, атаки и контратаки следовали друг за другом непрерываемой серией... Последняя часть, переброшенная из Восточной Карелии, — 6-я дивизия под командованием доблестного генерал-майора Вихма, который пал героем в этих боях, — вовремя успела занять позиции и стабилизировала оборону под Ихантала. Наступление, в котором участвовало 16–17 дивизий, было отражено. На такое окончание мы не смели даже надеяться. Это было настоящим чудом...».*

5 июля штаб 21-й армии принял очередной «План операции по прорыву оборонительной позиции финнов».

Войскам армии было приказано: *«... овладеть рубежом госграницы на участке... В последующем, перейдя к неотрывному преследованию в общем направлении на запад, уничтожить отходящие группы противника и на их плечах преодолеть укрепленную*

полосу приграничного УРа, создав условия для дальнейшего наступления войск армии...» [371].

По данным разведки, соотношение сил на фронте предполагаемого наступления 21-й армии к 4 июля составляло:

- 2,6 к 1 по батальонам пехоты;
- 5,5 к 1 по числу пулеметов;
- 7 к 1 по артиллерии [372].

После понесенных потерь пехотные части финнов представляли собой остатки, численность личного состава которых разведка 21-й армии оценивала цифрами в 170–260 человек на 1 км фронта (по Уставам Красной Армии оперативные плотности в обороне должны были составлять от 1 до 2,5 тыс. человек на 1 км фронта). И тем не менее — «перейти к неотрывному преследованию» так и не удалось. Не удалось даже продвинуться на шаг к северу от Ихантала.

После того как продолжавшиеся две недели бесконечные попытки пробить оборону финских войск на линии Тали–Ихантала оказались безуспешными, маршал Говоров еще раз доказал, что маршальское звание он получил не случайно. В феврале 1940 г., положив на подступах к финским дотам одну дивизию, красные командиры тут же гнали туда две следующие. В начале июля 1944 г. командующий Ленинградским фронтом подготовил и начал реализовывать сложную и весьма многообещающую операцию. Замысел операции состоял в осуществлении глубокого двустороннего охвата главной группировки финских войск. В сражение была введена еще одна, 59-я армия, которая в период с 4 по 6 июля в тесном взаимодействии с Балтфлотом овладела

островами Выборгского залива и приступила к высадке на северный берег залива, в глубокий тыл финских войск. 4 июля перешла в наступление 23-я армия, имея задачу форсировать р. Вуокси в районе Вуосалми и затем, наступая вдоль восточного берега реки на север, завершить окружение противника (см. карту № 15).

Попытка повторить морскую десантную операцию (практически «зеркально повторяющую» действия 8-й пехотной дивизии в конце августа 1941 г.) была сорвана усилиями финской авиации и «соединения Кюхлмеи».

Казалось бы, при том количестве истребительной авиации, которое было использовано *«для вторжения вглубь Финляндии»*, всякий финский бомбардировщик, набравшийся смелости подняться в небо, должен был немедленно уничтожаться. В реальности всё произошло в точности до наоборот — финские и немецкие истребители обеспечили такое прикрытие своих ударных самолетов, что в районе высадки десанта с 6 по 8 июля ни один финский бомбардировщик не был сбит [52, стр. 351]. Части 59-й армии, которым удалось все же высадиться на северном берегу Выборгского залива, были остановлены и отброшены назад немецкой 122-й пехотной дивизией, незадолго до этого перевезенной морским путем из района Нарвы в Финляндию [65].

Столь же безрезультатным оказалось и наступление 23-й армии. С 4 по 9 июля финские войска были сброшены с предмостного плацдарма в районе поселка Яряпяя. 9 июля, после мощной артподготовки и под прикрытием плотных дымовых завес, войска Ленинградского фронта форсировали реку Вуокси. 10 и 11 июля на земле и в воздухе шли жесточайшие бои финские истребители снова обеспечили

«неприкосновенность» своих бомбардировщиков, которые с утра до вечера бомбили плацдармы в районе прорыва. К 12 июля наступление войск 23-й армии окончательно захлебнулось, и советские войска перешли к обороне на восточном берегу Вуокси.

15 июля 1944 г. Военный совет Ленинградского фронта в специальной директиве № 80 подверг действия командования 23-й армии разгромной критике: *«Командарму-23 была поставлена задача 4.7.44 г. уничтожить противника на его плацдарме на западном берегу р. Вуокси и развивать наступление по ее восточному берегу. Для операции были выделены достаточные силы и средства.*

Вместо организованного и стремительного удара и уничтожения плацдарма противника в течение одного дня, войска армии топтались перед ним 6 дней. Части 98-го СК, имея значительное превосходство над противником (в пехоте — в 6 раз, в артиллерии и авиации — в 4 раза), только на 7-й день, ценой огромных потерь (1046 убитых и 4265 раненых) очистили от противника правый берег Вуокси. Причиной неудовлетворительного ведения боя является: полное отсутствие управляемого общевойскового боя... анализ обстановки и своевременные выводы из нее заменялись передачей заведомо ложных, неподтверждающихся докладов и данных... управление было случайным и инициативным... командир 281-й сд не знал фактической обстановки, проявил безволие и, отсиживаясь в землянке, не руководил боем...

Боевые действия по ликвидации плацдарма и форсированию показали тактическую неграмотность, организационную немощь и бездеятельность командиров

соединений и штабов 23-й армии... Из-за потери управления войсками, отсутствия элементарной организации боя, преступного промедления в переправе танков и СУ, отсутствия максимального и правильного использования переправившейся артиллерии 115-й СК понес неоправданно большие потери (142-я сд — 2476 чел. и 10-я сд — 2386 чел.), и корпус вместо наращивания удара и увеличения темпа прорыва фактически перешел к обороне на крайне узком плацдарме...» [373].

Трудно сказать, насколько объективной и взвешенной была такая оценка действий 23-й армии. Войска армии не просто «топтались перед плацдармом», а пытались преодолеть оборону отчаянно сопротивляющихся финнов. Возможно, появление директивы № 80 было лишь отражением того недоумения и возмущения, которые охватили Сталина и его маршалов после того, как очередная попытка раздавить «финскую козьявку» оказалась безрезультатной.

Уже 14–15 июня финская разведка зафиксировала факт начавшегося отвода советских войск на юг. 18 июля наступление Красной Армии на Карельском перешейке было повсеместно прекращено. **Ни в одной точке фронта Красная Армия так и не вышла на линию границы 1940 г., тем более — не пересекла ее.** Сжечь станцию Иматра и на этот раз не удалось...

После прекращения наступления на главном стратегическом направлении Выборг–Хельсинки боевые действия в Приладожской Карелии и вовсе потеряли всякий разумный смысл. Достаточно было спокойно, без ненужного кровопролития дожидаться начала мирных

переговоров, ибо сомнений в том, что возврат Карелии будет одним из неперемных условий прекращения войны, не могло уже быть ни в Москве, ни в Хельсинки. Тем не менее, 16 стрелковых дивизий и 3 танковые бригады Карельского фронта продолжали начатое 21 июня наступление. Финские войска (4 пехотные дивизии и 2 бригады) получили и успешно выполнили задачу на организованный отход от реки Свирь и Петрозаводска на линию долговременных укреплений, проходящую примерно через Питкяранта–Лоймола–Куолисмаа (см. карту № 14). На этой линии наступление советских войск было остановлено в середине июля, хотя на крайнем, северном фланге Карельского фронта боевые действия продолжались вплоть до 9 августа. *«21 июля на границу с Финляндией 1940 года вышли соединения 32-й армии. Выход советских войск на границу с Финляндией означал окончательный провал планов финского руководства»*, — бодро уверяли доверчивого советского читателя авторы 12-томника [374]. Действительно, в одной-единственной точке, в районе Куолисмаа–Иломантси, советские войска вышли на линию границы 1940 г. Закончилось же это «окончательным провалом», т.е. котлом окружения, из которого остатки двух советских дивизий вырвались, бросив всё тяжелое вооружение среди лесов и болот.

В ходе бессмысленной и беспощадной операции войска Карельского фронта потеряли 17 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести, 63 тыс. человек ранеными. Потери Ленинградского фронта точно не известны (как было уже выше отмечено, официальные данные полностью игнорируют потери самых тяжелых боев 21 июня–18 июля 1944 г.). но скорее всего они были в разы больше потерь Карельского фронта. Потери финской армии (главным образом — на Карельском

перешейке) были очень велики. Только безвозвратные потери (убитые и пропавшие без вести) оцениваются в разных источниках цифрами от 26 до 32 тыс. человек. Другими словами, безвозвратные потери фактически одного месяца боев 1944 года оказались **больше потерь победоносного наступления** лета–осени 1941 г.

Факт, который, быть может, яснее всех других говорит о значительно возросшей к 1944 году боевой мощи Красной Армии.

Совершенно ошеломляющими оказались результаты боевых действий финских истребителей. По финским данным, в период с 9 июня по 18 июля пилоты LLv-24 и LLv-34 выполнили 2168 боевых вылетов и сбили 425 советских самолетов. При этом сами финны потеряли лишь 18 «мессершмиттов», из них в боях с советскими истребителями — только 10. Результаты боевой работы истребителей из LLv-26 были значительно скромнее — 15 сбитых советских самолетов. Правда, надо принять во внимание, что группа была вооружена «брюстерами» выпуска 1939 года, давно и многократно выработавшими весь ресурс и по меркам любой другой авиации, кроме финской, пригодными лишь на списание в металлолом. Немецкие истребители «соединения Кюхлмеи» совершили 984 вылета и сбили 126 самолетов [52]. Эти феноменальные цифры производят на первый взгляд впечатление необузданных «охотничьих рассказов», однако в официальном сборнике «Гриф секретности снят» сообщается, что потери в Выборгско-Петрозаводской операции составили 311 самолетов [9]. Опять же, неизвестно — учли ли составители сборника потери ВВС Ленинградского фронта после взятия Выборга. Но даже если исходить из «стандартного» для воздушных боев Второй мировой

войны трехкратного завышения числа заявленных побед над реальными, получается, что на один потерянный финский истребитель приходилось 8 сбитых советских самолетов.

Военно-политический итог боев на Карельском перешейке Маннергейм определил коротко и очень точно: *«Противник осознал, что за наш разгром следует заплатить огромную цену»* [22]. Сказано вполне самокритично, без утешительного самообмана. Разгром финской армии, разумеется, был вполне возможен. По сути дела, это был всего лишь вопрос времени и цены. За ценой Сталин бы не постоял, но времени уже не было. 3-я советско-финская война завершилась на тех же самых рубежах (Выборг — западный берег р. Вуокси) и, что гораздо более важно, по той же самой причине, что и первая, «зимняя», война. **Быстро разгромить и уничтожить финскую армию не удалось, а втягиваться в затяжную изнурительную войну Сталии не стал, так как это могло помешать реализации гораздо более значимых планов.**

Знание реально свершившихся фактов в равной мере мешает и писателям, и читателям военно-исторических книг. Известный психологический парадокс заключается в том, что все произошедшее представляется единственно возможным, а нереализованные альтернативы кажутся совершенно невозможными. Но это не более, чем «обман зрения». Все могло быть совсем иначе. Сегодня даже добросовестный школьник знает, что от высадки союзников в Нормандии до взятия Берлина прошло долгих 10 месяцев. Но тогда, летом 1944 года, этого не мог знать точно ни один человек, включая Сталина, Маннергейма, Рузвельта и Черчилля. И бомба,

взорвавшаяся в Ставке Гитлера 20 июля 1944 г., могла взорваться на один метр влево или вправо от того места, где она взорвалась в действительности. А в случае успеха покушения, военный переворот в Берлине мог увенчаться успехом. В таком случае капитуляция вермахта на Западе была бы практически неизбежна, и историческая встреча советских и американских войск могла произойти не в мае 45-го на Эльбе, а в августе 44-го на Висле. Надо ли доказывать, что такой исход войны товарища Сталина абсолютно не устраивал?

Впрочем, и без учета фактора покушения на Гитлера, немецкий Западный фронт в конце лета 1944 г. был близок к катастрофическому разгрому. Английский историк Лиддел Гарт в своей хрестоматийно известной «Истории Второй мировой войны» пишет: *«...Война могла бы закончиться в сентябре 1944 г. Основные силы немецких войск на Западе были сосредоточены в Нормандии и оставались там до тех пор, пока их разгромили или окружили. Уцелевшие жалкие остатки не могли оказать серьезного сопротивления и отступили, но вскоре и они были уничтожены стремительно продвигавшимися моторизованными войсками союзников... Как свидетельствуют трофейные документы, на всем Западном фронте немцы имели около 100 пригодных для боя танков против 2 тыс. танков, которыми располагали передовые соединения союзников. У немцев было только 570 самолетов, в то время как у союзников на Западном фронте находилось более 14 тыс. самолетов...»* [368].

В середине июля 1944 г. сражение на севере Франции было в самом разгаре, и успех союзников ещё не был столь очевиден, но в любом случае Тали, Ихантала и прочие крохотные поселки, затерянные среди

озер и лесов Карелии, не могли уже интересовать Сталина в тот момент, когда началась решающая судьбу войны и послевоенной Европы гонка к Берлину. История дважды перехитрила великого обманщика. Если бы Сталин начал 3-ю советско-финскую войну в мае 1944 г., сразу после завершения весенней распутицы, то, по всей вероятности, исход этой войны был бы совершенно другим — Финляндии пришлось бы стать нищим российским «Нечерноземьем». Но Сталин тянул и ждал того момента, когда все силы и всё внимание западных союзников будет приковано к полоске морского берега в Нормандии и они не смогут помешать ему в реализации планов полного разгрома и оккупации Финляндии. В результате времени для развития и завершения успеха, достигнутого у Выборга, уже не оказалось.

Во-вторых, огромные усилия, которые в 1941 г. Сталин приложил к тому, чтобы заставить Черчилля хотя бы формально объявить войну Финляндии, привели в 1944 году к совершенно нежелательному результату. Результат этот виден уже в самых первых строках Соглашения о перемирии, которым закончилась 3-я (и последняя) советско-финская война, ибо Соглашение было заключено *«правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Его Величества в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, действующими от имени всех Объединенных Наций, находящимся в состоянии войны с Финляндией...»*.

А действуя совместно с «Его Величеством в Соединенном Королевстве», да еще и от имени «всех Объединенных Наций», товарищ Сталин вынужден был «наступить на горло собственной песне», причем во многих местах. Если в марте 1940 г. переговоры в Москве

велись под грохот канонады советской артиллерии, то в сентябре 1944 г. пришлось соблюсти элементарные требования международного права, в результате чего огонь был прекращен за два дня до прибытия финской делегации в Москву (7 сентября) и за две недели до подписания Соглашения о перемирии (19 сентября). И условия Соглашения пришлось согласовывать в ходе четырех встреч (6, 9, 11 и 14 сентября) с послом Великобритании Керром [364]. И орган, который *«впредь до заключения мира с Финляндией примет на себя регулирование и контроль за исполнением настоящих условий»*, получил официальное название «Союзная контрольная комиссия».

Фактически Союзная контрольная комиссия стала советской, и возглавил ее не кто иной, как секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, но юридический статус «Союзной комиссии» и необходимость согласовать в будущем условия окончательного мирного договора со все теми же «Объединенными Нациями» мешали товарищу Жданову работать по-большевистски, с огоньком... Более того, измученное алкоголем сердце пламенного большевика разрывалось от мысли о том, что Финляндию можно было и «дожать». М. Джилас в своих воспоминаниях пишет, что в апреле 1945 г., во время официального обеда в честь И. Тито в Кремле, Жданов говорил: *«Мы сделали ошибку, что финнов не капитулировали»*. Сталин (по версии Джиласа) поддержал Жданова: *«Да, это была ошибка. Мы слишком оглядывались на американцев, а они бы и пальцем не пошевелили»* [369].

Обида была столь велика, что пережила товарища Жданова и через поколения других товарищей дошла до наших дней. В результате в сборнике научных статей,

изданном в Санкт-Петербурге в 2006 г., можно прочитать такой пассаж: *«Поскольку Финляндия не капитулировала, то задача Союзной контрольной комиссии и ее председателю существенно осложнялась — нужно было действовать через официальные финские власти»* [35]. Спору нет, гораздо легче дышалось и радостнее работалось в «странах народной демократии», где можно было действовать через «органы власти», привезенные в обозе советской армии...

Что же касается условий Соглашения о перемирии (в основном подтвержденных в мирном договоре, заключенном 10 февраля 1947 г. в Париже), то они в целом соответствовали «шести условиям» марта–апреля 1944 г. Существенных изменений было три, и все они были не в пользу Финляндии.

Во-первых, Советский Союз добился предоставления ему *«на правах аренды территории и водных пространств для создания советской военно-морской базы в районе Порккала-Удд»*. Таким образом, вместо ВМБ Ханко на расстоянии 100 км от Хельсинки появилась ВМБ Порккала-Удд в 20 км от Хельсинки.

Во-вторых, в Соглашении был внесен пункт 13, в соответствии с которым Финляндия обязалась *«сотрудничать с Союзными Державами в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними»*. Этот пункт в дальнейшем был использован отнюдь не для розыска и наказания организаторов так называемых «карельских партизанских отрядов», терроризировавших мирных жителей, а для обоснования требований Советского Союза о предании суду законных руководителей Финляндии.

В-третьих, размер репараций был снижен до 300 млн. долларов, но выплата должна была быть произведена товарами по предвоенным (т.е. значительно более низким) ценам, что привело фактически к еще большему увеличению тяжести репараций. Более того — в дальнейшем Советский Союз предъявил требования о выплате ему задолженности Финляндии перед Германией в размере 6,5 миллиарда финских марок (сумма, равная «арендной плате» за Порккала-Удд на 1300 лет) [25]. Формально-юридически это означало, что Советский Союз объявляет себя правопреемником гитлеровского рейха. Претензия, имеющая некоторые морально-политические основания, но едва ли основанная на законе и праве...

«Чужое добро впрок не идет». В истинности этой мудрой русской поговорки может убедиться сегодня каждый турист, проезжающий из современного российского Выборга в современную финскую Лаппеенранту. Из окна автомобиля может показаться, что не Финляндия Советскому Союзу, а, наоборот, СССР Финляндии каждый год платил несметные миллионы...

ЭПИЛОГ

Слово «история» имеет в русском языке несколько разных значений. Соответственно, разным должно быть и отношение к расхожему выражению «история не знает сослагательного наклонения». Если понимать под историей совокупность состоявшихся в прошлом событий, то события эти, естественно, изменить уже невозможно. Но вот для «истории», как одной из общественных наук, ставящих своей задачей понять смысл и направление развития государства и народа, рассмотрение нереализованных альтернатив имеет огромное значение, ибо часто позволяет точнее и глубже понять суть того, что произошло в действительности. Правда, для того, чтобы не скатиться к другой крайности и не подменять науку спекулятивным мифотворчеством, очень важно определить «граничные условия» построения альтернатив. В частности, определить их разумно допустимую хронологическую глубину.

Другими словами — с какого момента мы начинаем «конструировать иную историю»? С лета 1939 года, когда Сталин принял решение помочь Гитлеру в деле развязывания общеевропейской войны? Или с 3 апреля 1917 года, когда на Финляндский (забавная ирония судьбы!) вокзал Петрограда прибыл известный «пломбированный вагон» с небольшой группой крупных международных авантюристов? Или с 1 марта 1881 года, когда влюбленные в народ террористы убили Александра Освободителя? Или уж с самого легендарного «призвания варягов»?

Завершал книгу, посвященную трагической истории советско-финских войн, имеет смысл рассмотреть

возможные альтернативные решения и действия руководства СССР, начиная со вполне определенного временного рубежа — с весны 1941 г. Выбор именно этой «временной отметки» отнюдь не случаен. Весна 1941 года это тот (едва ли не единственный) момент в истории сталинской империи, когда интересы многонационального советского народа и интересы «коллективного Сталина» (понимая под этим выражением самого Хозяина и его ближайшее окружение) в главном и основном совпали. До этого момента существовало вполне очевидное несовпадение интересов. Советский народ хотел мира и спокойствия. Ему, советскому народу, и без того жилось не слишком весело и совсем нелегко.

Кровопролитная война и все бесчисленные бедствия, которые падают на плечи простых людей до, во время и после войны, народу были абсолютно не нужны. Сталинская же верхушка стремилась к развязыванию широкомасштабной войны в Европе, поскольку видела в войне кратчайший (если не сказать — единственный) путь к расширению сферы своей власти за пределы границ СССР. Более того, победоносная война (и ожидаемая богатая военная добыча) была необходима Сталину и для укрепления внутривластной стабильности, изрядно подточенной большой резней 1937–1938 годов.

При таком разительном несовпадении интересов народа и власти обсуждение альтернатив становится попросту невозможным — отсутствует единый критерий оценки. С точки зрения интересов народа вторжение в Финляндию, начавшееся 30 ноября 1939 г. и повлекшее за собой колоссальные жертвы, явилось бедой, несчастьем, преступной ошибкой. С точки зрения

интересов Сталина ошибкой было лишь недостаточное количество войск, привлеченных к участию в операции, что в конечном итоге и не позволило разгромить Финляндию в приемлемые по внешнеполитическим обстоятельствам сроки. С точки зрения интересов советского народа следовало уже осенью 1939 г. оказать противникам Германии — Франции и Великобритании — всю возможную экономическую помощь; как говорится, «снять последнюю рубаху», но укрепить Западный фронт бензином, продовольствием, боеприпасами, танками и самолетами (благо в СССР танки и самолеты были накоплены в астрономических количествах). И пусть они, англичане и французы, воюют против нашего общего врага! Любой трудящийся человек согласится с тем, что лучше проливать пот, нежели кровь. Сталин же помогал Гитлеру, но это вовсе не было «ошибкой» — это была неотъемлемая составная часть плана по разжиганию общеевропейской войны; без помощи Сталина Гитлер мог бы и не решиться начать эту войну. Ошибкой Сталина оказалась лишь неверная оценка боеспособности французской армии — и не более того.

Весной 1941 г. война между Германией и СССР стала неизбежна. Не вдаваясь сейчас в рассмотрение причин этого (некоторые из них обсуждались выше в части 2), отметим главное: с этого момента и у народа, и у Сталина появился общий интерес, общая задача. В войне, которую нес с собой Гитлер, нельзя было проигрывать. В такой войне нужна была только победа. Исходя из этой задачи, постараемся выявить возможные альтернативы в действиях руководства СССР на «финляндском направлении».

И зимой, и весной, и летом 1941 года главной военной силой на территории Финляндии была финская

армия. Германия могла влиять (и влияла) на решения, принимаемые финским руководством, но решения эти принимались не в Берлине, а в Хельсинки. Такая ситуация открывала возможности для мирного, т.е. самого простого и «дешевого» из всех возможных, решения вопроса обеспечения безопасности северных границ СССР. А именно:

- денонсация Московского договора;
- возвращение всех (или большей части) аннексированных территорий;
- заключение (лучше всего — при посредничестве и с гарантиями Великобритании и США) нового мирного договора с Финляндией.

Эта альтернатива с вероятностью, близкой к 100%, могла быть реализована, так как она полностью отвечала интересам всех сторон. Никакой «платонической любви» к Гитлеру и его режиму в Финляндии никто не питал — ни народ, ни парламент, ни лидеры государства. Для демократической Финляндии союз с фашистской Германией был противоестественным, вынужденным шагом, на который пришлось пойти в той трагической ситуации, в которую Финляндию загнал именно Сталин. Накануне войны с Советским Союзом у Гитлера не было ни времени, ни ресурсов для войны против Финляндии. У этих двух стран нет общей границы. переброска каждой дивизии в Скандинавию представляла собой сложную и дорогостоящую морскую операцию; дальнейшее снабжение этой дивизии в огромной степени зависело от доброй воли Финляндии, от ее готовности предоставить свои транспортные магистрали для транзита военных грузов. В этой ситуации заставить Финляндию отказаться

от нормализации отношений с Москвой Гитлер никак не мог.

Цена такой нормализации весной 1941 г. могла бы быть минимальной. До тех пор пока Красная Армия не потерпела сокрушительное поражение от вермахта, Сталин мог еще вести переговоры с позиции сильного, но великодушного партнера. Возможно, удалось бы достигнуть мирного соглашения и без полного возврата всех аннексированных территорий. Строго говоря, стратегически важным был ровно один вопрос: сохранение транспортного коридора вокруг северной оконечности Ладожского озера, т.е. железной дороги от Ленинграда через Кексгольм и Сортавала в Петрозаводск и далее везде. Решение этого вопроса делало блокаду Ленинграда в принципе невозможной. Все остальное (Выборг, Койвисто, Энсо, леса и озера Приладожской Карелии) было всего лишь вопросом престижа и экономической выгоды. В любом случае — покупать целлюлозу в Финляндии было бы на порядок дешевле, чем воевать против финской армии.

Вопрос о транспортном коридоре был вполне решаемым: договоренность о транзите, предоставление железной дороги в исключительное пользование СССР на период военных действий, создание экстерриториальной «особой зоны» и т.п. При наличии желания и политической воли найти соответствующие юридические формулировки было бы несложно. При наличии желания можно было бы найти и те 100–150 тыс. тонн зерна, при помощи которых Германия держала Финляндию в экономической «удавке». Разумеется, во время войны лишнего хлеба не бывает, но с другой стороны — откуда взялось «лишнее зерно» в Германии? Не из советских ли поставок? Зерновая проблема существовала, но ее не

стоит излишне драматизировать. В реальной истории летом 1944 г. Швеция взяла на себя и успешно выполнила обязательства по поставке зерна в Финляндию в течение шести месяцев после разрыва отношений между Финляндией и Германией. Советский Союз, вне всякого сомнения, обладал несравненно большими, нежели Швеция, посевными площадями и резервами продовольствия.

Возможные военно-стратегические последствия мирного разрешения конфликта с Финляндией настолько очевидны, что не нуждаются в подробном разьяснении. В Прибалтику можно было бы перебросить (причем перебросить заблаговременно, отнюдь не дожидаясь разгрома Северо-Западного фронта) огромные силы: два мехкорпуса, пятнадцать стрелковых дивизий, многочисленные авиационные и артиллерийские части Ленинградского военного округа. В целом группировка советских войск в Прибалтике могла быть при этом увеличена почти в два раза! В дальнейшем, в июле–августе 1941 г., на немецкий фронт (а не на фронт никому не нужной финской войны) могли бы быть отправлены те резервы, которые в реальной истории пришлось передать в 7-ю и 23-ю армии. Это еще порядка 9 дивизий.

Не факт, что и в этой ситуации немцы смогли бы дойти до пригородов Ленинграда. Но при любом развитии оборонительной операции на юго-западных подступах к Ленинграду, даже при столь катастрофическом, которое имело место в действительности, блокада Ленинграда (по указанным выше транспортным и географическим причинам) была бы абсолютно невозможна. А это означало бы не только спасение от голодной смерти огромного (по сей день не

известного точно) числа мирных жителей Ленинграда. Стоит вспомнить и о том, во что обошлись Красной Армии многократные бесплодные попытки прорыва кольца окружения, сколько солдат, сколько вооружения и техники погибло в синявинских болотах, на злополучном «невском пяточке», в окружении под Любанью. Наконец, остались бы в строю те 190 тыс. бойцов и командиров, которые были убиты, попали в плен, получили ранения в ходе 2-й советско-финской войны.

Отказ от мирного, политического разрешения советско-финляндского конфликта был, несомненно, большой ошибкой. Но и она была всего лишь частью крупнейшей, стратегической ошибки, выразившейся в том, что накануне Большой Войны Сталин высокомерно отверг любые шаги по сближению со своими будущими союзниками по антигитлеровской коалиции. Если же отбросить всякое лукавство, то надо прямо признать, что это была не «ошибка», а вполне осознанное нежелание обременять себя какими-либо обязательствами и вступать в такой непривычный и дискомфортный для тоталитарной деспотии союз с демократическими странами. Сталин — как показали дальнейшие события — был согласен переложить на англо-американских союзников лишь оплату «убытков» от его собственной безрассудной политики. Делиться же близкой и, как казалось в мае 41-го, верной «добычей» в Москве не захотели.

Тем более — не захотели отказываться от прежней «добычи», от ставшей уже привычной и «своей» аннексированной территории Финляндии.

В русле всех этих «ошибок» лежит и решение о нанесении авиационного удара по Финляндии 25 июня 1941 г.

Кавычки при слове «ошибка» вполне оправданны. Даже если полностью отбросить версию о провокации германских спецслужб, приходится констатировать, что решение это возникло из вопиющей некомпетентности, из удивительной смеси трусливой подозрительности и ничем не оправданной недооценки противника. Казалось бы, после кровавого опыта «зимней войны» следовало уже прийти к пониманию того, что новой войны с Финляндией следует избегать всеми возможными путями. Увы, ворошиловский бред о том, что *«всякие там Прибалтики мы в любое время при всех обстоятельствах сотрем в порошок»*, все еще звучал в ушах кремлевских властителей, и они даже не задумались о последствиях, к которым может привести их агрессивная глупость.

После 25 июня, после катастрофического разгрома армий западных приграничных округов, после начала успешного финского наступления в Карелии «цена вопроса» многократно выросла. В этой, качественно новой ситуации «замирить Финляндию» было бы уже значительно труднее. Возврат к границе 1939 г. стал бы минимальным условием начала переговоров (в то время как еще несколько месяцев назад это был максимум, о котором финская сторона могла только мечтать). В любом случае, сталинские предложения, выраженные в известном письме Рузвельту, говорят скорее об упрямом нежелании посмотреть фактам в глаза, нежели о твердой решимости исправить старые ошибки. Вот текст этого письма:

«4 августа 1941 года.

И.В. СТАЛИН — Ф. РУЗВЕЛЬТУ

СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии. Разрыв отношений между Англией и Финляндией и объявленная Англией блокада Финляндии уже возымели свое действие и породили конфликты в правящих кругах Финляндии. Раздаются голоса за нейтралитет Финляндии и примирение с СССР... Если бы Правительство США сочло бы необходимым пригрозить Финляндии разрывом отношений, то Правительство Финляндии стало бы более решительным в вопросе об отходе от Германии. В этом случае Советское Правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор...» [173].

К 4 августа финская армия уже полностью освободила все аннексированные территории в Приладожской Карелии и начала наступление на Карельском перешейке. Опыт первого месяца 2-й советско-финской войны давал уже вполне конкретные основания для предположения о том, чем это наступление может закончиться. Говорить при этом о «некоторых территориальных уступках» было, мягко говоря, нелепо. Складывается впечатление, что Сталин надеялся «замирить Финляндию» главным образом при помощи угроз со стороны Америки и Англии, да еще и продолжал тешить себя извечными пропагандистскими штампами о «конфликтах в правящих кругах».

Важно отметить, что к тому моменту был уже создан прецедент официального отказа Советского Союза от «добычи», захваченной мародерским путем в начале Второй мировой войны. 30 июля 1941 г. посол СССР в

Великобритании И. Майский и польский премьер В. Сикорский подписали в Лондоне соглашение, в котором правительство СССР признало советско-германские договоры 1939 г., касающиеся территориальных перемен в Польше, утратившими силу. С польским правительством в изгнании, которое полтора года было для московских газетчиков излюбленным объектом издевательских насмешек, были восстановлены дипломатические отношения.

То, что такие же радикальные шаги не были сделаны на «финляндском направлении», к сожалению, вполне объяснимо. Вернуть (на бумаге!) так называемую Западную Украину и Западную Белоруссию Сталину было совсем не жалко — к 30 июля 1941 г. он их уже давно потерял, и только неискоренимый оптимист мог в тот день поверить в то, что дальнейшая судьба этих территорий будет зависеть от воли Сталина. К тому же Польша была общепризнанным союзником Великобритании, польские летчики сражались в небе над Лондоном, польские части воевали в Северной Африке, и без формального отказа от оккупированной в 1939 году восточной Польши Сталин не мог рассчитывать на сотрудничество с Англией и США. Аннексированные территории Финляндии Сталин, видимо, еще не считал 4 августа 1941 г. безвозвратно потерянными, а потому и не выражал ясной и явной готовности вернуть их законному хозяину. Ни длинная цепь поражений, ни ставшая жуткой реальностью блокада Ленинграда ничуть не поколебали решимость Сталина не возвращать «белофиннам» ни одной пяди финской земли.

В конце концов, победителем стал Сталин. Он выиграл, а Финляндия проиграла. Цена этой победы — сотни тысяч жизней жителей блокадного Ленинграда,

сотни тысяч жизней советских солдат, погибших на дальних и ближних подступах к Ленинграду, Выборгу, Кексгольму, Петрозаводску... Да только кто же у нас эти жертвы считал? «Мы за ценой не постоим...»

В предисловии к этой книге автор честно предупредил читателей о том, что «финская составляющая» вопроса будет рассмотрена лишь в самой минимальной степени, а основное внимание будет уделено действиям и мотивам руководства СССР. Эта книга, в отличие от многих других, написанных российскими историками, не про то, как Финляндия вступила в войну против СССР. Это книга о том, как Советский Союз вступил в войну против Финляндии. Книга закончена. Теперь, выполнив данное читателям обещание, автор считает возможным и уместным высказать на последних страницах текста свое мнение по поводу альтернатив и ошибок в действиях финского руководства.

Финляндия проиграла войну. Это есть факт. Причем факт давно известный и признанный в самой Финляндии.

Уже 25 сентября 1944 г., выступая по радио, будущий президент Финляндии Урхо Кекконен говорил: *«...Мы все, весь народ, должны стойко перенести свое поражение. Мы проиграли войну против Советского Союза, наша мужественная борьба окончилась тяжелым поражением... Нам нужно перед собой и другими признаться, что наш отважный и стойкий противник победил нас... Честное признание этого факта станет предпосылкой и пробным камнем для нашего национального существования, ибо вынашивание мысли о мести и как явные, так и тайные планы вернуть*

потерянное, т.е. мысли о реванше, означают гибель для нашего народа...» [35].

Последствия поражения стали для Финляндии исключительно тяжелыми. Главное сырьевое богатство страны — никелевые рудники в заполярном Петсамо — отошли к СССР (теперь этот город называется Печенга). Вместе с рудниками Петсамо Финляндия потеряла и стратегически важный выход в Баренцево море. Финляндии пришлось выплатить колоссальные репарации. Из разоренной многолетней войной страны в столь же разоренный Советский Союз ушло 340 тыс. вагонов с лесом, целлюлозой, бумагой, станками — если соединить эти вагоны в единый состав, то он растянулся бы от берегов Финского залива до Африки [15]. Финляндия была вынуждена демобилизовать свою армию, передать руководство МВД в руки коммуниста Ю. Лейно (зятя печально знаменитого «господина Куусинена»), смириться с существованием советской военной базы в 20 км от центра Хельсинки, отправить в тюрьму законных руководителей страны лишь за то, что они ревностно исполняли свои конституционные обязанности. Суверенитет и независимость Финляндии висели на тончайшей нити, и никто не смог бы в тот момент поручиться за то, что ниточка эта выдержит огромное давление восточного соседа. И за достижение ТАКОГО результата финская армия и финский народ заплатили жизнями почти 60 тыс. солдат.

Могла ли Финляндия выйти из войны иным путем и с другими результатами? Какие альтернативы были упущены, когда и почему?

На первый взгляд выход был, и он был достаточно ясен и прост. На первый взгляд от руководства

Финляндии требовалось лишь одно — ничего не делать. Оставить ситуацию такой, какой она и была по состоянию на апрель–май 1941 г. Как говаривал товарищ Троцкий: «Ни мира, ни войны, а армию распустить». Несколько конкретнее, оставаться на позициях нейтралитета, не допускать размещения (или даже прохода) немецких войск на севере Финляндии, не допускать даже кратковременного появления немецких боевых кораблей в финских портах, не начинать самим боевые действия против Советского Союза. Терпеливо дожидаться конца мировой войны. При таком варианте развития событий Финляндия в самом «худшем» случае вышла бы из войны без жертв и разрушений, без потери Петсамо, без груза разорительных репараций. В лучшем случае можно было рассчитывать на то, что западные союзники (США и Великобритания) в рамках общего послевоенного переустройства Европы заставят Сталина вернуть Финляндии часть аннексированных в марте 1940 г. территорий.

Картинка получается очень красивая. Выла ли она реализуема?

История всегда многовариантна. Таково твердое субъективное мнение автора этой книги. И в данном случае существовала отличная от нуля вероятность реализации описанной выше альтернативы. Для этого Рюти и Маннергейм должны были «всего лишь»:

- получить разведывательным путем максимально достоверную информацию о том, что Красная Армия готовит проведение крупнейшей наступательной операции на юго-западе (в южной Польше, Словакии и Румынии), а на финской границе на лето 1941 г. планируется лишь «активная оборона»;

- составить точный прогноз развития боевых действий будущей германо-советской войны; не просто предположить, а прийти к твердой уверенности в том, что война эта будет затяжной, многолетней и изнурительной, что немцы дойдут до Ленинграда и Москвы, но не смогут взять их;

- на основании такой информации и такого прогноза отказаться (на переговорах в конце мая—начале июня 1941 г.) от военного сотрудничества с Германией;

– не реагировать на крупномасштабные провокации, вроде бомбардировок 25–26 июня, в надежде на то, что уже через несколько дней тяжелейшие поражения на западе заставят Сталина оставить Финляндию в покое.

Вот, собственно, и все, что требовалось. Этого сделано не было, и Финляндия пришла к тем трагическим результатам, с которыми она и закончила войну. Следовательно, Рюти, Маннергейм и другие высшие руководители допустили ошибку. Но едва ли найдется хоть один непредвзятый человек, который применит к этой трагической ошибке определение «глупость». Легко ли было не ошибиться? Российские историки по сей день, через 60 с лишним лет после войны, всё продолжают спорить и никак не могут прийти к единому мнению о том, что же собирался делать Сталин летом 1941 года. Многие продолжают яростно отрицать факт подготовки Красной Армии к проведению грандиозной наступательной операции в южной Польше — а ведь исключительно и только подготовка к этой операции отвела от Финляндии дамоклов меч советского вторжения, который висел над ней с лета 1940 г.

Еще труднее было не ошибиться в оценке реальной боеспособности Красной Армии, в её способности

выдержать удар вермахта. Исключительно трудно было не ошибиться в этом вопросе маршалу Маннергейму. Он слишком много знал. Он 30 лет прослужил в русской армии, пройдя в ней долгий путь от ротмистра до генерал-лейтенанта. Маннергейм имел опыт личного участия в двух последних войнах российской империи (японской и Первой мировой), на его глазах произошел и катастрофический развал русской армии в 1917 году. Наконец, именно он вынес на себе тяжелейшую ношу командования финской армией с первого до последнего дня «зимней войны». Можно ли было после этого не прийти к самым пессимистическим оценкам боеспособности Красной Армии? Могли Маннергейм сомневаться в том, что та армия, которая, имея огромное численное и подавляющее техническое превосходство, три месяца топталась на Карельском перешейке, завалив его десятками тысяч трупов красноармейцев, будет немедленно разбита в пух и прах при первом же столкновении с лучшей армией мира, каковой летом 41-го по праву мог считаться германский вермахт?

Маннергейм ошибся, но в этом отношении он был далеко не одинок. Начальник генерального штаба вермахта Ф. Гальдер записал 3 июля 1941 г. в своем дневнике: *«Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней»*. Ни Маннергейм, ни Гальдер, ни десятки других политиков и генералов (в том числе — и в странах антигитлеровской коалиции) не смогли понять и поверить в то, что советско-германская война, война Сталина и Гитлера, превратится в Великую Отечественную войну советского народа. В этом была их коренная ошибка. Но не будем слишком строги — чего можно требовать от современников стремительно

проносящихся событий, если и по сей день большинство советских (ныне российских) историков не желает понимать и признавать эту, действительно непростую, диалектику перехода от развязанной двумя диктаторами драки за дележ добычи к Великой Освободительной войне, на которую поднялся великий народ.

Возвращаясь в весну 1941 года, мы не можем не признать, что из предположения о неизбежном и скором разгроме Красной Армии вырисовывалась совершенно другая стратегия действий Финляндии. Кому было оставлять территорию Карелии? Немцам? План «Барбаросса», как известно, ставил конечной целью операции *«создание заградительного барьера по общей линии Волга–Архангельск»*. В зону немецкой оккупации при этом должны были войти все территории севера России, населенные карелами, финнами, вепсами. Волею того, после успешной реализации плана «Барбаросса» восточным соседом Финляндии стал бы уже не Советский Союз, а гитлеровский Третий рейх, многократно к тому же усилившийся за счет сырьевых и производственных ресурсов бывшего СССР.

В реальной истории Маннергейм отказался от многократных предложений немецкого командования наступать на соединение с вермахтом от реки Свирь к Тихвину и Волхову и направил главные усилия финской армии на создание оборонительной линии по рубежу Сегозеро–Онежское озеро–р. Свирь–Ладожское озеро. От кого, от какой армии собирался оборониться на этом рубеже Маннергейм? Не от немецкой ли?

При большом желании можно, конечно, найти что-то общее между действиями финского руководства летом 1941 г. и вторжением Красной Армии в Польшу в

сентябре 1939 г. Да, черты сходства налицо: и в том, и в другом случаях главным пропагандистским аргументом стала «защита единокровных братьев, брошенных на произвол судьбы прежними незадачливыми правителями». Однако на этом, скорее формальном, нежели содержательном, моменте все совпадения заканчиваются, и открывается огромная, принципиальная разница в целях и результатах действий Сталина и Маннергейма.

В сентябре 1939 г. Сталин мог спасти Польшу, но предпочел погубить. Маннергейм и его доблестная армия в силу огромной разницы в размерах не могли летом 41-го радикально изменить ход боевых действий и спасти Красную Армию от разгрома. В сентябре 1939 г. Сталин оккупировал половину (52%) территории Польши, на которой перед войной проживало более трети всего населения. Осенью 1941 г. финская армия заняла территорию, на которой проживало менее одной трети процента населения СССР и отсутствовали сколь-нибудь значимые военно-промышленные предприятия. В сентябре 1939 г. обоюдной целью Сталина и Гитлера была ликвидация польской государственности (о чем было прямо и отчетливо заявлено в совместных документах, которые публиковались на первой полосе газеты «Правда»), и сокрушительный удар Красной Армии в значительной степени способствовал достижению этой преступной цели. Финляндия же освобождала аннексированные у нее территории и пыталась спасти от сталинского террора своих соплеменников, и не её вина в том, что добиться этого можно было лишь военным путем...

После Сталинграда и Курска Сталин уже не пошел бы ни на какие уступки финнам. С этого момента (с лета

1943 г.) Финляндии лишь оставалось ждать неминуемой расплаты за ее соучастие в войне Гитлера. Задним числом можно предположить, что где-то году в 42-м был момент, когда финское руководство могло выйти из войны, решительно порвав с Германией и согласившись на значительные территориальные уступки Сталину. Может быть, в 1942 году такое соглашение с Москвой было еще возможно. В любом случае, заключение мира с Финляндией, что автоматически означало «мирный прорыв» блокады Ленинграда, отвечало и ближайшим, и долгосрочным интересам советского и финского народов. То, что такое соглашение не было достигнуто, лежит тяжким грузом на совести политических лидеров двух стран. Предпринимались ли попытки достижения такого соглашения — об этом автору этой книги ничего не известно.

Подводя итоги всему вышесказанному, приходится согласиться с тем, что и руководители Финляндии не смогли найти такой выход из бесконечно сложной и непредсказуемой ситуации 1940–1941 годов, который защитил бы интересы и честь их страны. И все же на весах истории трагические ошибки, допущенные в борьбе за спасение финского народа и его государственности, должны иметь иной вес, нежели агрессивная глупость Сталина и его приспешников.

ИСТОЧНИКИ

1. Газета «Известия», 24 февраля 1939 г.
2. Газета «Известия». 4 мая 1939 г.
3. Газета «Известия», 11 марта 1939 г.
4. Газета «Известия», 1 ноября 1939 г.
5. Там же.
6. Случ С.З. «Советско-германские отношения в сентябре–декабре 1939 г и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну», Журн. «Отечественная история». 2000 г., №6.
7. Ибатуллин Т.Г. «Война и плен». СПб., 1999. С. 64.
8. ВИЖ (Военно-исторический журнал). 1988. № 10
9. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и конфликтах. Статистическое исследование/ Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 72, 79, 92, 99, 101, 112–119, 121-122, 165, 167-168, 201, 232, 250, 353, 368, 371.
10. СССР–Германия, 1939–1941. Документы и материалы (перевод сб.: Nazi-Soviet Relations. Department of State. 1948) Т. 1. Вильнюс. Изд-во «Мокслас», 1989 С. 93.
11. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М : Издательство социально-экономической литературы. 1960. С. 229–230.
12. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933—1945. М.: Изографус, 2002 С. 716.

13. Петров П.В. Степанов В.Н. «Советско-финляндская война. 1939-1940 гг.» В 2 т. СПб.: Полигон, 2003.

14. Килин Ю.М. Карелия в политике Советского государства 1920–1941. Петрозаводск. Издательство Петрозаводского госуниверситета, 1999.

15. Кутузов В.А. А.А. Жданов и Союзная контрольная комиссия в Финляндии/Сб. статей «От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939-1944 гг.»/Под ред. В.Н. Барышникова, Т.Н. Гордецкой и др. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. С. 406.

16. Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940. Документы рассекреченных архивов/Под ред. В.А. Золотарева, СПб.: Полигон, 2000.

17. По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944. Документы и материалы/Сост. А.В. Климова и В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1995

18. Принимай нас, Суоми-красавица. Документы и фотоматериалы/Сост. Е.А. Валашов//Альманах «Цитадель». СПб., 1999.

19. Документы внешней политики. Т. 22, 23. М.: Историко-документальный департамент МИД России, 1995.

20. Зимняя война, 1939–1940. Кн. 2. И.В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М. Наука, 1998.

21. Советско-финляндская война. 1939–1940 гг. Боевые действия на море. Отчет комиссии ВМФ СССР, 1942 г. СПб. Остров, 2002

22. Маннергейм К.Г. Мемуары, М. Вагриус. 2003. С. 25, 306, 349–350, 356, 357–358, 359, 363, 370, 374, 376, 468.

23. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939–1940 М.: Центрполиграф. 2003. С. 103.

24. Паасикиви Ю.К. Дневники. СПб.: Европейский Дом, 2004.

25. Юссила О., Хентила С. и Невакиви Ю. «Политическая история Финляндии»/Пер. с фин. М.: «Весь мир», 1998. С. 181, 235.

26. Йокиппи Мауно. Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг./Пер. с фин. Петрозаводск. Карелия, 1999.

27. Сеппеля Х. «Финляндия как оккупант»//Журн. «Север», 1995 №№ 4, 5, 6.

28. Пиэтоаа Э. «Военнопленные в Финляндии. 1941–1944»/Пер. с фин.//Журнал «Север». 1990, № 12.

29. Барышников Н.Н., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во Второй мировой войне Л.: Лениздат, 1989.

30. Зимняя война. 1939–1940. Кн. 1. Политическая история/Под ред. О.А. Ржешевского, О. Вехвиляйнен. М. Наука, 1998.

31. Балашов Е.А, Степанов, В.Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. СПб.: Нордмедиздат, 2001.

32. Вихавайнен Т. Сталин и финны/Пер. с фин.//Журн «Нева». СПб.: 2000.

33. Аптекарь П.А. Советско-финские войны. М. Яуза-ЭКМО, 2004.
34. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина, М.: «Вече», 2000.
35. «От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.», сб. стат. под. ред. В.Н. Варышникова, Т.Н. Гордецкой и др. СПб.: Изд-во. С.-Петербургского университета, 2006 г. С. 16, 218, 301, 308, 396.
36. Газета «Известия», 27 июня 1941 г.
37. Документ опубликован на сайте www.heninen.net.
38. Барышников В.Н. «СССР и Финляндия в 1920–1930-е годы: к проблеме начала „зимней войны“». В сборнике, см.: п. 35.
39. Варышников Н.Н. «Блокада Ленинграда и Финляндия.» 1941–1944. НИИУ «Институт Йохана Векмана», СПб.–Хельсинки, 2002.
40. Газета «Известия». 30 ноября 1941 г.
41. Веригон С.Г. «Советская Карелия в „зимней войне“. 1939–1940 гг.». В сборнике, п 35. С. 135, 136, 138.
42. В колее конфликта. Вступление Финляндии в советско-германскую войну. 1941–1945 гг.//Исторический альманах «Лабиринт времен» (www.hist.ru).
43. Барышников Н.Н. «Блокада Ленинграда в концепциях финских историков». Материалы 5-й ежегодной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (23–25 апреля 2003 г.), СПб., 2004 г.

44. Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003.

45 Churchill Stacv. Ita-Karjalan kohtalo (Судьба Восточной Карелии)/ Пер. с фин. Е. Сергеева, размещено на интернет-сайте www.depvladimir.narod.ru.

46. Барышников В.Н. «Советско-финляндские отношения в 1940–1941 гг. и вступление Финляндии во Вторую мировую войну». В сборнике: п. 35. С. 218, 221.

47. Солонин М.С. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М.: Яуза-ЭКМО, 2005.

48. М.С. Солонин. На мирно спящих аэродромах. М.: Яуза-ЭКМО, 2006. С. 77, 80, 188, 316, 399.

49. Газета «Северный курьер» (Петрозаводск), 2002, № 56 (186), 13 мая.

50. Исаев А.В. От Дубно до Ростова. М., «АСТ–Транзиткнига», 2004. С. 321, 325.

51. Типпельскирх К. «История Второй мировой войны», М., Воениздат, 1956. С. 48.

52. Зефилов М.В. Асы Второй мировой войны. Союзники Люфтваффе: Эстония, Латвия. Финляндия. М.: АСТ, 2003. С. 64, 90, 102, 156, 155-219, 157, 158, 159, 247, 251, 322, 324, 351, 355.

53. Зефилов М.В. Асы Люфтваффе. Бомбардировочная авиация, М.: АСТ, 2000 г.

54 «Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк», Л. Лениздат. 1968.

55. Черчилль У. Вторая мировая война. т. 3. М: ТЕРРА. 1998.

56. Федоров А.Г. Авиация в битве под Москвой. М. Наука, 1971.
57. Петров П.В. Проблема морской блокады Финляндии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. В сборнике п. 35. С. 109. 110, 114, 115, 120.
58. Суворов В. Последняя республика. М. АСТ, 1995.
59. РГВА, Путеводитель по фондам архива 1991, С. 386.
60. Свирин М. «Зачем Сталин уничтожил „линию Сталина“/Журн. „Полигон“, 2002. №3.
61. Хренов А.Ф. Линия Маннергейма. В сборнике „Бои в Финляндии“ М.:изд-во Наркомата обороны. 1941.
- 62 Интернет-сайт „Линия Маннергейма“ (www.manperheim.lipе.com).
63. Воронов Н.И. На службе военной. М. Воениздат, 1963.
64. Степанов А.С. Советская военная авиация в советско-финской войне: итоги применения. В сборнике „Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы конференции“. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004.
65. Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы. М. Центрполиграф. 2005 С. 169-171, 208, 228, 235, 258, 352.
66. Степанов А.С. „Развитие советской авиации накануне Великой Отечественной войны“. СПб.: Нестор, 2006.

67. В.В. Похлебкин. „Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет“. М : „Международные отношения“. 1999.

68. Иоффе-Кемппайнен Э. Маннергейм — маршал и президент//Журн. „Звезда“, 1999. № 10.

69. Вайну Х. Многоликий Маннергейм. „Новая и новейшая история“. 1997. №5

70. СССР–Германия. 1939–1941, Документы и материалы (перевод сборника „Nazi-Soviet Relations“, Department of State, 1948). Т.2. Вильнюс, изд-во „Мокслас“, 1989. С. 29, 33, 55, 111, 113, 115, 156, 157, 162–164, 165, 169, 172.

71. „Особые папки“. Рассекреченные документы партийных органов Карелии. 1930–1956 гг.» /Сост. В.Г. Макуров. А.Т. Филатова. Петрозаводск, 2001. С. 159, 174.

72. Шерстнев В.Д. Трагедия сорок первого. Документы и размышления. Смоленск, Русич, 2005.

73. Газета «Правда», 30 марта 1940 г.

74. «Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», статистический сборник. Т. I, Москва–Тула, изд-во ГАУ, 1977., размещен на интернет-сайте www.soldat.ru. С. 433–434.

75. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 32, л. 67.

76. Соболев Д.А. История самолетов. 1919–1945 гг. М. РОССПЭН. 1997.

77. РГВА, ф. 29, оп. 34, д. 415, л. 96-97.

78. РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 75, л. 211.

79. РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 71, л. 75.

80. «Известия ЦК КПСС», № 3/1990.
81. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. М.: Воениздат, 1987.
82. РГАСПИ ф. 495, оп. 18, д. 1317, л. 203.
83. РГВА, ф.4, оп. 19. д. 70, л. 18-19.
84. Решин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские. Военно-исторический журнал. №№ 10, 11, 12/1993.
85. РГВА, ф. 29, оп. 34, д. 415, л. 99.
86. РГВА, ф. 29, оп. 34, п. 466, лл. 110-112.
87. РГВА, ф. 29, оп. 56. д. 89, лл. 1-19.
88. Groehler O. Geschichte des Luftkrieges. 1910 bis 1980. Berlin, 1985. С. 502.
89. РГВА, ф. 29, оп. 56. д. 92, л. 1-34.
90. РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 547, л. 378.
91. РГВА, ф. 4, оп. 15, л. 26. л. 6.
92. Шумихин В.С. Советская военная авиация 1917–1941 М.: Воениздат, 1986. С. 183.
93. Мерецков К.А. На службе народу. М.: Политиздат, 1988 С. 173, 211-214.
94. РГВА, ф. 33987, оп. 3. д. 1305, л. 282-283, цитируется по сб. статей «Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия» /Под ред. Э. Дурачински, А.Н. Сахарова. М.: Наука. 2001. С. 185.
95. Материалы «круглого стола» российских и финляндских историков. Журн. «Родина», 1995, №12, С 55.

96. РГВА, ф. 29, оп. 34, д. 475, лл. 23-47.
97. РГВА, ф. 25888, оп. 14. д. 2, л. 1–15.
- 98.
99. РГВА, ф. 35080, оп. 1, д. 1. л. 21.
100. Газета «Правда», 5 декабря 1939 г.
101. Газета «Правда», 30 марта 1940 г.
102. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1339, л. 36-37.
103. Nordling Carl O. «Stalin's insistent endeavors at conquering Finland». www.carlonordling.se/ww2.
104. Коминтерн и Финляндия. 1919-1943 гг. Сборник док/Под ред. Н.С. Лебедевой. М.: Наука, 2003. С.308.
105. РГАСПИ, ф. 495. оп. 20, д. 568. л. 5.
106. Платонов А.В. Трагедии Финского залива, М.: ЭКСМО.СПб.. Terra Fantastica, 2005. С. 33, 51–54, 285, 353.
107. Макуров В.Г. Советы Карело-Финской ССР накануне Великой Отечественной войны. Материалы 6-й ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004.) «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», СПб.: 2005/
108. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 1192, л.6.
109. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 1192, л. 31.
110. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 1192, л.72-74.
111. РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 1192, л. 121.
112. Степанов В.И., Балашов Е.А. «В новых районах. Из истории освоения Карельского перешейка. 1940–1950 г.» СПб., Нордмедиздат, 2001.

113. Документы внешней политики. Т. 23, кн. I. М.: Историко-документальный департамент МИД России, 1995. С. 342, 453–454.

114. РГАСПИ, ф. 516. оп. 2, д. 1544, л. 68.

115. РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 1544, л. 72.

116. РГАСПИ, ф. 516. оп. 2, д. 1544, л. 47.

117. РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 1544, л. 55.

118. РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 1544, л. 62.

119. РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 1544, л. 64.

120. Россия — XX век. Документы. 1941 год. Кн. I. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 20, 78, 82, 137, 186, 190, 205, 237-254, 256, 257, 258, 259, 266, 267, 289, 291, 304, 350, 351, 352, 370, 375, 394, 395, 412–413, 417, 419, 450, 422, 423, 807.

121. Россия — XX век. Документы. 1941 год. Книга 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 29-45, 48, 50, 217, 220, 316–322, 350-361, 414, 424, 428, 622-623.

122. РГВА, ф. 29. оп. 34, д. 578. л. 20-22.

123. РГВА, ф. 4, оп. 19. д. 71, л. 238.

124. РГАСПИ, ф. 516, оп. 2. д. 1547, л. 46.

125. РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 1547, л. 58.

126. Газета «Известия», 2 августа 1940 г.

127. РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 1544, л. 9-10.

128. РГАСПИ, ф.17, оп. 162. д. 33, л. 42-51.

129. РГВА, ф. 25888, оп. 3, д. 189, л. 35.

130. РГВА, ф. 25888, оп. 3. д. 189, л. 59.

131. РГВА, ф. 25888, оп. 3, д. 189, л. 1.
132. Широкоград А. Орудийная одиссея, газ. «Независимое военное обозрение», 23 ноября 2001.
133. Аллилуев А.А., Слесарский Н.И. 164 боевых дня. Оборона Ханко, 1941. СПб., издательство Леонов, 2003.
134. Хохлов П.И. Над тремя морями. Л.: Лениздат, 1988.
135. РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 547, л. 250.
136. РГВА, ф. 29, оп. 34, д. 415, л. 92-99.
137. РГАСПИ, ф. 71, оп. 25, д. 12090, л. 1-9, цитируется по: М.И. Мельтюхову (см п 34).
138. РГАСПИ, ф. 71, оп. 25, д. 12089, л. 1-4, цитируется по: М.И. Мельтюхову (см. п. 34).
139. Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. Р-1877, оп. 1, д. 195, лист 1.
140. РГА ВМФ, ф. Р-1877, оп. 1, д. 150, л. 2.
141. РГА ВМФ, ф. Р-62, оп. 2, д. 168, л. 807, цитируется по: А.С. Степанову (см. п.66).
142. РГА ВМФ. ф. Р-62, оп. 2, д. 168. л. 732, цитируется по: А.С. Степанову (см п. 66).
143. РГА ВМФ, ф. Р-62, оп. 2, д. 168, л. 698, цитируется по: А.С. Степанову (см. п.66).
144. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 27, л. 160.
145. Геуст К.Ф. Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г., в сборнике л. 35. С. 228, 229, 230.

146. Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1937–21 июня 1941. Т-13 (2–1). М. ТЕРРА, 1994. С. 13.

147. РГВА, ф. 29, оп. 34, д. 578, д. 9, 12, цитируется по: А.С. Степанову (см. п. 66).

148. Журн. «Вопросы истории» 1989. № 9 С.66.

149. ЦАМО, ф. 22251, оп. 1, д. 3, л. 14.

150. ЦАМО, ф. 22251, оп. 1, д. 3, л. 23.

151. ЦАМО, ф. 22251, оп. 1, д. 3, л. 57.

152. ЦАМО, ф. 22251, оп. 1, д. 3, л. 87.

153. Бобылев П.Н. Репетиция катастрофы. ВИЖ 1993, №№ 7, 8.

154. История ордена Ленина Ленинградского военного округа. Л.: Лениздат, 1968. С. 49.

155. Барышников В.Н., Садомаа Э. «Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну», в сборнике «Крестовый поход на Россию». М. Яуза. 2005.

156. Синицын Е.Т. Резидент свидетельствует, М., Гея, 1996. С.64.

157. Секреты Гитлера на столе у Сталина Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Документы из Центрального архива ФСБ России. М.: 1995.

158. РГАСПИ, ф. 516, оп. 2. д. 1544, л. 127.

159. РГВА, ф. 25888, оп. 3, д. 189, л.59.

160. РГАСПИ, ф. 516. оп. 2, д. 1544, л. 49.

161. Гофман И. Сталинская война на уничтожение. Планирование, осуществление, документы. М.: АСТ-Астрель, 2006.

162. Журн. «Новая и новейшая история». 1992. №6. С. 5–8.

163. Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. М.: Воениздат, 1995.

164. 1941 год — уроки и выводы. Колл. авторов под рук. г-м. В.П. Неласова М.: Воениздат, 1992.

165. Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941-1942 гг. Т. 13 (2-2). М.: ТЕРРА, 1994.

166. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 35, л. 13.

167. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 36, л. 10.

168. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 36, л. 11.

169. ГАРФ, ф. Р-8418, оп. 25, д. 682, л. 19.

170. ГАРФ, ф. Р-8418, оп. 25, д. 683, л. 227.

171. ГАРФ, ф. Р-8418, оп. 25, д. 683, л. 253.

172. ГАРФ, ф. Р-8418, оп. 25, д. 481, л. 32-33.

173. Переписка председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М.: Политиздат. 1989. С. 3.

174. «Военно-исторический журнал», 1996, № 6.

175. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 7, л. 2.

176. ЦАМО, ф. 3000, оп. 1, д. 1, л. 44.

177. Танкисты в сражении за Ленинград. Сборник статей, сост. Б.А Гинзбург. Л.: Лениздат, 1987.
178. Текст «Путеводителя по Финляндии» предоставлен автору Евгением Балашовым.
179. Радзиевский А.И. Танковый удар. М.: Воениздат. 1977.
180. Желтов И., Павлов И., Павлов М. Танки «БТ»/Журн. «Армада» 1989, №9; 1999, №15.
181. На Халхин-Голе: Воспоминания ленинградцев — участников боев с японскими милитаристами. Сост. Н.М. Румянцев. Л.: Лениздат, 1989.
182. Манштейн Э. Утерянные победы. М.: «АСТ», СПб. «Terra Fantastica», 1999. С. 189.
183. ЦАМО, ф. 3000, оп. 1, д. 1, л. 51.
184. Jentz T. Panzer Truppen, Shiffer Military History. Atglen, PA; p. 206.
185. ЦАМО, ф. 3000, оп. 1, д. 1. л. 16-17.
186. Баранов В.И. Броня и люди, в сборнике «Танкисты в сражении за Ленинград», см. п. 177.
187. Голушко И.М. Танки оживали вновь. М.: Воениздат, 1977.
188. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 1, 7, 27.
189. Тиркельтауб С.В. Моя вторая война. Рукопись книги предоставлена ее автором.
190. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 52, л. 41.
191. ЦАМО, ф. 3019, оп. 1, д. 7-А, л. 1.
192. Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М.: Голос, 2000, С. 52, 53.

193. Военно-исторический журнал, 1989, № 5.

194. Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л.: Наука, 1968, С. 32, 35, 41–42, 61, 73.

195. Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. М.: Воениздат, 1985. С. 12

196. ЦАМО, ф. 217, оп, 1221, д. 6, л. 2.

197. ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 1, л.3.

198. ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 30, л. 1.

199. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, л. 183, л. 1-3.

200. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 2, л. 4. 201. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 2, л. 6.

202. Интернет-сайт «Мехкорпуса РККА» (mechkorps.rkka.ru) со ссылкой на ЦАМО, ф. 38, оп. 11373, д. 67.

203. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 60, л. 2.

204. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 17, л. 1.

205. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 17, л. 4.

206. ЦАМО, ф. 1400, оп, 1, д.27, л. 2.

207. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д.27, л. 8.

208. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д.17, л. 11.

209. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 17, л. 29.

210. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 27, л. 55-56.

211. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 1, л. 15-20.

212. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 1, л. 26.

213. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 22, л. 8.

214. ВИЖ №4/1989.

215. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны (СВД) № 33, С. 33.

216. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 60, л. 7.

217. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 6, л. 3.

218. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 60, л. 8.

219. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 60, л. 9.

220. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 7, л. 2.

221. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 17, л. 10.

222. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 19, л. 11.

223. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 60, л. 5.

224. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном театре с 22.06 41–31 12.41 гг./Под ред. контр-адмирала М.М. Долинина. 1944. Редактор издания 1999. А.В.Платонов, цитируется по интернет-сайту www.eismeerfront.com

225. Русский архив. Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ. М.:ТЕРРА Т. 21(10). 1994.

226. Марданов А. Защищая русский Север. Интернет-сайт www.airwar.ru.

227. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 6, л. 3.

228. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 22, л. 3. 229. СБД №35. С 11.

230. ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 42, л. 2.

231. ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 42, л.6.

232. РГА ВМФ, ф. Р-92, оп. 2, д. 668, л. 4, 26, цитируется по: П.В. Петров. «Оперативное планирование на Краснознаменном Балтфлоте в 1940». Материалы 5-й ежегодной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». СПб.: 2004.

233. РГА ВМФ. ф. 1877, оп. , д. 98, л. 1, цитируется по: С.В. Тиркельтаубу, К.Ф. Геуст. Зимняя война над Балтикой.

234. Там же. л. 9.

235. РГА ВМФ, ф. Р-92, оп. 2, д. 669, л. 15, цитируется по С.В. Тиркельтауб. «Аланды в войнах трех столетий», рукопись предоставлена автором.

236. Там же, оп. 2с, д. 670, л. 3.

237. ЦАМО, ф. 48а, оп. 3408, д. 3, л. 279-280, цитируется по: Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. М.: ТЕРРА, 1996, Т. 16.

238. Пантелеев Ю.А. Морской фронт. М.: Воениздат, 1965.

239 Price Alfred. Luftwaffe Data Book, 1997.

240. Balke U. Der Luftkrieg im Europa. Kublenz, 1989.

241. Супрун М.Н., Ларинцев Р.И. Пятый флот Люфтваффе в небе Заполярья. Взгляд из России/Альманах «Северные конвои». 2000, Вып. 3. Интернет-сайт www.arcticwar.pomorsu.ru.

242. Морозов М. «Поражение летом 1941 года было закономерным». В сборнике «Великая Отечественная катастрофа» М. Яуза-ЭКМО. 2007.

243. Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М.: Воениздат, 1968.

244. Новиков А.А. В небе Ленинграда. М.: Наука, 1970, С. 46, 47, 67, 69.

245. Использована подборка материалов «22 июня 1941. ВМФ вступает в бой» с интернет-сайта А. Розина.

246. Египко Н.П. Мои меридианы. СПб., 2000.

247. Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука. 1980, стр. 279.

248. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л.19.

249. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 17, л. 5.

250. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 19, л. 6.

251. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 1-3.

252. ЦАМО, ф. 20102, оп. 1, д. 2, л. 1.

253. ЦАМО, ф. 20102, оп. 1, д. 3, л. 1.

254. Иноземцев И.Г. Под крылом Ленинград. М.: Воениздат, 1978.

255. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 6.

256. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 109, л. 1-2.

257. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 14.

258. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 181, л. 16.

259. ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 30, л. 6.

260. ЦАМО, ф. 20102, оп. 1, д. 2, л. 3–10.

261. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 29, л. 3-14.

262. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, л. 183, л. 19.

263. Центральный архив ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 1047, лл. 403-419. Цитируется по: ВИЖ № 8/2006. С. 36.

264. «Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне 1941 г». Сб. док. М.: Наука. 1976. С. 446.

265. ЦАМО, ф.20104, оп. 1. д. 1, л. 1.

266. Гипеенок Н.И. Дороги победы. Боевой путь 81-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка Щелково: МУП «Редакция журнала „Щелково“». 2002.

267. ЦАМО, ф. 20104, оп. 1, д.3, л. 12–13.

268. ЦАМО, ф. 20013, оп. 1, д. 11, л. 16, 18, 20.

269. Главный штаб Военно-воздушных сил, «Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г. в цифрах», Коллектив авторов под рук. В.Г. Никифорова, 1962. Рассекречено в 1992 г. Цитируется по: интернет-сайту www.ilpilot.parod.ru.

270. Иванов П.Н. Крылья над морем. М.: Воениздат, 1973.

271. Морозов М. Вошедшие в бессмертие. Битва в небе над Двинском/Журн. «Авиамастер», 2002, №2.

272. ЦАМО, ф. 35, оп. 28737, д. 1, лл. 7, 33, 116, 292, 294, Цитируется по: сборнику документов см.: п. 269.

273. Джексон Р. Красные соколы.

274. Шпанов Н.И. Первый удар.

275. Любарский С.И. «Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании». М.: Воениздат, 1939.

276. Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М.: ТЕРРА, 1993 г.

277. Лаврентьев Н.М., Демидов Р.С., Кучеренко Л.А., Храмов Ю.В. Авиация ВМФ в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1983.

278. ЦАМО, ф. 217, оп, 1221, д. 183, л. 21.

279. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 27.

280. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 26.

281. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 31.

282. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 34.

283. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 27.

284. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 33.

285. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 36.

286. ЦАМО, ф. 20194, оп. 1, д. 1, л.3.

287. ЦАМО, ф. 20104, оп. 1, д. 2, л. 3.

288. ЦАМО, ф. 20104, оп. 1, д. 3, л. 3.

289. ЦАМО, ф. 20104, оп. 1, д. 3, лл. 1–5.

290. ЦАМО, ф. 20013, оп. 1, д. 7, л. 6.

291. ЦАМО, ф. 20013, оп. 1, д. 11, лл. 16–20.

292. ЦАМО, ф. 20104. оп. 1, д. 3, л.6.

293. ЦАМО, ф. 20104, оп. 1, д. 3, л.8.

294. ЦАМО, ф. 20104, оп. 1, д. 1, лл. 4-5.

295. ЦАМО, ф. 20104, оп. 1, д. 3, л. 11.

296. ЦАМО, ф. 20104, оп. 1, д. 3, лл. 13, 14.

297. ЦАМО, ф. 20013, оп. 1, д. 7, л. 12.
298. Junnila Olavi, Rasimus Timo. «History of the Hyvinkaa Airfield» Finnish Virtual Pilots Association. 2002.
299. Марданов А. Точность прежде всего/Журнал «История Авиации», 2002, №6.
300. ЦАМО, ф. 20005, оп. 1, д. 1, л. 5.
301. ЦАМО, ф. 20005, оп. 1, д. 1, л. 8.
302. ЦАМО, ф. 20005, оп. 1, д. 1, л. 11.
303. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 17, л. 15.
304. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 2, л. 67.
305. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 6-А, л. 2.
306. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 22, л. 3.
307. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 52, л. 22.
308. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 52, л. 40.
309. ЦАМО, ф. 20005, оп. 1, д. 1, л. 4.
310. ЦАМО, ф. 20005, оп. 1, д. 1, л. 11.
311. Stenman K, Keskinen K. Finnish Air Force 1941. Porvoo, 2007.
312. Хомяков И. История 24-й танковой дивизии РККА СПб.: BODlib, 2006.
313. ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 42, л. 99.
314. Кишкурно Я.А. Карельский перешеек. Неизвестная война 1941 г. СПб.: ИПК «Нива», 2007 С. 29, 32, 35.
315. Сенчик С.П. «Пограничные войска НКВД в боях на Карельском перешейке в июне сентябре 1941 г.» Интернет-сайт www.pvnkvd-narod.ru.

316. Савельев В. «На северных подступах к Ленинграду». Интернет-сайт www.rkka.ru.

317. ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 42, л. 7.

318. «Журнал боевых действий 21-й танковой дивизии». ЦАМО, ф. 3019, оп. 1, д. 7-А.

319. ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 42. лл. 6,7.

320. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 11, л. 112.

321. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 11, л. 115.

322. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 29, л. 34.

323. ЦАМО, ф. 3019, оп. 1, д. 2, л. 98.

324. ЦАМО, ф. 3019, оп. 1, д. 2. л. 96.

325. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 29, л. 41.

326. «Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», статистический сборник, Т. 1. Москва–Тула, изд-во ГАУ, 1977, размещен на интернет-сайте www.soldat.ru. С. 167, 253.

327. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 29, л. 35.

328. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 29, л. 42.

329. ЦАМО, ф. 1458, оп. 1, л. 5/7115, л. 5.

330. ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 42, лл. 8–12.

331. Гальдер Ф. Военный дневник Т. 3. М.: «Воениздат», 1971.

332. Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004 С. 134, 207.

333. «Сборник боевых документов Великой Отечественной войны» (СБД) №34 С. 111, 120, 133, 142, 153.

334. ЦАМО, ф. 20013, оп. 1, л. 7, л. 22.
335. ЦАМО, ф. 20013, оп. 1, д. 11, л. 71.
336. ЦАМО, ф. 20104, оп. 1, д. 3, л. 25, 27.
337. ЦАМО, ф.20013, оп. 1, д. 6, лл. 23-24.
338. Русский Архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы, 1941 год. М.: ТЕРРА, 1996, Т. 16. С. 48.
339. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 7, л. 3.
340. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 19, л. 22.
341. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 17, л. 46.
342. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 7, л. 3.
343. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 19, л. 25.
344. ЦАМО, ф. 1400, оп. 1, д. 19, л. 45.
345. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 7, л. 5.
346. Петров Б.Н. Как был оставлен Псков. ВИЖ, 1993, № 6.
347. ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 42, л. 3.
348. ЦАМО, ф. 3019, оп. 1, д. 2, л. 6.
349. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 29, л. 13.
350. ЦАМО, ф. 3444, оп. 1, д. 1, л. 52.
351. ЦАМО, ф. 3019, оп. 1, д. 2, л. 51.
352. Широкоград А.Б. Северные войны России М.: АСТ, Минск, Харвест, 2001.
353. ЦАМО, ф. 377, оп. 10877, д. 42, лл. 99-100.

354. Олейников Г.А. Приграничные сражения против финских войск 7-й и 23-й армий. С. 240–262 Сборник. См п. 35.

355. ЦАМО, ф. 3000, оп. 1, д. 1, л. 42.

356. ЦАМО, ф. 3000, оп. 1, д. 1. л. 27.

357. ЦАМО, ф. 3000, оп. 1, д. 1, лл. 12–13.

358. ЦАМО, ф. 1458, оп. 1, д. 5/7115, л. 5.

359. ЦАМО, ф. 1458, оп. 1, д. 61, л. 19.

360. ЦАМО, ф. 249, оп. 33408, д. 1, л. 30, цитируется по: Н.Н. Барышникову. Наступление финских войск на Карельском перешейке в августе–сентябре 1941 г. С. 264–274. Сборник. См. п. 35.

361. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 7, л. 2.

362. ЦАМО, ф. 3422, оп. 1, д. 1, л. 26.

363. Иринчеев Б. «Отказы переходить старую границу», размещено на интернет-сайте www.kaur.ru

364. Комаров А. Капитуляция ради престижа/Журн. «Родина», 1995, №12, С. 121.

365. ЦАМО, ф. 375, оп. 6675, д. 76, л. 22–23.

366. Кишкурно Я.А., Зубкин А.Ю. Танковые войска Финляндии 1919-1945 гг. СПб., 2001.

367. Барышников И.И. Военно-политическая обстановка после взятия советскими войсками Выборга. Сборник. См. п. 35. С. 381.

368. Лиддел Гарт Б.Г. Вторая Мировая война. М.: АСТ, СПб., Terra Fantastica, 1999. С. 592-593.

469. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: 1992 С. 145–146, цитируется по сборнику. См. п. 35, С. 396.

370. ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 3887, л. 244.

371. ЦАМО, ф. 375, оп. 6675, д. 88, л. 19.

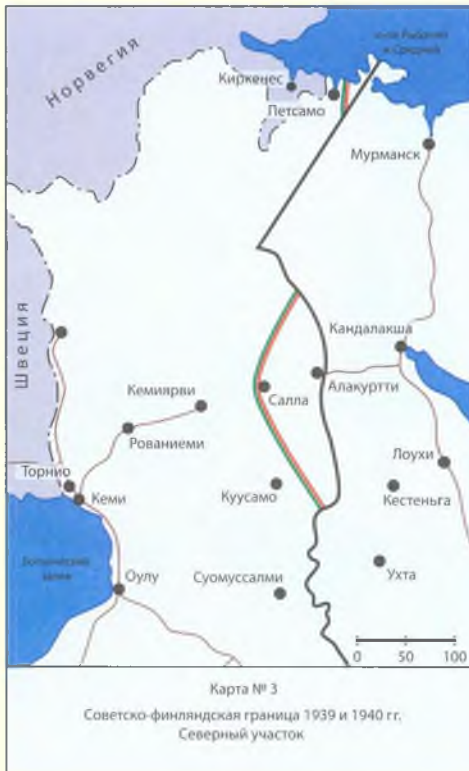
372. ЦАМО, ф. 375, оп. 6675, д. 88, л. 33.

373. ЦАМО, ф. 375, оп. 6675, д. 77, л. 8–12.

374. История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12т./Под ред. А.А. Гречко. М.: Воениздат, 1974, Том 9. С. 34.

КАРТЫ











Карта № 6
Дислокация войск Северного фронта.
Южный участок



Карта № 7
Дислокация войск Северного фронта.
Северный участок



Карта № 8
 Маршруты движения
 4-й танковой группы вермахта,
 1-го и 10-го мехкорпусов РККА
 22 – 26 июня 1941 г.



Карта № 9
 Аэродромы в Заполярье



Карта № 10

Схема базирования финской бомбардировочной и советской истребительной авиации



Карта № 11

Схема базирования советской бомбардировочной и финской истребительной авиации

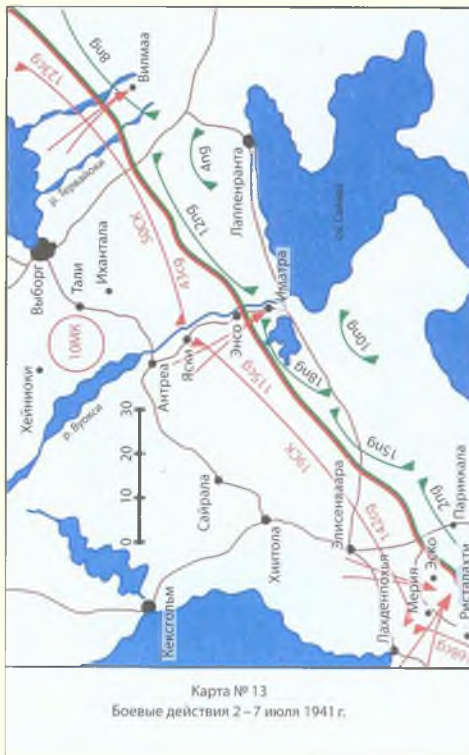


Карта № 11

Схема базирования советской бомбардировочной и финской истребительной авиации



Карта № 12
Бомбардировка Финляндии 25 - 26 июня 1941 г.





Карта № 15

Наступление финской армии на Карельском перешейке

- граница 1940 г.
- граница 1939 г.
- - - линия фронта на 1 сентября 1941 г.